

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ЕЖЕГОДНИК
РУКОПИСНОГО ОТДЕЛА
ПУШКИНСКОГО ДОМА

НА 2000 ГОД

ДБ

С.-ПЕТЕРБУРГ

2004

Редакционная коллегия:

Т. Г. Иванова, А. В. Лавров, Н. Н. Скатов, Т. С. Царькова

Ответственный редактор *Т. Г. Иванова*

Рецензенты: *В. В. Головин, Н. А. Хохлова*

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
согласно проекту № 03-04-16093д*

ISBN 5-86007-433-6

© Институт русской литературы
(Пушкинский Дом), 2004
© «Дмитрий Буланин», 2004

lib.pushkinskiydom.ru

СТАТЬИ

Т. В. Шабалина

ИЗВЕСТНЫЙ И НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОГРАФ И. С. БАХА

История рукописей подчас гораздо интереснее, чем история их творца. Автограф, о котором пойдет сейчас речь, — еще одно подтверждение этой известной сентенции...

Судьба великого немецкого композитора Иоганна Себастьяна Баха в географическом отношении не богата была внешними событиями. По свидетельствам современников, странствовать по свету он не любил и, в отличие от Генделя, а также других своих соотечественников, никогда не покидал пределы родной Германии. Как писал впоследствии его сын Карл Филипп Эмануэль, «вообще же, он не был слишком удачлив, ибо не делал того, что для этого необходимо, а именно — не колесил по свету».¹ Судьба же баховских автографов, оказавшихся ныне в самых разных уголках земного шара, история их открытий, исчезновений, переходов из рук одних коллекционеров к другим, а затем в различные библиотеки и архивы за последние два с половиной столетия полна самых удивительных неожиданностей. Не раз уже обнаруживались автографы, считавшиеся безвозвратно утерянными; нередко манускрипты, хранившиеся в архивах, долгие годы оставались без должного внимания специалистов, пока, наконец, не начинали изучаться и издаваться. В каких только странах не находили пропавшие без вести рукописи великого композитора! Поистине, «их поиски могли бы послужить сюжетом для детективного романа».²

Так, в 1984 г. в библиотеке Йельского университета (США) неожиданно была обнаружена коллекция рукописей, содержащая никому до этого не известные органичные хоралы Баха. Названная в настоящее время по имени ее прежнего обладателя Ноймайстеровской, она содержит 77 хоральных прелюдий: 37 сочинений И. С. Баха (большая часть которых до этого была совершенно неизвестна!) и

¹ Документы жизни и деятельности Иоганна Себастьяна Баха / Сост. Х.-Й. Шульце; Пер. с нем. и коммент. В. Ерохина. М., 1980. С. 243 (письмо К. Ф. Э. Баха И. Н. Форкелю из Гамбурга в Гёттинген 13 января 1775 г.).

² Друкши М. С. Иоганн Себастьян Бах. М., 1982. С. 137.

40 композиций Иоганна Михаэля Баха, Иоганна Кристофа Баха, Ф. В. Цахау, И. Пахельбеля, Г. А. Зорге и Д. Эриха. Открытие это оказалось чрезвычайно важным для изучения эволюции творческого стиля композитора, поскольку большинство сочинений И. С. Баха из Ноймайстеровской коллекции предположительно восходит ко времени его наиболее ранних композиторских опытов.³ В 1970-е годы в Национальной библиотеке Парижа была обнаружена копия оригинального издания Гольдберг-вариаций с собственноручными исправлениями Баха и записью прежде неизвестной группы из 14 канонов на первые восемь басовых нот арии, положенной в основу этих вариаций. Исполнительские партии кантаты BWV 23,⁴ найденные в 1977 г., помогли, наконец, решить вопрос, с какой кантатой Бах выступил на пробном испытании в Лейпциге 7 февраля 1723 г. (долгое время считалось, что это была кантата BWV 22, вновь же найденные партии 23-й кантаты показали, что в тот же день вместе с кантатой BWV 22 должна была исполняться и кантата BWV 23).⁵

Иногда разрезанные на части листы баховских рукописей обнаруживаются в самых разных, удаленных друг от друга местах. Так, в Российской национальной библиотеке Петербурга хранится фрагмент ранней версии Реформационной кантаты BWV 80b «Ein feste Burg». Однако листок этот когда-то в качестве сувениров разрезан был на три части, и все три части находятся сегодня в разных странах: верхняя полоска в Музее Адама Мицкевича в Париже, средняя часть — в Петербурге, а нижняя — в Америке (в частной коллекции Вильяма Шайде в Принстоне).⁶ Исследование этих фрагментов позволило установить, что знаменитой версии Реформационной кантаты предшествовала еще одна, написанная гораздо ранее, в первые годы службы композитора в Лейпциге и содержавшая в высшей степени необычное начало в виде четырехголосной гармонизации хорала с сопровождением континуо.

³ *Wolff Chr.* Bach: Essays on His Life and Music. Cambridge; London, 1991. P. 107—127; *Wolff Chr.* Bach: The Learned Musician. Oxford, 2000. P. 48—50.

⁴ Здесь и далее номера баховских сочинений даются согласно общепринятой нумерации по указателю В. Шмидера (см.: *Schmieder W.* Thematisch-systematisches Verzeichnis der musikalischen Werke von Johann Sebastian Bach. 2. überarbeitete und erweiterte Ausgabe. Wiesbaden, 1990. В сокращении — BWV).

⁵ Исследование найденных рукописей показало, что первоначальная трехчастная версия кантаты BWV 23 была дополнена финальным хоралом, транспонирована в другую тональность и исполнена на канторатских пробах необыкновенно большим составом (см. *Dirr A.* Johann Sebastian Bach: Die Kantaten. 8. Auflage. Kassel; Basel etc., 2000. S. 280; *Wolff Chr.* Bach: Essays... P. 128—135).

⁶ См.: *Wolff Chr.* Bach: Essays... P. 152—157; *Bach Compendium. Analytisch-bibliographisches Repertorium der Werke Johann Sebastian Bachs / Hrsrg. von H.-J. Schulze und Chr. Wolff.* Leipzig; Dresden, 1987. Bd 1. Vokalwerke, Teil 2. S. 776; *Fedorowskaja L. A.* Ein Bach-Autograph als Geschenk einer polnischen Pianistin // *Bach-Jahrbuch.* Leipzig, 1989. S. 55—63; *Протопопов В. В.* Нотные автографы И. С. Баха в СССР // *Русская книга о Бахе: Сб. статей / Под ред. Т. Н. Ливановой и В. В. Протопопова.* 2-е изд. М., 1986. С. 169—174; *Федоровская Л. А.* Автограф Баха — дар польской пианистки // *Памятники культуры. Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник. 1997 / Сост. Т. Б. Князевская.* М., 1999. С. 211—217.

Как это ни удивительно, но до сих пор «появляются на свет» всё новые и новые рукописи с произведениями И. С. Баха, о существовании которых либо не было до недавнего времени никому известно, либо известно было очень ограниченному количеству лиц. И каждый раз находки эти расширяют наши представления о стилистическом многообразии наследия великого мастера, об эволюции его творчества, об истории создания отдельных сочинений.

Так произошло и на сей раз. Один из описанных ниже автографов, который содержал две аттестационных записи — А. Б. Маркса и А. Фукса — и являлся украшением коллекции Зинаиды Ивановны Юсуповой, впервые стал предметом специального изучения и удостоился первой факсимильной публикации лишь в настоящей статье. Изучение же рукописи и сопоставление ее текста со всеми другими известными на сегодня источниками сочинения дает возможность многое понять в истории работы Баха над этим произведением, в последовательности создания его различных версий.

Из истории манускрипта, который является главным сюжетом настоящего рассказа, известно, что в 1919 г. комиссией по сохранению культурных ценностей, созданной по одному из первых декретов Советской власти, из коллекции Юсуповых в Пушкинский Дом были переданы рукописи четырех великих западноевропейских композиторов: И. С. Баха, Й. Гайдна, В. А. Моцарта и Ф. Шуберта.

Коллекция, значащаяся в настоящее время как коллекция княгини Зинаиды Ивановны Юсуповой (1809—1893), включает в себя автографы русских и иностранных писателей, поэтов, музыкантов, исторических лиц, общественных деятелей. Среди них — рукописи Гоголя, Пушкина, Жуковского, Лермонтова, Вяземского, Майкова, Державина, письма Шатобриана, Шиллера, Гюго, Беранже, Мери-мэ, Ламартина, письмо Бетховена к неизвестному лицу, нотная запись Мейербера, письмо Вебера и т. д. Хорошо известны высокая культура и огромный интерес не одного поколения князей Юсуповых к искусству, их вклад в собирание и сохранение величайших культурных шедевров.⁷ Картинная галерея Юсуповского дворца на Мойке, насчитывавшая к началу XX столетия более 1200 живописных полотен и включавшая работы Рембрандта, Поттера, Буше, Фрагонара, Грёза, Тьеполо и других известных западноевропейских художников, обширная нотная библиотека, коллекция музыкальных инструментов, среди которых скрипки знаменитых мастеров Амати и Страдивари, уникальные собрания скульптуры, бронзы, драгоценных камней, гобеленов — далеко не полный перечень того, что составляло славу и достояние Юсуповых и что является по сей день ценнейшей частью художественных коллекций России.

Кратко представим нотные автографы Гайдна, Моцарта и Шуберта из собрания З. И. Юсуповой.

⁷ См.: Юсуповский дворец. Дворянские особняки: История рода, усадьбы и коллекции / Под общ. ред. Г. М. Свешниковой. СПб., 1999. С. 5—6, 362—396; Из семейной переписки Юсуповых // Река времен: Книга истории и культуры. Кн. 2: Гражданское общество и Частная жизнь. М., 1995. С. 96—100; *Белжакеева-Казанская Л. В.* Спелуэты музыкального Петербурга: Путеводитель по музыкальным театрам, концертным залам прошлого и настоящего. СПб., 2001. С. 97—113.

Небольшой листок горизонтального формата, исписанный с обеих сторон почерком знаменитого австрийского композитора Франца Йозефа Гайдна (1732—1809), содержит текст двух канонов из цикла «Die heiligen zehn Gebote» («Десять священных заповедей») Ноб. XXVIIa Nr. 1—10 (1791—1795).⁸ Этот цикл из десяти канонов — одно из самых замечательных произведений Гайдна, созданных в связи с его последним пребыванием в Лондоне. Согласно имеющимся сведениям, каноны были написаны для саксонского министра в Лондоне графа Ханса Моритца фон Брюля.⁹ Основной автограф всего цикла находится сейчас в Обществе друзей музыки в Вене (Gesellschaft der Musikfreunde). В автографе, хранящемся в Пушкинском Доме под шифром № 97896, содержится запись двух из этих канонов. На лицевой стороне листа — автограф седьмого канона на слова «Du sollst nicht stehlen» («Не укради» — ил. 1). Существует старая легенда о том, что мелодию для этого канона Гайдн «украл» у другого автора. Однако не исключено, что это — шутка, которую разыграл сам композитор. Во всяком случае автора этой мелодии, несмотря на долгие поиски ученых, до сих пор найти пока не удастся.¹⁰

На оборотной стороне того же листа — композиционный набросок и самостоятельная авторская версия пятого канона на слова «Du sollst nicht töten» («Не убий» — ил. 2). Данная версия канона, которая записана в партитуре на нижней нотной системе, сразу же вслед за зачеркнутым наброском, столь сильно отличается от окончательной редакции, содержащейся в Венском автографе, что ее можно считать самостоятельным и чрезвычайно оригинальным произведением Гайдна.¹¹ Отказался композитор от этой версии, не включив ее в окончательный вариант цикла, или оставил как отдельное, самостоятельное произведение, не вполне ясно. Как явствует из сегодняшнего состояния манускрипта, лист этот когда-то был разорван пополам (даже в факсимильном воспроизведении отчетливо видна линия разрыва, см. ил. 1, 2), но к настоящему времени разорванные части склеены воедино. В каталоге А. ван Хобокена, лишь в третьем томе, в разделе «Addenda und Corrigenda» упоминаются данные версии канонов и их сегодняшнее местонахождение.¹²

⁸ Дается номер и дата создания цикла по указателю сочинений Й. Гайдна, составленному Антонию ван Хобокеном: Joseph Haydn. Thematisch-bibliographisches Werkverzeichnis zusammengestellt von Anthony van Hoboken. Mainz, 1971. Bd 2. S. 302—308.

⁹ См.: Landon H. C. R. Haydn: Chronicle and Works. Vol. 3. Haydn in England: 1791—1795. London, 1976. P. 357—360.

¹⁰ Landon H. C. R. Haydn: Chronicle and Works... P. 360. Правда, напрашивается сравнение начальных тактов канона с темой фуги до-диез минор из первого тома «Хорошо темперированного клавира» И. С. Баха. Быть может, у Баха Гайдн и «украл» мелодию для своего канона?

¹¹ Мелодический и гармонический язык данной версии канона обладает особой новизной и смелостью. Немецкий музыковед Георг Федер, впервые исследовавший текст этой версии, проводит параллель отдельных ее гармонических приемов с гораздо более поздними находками композиторов-романтиков и даже со знаменитым «Тристан-аккордом» Рихарда Вагнера (см.: Feder G. Ein Kanon-Autograph von J. Haydn in Leningrad // Haydn-Studien. München, 1976—1980. № 4. S. 52—55).

¹² См.: Joseph Haydn. Thematisch-bibliographisches Werkverzeichnis... Bd 3: Register. Addenda und Corrigenda. Mainz, 1978. S. 376. Первое факсимильное воспроизведение

Canon a cinque voci (1792)

Andante

Du sollst nicht stehlen. Du sollst nicht stehlen. Du sollst nicht stehlen.
 Du sollst nicht stehlen. Du sollst nicht stehlen. Du sollst nicht stehlen.
 Du sollst nicht stehlen. Du sollst nicht stehlen. Du sollst nicht stehlen.
 Du sollst nicht stehlen. Du sollst nicht stehlen. Du sollst nicht stehlen.
 Du sollst nicht stehlen. Du sollst nicht stehlen. Du sollst nicht stehlen.

Ил. 1. Ф. Й. Гайдн. Автограф канона «Du sollst nicht stehlen» (1 л. л.)

Handwritten musical score for a canon by F. Haydn. The score is written on ten staves. The first staff begins with a treble clef, a key signature of one flat (B-flat), and a common time signature (C). The music is written in a single system. The lyrics are written below the notes. The score is marked with 'SP' at the beginning and 'Da Capo' at the end. The handwriting is in dark ink on aged paper.

SP

Die Welt ist schön
die Welt ist schön

Da Capo

Ил. 2. Ф. Й. Гайдн. Автограф канона «Du sollst nicht töten» (1 л. об.)

Еще один лист коллекции, о которой идет речь, содержит автограф другого великого австрийского композитора Вольфганга Амадея Моцарта (1756—1791). Это запись клавирного упражнения (Klavier-Übungsstück) К. 626b/48¹³ (ил. 3). Известно, что в XIX в. рукопись находилась в собрании венского музыковеда и коллекционера автографов Алоиза Фукса (1799—1853)¹⁴ и хранится в настоящее время в Пушкинском Доме под шифром № 9789а вместе с небольшим листком бумаги, содержащим аттестационную запись Фукса: «Diese 3 Blätter sind vollkommen ächt v. Mozart / und äußerst interessant». Скорее всего, запись эта была сделана не только к данному автографу, но и к каким-то двум другим листам рукописей Моцарта, так как находящийся в Пушкинском Доме манускрипт представляет собой всего лишь один лист горизонтального формата. На лицевой его стороне записано тридцать тактов пьесы, на оборотной — десять. Любопытно, что автограф содержит на редкость подробные аппликатурные обозначения (буквально над каждой нотой в партиях правой и левой рук пунктуальнейшим образом проставлены указания аппликатуры). Предположительно пьеса была написана в 1780-е годы и предназначалась кому-то из моцартовских учеников.¹⁵

Следующий лист — и тоже горизонтального формата — автограф еще одного гениального австрийского композитора, Франца Шуберта (1797—1828). На нем запечатлены заключительные такты первоначальной редакции восьми вариаций на французскую песнь для фортепиано в 4 руки op. 10 (по указателю Отто Эриха Дойча № 624¹⁶). Первая авторская рукопись вариаций с заглавием «Variationen über ein französisches Lied» (начало датировано сентябрем 1818 г.) содержит 259 тактов. К настоящему времени автограф этой первоначальной редакции оказался разрозненным, и отдельные его листы находятся в частных коллекциях Парижа, Нью-Йорка, в библиотеке Рочестерского университета, в библиотеке Парижской консерватории и других архивах. Лист, содержащий заключительный фрагмент последней, восьмой вариации с записью тактов 230—259 (ил. 4), вместе с другими автографами из коллекции З. И. Юсуповой

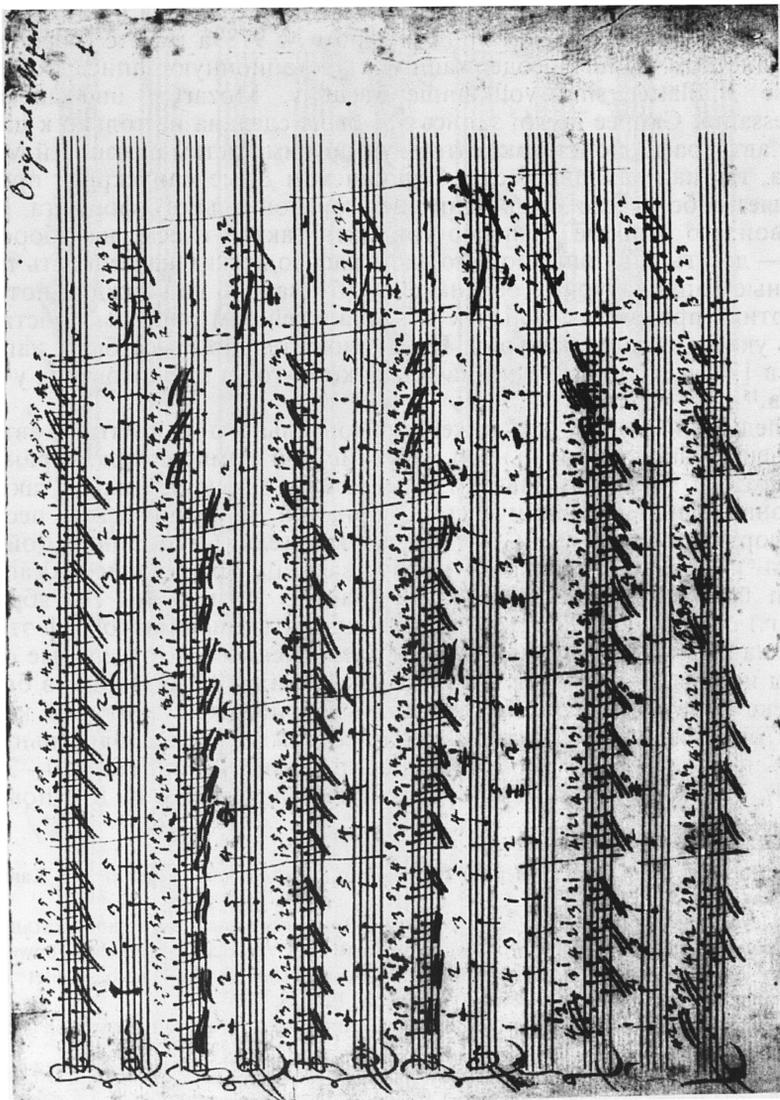
этого автографа было осуществлено в статье Георга Федера (см.: *Feder G. Ein Kanon-Autograph...*).

¹³ Приведенный здесь номер этого сочинения появился в восьмом издании каталога моцартовских сочинений (см.: *Chronologisch-thematisches Verzeichnis sämtlicher Tonwerke Wolfgang Amadé Mozarts / Hrsg. von L. R. von Köchel; 8. Auflage bearbeitet von Fr. Giegling, A. Weinmann, G. Sievers. Wiesbaden, 1983. S. 742—743*).

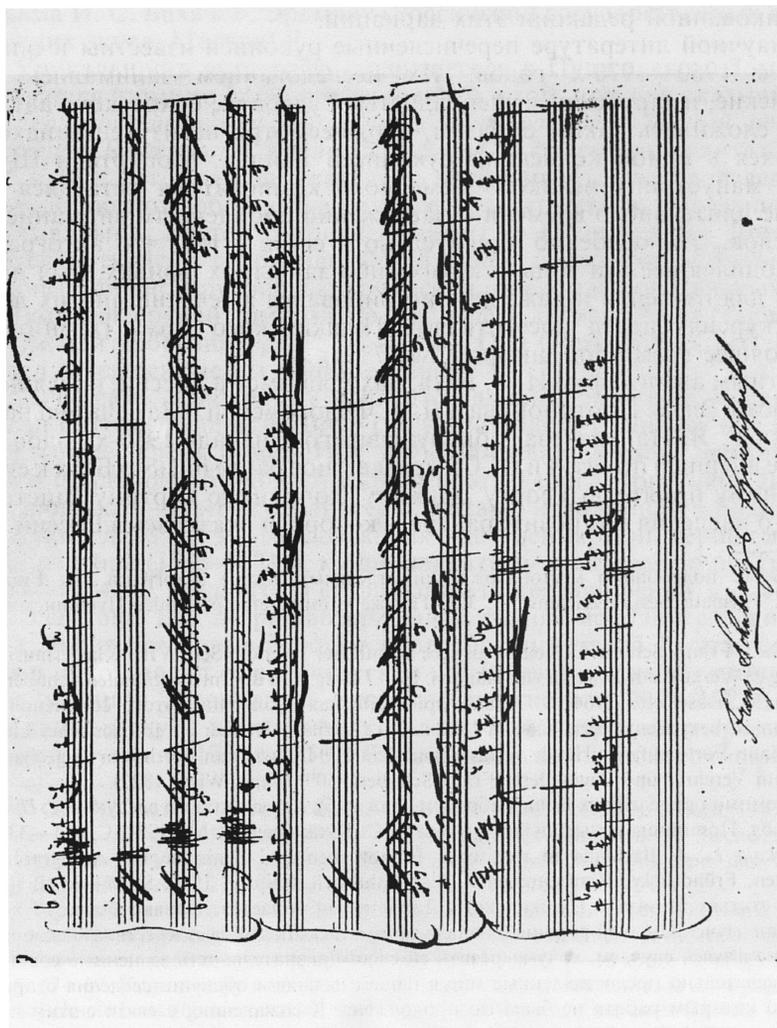
¹⁴ См.: *Schaal R. Quellen und Forschungen zur Wiener Musiksammlung von Aloys Fuchs. Wien, 1966. S. 120*.

¹⁵ Первую факсимильную публикацию автографа и его исследование см. в статье австрийского музыковеда Эриха Шенка: *Schenk E. Ein unbekanntes Klavier-Übungsstück Mozarts // Mitteilungen der Kommission für Musikforschung. Graz; Wien; Köln, 1962. N 14. S. 97—106*.

¹⁶ См.: *Franz Schubert. Thematisches Verzeichnis seiner Werke in chronologischer Folge / Von Otto Erich Deutsch. Neuausgabe in deutscher Sprache bearbeitet und herausgegeben von der Editionsleitung der Neuen Schubert-Ausgabe und Werner Aderhold. Kassel; Basel etc., 1978. S. 361—362*.

Ил. 3. В. А. Моцарт. Автограф клавирного упражнения К. 626b/48 (1 л. л.)

Ил. 4. Ф. Шуберт. Фрагмент автографа вариаций для фортепиано в 4 руки ор. 10 (1 л. л.)

хранится в Пушкинском Доме (шифр № 9789г).¹⁷ Окончательная версия произведения, опубликованная в полном собрании сочинений Шуберта, расширена и состоит из 275 тактов.¹⁸ Такты 239—259, содержащиеся в автографе Пушкинского Дома, представляют собой, по всей вероятности, еще не окончательно отшлифованный Шубертом текст и существенно отличаются от заключительного раздела опубликованной редакции этих вариаций.

В научной литературе перечисленные рукописи известны и описаны с 1960—1970-х годов. Их исследованием занимались и российские, и зарубежные специалисты. Судьба же баховского автографа сложилась таким образом, что, несмотря на изучение находившихся в одной коллекции рукописей Гайдна, Моцарта и Шуберта, манускрипт великого немецкого композитора оставался в течение длительного времени незаслуженно обойденным вниманием баховедов. Это особенно удивительно в связи с тем, что автограф не находился все эти годы в каких-либо закрытых фондах, был доступен для изучения и даже демонстрировался в течение многих лет на экскурсиях перед посетителями Пушкинского Дома (хранится в настоящее время под шифром № 9789в).

Нотным автографам И. С. Баха, находящимся в России, посвящены работы Вл. В. Протопопова и Л. А. Федоровской.¹⁹ Замечательная находка Г. Я. Панттиелева, обнаружившего в начале 1980-х годов в Архиве внешней политики СССР неизвестное ранее письмо Баха к его школьному другу Георгу Эрдману, дополнило картину эпистолярного наследия композитора, часть которого оказалась в России.²⁰

¹⁷ Более подробно о местонахождении отдельных листов автографа см.: Franz Schubert. Thematisches Verzeichnis... S. 362. Там же упоминается рукопись Пушкинского Дома.

¹⁸ См.: Franz Schubert. Neue Ausgabe sämtlicher Werke. Ser. VII: Klaviermusik. Abteilung I: Werke für Klavier zu vier Händen. Bd 1 / Hrsg. von der Internationalen Schubert-Gesellschaft. Kassel etc., 1964 ff. Первая, прижизненная публикация этого сочинения с посвящением Бетховену, состоялась в 1822 г. (см.: Variations über ein französisches Lied für das Piano-Forte auf vier Hände verfasst, und dem H^m Ludwig van Beethoven Zugeeignet von seinem Verehrer und Bewunderer Franz Schubert. 10tes Werk. Wien, 1822).

¹⁹ Помимо приведенных выше работ (см. список 6), назовем также следующие: *Протопопов Вл.* Принципы музыкальной формы И. С. Баха: Очерки. М., 1981. С. 331—334; *Fedorowskaja L. A.* Bachiana in russischen Bibliotheken und Sammlungen: Autographe, Abschriften. Frühdrucke, Bearbeitungen // *Bach-Jahrbuch*. Leipzig, 1990. S. 27—35. В названных статьях автограф Пушкинского Дома не упоминается. Однако более 10 лет тому назад изучением этой рукописи начала заниматься Людмила Алексеевна Федоровская, и, пользуясь случаем, хочу выразить ей свою признательность за ценные советы и доброжелательно предоставленные мне в нашем недавнем общении сведения о причинах, по которым работа не была ею продолжена. К сожалению, в связи с этим исследование автографа опять на долгие годы задержалось.

²⁰ См.: *Панттиелев Г. Я.* Двести пятьдесят лет спустя // Советская музыка. 1983. № 3. С. 74—76; *Панттиелев Г. Я.* Письма И. С. Баха в архивах СССР // Русская книга о Бахе: Сб. статей / Под ред. Т. Н. Ливановой и В. В. Протопопова. 2-е изд. М., 1986. С. 176—182. Письмо датировано 28 июля 1726 г. и является, по всей вероятности, первым письменным обращением Баха к его давнему школьному другу: они вместе переезжали из Ордруфа в Люнебург в 1700 г. и как мальчики-певчие учились в Люнебургской гимназии при церкви Св. Михаила. Позже Эрдман стал российским резидентом в Данциге.

Поисками первоисточников баховских сочинений, находящихся в русских архивах, занимались ученые из Германии, Англии и других стран.²¹ Однако до недавнего времени автографами Баха в России считались лишь упомянутый выше фрагмент ранней версии Реформационной кантаты BWV 80b, небольшой фрагмент кантаты BWV 188 (Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург)²² и два письма И. С. Баха к Г. Эрдману (Российский государственный архив древних актов, Москва).²³

Уникальность автографа, хранящегося в Пушкинском Доме, заключается, помимо всего прочего, еще и в том, что, как оказывается, это *единственный известный на сегодняшний день полный потный автограф Баха у нас в стране*. В отличие от фрагментов кантат BWV 80b и 188, которые содержат лишь отдельные такты произведений и представляют собой узкие полоски нотного текста, вырезанные из оригинальных листов рукописей, автограф Пушкинского Дома является прекрасно сохранившейся в своем первоначальном виде и формате, полной рукописью сочинения, после заключительных тактов которого рукой композитора оставлена запись «Fine» (таким образом или аббревиатурой SDG — Soli Deo Gloria — Бах всегда отменял завершенные им произведения).

Сочинение, к которому относится данный автограф, — кантата «Mein Herz schwimmt im Blut» (по указателю В. Шмидера она имеет в настоящее время номер BWV 199). Написана на слова дармштадтского придворного библиотекаря и поэта Георга Кристиана Лемса. В основе их — притча о фарисее и мытаре, изложенная в Евангелие от Луки, гл. 18, ст. 9—14. Созданная еще в веймарский период жизни композитора (1708—1717), к одиннадцатому воскресенью по Троице 1713—1714 гг., эта кантата стала одним из тех сочинений, к которым впоследствии Бах не раз возвращался. Меняя исполнительский состав, вводя все новые и новые переработки деталей текста, композитор использовал ее впоследствии и в Кётене, служа капельмейстером у князя Леопольда Ангальт-Кётенского (1717—1723), и в Лейпциге, будучи кантором школы св. Фомы и руководителем церковной музыки (1723—1750). Сохранившиеся первоисточники, как

²¹ См.: Whittaker W. G. A lost Bach Magnificat // Music & Letters. Oxford, 1940. N 21. P. 312—318; Hobolin W. Neue «Texte zur Leipziger Kirchen-Musik» // Bach-Jahrbuch. Leipzig, 1973. S. 5—32; Glöckner A. Die Leipziger Neukirchenmusik und das «Kleine Magnificat» BWV Anh. 21 // Bach-Jahrbuch. Leipzig, 1982. S. 97—102 и т. д.

²² Данный фрагмент также представляет собой небольшой отрезок нотного текста, находившийся в верхней части листа. Содержит 7 тактов арии альты «Unerforschlich ist die Weise»: на лицевой стороне фрагмента находятся такты 9—12 арии, на оборотной — такты 67—69. К автографу подклеен листок с аттестационной записью А. Фукса: «Der Unterzeichnete bestätigt hiermit, daß das vorliegende / Fragment aus einer Cantate von Joh. Seb. Bach — zuvor / lässig von dessen eigener Handschrift ist. / Wien am 3 Februar 1853 / Aloys Fuchs[,] / Mitglied des D[eu]t[schen] Hofkriegsrates».

²³ Помимо упомянутого выше письма, найденного Пангтелевым, в Российском государственном архиве древних актов в Москве (ф. 367) находится другое, более позднее письмо Баха к Эрдману, датированное 28 октября 1730 г. Оно было обнаружено в 1862 г. в архиве Эрдмана Оскаром фон Риземаном и впервые опубликовано Филиппом Шпиттой (см.: Spitta Ph. J. S. Bach. Leipzig, 1873. Bd 1. S. X, 187, 520; Leipzig, 1880. Bd 2. S. 82—84).

будет показано ниже, дают основания считать, что кантата имела несколько различных версий.

Из истории рукописей известно следующее.

После смерти И. С. Баха оригинальная партитура и исполнительские партии сочинения перешли по наследству его второму сыну Карлу Филиппу Эмануэлю (1714—1788). В каталоге наследия К. Ф. Э. Баха эта кантата значится на с. 71: «Discant-Cantate: Mein Herze schwimmt in Blut etc. Mit 1 Hoboe. Eigenhändige Partitur, und auch in Stimmen». Дальнейшими владельцами рукописей стали гамбургский музикадиректор Кристиан Фридрих Готлиб Швенке (1767—1822) и, предположительно, коллекционер Георг Пёльхау (1773—1836). В каталоге распродажи коллекции Швенке в 1824 г. на с. 15 под заголовком «Original-Handschriften» значатся исполнительские партии кантаты: «232 Bach, J. S., Kirchenstück: Mein Herz schwimmt etc. St[immen]». Не позднее того же 1824 г. оригинальная партитура должна была попасть в Копенгаген, поскольку этой датой отмечена копия, изготовленная копенгагенским советником юстиции Петером Грэнландом (1761—1825), который имел связи с Георгом Пёльхау.²⁴ Исполнительские же партии после распродажи коллекции Швенке, по-видимому, оказались у разных владельцев. Большая часть их со временем перешла в Королевскую (ныне Государственную) библиотеку Берлина: в каталоге библиотеки исполнительские партии этого сочинения значатся как «Alter Bestand» («старый фонд», или «старые запасы»). Одна из исполнительских партий — партия виолы да гамба — оказалась в коллекции австрийской графини Марии Вимпфен, урожд. баронессы фон Эскелес (1801—1862), а в 1898 г. по завещанию ее сына, графа Виктора Вимпфена была передана в Общество друзей музыки в Вене (Gesellschaft der Musikfreunde).²⁵ Наконец, еще одна партия (первой скрипки) была приобретена для коллекции Зинаиды Ивановны Юсуповой, а 23 сентября 1919 г. вместе с другими автографами через Отдел охраны, учета и регистрации памятников старины и искусства перешла в Пушкинский Дом.²⁶

Судя по аттестационным записям на автографе партии виолы да гамба, находящемся в Вене, и автографе партии первой скрипки, хранящемся в Пушкинском Доме, история этих рукописей на определенном этапе была сходной. В один и тот же день, 5 ноября 1847 г., подлинность их была засвидетельствована профессором и музыкальным директором берлинского университета Адольфом Бернардом Марксом (1795—1866). На свободном месте листа обеих рукописей сохранились почти дословно совпадающие записи в почерке А. Б. Маркса. На одном (партии виолы да гамба) значится: «Daß vorstehendes Manuscript nach meiner Kenntniß der / Handschrift von Sebastian Bach selbst geschrieben, bezeuge / ich mit Ueberzeugung.

²⁴ См.: Johann Sebastian Bach. Neue Ausgabe sämtlicher Werke: Ser. I. Bd 20. Kantaten zum 11. und 12. Sonntag nach Trinitatis / Hrsg. vom Johann-Sebastian-Bach-Institut Göttingen und vom Bach-Archiv Leipzig. Kritischer Bericht von K. Hofmann (BWV 199, 179, 69a, 137, 35) und E. May (BWV 113). Kassel; Leipzig, 1985. S. 13—25.

²⁵ См.: Ibid. S. 25.

²⁶ Так значится в регистрационной карточке коллекции З. И. Юсуповой, хранящейся в Пушкинском Доме под № 347.

Berlin 5 November 1847. / Dr. A. B. Marx / Professor u. Musikdirektor a. d. Universität». На другом (партии первой скрипки) записано: «Daß vorstehendes Manuscript von Seb. Bach eigner / Hand geschrieben, bezeuge ich nach meiner Kennt- / niß der Handschrift des Meisters. / Berlin den 5 November 1847. / Dr. A. B. Marx. / Prof. d[.] Universität / Musikdirektor». Позже, на свободном месте листа последнего автографа, сразу же за записью А. Б. Маркса, появилась аттестационное свидетельство другого крупного специалиста того времени, венского коллекционера автографов Алоиза Фукса: «Der hier bemerkten Bestätigung der vollkommenen Aechtheit / der Original=Handschrift des großen Joh. Sebastian Bach / kann nach vollster Uiberzeugung beipflichten / Aloys Fuchs. / Wien am 22. Dezbr 1847. / Mitglied der k. k. Hofkapelle».

Что произошло с этими автографами далее, как из кабинета берлинского профессора один из них оказался в Австрии, в коллекции графини Марии Вимпфен, а другой, получив спустя полтора месяца еще и аттестационную запись Алоиза Фукса, попал в Россию, в коллекцию княгини Зинаиды Ивановны Юсуповой, остается пока тайной. Можно лишь предположить, что кто-то из обладателей обоих автографов решил в ноябре 1847 г. обратиться к А. Б. Марксу в Берлине как к эксперту по баховским рукописям, с тем чтобы удостовериться в их подлинности. Возможно, что уже вскоре после этого рукописи разошлись по разным владельцам, и спустя немногим более полутора месяцев обладатели автографа партии первой скрипки, несмотря на аттестационную запись Маркса, решили представить манускрипт на экспертизу еще одному специалисту, Алоизу Фукусу в Вене. К сожалению, не сохранилось никаких более точных сведений и о том, как остальные рукописи этого же сочинения оказались в Королевской библиотеке Копенгагена и Королевской библиотеке Берлина. Известно лишь, что «разлетелись» по разным владельцам и архивам эти манускрипты уже давно.

Таким образом, из первоисточников кантаты «Mein Herze schwimmt im Blut» на сегодняшний день известны следующие:

- автограф партитуры (хранится в Королевской библиотеке Копенгагена под шифром С I, 615);
- автограф партитурного наброска заключительной части (записан на обороте одной из исполнительских партий и находится в Государственной библиотеке Берлина под шифром Mus. ms. Bach P 1162);
- восемнадцать оригинальных исполнительских партий, частично в почерке И. С. Баха, частично в почерках различных копиистов (хранятся в Государственной библиотеке Берлина под шифром Mus. ms. Bach St 459);
- партия виолы да гамба (находится в Архиве Общества друзей музыки в Вене под шифром А 88);
- партия первой скрипки (хранится в Пушкинском Доме под шифром № 9789в).

Ни одна из перечисленных рукописей не датирована самим композитором. Однако разница в баховском почерке отдельных партий и оригинальной партитуры, почерки копиистов, работавших у него в разные годы, а также различия в сортах использованной бумаги

и ее водяных знаках свидетельствуют, что сохранившиеся рукописи относятся к разным годам жизни композитора. Помимо этого, различия в тексте отдельных партий, запись отдельных из них в тональности до минор, а других на тон выше — в тональности ре минор — говорят о том, что кантата имела несколько различных версий.²⁷

Кратко опишем существующие к настоящему времени представления современных ученых относительно истории создания кантаты «Mein Herze schwimmt im Blut».

В Баховском Компендиуме,²⁸ одном из самых авторитетных научных изданий, посвященных кантатам И. С. Баха, соотношение сохранившихся источников и, соответственно, соотношение известных до настоящего времени версий кантаты представлено следующим образом.

А 120а.²⁹ Две веймарские версии в тональности до минор. К первой версии относятся оригинальная партитура (Копенгаген) и часть исполнительских партий (Берлин, St 459): гобоя (записана копиистом Anonymus Weimar 2³⁰); первой скрипки (Anonymus Weimar 2); дубликата первой скрипки (Anonymus Weimar 3); второй скрипки (Anonymus Weimar 2); виолы (Anonymus Weimar 2); контрабасовой виолы (Anonymus Weimar 2); фагота (Anonymus Weimar 2); а также партия облигатной виолы к части шестой (Берлин, P 1162). О повторном исполнении этой кантаты в веймарские годы, по мнению авторов Компендиума, свидетельствует комбинированная партия виолончели и гобоя, записанная самим И. С. Бахом (Берлин, St 459).

А 120b. Две кётенские версии. Указывается тональность ре минор. Из сохранившихся партий к первой кётенской версии, по мнению авторов Компендиума, относятся две партии континуо, одна из которых в автографе Баха, другая — в почерке неизвестного копииста кётенских лет (Берлин, St 459). Существуют, кроме того, партия скрипки к части восьмой в автографе Баха (Берлин, St 459); партия виолы к части восьмой в автографе Баха (Берлин, St 459); партия виолы да гамба к частям с шестой по восьмую, также в автографе

²⁷ Относительно нотации партий в различных тональностях необходимо иметь в виду старинную практику так называемого «хорового» строя (Chorton) и «камерного» (Kammerton). «Хоровой» строй, в котором было настроено большинство органов баховского времени, был выше «камерного» на целый тон, иногда даже на малую терцию. И в разные периоды своей жизни Бах по-разному решал эту сложную задачу наложения «хорового» строя на «камерный»: так, к примеру, в Веймаре он нотировал партии струнных инструментов в «хоровом» строе, а в Лейпциге — в «камерном», но при этом партию органа транспонировал на тон вниз, дабы ее звучание соответствовало камерному строю других инструментов и голосов. В веймарских же партитурах нотированная в «хоровом» строе тональность до минор соответствовала реальному звучанию «камерного» строя в тональности ре минор.

²⁸ См.: Bach Compendium. Analytisch-bibliographisches Repertorium der Werke Johann Sebastian Bachs / Von H.-J. Schulze und Chr. Wolff. Leipzig, 1987. Bd 1. Teil 2. S. 519—521.

²⁹ В данном случае мы даем нумерацию баховских сочинений и их версий, принятую в Баховском Компендиуме.

³⁰ Так принято в современной баховской литературе называть копиистов, имена которых не установлены. Далее подобные наименования даются в круглых скобках без пояснений.

Баха (Вена, А 88). О дальнейшем исполнении этой версии, как считают авторы Компендиума, свидетельствует фрагмент автографа партитуры к части восьмой (Берлин, Р 1162).

А 120с. Две лейпцигские версии в тональности ре минор. К первой относятся исполнительские партии (Берлин, St 459): первой скрипки (в почерке ученика Баха Кристиана Готлоба Майсснера); дубликата первой скрипки (в почерке копииста Anonymus Ig); второй скрипки (в почерке Майсснера); дубликата второй скрипки (в почерке копииста Anonymus Ik); виолы (также в почерке Майсснера). Партия виолончели пикколо (Берлин, St 459), записанная неизвестным копиистом, по мнению авторов Компендиума, относится к следующей, второй лейпцигской версии.

Таким образом, в Баховском Компендиуме представлено *шесть* различных версий кантаты «Mein Herze schwimmt im Blut».

В новом полном собрании сочинений И. С. Баха (Neue Bach-Ausgabe: Johann Sebastian Bach, Neue Ausgabe sämtlicher Werke / Hrsg. vom Johann-Sebastian-Bach-Institut Göttingen und vom Bach-Archiv Leipzig), работа над изданием которого началась еще в 1954 г. и продолжается в настоящее время, основная группировка источников кантаты BWV 199 в целом соответствует тому, как это представлено в Компендиуме. Однако есть и различия.

Клаус Хофман (редактор издания кантаты в соответствующем томе Neue Bach-Ausgabe³¹) выделяет оригинальную партитуру (А), партитурный фрагмент части восьмой (В) и три группы исполнительских партий (С). При этом, по его мнению, имеющиеся источники свидетельствуют о *четырёх* версиях кантаты: двух веймарских, кётенской и лейпцигской. В нотном томе данного издания соответственно опубликованы: целиком первая веймарская версия (в основном тексте), часть шестая из второй веймарской версии (в приложении I), части с шестой по восьмую из кётенской версии (в приложении II) и целиком лейпцигская версия (в основном тексте). В отличие от авторов Компендиума Хофман полагает, что об исполнении кантаты в кётенское время свидетельствуют фрагмент партитуры восьмой части, а также партии скрипки, виолы к этой же части (Берлин, St 459) и партия виолы да гамба к частям с шестой по восьмую (Вена, А 88). Были ли изготовлены партии континуо для того же либо уже для другого исполнения, по мнению ученого, не ясно. Кроме того, лейпцигская версия представлена как единственная.

Изучением истории создания различных версий BWV 199 занимались Вернер Вольфгейм, Альфред Дюрр, Георг фон Дадельзен и другие ученые.³²

³¹ См.: Johann Sebastian Bach. Neue Ausgabe sämtlicher Werke... Ser. I. Bd 20. Kritischer Bericht. S. 13—57.

³² См.: *Wolffheim W.* «Mein Herze schwimmt in Blut». Eine ungedruckte Solo-Kantate Joh. Seb. Bachs // *Bach-Jahrbuch*. Leipzig, 1911. S. 1—22; *Dürr A.* Zur Chronologie der Leipziger Vokalwerke J. S. Bachs. Kassel, 1976. S. 60; *Dürr A.* Studien über die frühen Kantaten Johann Sebastian Bachs. Verbesserte und erweiterte Fassung der im Jahr 1951 erschienenen Dissertation. Wiesbaden, 1977. S. 28—30, 65—79; *Dürr A.* Johann Sebastian Bach: Die Kantaten. 8. Auflage. München, Kassel etc., 2000. S. 546—550; *Dadelsen G. von.* Beiträge zur Chronologie der Werke Johann Sebastian Bachs // *Tübinger Bach-Studien*.

Но несмотря на все различие разработанных к настоящему времени гипотез, мнения современных специалистов единодушны в том, что все версии кантаты «Mein Herze schwimmt im Blut» были написаны Бахом с солирующим гобоем. И если относительно первой веймарской и окончательной лейпцигской версий особых расхождений во мнениях исследователей и издателей нет, то кётенская версия представлена в различных исследованиях по-разному и вызывает наибольшее количество вопросов. Почему исполнительские партии, относящиеся к данной версии (и даже партии струнных инструментов), написаны в разных тональностях?³³ Почему в Компендиуме тональностью кётенской версии указывается ре минор, в то время как сохранившийся фрагмент партитуры восьмой части, а также партии скрипки и виолы на бумаге кётенского периода нотированы на тон ниже? Не ясно, была ли изготовлена целиком партитура кётенской версии кантаты, нотированная в до миноре (или Бах набросал только партитуру восьмой части). Была ли записана Бахом партитура новой кётенской версии в тональности ре минор? Каков был ее исполнительский состав? Где и по какому поводу в Кётене она могла исполняться?

С одной стороны, ко всем существовавшим до сих пор вопросам относительно различных версий «Mein Herze schwimmt im Blut», казалось бы, добавляются новые, если принять во внимание автограф партии первой скрипки, находящийся в Пушкинском Доме. Действительно, данная рукопись была исследователям до настоящего времени неизвестна и не могла быть учтена при изучении и классификации источников кантаты. При этом весьма существенно, что текст рассматриваемого манускрипта не соответствует ни одной из описанных выше и опубликованных версий.

Во-первых, как свидетельствует автограф Пушкинского Дома, партия первой скрипки играет ведущую роль на всем протяжении кантаты (за исключением частей пятой и шестой, в которых скрипка не участвует вообще). И даже в арии «Stumme Seufzer» (вторая часть) солирующим инструментом оказывается скрипка, а в арии «Wie freudig ist mein Herz» (восьмая часть) ведущая инструментальная партия опять принадлежит скрипке, хотя во всех опубликованных до настоящего времени версиях в этих ариях партия солирующего (или ведущего) инструмента отдана гобою.

Во-вторых, текст скрипичной партии описываемого автографа содержит ряд разночтений с тем текстом кантаты, который опубликован и известен сегодня.³⁴ Это, прежде всего, различия в указаниях

Trossingen, 1958. Heft 4/5. S. 77, 123; Oxford Composer Companions: J. S. Bach / Ed. by M. Boyd, consultant editor J. Butt. Oxford, 1999. P. 291 и т. д.

³³ Ранее мы уже указывали на сложности старинной практики наложения «хорового» строя на «камерный» (см. сноску 27). Но при этом, как свидетельствуют баховские рукописи, партии струнных, как правило, нотировались в одной тональности и, соответственно, эти инструменты настраивались либо в «хоровом» строе, либо в «камерном».

³⁴ Далее приведены расхождения с текстом лейпцигской версии, опубликованной в Новом Баховском издании (см. сноску 24), с учетом приложения, содержащего части с шестой по восьмую из кётенской версии. Естественно, в ариях «Stumme Seufzer» и «Wie freudig ist mein Herz» партия скрипки из автографа Пушкинского Дома сравнивается с соответствующей партией гобоя, опубликованной в Новом Баховском издании.

темпа (часть вторая, восьмая) и динамики (часть первая, вторая, т. 11). Многочисленны расхождения в указаниях артикуляции (часть вторая — т. 2—7, 9, 10, 12, 14—27, 30, 32, 33, 35—38; часть четвертая — т. 2, 4, 9, 10, 13, 14, 26, 29, 30, 31, 34, 40, 41, 43, 52, 53, 55—57, 70, 72, 75, 79—83, 87, 104, 106, 127, 129; часть восьмая — т. 1—9, 12—18, 20—25). Отметим, кроме того, различия в обозначениях орнамента (часть вторая — т. 15, 22, 25, 28, 38; часть четвертая — т. 1, 9, 12, 20, 37, 66, 78, 90; часть восьмая — т. 5, 17), а также другие варианты, связанные с ритмической и гармонической структурой текста.

С другой же стороны, как нередко происходит в подобных ситуациях, когда обнаруживается неизвестный прежде источник, именно он и помогает многое разрешить.

Предпринятое автором настоящей статьи исследование описываемого автографа, а также всех остальных известных на сегодня источников «*Mein Herze schwimmt im Blut*» (исполнительских партий и фрагмента партитуры в Государственной библиотеке Берлина, автографа партии виолы да гамба в Архиве Венского Общества друзей музыки, фотокопии оригинальной партитуры, находящейся в Баховском Архиве Лейпцига) позволяет сделать вывод, что автограф партии первой скрипки из Пушкинского Дома свидетельствует о *неизвестной до сих пор версии* кантаты BWV 199.

Красивый, крупный и ясный почерк, каким записана партия, содержит все признаки баховского письма начала 1720-х годов (см. ил. 5, 6, 7). Размер, разгон, наклон почерка, типичное начертание нотных знаков, пауз, скрипичного ключа, обозначений тактовых размеров и т. д. свидетельствуют о наиболее вероятном времени написания автографа именно в этот период.

Нотный почерк Баха в разные годы его жизни менялся настолько заметно, что по этим изменениям возможно с достаточной точностью (а в отдельные периоды даже по месяцам) устанавливать время написания того или иного манускрипта.³⁵ С годами менялся размер почерка, как буквенного, так и нотного (при этом в его эволюции была явно выражена тенденция к постепенному укрупнению); от правонаклонного в ранние периоды творчества он перешел к вертикальному письму в средний период, и, наконец, в поздние годы жизни почерк композитора приобрел явно выраженную левонаклонность; легкое, прозрачное письмо ранних периодов постепенно перешло в написание с сильным нажимом на перо (как в горизонтальных, так и в вертикальных движениях). Помимо этого, весьма заметную эволюцию претерпевали и отдельные элементы нотного

³⁵ См. работы Георга фон Дадельзена, Йошитаке Кобаяши и других исследователей, посвященные изучению эволюции почерка И. С. Баха: *Dadelsen G. von. Bemerkungen zur Handschrift Johann Sebastian Bachs, seiner Familie und seines Kreises // Tübinger Bach-Studien. Trossingen, 1957. Heft 1; Dadelsen G. von. Beiträge zur Chronologie der Werke Johann Sebastian Bachs // Tübinger Bach-Studien. Trossingen, 1958. Heft 4/5; Kobayashi Y. Zur Chronologie der Spätwerke Johann Sebastian Bachs: Kompositions- und Aufführungstätigkeit von 1736 bis 1750 // Bach-Jahrbuch. Leipzig, 1988. S. 7—72; Kobayashi Y. Die Notenschrift Johann Sebastian Bachs: Dokumentation ihrer Entwicklung // Johann Sebastian Bach. Neue Ausgabe sämtlicher Werke: Ser. IX. Leipzig, 1989. Bd 2 II т. д.*

Andant. *Violino I.*

piano sempre

Andant.

pian.

fate

pian.

pian.

Andant. fin.

V. Bach

Ил. 5. И. С. Бах. Автограф партии первой скрипки из кантаты «Mein Herze schwimmt im Blut» BWV 199 (1 л. л.)

And.

Ил. 6. И. С. Бах. Автограф партии первой скрипки из кантаты
«Mein Herze schwimmt im Blut» BWV 199 (1 л. об.)

письма: от периода к периоду менялись формы головок половинных и целых ног, местоположение штилей, конфигурация пауз, ключей (в особенности так называемого ключа «до»), ребер, объединяющих восьмые, шестнадцатые и более мелкие длительности и, т. д. Все эти признаки почерка И. С. Баха, как общие, так и частные, дают возможность определять с большей или меньшей степенью точности дату написания рукописи даже в тех случаях, когда отсутствуют какие-либо другие сведения для датировки.

Рассматриваемый нами автограф партии первой скрипки BWV 199 имеет много общего с датированными рукописями композитора, относящимися к 1720—1723 гг. От этого периода до нас дошли чистой каллиграфической автограф Сонат и Партиг для скрипки соло BWV 1001—1006 (Mus. ms. Bach P 967), датированный на титульном листе самим Бахом 1720 г.; рукопись первого тома «Хорошо темперированного клавира» с датой на титульном листе «...Anno 1722» (Mus. ms. Bach P 415); автограф Инвенций и Синфоний от 1723 г. (Mus. ms. Bach P 610); «Клавирная книжка Вильгельма Фридемана Баха», начатая 22 января 1720 г.; «Клавирная книжка Анны Магдалены Бах» с датой на титульном листе «1722» (Mus. ms. Bach P 224); автограф Бранденбургских концертов (Am. V. 78) от 1721 г. и некоторые другие рукописи. Почерк их, действительно, обнаруживает много общего с почерком автографа первой скрипки из кантаты «Mein Herze schwimmt im Blut». Наиболее показательное сравнение этой рукописи с автографом Сонат и Партиг, написанных для того же самого инструмента. Вертикальное письмо, высоковыработанный почерк с характерным для того времени размером и размахом, уверенное и твердое написание всех нотных знаков, их форма и особенности начертания — все свидетельствует о весьма близком по времени написании этих автографов. Георг фон Дадельсен, выделяя характерные черты баховского почерка кётенского периода, отметил, что «уверенность и сила определяют [его] нотную картину».³⁶ Достаточно сравнить с одним из примеров более раннего письма композитора, который воспроизведен на ил. 8, дабы убедиться, сколь сильно изменился почерк Баха за эти годы и как многое указывает на запись автографа партии первой скрипки в начале 1720-х годов.

Правда, в определении датировки данной рукописи по почерку Баха возникает другая сложность, связанная с тем, что автограф партии первой скрипки не содержит ключа «до».³⁷ Дело в том, что для отделения рукописей кётенского периода от манускриптов начала лейпцигского наиболее показательным признаком является написание Бахом именно этого ключа. Установлено, что при переезде композитора из Кётена в Лейпциг в мае 1723 г., когда новые обязанности кантора школы св. Фомы потребовали от него гораздо более высокой творческой продуктивности и сочинения большого количества кантат, старая форма ключа «до», которая требовала больше всего времени для написания, практически сразу

³⁶ Dadelzen G. von. Beiträge zur Chronologie... S. 83.

³⁷ Он мог использоваться как сопрановый, альтовый, теноровый и т. д. В данном случае партия скрипки потирована в скрипичном ключе.

Ил. 8. И. С. Бах. Автограф оригинальной партитуры кантаты «Mein Herze schwimmt im Blut» BWV 199 (1 л. л.: 17131714 гг.; воспроизведено по изданию: Johann Sebastian Bach. Neue Ausgabe sämtlicher Werke: Ser. I. Bd 20. Kantaten zum 11. und 12. Sonntag nach Trinitatis. Kassel; Basel etc., 1986)

же отпала. Переходная форма этого ключа еще кое-где встречается в манускриптах начала лейпцигского периода, но буквально уже в течение первого года она переходит в самую простую, которая воспроизводится одним росчерком пера.³⁸ Остальные элементы нотного письма Баха не претерпели в этот год столь сильных изменений, что по ним можно было бы с безошибочностью определить, изготовлена была рукопись до переезда композитора в Лейпциг или она относится уже к более позднему времени. И вместе с тем, каллиграфический характер рассматриваемого автографа, отсутствие исправлений и других признаков, характеризующих поспешно выполненные композиционные партитуры начала лейпцигского периода, с наибольшей вероятностью свидетельствуют в пользу кётенского происхождения данного манускрипта.

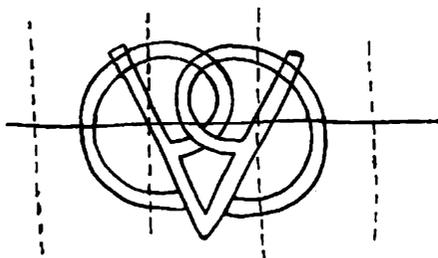
Текст записан на трех страницах большого, сложенного пополам листа бумаги. Водяной знак ясно различим и расположен в центре листа, на сгибе. Это монограмма неизвестного бумажного мастера (см. ил. 9). Данная филигрань, действительно, неоднократно встречается на бумаге баховских автографов. Как указано в каталоге водяных знаков оригинальных рукописей И. С. Баха, она является контрамаркой изображения скачущего единорога (см. ил. 10) и, следовательно, воспроизводилась в правой части листа бумаги, формат которой в первоначальном виде должен был быть вдвое больше формата рассматриваемого автографа.³⁹ Сохранившиеся рукописи свидетельствуют, что Бах использовал для записи своих сочинений не оригинальный формат этой бумаги, а разделенные пополам листы, складывая их при этом, как правило, еще раз.

Так, изображения скачущего единорога встречаются в автографах партии скрипки к части восьмой, континуо, в венском автографе партии виолы да гамба кантаты BWV 199, а также в партиях кантаты BWV 184a Mus. ms. Bach St 24 (сопрано соло, вторая скрипка, контрабасовая виола, виолончель), в то время как соответствующая монограмма содержится в дубликате партии континуо кантаты BWV 199, в партиях флейты траверсо 1, траверсо 2, виолончели из кантаты BWV 184a. Этот же водяной знак находим в копиях исполнительских партий кантаты Франческо Бартоломео Контти «Languet anima mea» (Берлин, Mus. ms. 4081), расписанных различными копинстами при участии Баха;⁴⁰ причем изображение единорога содержится на

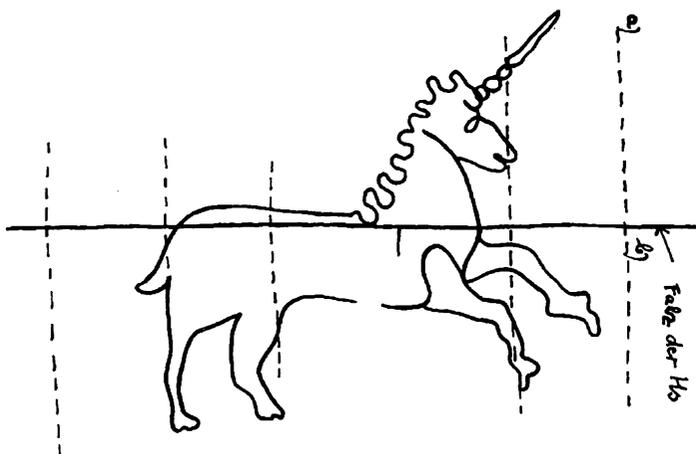
³⁸ См.: *Dadelsen G. von. Beiträge zur Chronologie...* S. 83--104; *Kobayashi Y. Die Notenschrift Johann Sebastian Bachs...* S. 18--20, 68--133.

³⁹ *Katalog der Wasserzeichen in Bachs Originalhandschriften / Hrsg. von W. Weiss unter musikwissenschaftlicher Mitarbeit von Y. Kobayashi // Johann Sebastian Bach. Neue Ausgabe sämtlicher Werke: Ser. IX. Leipzig & Kassel, 1985. Bd 1. Textband, S. 35; Abbildungen. S. 13.* Номера водяных знаков, собранных в данном каталоге, принято указывать под аббревиатурой WZ (Wasserzeichen). К примеру, водяной знак, о котором идет речь, обозначается как WZ:13.

⁴⁰ Заметим, что почерк главного копинста, подготовившего данные партии, встречается и в партиях BWV 199 (им записан дубликат партии континуо, упоминавшийся нами выше в связи с монограммой WZ:13). См.: *Kobayashi Y. Neuerkenntnisse zu einigen Bach-Quellen // Bach-Jahrbuch. Leipzig, 1978. S. 58; Johann Sebastian Bach. Neue Ausgabe sämtlicher Werke: Ser. I. Kritischer Bericht von A. Glöckner. Kassel; Basel etc., 2000. Bd 41. Varia: Kantaten, Quodlibet, Einzelsätze, Bearbeitungen. S. 71--72.*

Ил. 9. Водяной знак WZ:13

Ил. 10. Водяной знак WZ:13 (воспроизведено по изданию: *Katalog der Wasserzeichen in Bachs Originalhandschriften // Johann Sebastian Bach. Neue Ausgabe sämtlicher Werke: Ser. IX. Bd 1. Leipzig & Kassel, 1985. Abbildungen, S. 13*)

бумаге партии гобоя 1, а монограмма — в партии гобоя 2 и первой скрипки, записанной самим Бахом. Помимо этого, данный водяной знак, также разделенный на две части (скачущий единорог и монограмма), находится в рукописях исполнительских партий пятого Бранденбургского концерта BWV 1050 (Берлин, Mus. ms. Bach St 130). Все известные на сегодняшний день рукописи Баха на бумаге с данным водяным знаком исследователи относят к кётенскому периоду жизни композитора. В самом деле, существование этой филигранны в Тюрингии и Саксонии отмечено в 1720—1721 годах (к при-

меру, бумага для годового отчета города Лейпцига от 1720—1721 г. содержит тот же самый водяной знак).⁴¹

Таким образом, есть все основания полагать, что перечисленные выше партии кантаты BWV 199 на бумаге с водяным знаком WZ:13 — и в том числе автограф Пушкинского Дома — относятся к кётенскому периоду жизни и творчества Баха и, наиболее вероятно, к 1721—1723 гг. Но, по-видимому, даже в эти годы Бах не раз возвращался к данной кантате. Автограф партитурного фрагмента, записанный на обороте одной из исполнительских партий веймарской версии кантаты, свидетельствует, что вначале композитор обратился к последней части этой кантаты, арии «*Wie freudig ist mein Herz*», и на основе веймарской партитуры сделал набросок новой версии (рукопись содержит довольно значительное количество исправлений, связанных с поиском новых вариантов, изменением первоначально записанного материала, сокращением партитуры). Тональность нотации оставлена та же, что была и в веймарской кантате. Далее, с этого наброска Бах расписал исполнительские партии в той же тональности. Возможно, что в эти годы Бах поначалу создал новую версию одной этой части. Не случайно даже партии скрипки и виолы, сохранившиеся от данной версии, нотированы на отдельных, небольших листках бумаги, в четверть меньше того формата, на которых записан автограф Пушкинского Дома (см. ил. 11, 12). Тональность, в какой нотированы и фрагмент партитуры и названные партии, — на тон ниже, чем сохранившиеся на той же бумаге партии континуо и виолы да гамба.⁴² Наконец, автограф партии первой скрипки из Пушкинского Дома не согласуется с тональностью фрагмента партитуры, а также партий скрипки и виолы, но полностью соответствует в этом отношении партиям континуо и виолы да гамба. По-видимому, дошедшие до нас партии первой скрипки, виолы да гамба и континуо на бумаге с водяным знаком WZ:13 и есть те исполнительские партии целиком новой версии кантаты, созданной композитором в кётенские годы и написанной им для другого исполнительского состава с солирующей скрипкой.⁴³

Напомним, что веймарская кантата «*Mein Herze schwimmt im Blut*» — духовное сочинение и создано было, как свидетельствует текст Георга Кристиана Лемса, к одиннадцатому воскресенью по Троице.⁴⁴ Однако известно, что князь Леопольд Ангальт-Кётенский, у которого служил Бах с 1717 по 1723 гг., был убежден-

⁴¹ См.: *Katalog der Wasserzeichen... Textband*, S. 35.

⁴² Именно поэтому, на наш взгляд, неубедительно объединение всех этих партий в одну кётенскую версию, как предлагается редактором Нового Баховского издания и отчасти авторами Баховского Компендиума также.

⁴³ К сожалению, не все партии этой версии дошли до нас. Однако по сохранившемуся материалу можно предположить, что в данной версии кантаты должны были участвовать сопрано, первая и вторая скрипки, виола, виола да гамба и континуо. Недостающие инструментальные партии, как и те, что сохранились, должны были быть нотированы в камерном строе, в тональности ре минор.

⁴⁴ В сборнике Лемса «*Gottgefälliges Kirchen-Opffer*», опубликованном в Дармштадте в 1711 г., текст, положенный в основу кантаты BWV 199, имеет заглавие «*Andacht auf den eilfften Sonntag nach Trinitatis*» («Молитва на одиннадцатое воскресенье по Троице»).

Ил. 11. И. С. Бах. Автограф партии скрипки заключительной арии из кантаты «Mein Herze schwimmt im Blut» BWV 199 (1 л. л.)

Ил. 12. И. С. Бах. Автограф партии виолы заключительной арии из кантаты «Mein Herze schwimmt im Blut» BWV 199 (1 л. л.)

ным кальвинистом, и композитор не должен был обслуживать потребности церковной жизни, писать духовные кантаты для регулярного исполнения во время службы, как это было в веймарский и лейпцигский периоды его творчества. Действительно, от кётенского времени до нас почти не дошло духовных кантат, а BWV 22, 23 и 59, сочиненные в самые последние месяцы пребывания Баха в Кётене, предназначены были уже для исполнения в Лейпциге и созданы были с конкретными целями, в связи с решением композитора сменить службу капельмейстера у князя Ангальт-Кётенского на должность кантора школы св. Фомы в Лейпциге. Так, кантаты BWV 22 и 23 были написаны как сочинения для пробного испытания на должность лейпцигского кантора, которое состоялось 7 февраля в церкви св. Фомы. Кантата BWV 59 была также исполнена в Лейпциге, предположительно 16 мая того же 1723 г., в церкви св. Павла.

От кётенского периода до нас дошли в основном лишь светские кантаты, написанные по различным поводам: на празднование Нового года, к дню рождения князя Леопольда Ангальт-Кётенского и т. п. (BWV 66a, 134a, 184a, 173a, 194a, Anh. I 6, Anh. I 7, Anh. I 8). Правда, многие из них Бах впоследствии переработал в духовные. Поскольку партия сопрано из кётенской версии кантаты BWV 199 утеряна, нельзя исключить, что в этот период Бах мог переделать веймарскую духовную кантату в светскую, сохранив в основном ее музыкальный материал, но положив его на новый текст светского содержания. Такая практика переложения своих светских сочинений в духовные (и наоборот) была для Баха вполне обычным явлением, и в связи с тем или иным случаем композитор довольно часто возвращался к своим прежним произведениям и перекладывал их на новый текст.⁴⁵

Вероятно, возвращение Баха в Кётене к сольной сопрановой кантате, созданной в веймарские годы, было связано с появлением в его жизни Анны Магдалены, дочери вейсенфельского трубача Иоганна Каспара Вильке, которая с декабря 1721 г. стала супругой и верной помощницей великого композитора. «Смею Вас уверить, — писал он в 1730 г. Георгу Эрдману, — что уже могу составить семейный Concert Vocaliter и Instrumentaliter, тем более что моя нынешняя жена обладает чистым сопрано...».⁴⁶ Известно, что в Кётене она исполняла обязанности княжеской певицы («fürstliche Sängerin»). Именно для голоса Анны Магдалены были переложены отдельные песни и арии из других кантат, которые вошли в ее альбом, начатый Бахом в 1725 г. И как гласит заметка К. Ф. Цельгера на обороте его обложки, «Анна Магдалена, вторая жена И. Себ. Баха, чье имя украшает эту книгу, слыла прекрасной певицей». Видимо, в расчете на ее исполнение были расписаны в Кётене и партии сольной сопрано-

⁴⁵ Возможно, конечно, что кантата BWV 199 была исполнена в эти годы и как духовная — в кётенской придворной церкви или в Лютеранской церкви св. Агнуса, находившейся под покровительством матери князя Леопольда, Гизелы Агнес. В сохранившихся манускриптах есть очевидность, что в кётенские годы, помимо BWV 199, Бах возвращался и к некоторым другим своим духовным кантатам, написанным ранее (BWV 132, 172 — см.: *Wolff Chr. Bach: The Learned Musician...* P. 199).

⁴⁶ Цит. по кн.: *Документы жизни и деятельности Иоганна Себастьяна Баха...* С. 18.

вой кантаты Франческо Конти, которую мы упоминали выше.⁴⁷ И, скорее всего, именно для Анны Магдалены Бах переработал сначала последнюю арию из веймарской кантаты «Mein Herze schwimmt im Blut», а затем и всю кантату целиком. Заметим к тому же, что из всех кантат, созданных композитором ранее, BWV 199 — единственное сочинение, написанное им для сопрано соло. Потому не удивительно, что в этот период Бах выбрал для Анны Магдалены именно данную кантату и сам, красиво и с любовью, расписал все ее исполнительские партии.

Таким образом, загадки и противоречия кётенской версии находят достаточно естественное разрешение. Первоначальной версией этих лет можно считать лишь последнюю арию для сопрано, гобоя, скрипки, виолы и континуо. Последующей же кётенской версией является вся кантата целиком в той форме, как она была создана в Веймаре, но нотированная на тон выше, в тональности ре минор, и написанная для другого исполнительского состава — с солирующей скрипкой. В таком случае никакого противоречия с тональностями дошедших до нас кётенских источников кантаты не возникает, и новая ее версия естественно вписывается в обстоятельства жизни и творчества композитора того периода.

Счастливо сохранившаяся в Пушкинском Доме рукопись дарит не только возможность пополнить количество дошедших до нас автографов И. С. Баха, но и дает основания реконструировать подлинную кётенскую версию кантаты «Mein Herze schwimmt im Blut», пролить новый свет на историю создания этого сочинения и его различных версий.

Сколько подобных открытий ждет еще человечество на пути познания творчества одного из величайших композиторов прошлого и настоящего, сказать, разумеется, трудно. Но неожиданно вошедшая в орбиту мирового баховедения в самом начале нового тысячелетия рукопись Пушкинского Дома заставляет еще раз поразиться и убедиться в том, что источники изучения творчества Иоганна Себастьяна Баха, действительно, далеко не исчерпаны и долго еще будут тем, что наиболее достоверно и подлинно приближает нас к пониманию и интерпретации этого величайшего явления мировой культуры.⁴⁸

⁴⁷ При этом любопытно, что Бах, судя по всему, знал и исполнял эту кантату еще в Веймаре, поскольку сохранилась копия партитуры в почерке Баха с его собственноручной пометкой в конце «Fine / an 1716». И как в случае с BWV 199, он вернулся к кантате Конти в кётенские годы как к сочинению, написанному для сопрано соло.

⁴⁸ Автор статьи выражает искреннюю благодарность тем архивам и библиотекам, в которых велось исследование представленных рукописей: дирекции и сотрудникам Пушкинского Дома в Санкт-Петербурге, руководству Музыкального отдела Государственной библиотеки Берлина (Staatsbibliothek zu Berlin — Preussischer Kulturbesitz, Musikabteilung), сотрудникам Баховского архива в Лейпциге (Bach-Archiv Leipzig) и Архива Общества друзей музыки в Вене (Archiv der Gesellschaft der Musikfreunde in Wien). Факсимильные воспроизведения манускриптов сделаны с любезного разрешения тех архивов и библиотек, в которых они хранятся. Работа с рукописями в Берлине, Лейпциге и Вене была осуществлена при поддержке Института Джорджа Белла (George Bell Institute, Great Britain), руководству которого автор выражает также свою глубокую признательность.

Т. Г. Иванова

**В. И. ДАЛЬ И ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ
КОНСТАНТИН НИКОЛАЕВИЧ**

(к истории публикации «Пословиц русского народа»)

Отечественной фольклористике в общих чертах известна история трудного прохождения в 1853 г. сборника В. И. Даля «Пословицы русского народа» через цензурные препоны, прохождения, закончившегося поражением. Об этом писал в 1862 г. сам собиратель, когда его собрание наконец-то увидело свет. В предисловии «Напутное» В. И. Даль изложил основные положения своих рецензентов, воспрепятствовавшие публикации пословиц, и даже процитировал отдельные пассажи из их отзывов, но не назвал ни одного имени.¹

Более откровенно эта история освещена Н. П. Барсуковым в одном из томов его исследования «Жизнь и труды М. П. Погодина». Здесь названы имена всех участников цензурной истории: академики А. Х. Востоков, И. С. Кочетов, И. И. Давыдов, товарищ министра народного просвещения А. С. Норов, цензор Ю. Е. Шидловский, директор Публичной библиотеки М. А. Корф и, что немаловажно, великий князь Константин Николаевич. Н. П. Барсуков привел отрывки из переписки Константина Николаевича с А. С. Норовым, которые во многом прояснили ход дела, а также другие документы. Однако и здесь опущены многие важные детали цензурной истории В. И. Даля.²

В 1936 г. М. Шахнович опубликовал «Дело № 7 императорской Академии наук о рассмотрении двух томов, собранных г. Далем „Русских пословиц“», извлеченное им из протоколов Второго отделения (Отделение русского языка и словесности — ОРЯС) Академии наук.³ Таким образом в науку были введены письмо А. С. Норова к И. И. Давыдову с предложением рассмотреть рукопись В. И. Да-

¹ Даль В. И. Пословицы русского народа. М., 1862. С. XVII—XX.

² Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1898. Кн. 12. С. 169—172.

³ Шахнович М. Краткая история собирания и изучения русских пословиц и поговорок // Советский фольклор: Сборник статей и материалов. М.; Л., 1936. Вып. 4/5. С. 364—368.

ля; отзывы А. Х. Востокова и И. С. Кочетова; письмо И. И. Давыдова к А. С. Норову с изложением решения, принятого Академией. Участие Константина Николаевича в цензурной истории и его позиция по данному делу М. Шахновичем никак не оговаривается.

Через год, в 1937 г., Н. С. Плещунов напечатал в отрывках ряд дополнительных архивных материалов из фонда В. И. Даля, хранящихся в Рукописном отделе Пушкинского Дома (РО ИРЛИ, № 27463—27472): извлечения из отзывов Ю. Е. Шидловского и М. А. Корфа; из переписки В. И. Даля с А. В. Головниным; объяснительная записка собирателя по поводу академических отзывов. Как и в публикации М. Шахновича, которая, кажется, Н. С. Плещунову была неизвестна, здесь некоторые факты и документы интерпретируются неверно, но в целом это очень интересная работа. Дело в том, что Н. С. Плещунов в 1937 г. осмеливается не только называть в печати имя великого князя Константина Николаевича, приложившего, как мы покажем ниже, немало усилий, чтобы издание «Пословиц русского народа» состоялось, но и дает этому члену августейшей фамилии правдивую оценку. Заключая свою статью, Н. С. Плещунов писал: «Из приведенных материалов о сборнике пословиц Даля видно, что по вопросу о фольклоре в 60-х годах столкнулись две точки зрения. Представители одной точки зрения (Шидловский, Кочетов и др.) думали, что в фольклорных произведениях надо многое изменить, исправлять и подгонять под господствующую идеологию, и видели в фольклоре идеологическое орудие, классово себе враждебное, а потому и вели сомкнутым строем борьбу против пословиц Даля. Другие (Даль, Константин Николаевич, Корф) придерживались того взгляда, что произведения фольклора необходимо сохранить в том виде, как они „сказались“».⁴

В 1957 г. советские фольклористы, наученные многочисленными «чистками» и идеологическими «кампаниями», уже твердо владели правилами самоцензуры. Поэтому, описывая цензурные мытарства В. И. Даля в царской России, они строго подчинялись законам коммунистической цензуры. Так, В. И. Чичеров, автор обстоятельной вступительной статьи к переизданию дальевского сборника, ни разу не упоминает имя Константина Николаевича.⁵ Это тем более досадно, что этому исследователю, в отличие от его предшественников, был известен тот комплекс документов, который и стал основой нашей публикации (РО ИРЛИ, ф. 137, № 145).

В конце 1960-х—начале 1970-х гг. вышли в свет две научно-популярные биографии В. И. Даля, авторы которых, М. Я. Бессараб и В. И. Порудоминский,⁶ освещая «цензурную» страницу в биографии выдающегося гражданина России, опирались на названные выше публикации и также игнорировали роль великого князя в сложившейся ситуации. Цель нашей работы — выявить роль великого

⁴ Плещунов Н. С. К истории печатания «Пословиц русского народа» В. И. Даля // Известия Азербайджанского филиала Академии наук. Баку, 1937. № 2. С. 36.

⁵ Чичеров В. И. Сокровищница народной мудрости // Даль В. И. Пословицы русского народа. М., 1957. С. XXII—XXVI.

⁶ Порудоминский В. И. Даль. М., 1971 (Сер. «Жизнь замечательных людей»); Бессараб М. Я. Владимир Даль: Книга о доблестном гражданине России и великом борце за русский язык. М., 1972 (первое издание: 1968).

князя Константина Николаевича в истории с «Пословицами русского народа» В. И. Даля и восстановить, буквально по дням, хронологию событий.

Сам В. И. Даль, излагая в «Напутном» свое видение цензурной истории 1853 г., имя Константина Николаевича прямо не называет, но намекает на него: «Сборнику моему суждено было пройти много мытарств, задолго до печати (в 1853 г.), и при том, без малейшего искательства с моей стороны, а по просвещенному участию и настоянию особы, на которую не смею и намекнуть, не зная, будет ли это угодно».⁷ Фраза построена несколько коряво. Смысл ее заключается в настойчивых (и неоднократных) заявлениях собирателя о том, что инициатором продвижения сборника в печать был не он сам, а великий князь и его окружение. Такие утверждения В. И. Даля не лишены лукавства: без сомнения, он мечтал увидеть свое собрание напечатанным и искал просвещенного покровительства Константина Николаевича.

Великий князь Константин Николаевич (1827—1892), второй сын императора Николая I, с детства был предназначен им для морской службы. Еще в младенчестве, в 1831 г., он получил чин генерала-адмирала. Главным воспитателем великого князя был знаменитый мореплаватель Ф. П. Литке. Подготовка Константина Николаевича к морскому делу была весьма серьезной: в 1834 г., в восьмилетнем возрасте, он совершил первое плавание на военном судне «Геркулес»; в 1844 — большой переход из Архангельска в Кронштадт на корабле «Ингерманландец». Затем был целый ряд других плаваний, участие в военных сражениях во время карательного похода в Венгрию в 1849 г. В 1852 г. Константин Николаевич был назначен товарищем начальника Главного морского штаба, а с января 1853 г., в отсутствие главы Морского министерства А. С. Меншикова, стал его управляющим. Заслуги Константина Николаевича перед Россией велики. Он был одним из самых активных деятелей реформ Александра II, и главной из них — отмены крепостного права. На его долю выпало, после тяжелейшего поражения в Крымской войне и запрета, по мирному договору, иметь России свой флот на Черном море, возрождать морскую мощь страны.⁸

Помимо дел государственных, Константин Николаевич уделял огромное внимание развитию науки и культуры. Именно он стал инициатором посмертного издания собрания сочинений Н. В. Гоголя. По его указанию были проведены и знаменитые литературные экспедиции. В 1850 г. великий князь — почетный член императорской Академии наук; в 1852 г. — председатель Русского археологического общества; в 1873 г. — председатель Русского музыкального общества. Стоял он, с 1845 г., с момента основания, во главе и еще одного общества — Русского географического общества. Именно этот его пост и стал поводом для обращения к нему В. И. Даля.

⁷ Даль В. И. Пословицы русского народа. С. XVII.

⁸ См. о Константине Николаевиче: Константин Николаевич // Русский биографический словарь. СПб., 1903. Том «Кнаппе—Кюхельбекер». С. 120—155.

В Рукописном отделе Пушкинского Дома документы по делу о «Пословицах русского народа» хранятся, как уже говорилось, в двух разных фондах — в личном фонде В. И. Даля, упомянутом выше (№ 27463—27472), и в архиве великого князя Константина Константиновича, президента Академии наук, поэта К. Р., сына великого князя Константина Николаевича, внука Николая I (ф. 137, № 145). Отчасти документы в писарских копиях дублируют друг друга. Исследователи обычно обращаются к материалам из фонда В. И. Даля; второй же комплекс документов остается вне поля их внимания. Тем не менее это очень интересный источник для осмысления истории сборника В. И. Даля. Сведения документов, опубликованных в свое время М. Шахновичем (из архива Академии наук) и Н. С. Плещуновым (из фонда В. И. Даля), и материалов, хранящихся в архиве Константина Константиновича, позволяют восстановить историю прохождения «Пословиц русского народа» по цензурным мытарствам не в общих чертах, а детально, буквально по дням.

Единица хранения № 145 представляет собой папку с документами, сформированную по указанию великого князя Константина Николаевича. На папке имеется маркировка: «Канцелярия императорского высочества государя великого князя генерал-адмирала»; и далее стоит делопроизводственный номер — № 103. Она озаглавлена «О напечатании Собрания пословиц В. Даля»; внизу, согласно канцелярским правилам, указаны даты начала и окончания дела: «С июля 1853 г. по январь 1854 г.».

Почти все документы, собранные в этой папке, — это отпуски (копии) переписки Константина Николаевича и других лиц по поводу «Пословиц русского народа». Отпуски заверены А. В. Головинным. Так как это лицо имело к далевскому собранию непосредственное отношение, то охарактеризуем его. Александр Васильевич Головин (1821—1886), сын знаменитого мореплавателя В. М. Головина, в 1839 г. с отличием закончил Царскосельский Лицей. В 1840-е годы он служил при Министерстве внутренних дел. В 1848 г. — чиновник по особым поручениям при начальнике Главного морского штаба, а с 1850 г. — секретарь при великом князе Константине Николаевиче. Биограф Константина Николаевича отмечал: «Своим государственным развитием великий князь во многом был обязан Головнину, который познакомил великого князя, вне служебных отношений, с тою плеядою выдающихся общественных деятелей, которая постепенно группировалась впоследствии вокруг великого князя в эпоху преобразований императора Александра II».⁹ Сам же он в энциклопедическом словаре характеризуется следующим образом: «Головин был одним из лучших представителей движения, господствовавшего с конца пятидесятых до половины шестидесятых годов в наших административных сферах».¹⁰ В 1861 г. он был назначен министром народного просвещения. При нем был учрежден университетский устав, по которому университеты получили самоуправление; для пополнения персонала профессоров многие начинающие

⁹ Там же. С. 122.

¹⁰ А. Я. Головин Александр Васильевич // Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1893. Т. 9, кн. 17. С. 75.

преподаватели получили заграничные командировки; возникла сеть земских начальных школ; а бюджет Министерства народного просвещения был увеличен почти вдвое. Именно А. В. Головнин и был посредником между В. И. Далем и Константином Николаевичем.

В. И. Даль и А. В. Головнин были давними добрыми знакомыми. Они сошлись, когда В. И. Даль служил в Петербурге (1841—1849) чиновником особых поручений при Л. А. Перовском, бывшем в то время министром внутренних дел и товарищем министра уделов. В. И. Даль был управляющим особенной канцелярии министра внутренних дел, а А. В. Головнин его подчиненным — секретарем.¹¹ Объединяло их и совместное участие в 1845 г. в учреждении Русского географического общества, идея которого зародилась на петербургских «четвергах» В. И. Даля. А. В. Головнин стал первым секретарем (1845—1847) этого Общества. Давнее знакомство и позволило В. И. Дально, проживавшему в Нижнем Новгороде (1849—1859), 19 марта 1851 г., когда он заканчивал работу над «Пословицами русского народа», обратиться к А. В. Головнину с вопросом о возможности публикации своего труда. Письмо В. И. Даля нам неизвестно, но ответ последнего сохранился в архиве собирателя (№ 27463, л. 1—2):

Письмо А. В. Головнина к В. И. Дально

29 марта 1851 г.

29 марта 1851.
Петербург.

Письмо Ваше, почтеннейший Владимир Иванович, от 19 марта я докладывал великому князю. Его высочество приказал мне уведомить Вас, что он примет с большим удовольствием собрание пословиц и будет стараться, чтобы Геогр<афическое> общество напечатало оное на свой счет. Предмет этот очень его занимает, и я уверен, что когда ближе познакомится с ним, то еще больше полюбит. Итак, главное дело сделано. Остается Вам прислать прямо на имя великого князя или ко мне Ваше детище. Чтобы успеть в Вашем деле наилучшим образом, я полагаю бы полезным: 1) чтоб до присылки самого собрания пословиц, которое еще переписывается, Вы доставили бы мне любопытную записку о важности пословиц в этнографическом отношении, пользе изучения оных, занимательности этого изучения и пр. Эту записку я прочел бы великому князю в конце апреля вечером в Павловске, когда он более свободен, чем в городе, и она служила бы приготовлением к другому.* Затем к 10 мая пришлите самое собрание пословиц, ибо 15-го великий князь идет на 4 недели бороздить взад и вперед Балтийское море и берет меня с собой. На корабле делать ему нечего, и тут-то пословицы будут кстати. Познакомившись с этим предметом, он уж непременно все сделает, что-

¹¹ Мельников-Печерский П. И. Владимир Иванович Даль: Критико-биографический очерк // Даль В. И. Полное собрание сочинений. СПб.; М., 1897. Т. 1. С. L—LII, LXIX.

бы пусгить в ход. Вот Вам искреннее выражение того, что я мог придумать лучшего.

Пред<анный> В<ам>
Головнин.

О просьбе <Роковой ?> я справлюсь и уведомя Вас.

* Эту записку можно бы потом напечатать в виде предисловия к пословицам или особо в «Геогр<афическом> вестнике».

К маю 1851 г. рукопись «Пословиц русского народа», предназначенная для Константина Николаевича, готова не была. Вскоре по поручению великого князя В. И. Даль занялся написанием своей книги «Матросские досуги» (см. официальную переписку В. И. Даля с морским ведомством по этому вопросу: РО ИРЛИ, № 27449, 27450, 27454, 27456, 27457). Поэтому только летом 1853 г. собиратель сумел доставить Константину Николаевичу два объемных рукописных тома, переписанных писарем. В настоящее время эти тома находятся в Рукописном отделе Пушкинского Дома (ф. 137, № 178 и 179). На л. 5 первого тома имеется посвящение: «Его императорскому высочеству председателю императорского Русского географического общества, генерал-адмиралу, Великому князю Константину Николаевичу от собирателя». Листы 6—7 (автограф В. И. Даля) также обращены к великому князю:

Ваше императорское высочество!

С 1819-го года, когда я, молодым мичманом, поехал из Морского кадетского корпуса в Черное море, собирал и записывал я — почти не упуская ни одного дня — все богатства и особенности русского языка и ума, прислушиваясь всюду к беседе иговору той части народа, у которой язык и сама складка ума не переверстаны на чужой лад.

Одна часть этого сборника состоит из пословиц, поговорок и тому подобных изречений. Их не станет скоро и у нас, как почти нет у французов и вообще, сравнительно, немного в Европе. Огромный запас этот я задумал расположить не в азбучном, а в смысловом порядке: труд почти непосильный, потребовавший нескольких лет, и при всем том, далеко не доведенный до должного порядка и оконченности.

Но когда работа эта, в том виде как она есть, стала приходить к концу, то я предположил представить ее Вашему императорскому высочеству, как председателю Общества, в занятия коего входит и народописание, и еще более, как любителю всего родного. В это самое время я неожиданно получил милостивый вызов Ваш представить свой сборник.

Где просвещение и внимание к трудам предупреждает подобной встречей самые помышления делателя, там зерну сеятеля не будет суждено упасть в волчек и терние.

Вашего императорского высочества вернопреданный
В. Даль.

Нижний, 1853.

Черновик этого же текста-обращения сохранился в фонде В. И. Даля (№ 27472) и был в свое время опубликован Н. С. Плещуновым. Правда, атрибутирован текст как черновик письма В. И. Даля к Константину Николаевичу.

Двухтомная рукопись, помимо великого князя, побывала в руках нескольких внимательных и придирчивых читателей, оставивших в ней многочисленные отметки. Поэтому выделить пометы Константина Николаевича в настоящее время не представляется возможным. Однако можно не сомневаться, что он по достоинству оценил труд собирателя сокровищ народной мудрости. Сборник, в отличие от многих подобных, как определяют современные исследователи, обладает одной особенностью — «связностью, присущей цельному художественному тексту»;¹² «кажется, это единственный русский сборник пословиц, который можно с увлечением читать подряд»,¹³ как художественное произведение. Константина Николаевича, получившего прекрасное образование, знавшего литературу, без сомнения, эта сторона рукописи В. И. Даля не могла не подкупить.

Познакомившись с рукописью, 30 июля Константин Николаевич обратился к А. С. Норову, бывшему тогда товарищем министра народного просвещения, но фактически выполнявшему обязанности министра, с просьбой рассмотреть вопрос о печатании пословиц. Причем, обратим внимание, в отношении (ф. 137, № 145, л. 4) сразу же предлагалось передать рукопись в общую цензуру и параллельно — просить Академию наук напечатать собрание на свой счет, то есть великим князем ставились две практические задачи: получить формальное разрешение на печатание и найти источник финансирования книги.

Отношение Константина Николаевича А. С. Норову

30 июля 1853 г.

Отпуск.

Его превосходительству

А. С. Норову.

30 июля 1853 года.

№ 871.

Авраам Сергеевич. Известный литератор наш Даль представил мне в полное мое распоряжение плод многолетних трудов своих — собрание русских пословиц и изречений, расположенное им по смыслу оных, а не в азбучном порядке, которому следовали донныне собиратели пословиц. Труд г. Даля представляет вследствие сего безыскусственное выражение образа мыслей народа по разным предметам. Желая извлечь из одного всевозможную пользу, я полагал

¹² *Костюхин Е. А.* Иван Снегирев — человек, ученый, издатель пословиц // Снегирев И. М. Русские народные пословицы и притчи. М., 1999. С. 472.

¹³ *Левин Ю. И.* Провербиальное пространство // Паремииологические исследования: Сборник статей. М., 1984. С. 108.

бы, если представится возможным, напечатать в пользу автора и для сего прошу Ваше превосходительство в особенное мне удовольствие принять на себя труд: 1) передать препровождаемые при сем два тома собрания пословиц на рассмотрение цензуры и возвратить мне, по возможности, в непродолжительном времени, с отметками просвещенного и благонамеренного цензора и разрешением печатать, и 2) предложить Академии наук, не признает ли возможным принять издание на свой счет в пользу автора, а в противном случае сообщить мне приблизительный расчет издержкам для напечатания оно-го в приличном виде в числе 1200 экземпляров.

Пребываю к Вам искренно доброжелательным

Подписал: Константин.

Верно: действ<ительный> стат<ский> советник Головнин.

По тону письма чувствуется, что Константин Николаевич не сомневается, что отзыв цензора будет положительным, и надеется, что Академия возьмет на себя материальные затраты по публикации рукописи. Обращение в Министерство народного просвещения нас удивлять не должно: Цензурный комитет до 1862 г. подчинялся именно этому министерству. Поэтому Константин Николаевич действовал вполне логично и правильно.

В тот же день, 30 июля, великий князь пишет письмо В. И. Далю, в котором выражает восхищение трудом фольклориста и готовность включиться в решение проблем по публикации рукописи (ф. 137, № 145, л. 5).

Отношение Константина Николаевича В. И. Далю

30 июля 1853 г.

Отпуск.

Его высочородию
В. И. Далю.

30 июля 1853 года.
№ 872.

Владимир Иванович. Получив с искреннею признательностью плод многолетних трудов Ваших — собрание русских пословиц, я удивлялся терпению и постоянству собирателя и отдаю полную справедливость счастливой мысли Вашей расположить пословицы не в азбучном порядке, как делали другие собиратели оных, но по смыслу изречения. Весьма желал бы я сделать собрание сие доступным для всех русских и для сего напечатать оное в возможно большем числе экземпляров в пользу автора и без всяких перемен. Не знаю, удастся ли мне осуществить это намерение, но о стараниях моих Вы получите своевременно уведомление.

Пребываю к Вам искренне доброжелательным

Подписал: Константин.

Верно: действ<ительный> стат<ский> советник Головнин.

Уже через три дня, 2 августа, А. С. Норов докладывал Константину Николаевичу о том, что им дано распоряжение Академии наук (Академия подчинялась Министерству народного просвещения) рассмотреть рукопись В. И. Даля (ф. 137, № 145, л. 6). Единственный экземпляр рукописи он посылает сначала не цензору, как предлагал в своем письме Константин Николаевич, а в Академию наук. В советской литературе этот эпизод трактуется, как правило, неверно. Так, в одной из биографий В. И. Даля говорится: «Рукопись далевого сборника поступила к министру просвещения А. С. Норову, который, не желая брать на себя ответственность, передал ее Академии наук».¹⁴ Как видим, биограф обращение А. С. Норова в Академию наук истолковывает как опасение брать на себя ответственность. На самом же деле, мы думаем, им двигали совершенно другие соображения, благожелательные по отношению к автору рукописи: Академия имела право публиковать свои произведения без общей цензуры, и А. С. Норов полагал просто облегчить прохождение рукописи В. И. Даля в печать. Сомнений в благополучном отзыве у него не было — труд В. И. Даля он называет «замечательным» и надеется, что Академия возьмет на себя расходы по его печатанию.

Отношение А. С. Норова Константину Николаевичу

2 августа 1853 г.

Ваше императорское высочество,
милостивый государь.

Вследствие рескрипта, коим Вашему императорскому высочеству благоугодно было удостоить меня от 31 минувшего июля, имею честь донести, что я сделал распоряжение о рассмотрении заключающегося в 2 томах собрания русских пословиц и изречений известного литератора нашего Даля прямо в императорской Академии наук, в Отделении русского языка и словесности, которое, по обсуждении сего замечательного труда, может уже по своему определению разрешить вместе печатание оного и принятие издержек печатания на свой счет, сообразно своим средствам. О последующем отзыве Академии наук я не замедлю представить благоусмотрению Вашего высочества.

С глубочайшим высокопочитанием и совершенною преданностью имею счастье быть, милостивейший государь, Вашего императорского высочества

вернопокорнейший слуга

Авраам Норов.

№ 1567.

2 августа 1853.

¹⁴ Бессараб М. Владимир Даль: Книга о доблестном гражданине России и великом борце за русский язык. М., 1972. С. 175.

Внизу: Копия с сего отношения отослана г<осподину> ст<атскому> совет<нику> В. И. Далю.
«...» августа 1853 г.

Для того чтобы яснее представить себе картину всего происходившего с «Пословицами русского народа» В. И. Даля, дадим небольшую справку о А. С. Норове, имевшем к этому делу прямое отношение. Авраам Сергеевич Норов (1795—1869) был образованнейшим человеком своего времени. Он знал не только обязательный для человека его круга французский, но и английский, немецкий, итальянский, испанский, латинский, греческий, древнееврейский языки. Среди окружения А. С. Норова были П. А. Вяземский, Д. В. Давыдов, И. И. Дмитриев, А. С. Пушкин, который обращался к нему на «ты» и пользовался его богатейшей библиотекой, и другие видные деятели русской культуры. Стихотворения и переводы А. С. Норова помогли ему занять достойное место в литературных кругах. В молодые годы, в 1818 г., он был принят в Вольное общество любителей словесности, наук и художеств. Позднее А. С. Норов найдет еще одну сферу приложения своим литературным талантам — описание путешествий. В 1821—1822 гг. он совершил поездку по Европе (Германия, Франция, Италия, Сицилия), результатом чего стала серия путевых очерков и книга «Путешествие по Сицилии в 1822 году» (СПб., 1828. Ч. 1—2). Через несколько лет — путешествие на Восток и в Иерусалим (см.: Путешествие по Святой Земле в 1835 г. СПб., 1838. Ч. 1—2; Путешествие по Египту и Нубии в 1834—1835. СПб., 1840. Ч. 1—2). Последняя большая заграничная поездка состоялась за несколько лет до смерти в 1861 г. (см.: Иерусалим и Синай: Записки второго путешествия на Восток. СПб., 1878).

Литературная деятельность А. С. Норова нашла общественное признание. В 1840 г. — он член Российской академии; в 1851 г. — действительный член Академии наук по Отделению русского языка и словесности. А. С. Норов был также видной фигурой ученых обществ — Археографического и Географического.

Однако литература не заслоняла от А. С. Норова служебной деятельности. Карьера его началась в 1810 г. в качестве юнкера в гвардейской артиллерии. В Бородинском сражении в 1812 г. он получил тяжелое ранение и потерял ногу, что не помешало ему после некоторого времени вернуться на военную службу. В 1823 г. он оставил военное поприще и, желая служить по штатской линии, вместо военного чина полковника получает чин статского советника. В 1827—1828 гг. в качестве чиновника особых поручений Министерства внутренних дел он совершил два заграничных морских плавания, посетив, в частности, Англию. В октябре—ноябре 1835 г. возглавлял комиссию по расследованию правонарушений раскольников в г. Ржеве. В 1839—1840 гг. — правитель Канцелярии комиссии по принятию прошений на высочайшее имя. С 1849 г. — сенатор. В феврале 1850 г. он был назначен товарищем министра народного просвещения. С апреля 1854 по 1858 г. А. С. Норов был министром просвещения. На этой должности мемуаристами он характеризуется противоречи-

во. При всей своей образованности и просвещенности и даже либеральности А. С. Норов был подвержен внешним влияниям, и его решения зачастую приводили к цензурным притеснениям. После отставки с поста министра народного просвещения он был введен в Государственный Совет — высшее законосовещательное учреждение Российской империи. Это была высшая точка в служебной карьере А. С. Норова.¹⁵

Вернемся к истории с пословицами В. И. Даля как она предстает по материалам, опубликованным М. Шахновичем. Итак, 3 августа А. С. Норов пишет Ивану Ивановичу Давыдову (1792 или 1794—1863),¹⁶ председательствующему во втором отделении Академии наук (1851—1859), с указанием рассмотреть рукопись В. И. Даля. 8 августа, на ближайшем заседании Отделения русского языка и словесности вопрос этот рассматривается и поручается сделать отзыв академиком А. Х. Востокову и И. С. Кочетову. При этом сразу же выносится предварительное решение: «Отделение, получив рассмотрение собранных г. Далем пословиц и поговорок академику А. Х. Востокову и И. С. Кочетову, положило довести до сведения г. управляющего Министерством народного просвещения товарища министра, что оно с особым удовольствием готово напечатать сие собрание пословиц в „Памятниках и образцах народного языка и словесности“, как в издании, предназначенном Отделением для подобных трудов, если при ближайшем рассмотрении сборника г. Даля не встретится каких-либо непредвиденных препятствий».¹⁷ Материальные возможности Академии тогда, как и ныне, были очень ограниченными. Отдельного издания ей было не потянуть, а страницы первого специального продолжающегося издания по фольклору — «Памятники и образцы народного языка и словесности» — для собрания В. И. Даля она с готовностью решила предоставить.

Но далее обстоятельства начинают осложняться. В Академии рассмотрение двух объемных томов рукописи было поручено двум рецензентам, причем каждый из них внимательно ознакомился лишь с одним из томов. Первым с задачей справился А. Х. Востоков, рецензировавший второй том. Уже 20 августа ОРЯС рассмотрело его отзыв. Напомним, что А. Х. Востоков высказал следующие замечания по рукописи: несогласие с историческим истолкованием некоторых изречений («Ананьин внук едет из Великих Лук»; «Лиса Патрикеевна» и др.); сомнения в правильности помещать рядом с пословицами высказывания из Священного писания («Ищите и обрящите, толцйте и отверзется» и др.); указания на авторское (литературное) происхождение многих паремий, попавших в сборник («Политика — тухлое яйцо, неосторожно разобьешь, так одна только вонь» — А. В. Суворов); на переводные изречения из латинского и французского языков; необоснованные повторения одних и тех же

¹⁵ См. о А. С. Норове: *Вацуро В. Э. Норов Авраам Сергеевич // Русские писатели. 1800—1917: Биограф. словарь. М., 1999. Т. 4. С. 359.*

¹⁶ См. о И. И. Давыдове: *Кузнецова Н. В. Давыдов Иван Иванович // Русские писатели. 1800—1917: Биограф. словарь. М., 1992. Т. 2. С. 73—74.*

¹⁷ *Шахнович М. Краткая история собирания и изучения русских пословиц и поговорок. С. 364.*

пословиц, как в разных разделах, так и в одном и том же. Общий вывод был следующий: «...собирателю надлежало бы пересмотреть и тщательно обработать свой труд, который, конечно, содержит в себе весьма много хорошего».¹⁸

Согласимся, что данный отзыв вполне академичен и позиция А. Х. Востокова во многом правомерна: она исходит из предствалений о «чистоте» жанра. Однако прав был и В. И. Даль, когда в 1862 г. отвечая на замечания своего оппонента, писал: «Многие изречения писателей наших, по краткости и меткости своей, стоят пословицы, и здесь нельзя не вспомнить Крылова и Грибоедова; но я включал в сборник свой те только из этих изречений, которые случилось мне слышать в виде пословиц, когда они, принятые в устную речь, пошли ходить отдельно. И потому, в сборнике моем есть книжные пословицы, но я их брал не из книг, разве когда они уже прежде попали в подобные сборники, и для полноты перешли и в мой. Есть у меня и переводные — что замечено было в виде упрека — но я их не переводил, а принял, потому что они говорятя; есть искаженные, переиначенные, но я их не искажал, а слышал или получил в этом виде; есть речения из Св. писания, и они даже большею частию переиначены — но они взяты мною не оттуда, и переделаны не мною, а так они говорятя».¹⁹ Фольклорист в своем собрании во главу угла ставит не жанр (пословицу), а живой русский язык, богатый перемиями самого разного характера. Недаром в издании 1862 г. появляется важный в смысловом отношении подзаголовок: «Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и проч.».

Решение ОРЯС от 20 августа было следующим: «Ожидать мнения о 1-м томе того же собрания пословиц академика И. С. Кочетова».²⁰ Отзыв И. С. Кочетова был рассмотрен Академией 5 сентября. Как известно, мнение этого рецензента было в высшей степени неблагоприятным для автора. И. С. Кочетов обращал внимание на то, что расположение материала очень часто не соответствует выбранному принципу (отчасти эти замечания были вполне справедливы). Указывал И. С. Кочетов и на то, что в рукописи «есть места, возбуждающие сомнения, недоверие к точному их изложению».²¹ Так, по мнению рецензента, следует говорить не «Эту беду я бобами разведу», а «Чужую беду бобами разведу, а к своей ума не приложу». На это В. И. Даль в 1862 г., хорошо понимая вариантную природу народной словесности, справедливо ответит: «...каждая пословица го-

¹⁸ *Шахнович М.* Краткая история собирания и изучения русских пословиц и поговорок. С. 365 (экземпляр отзыва А. Х. Востокова, отложившийся в протоколах заседания ОРЯС). См. также: РО ИРЛИ, ф. 137, № 145, л. 40—44 (копия, представленная Константину Николаевичу); № 27466 (копия, посланная В. И. Далю).

¹⁹ *Даль В. И.* Пословицы русского народа. С. XIII.

²⁰ *Шахнович М.* Краткая история собирания и изучения русских пословиц и поговорок. С. 365.

²¹ *Шахнович М.* Краткая история собирания и изучения русских пословиц и поговорок. С. 365 (экземпляр отзыва И. С. Кочетова, отложившийся в протоколах заседаний ОРЯС). См. также: РО ИРЛИ, ф. 137, № 145, л. 28—39 (копия, представленная Константину Николаевичу); № 27467 (копия, посланная В. И. Далю).

ворится на несколько ладов, особенно в случае приложения ее к делу».²²

Но самыми угрожающими были следующие обвинения. О сборнике говорилось, что «в нем есть места, способные оскорблять религиозное чувство читателей» и «весьма опасные для нравственности народной».²³ Для доказательства приводились изречения, возмущившие рецензента: «Богу угождай, а черту не перечь»; «Поп свое, а черт свое»; «Ему и черт не брат» и др. Особенности нападки со стороны И. С. Кочетова вызвали пословицы старообрядцев и сектантов: «Образ Божий в бороде, подобие в усах», «Кто пьет чай, тот спасения не чаёт», «Себя скоплю — себе рай куплю» и др.

Такая позиция протоиерея И. С. Кочетова в советской литературе вызывала естественную негативную и саркастическую оценку. М. Шахнович пренебрежительно его называет «попом».²⁴ В. И. Порудоминский пишет: «...про этого не скажешь „критик“, „недоброжелатель“ — враг!»²⁵ Дадим краткую справку об этом участнике дела о собрании пословиц В. И. Даля. Иоаким Семенович Кочетов (1789—1854), сын сельского дьякона из Тамбовской губернии, в 1799 г. поступил в местную семинарию, а затем учился в С.-Петербургской духовной академии (1809—1814), став студентом первого набора в этом учебном заведении. После окончания Академии он остался преподавать в ней, вскоре заняв кафедру церковной истории. С 1817 г. — И. С. Кочетов профессор Духовной академии и одновременно Царскосельского Лицея. В том же году рукоположен в священники и причислен к придворной церкви Царского Села. Дальнейшая его карьера: 1825 г. — протоиерей Смоленской кладбищенской церкви; 1829 г. — благочинный церковью на Васильевском острове Петербурга; 1832 г. — кафедральный протоиерей Петропавловского собора.

И. С. Кочетов был доктором богословия (1823), автором богословских трудов. Самые известные из них — учебные пособия «Черты деятельного учения веры, или Начертание христианских обязанностей, изложенное в духе православной греко-российской церкви» (СПб., 1823; всего 5 изданий) и «Начертание христианских обязанностей по учению православно-кафолической церкви» (СПб., 1827; всего 6 изданий). В 1828 г. И. С. Кочетов был избран действительным членом Российской академии; в 1841 г., после объединения Российской академии и Академии наук, — почетный академик по Отделению русского языка и словесности; в 1846 г. — ординарный академик. В Академии И. С. Кочетов много занимался подготовкой академического Словаря русского языка и «Опыта областного великорусского словаря» — двух известных изданий середины XIX в.²⁶ Вероятно, человеку с его биографией, действи-

²² Даль В. И. Пословицы русского народа. С. XIV.

²³ Шахнович М. Краткая история собирания и изучения русских пословиц и поговорок. С. 365.

²⁴ Там же. С. 324.

²⁵ Порудоминский В. И. Даль. С. 300.

²⁶ О И. С. Кочетове см.: Ник-ий Аи. Кочетов Иоаким Семенович // Русский биографический словарь. СПб., 1903. Том «Кнаппе—Кюхельбекер». С. 360—362; Сенько П. Н.

тельно, трудно было примириться с некоторыми зафиксированными В. И. Далем изречениями русского народа. Широта взглядов сыну сельского дьякона, своими силами добившегося значительных карьерных высот, была не присуща.

10 сентября И. И. Давыдов довел до А. С. Норова решение Академии наук, которое заключалось в следующем. Так как Академия имела право печатать без общей цензуры только труды своих сочленов или работы, безусловно ею одобренные, то предлагалось рукопись В. И. Даля подвергнуть общей цензуре. В то же время Академия не отказывалась, по разрешению цензуры, опубликовать собрание в «Памятниках и образцах народного языка и словесности». При этом указывался еще один путь изыскания материальных средств для печатания пословиц — представить рукопись на соискание Демидовской премии. В случае победы обыкновенно выдавалось определенное вспомоществование на напечатание труда. Если автор согласится на этот путь, то необходимо было срочно, до 1 ноября, получить разрешение общей цензуры.²⁷

Ответ Академии наук в советской фольклористике нередко интерпретировался тенденциозно. Н. С. Плещунов пишет: «...упоминание о недостатке средств есть маневр, при помощи которого <...> думали заставить Даля взять рукопись обратно».²⁸ Примерно так же оценивает позицию Академии и В. И. Чичеров, который, кстати, публикацию Н. С. Плещунова, кажется, не знал: «Такое решение, несомненно, ориентировалось на отказ самого В. И. Даля принять требования изменений, высказанное в отзыве Кочетова, а следовательно, и от издания сборника Академией наук. На случай, если Даль все же будет настаивать на издании книги, II отделение предупредило, что сборник В. И. Даля должен будет пройти не академическую, а общую цензуру для представления в Академию к срочному времени, т. е. к 1 ноября».²⁹ На самом же деле срочность общей цензуры требовалась, как мы говорили, для того, чтобы успеть подать рукопись собирателя на конкурс по очередному присуждению Демидовской премии.

Получив заключение Академии, А. С. Норов, явно не ожидавший такого поворота дела, решил, не докладывая пока ничего великому князю Константину Николаевичу, отправить рукопись в Цензурный комитет. В свою очередь, великий князь, не получая от А. С. Норова никаких сведений, 27 октября обращается к тому с запросом, когда же можно ожидать заключение от Академии наук (ф. 137, № 145, л. 10).

Русские церковные деятели — члены Академии наук: Историко-биографическое исследование. СПб., 1995. С. 97—98. Названные словарные статьи в отдельных деталях в изложении биографии И. С. Кочетова расходятся. Так, П. Н. Сенько годом смерти И. С. Кочетова называет 1851 г.

²⁷ Шахнович М. Краткая история собирания и изучения русских пословиц и поговорок. С. 368.

²⁸ Плещунов Н. С. К истории печатания «Пословиц русского народа» В. И. Даля. С. 33.

²⁹ Чичеров В. И. Сокровищница народной мудрости. С. XXIV.

Отношение Константина Николаевича А. С. Норову

27 октября 1853 г.

Отпуск.

Прошу Ваше превосходительство взять на себя труд в особенное мне удовольствие сообщить мне, когда можно ожидать от Академии наук заключения ее относительно переданных Академии для рассмотрения собрания пословиц Даля, и буде возможно, ускорить ход этого дела.

Подписал: Константин.
Верно: камергер Головнин.

№ 946.
27 октября 1853 г.
Его превосходительству А. С. Норову.

30 октября А. С. Норов отвечает о положении дел, не заостряя, впрочем, внимания на отрицательном отзыве одного из академиков. Смысл ответа в том, что собрание пословиц «подлежит общей цензуре» и требует некоторых изменений. По-видимому, А. С. Норов еще надеется на благоприятный отзыв Цензурного комитета (ф. 137, № 145, л. 11—12).

Отношение А. С. Норова Константину Николаевичу

30 октября 1853 г.

Ваше императорское высочество,
милостивый государь.

Ваше высочество от 27 сего октября изволили приказать мне донести Вам, когда можно ожидать от Академии наук заключения относительно переданного ей для рассмотрения Собрания пословиц Даля.

Имею честь представить, что Собрание пословиц Даля рассмотрено уже во Втором отделении императорской Академии наук. Основываясь на заключении академиков Востокова и Кочетова, Отделение полагает, что в этом Собрании, которое во всяком случае подлежит общей цензуре, необходимо сделать некоторые изменения, а иное даже исключить, и хотя по недостаточности своих сумм, Отделение не может принять на себя издания в свет рукописи особою книгою, но оно готово поместить этот труд в «Памятниках и образцах народного языка и словесности», как в издании, предназначенном для подобных сочинений. В вознаграждение за это, по принятому правилу, назначается не более 30 рублей серебром за печатный лист и 50 отдельных оттисков статей. Сообщая мне эти сведения, председательствующий в Отде-

лении действительный статский советник Давыдов присовокупил от себя, что если Собрание пословиц будет представлено на соискательство Демидовской премии, то в случае удостоения оной в полном (5 т<ысяч> р<ублей> асс<игнациями>) или половинном (2500 р. асс.) количестве, может быть, сверх того, по особому уважению, выдано вспомоществование на отпечатание.

Ныне рукопись Даля находится в рассмотрении С.-Петербургского цензурного комитета, в который она передана мною еще 19 сентября; для ускорения же хода этого дела я вновь предлагаю о сем тайному советнику Мусину-Пушкину.³⁰

С глубочайшим высокопочитанием и совершенную преданность имею честь быть, милостивейший государь, Вашего императорского высочества

всепокорнейший слуга

Авраам Норов.

№ 2044.

30 октября 1853.

Но Константин Николаевич уже обеспокоен судьбой собрания. Поэтому 1 ноября он пишет А. С. Норову, чтобы тот не забыл, после рассмотрения рукописи цензором, вернуть ее ему. Очевидно, что великий князь проявляет искренний интерес к делу и очень дорожит подаренной ему рукописью В. И. Даля (ф. 137, № 145, л. 14).

Отношение Константина Николаевича А. С. Норову

1 ноября 1853 г.

Отпуск.

Впоследствии отношения Вашего превосходительства от 30 октября, № 2044, прошу Вас принять на себя труд, по рассмотрении общей цензурой Собрания пословиц Даля, прислать мне оное с отметками цензора.

Подписал: Константин.

Верно: камергер Головнин.

1 ноября 1853 г.

Его превосход<одительству> А. С. Норову.

³⁰ *Мусин-Пушкин Михаил Николаевич* (1795—1862) — на 1853 г. член Главного управления цензуры; председатель С.-Петербургского цензурного комитета; попечитель С.-Петербургского учебного округа (1845—1856). Учился в Казанском университете. Участник военных походов 1812—1814 гг. Попечитель Казанского учебного округа; при нем Казанский университет стал центром по изучению восточных языков. Сенатор (1849). См.: *Р-в В. Мусины-Пушкины // Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1897. Т. 20, кн. 39. С. 222—223.*

В то же время, 2 ноября, А. В. Головнин официально, по приказанию Константина Николаевича, обращается к В. И. Далю: согласен ли он на публикацию собрания в «Памятниках и образцах народного языка и словесности». Заключается письмо фразой, которая опять-таки рисует заинтересованную позицию Константина Николаевича (ф. 137, № 145, л. 15).

Отношение А. В. Головнина В. И. Далю

2 ноября 1853 г.

Отпуск.

По приказанию государя великого князя Константина Николаевича имею честь покорнейше просить уведомить меня, для доклада его высочеству, изволите ли Вы согласиться, чтоб Ваше Собрание пословиц было напечатано в «Памятниках и образцах народного языка и словесности» на основании изложенных в копии с прилагаемого сообщения т<айного> с<оветника> Норова, № 2044. Его высочество, желая сохранить все достоинство Собрания сего, изволил выразить намерение всемерно стараться, чтоб в оном не было сделано цензорами несообразных с истиною перемен и исключений.

Подписал: Головнин.
Верно: камергер Головнин.

№ 954.
2 ноября 1853 г.
Его высокоородию В. И. Далю.

В тот же день, 2 ноября, А. В. Головнин написал В. И. Далю и частное письмо по этому же поводу (№ 27463, л. 3—4), приложив отношение А. С. Норова к Константину Николаевичу от 30 октября.

А. В. Головнин к В. И. Далю

2 ноября 1853 г.

2 ноября 1853.
Петербург.

Великий князь генерал-адмирал, желая ускорить решение вопроса, как и когда издать поднесенное его высочеству Вами, почтеннейший Владимир Иванович, собрание пословиц, торопил Авр<аама> Сер<геевича> Норова, и вот ответ Норова на последнюю записку великого князя. — Вследствие одного его высочество приказал мне просить Вас уведомить: согласны ли Вы, чтоб собрание пословиц было напечатано в «Памятниках и образцах народного языка и словесности» на изложенных Авраамом Сергеевичем усло-

виях и сверх того представлено на соискание Демидовской премии. — Относительно замечаний цензуры вел<икий> князь не допускает возможности перемен и исключений в собрании пословиц, где нет ни рассуждений автора, ни вымысла. Впрочем, если последуют замечания, оные будут предварительно сообщены Вам.

Давно уже не имел я от Вас никаких известий. Искренно желаю, чтобы письмо это нашло Вас и Екатерину Львовну³¹ совершенно здоровыми. Я воображаю, как дети Ваши выросли,³² и уверен, что уже никого из них я не узнал бы. — Прошедшее лето я провел в разных местах, сопровождая великого князя в морских переходах по Балтийскому морю и оставаясь при нем в Стрельне и Павловске.³³ Только два дня как мы перебрались на зимнее житье в Петербург. Квартира моя — Литейн<ая> часть, по Итальянской улице, дом Чаруковского, куда и прошу Вас адресовать Ваши письма.

При дворе вел<икого> князя есть фрейлина, которая сохранила о Вас воспоминания давно прошедшего времени — Марья Александровна Воейкова, дочь Алекс<андры> Анд<реевны> Воейковой,³⁴ жившей некогда в Дерпте и умершей в Ливорно. Старшая сестра Ал<ександра> Ал<ександровна> — фрейлиной при вел<икой> княгине Марии Николаевне.³⁵ Эти дамы с восторгом вспоминают, как Вы рассказывали у них Ваши чудные сказки. Если бы Вы могли написать мне что-либо о их покойной матери и вообще о их житье в Дерпте, для прочтения им, то, конечно, доставили бы почитателям Вашим большое удовольствие.

Сверх того, я просил бы по временам, хотя изредка, писать что-нибудь о Нижнем Новгороде, о губернской жизни, о быте и отношениях удельных крестьян,³⁶ для прочтения вел<икому> князю, чтобы сблизать его и Россию, знакомить с местами, лицами и обстоятельствами вне круга придворного и столичного. Подобное зна-

³¹ *Даль Екатерина Львовна* (1819—1872) — вторая жена В. И. Даля.

³² Дети В. И. Даля от первого брака: Лев (1834—1877; будущий архитектор), Юлия (1838—1863; скончалась в девичестве); от второго брака: Мария (1841—?; в замужестве Станишева), Ольга (1842—1916; в замужестве Демидова), Екатерина (1845—?; автор воспоминаний об отце).

³³ Стрельнинский и Павловский дворцы с середины XIX в. до 1917 г. принадлежали Константину Николаевичу и его детям.

³⁴ *Воейкова Мария Александровна* (1826—1906) — фрейлина великой княгини Александры Иосифовны (1830—1911), дочь Александры Андреевны Воейковой (урожд. Протасовой) (1795—1829), племянницы В. А. Жуковского, жены поэта, критика, профессора Дерптского университета (1814—1820) Александра Федоровича Воейкова (1777—1839). См.: *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. Л., 1988. С. 72—73; Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве. 1853. СПб., [1853]. Ч. 1. С. 17.

³⁵ *Воейкова Александра Александровна* (1817—1893) — старшая сестра М. А. Воейковой, фрейлина при великой княгине *Марии Николаевне* (1819—1876) (дочь Николая I, жена герцога Максимилиана Лейхтенбергского).

³⁶ В. И. Даль в Нижнем Новгороде служил управляющим местной удельной конторы, то есть ведал делами 37 тысяч крестьян, принадлежавших августейшей семье. Вопрос А. В. Головнина об удельных крестьянах свидетельствует о том, что уже в 1853 г. окружение великого князя Константина Николаевича думало о реформах.

комство может отозваться благотельно в делах, и Вы сделаете истинно доброе дело, сообщив понемногу восприимчивому уму его правильные взгляды на многое и верные суждения, а между тем его покровительство может со временем пригодиться Вашим детям.

Душ<евно> пред<анный>

А. Головнин.

В те же дни А. С. Норов получил из Цензурного комитета рапорт цензора Ю. Е. Шидловского³⁷ (ф. 137, № 145, л. 22—26; см. также: № 27468 — копия, посланная В. И. Далю); отзыв был полностью отрицательным и указывал на те же непозволительные, с точки зрения цензора, богохульские изречения, что и И. С. Кочетов. Так как этот документ полностью никогда не публиковался, приведем его по копии, хранившейся в архиве Константина Николаевича.

Отзыв цензора Ю. Шидловского на рукопись В. И. Даля

29 октября 1853 г.

Копия с доклада 29 октября 1853 года председателю С.-Петербургского цензурного комитета цензора сего комитета коллежского советника Шидловского.

Рассмотрев рукопись г. Даля под заглавием «Пословицы русского народа», имею честь доложить о ней следующее.

1) В рукописи г. Даля находятся пословицы, поговорки, при словья, сказочные и песенные прибаутки, скороговорки, пустоговорки, загадки, догматы и поговорки раскольников, приметы, суеверья, клятвы, даже заговоры и пошепты колдунов и колдуний, и тут же помещены во многих местах рукописи тексты Священного писания. Такое смешение слов Священного писания с поговорками и пустословием народным может оскорбить религиозное чувство читателей.

2) Заглавия страниц рукописи не соответствуют их содержанию, отчего происходит вредная двусмысленность. Так, например, на листе 18 и обор<от> под заглавием «Ханжество» помещены следующие изречения:

Русский Бог велик.

Всяк язык Бога хвалит.

У них вера крепка (говоря о народе, значит: нравственность хороша).

На листе 223 под заглавием «Закон» читаем:

³⁷ Шидловский Юрий Ефимович — цензор С.-Петербургского цензурного комитета, надворный советник. См. о нем: Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве. 1853. СПб., [1853]. Ч. 1. С. 166.

Два медведя в одной берлоге не уживутся.
Калиф на час.

На листе 128 под заглавием «Утешение» видим:

Хоть плюй в глаза, все Божья роса.
Голодный волк и заvertки рвет.
Нужда стену ломит.

На листе 113 обор<от> и 114 читаем под заглавием «Призна-
тельность»:

Черт, отдай мою молитву.
Не сули царства небесного, а не бей кнутом.
Око за око, зуб за зуб.
Кровь за кровь.

Несмотря на то, что смысловой порядок, данный автором посло-
вицам, должен выражать образ мыслей народа по разным пред-
метам, страниц, не соответствующих по содержанию своему сде-
ланным над ними заглавиям, очень много в рукописи.

3) Пословицы, поговорки и загадки, заключающие в себе слово
Бог и названия предметов, относящихся к религии, стоят рядом или
очень близко с изречениями, возбуждающими смех или заключаю-
щими в себе слова, которые не должны бы находиться в соприкос-
новении с предметами важными. Это же самое неуместно видеть и
отдельно в смешной загадке или поговорке. Таких мест много в ру-
кописи. Выписываю некоторые для примера:

Я с добром, а он с дерьмом.
За неблагодарных Бог благодарит
(лист 112 обор<от>).

Тишь да ладь да Божья благодать.
Дай Бог в честь да в радость.
Будь здорова, как корова, плодovitа, как
свинья (лист 196 обор<от>).

Плюнь да отойди.
Смелым Бог владеет
(лист 248).

Двенадцать апостолов и колен израильских.
Тринадцатый под стол.
Един Бог, десять заповодей, двенадцать
апостолов.

Две тысячи веников.
(Далее следует о мышах и козах)
(лист 67 обор<от>).

Гол да наг — перед Богом прав.
Наплевал бы, так хоть лапу сосал бы
(лист 58 обор<от>).

На кого Бог, на того и люди.
На кого люди, на того и собаки
(лист 135).

Не оттого оголели, что сладко пили да ели,
а видно так Бог дал.
На колбасах штаны проел
(лист 358 обор<от>).

На то лето — не на это, а на тот год, когда
черт умрет.

В Вознесенье, когда будет оно в воскресенье
(т. е. никогда)

(лист 277 обор<от>).

Жив, жив курилка — не умер,
жив Бог, жива душа моя

(лист 21).

Медной посуды — крест да пуговица,
рогатой скотины — петух да курица

(лист 57).

Прело, горело, осиново полено,
за море летело, за морем церковь,
в церкви икона, живопись куликова,
шишел, вышел, вон пошел

(лист 70 обор<от>).

Также не должно соединять следующие изречения и им подобные:

У него руки долги (т. е. власти много).

У него руки длинные (т. е. он вор)

(лист 300 обор<от>).

4) Искражены имена св. угодников Божиих, как например, на лис<тах> 435—479 рукописи читаем: Никиты гусятника; Евдокии огуречницы; Дарьи грязная пролубницы, оклады, замарай пролуби; Ивана Купала; Миколы; Николы; Аксиньи гречушницы; Авдотьи плющицы; Иова горошника; Еремея запрягальника и проч. Такое искажение имен св. угодников Божиих оскорбляет святыню и крайне неуместно было бы видеть его в печати.

Приняв все это во внимание, по моему мнению, рукопись г. Даля к напечатанию в настоящем ее виде допустить невозможно. Она требует многих со стороны автора поправок и изменений. В ней вообще встречаются те разногласия в народных убеждениях и те выводы суеверных предубеждений, которые постоянно изглаживались в течение многих столетий, а потому не должны быть вновь возбуждаемы, так как в настоящее время церковь и правительство, в благодетельных своих назиданиях, далеко уже отвлекли народ от тех пагубных увлечений, которые обуревали его младенчество, и что следовательно разные встречаемые в рукописи пословицы и поговорки раскольников, оуждение правильной цивилизации, кощунство, пословицы и поговорки против православного духовенства, казны, власти вообще, службы, закона и судей, дворянства, солдат, крестьян и дворовых людей, клятвы, суеверья и колдовство не только бесполезны, но, смею сказать, положительно вредны. Сюда же должно отнести пословицы и поговорки, опасные для нравственности народной вообще, также и поговорки семинаристов. Все это, по моему мнению, не должно быть допущено к напечатанию. Вообще сборник г. Даля в настоящем его виде требует так много исключений, что они могут составить более четверти рукописи.

Посему, основываясь на ст. 3 Устава о цензуре и на конфиденциальном предложении г<осподина> товарища министра народного

просвещения от 25 апреля 1853 года № 827, я полагаю: не допуская рукопись г. Даля к напечатанию в настоящем ее виде, предоставить автору сделать в ней надлежащие изменения и исключения, с тем, чтобы при последующем представлении рукописи в Цензурный комитет она была подвержена новому рассмотрению. Мнение сие имею честь представить на благоусмотрение Цензурного комитета.

/Подлинный подписал/ цензор Ю. Шидловский.
29 октября 1853 года.

Верно: старший секретарь канцелярии министра народного просвещения Пр. Янкович.

6 ноября А. С. Норов возвращает Константину Николаевичу рукопись В. И. Даля и прилагает к ней копии с отзывов Ю. Е. Шидловского и академиков А. Х. Востокова и И. С. Кочетова. В сопроводительном письме он формулирует и свое мнение: «печатание рукописи в настоящем ее виде разрешено быть не может», необходимы изменения и исправления (ф. 137, № 145, л. 20—21).

Отношение А. С. Норова Константину Николаевичу

6 ноября 1853 г.

Ваше императорское высочество,
милостивый государь.

Впоследствии рескрипта, коим Вашему императорскому высочеству благоугодно было удостоить меня от 1-го сего ноября, и полученного мною ныне донесения С.-Петербургского цензурного комитета, поспешаю почтительнейше представить при сем обратно рукопись «Собрания русских пословиц» Даля, в 2-х томах, и приложить как копию с рапорта рассматривавшего эту рукопись цензора Шидловского, так и мнения двух академиков. Ваше императорское высочество изволите усмотреть из отзыва цензора, мнение которого, как доносит мне тайный советник Мусин-Пушкин, разделяет и С.-Петербургский цензурный комитет, что печатание рукописи в настоящем ее виде разрешено быть не может.

Соображая такой отзыв с заключением двух академиков, коим поручаемо было предварительное обсуждение этого труда, я полагал бы и с своей стороны полезным, если бы г. Даль счел возможным в своем важном Собрании сделать изменения и исправления, соответствующие в главных местах, изложенным в рапорте Шидловского цензурным требованиям.

С глубочайшим высокопочитанием и неограниченную преданностью имею честь быть, милостивейший государь, Вашего императорского высочества

всепокорнейший слуга

Авраам Норов.

№ 2125.

6 ноября 1853 года.

Отзыв Ю. Е. Шидловского хранит на себе следы знакомства с ним Константина Николаевича, причем характер замечаний великого князя таков, что можно понять, что он во многом не согласен с цензором. Начиная с поговорки «Не оттого оголели, что сладко пили да ели, а видно так Бог дал» отчеркнуто карандашом до изречения «Жив, жив курилка, не умер: жив Бог, жива душа моя» и рукой Константина Николаевича написано: «можно» (то есть можно печатать). По поводу поговорок «У него руки долги» и «У него руки длинные» стоит то же замечание. И только относительно выписок Ю. Е. Шидловского от поговорки «Я с добром, а он с дерьмом» до «Две тысячи веников» великий князь делает уступку цензору: «Это все можно пропустить».

9 ноября А. В. Головнин пишет В. И. Далю официальное отношение и высылает собирателю в Нижний Новгород копии отзывов А. Х. Востокова, И. С. Кочетова и Ю. Е. Шидловского (№ 27463, л. 5).

Отношение А. В. Головнина В. И. Далю

9 ноября

По приказанию великого князя генерал-адмирала, препровождая при сем отзыв т<айного> с<оветника> Норова, № 2125, с приложениями, имею честь покорнейше просить возвратить оный в Канцелярию его высочества с Вашими соображениями, изложенными с полною откровенностью для доклада великому князю.

Покор<ный> сл<уга> А. Головнин.

9 ноября 1853.

Петербург.

Его высокоблагородию Влад. Ив. Далю.

Наконец-то сам собиратель смог познакомиться с отзывами на свой труд. 17 ноября В. И. Даль пишет свою объяснительную записку, неоднократно цитировавшуюся в нашей литературе в отрывках и опубликованную в свое время Н. С. Плещуновым по варианту, отложившемуся в фонде В. И. Даля (№ 27470, л. 1—2). Так как сверху на этом документе рукой В. И. Даля написано «оставлено», то публикатор решил, что собиратель так и не отослал записку в Петербург. На самом деле это не так. В архиве Константина Николаевича находится другой, более эмоциональный, вариант этого документа, который и был отослан великому князю (в фонде В. И. Даля находится черновой автограф данного варианта). Публикуем его целиком (ф. 137, № 145, л. 16—17).

Объяснительная записка В. И. Даля

17 ноября 1853 г.

Вследствие объявленного мне приказания его высочества генерал-адмирала имею честь представить объяснения мои по отзывам цензуры и Академии о моем сборнике.

Отзывы эти в двух словах заключаются в том, 1-е, что сборник составлен небрежно; 2-е, что он не может быть напечатан.

В самом посвящении его высочеству я сказал: «Это труд для меня непосильный, потребовавший нескольких лет, и при всем том не доведенный до должного порядка и оконченности». Может быть, недостаток этот в отзывах не совсем справедливо назван небрежностью.

Век мой на исходе, досугу от служебных занятий остается мало, немочи одолевают — я сделал, что смог; пусть за мною потрудятся другие, им уже будет полегче.

Что сборник не может и не должен быть ныне напечатан, в этом я не только давно был убежден, но я его даже и вовсе не готовил для печати.

Опровергать засим, в частности, те из критических замечаний, которые мне кажутся неосновательными, было бы излишним и неуместным. Скажу только, что точки зрения и самые убеждения бывают неодинаковы. Так, например, можно взять два огромные томы и, перелистывая их, отыскивать то, что может дать предлог и повод к порицанию; и можно взять эти же томы и сказать: вот огромный, небывалый запас для изучения русского языка, народной мудрости и суетности. Это не сочинение, и собиратель не отвечает за то, что ему удалось; в порядке расположения можно бы еще сделать много улучшений, но это вообще труд, которому нет конца; каждый может пополнить, исправить и располагать по готовому, как ему угодно; благо запас собран и сохранен.

Это относится до точки зрения или взгляда; относительно убеждений — говорить труднее. Академия не только признает печатание сборника небезопасным, но даже опасается от него развращения нравов. Один из сочленов ее, для большей вразумительности, придумал даже для моего сборника свою собственную пословицу, сказав, что это куль муки и шепоть мышьяку. Если 35-ти летний мой труд мог побудить почтенного и всеми уважаемого академика к сочинению и применению такой пословицы, — то сборник мой очевидно развращает нравы. Остается положить его на костер и предать всесожжению.

С сущностью отзывов цензуры и Академии я согласен: пословицы не расположены окончательно в смысловом порядке и печатать сборника нельзя; но я не вижу, каким образом можно вменить человеку в преступление, что он собрал и записал, сколько мог собрать, различных народных изречений, в каком бы то ни было порядке. А между тем, отзывы эти отзываются какими-то приговорами преступнику.

Мне остается только просить, как милости, чтобы делу этому благоволено было не давать более никакого хода; никогда я не предполагал печатать своего сборника и ныне отнюдь этого не желаю.

Участь и судьба писателя нередко зависит именно от таких судей, которые всюду ищут и, к сожалению, находят отраву. Не знаю, до какой степени сборник этот может быть вреден или опасен для других, но вижу, что он мог бы сделаться весьма небезопасным собственно для меня. Но я представил рукопись его высочеству только для покровительственного сохранения ее; более я ни о чем не прошу и ничего не желаю. Приношу искреннюю, глубочайшую признательность мою за милостивую, истинно просвещенную заботливость о труде моем и за теплое к нему сочувствие, но прошу откровенно, как последней милости, оставить всякое помышление о напечатании его.

В. Даль.

17 ноября 1853 г.

Как видим, к середине ноября В. И. Даль уже отчаялся увидеть свое детище напечатанным. Более того, цензурная история его не просто огорчила, но явно испугала. Дело в том, что писателю не раз в своей жизни уже приходилось сталкиваться с ситуацией, когда написанное слово становилось небезопасным для свободы автора. В 1823 г. в Николаеве, будучи молодым мичманом, он сочинил сатирические стихи, направленные против адмирала А. С. Грейга, сарика, влюбившегося в некую молодую особу. В результате В. И. Даль оказался под судом. Через девять лет, в 1832 г., «Русские сказки Казака Луганского (Пяток первый)» вызвали неудовольствие властей и даже однодневный арест автора. В 1842 г. цензурный комитет остановил печатание романа В. И. Даля «Вахх Сидорович Чайкин». В 1848 г. у писателя были цензурные неприятности с рассказом «Ворожейка», закончившиеся выговором его непосредственного начальника Л. А. Перовского и побудившие его к переезду в Нижний Новгород. В 1851 г. подготовленный В. И. Далем «Месяцеслов» (кстати, затем включенный фольклористом в «Пословицы русского народа») был запрещен цензурой. Поэтому неудивительно, что отзывы И. С. Кочетова и Ю. Е. Шидловского, в отдельных своих пассажах похожие на политический донос, испугали немолодого собирателя.

Иной была позиция Константина Николаевича, чье положение в Российской империи позволяло не беспокоиться о собственной безопасности. Сложно сказать, когда великий князь смог ознакомиться с объяснительной запиской В. И. Даля. Тот, без сомнения, пользовался служебными каналами почты, поэтому не исключено, что записка была в руках Константина Николаевича уже к 24 ноября. Великий князь в это время еще не потерял надежду на публикацию собрания и поэтому 24 ноября он обращается к М. А. Корфу с просьбой просмотреть сборник и отзывы на него и составить по этому поводу свое мнение (ф.137, № 145, л. 46).

Отношение Константина Николаевича М. А. Корфу

24 ноября 1853 г.

Отпуск.

Прошу Ваше превосходительство принять на себя труд в особенное мне одолжение просмотреть прилагаемые при сем отзвыы о Собрании пословиц, которое представлено мне ст<атским> сов<етником> Вл. Далем, и сказать мне откровенно Ваше мнение о возможности печатать этот сборник, на который я смотрю как на огромный материал, который подлежит еще разработать, но разработка сия была бы, конечно, несравненно легче, если б собрание пословиц было напечатано и доступно многим любителям и знатокам русского слова.

Подписал: Константин.

Верно: камергер Головнин.

24 ноября 1853 г.

Его превосходительству барону М. А. Корфу.

М. А. Корф реагирует очень быстро — буквально в течение одного дня. Уже 25 ноября его отзыв был готов. Предложение его следующее: опубликовать собрание в полном виде в ограниченном числе экземпляров не для продажи, с тем чтобы книга оказалась только в крупных библиотеках. Этот документ, насколько нам известно, в полном виде также никогда не публиковался. Приводим письмо М. А. Корфа Константину Николаевичу и его Предложения (ф. 137, № 145, л. 47—49 — автографы).

Сопроводительная записка М. А. Корфа Константину Николаевичу

25 ноября 1853 г.

В исполнение повеления Вашего императорского высочества поспешаю почтительнейше представить в прилагаемой записке соображения мои о Сборнике г. Даля, осмеливаюсь с тем вместе повергнуть к стопам Вашим глубокую мою благодарность за сей знак милостивого ко мне доверия.

Статс-секретарь барон Модест Корф.

25 ноября 1853.

25 ноября 1853 г.

Тщательно обозрев возникшие на Сборник статского советника Даля замечания, я вижу в них два вопроса: один — о достоинстве сего сборника, другой — о его напечатании. Хотя мне предложен один последний, но я осмелюсь коснуться в нескольких словах и первого, по неразрывной их между собою связи.

Заключение академика Кочетова есть, что труд г. Даля в собрании пословиц русского народа и пр. достоин признательности, а недостаток в разборчивости при помещении материалов в сборник достоин сожаления. Соглашаясь вполне с первою частью этого заключения, не могу сказать того же о второй. Каждую работу должно судить по ее цели. Г. Даль предположил себе собрать все, а при такой цели — скажу откровенно, высокой и умной — можно бы сожалеть не о полноте, если она достигнута, а напротив, о пропусках, если б он дозволил себе такие по личному своему взгляду и разбору: следственно, недостаток того, что г. Кочетов называет разборчивостью, составляет не порок, а достоинство Сборника. Смею только думать, что лучше бы было не систематизировать собранного: простое народное слово должно и жить в той же простоте, в какой оно вылилось и внедрилось в предании, без искусственных подразделений, без попытки приводить в смысловой порядок такие вещи, которые часто не имеют никакого истинного смысла. Тогда отклонен бы был и повод к упреку в небрежности, — упреку довольно, впрочем, странному, так как он касается той части работы, которая стоила г. Далю именно наибольшего труда.

Обращаясь к вопросу о напечатании Сборника, я нахожу, что оно могло бы быть предположено в двух видах: или в полном его составе, или с пропусками.

Напечатать Сборник в полном его составе обыкновенным порядком для выпуска в публику — невозможно. Еще недавно государь император запретить изволил допускать в печать даже критики на зловредные иностранные сочинения, чтобы не разливать их яда под предлогом опровержений, а здесь множество лжеучений и вредных начал, может быть, еще более опасных для нашего народа, нежели мечтательные теории Запада,* изобразится во всей нагоде, и даже без всякого опровержения или вразумления. Это было бы совершенно противно нашим цензурным правилам и тому, что ими выражается: попечению правительства об утверждении добрых нравов и о соответственном потребностям народа просвещении его.

Напечатать Сборник с пропусками — все равно, что ничего не печатать: ибо что же и составляет его главное, может быть, единственное достоинство, как не полнота?

Но нет ли иного еще способа, чтобы книге, имеющей в себе столько полезного, дать полное практическое приложение без страха перед влиянием того, что есть в ней вредного?

Сборник пословиц в том виде, как он задуман и исполнен г. Далем, есть книга, для которой должно желать не читателей, а ученых исследователей, не той публики, которая слепо верит во все печатное

и посредством его укрепляется в своих заблуждениях или создает себе новые, а такой, которая умеет возделывать и дурную почву и извлечь из нее живоносный плод: следственно, круга самого ограниченного, которому не страшно дать в руки нравственный яд, как искусному врачу яд физический. В этом тесном кругу: для филолога, историка, этнографа, богослова, — сборник г. Даля представил бы небывалый, драгоценный запас к изучению отечественного слова, отечественной жизни, народной мудрости и, вместе, народных предрассудков и суеверий. Отсюда мысль: нельзя ли сей Сборник напечатать в виде манускрипта, без всяких пропусков, в нескольких только экземплярах, не для продажи и обращения в народе, а единственно для хранения в главных библиотеках: Публичной, университетских, духовных Академий и некоторых ученых обществ?

Выгоды сего предположения очевидны. С одной стороны, важный труд г. Даля охранится от тех случайностей, которым так легко подвержена рукопись в одном экземпляре; с другой стороны, ученым специалистам на всех концах России будет открыта всегдашняя возможность им пользоваться в упомянутых Библиотеках, а между тем этот «куль муки с щепотью мышьяку» не попадет в те слои народные, для которых его содержание могло бы быть вредно и опасно.

Нельзя, впрочем, скрыть, что и при сей мысли встречается затруднение, хотя лишь материальное, но которое может остановить все дело. Это — издержки на напечатание, по объему рукописи — не малозначительное. Ими пришлось бы уже пожертвовать безвозвратно.

Излишне, наконец, было бы присовокуплять, что и в сем виде к напечатанию Сборника можно приступить — за отзывами цензуры и министерства народного просвещения — не иначе, как с особого высочайшего соизволения.

25 ноября 1853.

* Например, все пословицы и изречения раскольничьи, или иначе — ведущие к религиозному соблазну.

В советской литературе этот вынужденный проект М. А. Корфа подвергался саркастическим интерпретациям. В. И. Порудоминский, например, называет его «скопческим», а вся эта страница цензурных мытарств далеvской рукописи под его пером выглядит следующим образом: «Барон Модест Андреевич Корф, директор Публичной библиотеки (и он же — член Негласного комитета для надзора за книгопечатанием), рассудил по-своему: поскольку цель Далева труда „собрать все“, сборник следует напечатать „в полном его составе“, но поскольку это было бы „совершенно противно“, „попечению правительства об утверждении добрых нравов“, сборник следует напечатать „в виде манускрипта... в нескольких только экземплярах“ — и то „к напечатанию сборника можно приступить за отзывами цензуры и министерства народного просвещения“, да вдобавок — „не иначе как с особого высочайшего соизволения“. Прелюбопытнейшая мысль Корфа: „Сборник пословиц в том виде, как

он задуман и исполнен г. Далем, есть книга, для которой должно желать не читателей (!), а ученых исследователей, не той публики, которая слепо верит во все печатное... а такой, которая умеет возделать и дурную почву (!)“ . Даль всему народу хотел возратить взятые у него сокровища, а Корф предлагал (как милость !) держать труд Даля для нескольких ученых мужей под замком, в главных библиотеках».³⁸

Но возможно и иное понимание описанной ситуации: М. А. Корф, зная глубокую заинтересованность Константина Николаевича в напечатании собрания пословиц и понимая невозможность, после неблагоприятных отзывов Академии, осуществить этот план, предлагает единственно осуществимый выход — выход, продиктованный одним из эпизодов его собственной жизни. Для того чтобы понять, почему великий князь обратился за помощью именно к М. А. Корфу, напомним читателю его биографию.

Модест Андреевич Корф (1800—1876) был соучеником А. С. Пушкина по Царскосельскому Лицею. Начав в 1817 г. службу переводчиком в Министерстве юстиции, затем, в 1823 г., он перешел в Министерство финансов чиновником особых поручений, а в 1826 г. — чиновником в Собственную его императорского величества Канцелярию — во II отделение, занимаясь кодификацией законов. Здесь М. А. Корф принял активное участие в подготовке «Полного собрания законов» (1830; т. 1—45) и «Свода законов» (1832; т. 1—15). Деловитость и административные способности М. А. Корфа были замечены, и в 1831 г. он был назначен чиновником по управлению делами Комитета министров. В 1834 г. он уже статс-секретарь (то есть управляющий делопроизводством одного из департаментов Государственной канцелярии, существовавшей при Государственном Совете), а в 1839—1843 — государственный секретарь (возглавляет всю Государственную канцелярию). В 1843 г. М. А. Корф стал членом Государственного Совета. В 1861 г. назначен главноуправляющим II отделением Собственной его императорского величества Канцелярии. В 1864—1872 гг. — он председатель департамента законов Государственного Совета. 1 января 1872 г. уволен в отставку с пожалованием графского достоинства.

В историю русской культуры М. А. Корф вошел как директор Публичной библиотеки — пост, на котором он пребывал в течение 1849—1861 гг. (при сохранении всех прежних должностей). М. А. Корф сумел организовать работу библиотеки на качественно новом уровне. Среди многих нововведений, проведенных им, было и создание новых каталогов, и упрощение правил доступа в библиотеку для читателей, и учреждение отделения «Россики», и собиранье изданий Вольной русской типографии А. И. Герцена.

При этом следует отметить, что политические взгляды М. А. Корфа были достаточно консервативными. Знаменательно, что его докладная записка Николаю I о вредном влиянии журналов «Отечественные записки» и «Современник» послужила толчком для создания 2 апреля 1848 г. Негласного комитета для надзора над пе-

³⁸ *Порудоминский В. И.* Даль. С. 302—303.

чатку — учреждения, печально известного в истории отечественного книгопечатания. М. А. Корф был сначала членом этого Комитета, а с 1853 г. — его председателем. Именно эта должность М. А. Корфа и заставила великого князя Константина Николаевича обратиться к нему для разрешения сложной ситуации вокруг «Пословиц русского народа».

Вторая причина, подвигшая Константина Николаевича искать совета у М. А. Корфа, была в том, что последний в 1840-е годы преподавал юридические науки великому князю. Таким образом, это было обращение ученика за помощью к своему учителю.³⁹

Решение, предложенное М. А. Корфом, — издание труда В. И. Даля в малом числе экземпляров — также не случайно. В его собственной деятельности прецедент такого рода уже был. В 1848 г. М. А. Корф по просьбе будущего Александра II и с разрешения Николая I напечатал 25 экземпляров книги «Историческое описание 14 декабря 1825 года и предшедших ему событий». Второе издание этой книги, также предназначенное для узкого круга лиц, было осуществлено в 1854 г. И только после кончины Николая I и помилования декабристов эта книга под иным заглавием вышла в свет для широкой публики (см.: Восшествие на престол императора Николая I. СПб., 1857).

Константин Николаевич очень внимательно ознакомился с докладной запиской М. А. Корфа. Об этом свидетельствует копия докладной записки, посланная В. И. Далю (№ 27464): на полях имеются карандашные пометы В. А. Головнина, отражающие мнение великого князя. Так, по поводу предложения М. А. Корфа не систематизировать пословицы отмечено: «С этим его высочество не соглашается» (л. 2). В том месте, где М. А. Корф подчеркивает, что собрание В. И. Даля это драгоценный материал для филологов, историков и этнографов, помечено: «Его высочество совершенно разделяет мнение ст<атского> секр<етаря> бар<она> Корфа» (л. 4). По поводу замечания о немалозначительных расходах для напечатания ограниченного тиража не для продажи: «Имеется в виду испросить назначения суммы» (л. 5). На указание о том, что для печатания потребуется особое высочайшее соизволение: «Предполагается войти со всепод<даннейшим> докладом в случае согласия г. Даля» (л. 5 об.).

Как видим, Константин Николаевич вполне соглашается с предложениями опытного в делах М. А. Корфа. Об этом свидетельствует и его отношение (ф. 137, № 145, л. 54).

³⁹ См. о М. А. Корфе: *Голубева О. Д.* Корф Модест Андреевич // Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры: Биограф. словарь. СПб., 1995. Т. 1: Императорская Публичная библиотека. 1795—1917. С. 275—282.

Отношение Константина Николаевича М. А. Корфу

26 ноября 1853 г.

Отпуск.

Вполне соглашаясь с мнением Вашего превосходительства насчет Собрания пословиц ст<атского> сов<етника> Даля, я весьма благодарю Вас за труд рассмотрения оных, и постараюсь исполнить Ваше предположение.

Подписал: Константин.
Верно: камергер <Головнин>.

26 ноября 1853 г.
Его превосходительству барону М. А. Корфу.

В тот же день, 26 ноября, А. В. Головнин по распоряжению Константина Николаевича запрашивает В. И. Даля, согласен ли он на предложение М. А. Корфа о печатании пословиц в малом числе экземпляров (ф. 137, № 145, л. 52; этот документ отложился также в архиве В. И. Даля — № 27463, л. 6).

Отношение А. В. Головнина В. И. Далю

26 ноября 1853 г.

Отпуск.

По приказанию государя великого князя генерал-адмирала, в ответ на записку Вашу от 17 ноября, имею честь препроводить копию соображений статс-секретаря барона Корфа (председателя Негласного высшего цензурного комитета) относительно напечатания Собрания пословиц в ограниченном числе экземпляров и покорнейше прошу почтить меня уведомлением для доклада его высочеству, согласны ли Вы на подобное распоряжение.

Подписал: А. Головнин.
Верно: губернский секретарь <подпись неразборчива>.

26 ноября 1853 г.
Его высокоородию В. И. Далю.

Одновременно Константин Николаевич дает распоряжение контр-адмиралу Богдану (Готлибу) Александровичу Глазенапу (1811—1892),⁴⁰ директору Морского кадетского корпуса, который имел свою

⁴⁰ О Б. А. Глазенапе см.: *Александрович Е. Глазенап* Богдан (Готлиб) Александрович // *Русский биографический словарь*. М., 1916. Том «Гербергский — Гогенлоэ». С. 254—256.

типографию, подсчитать, во сколько обойдется напечатание далевского собрания в количестве 100 экземпляров (ф. 137, № 145, л. 53).

Отношение Константина Николаевича Б. А. Глазенапу

26 ноября 1853 г.

Отпуск.

Прошу вас представить самый экономический расчет: что могло бы стоить напечатать в Вашей типографии (считая бумагу, печать, корректуру, самый простой переплет и пр.) 100 экземпляров посылаемого при сем Собрания пословиц.

Подписал: Константин.
Верно: камергер Головнин.

26 ноября 1853 г.
Его превосходительству Б. А. Глазенапу.

Уже 28 ноября Б. А. Глазенап представил великому князю примерную смету (ф. 137, № 145, л. 57).

Отношение Б. А. Глазенапа Константину Николаевичу

28 ноября 1853 г.

Имею счастье представить у сего Вашему императорскому высочеству на утверждение 20-ый полулист Описи Архива.

Кроме того, вследствие полученного приказа, всепреданнейше представляю два образца предполагаемого издания сочинения Даля.

Ценность издания по образцу № 1

Число печатных листов — 90.

Плата за набор, печатание и корректуру

по 8 р<ублей> серебром за лист, а за 90 листов — 720 р.

Бумаги 19 стоп, по 4 р<убля> сер<ебром> за стопу — 76.

Переплет по 20 коп<еек> сер<ебром>, за 100 экземпляров — 20.

Всего — 816

Ценность издания по образцу № 2

Число печатных листов около 70.

Плата за набор, печатание и корректуру

по 9 р<ублей> сер<ебром> за лист, а за 70 листов

— 630 р<ублей> сер<ебром>.

Бумаги 15 стоп, по 4 р<убля> сер<ебром> за стопу — 60.

Переплет по 20 коп<еек>, за 100 экзempl<яров> — 20.

Всего — 710 р<ублей>
сер<ебром>.

Свиты его величества контр-адмирал
Глазенап.

28 ноября 1853.

К письму Б. А. Глазенапа были приложены два образца типографского набора пословиц. Эти листы также в настоящее время находятся в архиве Константина Николаевича (ф. 137, № 145, л. 58—59). 29 ноября А. В. Головнин пишет В. И. Далю (№ 27463, л. 7):

Отношение А. В. Головнина В. И. Далю

29 ноября 1853 г.

По приказанию великого князя генерал-адмирала имею честь препроводить две пробы печатания пословиц, изготовленные в типографии Морского корпуса, и покорнейше прошу с возвращением оных уведомить: 1) которая из двух по Вашему мнению должна быть избрана (в случае вообще согласия Вашего на печатание пословиц согласно предложению барона Корфа в небольшом числе экземпляров) и 2) не признаете ли удобным, чтобы к<онтр>-ад<мирал> Глазенап посылал Вам корректуру.

Покорнейший слуга А. Головнин.

Петербург.

29 ноября 1853.

Его высокоородию В. И. Далю.

5 декабря В. И. Даль отвечает А. В. Головнину согласием на печатание сборника на условиях, сформулированных М. А. Корфом.

Письмо В. И. Даля А. В. Головнину

5 декабря 1853 г.

Милостивый государь Александр Васильевич!

Спущен корабль на воду — сдан Богу на руки; вот что остается мне сказать на милостивое предложение его высочества напечатать пословицы мои, несмотря ни на какие затруднения. Прилично ли было бы мне противиться этому? Я боюсь ответственности; вот все, что могу сказать.

Если печатание состоится, то принимаю с особенною признательностью распоряжение о высылке мне корректуры; у меня накопилось

еще сот пяток или поболее речений. Я их вставлю на своем месте. № 1 набора, конечно, лучше, потому что четче и по нужде можно для себя вписать тут и там прибавочную пословицу; но бумаги пойдет на целую треть более, а она дорога; особенно, если печатать на писчей (клеенной) бумаге, с широкими полями, для заметок и дополнений.

Покорнейше прошу принять уверение в совершенном почтении и преданности моей

В. Даль.

№ 183.

5 декабря 1853 г.

Нижний.

Это письмо (автограф) отложилось в архиве Константина Николаевича (ф. 137, № 145, л. 61); черновой вариант, по которому Н. С. Плещунов опубликовал его отрывок, находится в фонде самогособиранателя (№ 27471). Письмо свидетельствует, что несмотря на то, что пословицам покровительствует сам великий князь, опасения за возможные последствия собиранателя не оставляют («я боюсь ответственности»). Близится пенсия, и В. И. Далю совсем ни к чему служебные разборательства.

В тот же день, 5 декабря, В. И. Даль пишет еще одно письмо — известному журналисту М. П. Погодину, своему давнему знакомому, не государственному чиновнику, которому можно было излить горечь в связи со всей цензурной историей: «Все помешаны на бумажной исполнительности, не заботятся о деле... А вот Вам образчик: Пословицы я услал великому князю Константину Николаевичу, он передал министру просвещения; этот в тоске — Российской Академии, которая дала отзыв, что печатать подобные вещи — значит отравить пищу и питье народу... Знай наших! Бей своих, чужие бояться станут».⁴¹

Итак, в начале декабря 1853 г. великий князь Константин Николаевич, судя по всему, был уверен в успехе предприятия. Но необходимо было, на что указывал в своем предложении М. А. Корф, еще получить разрешение императора. Константин Николаевич, видимо, не сомневался в согласии Николая I: ведь позволил тот когда-то напечатать книгу М. А. Корфа о декабристском восстании. Разговор Константина Николаевича с отцом по поводу пословиц В. И. Даля состоялся, по-видимому, незадолго до 17 декабря. Как сообщает А. В. Головин В. И. Далю в письме от 22 февраля 1854 г. (см. ниже), великий князь сообщил императору мнение Академии и предложение М. А. Корфа. Николай I, склонный отказать, не удовлетворившись частной беседой со своим сыном, потребовал официального доклада Министерства народного просвещения.

17 декабря Константин Николаевич, соблюдая субординацию, принятую в государственных делах, пишет товарищу министра

⁴¹ Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1898. Кн. 12. С. 272.

народного просвещения А. С. Норову отношение, в котором просит А. С. Норова «исходатайствовать высочайшее разрешение напечатать пословицы Даля согласно предложению» М. А. Корфа (ф. 137, № 145, л. 62).

Отношение Константина Николаевича А. С. Норову

17 декабря 1853 г.

Отпуск.

Его превосходительству
А. С. Норову.
17 декабря 1853 года.

Ваше превосходительство сообщили мне 6 ноября № 2125 сообщения о неудобстве печатать для обращения в продажу в настоящем виде Сборник пословиц стат<ского> сов<етника> В. Даля.

Желая извлечь из огромного труда г. Даля всевозможную пользу, я передавал оный статс-секретарю барону Корфу, который по рассмотрении одного уведомил меня, что главное достоинство этого Сборника заключается именно в полноте его, что он составляет «драгоценный небывалый запас к изучению отечественного слова, отечественной жизни, народной мудрости и, вместе, народных пред-рассудков и суеверий», что сборник сей, оставаясь в одном рукописном экземпляре, легко может быть утрачен и что по сему было бы весьма полезно напечатать его не для обращения в народе, а в виде манускрипта в ограниченном числе экземпляров, но без всяких пропусков — для хранения в главных библиотеках и сообщения известным ученым и т. п.

Сообщая о сем Вашему превосходительству, прошу Вас, в особенное мне удовольствие, если Вы разделяете мнение барона Корфа, исходатайствовать высочайшее разрешение напечатать пословицы Даля согласно предположению барона Модеста Андреевича.

Подписал: Константин.

Верно: камергер Головинн.

Через два дня, 19 декабря, А. С. Норов отвечает, что не находит препятствий, чтобы представить Николаю I соответствующий доклад, и просит прислать ему рукопись В. И. Даля (ф. 137, № 145, л. 63—64).

Отношение А. С. Норова Константину Николаевичу

19 декабря 1853 г.

Ваше императорское высочество,
милостивый государь,

По содержанию рескрипта, которым Вашему императорскому высочеству благоугодно было почтить меня, имею честь донести, что я не нахожу препятствия войти со всеподданнейшим докладом о дозволении напечатать в виде рукописи, в самом ограниченном числе экземпляров Собрание русских пословиц г. Даля, и разделяю мнение статс-секретаря барона Корфа, но только не во всех отношениях.

Некоторое число вредных пословиц раскольников или же оскорбительных для святости и опасных в видах правительственных, я полагаю во всяком случае подлежащими исключению. Собственно для пользы важного и любопытного труда г. Даля, как в большом его объеме, при напечатании в малом числе экземпляров, так и в случае издания одного сообразно с правилами цензуры, я смел бы полагать необходимым принять в соображение мнение почтенного академика протоиерея Кочетова, глубоко обдуманное со всех сторон.

Не благоугодно ли будет ли Вашему императорскому высочеству для ближайшего соображения всего дела приказать доставить мне подлинную рукопись и дозволить мне после того иметь счастье по сему предмету лично принять приказания Вашего императорского высочества.

С глубочайшим уважением и неограниченною преданностью имею честь быть, милостивейший государь, Вашего императорского высочества вернопокорнейший слуга

Авраам Норов.

19 декабря.

20 декабря Константин Николаевич пересылает пословицы В. И. Даля А. С. Норову, при этом высказывает пожелание увидиться с ним. По-видимому, он надеялся в личной беседе найти какие-то аргументы, которые помогли бы А. С. Норову представить императору благоприятный для хода дела доклад (ф. 137, № 145, л. 67).

Отношение Константина Николаевича А. С. Норову

20 декабря 1853 г.

Отпуск.
Его прев<осходительству>
А. С. Норову.
20 декабря 1853 г.

Вследствие сообщения Вашего превосходительства от 19-го декабря, препровождая при сем собрание пословиц Даля и выписку из

отзыва его по прочтении замечаний Академии, я буду просить Вас в конце недели приехать ко мне, чтоб лично переговорить об этом деле, но теперь еще не могу назначить именно дня и часа, когда буду свободен.

Подписал: Константин.
Верно: камергер Головнин.

Нам неизвестно, состоялась ли личная беседа Константина Николаевича с А. С. Норовым по поводу пословиц В. И. Даля, неясно и каков был тон доклада А. С. Норова Николаю I, и вообще, был ли сам доклад. Если был, то он мог состояться между 20 декабря 1853 г. и 12 января 1854 г. Если судить по письму А. В. Головнина к В. И. Далю от 22 февраля 1854 г., великий князь так и не дождался доклада Министерства народного просвещения Николаю I. Великий князь Константин Николаевич вынужден был отступить перед императором Николаем I. Последний документ, отложившийся в канцелярии великого князя, обращен к А. С. Норову. Константин Николаевич просит того вернуть ему далевскую рукопись. Если пословицы невозможно пока издать, пусть они хранятся до лучших времен в библиотеке Мраморного дворца (ф. 137, № 145, л. 68).

Отношение Константина Николаевича А. С. Норову

12 января 1854 г.

Отпуск.

Полагая оставить до времени предположение о напечатании Собрания пословиц В. Даля, прошу Ваше превосходительство возвратить мне доставленную Вам рукопись.

Подписал: Константин.
Верно: камергер Головнин.

12 января 1854 г.
Его превосходительству А. С. Норову.

На обложке папки из канцелярии Константина Николаевича, документы которой мы привели выше, имеется надпись А. В. Головнина: «Государь великий князь изволил приказать хранить сию переписку в Отделении рукописей библиотеки его высочества вместе с собранием пословиц В. Даля. Д<ействительный> с<татский> с<оветник> Головнин» (ф. 137, № 145, л. 1). Данная надпись как бы подводит итог несвершенному делу: Константин Николаевич приложил много усилий, чтобы напечатать собрание В. И. Даля, но осуществить это в 1853 г. не удалось. «Мрачное семилетие» в истории России еще не закончилось. Хранить рукопись В. И. Даля до лучших времен, хранить и переписку, отражающую неудачу молодого

великого князя, — таково решение члена августейшей фамилии, еще только вступавшего в решение государственных дел.

А. В. Головнин, по-видимому, не спешил сообщать В. И. Далю плохие новости. Лишь 22 февраля 1854 г. он написал ему частное письмо (№ 27463, л. 9; опубликовано Н. С. Плещуновым).

Письмо А. В. Головнина В. И. Далю

22 февраля 1854 г.

22 февраля 1854. Петербург.

Давно собирался писать Вам, почтеннейший Владимир Иванович, но в теперешнее суетливое и хлопотливое время едва успеваешь справляться с самонужнейшим. Дело в том, что вел<икий> князь докладывал государю отзыв бар<она> Корфа и Академии о Ваших пословицах, и его величество отозвался, что если вел<икий> князь хочет напечатать оные, то чтобы доклад был сделан Министерством нар<одного> просв<ещения>. Вследствие этого пословицы были опять отосланы Авр<ааму> Серг<еевичу> Норову и были у него около месяца, но тогда его высочество решил, что лучше повременить, и потребовал от Норова обратно пословицы, которые и находятся в библиотеке вел<икого> князя.

Вот судьба Вашего многолетнего труда. Остается — ждать и ждать.

Иск<ренне> пред<анный>

Головнин.

На этом первая страница в истории публикации пословиц завершилась. В. И. Даль и все сочувствующие его пословицам стали ждать политических перемен. 18 февраля 1855 г. скончался император Николай I. И вскоре Константин Николаевич возвращается к этому делу. На этот раз он пытается заручиться поддержкой адмирала Федора Петровича Литке (1797—1882), который когда-то был главным воспитателем великого князя. Биограф Ф. П. Литке свидетельствует: «Литке был почти неразлучен с своим воспитанником и успел заслужить его глубокое уважение и особенное доверие».⁴² В архиве В. И. Даля сохранились предложения Ф. П. Литке по данному вопросу (№ 27473; автограф), датированные 28 марта 1855 г., адресованные А. В. Головнину и написанные, кстати, на листе писчей бумаги с траурной каймой.

⁴² О Ф. П. Литке см.: *Чечулин Н.* Литке Федор Петрович // Русский биографический словарь. СПб., 1914. Том «Лабзина — Ляшенко». С. 468.

Ф. П. Литке о сборнике В. И. Даля

28 марта 1855 г.

При сем следуют обратно пословицы Даля. Труд огромный. Жаль, если б он остался без употребления. Но чтобы явиться в свет, собрание это, по моему мнению, потребует значительной переработки. И, во-первых, пересмотра и очистки. Многое может и должно быть исключено. Тут много лишнего. Есть вещи, которые ни почему не могут быть названы ни пословицами, ни поговорками. Есть просто места из Священного писания. Другие неловко или неприлично напечатать.

Во-вторых, пословицы каждой категории, на которых собрание разделено, должны быть подведены под азбучный порядок. Без этого употребление собрания будет затруднительно, и один из главных предметов его — доставление ему возможной полноты — не достигнется. Наприм<er>. Я знаю несколько интересных пословиц, которых не нахожу в Собрании. Как убедиться, что их тут в самом деле нет? Прочсть два толстых тома — очевидно невозможно. Пример, мною приводимый, не вымысел, а факт. Я вписал карандашом две или три пословицы, о которых убедился (или по крайней мере, так думал), что их в Собрании нет. Есть у меня в запасе и еще несколько полновесных. Но как узнать, есть ли они в Собрании или нет?

Наконец, третье, и самое трудное — при каждой пословице, не имеющей очевидного и общепонятного смысла, должно быть толкование. Без этого Собрание потеряет главный свой интерес.

Едва ли кто может сделать все это как должно, кроме самого Даля, — или по крайней мере, под непосредственным его руководством. Предприятие — достойное покровительства нашего великого князя. По-настоящему прямое дело Географического общества...

Литке.

28 марта 1855.

Его превосходительству А. В. Головнину.

Времена, действительно, изменились. Если в 1853 г. главный упрек в сторону пословиц В. И. Даля заключался в их богохульственном содержании, то в 1855 г. чиновный Ф. П. Литке такого рода претензий рукописи не предъявляет. Более того, он вписывает в рукопись изречения, которые явно бы не были одобрены И. С. Кочетовым: «Пойдем в церковь. — Спина болит. — Пойдем в кабак. — Оболокусь да поволокусь»; «Голинькой ох! А за охом Бог!» и «Бог даст деньги, а ч<ерт> ум» (ф. 137, № 178, л. 20, 21).

Одно из предложений Ф. П. Литке заключалось в расположении пословиц внутри разделов в азбучном порядке. Требование это объяснялось им трудностью поисков того или иного изречения. Своя логика в такого рода позиции, безусловно, существует. Так, вариант одной из пословиц, из не найденных у В. И. Даля и вписанных Ф. П. Литке, в собрании на самом деле был зафиксирован. На л. 73

читаем: «Голенький ох, а за голенького Бог». Но против азбучного порядка у В. И. Даля были свои аргументы.

Получив соображения Ф. П. Литке, А. В. Головнин сразу же связывается с В. И. Далем (№ 27463, л. 11).

Письмо А. В. Головнина к В. И. Далю

30 марта 1855 г.

Почтеннейший Владимир Иванович. Великий князь опять воротился к мысли о напечатании Ваших пословиц, и теперь, кажется, это можно будет сделать без всяких затруднений. На днях его высочество посылал их Ф. П. Литке, и вот ответ Литке, на который его высочество отчасти соглашается. Уведомьте, пожалуйста, что Вы об этом думаете. Возьметесь ли пересмотреть пословицы и не хотите ли сделать это в корректуре, которую мы могли бы посылать Вам, печатая в нашей обновленной типографии.

Пред<анный> В<ам> Головнин.

30 марта.

Петербург.

Итал<ьянская> улица на углу Шестилавочной, дом Чаруковского.

В архиве В. И. Даля отложился черновик ответа собирателя А. В. Головнину (№ 27474). Письмо начинается словами изумления по поводу того, что Константин Николаевич, только что потерявший отца, возвращается к печатанию пословиц.

Письмо В. И. Даля А. В. Головнину

5 апреля 1855 г.

5 апр<еля>.

Многоува<жаемый> Ал<ександр> Вас<ильевич>!

Изумляюсь благонамеренной настойчивости его выс<очества>. О пословицах ли теперь думать? Но тот и велик, кого достает на все, даже и на малое.

Отвечаю на замечания адм<ирала> Литке сподряд (так! — Т. И.):

1. На пересмотр и очистку сборника я вполне согласен, доказательством этому служит то, что я выкинул более 1000 изречений, принятых Снегиревым. Но в этом отношении взгляды различны: что именно лишнее? где предел очистки? Решить это можно только при указании именно на ту или другую поговорку. Места из Св<ященного> Пис<ания> приводятся мною тогда только, когда они в ходу, употребляются в речи, как пословицы и поговорк:i; если же сочтут это неуместным — пожалуй, можно исключить.

2. На перестановку в азбучном порядке не могу взяться — у меня не хватает на это ни сил, ни времени. Подумайте, что для этого нужно переписать снова все, расстричь по одной и подобрать. Но если бы пословицы были напечатаны сперва в этом виде, да один или два экземпляра оттиснуты так, чтобы одну сторону листа оставлять в пробел, то это весьма облегчило бы труд; тогда как угодно можно расстричь и подобрать каждый разряд отдельно. Правда, что это послужило бы и к исключению многих повторений, какие теперь, по огромности целого, нельзя <объять ?>; но с другой стороны, последовательность в смысловом порядке разряда была бы нарушена.

3. Толкование и объяснение, вероятно, составили бы сами по себе такой же том; это работа, которую не закончить в один год даже здоровому и досужему, а я, может быть, и век не кончу. Если один экземпляр будет напечатан без единой типографской переверстки, на полулистах, в таком формате, как издаются ноты, то можно заняться этим и издавать и можно бы даже раздать по такому экземпляру в разные руки.

Вы видите, что я не спорю ни в чем, но не могу взяться за то, на что нет сил.

Если решено будет печатать, то потребуется на это от меня несколько исправить, дополнить, очистить подлинник.

Усердно благодарю Вас за Ваше старание обо мне. Может быть, вскоре явится к Вам сын мой с большою просьбою...

На этом черновик обрывается. Как видим, при всех обстоятельствах, В. И. Даль на кардинальные изменения в своем сборнике идти не хочет. Предложение о переформировании тематических разделов сборника в азбучном порядке не принимается собирателем не только по трудоемкости его исполнения, но и потому, что фольклорист чувствует, что расположение пословиц в алфавите нарушит то стихийно рожденное художественное единство, которое присуще этому собранию.

Как бы то ни было, и на этот раз, в 1855 г., издание почему-то не состоялось. Эта страница цензурной истории, связанной со сборником «Пословицы русского народа», еще требует дополнительных разысканий. Наконец, укажем на еще один документ, который пока что никак не может быть нами прокомментирован. В архиве В. И. Даля хранится отношение Московского цензурного комитета на имя аптекаря Миндера (№ 27475).

Отношение Московского цензурного комитета г. Миндеру

19 декабря 1858 г.

Господину содержанию
Покровской аптеки Миндеру.
19 декабря 1858 года.
№ 662.

Московский цензурный комитет имеет честь препроводить к Вам, милостивый государь, представленную Вами и ныне рассмотренную и одобренную к печати рукопись под заглавием «Пословицы русского народа» В. Даля.

Член Комитета: <Гиляров-Платонов?>.

Этот документ свидетельствует о том, что в 1858 г. предпринимались серьезные попытки по изданию пословиц: получено наконец-то долгожданное цензурное разрешение. Но само издание, осуществленное Обществом истории и древностей российских, как известно, состоялось только через четыре года в 1862 г., причем цензурское разрешение помечено 9 марта того же года.

Собрание В. И. Даля⁴³ было напечатано в самый разгар реформ молодого Александра II, и уже без участия великого князя Константина Николаевича. Но усилия этого человека, приложенные для обнаружения одного из самых ценных фольклорных собраний, являющегося гордостью отечественной культуры, как нам кажется, должны быть известны русскому народу. Вне атмосферы гласности, к созданию которой Константин Николаевич был непосредственно причастен, собрание В. И. Даля появиться бы не могло.

Завершая свою статью в 1937 г., Н. С. Плещунов поставил одну задачу: «...следовало бы сравнить издание пословиц 1862 г. со списком их, который рассматривала когда-то Академия, если этот список где-нибудь случайно сохранился».⁴⁴ Как мы уже говорили, рукописный экземпляр, с которым знакомились рецензенты В. И. Даля,

⁴³ См.: *Даль В. И. Пословицы русского народа: Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и пр.* / Изд. О-ва истории и древностей российских при Моск. ун-те. М., 1862. В библиотеке Пушкинского Дома хранится экземпляр, бывший когда-то в семье В. И. Даля. На первом листе книги, предпосланном авантитулу, имеется карандашная дарительная надпись В. И. Даля. На обороте обложки наклеен лист бумаги с пояснительной запиской последней владелицы книги: «Книгу В. И. Даля „Пословицы русского народа“ (Москва, 1862) с его автографом: „Ольге Даль от В. И. Даля. Москва, 24 июня 1862“ передаю в Институт русской литературы Академии наук СССР.

Книга принадлежала Ольге Владимировне Даль (в замужестве Демидовой), одной из дочерей В. И. Даля. Дочь О. В. Даль, Евгения Платоновна, в замужестве Ляпунова — моя мать.

25 октября 1951 г.

А. Ляпунова.

Укажем попутно, что Е. П. Демидова-Ляпунова была женой композитора С. М. Ляпунова, а Анастасия Сергеевна Ляпунова имеет самое непосредственное отношение к Рукописному отделу Пушкинского Дома: ею описан фонд М. А. Балакирева.

⁴⁴ *Плещунов Н. С.* К истории печатания «Пословиц русского народа» В. И. Даля. С. 36.

находится в архиве Константина Николаевича (ф. 137, № 178 и 179). Детальное сопоставление его с опубликованным изданием, а также с другим рукописным вариантом, подаренным В. И. Далем А. Н. Аксакову (см.: Рукописный отдел Российской национальной библиотеки, ОЛДП Ф, № 148 — четыре тома) — это дело будущего. В настоящее время мы можем высказать несколько предварительных наблюдений.

Рукопись 1853 г. представляет собой два объемных тома — в 591 л. (№ 178) и 517 л. (№ 179). Почерк — писарский. Пословицы записаны чернилами коричневого цвета с значительными пробелами между строками — для того, чтобы при необходимости можно было делать дополнения. И дополнения эти делались уже в процессе переписки: между основными строками находятся более поздние вставки черными чернилами (также писарский почерк). В конце тематических разделов, как правило, оставлено свободное место (от полулиста до нескольких листов) — для тех же целей.

Знакомство с первым разделом «Бог — вера», идеологически очень значимым, свидетельствует, что текст рукописи 1853 г. практически полностью соответствует изданию 1862 г. Делая уступку рецензентам, составитель открывает этот раздел поговоркой «Жить — Богу служить», которой нет в рукописи. В остальном же изречения следуют в том порядке и без изъятий, как они даны в рукописи. Все пословицы, вызвавшие в 1853 г. неудовольствие рецензентов (отмечены карандашом, вероятно, И. С. Кочетовым или Ю. Е. Шидловским), сохранены в публикации: «Кто (человек) с лихостью, а Бог с милостью»; «Бог не Макешь (или: Мокошь, языческий славянский Бог), чем-нибудь да потешит»; «Бог не Никитка — повыломает лытки»; «Не скажешь аминь, так и выпить не дадим»; «Первую мерлушку попу на опушку»; «Монастырь доuku любит (т. е. просьбу и приношения)»; «Бог даст совет, так и в пост мясоед» и т. д. В издании имеются и дополнения, возникшие уже после того, как рукопись попала к Константину Николаевичу: «Во времени пождать: у Бога есть что подать»; «Божья роса Божью землю кропит»; «Ни отец до детей, как Бог до людей» и др.

Принципиальных изменений, на которых настаивали рецензенты, в издании 1862 г. по сравнению с рукописью 1853 г. сделано не было.

Е. М. Аксenenко

МАТЕРИАЛЫ О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ПЕТРА МИХАЙЛОВИЧА НЕВЕЖИНА В ПУШКИНСКОМ ДОМЕ

Петр Михайлович Невежин (1841—1919), известный драматург и беллетрист 1880-х — 1910-х годов, принадлежал к плеяде представителей «массовой» литературы. Подобно Н. Я. Соловьеву, А. А. Потехину, А. И. Сумбатову-Южину (Сумбаташвили), В. А. Крылову (Александрову), И. Л. Щеглову (Леонтьеву) и многим другим писателям, пережив свою недолгую популярность, после смерти он оказался прочно и надолго забытым. Тем не менее фигура эта нуждается в историко-культурном осмыслении.

Имя Невежина появилось на театральных афишах обеих столиц на рубеже 1880/1881 гг. при непосредственном содействии А. Н. Островского. Поддержав начинающего драматурга в первых работах, Островский вывел его на путь самостоятельного творчества. Пьесы Невежина нравились публике и в 1880-е — 1890-е годы активно ставились как в императорских, так и в провинциальных театрах, а одно из наиболее популярных его произведений — драма «Вторая молодость» — не сходила с театральных подмостков вплоть до 1920-х годов.

До конца своей жизни Островский сохранял с Невежиным теплые дружеские отношения. Впоследствии, в начале 1910-х годов, Невежин написал воспоминания о своем знаменитом наставнике на драматургическом поприще.¹

В последние десятилетия в отечественном литературоведении постепенно возрождается интерес к изучению творчества писателей и драматургов «второго ряда», что позволяет наиболее полно воссоздать историко-литературный процесс эпохи.²

¹ *Невежин П. М.* Воспоминания об А. Н. Островском // Ежегодник императорских театров. СПб., 1909. Вып. 4. С. 1—16; 1910. Вып. 6. С. 1—23.

² См., например: *Тиле Г. А.* У истоков новой драматургии в России (1880—1890-е годы). Л., 1991.

В своем творчестве Невежин, с одной стороны, следуя вкусам и потребностям публики, а с другой стороны, чутко откликаясь на изменения общественной жизни, сумел отразить многие кризисные моменты духовной жизни общества конца XIX — начала XX века.

Личная и творческая биография П. М. Невежина не являлась до сих пор предметом отдельного исследования, не составлена даже библиография его произведений. Очевидно, что начать эту работу необходимо с описания архивных материалов драматурга, значительная часть которых сосредоточена в Рукописном отделе Пушкинского Дома. Прежде всего, это фонд П. М. Невежина (№ 200), содержащий 255 единиц хранения за 1863—1918 годы.³ Отдельные биографические и эпистолярные материалы драматурга имеются и в других личных фондах Рукописного отдела. Перечислим основные из них: Ф. Д. Батюшкова, А. Е. Бурцева, П. И. Вейнберга, С. А. Венгерова, Б. Б. Глинского, Е. П. Карпова, А. Ф. Кони, И. Л. Леонтьева-Щеглова, А. А. Лугового, О. К. Нотовича, М. И. Писарева, П. Н. Полевого, И. И. Ясинского и др.⁴ Ценные сведения о жизни и творчестве П. М. Невежина содержат справочные картотеки отдела, а также собрания библиотеки и музея Пушкинского Дома.

В настоящем обзоре предпринята попытка на основе документов личного фонда П. М. Невежина и других материалов Пушкинского Дома дополнить малоизученную биографию драматурга новыми фактами,⁵ а также дать общие сведения о содержании хранящихся в фонде его творческих работ.

Опись фонда Невежина состоит из 3-х разделов: «Произведения и подготовительные материалы к ним», «Документы к биографии и по деятельности» и «Переписка». Первый из них, в котором собраны творческие материалы драматурга, значительно превосходит по объему другие и содержит 232 ед. хр. К характеристике его мы перейдем позже, начнем же обзор с материалов, касающихся биографии Невежина.

Второй и третий разделы фонда включают всего 23 единицы хранения, 7 из которых содержат биографические документы и материалы по деятельности Невежина, а остальные — переписку его с разными лицами. Наиболее интересными и информативными явля-

³ Научно-техническая обработка фонда П. М. Невежина, завершенная в 2001 г., значительно корректирует общие сведения о фонде, приведенные в указателе «Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР» (М., 1963. Т. 2. С. 9), где значится, что фонд содержит «500 ед. хр. за 1880—1890-е годы».

⁴ Единичные документы Невежина (преимущественно письма) можно найти и в других архивохранилищах страны: рукописном отделе Российской государственной библиотеки (Москва), Российском государственном архиве литературы и искусства (Москва), рукописном отделе Российской национальной библиотеке (Петербург), рукописном отделе Государственной театральной библиотеки (Петербург), Российском государственном историческом архиве (Петербург), Российском государственном военно-историческом архиве (Москва), Государственном архиве Российской Федерации (Москва).

⁵ Справочная литература содержит лишь краткие биографические сведения о П. М. Невежине самого общего характера. Среди публикаций последних лет биография драматурга наиболее полно представлена в словарной статье М. В. Пашенко (Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь. М., 1999. Т. 4. С. 250—252).

ются личные документы Невежина — писарские копии свидетельств об увольнении с военной службы, о браке, о рождении и крещении детей; указ о назначении пенсии; автобиография; материалы по деятельности драматурга в драматических, оперных, вокальных обществах и на «Драматических курсах» и др. (ф. 200, № 233).⁶

Как говорилось выше, материалы драматурга имеются в архивах других лиц, хранящихся в Рукописном отделе. Некоторые из них представляют особый интерес для его биографии. Например, два недатированных письма Невежина с краткими автобиографическими данными из фондов С. А. Венгерова (ф. 377, оп. 7, № 2540) и П. Н. Полевого (ф. 326, № 49), написанных по их просьбе. Первое письмо, судя по его содержанию, относится к концу 1880-х годов, когда Венгеров начинает работать над «Словарем русских писателей». Второе — к 1900 г., в течение которого Полевой собирал материалы для своей книги «История русской литературы в очерках и биографиях».

Ценные сведения о семейном положении Невежина содержатся в материалах «Литфонда» (ф. 155, № 95) и «Постоянной Комиссии при Академии наук для пособия нуждающимся ученым, литераторам, публицистам» (ф. 540, 1895, № 118), куда он обращался за помощью с 1891 по 1895 г. Биографические данные о драматурге можно почерпнуть из писем его и к нему, находящихся в перечисленных выше архивах других лиц (всего около 60 писем), которые значительно дополняют небольшой раздел переписки в фонде Невежина. Картотеки Рукописного отдела (С. А. Венгерова, А. Д. Алексева, Института книговедения и др.) содержат сведения об отдельных изданиях произведений Невежина, а также его публикациях как в массовых, так и в редких периодических изданиях.

Опираясь на названные источники, мы остановимся на мало известных моментах биографии писателя — его детстве, военной службе, начале литературной деятельности, а также последних годах жизни, — по мере возможности пополняя их новыми сведениями.

I

Петр Михайлович Невежин родился в Смоленске 27 июня (9 июля) 1841 г. в семье обедневшего потомственного дворянина Московской губернии. В фонде сохранилось начало автобиографической повести с воспоминаниями о раннем детстве писателя. В частности, о дне своего рождения драматург там писал: «Родился я <...> в годовщину Полтавской битвы, на что мне впоследствии не раз указывали, предсказывая, что я в каком-нибудь миниатюрном деле непременно буду победителем» (ф. 200, № 112, л. 1).

Отец Невежина — потомственный военный — прошел, по словам драматурга, «обычный для детей старинных дворян путь». Он закончил кадетский корпус, откуда был выпущен офицером в армию, рано женился и обзавелся большой семьей, в которой было восемь сыновей и одна дочь. «Все дети, — пишет Невежин там же, — пошли

⁶ В дальнейшем ссылки на архивные материалы будут даваться в тексте.

по военной карьере, но шли неудачно, и никто из них ничем не поделился. Сестра вышла замуж тоже за военного и проживала с мужем в одной из южных губерний» (ф. 200, № 112, л. 2). Обремененный большим семейством, отец служил в Смоленском гарнизонном батальоне, располагавшемся в той местности, где находилось его имение.

Мать будущего драматурга — «родовитая остзейская немка, знавшая плохо русский язык» (ф. 200, № 112, л. 11) — была лютеранкой. С любовью и теплотой драматург писал о ней: «Наша мать была идеальнейшей женщиной и образцовой матерью. При самых скудных средствах она умела держать дом в полном порядке, и мы ни в чем не нуждались. Не отличаясь здоровьем и, несмотря на то, что в ее распоряжении были крепостные люди, она кормила грудью всех детей, исключая последнего, когда ее силы иссякли. Мы не видели от нее не только грубого обращения, которое было тогда нередко, но мы не слышали от нее ни одного бранного слова, разве кому-нибудь скажет: „ах, ты негодный!“» (ф. 200, № 112, л. 2—3). Сам Невежин, как и его отец, был православного вероисповедания.

По семейной традиции Невежина в 1852 г., после окончания местной гимназии, отдала учиться в 1-й Московский кадетский корпус. К этому времени он уже много читал и, как позднее вспоминал драматург в одной из автобиографий, все прочитанное «облекалось в моем воображении в конкретную форму, и мысль моя никогда не оставалась спокойной» (ф. 200, № 233, л. 5). На гимназических уроках русской словесности сочинения его отличались от других самостоятельностью суждений.

Закончив учебу в 1859 г. по второму разряду, Невежин в чине прапорщика поступил на службу в 17-й стрелковый батальон.⁷ Служил Невежин исправно, без нареканий и даже по собственной инициативе обучал солдат грамоте. В нем продолжала зреть потребность литературного творчества. По признанию самого драматурга, часто, исполнив свои офицерские обязанности, он стремился уединиться, чтобы «набрасывать на бумагу мысли, толпившиеся в <...> голове» (ф. 200, № 233, л. 5). Делал он это в большой тайне по следующим двум причинам: «...первая была та, что офицер, написавший что-нибудь для печати, обязан был предъявить свою работу для рассмотрения начальству, а вторая то, что русский человек вообще большой скептик и, узнавши об исключительном увлечении товарища, занимающегося не военным делом, стали бы осыпать его насмешками и иронически обзывать писателем, а я свое призвание скрывал как святое святых. Между тем, написанное росло и росло и материалы для будущих работ увеличивались» (ф. 200, № 233, л. 5). В упомянутом письме с автобиографией к П. Н. Полевому Невежин также сообщал о том, что, начав писать с двадцатилетнего

⁷ В 1861 г. под руководством генерал-лейтенанта барона Винценгероде Невежин, в числе других военных, принимал участие в усмирении волнений крестьян Тамбовской и Пензенской губерний, начавшихся после объявления указа об освобождении. Этот тяжелый эпизод первых лет своей службы позже Невежин опишет в одном из очерков. См.: *Невежин П. М. Последние счета (Из неизданных записок)* // Исторический вестник. 1899. Т. 78, № 12. С. 961—976.

возраста, он «по робости и конфузливости» долго не заявлял об этом официально (ф. 326, № 49, л. 1).

Сведения об основных событиях военной службы Невежина — продвижении по чинам, участии в боевых действиях, отпусках, наградах и т. д. — содержатся в копии «Указа» о назначении ему пенсии (ф. 200, № 233, л. 1—3). По данным этого документа, 31 декабря 1863 г. Невежин был переведен в 88-й пехотный Выборгский полк. Прибыл он туда в середине сентября 1864 г., а в конце ноября будущий драматург уволился от службы в чине поручика. К такому решению его привело желание попробовать свои силы на поприще театральной деятельности.

Немаловажный, на наш взгляд, эпизод биографии будущего драматурга, относящийся к этому времени, упомянут в одной из поздних газетных заметок о нем: «Когда-то П<етр> М<ихайлович> стремился стать актером и несколько лет подготавливался к этому, изучая классический и бытовой репертуар. В 60-х годах Невежин приехал дебютировать в один из крупных губернских городов, но распушенность закулисной жизни ужаснула его. <...> Невежин не выступил на подмостках...».⁸

О неудавшейся попытке Невежина стать актером в архиве нет дополнительных сведений, но зато имеются до сих пор неизвестные материалы о начале его драматургической деятельности. В фонде сохранились точно датированные три ранние пьесы, о которых он лишь бегло упоминал позднее в письме к П. Н. Полевому (ф. 326, № 49, л. 1—2).⁹

Две из них написаны непосредственно перед уходом Невежина в отставку. На черновом автографе первой (неоконченной) пьесы Невежина «Любимая мечта моя» (ф. 200, № 1) вверху титульного листа есть более поздняя авторская приписка: «Начата в тысяча восемьсот шестьдесят третьем году в Финляндии, какого числа и месяца не помню, да этого и не нужно знать, и оставлена совершенно». Вторая — пьеса в 4-х действиях «Счастливая участь!...» (ф. 200, № 2) — датирована автором 2 января 1864 г. Третью пьесу — комедию в 3-х действиях «Интрижка» (ф. 200, № 3) — Невежин заканчивает 2 февраля 1866 г., уже освободившись от армейской службы. Все три пьесы не пропустила цензура, которая, как писал Невежин в «Автобиографии», находила мысли, высказываемые в них, «не только смелыми, но дерзкими» и «неблагонадежными» (ф. 200, № 233, л. 5—6).

Вероятно, неудачи этих первых выступлений Невежина на новом поприще, как актерском, так и драматургическом, заставили его продолжить военную карьеру, и в мае 1869 г., пробыв в отставке четыре с половиной года, он возвращается в полк. В этом же году Невежина утверждают командиром роты, а 1 февраля 1872 г. «за отлично усердную службу» он был награжден орденом Св. Анны 3-й степени.

⁸ Около рампы // Биржевые ведомости. (Веч. вып.). 1908. 15 сент., № 10707. С. 6.

⁹ Необходимо заметить, что в этом письме, а также в других документах, вспоминая о начале своей литературной деятельности, Невежин допускает неточности в датах и событиях.

Самые значительные события дальнейшей военной службы Невежина связаны с русско-турецкой войной 1877—1878 гг. Он принимал непосредственное участие в первом периоде войны, продолжавшемся с 21 июня по 7 сентября 1877 г., в составе войск Рушукского отряда,¹⁰ под начальством наследника цесаревича Александра Александровича.

В августе и начале сентября 1877 г. Невежин участвовал в трех сражениях, в последнем из которых, 2 сентября, «при усиленной рекогносцировке турецких позиций», у д. Синанкиой, был тяжело ранен в область правой лопатки («сквозная рана мягких частей с повреждением подкостной оболочки»). Уже на закате своих дней в одном из газетных интервью Невежин признавался: «Счастливым днем в моей жизни я считаю тот, когда, раненый на войне, я ночью лежал в поле, а надо мною при лунном освещении склонились солдаты моей роты, с которыми я всегда был строг, и многие из них плакали. Это было высшей наградой за мое хотя и строгое, но всегда справедливое к ним отношение».¹¹ Под покровительством Александровского комитета Невежин состоял в числе раненых 2-го класса.

К пережитым эпизодам Балканской войны писатель будет неоднократно обращаться в своем творчестве. Начало военных действий Невежин опишет в первом опубликованном произведении — очерке «В отделе», напечатанном в 1881 г. в «Русском вестнике» с подзаголовком: «Рассказ офицера Рушукского отряда».¹² Впечатления, пережитые им во время боя и ранения, лягут в основу очерков «Эвакуация»¹³ и «В бою».¹⁴ Наиболее значительные из написанных им военных очерков и рассказов впоследствии он издаст в сборнике «„В бою“ и другие рассказы».¹⁵

Произведения, в которых Невежин касался военной темы, как правило, имели автобиографическую основу. В них отразилось живое знание Невежиным армейской жизни. Это качество его произведений неоднократно отмечали рецензенты. Так, например, автор одного из недельных обозрений книг писал в «Новом времени» о повести «Лучший исход»: «Самое ценное в повести г. Невежина — изображение армейского быта и его типов, знакомых автору, очевидно, не понаслышке и рисующихся в живых чертах».¹⁶ Рецензенты

¹⁰ П. М. Невежин воевал в 13-м армейском корпусе 1-й пехотной дивизии 4-го Копорского полка. См.: Рушукский отряд наследника цесаревича в Турецкую войну 1877—1878 гг. СПб., 1887.

¹¹ Писатель П. М. Невежин // Биржевые ведомости. 1911. № 12743. (Газетная вырезка из картотеки С. А. Венгерова).

¹² *Невежин П. М.* В отделе (Рассказ офицера Рушукского отряда): Очерк из военного быта // Русский вестник. 1881. № 1. С. 202—260.

¹³ *Невежин П. М.* Эвакуация (Рассказ офицера) // Исторический вестник. 1898. Т. 72, № 5. С. 489—505.

¹⁴ *Невежин П. М.* В бою: Рассказ. СПб., 1900. Один экземпляр рассказа передал в библиотеку Пушкинского Дома сам автор.

¹⁵ *Невежин П. М.* «В бою» и другие рассказы. М., 1908.

¹⁶ В. Г. Книжки за неделю: П. Невежин. Лучший исход. Повесть. Москва, 1899 // Новое время. 1899. 14 апр., № 8308. С. 7.

отмечали «много чувства и теплоты» в военных рассказах Невежина, считая их «лучшими из его рассказов».¹⁷

В фонде имеются варианты 3-х из 8-ми произведений, вошедших в сборник, — очерка «Эвакуация» (ф. 200, № 184) и рассказов «Улики» (ф. 200, № 127) и «С крестом в руке» (ф. 200, № 129). Фонд также содержит несколько неопубликованных материалов военной тематики. Это — полный текст с вариантами очерков «Подвиг» (ф. 200, № 201), «Просвет» (ф. 200, № 204) и рассказа «Незаметный герой» (ф. 200, № 143); неоконченный очерк «После гнега» (ф. 200, № 202), а также подготовительные материалы к очерку «Мобилизация» (ф. 200, № 200) и рассказу «Последняя опора» (ф. 200, № 177).

По данным документов, 14 марта 1878 г. Невежин был награжден орденом Св. Станислава 2-й степени с мечами, а с июля этого года находился «в 6-месячном отпуске за границей» (возможно, связанном с лечением) (ф. 200, № 233). Материалы фонда дают основание предположить, что во время этого отпуска, после более чем десятилетнего перерыва, он написал свою четвертую пьесу — комедию в 4-х действиях «Утеха». В архиве имеется рукопись комедии (рукой переписчика) с отметкой о поступлении ее 30 декабря 1878 г. на рассмотрение в Театрально-литературный комитет (ф. 200, № 4, л. 1). Дата эта совпадает со временем возвращения Невежина из отпуска и прикомандирования его к Управлению Московского губернского воинского начальника. В начале февраля 1879 г. Невежина производят в капитаны и вскоре зачисляют по армейской пехоте.

Возможно, именно во время устройства на новом месте в Москве Невежин получил свою пьесу из Театрального комитета. Резолюция от 17 февраля 1879 г. гласила: «к представлению на сцену не одобрено» (ф. 200, № 4, л. 1).¹⁸ Но на этот раз неудача, судя по всему, не поколебала настойчивого стремления Невежина вступить на литературное поприще. Переезд в Москву открывал новые возможности для воплощения этой давней мечты кадрового военного. Здесь, видимо, достаточно скоро будущий драматург входит в артистическую среду, сближается с актерами, один из которых — М. П. Садовский — представляет его А. Н. Островскому. В «Автобиографии» Невежин писал об этом: «...при знакомстве с очаровательным человеком, незабвенным артистом Малого театра Михаилом Прововичем Садовским я изменил себе и поделился своим горем».¹⁹ Тот удивился и просто разрешил мои сомнения.

¹⁷ В литературном мире: Новая драма и книга Невежина // Биржевые ведомости. (Веч. вып.). 1908. 17 июля, № 10609. С. 3.

¹⁸ Невежин мог получить пьесу уже в конце февраля, но возможно, и позже, так как, по данным документов, 1 марта 1879 г. он был «командирован для исправления должности делопроизводителя в Управление Клинского Уездного Воинского начальника», откуда возвратился 22 апреля. См.: ф. 200, № 233, л. 1 об.

¹⁹ Невежин имел в виду отклонение Театральным комитетом его последней пьесы для постановки на сцене.

— Ступайте к Александру Николаевичу Островскому, он человек огромного влияния и верно вам поможет, а я предупреджу его о вашем намерении» (ф. 200, № 233, л. 5 об.).²⁰

Так в конце 1879 г. при содействии М. П. Садовского произошло знакомство Невежина со знаменитым драматургом, сыгравшее решающую роль в его судьбе. Основными источниками сведений о взаимоотношениях Невежина с Островским и, в частности, истории их совместной работы, являются многочисленные воспоминания об А. Н. Островском, а также его переписка.²¹

Н. А. Кропачев, секретарь Островского по делам Репертуарной комиссии, председателем которой тот состоял, вспоминал: «При первом знакомстве я видел Невежина в общеармейской форме с капитанскими погонами, и одна рука у него была на черной шелковой перевязке. Александр Николаевич в сотрудничестве с ним писал тогда пьесу „Блажь“».²²

²⁰ Свое знакомство с М. П. Садовским Невежин более подробно описал в воспоминаниях об артисте: «Познакомился я с Садовским случайно. Как непосвященный в тайны драматической волокиты, я не мог постигнуть требования тогдашней цензуры, и мои три пьесы, как не одобренные ею, лежали в портфеле. Михаил Провович был лоббителем посидеть часок-другой в трактире и особенно часто посещал знаменитые тогда „Щербаки“, т. е. ресторан Щербакова, находившийся на Кузнецком мосту. Там-то и свел меня с ним балетный премьер того времени Н. Ф. Манохин. Садовский очень сердечно и приветливо отнесся ко мне.

— Мне Николай Федорович сказал, что вы маетесь с пьесой и не знаете, как с ней быть.

— Да, это правда.

— Почему же не обратитесь к Александру Николаевичу Островскому?

— Я благоговею перед ним, на его пьесах учился писать, но разве можно добраться до такого крупного человека? Я стесняюсь.

— И-и, батенька, какой вы! Для театра работаете, а смелости не имеете, а еще военный, да еще раненый. Я вот скажу ему о вас и о том, кто вы, так он посмеется над вами.

Эти фразы были сказаны таким добродушным тоном, что я уже развязно обратился к нему.

— Вот если б вы были так добры и предупредили обо мне Александра Николаевича.

— Да с удовольствием, завтра же сделаю это и вас извещу.

Действительно, дня через два я получил записку, в которой Садовский извещал меня о дне, когда я могу зайти к Островскому.

Это первое одолжение, оказанное мне Михаилом Прововичем, послужило началом нашего сближения, и впоследствии я даже познакомился с его женой, очаровательной женщиной и дивной артисткой Ольгой Осиповной, и в первой же пьесе, в которой я появился, как сотрудник Островского, главную роль играли Михаил Провович и его жена» (*Невежин П. М.* Воспоминания об артисте Михаиле Прововиче Садовском // *Ежегодник императорских театров.* СПб., 1911. Вып. 4. С. 3—4).

²¹ А. Н. Островский в воспоминаниях современников. М.: Худож. лит., 1966; Неизданные письма к А. Н. Островскому. М.; Л.: Academia, 1932; *Островский А. Н.* Полн. собр. соч.: В 12 т. М.: Искусство, 1973—1980. Т. 11: Письма (1848—1880); Т. 12: Письма (1881—1886) (Далее: *Островский А. Н.* Полн. собр. соч.).

²² *Кропачев Н. А.* А. Н. Островский (Воспоминания его бывшего личного секретаря) // А. Н. Островский в воспоминаниях современников. М., 1966. С. 220.

Свой первый визит к драматургу Невежин подробно описал в воспоминаниях о нем: «Сюжет моей последней пьесы ему очень понравился, и он одобрил сценарий, но прибавил:

— Едва ли вам удастся поладить с цензурой.

Тогда я, набравшись смелости, чистосердечно обратился к нему:

— Помогите мне. Без ваших указаний я решительно пропаду. Может быть, вы мне окажете большую честь и, переработав пьесу, удостоите меня чести быть вашим сотрудником. <...>

В тот же день я доставил свою рукопись, а когда через три дня пришел за ответом, то увидел на лице его опять ту же привлекательную улыбку:

— Ваша взяла... Беру.

Так появилась на свет божий комедия „Блажь“...».²³

Материалы фонда Невежина дают возможность дополнить и уточнить историю создания пьесы «Блажь». В Полном собрании сочинений А. Н. Островского автор комментария к пьесе Л. Данилова так описывает начало работы над ней: «В конце 1879 г. Невежин обратился за помощью к Островскому и принес ему комедию „Блажь“, которая была ранее запрещена цензурой <...>. Островский, которому он рассказал сюжет этой пьесы, одобрил сценарий...».²⁴ В своих воспоминаниях Невежин не упоминает, какую именно пьесу он принес на суд Островского, но называет ее в письме к П. Н. Полевому: это — «непропущенная пьеса» «Утеха». «Комедия найдена была, — писал он в письме Полевому, — шокировавшей престиж родительской власти. Не видя исхода, я обратился к незабвенному драматургу Островскому за разъяснением, как мне быть? Прочтя пьесу, Александр Николаевич похвалил ее, но нашел невозможную (так! — Е. А.) в цензурном отношении. Приняв меня в сотрудники, он изменил нецензурную сторону комедии тем, что вместо матери сделал старшую сестру от первого брака и „крестную мать“. При таком изменении пьеса шла под названием „Блажь“» (ф. 326, № 49, л. 2).

Рукопись комедии «Утеха» из фонда Невежина полностью соответствует характеристике, данной им в автобиографии. Более того, в ней имеется карандашная правка рукой А. Н. Островского. Драматург сделал несколько замечаний по содержанию и отметил эпизоды, которые он считал нужным расширить. Судя по правке, существовал еще один вариант текста пьесы, к которому отсылает Островский Невежина в нескольких местах рукописи. В фонде также сохранился один из первых вариантов «Блажи» (рукой переписчика), с указанием в подстрочнике: «сжатая форма» (ф. 200, № 5, л. 1).

Как известно, Александр Николаевич не только отредактировал пьесу Невежина, но, почувствовав в начинающем драматурге талант, помог осуществить постановку пьесы на сценах Малого и Александр-

²³ Невежин П. М. Воспоминания об А. Н. Островском // А. Н. Островский в воспоминаниях современников. М., 1966. С. 248—249.

²⁴ Островский А. Н. Полн. собр. соч. Т. 8: Пьесы, написанные в соавторстве (1876—1882). С. 423.

ринского императорских театров, а также опубликовать ее в журнале «Отечественные записки».²⁵

Одновременно с драматическими произведениями Невежин начал писать и прозу. А. Н. Островский пытался помочь своему подопечному заявить о себе в печати и в этом жанре. Так, в начале 1880 г. драматург выслал М. Е. Салтыкову-Щедрину рассказ Невежина с просьбой опубликовать его. Рассказ не был принят,²⁶ но, очевидно, что конец 1879—1880 г. стали поворотными в жизни Невежина, так как начала осуществляться многолетняя мечта его о литературной деятельности.

А. Н. Островский оказал помощь Невежину также и в работе над следующей его пьесой «Старое по-новому», но в материалах фонда этот факт не отразился. Как известно, Невежин постепенно отказался от правки Островского и в дальнейшем печатал пьесу в своей редакции.²⁷

Из опубликованной переписки Островского 1880-х гг. видно, что его знакомство с Невежиным скоро переросло в тесное общение. Начинаящий драматург часто бывал и в доме Островского, и в его имении в Щельково. Следы дружеских отношений Островского и Невежина и, одновременно, глубокого уважения последнего к своему учителю можно найти и в материалах Пушкинского Дома. Например, в библиотеке А. Н. Островского имеется отгиск первой публикации Невежина — рассказа «В отделе»²⁸ — с автографом: «Душевно уважаемому Александру Николаевичу Островскому. Автор».

Самостоятельную тематическую группу в фонде составляют три недатированные единицы хранения, посвященные Островскому. Одна содержит автограф вступления к упомянутым выше «Воспоминаниям об А. Н. Островском» (ф. 200, № 222, 2 л. (1 чист.)).²⁹ Заметим, что написанные Невежиным через несколько лет после смерти драматурга «Воспоминания» считаются одними из лучших в мемуаристике об Островском. Две другие единицы хранения — неопубликованные заметки Невежина о творчестве А. Н. Островского. Одна из них — «Урок не в прок» (рукой переписчика с правкой Невежина) — представляет собой подробный обзор критических откликов на раннее творчество драматурга, основанный на материалах периодики

²⁵ *Островский А. Н., Невежин П. М.* Блажь: Комедия в 4-х действиях // *Отечественные записки*. 1881. № 3. С. 5—76. Премьера комедии состоялась в Малом театре (с участием М. Н. Ермоловой) 26 декабря 1880 г., в Александринском театре — 16 января 1881 г.

²⁶ В ответном письме от 29 февраля 1880 г. М. Е. Салтыков-Щедрин писал А. Н. Островскому: «...хотя рассказ написан довольно живо, но, по моему мнению, содержание его чересчур уже слабо для солидного журнала. Мне кажется, что он был бы на своем месте в „Будильнике“ или в „Петербур<ургском> Листке“ и проч. Не жалеет ли автор, чтобы редакция передала его в одну из газет, и какие будут его условия? Извините, пожалуйста, что я как будто не исполняю вашего желания...» (Неизданные письма к А. Н. Островскому. М.; Л.: Academia, 1932. С. 521—522).

²⁷ См. об этом: *Островский А. Н.* Полн. собр. соч. Т. 8. С. 427—429.

²⁸ См. указанную выше публикацию очерка в «Русском вестнике».

²⁹ «Вступлению» это есть в первой — журнальной — публикации «Воспоминаний», но не включено в текст публикации в книге: А. Н. Островский в воспоминаниях современников. М., 1966. С. 247—281.

тех лет (ф. 200, № 221, 48 л. (3 чист.)). Вторая — «Великий сын земли русской» (автограф и авторизованная машинопись) — написана к юбилейному вечеру памяти Островского (ф. 200, № 220, 13 л.).³⁰ Обе заметки свидетельствуют о том, что Невежин не раз обращался к осмыслению личности и творчества великого драматурга.

В мае 1881 г. Невежин по болезни увольняется от службы с награждением чином майора и полностью отдается литературной деятельности. После ухода в отставку происходят перемены и в семейном положении начинающего драматурга. Об этой стороне его жизни до сих пор почти ничего не было известно. Материалы фонда Невежина содержат некоторые сведения о ней.

В 1881 г. Петр Михайлович повенчался с вдовой капитана 4-го пехотного Капорского полка Надеждой Михеевной Симановской. В фонде имеются свидетельства о рождении у них в конце года дочери Валерии, а в 1883 г. — сына Петра. Документы подтверждают, что Невежин с женой в это время живет в Москве, где во Введенской (бывшего Новинского монастыря) и Спиридоновской (за Никитскими воротами) церквях были совершены обряды их венчания и крещения детей (ф. 200, № 233, л. 3—3 об.).

Несколько упоминаний о сложных обстоятельствах дальнейшей семейной жизни Невежина, в частности, о тяжелой болезни жены, можно найти в материалах других фондов Рукописного отдела. Так, в письме к А. А. Луговому от 28 июня <1888> г. драматург писал: «В Кисловодск я, вероятно, не приеду. Так как тридцать пять верст проехать на лошадях для моей жены представляется подвигом непосильным» (№ 7311, л. 5 об.).

О «хроническом женском недуге», которым «восемь лет страда-ла» его жена, Невежин писал через два года после ее смерти, произошедшей, вероятно, в конце 1892 или начале 1893 г., в своем прошении в «Постоянную комиссию...». По словам драматурга, в одно время с женой умерла дочь (имени ее Невежин не называет) «после сделанной ей на дому операции» и на его руках осталось «четверо малолетних детей» (ф. 540, 1895, № 118, л. 5). Вероятно, кроме совместных детей — Валерии и Петра — Невежин воспитывал детей жены от первого брака.

В материалах фонда Невежина имеется два документа, содержащих сведения о дальнейшей судьбе сына — Петра, который, продолжая семейную традицию, стал военным. Первый документ — письмо Петра отцу с фронта Первой мировой войны, датированное лишь числом:

«Целую вечность, дорогой папа, я не имею от тебя известий, хотя к Новому году послал тебе письмо.

Мой новый адрес „Действующая армия. Командиру 33-го военно-дорожного отряда“. Положение и права командира полка, соблазнился содержанием, но сердце к нему очень не лежит, и думаю скоро удеру. Я, право, затрудняюсь писать. Получаешь ли ты мои

³⁰ На первом листе машинописного варианта этой единицы хранения имеется карандашная резолюция: «Принуждены возвратить, ввиду того, что сообщение запоздало».

письма или все это на ветер. От жены, например, месяц не имею известий и она тоже.

Что у Вас нового и хорошего, как твои литературные дела. Собираюсь скоро приехать в Россию и завернуть на день в Петроград, что не знаю, удастся ли, но постараюсь.

Крепко тебя обнимаю и целую.

Твой сын П. Невежин. 15 января» (ф. 200, № 251, 1 л.).

Второй документ — прошение капитана Петра Невежина на имя генерала от артиллерии А. В. Оноприенко, датированное 13 января 1916 г., о назначении его воинским начальником г. Кузнецка — представляет собой машинопись с правкой рукой П. М. Невежина (ф. 200, № 235, 2 л. (1 чист.)).

Из прошения мы узнаем, что 21 октября 1914 г. Петр был назначен исправляющим должность Виндавского воинского начальника, а с началом военных действий начальником караульной команды. Выполняя приказ, он руководил уничтожением местных складов близ г. Виндавы. Состоя на фронте Северной армии и исполняя обязанность председателя реквизиционной комиссии, он был представлен к чину подполковника, но вследствие военного времени производство не состоялось, что не давало Петру возможность перевестись воинским начальником в г. Кузнецк. В прошении выражалась надежда на содействие генерала переводу Петра на открывшуюся вакансию. Назначение, по-видимому, состоялось, о чем свидетельствует письмо Невежина к директору императорских театров В. А. Теляковскому, относящееся предположительно к 1917 г. В нем, в частности, драматург писал, что в его жизни было время, когда «не на что было послать детям, бывшим на войне, теплого белья, но теперь дети не только пристроены, но и в больших чинах, и я могу не заботиться о них...» (ф. 200, № 243, л. 3).

Возвращаясь к биографии Невежина-отца, следует заметить, что несмотря на болезнь жены и заботу о детях, в 1880-е—1890-е годы он плодотворно работает, прежде всего, как драматург. По данным картотек и каталогов Пушкинского Дома, Библиотеки Академии наук, Российской национальной библиотеки и Театральной библиотеки, с 1881 по 1900 г. были опубликованы 23 пьесы драматурга, в то время как с 1901 по 1918 г. — только 8 пьес. Именно в первые двадцать лет своей драматургической работы Невежин написал наиболее популярные пьесы, из которых десять, на его взгляд, лучших собрал в двухтомник.³¹ Это комедии «В родном углу», «Компаньоны», «На зыбкой почве», «Непогрешимый», «Неугомонная», «Сестра Нина», «Старое по-новому»; драмы «Друзья детства», «Неумолимый суд» и наиболее прославившая имя Невежина «Вторая молодость».

Из более чем 30 драматических произведений Невежина, увидевших свет, в фонде имеются материалы 17. Среди них «Сестра Нина», «В родном углу», «На зыбкой почве», «Друзья детства», «Неумолимый суд» и др. Некоторые из наиболее популярных произведений,

³¹ *Невежин П. М.* Драматические сочинения: В 2 т. М., 1898—1901. На обложке 2-го тома издания есть сообщение о том, что готовится к печати 3-й том драматических сочинений Невежина, который в печати так и не появился.

например, комедия «Старое по-новому» и драма «Вторая молодость», отсутствуют. Материалы показывают, что опубликованы были далеко не все написанные драматургом пьесы. Всего фонд содержит около 70 пьес П. М. Невежина. Если исключить из них 6 неоконченных (без названия) и 11 только начатых, то получится, что более 20 пьес остались неизвестными публике.

Фонд дает богатые материалы для исследования творческой лаборатории драматурга. Невежин тщательно редактировал свои пьесы, работая над многими по 2—3 года. Почти каждая из них представлена в фонде несколькими вариантами. Одним из свидетельств отношения Невежина к своим произведениям является, например, его письмо к директору императорских театров (с 1899 по 1901 г.) князю Сергею Михайловичу Волконскому:

«Ваше Сиятельство Милостивый Государь Сергей Михайлович. Экземпляр моей комедии „Несытое око“, представленный Вам г. Карповым, был оставлен мною в портфеле режиссера только для того, чтоб удержать за собой место в сезоне. В действительности же, несмотря на то, что комедия была одобрена театральным-литературным комитетом, по обсуждению найдена была мной подлежащей не только изменению, но коренной переработке.

Я нашел, что мне не удалось не только сценарий, но несимпатична и самая идея пьесы, что для сцены вопрос первой важности. О переработке пьесы мною было заявлено режиссеру и сообщено г-же Савиной, как исполнительнице главной роли. Над этой переработкой я тружусь с начала весны и надеюсь окончить пьесу к концу августа, причем изменено будет даже название.

Что касается того, что г. Карпов представил Вам манускрипт, то мне остается пожалеть, что режиссер не спросил меня, в каком положении находится моя работа и пожелаю ли я находившийся у него в портфеле экземпляр представить Вам на рассмотрение. Последствием этого вышла неприятная для меня огласка о непринятии Вами пьесы. Но увидя в Вашем отказе, что Ваше Сиятельство принимает личное и горячее участие в составлении репертуара и смотрите на него, очевидно, с строгой эстетической точки зрения, я позволяю себе маленькую смелость и обращаюсь к Вам с другой просьбой. В первом томе моих драматических произведений, имеющемся в библиотеке С.-Петербургских Императорских театров, находится неигранная на сцене Александринского театра, но также одобренная комитетом, „Сестра Нина“. В этой пьесе я старался избежать всех бравурных, театральных приемов и стремился осветить душевный мир женщины, всегда склонной к общественному служению. В какой мере я успел в этом, предоставляю судить Вашему Сиятельству. Если же качества моего труда покажутся Вам удовлетворительными, то покорнейше прошу о постановке ее на сцену.

С чувством глубочайшего почтения и совершенной преданности имею честь быть Вашего Сиятельства покорнейший слуга П. Невежин.

1899 г. 13-го августа, г. Москва. Большая Бронная, д. Гетье» (ф. 123, оп. 1, № 584).

Этапы переработки пьесы «Несытое око» нашли отражение в материалах фонда (ф. 200, № 25, 34 л. (1 чист.), 1897; № 26, 61 л. (2 чист.), 1898; № 27, 161 л. (6 чист.), 1899).

По опубликованным данным известно, что всего на сценах Мало-го, Александринского и частных театров с 1880 по 1917 г. было поставлено более 20 пьес драматурга.³² Фонд располагает более точными сведениями о постановках драматических произведений Невежина в начале XX в. По данным расчетных листов Московского отделения Общества русских драматических писателей и оперных композиторов (ф. 200, № 237, л. 3—8, 1916 и начало 1917 г.) с апреля 1905 по январь 1917 г. на сценах столичных и провинциальных театров было сыграно 24 пьесы Невежина. Материалы этой единицы хранения свидетельствуют о широком распространении произведений Невежина в провинциальных театрах России. Пьесы его были известны в Калуге, Рязани, Челябинске, Екатеринославле, Архангельске, Ростове-на-Дону, Нижнем Новгороде, Симбирске, Саратове, Астрахани, Ташкенте, Тифлисе, Нахичевани, Сочи, Симферополе, Керчи, Сухуми, Гельсингфорсе, Красноярске, Уфе, Омске, Киеве, Ревеле и других городах. Но востребованной оставалась практически только одна пьеса — «Вторая молодость», которая с 1905 по 1917 г. появлялась на театральных подмостках около 130 раз. Кроме нее упоминаются немногочисленные, а подчас и единичные постановки: комедий — «На зыбкой почве», «Строгая сестренка», «Блажь», «В родном углу»; драм — «Поруганный», «Сестра Нина» и сцен — «На премию», «Сутолока», «Попрыгунья», «Сюрприз».

Как уже упоминалось, П. М. Невежин с первых дней литературной деятельности выступил не только как драматург, но и как беллетрист. Правда, количество прозаических произведений, написанных им в 1880-е годы, было относительно невелико и начало заметно возрастать лишь со второй половины 1890-х годов.

Романы, повести, рассказы и очерки Невежина были рассчитаны на массового читателя и в основном публиковались в периодических изданиях. На основе этих публикаций писатель составил семь сборников прозаических произведений,³³ а в начале 1910-х годов в книгоиздательском товариществе «Просвещение» в серии «Собрание сочинений известных русских и иностранных писателей» вышло 12-томное собрание его сочинений, включившее и драматургию, и прозу писателя.³⁴

Лишь некоторые прозаические произведения вышли отдельными изданиями. По данным упомянутых выше картотек, это 5 романов:

³² См.: Пащенко М. В. Невежин П. М. // Русские писатели. 1800—1917. С. 251.

³³ *Невежин П. М.* Из жизни мелких людей: Юмористические очерки. М., 1892; *Невежин П. М.* Милые шалуны. М., 1900; *Невежин П. М.* Проказы судьбы: Повести. М., 1900; *Невежин П. М.* Грехи смысла: Повести и рассказы. СПб., 1906; *Невежин П. М.* «В бою» и другие рассказы. М., 1908; *Невежин П. М.* Клеймо природы: Повесть и другие рассказы. СПб., 1914; *Невежин П. М.* Погибший кумир: Повесть и другие повести и рассказы. СПб., 1914.

³⁴ *Невежин П. М.* Собрание сочинений: В 12 т. СПб., 1909—1911. Содержание 1-го и 2-го томов этого собрания сочинений повторяет двухтомник драматических сочинений Невежина.

«Знаменитость», «Непокорные», «Озлобленные», «Приманка» и «Распад»; 6 повестей: «Жестокая воля», «Клеймо природы», «Лучший исход», «Проказы судьбы», «Промчавшаяся невзгода», «Страховая премия»; рассказы «В бою» и «Забывтая рота». Лучшими своими романами Невежин считал «Знаменитость» и «Приманку»; из повестей — «Жестокою волю» и «Промчавшуюся невзгоду», а также детские рассказы, собранные в сборник «Милые шалуны».

В письме к П. Н. Полевому Невежин так характеризовал основное направление своих прозаических произведений: «В беллетристике я старался очертить трагическое в обиходной жизни и показать, что страдают не одни классические герои, а с гораздо большей наглядностью задыхаются от деспотизма произвола, насилия и эгоизма люди близкие нам по крови» (ф. 326, № 49, л. 2).

Работа писателя над всеми опубликованными романами, кроме «Распада», в той или иной степени нашла отражение в материалах фонда. Кроме того, в архиве Невежина имеется один неоконченный роман без названия и подготовительные материалы еще к трем романам.

Всего увидели свет около 20 повестей писателя (вместе с опубликованными в периодической печати). Фонд содержит материалы 6 из них и, кроме того, еще 12 неопубликованных повестей. Среди последних — законченная большая повесть «Бунтари», неоконченная повесть «Иван Федорович на отдыхе», пять неоконченных повестей без названия и др.

Большинство рассказов и очерков Невежина опубликовано в периодике. В просмотренных нами справочных картотеках и каталогах упомянуто около 100 таких публикаций. Материалы более 20 из них имеются в фонде, всего же архив содержит более 80 произведений малых жанров.

Невежин сотрудничал во многих периодических изданиях. Среди них журналы: «Нива», «Детский отдых», «Читатель»; газеты: «Курьер» (М.), «Южное обозрение» (Одесса), «Одесские новости», «Пробуждение» (СПб.), «Новости» (М.), «Новости дня» (М.; СПб.), «Русские ведомости» (М.), «Биржевые ведомости» (СПб.) и др.

Одной из постоянных тем публикаций Невежина в периодической печати была театральная жизнь столицы и Москвы. Невежин активно печатался в театральном, музыкальном и художественном московском журнале «Артист», журнале «Зритель», газете «Петербургский дневник театра». Помимо очерков об известных актерах (Г. Н. Федотовой и М. Г. Савиной) в фонде есть несколько заметок, посвященных острым вопросам современной Невежину театральной жизни: «Как воскресить театральный репертуар?» (ф. 200, № 215), «Почему упал театр?» (ф. 200, № 218), «Духовенство на театральных подмостках» (ф. 200, № 213). В архиве сохранились несколько заметок о проблемах общественной и театральной жизни Москвы и Петербурга, вероятно подготовленных для газеты «Московская жизнь» (ф. 200, № 217).

В 1904—1905 гг. Невежин редактировал и издавал либеральную газету «Наши дни» (СПб.), в которой сотрудничали В. И. Вернадский, П. Н. Милюков, А. А. Шахматов, П. Е. Щеголев и др., а с 1912 по 1916 г. был редактором петербургского журнала «Пробуж-

дение». Некоторые сведения об этой стороне деятельности Невежина можно найти в его переписке. В фонде имеются также материалы о сотрудничестве драматурга с петербургским товариществом А. С. Суворина «Новое время» (ф. 200, № 251), московским издательством И. Д. Сытина (ф. 200, № 253) и др.

Фонд содержит материалы по деятельности Невежина в драматических, оперных, вокальных обществах. Известно, что в 1908 г. драматург руководил практическими занятиями в школе при Обществе любителей ораторского искусства в Петербурге.³⁵ Архив также располагает дополнительными данными о том, что в 1880-х — начале 1890-х годов Невежин работал директором московских «Драматических курсов» (ф. 200, № 237, л. 11).³⁶

Немногочисленные письма П. М. Невежина к разным лицам из его архива (ф. 200, № 240—248, 9 писем), дополненные письмами драматурга из других фондов (см. выше), очерчивают круг профессионального общения Невежина. Среди них есть официальные, адресованные руководящим деятелям театра: С. М. Волконскому, И. А. Всеволожскому, В. А. Теляковскому, в разное время возглавлявшим императорские театры; одному из членов литературно-театрального комитета П. И. Вейнбергу и др. Немало деловых и личных писем к драматургам и литературным деятелям: Б. Б. Глинскому, А. Ф. Кони, Н. В. Корецкому, И. Л. Леонтьеву-Щеглову, А. А. Луговому, С. Н. Шубинскому, И. И. Ясинскому и др. Из них выделяется большим, чем к другим адресатам, объемом комплекс писем к драматургу Е. П. Карпову (ф. 550, № 78, 35 л., 23 письма за 1907 г. и без дат). Имеются письма к актерам — поздравительные и с авторскими замечаниями к исполнению ролей в пьесах, а также дарительные надписи на книгах — А. И. Сумбатову-Южину, М. И. Писареву, А. А. Сувориной и др.

В фонде, кроме письма сына, имеется 5 писем разных лиц к Невежину за 1900—1917 гг. (ф. 200, № 249—254). Приведем одно из них, посланное драматургу в дни 20-летнего юбилея его литературной деятельности редактором «Исторического вестника» С. Н. Шубинским:

«Многоуважаемый Петр Михайлович! очень вам благодарен за присылку „В дни тревоги“. Читать рукопись я не буду, так как уверен, что все, написанное вами, хорошо; но она несколько обширна (около 3 печатных листов) и это доставит вам неприятность ожидать ее помещения в „Ист<орическом> В<естнике>“ месяца три или четыре, ибо первые книжки уже переполнены и я не могу нарушить обещаний, ранее данных авторам.

³⁵ Около рампы // Биржевые ведомости. (Веч. вып.). 1908. 15 сент., № 10707. С. 6.

³⁶ Об открытии П. М. Невежиным драматических курсов в Москве в 1881 г. см.: История русского драматического театра. М.: Искусство, 1982. С. 157. Сведений о времени переезда Невежина из Москвы в Петербург в фонде нет, но известно, что с первых лет своей драматургической деятельности он регулярно выезжал в столицу для репетиций и на премьеры новых пьес. Переписка Невежина содержит ряд писем с указанием московского адреса: «ул. Большая Бронная, дом Гетье» и петербургского: «Гусев пер., б». Последний появляется в переписке драматурга после 1900 г.

Я прочитал в газетах, что 20 декабря исполняется 20-летие вашей литературной деятельности. От души поздравляю вас. Вы имеете полное право праздновать этот юбилей с сознанием, что прошли двадцатилетний тернистый литературный путь честно, по прямой дороге, ни разу не уклонясь с нее. Это могут сделать лишь люди крепкие духом и твердые в убеждениях. Будьте здоровы и благополучны и верьте, что среди тех, кто вас знает, вы пользуетесь искренними симпатиями не только как литератор, но и как человек. Неземно преданный вам Шубинский. 16 дек. 1900 г.» (ф. 200, № 254).

Через пять лет Невежин праздновал 25-летие своей литературной деятельности. В музее Пушкинского Дома хранится серебряный венок, поднесенный ему Обществом русских драматических писателей и оперных композиторов в день этого юбилея.³⁷ В периодической печати не остались незамеченными 30- и 35-летние юбилеи писателя. Но хотя в юбилейных статьях к имени драматурга нередко добавлялся эпитет «маститый», с началом нового столетия пьесы его постепенно уходят из репертуарных списков. К сожалению, Невежин пережил свою популярность, не избежав печальной участи многих собратьев по перу.

Письма из фонда Невежина преимущественно недатированы, но, судя по содержанию, большинство из них относится именно к этому времени. Так, черновые варианты четырех писем к А. С. Суворину переполнены горькими словами в адрес последнего вследствие снятия с репертуара его театра пьес Невежина. В одном из писем (незаконченном) драматург даже пытается спровоцировать вызов Суворина на дуэль. С просьбой о восстановлении снятой с репертуара пьесы «Поруганный» он обращается в письме к В. А. Теляковскому, считая виновниками своих страданий Карпова, Южина и Гнедича.

На физическое и душевное состояние Невежина влияло ранение, полученное им на войне. Еще в 1881 г. А. Н. Островский писал Ф. А. Бурдину об этом: «...Невежин <...> нездоров, у него, кроме сильных нервных болей (вследствие раны), открылась мучительнейшая болезнь седалищного нерва».³⁸ Перенесенное Невежиным ранение, несомненно, осложняло сам процесс писательского труда, о чем он упоминал, например, в 1895 г. в своем прошении в Литературный фонд: «...я, как затруднительно владеющий правой рукой, должен иметь всегда человека, пишущего под мою диктовку» (ф. 540, оп. 1, № 118, л. 5).

Материалы фонда подтверждают это. Почерк Невежина трудно читаем. Имеющиеся среди творческих работ драматурга автографы произведений нередко скопированы рукой переписчика либо переведены в машинописный или литографический варианты, по которым делалась авторская правка. На листах некоторых произведений можно встретить записи Невежина с расчетами стоимости переписки.

Со временем физическое состояние драматурга ухудшалось. Среди бумаг хозяйственно-бытового характера (ф. 200, № 236, 22 л.,

³⁷ Литературный музей Пушкинского Дома. № 2242.

³⁸ Островский А. Н. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 27.

1883—1917 гг. и б. д.) имеются выписки Невежина о лечении болезней, медицинские рецепты. Материалы фонда содержат сведения о том, что он прибегал к помощи массажиста, заказывал ортопедическую обувь.

18 ноября 1917 г. Невежин был приглашен на медицинское освидетельствование. В письме к Ф. Д. Батюшкову, написанном месяцем раньше, он сообщал: «Я очень болен, пять месяцев не выхожу из квартиры и нуждаюсь в средствах к жизни <...> Пишу не сам, потому что не владею рукой. Надеюсь, что вы посетите меня калеку» (№ 15176, л. 1 об.—2 об.).

В последние годы жизни усилившаяся болезнь и лишения революционного времени, видимо, пошатнули душевное равновесие Невежина, хотя до конца своих дней он продолжал писать. Незадолго до смерти драматурга автор одной из журнальных статей, обозревая деятельность современных писателей, в частности, писал о П. М. Невежине: «Маститый драматург П. М. Невежин, так много и так успешно поработавший для театра и литературы, несмотря на свое приближение к концу восьмого десятка жизни и болезнь, приведшую его к переселению из квартиры в клинический госпиталь, не кладет своей писательской палитры. Уже в больничной палате он написал новую пьесу, всецело относящуюся к современным событиям. <...> Пьеса... закончена уже, и остановка за перепиской ее, препятствие, как оказывается, не шуточное...

— Вот если он перепишет, — грустно острит П. М., указывая на соседа по койке, молодого врача, — так сдам, а иначе... Сам не могу уже...

Вообще П. М., несмотря на болезнь и некоторое ослабление сил, вследствие „современных обстоятельств“ и возраста, настроен довольно бодро. Жалуется только на одиночество и забывчивость друзей, не посещающих его в клинике, несмотря на отсутствие каких-либо причин к тому...».³⁹

Умер Невежин 25 мая 1919 г. в Петрограде в Клиническом госпитале Медицинской академии. В фонде имеется незаконченный машинописный текст «Духовного завещания» Невежина, написанный за пять лет до смерти (22 мая 1914 г.), в котором драматург просил употребить причитающиеся ему из кассы взаимопомощи литераторов и ученых 600 рублей на свои похороны и «перевозку тела в Москву для погребения на Ваганьковском кладбище в семейной могиле» (ф. 200, № 234, л. 1). Перед смертью П. М. Невежин устно повторил это последнее желание, добавив к нему второе возможное место своего упокоения — Волково кладбище в Петербурге,⁴⁰ где он и был похоронен.

³⁹ П-ский Н. Чем заняты наши писатели // Вестник литературы. 1919. № 4. С. 7.

⁴⁰ Автор одного из некрологов Невежина писал об этом: «Умер Невежин в сознании и за три часа до кончины просил пригласить в больницу пишущего эти строки, которому он пожелал передать последнюю волю свою и последний вздох. Он просил отправить его тело в Москву или похоронить его на Волковом. На Литераторских мостках» (А. К. П. Невежин // Вестник литературы. 1919. № 5. С. 14).

II

С последними годами жизни П. М. Невежина связана история передачи его архива в Пушкинский Дом. Фонд сформирован из нескольких поступлений. Документы Невежина начали поступать в Пушкинский Дом с середины 1910-х годов, благодаря заботам первого его директора Н. А. Котляревского и первого ученого хранителя Б. Л. Модзалевского.

Котляревский, наряду с директорством, исполнял несколько общественных должностей.⁴¹ В частности, с 1908 по 1917 г. он заведовал репертуаром Русской драматической труппы. Человек общительный и доброжелательный, любивший театр, хорошо знавший театральную жизнь и ее деятелей, Котляревский был лично знаком с Невежиным, пьесы которого к концу 1910-х годов, хотя уже и не были популярны, но все же появлялись на сценах театров.

Н. А. Котляревский, очевидно, следил за творчеством Невежина. Имя драматурга неоднократно встречается в бумагах архива директора Пушкинского Дома: в росписи репертуара императорских театров, в картотеке современных драматургов, в письмах. Немало произведений Невежина было в библиотеке Котляревского — собрания сочинений и сборники, отдельные издания и отписки произведений.⁴² Более тесное их общение приходится на время работы Котляревского в должности заведующего репертуаром, о чем свидетельствуют сохранившиеся письма Невежина к Котляревскому из архива последнего (ф. 135, № 492; 4 письма и визитная карточка П. М. Невежина к Н. А. Котляревскому за <1909>—<1915> гг. 12 л.).

После плодотворного общения с А. Н. Островским, успеха «Второй молодости» и других пьес 80-х—90-х годов Невежин тяжело переживал падение интереса публики к своим пьесам, обозначившееся к началу нового столетия. Переживания эти пагубно сказывались на его здоровье, нередко приводя к утрате душевного равновесия. Последнее из упомянутых писем к Котляревскому драматург написал вскоре после перенесенного им «нервного удара», вероятно, в конце января—начале февраля 1915 г. Оправившись от болезни, Невежин приглашает Котляревского навестить его.

Очевидно, драматурга, принадлежавшего к старшему поколению, привлекли не только административные качества сотрудника театральной дирекции, но, прежде всего, его отзывчивость и человеческая теплота. «Радуюсь, — пишет Невежин, — что встретил в Вас человека с такой душой и не способного смешать власть с насилием» (ф. 135, № 492, л. 12).⁴³

⁴¹ См.: Зыкова Г. В., Белодубровский Е. Б. Котляревский Н. А. // Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь. М., 1994. Т. 3. С. 110—111.

⁴² Эти издания поступили впоследствии в Пушкинский Дом в составе личной библиотеки Котляревского и составили основу библиотечного собрания произведений Невежина.

⁴³ Один из первых сотрудников Пушкинского Дома — Михаил Дмитриевич Беляев (1884—1955), занимавшийся организацией музея, а во второй половине 1920-х гг. входивший в состав Комитета Пушкинского Дома, вспоминал о Н. А. Котляревском:

Своими впечатлениями о посещении больного Котляревский поделился в письме к В. С. Враской от 23 февраля 1915 г.: «Видел вчера Невежина. Боже, какое ужасное впечатление. У него был нервный удар. Приписывает он это, конечно, нам и неудаче с пьесой. Со мной ласков, но мне эта ласка тяжелее ругани. Под конец разговора разошелся и успокоился, когда мы начали вспоминать старину, времена, когда он был так в моде, и пьесы его так нравились. Конечно, он отжил, но ведь и то, что мы играем — осуждено на такую же смерть.

Удивительный репертуар! Все живое — мертвое и живы только одни покойники!» (ф. 454, оп. 2, № 14, л. 13).

Размышления Котляревского о современном состоянии драматургии почти дословно совпадают с характеристикой, данной Невежиным молодому поколению драматургов в одном из предыдущих писем: «Вчера мне сказали: „вы старой школы“, „вы устарели“. Может быть, но что такое новая? Порнография! — Разве это школа? Это мерзость, которую допускают в угоду разнузданной толпы? Мы шли и идем по пути, указанному нам великими творцами, и вдохновляемся указаниями правды, чистоты и разума — это хорошие три кита, и пусть нас смелют „дельцы“ в порошок, им не положить наших голов на позорную плаху» (ф. 135, № 492, л. 9 об.—10, <1913 г.>).

Возможно, сострадание к больному драматургу и желание поддержать его побудило Котляревского предложить Невежину передать рукописи своих произведений в архив Пушкинского Дома. Кроме того, планы построения рукописного и книжного отделов вновь создаваемого учреждения предполагали, по свидетельству современника, «охват самых широких историко-литературных, общественных и бытовых интересов», и «Пушкинский Дом не обладал бы рядом своих рукописных и книжных сокровищ, если бы о них не хлопотал его первый директор».⁴⁴

Предположительно, именно в это время — в 1915 г. — в Пушкинский Дом поступают первые автографы произведений драматурга: пьеса-хроника «Великий гость», несколько рассказов и очерков. Точная дата поступления их неизвестна, так как в учетных документах Пушкинского Дома до 1924 г. книга записи поступлений не велась. Имеется лишь отметка о том, что рукописи поступили от автора. В начале декабря 1915 г. Нестор Александрович передает в

«Большой эрудит, тонкий аналитик и смелый синтетик, облекавший к тому же свои научные труды в исключительно изящные формы, роднившие их с произведениями художественной литературы, Нестор Александрович был одинаково популярен и в научных, и в литературных кругах. К тому же популярность ученого-писателя еще расширялась исключительным ораторским даром, делавшим <...> его излюбленным профессором и общественным лектором. Одновременно его природная широта и мягкость, его терпимость и благожелательность к людям, постоянно находившие себе отражение в его печатных трудах и публичных выступлениях, делали его искони приемлемым для людей самых разнообразных толков, охотно вверявших ему выполнение ряда разнообразных общественных функций. Наконец, глубокая сердечная доброта и блестящее, искрящееся остроумие делали его одинаково незаменимым и для тихой сердечной беседы и для шумных, больших собраний» (ф. 184 (находится в обработке): М. Д. Беллев. Воспоминания о Н. А. Котляревском и Б. Л. Модзалевском, без даты, л. 1).

⁴⁴ Там же, л. 7.

Пушкинский Дом авторизованную машинописную автобиографию Невежина. Материалы этих первых отдельных поступлений были обработаны, описаны и внесены в так называемый «шифрованный фонд» (№ 2662—2671, 3130).

Следующая часть документов из архива Невежина поступила в Пушкинский Дом в 1919 г., вскоре после его смерти. Передал их Николай Николаевич Шахов, который был близко знаком с драматургом в последние годы его жизни. История этого поступления такова.

Н. Н. Шахов принадлежал к старинному дворянскому роду и приходился внучатым племянником поэтессы Е. Н. Шаховой.⁴⁵ В начале 1910-х годов он проделал большую работу для восстановления забытого имени своей бабушки: переиздал ее сочинения,⁴⁶ а также разыскал и передал в Пушкинский Дом архив поэтессы.⁴⁷

В 1916 г. Шахов обратился к Невежину с просьбой: на основе имеющихся у него биографических материалов написать пьесу о поэтессе.⁴⁸ Переданные документы сохранились в архиве (ф. 200, № 48). Невежин добросовестно изучил их, и уже в 1917 г. Шахов издал написанную драматургом историко-бытовую хронику «Елисавета Шахова» (Пг., 1917).

На этом общение их не закончилось. Шахов принимал деятельное участие в судьбе Невежина, старался привлечь внимание общественности к бедственному положению больного и одинокого драматурга. В частности, в заметке «Вспомните о П. М. Невежине» он писал: «Наш известный драматург и беллетрист П. М. Невежин находится в безотрадном положении. Он совершенно одинок и не име-

⁴⁵ Немногочисленные биографические сведения о Н. Н. Шахове имеются в 8 его письмах к Б. Л. Модзалевскому 1915—1927 гг. из архива последнего (ф. 184 (находится в обработке)), а также в материалах Шахова из делопроизводственного фонда Пушкинского Дома (Архив АН, ф. 150).

⁴⁶ *Шахова Е.* Собрание сочинений в стихах / Издал внук автора Н. Н. Шахов. СПб., 1911. Ч. 1—3. (В библиотеке Пушкинского Дома имеется экземпляр книги с дарственной надписью Н. Н. Шахова, переданный в 1914 г.); *Шахова Е.* В начале жизни и на пороге вечности (Посвящено памяти И. С. Тургенева. 1883 г.) // Русская старина. 1913. Кн. 1. С. 162—167, и др.

⁴⁷ Вероятно, вскоре после издания собрания сочинений Шахов познакомился с Б. Л. Модзалевским, а в январе 1914 г. передал в Пушкинский Дом рукописи и издания произведений Е. Шаховой, оставшиеся ему в наследство. Под руководством Модзалевского Шахов вел поиски остальной части ее архива, которые увенчались успехом. Летом 1915 г. в Старо-Ладожском женском монастыре, где окончила свой жизненный путь схимонахиня Елизавета (в миру Е. Шахова), Шахов отыскал ее письма к разным лицам, рукописи и другие материалы, о чем сообщает в письме к Модзалевскому от 31 июля 1915 г. (ф. 184). В этом же году он передал найденные материалы в Пушкинский Дом, где, присоединенные к прежнему поступлению, они составили фонд Е. Н. Шаховой (№ 3558—3602).

Нам не удалось найти фамилии Шахова в списках сотрудников Пушкинского Дома этих лет, но сам он считал себя таковым с 1911 г., то есть, вероятно, со времени знакомства с Б. Л. Модзалевским. В 1918 г. Шахов передал в Пушкинский Дом рукописи (поэзию и прозу) Екатерины Федоровны Алексеевой (№ 14559; см. также: № 14554—14558; Р. 1, оп. 1, № 18).

⁴⁸ Об этом Н. Н. Шахов упоминает в письме на имя Б. Л. Модзалевского от 8 ноября 1921 г.: Архив АН, ф. 150, оп. 1 (1918), № 1, л. 92—93.

ет подле себя с кем бы сказать слово по душе и встретить услугу. ...Сын на войне, дочь замужем, тоже за военным, и проживает в Финляндии... Он едва владеет ногами и правой рукой... Больной не видит подле себя участливого лица, и никто из общественных деятелей не выражает ему того, что заслужил маститый писатель».⁴⁹

Сразу после смерти Невежина Шахов посылает в Пушкинский Дом письмо с предложением о передаче хранящейся у него части архива драматурга: «Имею честь передать в дар П<ушкинскому> Д<ому> часть рукописей, оставшихся мне от покойного драматурга Петра Михайловича Невежина, которые были мною вывезены из Новгородской губ. Если же П<ушкинский> Д<ом> пожелает получить в дар остальные рукописи и некоторые вещи, то я прошу дать мне командировочное свидетельство на выезд и въезд в Петроград...».⁵⁰ По распоряжению Модзалевского Шахову было выдано удостоверение, и в начале августа 1919 г. большой комплекс материалов Невежина поступил в Пушкинский Дом. Часть материалов хранится в Литературном музее Пушкинского Дома: упоминавшийся выше серебряный лавровый венок; гипсовый бюст П. М. Невежина работы В. В. Козлова (№ 62403, 1918 г.); портрет драматурга работы В. Е. Маковского (№ 74198, б/д); цветная литография (портрет-шарж) по рисунку М. Даныкевича (№ 10732, 1891 г.) и несколько фотографий 1880—1890-х г.

Через семь лет из Государственного книжного фонда в Пушкинский Дом были переданы еще несколько документов из архива Невежина.⁵¹

Поступления 1919 и 1926 гг. частично прошли предварительную обработку в 1930 г. (без составления описи), частично находились в россыпи. В это же время фонду был присвоен номер. Во время современной научно-технической обработки документы Невежина из «шифрованного фонда» были объединены с последними двумя поступлениями.

⁴⁹ Шахов Н. Н. Вспомните о П. М. Невежине (Письмо в редакцию) // Биржевые ведомости. (Веч. вып.). 1917. 9 авг., № 16379. С. 3. Возможно, под влиянием общения с Невежиным Шахов пробует себя в драматургии. В 1918 г. он написал пьесу в 5 действиях «Суженый» (Пг., 1918), которую издал под псевдонимом Шахов-Сытя, прибавив к своей фамилии фамилию предка по материнской линии. Литературные начинания Шахова поддерживал Модзалевский (см.: Архив АН, ф. 150, оп. 1 (1918), № 1, л. 92). Всего, по словам Шахова, он написал 10 пьес «из народного быта». В рукописном отделе Санкт-Петербургской государственной театральной библиотеки хранятся машинописные и литографированные экземпляры пяти пьес Н. Н. Шахова-Сытя: «Агитатор. Совр. пьеса в одном действии». 23 с. Машин. экз. (Шифр — С 1 / А—4250, 11416); «Дезертир. Совр. народная пьеса». 32 с. Машин. экз. (Шифр — С 1 / А—4251, 11414); «Просвет. Пьеса в одном действии из народного быта». 26 с. Машин. экз. (Шифр — С 1 / А—4252, 11417); «Темная сила. Пьеса в одном действии». 27 с. Машин. экз. (Шифр — С 1 / А—4253, 11413); «Источник жизни. Пьеса в 4-х действиях из народного быта». Пг.: Изд. К. П. Ларина. Б. г. — 28 с. Литогр. издание. (Шифр — 115. ф. / Ш 31, 77902, 77899).

⁵⁰ Архив АН, ф. 150, оп. 1 (1919), № 2, л. 100.

⁵¹ Пост. 1926 г., № 354. Поступление это упоминается в «Отчете о деятельности Академии наук СССР в 1926 г.» в разделе, посвященном Пушкинскому Дому (С. 185). В учетных документах Рукописного отдела, к сожалению, не перечислены материалы, входившие в него.

В Приложении к обзору приводим выявленную во время работы библиографию произведений П. М. Невежина, расположенную по следующим рубрикам: собрания сочинений и сборники произведений; отдельные издания драматических произведений; публикации драматических произведений в сборниках и периодических изданиях; отдельные издания прозаических произведений; публикации прозаических произведений в периодических изданиях; статьи, воспоминания, ответы на анкеты, отзывы на произведения других лиц и др.; периодическая печать о П. М. Невежине.

Рецензии на публикации драматических произведений П. М. Невежина и на их постановки на сцене даются в одном ряду.

ПРИЛОЖЕНИЕ

БИБЛИОГРАФИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ П. М. НЕВЕЖИНА

Собрания сочинений и сборники произведений

1. Драматические сочинения: В 2 т. — М.: Тип. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1898—1901.

Т. 1. М., 1898. — 329 с.

Старое по-новому: Комедия в 4-х д.; Друзья детства: Драма в 5 д.; Компаньоны: Комедия в 4-х д.; Сестра Нина: Комедия в 4-х д.; Неумолимый суд: Драма в 4-х д.

Т. 2. М., 1901. — 355 с.

Вторая молодость: Драма в 4-х д.; Непогрешимый: Комедия в 5 д. и 6 карт.; Неугомонная: Комедия в 4-х д.; В родном углу: Комедия в 4-х д.; На зыбкой почве: Комедия в 4-х д.

2. Собрание сочинений: В 12 т. — СПб.: Просвещение, 1909—1911 (Всемирная б-ка. Собрание сочинений знаменитых русских и иностранных писателей).

Т. 1. Драматические произведения. СПб., 1909. — 478 с.

Старое по-новому: Комедия в 4-х д.; Друзья детства: Драма в 5 д.; Компаньоны: Комедия в 4-х д.; Сестра Нина: Комедия в 4-х д.; Неумолимый суд: Драма в 4-х д.

Т. 2. Драматические произведения. СПб., 1909. — 514 с.

Вторая молодость: Драма в 4-х д.; Непогрешимый: Комедия в 5 д. и 6 карт.; Неугомонная: Комедия в 4-х д.; В родном углу: Комедия в 4-х д.; На зыбкой почве: Комедия в 4-х д.

Т. 3. Знаменитость: Роман. СПб., 1909. — 543 с.

Т. 4. Приманка: Роман; Жестокая воля: Повесть. СПб., 1909. — 458 с.

Т. 5. Страховая премия: Повесть; Лучший исход: Повесть. СПб., 1909. — 557 с.

Т. 6. Озлобленные: Роман. СПб., 1909. — 510 с.

Т. 7. Озлобленные: Роман (окончание); Промчавшаяся невзгода: Повесть; Никифор Геркулесов: Повесть. СПб., 1909. — 472 с.

Т. 8. Непокорные: Роман. СПб., 1910. — 513 с.

Т. 9. Повести и рассказы. СПб., 1910. — 485 с.

Исключенный: Повесть; Васья: Повесть; Тихий приют: Рассказ; Конкуренты: Очерк; Прямой наследник: Повесть; Ставка: Повесть; Горемыки: Рассказ.

Т. 10. Повести и рассказы. СПб., 1911. — 484 с.

Якутенок: Рассказ; Преграда: Повесть; Примирение: Рождественский очерк; В Великий день: Очерк; Визитная карточка: Очерк; Красное яичко: Очерк; Уличная: Рождественский рассказ; Воронка: Рассказ; Беда над головой: Рождественский рассказ; Дешевый проезд: Очерк из прошлого; Нужда: Очерк; Бульварный герой: Очерк из прошлого; Обновка: Очерк; Затея: Очерк; Жилища: Очерк; Сметанник: Очерк; Верный способ: Очерк; Выучка: Очерк прошлого; Напраслина: Очерк; Последняя исповедь: Очерк; Неразлучные: Очерк.

Т. 11. Повести и рассказы. СПб., 1911. — 418 с.

Приговор женщины: Повесть; Предостережение: Очерк; Устали: Очерк; Взлом: Рассказ; Теплый парень: Очерк; Последний вздох: Очерк; Нелюдим: Очерк; Сбежавшая: Рассказ; Неожиданный протест: Очерк; Уличный случай: Очерк; У сладкого куска: Очерк; Видения: Очерк; Пощечина: Рассказ; Кукла: Очерк; Встреча: Очерк; Урок: Очерк; Падчерица: Рассказ; Громила: Пасхальный очерк.

Т. 12. Повести и рассказы. СПб., 1911. — 466 с. 1 л. фронт. (портр.).

Распад: Роман; Заколдованный круг: Актерские муки; Братья: Рассказ; Уступка: Рассказ; Неуравновешенная: Повесть; В соре искусства: Рассказ.

3. Из жизни мелких людей: Юмористические очерки. М.: Тип. т-ва скоропеч. А. А. Левенсон, 1892. — [4], 223 с.

Дешевый проезд: Очерк; Супротивники: Очерк; Нужда: Очерк; Бульварный герой: Очерк; Обновка: Очерк; Затея: Очерк; Жилища: Очерк; Нечаянный избавитель: Очерк; Верный способ: Очерк; Выучка: Очерк.

Рец.: Библиографические новости: П. М. Небежин. Из жизни мелких людей: Юмористические очерки. Москва, 1892 // Новое время. СПб., 1892. 18 февр., № 5737. С. 4.

4. Милые шалуны. М.: Изд. ред. журн. «Детское чтение», 1900. — [2], 212, [1] с. (Б-ка «Детского чтения»).

Миничка: Повесть; Постреленок: Повесть; Естествоиспытатель: Очерк; Строгая сестренка: Комедия.

Рец.: Библиографический отдел: Книги для детей, учебники, пособия // Русская мысль. 1899. № 12. С. 474—475.

5. Проказы судьбы: Повести. М.: Типо-литогр. А. В. Васильева, 1900. — [4], 364, [1] с.

Прямой наследник; Ставка; Никифор Геркулесов; Васья.

6. Грехи смысла: Повести и рассказы. М.: Тип. Мин-ва путей сообщения. СПб., 1906. — [4], 229, [2] с.

Исключенный: Повесть; Тихий приют: Рассказ; Преграда: Повесть; Конкуренты: Очерк.

Рец.: Ю-и. П. М. Невежин. Грехи смысла. Повести и рассказы. СПб., 1906 // Новое время, илл. прил. СПб., 1906. 15 февр., № 10748. С. 11. — Авт.: Н. Н. Вентцель.

7. «В бою» и другие рассказы. М.: Изд. и тип. т-ва И. Д. Сытина, 1908. — 384 с.

В бою; В дни тревоги; Забытая рота; Эвакуация; С крестом в руке; Дикарь; Улики; Последние счеты.

Рец.: В литературном мире: Новая драма и книга Невежина // Биржевые ведомости. (Веч. вып.). СПб., 1908. 17 июля, № 10609. С. 3.

8. Клеймо природы: Повесть и другие рассказы. СПб.: Изд. и тип. т-ва А. С. Суворина «Новое время», 1914. — 225 с.

Клеймо природы: Повесть; В дни тревоги (Из найденных записок офицера): Рассказ; Гостя из столицы: Рассказ; Золотая цепочка: Рассказ; Отщепенец: Рассказ.

Рец.: В. Ю. Б. Жизнь незаметных героев (Невежин П. М. Клеймо природы: Повесть и другие рассказы. — СПб., 1914) // Новое время, илл. прил. СПб., 1914. 12 июля, № 13768. С. 10. — Авт.: Н. Н. Вентцель.

9. Погибший кумир: Повесть и другие повести и рассказы. СПб.: Изд. и тип. т-ва А. С. Суворина «Новое время», 1914. — [2], 245, [2] с.

Погибший кумир: Повесть; Исковерканное время: Повесть; Сдаточный: Рассказ; Обломки семьи; Отпетая; Серая душа; Инстинкт матери; Отражение; Прихоть.

Отдельные издания драматических произведений

10. Бедокурка: Комедия в 4-х д. М.: Изд. театр. б-ки С. И. Напойкина, 1886. — 76 с. — Литогр. издание.

11. Бедокурка: Комедия в 4-х д. М.: Лит.-театр. б-ка Е. Н. Разсохиной, 1893. — 85 с. — Литогр. издание.

12. Блажь: Комедия в 4-х д. М.: Изд. и литогр. Моск. театр. б-ки С. Ф. Разсохина, 1881. — 100 с. — Литогр. издание.

Рец.: *Боборыкин П.* Московские театры: Малый театр: Бенефис г-жи Медведевой. — «Блажь»: Комедия в 4-х действиях А. Островского и П. Невежина // Русские ведомости. М., 1881. 4 янв., № 4. С. 1—2; *Клм. Кид.* Театр и музыка: Бенефис г. Горбунова (16 янв.): «Блажь», комедия в 4 действиях, сочинение А. Н. Островского и П. М. Невежина; «Лес», картинка, сочинение И. Горбунова; новая сцена того же автора // Но-

восты и биржевая газета. СПб., 1881. 18 янв., № 16. С. 2—3. — Авт.: В. О. Михневич.

13. В капкане: Комедия в 4-х д. М.: Литогр. Моск. театр. б-ки Е. Н. Разсохиной, 1884. — 97 с. — Литогр. издание.

14. В красивой оправе: Комедия в 4-х д. СПб.: Театр. б-ка К. П. Ларина, 1907. — 70 с. — Литогр. издание.

Рец.: См-ий. Около рампы: Театр литературно-художественного общества: «В красивой оправе», комедия в 4-х действиях, П. М. Невежина // Биржевые ведомости. (Веч. вып.). СПб., 1907. 24 нояб., № 10219. С. 3; *Боццловский Вл.* Сцена: Малый театр: «В красивой оправе» // Русь. СПб., 1907. 25 нояб., № 316. С. 5; *Л. Вас-ий.* Театр и музыка: Малый театр: «В красивой оправе» // Речь. СПб., 1907. 25 нояб., № 279. С. 4; *Репиши Н.* Театральные впечатления: Малый театр: «В красивой оправе», комедия П. М. Невежина // Слово. СПб., 1907. 27 нояб., № 315. С. 2.

15. В красивой оправе: Комедия в 4-х д. Пг.: Изд. Северной театр. б-ки К. П. Ларина, 1918. — 41 с. — Литогр. издание. На обл.: Вып. 362.

16. Вражда: Комедия в 4-х д. М.: Литогр. Моск. театр. б-ки С. Ф. Разсохина, 1884. — 111 с. — Литогр. издание.

17. Вражда: Комедия в 4-х д. М.: По литогр. изд. С. Ф. Разсохина, 1888. — 112 с. — Литогр. издание.

18. В родном углу: Комедия в 4-х д. М.: Литогр. Моск. театр. б-ки Е. Н. Разсохиной, 1892. — 103 с. — Литогр. издание.

Рец.: Ал. Современное искусство: «В родном углу», комедия в 4 д., П. М. Невежина // Русская мысль. 1892. Кн. 11. С. 252—255; *Х.* «В родном углу», комедия в 4-х действиях П. М. Невежина // Артист. 1892. Кн. 12, № 25. С. 133—141; Театр: Современный репертуар // Северный вестник. 1893. № 11, Отд. II. С. 101—102.

19. В родном углу: Комедия в 4-х д. М.: Литогр. Моск. театр. б-ки Е. Н. Разсохиной, 1901. — 103 с. — Литогр. издание.

20. Вторая молодость: Драма в 4-х д. М.: Изд. театр. б-ки С. И. Напойкина, 1887. — 83 с. — Литогр. издание.

21. Вторая молодость: Драма в 4-х д. М.: Литогр. т-ва М. Кувшинова, 1887. — 80 с. — Литогр. издание.

Рец.: Васильев С. Театральная хроника: «На Малом театре идет новая пьеса г. Невежина под названием „Вторая молодость“» // Московские ведомости. 1887. 19 окт., № 288. С. 2—3. — Авт.: Флеров; *Ал.* Современное искусство: О постановке в Малом театре драмы П. М. Невежи-

на «Вторая молодость» // Русская мысль. 1887. Кн. 11. С. 205—209. — Авт.: М. Н. Ремезов; Суворин А. Петербургская театральная хроника: «Вторая молодость», драма в 4-х д. г. Невежина // Театральный мирок. СПб., 1887. 28 нояб., № 48. С. 1—34.

22. Вторая молодость: Драма в 4-х д. М.: Изд. театр. б-ки С. И. Напойкина, 1888. — 80 с. — Литогр. издание.

23. Вторая молодость: Драма в 4-х д. М.: Изд. Моск. театр. б-ки Е. Н. Разсохиной, 1893. — 82 с. — Литогр. издание.

24. Вторая молодость: Драма в 4-х д. М.: Литогр. Бонч-Бруевича, 1901. — 80 с. — Литогр. издание.

Рец.: К. Театр и музыка: «Вторая молодость», драма в 4-х действиях Невежина // Волжский вестник. Казань, 1900. 17 мая, № 111. С. 3; *Л-цо.* Театр и музыка: Русский театр: «Вторая молодость» П. Невежина // Одесские новости. 1913. 27 окт., № 9165. С. 6; *М. II-ер.* У рампы: Александринский театр: «Вторая молодость» с участием новых исполнителей // Биржевые ведомости. (Утр. вып.). СПб., 1914. 22 апр., № 14113. С. 8; *Брейко А. А.* [Рец.] // Театрал. М., 1916. 2 янв., № 1.

25. Выше судьбы: Драма в 4-х д. М.: Типо-литогр. т-ва И. Н. Кушнерев и К^о, [1896]. — 63 с.

Рец.: Н. Э. Малый театр: «Выше судьбы», драма П. М. Невежина // Театрал. М., 1896. Кн. 42. Ноябрь, № 92. С. 98—107.

26. Друзья детства: Драма в 5 д. М.: Изд. театр. б-ки С. И. Напойкина, 1886. — 96 с. — Литогр. издание.

27. Друзья детства: Драма в 5 д. М.: Литогр. Моск. театр. б-ки Е. Н. Разсохиной, 1893. — 94 с. — Литогр. издание.

Рец.: *Старый театрал.* Театр и музыка: Городской театр: «Друзья детства», П. М. Невежина // Одесские новости. 1899. 18 сент., № 4738. С. 3; *А. Б-ь.* Театр и музыка: «Друзья детства», драма в 5 д. П. М. Невежина // Волжский вестник. Казань, 1899. 22 дек., № 314. С. 3.

28. Друзья человечества: Комедия в 4-х д. Пг.: Изд. К. П. Ларина, 1918. — 39 с. — Литогр. издание. На обл.: Вып. 369.

29. Елисавета Шахова: Историко-бытовая хроника в 4-х д. / Пре-дисл. Н. Н. Шахова. Пг.: Изд. Н. Н. Шахова, 1917. — XI, 66, [1] с.

Рец.: П. М. Невежин. «Елисавета Шахова»: Историко-бытовая хроника в 4-х действиях. Пг., 1917 // Русское богатство. 1917. № 11-12. С. 360. — Авт.: А. Г. Горнфельд.

30. Компаньоны: Комедия в 4-х д. М.: Типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1891. С. 26—49. — Литогр. издание. См. № 58.

31. На зыбкой почве: Комедия в 4-х д. М.: Литогр. Моск. театр. б-ки С. Ф. Разсохина, 1882. — 106 с. — Литогр. издание.

32. На зыбкой почве: Комедия в 4-х д. М.: Литогр. Моск. театр. б-ки С. Ф. Разсохина, 1896. — 80 с. — Литогр. издание.

Рец.: Хроника // Театр и жизнь. М., 1886. 9 нояб., № 161. С. 1.

О пьесе «На зыбкой почве», данной 6 ноября 1886 г. в Малом театре.

33. Непогрешимый: Комедия в 5 д. и 6 карт. М.: Типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1894. С. 1—29. — Литогр. издание. См. № 61.

34. Неугомонная: Комедия в 4-х д. СПб.: Изд. журн. «Театр и искусство», 1900. — 38 с. См. № 62.

35. Погром: Драма в 4-х д. СПб.: Тип. т-ва «Народная польза», 1905. — 103 с. — Литогр. издание.

36. Погром: Драма в 4-х д. М.: Литогр. Моск. театр. б-ки С. Ф. Разсохина, 1906. — 134 с. — Литогр. издание.

37. Попрыгунья: Сцены в 1 д. СПб.: Изд. журн. «Театр и искусство», 1905. — 8 с. См. № 63.

38. Поруганный: Драма в 4-х д. Пг.: Литогр. Ю. Семечкиной, 1915. — 51 с. — Литогр. издание. На обл.: Вып. 211.

39. Поруганный: Драма в 4-х д. 3-е изд. СПб.: Северная театральная б-ка К. П. Ларина, 1915. — [2], 44 с. — Литогр. издание. На обл.: Вып. 211.

Рец.: Театр и музыка: «Поруганный» // Биржевые ведомости. (Утр. вып.). Пг., 1915. 4 апр., № 14763. С. 54; *Solus*. Александринский театр: «Поруганный», драма в 4-х актах П. М. Невежина // Биржевые ведомости. (Утр. вып.). Пг., 1915. 5 апр., № 14765. С. 6; *Движский*. На «Поруганном» П. М. Невежина // Биржевые ведомости. (Веч. вып.). Пг., 1915. 5 апр., № 14766. С. 4; *Импрессионист*. Театр и музыка: Александринский театр // День. Пг., 1915. 6 апр., № 93. С. 3; *Ирецкий В.* Александринский театр: «Поруганный», драма в 4-х действиях П. М. Невежина // Речь. Пг., 1915. 6 апр., № 93. С. 4; У рампы: *** // Биржевые ведомости. (Веч. вып.). Пг., 1915. 7 апр., № 14770. С. 4; *Муравей*. У рампы: Театральный муравейник // Биржевые ведомости. (Веч. вып.). Пг., 1915. 8 апр., № 14772. С. 4; *И*. Хроника: Александринский театр // Театр и искусство. Пг., 1915. 12 апр., № 15. С. 253; *Данилов С. С.* Между двумя революциями. [«Поруганный»] // Данилов С. С.

Очерки по истории русского драматического театра. М.; Л.: Искусство, 1948. С. 496—497.

40. При должности: Сцены в 1 д. М.: Литогр. Моск. театр. б-ки С. Ф. Разсохина, 1895. — 19 с. — Литогр. издание.

41. Пятое число: Комедия в 1 д. М.: Литогр. Моск. театр. б-ки С. Ф. Разсохина, 1893. — 18 с. — Литогр. издание.

42. Сестра Нина: Драма в 4-х д. М.: Типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1894. — 84 с. — Литогр. издание.

43. Сестра Нина: Драма в 4-х д. М.: Литогр. Моск. театр. б-ки С. Ф. Разсохина, 1894. — 84 с. — Литогр. издание.

Рец.: Ал. Современное искусство: Малый театр: «Сестра Нина». Драма в 4-х действиях. П. М. Неvejeина // Русская мысль. 1894. № 2, Отд. II. С. 248—252. — Авт.: М. Н. Ремезов.

44. Старое по-новому: Комедия в 4-х д. М.: По литогр. изд. литогр. С. Ф. Разсохина, 1882. — 95 с. — Литогр. издание.

45. Старое по-новому: Комедия в 4-х д. М.: Литогр. Моск. театр. б-ки С. Ф. Разсохина, 1896. — 79 с. — Литогр. издание.

46. Старые грехи: Драма в 4-х д. М.: Изд. театр. б-ки С. И. Напойкина, 1886. — 95 с. — Литогр. издание.

Рец.: Хроника: О бенефисе г. Вязовского в Русском драматическом театре с представлением новой драмы «Старые грехи» // Театр и жизнь. М., 1886. 9 нояб., № 161. С. 1—2; Хроника // Театр и жизнь. М., 1886. 10 нояб., № 162. С. 2.

47. Старый кот: Комедия в 1 д. М.: Тип. А. А. Левенсона, 1883. — 49 с.

48. Сутолока: Сцена в 1 д. СПб.: Изд. б-ки «Театра и искусства», 1904. С. 1—7. См. № 69.

49. Шурочка: Комедия в 3-х д. [М., 1895]. — 50 с. (Сцена: Драматический сборник / Изд. театральной б-ки С. Разсохина; Вып. 6).

Публикации драматических произведений в сборниках и периодических изданиях

50. Блажь: Комедия в 4-х д. // Отечественные записки. 1881. № 3. С. 5—76. — В соавторстве с А. Н. Островским.

51. Блажь: Комедия в 4-х д. // Островский А. Н., Соловьев Н. Я., Неvejeин П. М. Драматические сочинения: В 2 т. / Вступ. ст. С. В. Максимова. СПб.: Изд. и тип. т-ва «Просвещение», 1909. Т. 1. С. 340—454.

52. Блажь: Комедия в 4-х д. // Островский А. Н. Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 10: Пьесы 1868—1882 / Подгот. текста и коммент. С. Н. Дурылина. М.: Худож. лит., 1951. С. 353—410.

53. Блажь: Комедия в 4-х д. // Островский А. Н. Полн. собр. соч.: В 12 т. М.: Искусство, 1977. Т. 8. С. 249—305.
54. Блажь: Комедия в 4-х д. // Островский А. Н. Собр. соч.: В 5 т. Т. 4: Пьесы 1879—1883 / Сост., вступ. ст., прим. А. И. Журавлевой. М.: Лексика, 1997. С. 591—651.
55. Вторая молодость: Драма в 4-х д. // Русская драма эпохи Островского. М.: Изд. Моск. ун-та, 1984. С. 397—438.
56. Выше судьбы: Драма в 4-х д. // Театрал. 1896. Октябрь, № 89. С. 1—63.
57. Друзья детства: Драма в 5 д. // Дело. 1886. № 3-4. С. 121—175.
58. Компаньоны: Комедия в 4-х д. // Артист. 1891. Декабрь, № 18. С. 26—49. (Приложение). См. № 30.
59. На премию: Комедия в 1 д. // Нива. Ежемесячное литературное приложение. 1899. № 2. С. 296—308.
60. На премию: Комедия в 1 д. // Репертуар: Художественный сборник избранных пьес. СПб., 1900. Т. 1. С. 206—212.
61. Непогрешимый: Комедия в 5 д. и 6 карт. // Артист. 1894. Октябрь, № 42. С. 1—29. (Приложение). См. № 33.
62. Неугомонная: Комедия в 4-х д. // Театр и искусство. 1900. № 5. С. 1—38. (Приложение). См. № 34.
63. Попрыгунья: Сцена в 1 д. // Б-ка «Театра и искусства». 1905. № 1. С. 1—8. См. № 37.
64. При должности: Сцены в 1 д. // Театрал. 1896. Декабрь, № 98. С. 18—32.
65. Сестра Нина: Драма в 4-х д. // Артист. 1894. Июнь, № 38. С. 1—25.
66. Старое по-новому: Комедия в 4-х д. // Островский А. Н. Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 10: Пьесы 1868—1882 / Подгот. текста и коммент. С. Н. Дурылина. М.: Худож. лит., 1951. С. 411—461.
67. Старое по-новому: Комедия в 4-х д. // Островский А. Н. Полн. собр. соч.: В 12 т. М.: Искусство, 1977. Т. 8. С. 306—356.
68. Строгая сестренка: Комедия в 2-х д. (Для детского театра) // Театрал. 1897. Кн. 46, № 146. С. 33—53.
69. Суতোлка: Сцена в 1 д. // Б-ка «Театра и искусства». 1904. № 9. С. 1—7. См. № 48.

Отдельные издания прозаических произведений

70. В бою: Рассказ. СПб.: Тип. В. В. Комарова, 1900. — 29 с.
Рец.: Нечаева А. М. П. М. Невежин. «В бою». СПб., 1909 // Исторический вестник. 1909. № 6. С. 1074—1075.
71. Жестокая воля: Повесть. М.: Типо-литогр. И. Н. Кушнерев и К°, 1896. — 209 с.

Рец.: Библиографический отдел: Беллетристика: «Жестокая воля». Повесть П. М. Невежина // Русская мысль. 1897. № 8. С. 241—243.

72. Забытая рота: Рассказ. СПб.: Типо-литогр. В. В. Комарова, 1901. — [2], 48 с. (Приложение романов к газете «Свет» за 1900 г., сентябрь).

73. Знаменитость: Роман. М.: Тип. Борисенко и Бреслин, 1899. — [2], 558 с.

Рец.: Ш. П. Невежин. «Знаменитость». Роман. Москва, 1899 // Новое время, илл. прил. СПб., 1899. 13 окт., № 8487. С. 7; Ю-и. Литературные заметки: Драматург и беллетрист // Новое время, илл. прил. СПб., 1911. 5 нояб., № 12806. С. 10—11. — Авт.: Н. Н. Вентцель.

74. Лучший исход: Повесть. М.: Тип. университетская, 1899. — [2], 313 с.

Рец.: В. Г. Книги за неделю: П. Невежин. «Лучший исход». Повесть. Москва, 1899 // Новое время. СПб., 1899. 14 апр., № 8308. С. 7.

75. Непокорные: Роман. М.: Изд. Д. П. Ефимова, 1904. — 480 с.

Рец.: Ю-и. П. М. Невежин. «Непокорные». Роман. Москва, Изд. Д. П. Ефимова, 1904 // Новое время, илл. прил. СПб., 1905. 2 февр., № 10385. С. 10. — Авт.: Н. Н. Вентцель.

76. Озлобленные: Роман. М.: Тип. т-ва А. А. Левенсона, 1902. — [4], 759 с.

77. Приманка: Роман. М.: Тип. К. Казначеева, 1898. — 347 с.

Рец.: АР... Библиография: Поучительный роман (П. М. Невежин. «Приманка»: Роман. — Москва, 1898) // Московские ведомости. 1898. 8 авг., № 216. С. 4.

78. Промчавшаяся невзгода: Повесть. М.: Тип. университетская, 1899. — [2], 279 с.

Рец.: Р. Библиография: Литературные произведения: П. Невежин. «Промчавшаяся невзгода». Повесть. М., 1899 // Московские ведомости. 1899. 22 марта, № 80. С. 4.

79. Промчавшаяся невзгода: Повесть. М.: Т-во И. Д. Сытина, 1905. — 200 с. — Перед заглавием псевдоним автора: П. М. Горский.

80. Промчавшаяся невзгода: Повесть. СПб.: Тип. т-ва А. С. Суворина, 1913. — 362 с.

81. Распад: Роман. СПб.: Изд. и тип. А. С. Суворина, 1908. — [2], 362 с.

Рец.: В. Г. П. М. Невежин. «Распад». Роман. Издание книжного магазина «Нового времени».

СПб., 1908 г. // Речь. СПб., 1908. 31 янв., № 26. С. 5; Библиография: П. М. Невежин. «Распад». Роман. СПб., 1908 // Биржевые ведомости. (Утр. вып.). СПб., 1908. 15 янв., № 10300. С. 4.

82. Страховая премия: Повесть. М.: Тип. М. Борисенко и А. Бреслин, 1899. — [2], 380 с.

Рец.: П. Невежин. «Страховая премия». Роман. М., 1899 // Русские ведомости. М., 1899. 19 июля, № 197. С. 3.

Публикации прозаических произведений в периодических изданиях

83. Братья: Рассказ // Пробуждение. 1906. № 17. С. 495—503.

84. В бою: Рассказ // Приложение романов к газете «Свет» за 1900 г., май. СПб.: Тип. В. В. Комарова, 1900. С. 1—29. Отд. пагинация.

85. В дни тревоги (Из найденных записок офицера): Рассказ // Исторический вестник. 1901. № 7. С. 104—130; № 8. С. 470—494.

86. Васька: Очерк // Нива. 1895. № 31. С. 730—735; № 32. С. 754—762; № 33. С. 778—784; № 34. С. 802—808.

87. Воровка: Рассказ // Петербургская газета. 1910. 17 апр., № 105. С. 3.

88. В отделе (Рассказ офицера Рушукского отряда): Очерк из военного быта // Русский вестник. 1881. № 1. С. 202—260.

89. В соре искусства: Очерк // Греза. 1907. № 2. С. 21—27.

90. Гостя из столицы: Рассказ // Вселенная. 1910. № 7. С. 1—11.

91. Гостя из столицы: Рассказ // Ежемесячник «Газеты-копейки». 1910. № 7. С. 1—11.

92. Дикарь: Очерк // Русские ведомости. М., 1897. 9 авг., № 218. С. 3—4.

93. Доброволец: Рассказ // Алтын. 1915. № 16. С. 2—9.

94. Доброволец: Рассказ // Весь мир. 1915. № 15. С. 2—9.

95. За аттестатом: Рассказ // Пробуждение. 1912. № 13. С. 421—426.

96. Забытая рота: Рассказ // Свет. 1900. Сентябрь. С. 1—48. (Приложение).

97. Инстинкт матери: Рассказ // Пробуждение. 1911. № 14. С. 425—429.

98. Исключенный: Рассказ // Литературное приложение к «Ниве». 1902. № 8. С. 577—604; № 9. С. 1—32.

99. Исковерканное время: Повесть // Исторический вестник. 1911. № 4. С. 69—115.

100. Ищут: Рассказ // Васильки: Литературно-художественный сборник. СПб., 1901. С. 180—188.
101. Конкуренты: Рассказ // Воскресенье. 1903. № 18. С. 737—747.
102. Лодка: Рассказ // Петербургская газета. 1910. 25 дек., № 354. С. 4.
103. Лотошница: Рассказ // Сказки жизни. 1913. № 1. С. 3—10.
104. Нелюдим: Рассказ // Русские ведомости. М., 1896. 13 марта, № 72. С. 3; 29 марта, № 86. С. 3.
105. Неугасимая искра: Очерк // Петербургский дневник театра. 1904. 19 дек., № 51. С. 3.
106. Неуравновешенная: Рассказ // Пробуждение. 1909. № 8. С. 195—200.
107. Обломки семьи: Рассказ // Пробуждение. 1912. № 23. С. 711—717; № 24. С. 748—753.
108. Обойденный: Рассказ // Вселенная. 1910. № 9. С. 1—9.
109. Обойденный: Рассказ // Ежемесячник «Газеты-копейки». 1910. № 9. С. 1—8.
110. Опамятовался: Рассказ // Вселенная. 1910. № 1. С. 9—16.
111. Опамятовался: Рассказ // Ежемесячник «Газеты-копейки». 1910. № 1. С. 9—16.
112. Огпетая: Рассказ // Петербургская газета. 1913. 11 апр., № 101. С. 4—17.
113. Отчаянная: Рассказ // Жаворонок. 1913. № 4. С. 120—126.
114. Покинутая: Стихотворение // Всемирная панорама. 1911. № 117. С. 1—6.
115. Последние счета (Из неизданных записок): Очерк // Исторический вестник. 1899. № 12. С. 961—976.
116. Последний вздох: Очерк // Русские ведомости. М., 1895. 4 апр., № 91. С. 2—3.
117. Постреленок: Повесть // Детский отдых. 1898. № 2. С. 3—17; № 3. С. 3—21; № 4. С. 3—19; № 5. С. 3—25.
Рец.: Библиографический отдел // Русская мысль. 1898. Кн. 12. С. 499—500.
118. Пощада: Рассказ // Петербургская газета. 1911. 9 апр., № 97. С. 3.
119. Преграда: Повесть // Нива. 1901. № 36. С. 573—578; № 37. С. 585—590; № 38. С. 598—602; № 39. С. 610—616; № 40. С. 621—628.
120. Презент: Рассказ // Петроградская газета. 1916. 25 дек., № 355. С. 4.
121. Прихоть: Рассказ // Утро России. М., 1911. 16 июня, № 137. С. 2.

122. Радость: Рассказ // Петербургская газета. 1913. 25 дек., № 354. С. 22—23.
123. Сбежавшая: Рассказ // Русские ведомости. М., 1899. 15 авг., № 224. С. 3.
124. Сдаточный: Рассказ // Исторический вестник. 1909. № 9. С. 790—831.
125. Серая душа: Рассказ // Петербургская газета. 1912. 24 марта, № 82. С. 3—4.
126. Слуги войны: Рассказ // Петроградская газета. 1915. 25 дек., № 354. С. 4.
127. С поля брани (Из воспоминаний участника последней русско-турецкой войны) // Народное благо. 1903. № 3. С. 6—10; № 4. С. 14—16; № 5. С. 11—13.
128. Спросонок: Рассказ // Петербургская жизнь. 1905. 29 мая, № 817. С. 7284—7287; 5 июня, № 818. С. 7300—7303.
129. Страховая премия: Повесть // Читатель. 1896. Октябрь, № 38. С. 1—96; № 39. С. 97—192; № 40. С. 193—240; Ноябрь, № 41. С. 241—304; № 42. С. 305—353.
130. Теплый парень: Очерк // Русские ведомости. М., 1895. 6 окт., № 276. С. 2—3.
131. Тихий приют: Рассказ // Семья. 1902. № 1. С. 2—4; № 2. С. 2—4; № 3. С. 2—4; № 4. С. 2—4; № 5. С. 2—4; № 6. С. 2—3; № 7. С. 2—3; № 8. С. 2.
132. Улика: (Из воспоминаний старого офицера) // Русские ведомости. М., 1902. 12 июня, № 160. С. 2—3.
133. Уступка: Рассказ // Пробуждение. 1908. № 14. С. 347—352; № 15. С. 377—382.
134. Уступленный: Рассказ // Утро России. М., 1910. 29 окт., № 286. С. 2.
135. Чуткая совесть: Рассказ // Петроградская газета. 1915. 21 марта, № 78. С. 2—3.
136. Шляпка: Рассказ // Петербургская газета. 1913. 24 февр., № 54. С. 4.
137. Эвакуация (Рассказ офицера) // Исторический вестник. 1898. № 5. С. 489—505.
138. Якутенок: Рассказ // Новая иллюстрация. 1907. № 10. С. 73—77; № 11. С. 81—84.

**Статьи, воспоминания, ответы на анкеты,
отзывы на произведения других лиц и др.**

139. Драматурги — прежде и теперь: Статья // Петербургская газета. 1913. 3 июня, № 150. С. 3.

140. [О приезде английских парламентариев]: Ответ на анкету // Биржевые ведомости. (Веч. вып.). СПб., 1912. 12 янв., № 12731. С. 4.

141. «Символизм» и «быт» (Заметка драматурга) // Слово. СПб., 1907. 24 марта, № 107. С. 2.

142. Уродование литературной речи на сцене: Статья // Театр и искусство. 1898. № 18. С. 340.

143. Что нам дает литературная конвенция?: Ответ на анкету // Биржевые ведомости. (Веч. вып.). СПб., 1912. 2 июня, № 12968. С. 5.

144. Из воспоминаний об Островском // Театр и искусство. 1906. № 24. С. 378—380.

145. Воспоминания об А. Н. Островском // Ежегодник императорских театров. СПб., 1909. Вып. 4. С. 1—16; 1910. Вып. 6. С. 1—23.

Рец.: Негорев Н. Из жизни и литературы // Театр и искусство. 1912. № 52. С. 954—958.

146. Воспоминания об А. Н. Островском // А. Н. Островский в воспоминаниях современников и его письмах. М.: В. В. Думнов, насл. бр. Салаевых, 1923. С. 37—100, 138—172.

147. Воспоминания об А. Н. Островском // А. Н. Островский в воспоминаниях современников. М., 1966. С. 247—281.

148. Воспоминания об артисте Михаиле Прововиче Садовском // Ежегодник императорских театров. СПб., 1911. Вып. 4. С. 1—16.

149. Г. П. Судейкин. Из личных воспоминаний // Биржевые ведомости. (Веч. вып.). СПб., 1906. 4 дек., № 9628. С. 3—4.

150. Г. Н. Федотова: Очерк // Театр и искусство. 1912. № 1. С. 7—9.

151. Отзыв о сочинениях С. Т. Семенова: «Крестьянские рассказы». I, II, III, IV, V, VI. Москва, 1909—1911 // Сборник отчетов о премиях и наградах, присуждаемых Российской Академией наук, VII. Отчеты за 1912 г. (Премия им. т. с. М. Н. Ахматова (4-й конкурс)). Пг.: Тип. Российской АН, 1918. С. 372—375.

Оттиск: СПб., 1916.

152. Записка П. М. Невежина // Труды первого Всероссийского съезда сценических деятелей. М., 1898. Ч. 2. С. 155—158.

153. *Брц.* Писатели на летнем отдыхе (Интервью с П. М. Невежиным) // Биржевые ведомости. (Веч. вып.). СПб., 1913. 21 авг., № 13710. С. 3.

Периодическая печать о П. М. Невежине

154. *Н. Г.* Театр и музыка // Русские ведомости. М., 1889. 18 нояб., № 319. С. 2.

О постановке комедии Невежина «Невольный врач» на сцене театра Абрамовой.

155. *К-ин Н.* Современное искусство: Театр М. М. Абрамовой: «Невольный врач». Комедия П. М. Невежина // Русская мысль. 1889. № 12, Отд. II. С. 250—255. — Авт.: Н. Д. Кашкин.
156. *Ан.* Современное искусство: Малый театр // Русская мысль. 1890. № 1. С. 267—268. — Авт.: М. Н. Ремезов.
О пьесе «Невольный врач».
157. *Ан.* Современное искусство: Малый театр: «Компаньоны». Комедия в 4-х действиях П. М. Невежина // Русская мысль. 1891. № 12, Отд. II. С. 293—296. — Авт.: М. Н. Ремезов.
158. *Д. Д. К.* Театр: Современный репертуар: О постановке комедии Невежина «Компаньоны» на сцене Александринского театра // Северный вестник. 1893. № 12. С. 114.
159. *Н. Э.* «Непогрешимый», комедия П. М. Невежина // Артист. 1894. Октябрь, № 42. С. 221—227.
160. *Ан.* Малый театр: Начало сезона: «Непогрешимый», комедия в 5 д. П. М. Невежина // Русская мысль. 1894. Кн. 12. С. 258—260. — Авт.: М. Н. Ремезов.
161. *Н. А. С.* Театр и музыка. Александринский театр: «Неумолимый суд» // Новости и биржевая газета. СПб., 1898. 18 нояб., № 318. С. 3.
162. *А. Х.* «Неумолимый суд». [П. М. Невежина] // Сын отечества. СПб., 1898. 19 нояб., № 314. С. 3.
163. *Суворин А.* Театр и музыка // Новое время. СПб., 1898. 19 нояб., № 8165. С. 4.
О постановке драмы Невежина «Неумолимый суд» в Александринском театре.
164. *Н. пов.* «Неумолимый суд» // Театр и искусство. 1898. 22 нояб., № 47. С. 844. — Авт.: А. Кугель.
165. [Объявление о продаже драмы в 4-х д. «Погром»] // Наши дни. СПб., 1904. 25 дек., № 8. С. 8.
166. Хроника театра и искусства: Слухи и вести // Театр и искусство. СПб., 1905. 9 янв., № 2. С. 26.
О том, что П. М. Невежиным написана историко-бытовая хроника «Алексей Григорьевич Разумовский».
167. Маленькая хроника // Театр и искусство. СПб., 1906. 15 янв., № 3. С. 38.
О возобновлении «Второй молодости» в связи с 25-летним юбилеем литературной деятельности П. М. Невежина.
168. Сцена // Русь. СПб., 1907. 12 февр., № 43. С. 3.
О драме « На рубеже».
169. В литературном мире // Биржевые ведомости. (Веч. вып.). СПб., 1907. 4 июня, № 9928. С. 6.
О том, что Невежин написал драму «На рубеже» и работает над батальной хроникой «Шипка».

170. В. Ш. Русская драма в 1907 году // Новое время. СПб., 1908. 1 янв., № 11424. С. 5—6.

Упомянута комедия Невежина «В красивой оправе», поставленная на сцене Малого театра.

171. *Неблагодарный читатель*. Литература в 1907 году // Слово. СПб., 1908. 1 янв., № 343. С. 4—5.

Упомянуты пьесы Невежина «Погром», «В красивой оправе» и роман «Распад».

172. В литературном мире // Биржевые ведомости. (Веч. вып.). СПб., 1908. 17 июля, № 10609. С. 3.

О том, что Невежин заканчивает драму «Пощечина».

173. Литературные вести // Слово. СПб., 1908. 30 июля, № 522. С. 3.

О том, что Невежин закончил драму «Пощечина».

174. Новая пьеса П. М. Невежина // Биржевые ведомости. (Веч. вып.). СПб., 1912. 25 мая, № 12954. С. 5.

О бытовой хронике «Великий гость».

175. —*ий*. П. М. Невежин о своей новой пьесе «Игра судьбы» // Биржевые ведомости. (Веч. вып.). СПб., 1913. 28 дек., № 13926. С. 5.

176. В. Ю. Б. П. М. Невежин. «Клеймо природы». — Повесть и другие рассказы. СПб., 1914 // Дамский мир. 1914. № 8. С. 27—28. — Авт.: Н. Н. Вентцель.

177. Театральная страничка. Новая пьеса П. М. Невежина // Вечерние новости. М., 1917. 9 сент., № 139. С. 4.

Об историко-бытовой хронике «Елисавета Шахова».

А. Ю. Кастров

НОТНЫЕ НАБРОСКИ М. П. МУСОРГСКОГО К ОПЕРЕ «ХОВАНЩИНА»

Большинство проблем, связанных с текстологией народной музыкальной драмы М. П. Мусоргского «Хованщина», затрагивают заключительную сцену Марфы и князя Андрея. Она таит немало загадок в силу отсутствия аутентичного нотного текста. Сохранившиеся нотные автографы вокальных партий отличаются фрагментарностью и в своем сочетании образуют более или менее связную картину лишь при условии некоторых допущений. Прежде всего необходимо согласиться с тезисом, что нотный текст в редакции Н. А. Римского-Корсакова является вторичным по отношению к авторскому прогографу и повторяет общие контуры последнего. Следует также признать существование некоей утраченной авторской рукописи, на которую опирался редактор в своей работе.¹

Тем не менее множество вопросов остаются открытыми. Так, например, вопреки любым утверждениям невозможно точно определить границы эпизода, именуемого автором как «любовное отпевание».² Столь же проблематично уточнение объема звучания исполняемой Д. М. Леоновой в концертах сцены Марфы «перед самосожжением».³

С равным основанием допустимо предположение, что эта финальная сцена не была записана автором в полном виде. А нотный текст,

¹ См.: *Хубов Г. Н.* Мусоргский. М., 1969. С. 629; *Фрид Э. Л.* Прошедшее, настоящее и будущее в «Хованщине» Мусоргского. Л., 1974. С. 217—218; *Вульфсон А. В.* К проблематике текстологии // Советская музыка. 1981. № 3. С. 103, 109—110.

² Письмо М. П. Мусоргского В. В. Стасову от 2 августа 1873 г. (см.: *Мусоргский М. П.* Литературное наследие: Письма. Биографические материалы и документы. М., 1971. С. 161. Далее: МЛН). См. также: письма М. П. Мусоргского графу А. А. Голенищеву-Кутузову от 22—23 июля 1873 г. (МЛН. С. 151); В. В. Стасову от 23 июля 1873 г. (МЛН. С. 154) и П. С. Стасовой от 23 июля 1873 г. (МЛН. С. 153).

³ Письма М. П. Мусоргского М. И. Федоровой и П. А. и П. С. Наумовым от 30 июня 1879 г. (МЛН. С. 245); В. В. Стасову от 10 сентября 1879 г. (МЛН. С. 254). См. также: *Орлова А. А.* Труды и дни М. П. Мусоргского: Летопись жизни и творчества. М., 1963. С. 579 (далее: Труды и дни).

известный в редакции Н. А. Римского-Корсакова, представляет собой реконструкцию, осуществленную на основе сохранившихся фрагментов вокальных партий и ряда нотных набросков М. П. Мусоргского. На подобный вывод наталкивает обнаружение в редакции Н. А. Римского-Корсакова досадных музыкально-драматургических и художественно-стилистических просчетов и, прежде всего, дисгармонии музыкального и литературного текста. Все это не характерно для Мусоргского, тщательно отделявавшего свои либретто. При обращении к кульминационному эпизоду, обозначенному редактором как *Alla marziale funebre*,⁴ видны явные погрешности литературного текста в смысловом, лексическом и фонетическом отношениях. Отметим факт смысловой неряшливости следующего периода: «*вдали за этим бором трубы вещали близость войск петровских, <...> нас окружили*».⁵ Впервые встречающееся здесь словосочетание «войск петровских» в контексте авторского либретто воспринимается как анахронизм. Поясним: композитор последовательно дифференцирует видовые наименования сухопутных войск того времени: стрельцы («дворцовая пехота») — рейтары (наемная тяжелая кавалерия) — петровцы («потешные», преображенцы, рота потешных). Нивелировка дефиниций формирует смысловое противоречие. Так, Марфа сообщает Досифею: «Велено рейтарам окружить нас в свягом скиту и без пощады, без сожаленья губить нас» (4 действие, 2 картина). Несомненно, Мусоргскому было отлично известно, что определение «войска петровские» мало соответствовало характеристике «железных рейтар, тяжелого войска Западной Европы».⁶

Трудно представить, чтобы из-под пера М. П. Мусоргского, обладавшего тонким литературным вкусом и чувством стиля, могли появиться ложнопатетические обороты, почерпнутые из арсенала общеромантических штампов: «судьба <...> прорекла конец нам смертный»; «огонь священный жертвы ждет своей». Весьма странно, что для кульминационного эпизода партии Марфы композитор нашел скромный по своим художественным достоинствам литературный текст, «вялые и ординарные» строки которого не поднимаются «над уровнем любительского сочинительства».⁷ Стоит вспомнить, что, согласно первоначальному замыслу композитора, в либретто этой сцены планировалась «язвительная речь раскольницы и о немочке и о самосожжении»⁸ («раскольница зывит Андрея нелюбовью немки и жалеет его и ее»)⁹. Разумеется, в течение последующих лет автор мог радикально переделать либретто. Однако невозможно да-

⁴ *Мусоргский М. П.* Хованщина. Народная музыкальная драма в 5-ти действиях. Сочинение окончено и оркестровано Н. А. Римским-Корсаковым. Переложение для пения с фортепиано по оркестровой партитуре сделано под его же редакцией. СПб., [1883]. С. 200—201 (далее: М-1883).

⁵ Здесь и далее выделено нами.

⁶ *Андреев А.* Заметки о содержании «Хованщины» // Советская музыка. 1981. № 3. С. 101.

⁷ *Пекельс М. С.* Мусоргский — писатель-драматург // МЛН. С. 16.

⁸ Письмо В. В. Стасову от 2 августа 1873 г. (МЛН. С. 161).

⁹ Письмо В. В. Стасову от 23 июля 1873 г. (МЛН. С. 154).

же предположить, чтобы текст трансформировался в худшую сторону.

Достаточно дискуссионной представляется оценка фактов отклонения от норм просодии в рассматриваемом монологе Марфы как следствие «торжественной, предельно патетически приподнятой скандировки слов, чеканки отдельных слогов, которые наделяются ударениями, совершенно неестественными в диалогической речи».¹⁰ Только лишь под специфическим углом зрения можно увидеть некую особую выразительность ассонанса фонемы «*ы*» в звуковой ткани литературного текста, выделенной метроритмически в напевной форме: «СлЫшал ли тЫ <...>. МЫ вЫданыИ, нас окружи(Ы)ли, негде укрЫться <...>». Столь же затруднительно обнаружить художественную оправданность возникновению цепи свистящих согласных и созвучия «кля — ко» в следующем периоде: «сама судьба сковала нас с тобою и прорекла конец нам смертный».¹¹

Осмелимся предположить, что в процессе подготовки первого издания аутентичного клавира оперы¹² у редактора, П. А. Ламма, возникли серьезные подозрения относительно подлинности эпизода, охарактеризованного В. Г. Каратыгиным как «похоронный марш <...> сильно италянизированный, почти банальный по музыке».¹³ Полагаем, что отсутствие автографа не могло служить весомым аргументом в пользу решения изъять из корпуса оперы данный эпизод. Показательно, что в аналогичной ситуации П. А. Ламм, ничуть не смущаясь, включил в том вокальных сочинений М. П. Мусоргского романс «Странник», дошедший только в редакции Н. А. Римского-Корсакова.¹⁴ Вероятней всего, определяющим явилось предположение о возможном факте реконструкции, осуществленной Н. А. Римским-Корсаковым на основе тематического материала, почерпнутого из предшествующего монолога Марфы, вокальная партия которого сохранилась в подлиннике (см. нотный пример 1).¹⁵

Некоторые сомнения способно разрешить обращение к нотному эскизу М. П. Мусоргского, хранящемуся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.¹⁶ Он находится в составе собрания известного библиографа и коллекционера мате-

¹⁰ *Оголевец А. С.* Вокальная драматургия Мусоргского. М., 1966. С. 356.

¹¹ Отметим высокую требовательность Мусоргского к стилю даже в частной переписке. См. авторскую сноску в письме В. В. Стасову от 2 августа 1873 г. (МЛН. С. 161).

¹² *Мусоргский М. П.* Полное собрание сочинений. Т. 2. Хованщина. Народная музыкальная драма / Составил и проработал по автографам композитора Павел Ламм. Клавираусцуг для пения с фортепиано. Москва; Вена; Лейпциг, 1931 (далее: М-1931).

¹³ *Каратыгин В. Г.* «Хованщина» и ее авторы // Музыкальный современник: Журнал музыкального искусства. [Пг.] 1917. Кн. 5-6. С. 215. По наблюдениям С. М. Слюнимского, «патетический вокальный марш» звучит «некоей ностальгической реминисценцией Песни Азучены из некогда любимого Мусоргским „Трубадура“ Верди» (*Слюнимский С. М.* Трагедия разобщенности людей // Советская музыка. 1989. № 3. С. 22).

¹⁴ *Мусоргский М. П.* Полное собрание сочинений. Т. 5. Романсы и песни для голоса и фортепиано. М., 1934. № 8.

¹⁵ а) М-1931. С. 327—328. Здесь и далее редуцировано сопровождение.

б) М-1883. С. 200.

¹⁶ РО ИРЛИ, ф. 93, оп. 3, № 861, л. 1—2. См. нотное приложение настоящей публикации. Заметим, что по непонятным причинам все нотные автографы М. П. Мусор-

Нотный пример 1

а Бо — же, грех мой: серд — це мо — е;

б Слы — шал ли ты, вда — ли за э — тим бо — ром

а Жаж — ду спа — сти я со — весть е — го по кля — тве е — го,

б тру — бы ве — ща — ли бли — зость войск пет — ров — ских?

риалов по истории России XVIII—XIX вв. Павла Яковлевича Дашкова (1849—1910). Основная часть собрания поступила в ИРЛИ в 1919 г. Подлинность автографа не может вызвать сомнений у исследователей, знакомых с почерком М. П. Мусоргского. Рукописный набросок содержит фрагмент партии Марфы, зафиксированный в сокращенной форме записи без подтекстовки. Нотация выполнена карандашом на листе писчей бумаги (210 × 133 мм), сложенном вдвое. Дополнительно лист был сложен еще раз, что позволяло носить его в кармане. От первого сгиба по направлению к нижнему краю листа располагаются три нотных строки. Ключевые знаки и размер выставлены на первом нотоносце. Аналогичным образом размещены остальные две нотные строки на другой половине сложенного листа (ключевые знаки и размер отсутствуют). Последний такт разомкнут (одинарная или двойная тактовая черта отсутствует). Эскиз имеет карандашный заголовок, выполненный рукой композитора: «Марфа Кн<язю> Андрею Хованскому». Слева от нотных строк, перпендикулярно к ним, расположена авторская пометка карандашом: «Для „Хованщины“». Внизу листа под нотировкой карандашом проставлена дата в форме, свойственной М. П. Мусоргскому: «Петергоф на мельнице 15 Авг<уста 18>78 г.».

На обороте листа указаны петербургские адреса известных оперных артисток того времени, обладательниц меццо-сопрано, — Елизаветы Р. Коссецкой (отчество до настоящего времени не установ-

ского, хранящиеся в ИРЛИ, не попали в сферу зрения составителя Каталога рукописей композитора. См.: *Антитов В. И.* Произведения Мусоргского по автографам и другим первоисточникам: Аннотированный указатель // *Наследие М. П. Мусоргского: Сб. материалов: К выпуску Полного академического собрания сочинений М. П. Мусоргского в тридцати томах / Составление и общ. ред. Е. М. Левашева.* М., 1989. С. 63—144.

лено) и Марии Даниловны Каменской. Запись выполнена черными чернилами неустановленным лицом. Судя по сделанной иным почерком приписке («Узнать<,> не согласит<ся> ли М<ария> Д<аниловна> участ<вовать> во 2-м отделении»), список адресов составлялся для ведения переговоров с певицами по поводу их участия в благотворительных концертах. Возможно, тяготы посредника возложил на себя сам композитор. Известно, что 12 февраля 1878 г. он сопровождал Е. Р. Коссецкой и М. Д. Каменской «в концерте в пользу семейств раненых и убитых нижних чинов лейб-гвардии Первой артиллерийской бригады».¹⁷ Совместно с Е. Р. Коссецкой М. П. Мусоргский участвовал в благотворительном концерте «в пользу приюта св. Ксении для трудящихся девиц (Общества пособия бедным женщинам)», состоявшемся 5 февраля, а с М. Д. Каменской — в концерте «Музыкально-драматическое утро», прошедшем 17 апреля.¹⁸

Лето 1878 г. М. П. Мусоргский проводил на петергофской даче Д. М. Леоновой.¹⁹ Закономерно предположить, что этот музыкальный фрагмент был сочинен им во время прогулки по окрестностям Петергофа. Однако нельзя с полной уверенностью утверждать, что запись была выполнена тогда же. Композитор мог набросать сочиненное по возвращении на дачу. Для нотного эскиза он мог найти первый попавшийся лист бумаги с чистым обротом.

Несмотря на то что подтекстовка в нотном наброске отсутствует, расставленные автором слоговые лиги дают представление о вероятных формах словопроизнесения, которые, впрочем, не совпадают ни с версией Н. А. Римского-Корсакова, ни с однотоковым фрагментом партии Марфы, представленном в автографе, хранящемся в Государственном центральном музее музыкальной культуры им. М. И. Глинки (ГЦММК).²⁰

Нотный пример 2

Разночтения между наброском М. П. Мусоргского из РО ИРЛИ и версией Н. А. Римского-Корсакова не исчерпываются ритмикой. Они также затрагивают и сферу музыкальной интонации. Существенное различие касается звуковысотной конфигурации 3—4 так-

¹⁷ Труды и дни. С. 508.

¹⁸ Там же. С. 507, 511.

¹⁹ См. письмо М. П. Мусоргского графу А. А. Голеннищеву-Кутузову, предположительно датированное концом декабря 1878 г. (МЛН. С. 242).

²⁰ *Антонов В. И.* Произведения Мусоргского... Аннотированный указатель. Автограф № 87. Цитируется согласно расшифровке А. В. Вульфсона: *Мусоргский М. П.* Хованщина. Народная музыкальная драма. Клавир. Редакция П. Ламма / Изд. подготовлено А. Н. Дмитриевым и А. В. Вульфсоном. Л., 1976. С. 438 (далее: М-1976).

тов автографа. В рукописи кульминационная вершина достигается благодаря последовательности двух восходящих скачков (на м.6 и ум.7) с последующим их заполнением. Редактор предлагает иной мелодический вариант (в котором ум.7 заменена обращением), аналогичный уже знакомому по предшествующему монологу Марфы (см. нотный пример 1а). В результате окончание периода оказывается транспонированным на октаву ниже по сравнению с автографом. Образовавшийся тесситурный разрыв диктует необходимость коррекции звуковысотного контура в начале следующего периода. Редакторская конъектура нивелирует характерный рисунок ритмической фигуры (♩♩♩),²¹ обладающей формообразующей функцией, и нарушает динамику звуковысотной прогрессии в цепи интонационного развития (м. 6 — ум. 7 — м. 7). Мелодический контур подлинника сохраняется лишь в сопровождении.²²

Несомненно, редактор руководствовался стремлением к большей исполнительской практичности партии Марфы. Однако он оставил без внимания свойственную западноевропейской романтической опере тенденцию к повышению вокальной тесситуры партий меццо-сопрано в драматургически кульминационных сценах. Для примера обратимся к некоторым произведениям, с которыми М. П. Мусоргский определенно был знаком. В дуэте Манрико и Азучены («Трубадур» Дж. Верди, 2 действие) каденция героини предусматривает с³, взятое скачком. А в Сцене Амнерис и Радамеса («Аида» Дж. Верди, 4 действие, 1 сцена) певица, занятая в роли египетской принцессы, должна обладать голосом с хорошо развитым верхним регистром, чтобы многократно «взять» b². Исполнительницам партии Алисы в опере Дж. Мейербера «Роберт-Дьявол» приходилось тщательно готовиться к регулярному преодолению трудностей звукоизвлечения h², c³ и даже cis³. В Каватине Фидес («Пророк» Дж. Мейербера, 5 действие) композитор, включая в состав партии b² и c³, предоставляет возможность певицам продемонстрировать владение верхним регистром.²³

²¹ Отметим ее сходство с ритмической формулой польского гимна «Z dymem rozągow», который использован М. П. Мусоргским в песне «Полководца», завершающей цикл «Песни и пляски смерти». О музыкальных параллелях между ними см.: Фрид Э. Л. М. П. Мусоргский. Проблемы творчества: Исследование. Л., 1981. С. 164—165. Настоящая ритмическая форма может рассматриваться в качестве пунктирного варианта исходной, именуемой Б. В. Асафьевым «любимым дактилическим ритмом Мусоргского (моторный образ ходьбы, странствования)». См.: Асафьев Б. В. Опера «Борис Годунов» Мусоргского // Асафьев Б. В. Избранные труды. М., 1954. Т. 3. С. 44. В предваряющем Сцену Марфы и князя Андрея хоре «Враг человека» указанная ритмическая фигура излагается как в основном виде, так и в увеличении (М-1931. С. 323).

²² М-1883. С. 200. Стремясь сгладить мелодическую линию, Д. Д. Шостакович заменяет интервал м. 7 его инверсией. В итоге образуется неуклюжий восходящий ход на ув. 5 (см.: М-1976. С. 369).

²³ Партия Фидес входила в репертуар Д. М. Леоновой, а Каватина исполнялась в гастрольных концертах, проходивших совместно с М. П. Мусоргским на юге России летом—осенью 1879 г. См.: Финдейзен Н. Ф. Материалы для биографии Мусоргского // М. П. Мусоргский. К пятидесятилетию со дня смерти (1881—1931): Статьи и материалы / Под ред. Ю. В. Келдыша и В. В. Яковлева. М., 1932. С. 319, 321.

Последняя нотная строка рассматриваемого автографа содержит «любовную» тему Марфы в секстовой мелодической версии. Этим прекращается дискуссия по поводу ее аутентичности.²⁴ Наличие двойных слоговых лиг служит признаком вариативности слогопроизнесения и свидетельствует о повторности двутакта, записанного в сокращенной форме.²⁵ Но все же остается открытым вопрос о месте данного фрагмента в архитектонике монолога. С позиции музыкальной логики трудно представить возможность его реализации в качестве следующего эпизода композиции, особенно если принять во внимание местоположение развернутой реплики князя Андрея «Марфа, молю тебя!».²⁶ Обратим внимание на функцию последней, направленной на погашение инерции движения маршеобразного эпизода и разрушение принципа квадратности в организации его структуры. Не случайно возможность появления репризы в редакции Н. А. Римского-Корсакова связывается с редукцией протяженного возгласа «Марфа!».²⁷ Решение, предложенное редактором, не покажется бесспорным, если вспомнить, что в драматургически переломных оперных сценах М. П. Мусоргский отдает предпочтение сквозному действию и разомкнутой форме, которые усиливают контрастность сопряженных эпизодов.²⁸ Напротив, реприза (пусть даже и сокращенная) с развернутой кодой снижает динамику действия. С наибольшей силой функция торможения проявляется в кадансирующей реплике Марфы («В огне и пламени закалится та клятва твоя!»),²⁹ обнаруживающей музыкально-стилистическое сходство с заключительным призывом Досифея «Да сгинут плотские козни ада...».³⁰ Она придает композиционную закругленность трагической сцене Марфы и князя Андрея, при этом снижает остроту и ослабляет энергию эффекта вторгающихся звуков трубного гласа. Значительно органичнее в музыкальном контексте нам видится повторение фрагмента партии Марфы от слов «Смертный час твой пришел...» до возгласа «Аллилуйя!».³¹

Если принять во внимание тенденцию редактора, ориентированного на «„номерной“ принцип строения оперы», к замене разомкнутых структур на замкнутые,³² то представляются небезосновательными сомнения относительно подлинности музыкального текста указанного выше финального фрагмента сцены. Не лишена права

²⁴ См.: Фрид Э. Л. Прошедшее, настоящее и будущее в «Хованщине» Мусоргского. С. 221—222; Вульфсон А. В. К проблеме текстологии. С. 108.

²⁵ Признак повторности, лежащий в основе структурной организации мелодики «Хованщины», рассматривается в работе: Ширини П. К. Оперная драматургия Мусоргского: Исследование. М., 1981. С. 179—181.

²⁶ Ашшипов В. И. Произведения Мусоргского... Аннотированный указатель. Автограф № 87. См.: М-1976. С. 438.

²⁷ М-1883. С. 201.

²⁸ См.: Друскин М. С. Вопросы музыкальной драматургии оперы: На материале классического наследия. Л., 1952. С. 238.

²⁹ М-1883. С. 201.

³⁰ М-1931. С. 335.

³¹ М-1931. С. 332.

³² Фрид Э. Л. Прошедшее, настоящее и будущее в «Хованщине» Мусоргского. С. 246—247.

на существование и гипотеза, рассматривающая весь эпизод *Alla marciale funebre* в качестве реконструкции, принадлежащей перу Н. А. Римского-Корсакова. Вероятно, она была выполнена на основе хранящегося ныне в ГЦММК автографа, который являет собой «своего рода конспект сцены».³³ Для заполнения лакун автор реконструкции вполне мог использовать нотные наброски М. П. Мусоргского, представленные в настоящей публикации.

³³ Вульфсон А. В. К проблемам текстологии. С. 106.

Нотное приложение

The image displays five staves of musical notation in G major, 3/4 time. The notation includes various rhythmic values, slurs, and triplets. The first staff begins with a treble clef and a key signature of one sharp (F#). The second staff continues the melody with a slur and a triplet. The third staff features a slur, a triplet, and a circled note. The fourth staff shows a slur and a triplet. The fifth staff concludes with a slur and a circled note. The notation is presented in a clear, professional layout.

* Перед нотой выставлен бемоль и зачеркнут.

ПУБЛИКАЦИИ

ПИСЬМА А. В. ОЛСУФЬЕВА К Л. Н. МАЙКОВУ

Публикация М. Д. Эльзона

Среди корреспондентов историка русской литературы, этнографа, фольклориста академика Леонида Николаевича Майкова (1839—1900) — брата знаменитого поэта Аполлона Майкова и рано умершего талантливого литературного критика Валерия Майкова (предшественника В. Г. Белинского) — А. В. Олсуфьев занимает более чем скромное место. Тема же публикуемых писем достаточно локальна — публикация одной статьи в «Журнале Министерства народного просвещения», главным редактором которого был Л. Н. Майков в 1882—1890 гг., в это же время состоя в должности заместителя директора Публичной библиотеки. Интерес же этим письмам придает то, что их героем является А. А. Фет-переводчик.

Генерал от кавалерии Алексей Васильевич Олсуфьев (1831—1915) служил в лейб-гвардейском Гусарском полку под началом генерал-майора Семена Давыдовича Абамелека (1815—1888)¹ — однополчанина М. Ю. Лермонтова. По выходе в отставку А. В. Олсуфьев всецело посвятил себя литературной деятельности как филолог-классик. В октябре 1886 г. состоялось его знакомство с А. А. Фетом. «Блестящий знаток древнеримской литературы, историк культуры, он становится помощником Фета в его переводных произведениях латинских поэтов. Со временем их сотрудничество приняло теплые дружеские отношения», — отмечают исследователи.²

Публикуемые письма предшествуют знакомству А. А. Фета с А. В. Олсуфьевым и посвящены единственной теме — обстоятельному критическому разбору фетовского издания Ювенала.³ Начало общению А. В. Олсуфьева с Л. Н. Майковым положило письмо, оказавшееся в коллекции П. Л. Вакселя — Э. П. Юргенсона (Российская национальная библиотека. ф. 124, № 3158):

Милостивый государь Леонид Николаевич!

Имею статью, которую желал бы поместить в журнале Министерства, и, находясь в Петербурге только на короткое время, я предварительно хотел бы переговорить с

¹ Возможно, что С. Д. Абамелек был знаком с А. С. Пушкиным. См. статью о его сестре, княжне А. Д. Абамелек, в кн.: *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. Л., 1988. С. 9.

² *Асланова Г. Д.* О смерти А. А. Фета // Российский архив. М., 1994. Т. 5. С. 241.

³ Д. Юния Ювенала сатиры в переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1885. 245 с. Полное имя Ювенала: Децим Юний Ювенал.

Вами и поэтому покорнейше прошу Вас назначить мне завтра место и час свидания или в библиотеке, или у Вас на дому,⁴ только не ранее 4-х часов. Так как от 12 до 4-х у нас ежедневные заседания в Опекунском Совете.⁵

Гр<аф> Алексей Олсуфьев.

Предложенная статья, о которой идет речь в письме, — «Ювенал в переводе г. Фета» — заняла четыре номера «Журнала Министерства народного просвещения» и была также издана отдельным оттиском.⁶

Письма, отражающие подготовку олсуфьевской публикации и ярко характеризующие личность корреспондента, печатаются по подлинникам: РО ИРЛИ, ф. 166 (архив Л. Н. Майкова), оп. 3, № 760.

1

15 (27) февраля 1886 г. Москва

Москва. 15 фев<аля>. 86.

Милостивый государь
Леонид Николаевич.

С этою же почтою отправляю Вам просмотренные корректуры V и VI сатир. Так как вследствие вырезок замечания мои займут всего 18—20 страниц, то я полагаю, что <Вы> включите в мартовскую книжку VII и, быть может, и VIII сатиры. Рукописи этих сатир у Вас, так же как и X и XI.¹

XII совершенно окончена, как я Вам уже телеграфировал,² я могу Вам ее выслать хоть завтра, но предпочел бы доставить лично, так как предполагаю быть в Петербурге на первой или второй неделе Поста.³

Я желал бы, чтобы VII и VIII сатиры вышли еще в марте, и ежели Вы найдете возможным исполнить мое желание, то прошу Вас переслать мне корректуры этих двух сатир сюда.

Будьте столь любезны обратить внимание на листы 2-ой и 6-ой корректур, где я сетую на излишние сокращения моей рукописи, вследствие которых на 2-м листе я даже не мог держать в одном месте корректуру. На 6-м месте pro usu propti^a Ваше я изложил мое сегование о чересчур усердном превращении моей рукописи ad usum Delphini⁶. Г<осподин> Верт в особенности строг в отношении замечаний между 242 и 336 ст<ихами>.⁴ Быть может, просмотрев сами мою рукопись, Вы найдете, что некоторое из вы-

⁴ Очевидно, ул. Большая Мастерская, д. 11/15. Сведения на 1892 г.

⁵ Имется в виду Совет по учреждениям императрицы Марии.

⁶ Олсуфьев А. В. Ювенал в переводе г. Фета // Журнал Министерства народного просвещения. 1886. № 2, Отд. классич. филологии. С. 87—112; № 3. С. 113—160; № 5. С. 82—112; № 8. С. 80—98. Отд. изд. 1886.

^a Буквально — для собственного употребления (*лат.*).

⁶ Буквально — для пользования дофина (*лат.*); о текстах, подвергшихся педагогической, нравственной или какой-либо другой цензуре.

черкнутого можно было бы и поместить, ежели время это позволит.

Почтенный Эдмунд Альбертович упускает из вида, что это не работа филолога *ex professione*^в и поэтому допускает некоторые отступления — разумеется, не от науки, а от научных стереотипных форм, отвергающих все то, что не относится непосредственно к предмету и не подкреплено самыми подробными цитатами.

Замечания на ст<ихи> 300 и 327 могут, по-моему, быть напечатаны; *loci obscoeni*^г в них все на латинском языке, да, наконец, при разборке такого писателя, как Ювенал, их избежать нет возможности.⁵

В настоящее время занят XIII сатирой, к которой хочу прибавить целую диссертацию или, лучше сказать *einen Exkurs*^д, как говорят немцы, который, пожалуй, также попадет под острацизм *г<осподина> Верга*, так как прямо не относится к Ювеналу в переводе Фега.

Мне хотелось бы доказать, что Ювенал, хоть несомненно служил в войске, но никогда в военных действиях не участвовал и поэтому не мог быть сослан в Британию, где военные действия, хотя в меньших размерах, нежели до 84-го года, не прекращались и в последующие года царствования Домициана.⁶

Это несколько смелое, но не совсем лишнее основания, во всяком случае совершенно новое, освещение спорного вопроса — куда был сослан Ювенал. Но оно, я знаю, *г<осподину> Верту* не понравится, так как в нем проглядывает *miles*,^е а не *philologus*.^ж

Впрочем, не знаю, как благодарить его за чрезвычайно внимательное и добросовестное рассмотрение им моей рукописи, стоившее ему немало труда, потому что он во многих местах, где я цитировал только автора, подыскал и поместил цифры глав и §, а в иных даже самое имя автора, мною — по небрежности, а иногда, *mea culpa*,^з и по незнанию — пропущенное.

Прошу Вас, многоуважаемый Леонид Николаевич, принять уверение моего совершенного к Вам уважения и преданности.

Алексей Олсуфьев.

Читали Вы стихи Вашего брата на Рубинштейновский праздник?⁷
Какая прелесть!

¹ В мартовской книжке «Журнала Министерства народного просвещения» напечатаны *четыре* сатиры (VII, VIII, а также X и XI).

² Телеграмма отсутствует.

³ То есть в середине марта.

⁴ *Верг Эдмунд Альбертович* (1839—1907) — филолог-классик, преподавал в 1-й Петербургской гимназии. Обсуждается VIII сатира (отд. изд., с. 67—68).

⁵ Л. Н. Майков не внял просьбе автора; замечания не опубликованы (там же).

^в по профессии (*лат.*).

^г грубые места (*лат.*).

^д экскурс (*нем.*).

^е воин (*лат.*).

^ж филолог (*лат.*).

^з моя вина (*лат.*).

⁶ *Домициан* (Тит Флавий Домициан, 51—96) — римский император; прославился крайней жестокостью. Замечание относится к биографии Ювенала, написанной А. А. Фетом (отд. изд., с. 84).

⁷ Имеется в виду стихотворение А. Н. Майкова «Вот он, рассеянный, как будто бы небрежно...», написанное в альбом, поднесенный выдающемуся пианисту Антону Григорьевичу Рубинштейну (1829—1894) во время триумфального концерта в Петербурге 14 февраля 1886 г. На следующий день стихотворение появилось в газетной хронике. См.: *Майков А. Н.* Избранные произведения / Изд. подгот. Л. С. Геירו. Л., 1977. С. 420—421, 839 (Б-ка поэта. Бол. сер. изд. 2-е).

2

19 февраля (3 марта) 1886 г. Москва

Москва. 19-е февраля. 86.

Милостивый государь
Леонид Николаевич.

С этою же почтою возвращаю Вам корректуру VII и VIII сат<пр>. Я особенно спешил с нею, чтобы дать Вам время, ежели Вы имеете намерение поместить разбор этих двух сатир в мартовскую книжку, обратить внимание на восстановления моего первоначального текста, которые я позволил себе сделать на 13, 14, 16 и 17 листах: по несовершенному моему знакомству с корректорскими значками очень быть может, что Вы не разберетесь в моих поправках — в таком случае я буду просить Вас справиться с моей рукописью, которая у г<осподина> Верта.

Признаюсь Вам, меня эти сокращения смущают; ежели то, что на 13-ой и 16-ой показалось Вам излишним как не прямо к делу относящееся (л. 13 в особенности), то это справедливо только в отношении нахождения этого места в моем тексте, поэтому я отодвинул эти места в примечания, где, я позволяю себе надеяться, Вы их и оставите.

Что же касается до исключенного места на листе 14-м, то ведь это довольно грубая историческая ошибка, которую пропустить даже поэту, не только знатоку древности, по-моему, не следует.¹

Точно так же, продолжаю думать, примечание к ст<иху> 267-у сат<пры> VII заключает в себе, помимо науки, либерально-тенденциозный намек, который журнал, издаваемый правительством, не должен обойти молчанием.²

На второй неделе поста я рассчитываю быть в Петербурге по делам нашего ведомства и тогда буду иметь удовольствие с Вами видеться и переговорю о форме, которую Вы посоветуете дать моему отступлению от *thesis*³, которое выходит довольно большое, так как я разбираю не только ошибочную хронологию Ювенала, принятую г<осподином> Фетом, но и ту еще более *me judice*⁶, ошибочную, которую создал г<осподин> Нагуевский.³

¹ изложения (*лат.*).

⁶ по моему суждению (*лат.*).

Прошу Вас принять уверение моего совершенного уважения и преданности

Алексей Олсуфьев.

¹ В примечании к ст. 254 А. А. Фет идентифицировал второго Деция с незаванным третьим, на что и указал А. В. Олсуфьев (отд. изд., с. 67—68).

² Ср. осуждение А. В. Олсуфьевым фразы А. Л. Фета «топор — основа законов» («тенденциозно-либеральная мысль» — по формулировке рецензента) (отд. изд., с. 68).

³ *Нагуевский Дарий Ильич* (1845—1918) — филолог-классик, профессор римской словесности Казанского университета, соавтор А. А. Фета по изданию «Энеиды» Вергилия. Poleмику с Д. И. Нагуевским в связи с его книгой «Римская сатира и Ювенал» (1879) см.: Отд. изд. С. 82 (обширное подстрочное примечание по поводу интерпретации ст. 87—92 сатиры XII). Дискуссия связана, в частности, с вопросом о годе рождения Ювенала (57 или 59 г.), и датировкой сатиры XIII (там же. С. 83—107).

3

28 февраля (12 марта) 1886 г. Петербург

Милостивый государь
Леонид Николаевич.

Возвращаю Вам корректуры как набранного уже 2-го листа, так <и> IV столбца.

На последнем я позволил себе восстановить замечания к 108-у и к 122-у ст<ихам>, неизвестно отчего пропущенные г<осподином> Вертом.¹ На 2-м листе я исправил некоторые ошибки, пропущенные корректором (эти места обозначены мною **NB**), и также восстановил на стр<анице> 129-ой помег. вместо областей, проставленных корректором.

Несмотря на то, что XII сатира будет доставлена Вам никак не позднее четверга будущей недели, я все-таки пожелал бы ограничиться печатаньем в мартовской книжке 2-х только листов. Ежели, что весьма вероятно, остальные 4-е сатиры будут готовы ко времени печатанья апрельской книжки «Жур<нала>», то можно напечатать все зараз, в противном же случае 2 листа в апрельской, а 2 листа в майской. Материала будет довольно, так как примечание о месте ссылки Ювенала займет несколько страниц.

Будьте так любезны передать посланному февральскую книжку «Ж<урнала>»; я Вам возвращу ее до моего отъезда в Москву, а также перешлите мне мартовскую и один или два отгиска в Москву, как только выйдет.

Готовый к услугам

Алексей Олсуфьев.

28-е февр<аля>. 86.

¹ Видимо, подразумевается сатира XI; прим. к ст. 122 см.: Отд. изд. С. 75; прим. к ст. 108 отсутствует (там же. С. 74).

8(20) апреля 1886 г. Москва

Москва. 8-е апреля. 86.

Милостивый государь
Леонид Николаевич.

Помня, что Вы мне говорили касательно 10-го числа как нормального термина (так! — М. Э.), когда должны быть доставлены статьи, имеющие появиться в следующем номере журнала, посылаю Вам при сем пять документов, совершенно приготовленных для печати XIII-й сатиры; я полагаю, что вместе с XII-й сатирою, которую я Вам передал лично, это составит достаточный материал, чтобы приступить теперь же к набору; но, впрочем, и остальная часть XIII сатиры совсем готова и только остается мне ее переписать, что возьмет никак не более трех дней, так что 12-го я надеюсь Вам выслать и остальную часть, которая составит около четырнадцати полулистов (т. е. таких, которые теперь посылаю Вам — пять). Как видите, экскурс занял очень много места и было б очень желательно, чтобы Вы ничего, или, по крайней мере, очень мало на этот раз сокращали. «*Suit ut sunt aut non sint*», хотелось бы мне сказать Вам, но Вы не Папа, а я если и генерал, то не иезуитского ордена.¹ Все то, что я поместил, было необходимо для проведения нового тезиса и совершенно нового взгляда на биографию Ювенала, и вынудив одно звено, разумеет разорвать всю цепь доказательств.

Впрочем, ежели Вы, но только не почтенный г<осподин> Верт, найдете что-либо излишним или поправите в моем слоге, то я только буду быть благодарным.

Г<осподи>ну Верту вообще на этот раз будет весьма мало работы, так как в настоящей статье филология совершенно отодвинута на задний план, все тут в историческом расследовании и в некоторых шпильках по адресу наших ювеналистов, впрочем, как увидите *sehr harmloser Natur*⁶.

Так как статья выйдет довольно большая, то, я полагаю, для выигрыша времени лучше будет посылать мне корректуру исподволь, в несколько раз, а не всю вместе по окончании набора всего номера.

Прошу Вас, многоуважаемый Леонид Николаевич, принять уверение моего совершенного к Вам уважения и пожелание приятных праздников.²

Алексей Олсуфьев.

¹ По разным источникам, ответ генерала ордена иезуитов Лоренцо Риччи (1703—1775) либо папы Римского Климента XIII (1758—1769). См.: *Бабичев Н. Т., Боровский Я. М.* Словарь латинских крылатых слов. 5-е изд., испр. и доп. М., 1999. С. 605 (с пометкой: «III» вместо «XIII»).

² Подразумевается Пасха.

^a Пусть будут в таком виде, как они есть сейчас, или пусть вовсе не будут (*лат.*).

^б самого безобидного свойства (*нем.*).

20 апреля (1 мая) 1886 г. Москва

Москва. 20-е апр<еля>. 86.

Милостивый государь
Леонид Николаевич.

Я буду очень Вам благодарен, ежели Вы потребуете к себе мою рукопись, заключающую в себе замечания на XII сатиру, и рассмотрите сами начало ее, где в примечании к первым стихам сатиры мною оспаривается взгляд г<осподина> Фета на эгиду как на щит Минервы.¹

Это совершенно ошибочный взгляд, я еще раз просмотрел источники, на которых я основываю свое убеждение, и вполне уверен, что оно имеет самые прочные основания.²

Конечно, оспаривать их можно, но безапелляционно отвергать, мне кажется, не следует.

Прошу Ваше Превосходительство принять уверение моего совершенного к Вам уважения и преданности.

Алексей Олсуфьев.

Насчет остальных сокращений, сделанных г<осподином> Вертом, я совершенно с ним согласен.

¹ См.: Отд. изд. С. 77: «Эгида <...> была не щит, а плащ или накидка». Прав был А. А. Фет (Эгида // Словарь античности / Пер. с нем. М.: Прогресс, 1989. С. 646). Ошибка А. В. Олсуфьева заключалась в *буквальном* понимании слова («козья шкура»), поскольку он не был *поэтом*.

² Источники в статье не приведены.

6 (18) мая 1886 г. Москва

Москва. 6-е мая. 86.

Милостивый государь
Леонид Николаевич.

Не получив до сих пор майской книжки журнала, я не знаю, поместили ли Вы в ней XII-ю и всю XIII сатиру или же оставили часть XIII-й до следующего номера.¹

Ежели последнее предположение верное, то, полагаю, можно будет в следующей <и>юньской книжке кроме конца XIII сатиры поместить и XIV, которую на сей предмет прилагаю.²

Если же вся XIII сатира вошла в майскую книжку, то буду просить Вас сделать перерыв и XIV, XV и XVI сат<иры> печатать только в июльском номере.

XVI совершенно готова и переписана, но в XV есть одно чрезвычайно темное место, которое мне хотелось бы обстоятельнее рассмотреть, что потребует не менее пяти или шести дней усидчивой работы. К 12-му или 14-му <мая> она будет готова, но тогда, я боюсь, будет слишком поздно пересылать ее Вам для помещения в <и>юньской книжке?

Прошу Вас принять уверение моего совершенного к Вам уважения и преданности.

Алексей Олсуфьев.

¹ Разбор XII и XIII сатир опубликован полностью.

² Публикация завершилась в августовском номере.

7

7 (19) июля 1886 г. Ревель

Ревель. 7-го июля. 86.

Милостивый государь
Леонид Николаевич.

Сегодня отправил я Вам заказным под бандеролью последнюю часть моей статьи, к концу которой я прибавил в виде эпилога несколько строк, которые, надеюсь, будут в целости пропущены Вами, так же как и с<ело> Ершово, которое стоит под всеми мною до сих пор печатными статьями в Военном сборнике и в «Русском архиве».¹

Если Вам угодно, чтобы я исправил довольно многочисленные опечатки, вкравшиеся в 3-ю часть в майском номере, то я могу это на досуге здесь сделать, только прошу для этого прислать мне отдельный оттиск этого номера, а также соответствующую рукопись, так как черновой у меня здесь нет.²

Для избежания подобных же опечаток в последней части весьма желательно было бы просмотреть ее еще раз уже в набранном виде с приложенною картою.³

Прошу Вас принять уверение моего искреннего уважения и преданности.

Алексей Олсуфьев.

¹ Пожелание А. В. Олсуфьева учтено. Его публикация подписана: «Граф Алексей Олсуфьев. Село Ершово. Июнь 1886» (см.: Журнал Министерства народного просвещения. 1886. № 8, Отд. классич. филологии. С. 98). Указание на Ершово сохранено и в отдельном издании. Ершово, очевидно, идентифицируется с нынешним одноименным домом отдыха под Звенигородом; усадьба сохранилась (справка Э. Е. Алексеевой).

² Перечень исправленных опечаток отсутствует.

³ Карту, выполненную в картографическом заведении А. А. Ильина, в журнальном издании см. между с. 80 и 81. В книге карта отсутствует. Мнение о карте см. в письме 9.

Между 7 (19) июля и 25 июля (6 августа) 1886 г. Ревель

Милостивый государь
Леонид Николаевич.

Моя жена едет сегодня вечером в Ревель, поэтому если Вы не отправили корректурные листы почтою, то предлагаю Вам воспользоваться этим случаем доставить мне их вернее и скорее. Надеюсь, что Вы не забудете переслать также рукопись.

Преданный Вам

Алексей Олсуфьев.

25 июля (6 августа) 1886 г. Ревель

Ревель. 25-го июля. 86.

Милостивый государь
Леонид Николаевич.

Возвращаю при сем пробный лист карты, которая прекрасно исполнена и могла бы сделать честь любому специально военному изданию.¹

Кроме того, посылаю Вам два листа набора последней статьи, прося Вас обратить особое внимание, чтобы отмеченные **№** места были именно так, как я их исправил, иначе уже и так сложные и частые рассуждения о том, следует ли читать *Ombos* или *Coptos* будет (так! — *М. Э.*) окончательно затемнено.²

Корректуру отдельных оттисков я привезу Вам сам, так как 1-го августа рассчитываю быть в П<етер>бурге.

Ободренный Вашим радушным приемом в «Журнале М<инистерства> н<ародного> п<росвещения>» готовлю для него статью о Горации в нашей литературе, которому в последнее время не очень посчастливилось от наших отечественных комментаторов.³

Искренне Вам преданный

Алексей Олсуфьев.

¹ Об издательстве А. А. Ильина (1859—1918) см.: Книговедение: Энцикл. словарь. М., 1981. С. 208; Книга: Энциклопедия. М., 1999. С. 241 (с портр.).

² См.: Отд. изд. С. 111—122. Речь идет о народностях Омбоса и Коптоса (омбосах, коптах).

³ Этот замысел не осуществился.

31 августа (12 сентября) 1891 г. Москва

Москва. 31-го августа. 91.

Милостивый государь
Леонид Николаевич.

Императорская Публичная библиотека, оказавшая мне столь широкое и просвещенное содействие при составлении моей последней работы о Марциале¹ не откажет в этом содействии, надеюсь, и ныне вновь предпринятому мною аналогичному труду о Катулле.²

На основании этой надежды имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство разрешить выслать мне сюда следующие книги, которые в московских библиотеках, как публичных, так и частных, мною не могли быть отысканы:

Guarinus. Expositione in Catullum. 1521.

Conradinus de Allio. Edit. Catulli eum comment 1738.³

Пользуюсь случаем просить Вас, милостивый государь, принять уверение моего совершенного к Вам уважения и преданности.

Алексей Олсуфьев.

Е<го> П<ревосходительст>ву Майкову Л. Н.

¹ См.: Олсуфьев А. В. Марциал: Биограф. очерк. СПб., 1891. 109 с.

² «Аналогичный труд» не осуществился.

³ Обе книги имеются в Российской национальной библиотеке (за справку благодарю сотрудника Генерального алфавитного каталога Валерия Васильевича Антонова). Совершили ли они в сентябре 1891 г. «путешествие из Петербурга в Москву», по Архиву РНБ установить не удалось.

БОРИС САДОВСКОЙ

I. СТИХОТВОРЕНИЯ. II. АВТОБИОГРАФИЯ

Публикация М. Д. Эльзона

I. СТИХОТВОРЕНИЯ

Среди русских писателей первой половины XX в. Борис Александрович Садовский (псевд. Садовской, 1881—1952) занимает особое место. Поэт-символист, прозаик, эссеист, литературный критик, в конце 1970-х он был разоблачен как литературный мистификатор. На его «счету» оказались «стихотворения А. А. Блока и С. А. Есенина, Н. А. Некрасова и С. М. Степняка-Кравчинского», «воспоминания» некоего Николая Ивановича Попова о Некрасове, Кравчинском, И. Н. Ульянове...¹ Крайне осторожно следует относиться и к безусловно заслуживающим внимания «Запискам (1881—1916)».²

Литературный дебют Б. А. Садовского состоялся 6 января 1901 г. в нижегородской газете «Волгарь», где (за подписью «Б. Сад-ской») появилось стихотворение почти 20-летнего гимназиста, за семь лет до этого исключенного из Дворянского Александровского института, где его однокашником был М. А. Цявловский. Этим дебютом было стихотворение «Иоанн Грозный». Подпись «Борис Сад-ской» впервые появилась в той же газете 21 февраля 1902 г., под программным (и юбилейным) стихотворением «Гоголь» («Тому полвека, как Россию...»). Летом того же года, уже студентом Московского университета, Б. А. Садовский вошел (благодаря В. Я. Брюсову) в круг символистов и примкнул к «Весам».

10 января 1904 г. он сообщал В. В. Розанову: «Писать начал с 9-ти лет. Писал довольно много, преимущественно стихи. *Всегда был религиозен и консервативен в смысле государственных и патриотических взглядов. Благодаря этому терпел немало неприятностей, особенно в гимназии.*»³

Двадцать лет спустя Б. А. Садовский вспоминал:

¹ См.: *Эльзон М. Д. Садовской (Садовский) Борис Александрович // Русские писатели. XX век: Биограф. словарь.* М., 1998. Т. 2. С. 304—305.

² *Садовской Б. Записки (1881—1916) // Российский архив.* М., 1991. Т. 1. С. 106—183 (публ. С. В. Шумихина).

³ Цит. по: *Садовской Борис.* Стихотворения. Рассказы в стихах. Пьесы / Изд. подгот. С. В. Шумихин. СПб., 2001. С. 349 (Нов. Б-ка поэта. Мал. сер.). Курсив мой. — М. Э.

«В конце октября 1900 года Нижний посетил великий князь Константин Константинович.⁴ Я решил поднести ему свои стихи. Тогда я начинал влюбляться в Фета и знал, что К. Р. носит его благословение. Я передал директору (Н. Я. Самойловичу. — М. Э.) тетрадь с четко переписанными стихотворениями. В заседании педагогического совета Е. И. Березков (словесник. — М. Э.) прочитал мои стихи и решено было допустить меня к представлению. 29 октября, в воскресенье утром, директор прислал за мной. Явившись, я получил подробные указания о форме одежды и к часу дня уже был в Кремле <...> Дождавшись в приемной окончания парадного завтрака, я очутился в малой гостиной <...> Земские деятели и педагоги по указанию губернатора (П. Ф. Унтербергера. — М. Э.) один за другим подносили Константину Константиновичу папки и брошюры. *Последним директор подвел меня. Великий князь взял мою голубую с золотом тетрадь и, подмигнув, спросил: „Ну, а хороший классик?“* Директор поспешно отвечал: „Желает быть хорошим, Ваше императорское высочество“. Увидя посвящение, августейший поэт заметил: „Теперь мне придется краснеть. Что, вы не родственник актеру Садовскому?“ — „Нет, Ваше императорское высочество“. Великий князь любезно наклонил голову: „Благодарю Вас“. Он подошел к губернаторше, низко присевшей перед ним в своем белом со шлейфом платье, пожал ей руку, сделал общий поклон и удалился. Отныне педагоги явно стали шадить меня; поэту сходило с рук многое, чего не простили бы гимназисту <...> В VIII класс меня перевели без экзамена, хотя перед представлением великому князю имел я в выводе за четверть четыре двойки и числился последним учеником».⁵

Явно мифологизированные воспоминания Б. А. Садовского хронологически точны. Естественно предположить, что автор располагал печатным источником — газетной вырезкой.

Действительно, «Нижегородские ведомости», «Нижегородский листок», «Волгарь» подробнее всего отразили пребывание К. Р. в Нижнем. Именно отсюда Б. Садовской позаимствовал и опущенную мною сцену, как кадеты несли на руках высочайшего инспектора, и (вероятно) его словесный портрет. Приведу сначала сообщение о событиях 29 октября 1900 г. «официоза»:

«По окончании завтрака (в губернаторском дворце. — М. Э.) великий князь изволил принимать печатные издания <...> Директор классической гимназии (Н. Я. Самойлович. — М. Э.) пре<по>днес его высочеству в двух папках стихи. В первой папке — 13 стихотворений ученика 7 класса Садовского, а во второй — стихотворение бывшего ученика гимназии Фиалковского, написанное им несколько лет тому назад по поводу Тулонских празднеств и озаглавленное „Ответ нашим друзьям“, и стихотворение ученика Вавина, озаглавленное „Памяти Пушкина“.⁶ Его императорское Высочество милостиво принимал поднесенные ему издания и благодарил лиц подносивших».⁷

Иначе о том же сообщил корреспондент «Волгаря»: «Директор классической гимназии Н. Я. Самойлович (удостоился чести поднести. — М. Э.) *сборник стихотворений ученика VII кл. Садовского, который находился здесь же и обратил на себя милостивое*

⁴ *Константин Константинович*, вел. кн. (1858—1915) — президент императорской Академии наук, поэт К. Р.

⁵ *Садовской Б.* Записки. С. 145.

⁶ Стихи Н. Вавина печатались в «Волгаре» (см. 26 января и 5 июля 1900 г.; также «Певцы», в прозе, 28 июня).

⁷ Вел. кн. Константин Константинович и его пребывание в Ниж.-Новгороде // Нижегород. ведомости. 1900. 1 нояб. С. 5. То же: Нижегород. листок. 1900. 30 окт.

внимание его высочества. Сборник стихотворений посвящен его высочеству».⁸ Все газеты сообщили, что К. Р. отбыл на следующий день, 30 октября.

Нетрудно предположить, что будущий автор сборника стихов «Позднее утро» (1909) явно рассчитывал на то, что К. Р. поспособствует изданию его «Стихотворений». Но то ли подвело количество («чертова дюжина»), то ли К. Р. не воспринял великовозрастного гимназиста как своего поэтического преемника и наследника А. А. Фета — во всяком случае, ожидания Бориса Садовского оказались тщетными, и два месяца спустя он дебютировал в местной газете. Почему не увидело свет стихотворное посвящение К. Р., — можно только гадать.

Публикуя «Записки» Б. А. Садовского, С. В. Шумихин не прокомментировал этот эпизод — явно не зная, что папка со стихами Б. А. Садовского находится в Пушкинском Доме (РО ИРЛИ, р. II, оп. 1, № 387; по сообщению Л. Н. Ивановой, поступила в Рукописный отдел Института литературы 17 января 1930 г. из отдела комплектования БАН).

На папке золотом вытеснено:

Стихотворения
Б. Садовского
ученика VII класса
Нижегородской гимназии

На первом листе надпись:

Стихотворения
Б. Садовского

На втором листе посвящение:

Его Императорскому Высочеству
Великому Князю
Константину Константиновичу

вспредаднейше посвящает
автор.

«Иоанн Грозный» занимает центральное место в сборнике. В течение 1901 г. Борис Садовской опубликовал в «Волгаре» еще пять стихотворений: «Фридрих Барбаросса» (22 апреля), «Вечером» (29 апреля), «В дороге» (21 июня), «На родине» (3 декабря), «Сонет» (30 декабря); все — с подписью «Б. Сад-ской».

Настоящая публикация представляет первый (рукописный) сборник стихов Бориса Садовского как некий литературный памятник.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ
ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ
КОНСТАНТИНУ КОНСТАНТИНОВИЧУ

Тому, чей голос благородный
По всей святой Руси гремит
И вдохновенно и свободно
Сердцам всех русских говорит,
Всю Русь от края и до края
Осыпав жемчугом стихов, —

⁸ Приезд в Н.-Новгород его высочества вел. кн. Константина Константиновича // Волгарь. 1900. 30 окт. С. 2.

Свой робкий стих я посвящаю
Певцу, избраннику богов...

Поэзии святые боги
В свои лазурные чертоги
Уже давно певца ввели
И незабвенным нарекли.
И в этот день, для нас священный,
Нас посетил родной поэт
И все мы шлем ему привет:
Да здравствует на много лет
Поэт великий, вдохновенный!

СЛАВА РУСИ

Рыбак из Холмогор, великий Ломоносов
Русь, деву юную, осыпал серебром.
Багрима мощный внук, Державин, бард Фелицы,
Алмазами ее и золотом одел.
Мечтательный певец, наперсник дев, Жуковский
В ткань златоцветную красавицу облек.
Пленительным вином и сладкими плодами
Беспечный Батюшков красотку одарил.
Улыбку ясную и разум вдохновенный
И веру твердую ей дивный Пушкин дал.
Бичом сверкающим, смеясь сквозь слезы, Гоголь
Ударил по сердцу красавицы младой,
И звоном жалобным своей печальной лиры
Впервые Лермонтов в тоску ее поверг.
Тургенев, Лев Толстой, Островский и Аксаков
Ей дали зеркало для будущих веков.
Грядущий светлый путь к величию и славе
Белинский, мощный вождь, ей смело указал.
Граф Алексей Толстой, Полонский, Фет и Майков
Лазурным жемчугом одели ей чело.
И, полная красы и силы величавой,
Смирненно шествует красавица вперед.

ПАМЯТИ ПУШКИНА

Когда по всей Руси от края и до края
Хвала тебе, великому, гремит,
И, подвиг твой чудесный поминая,
Могучий благовест гудит, —

Невольно гулу чудному я внимаю.
Слеза в очах — какое торжество!

Не въявь ли то спустилося на землю
Святых небес святое Божество?

И все слились в сердечном умиленьи
Перед тобой, волшебный чародей,
Кто так умел глаголом вдохновенным
Сжигать сердца дрожащие людей.

Святой огонь, подобно Прометею,
Не ты ль с высот заоблачных принес
И песней мир восторженный лелея
Нас в страны грез неведомых унес?..

Тебе хвалу воздать я не сумею,
Но не могу бесстрастно промолчать.
Да! Перед Русью я благоговейю:
Она сынам умеет воздавать!

Тебе хвала, о Родина святая,
Тебе вся дань восторженных похвал:
Ты увенчать сумела, дорогая,
Того, кто славой сам тебя венчал.

И мы, душою все соединяясь,
С молитвою стоим пред алтарем.
Перед твоим величием склоняясь,
Мы о поэте молимся твоём...

И я мольбе святой в восторге внемлю:
Настал наш день — какое торжество!
Да, ныне въявь спустилося на землю
Святых небес святое Божество!

ФРИДРИХ БАРБАРОССА

Легенда

Средь гор лесистых замка своды
Стоят угрюмо над рекой.
Там прошуметь не смеют воды,
Все полно мрачной тишиной.

Там ланей быстрых и пугливых
Не бродят робкие стада.
Туда толпою шаловливой
Не ходят девы никогда.

Там пролететь орел не смеет,
Там соловей гнезда не вьет,
И все покой и сон лелеет,
И все к безмолвию зовет.

И все полно очарованья:
Безмолвны дикие леса
И словно дремлет в ожиданьи
Пустынной местности краса.

Двор камнем вымошен. Бесследно пролетели
Над замком шесть веков в ущельи мрачном гор,
Лишь травы дикие, пробившись сквозь щели,
Постлали на земле узорный свой ковер.

Подъемный спущен мост, и грозные бойницы
Из башен вековых нахмурившись глядят,
И филинов и сов печальные станицы,
Как изваяния, на гребнях их сидят.

Открыта в замок дверь. Высокие покои
Хранят могильную глухую тишину.
Повсюду царствует безмолвие немое
И тайну бережет заветную одну.

На стенах каменных мечи, стальные латы
Да звонкие рога, заброшены, висят.
На мраморном столе остался шлем крылатый
И кубки бранные, покинуты, стоят.

И тут же, в крепком сне на стол облокотяся,
В доспехах золотых могучий рыцарь спит,
А борода его по стенам обвилася
И, как кудрявый плющ, вдоль комнаты скользит.

Он непробудно спит и много лет не встанет,
В сон заколдованный надолго погружен.
Но грозный день придет, ужасный час настанет,
От векового сна освободится он.

Когда враги толпою жадной
К родному Рейну прибегут
И полны злобы беспощадной
Огню селенья предадут,

Когда под гнет ярма суровый
Падет родимая страна, —
Тогда, наполнен мощью новой,
Воспрянет Фридрих ото сна.

И, затрубивши в рог свой медный,
Один пойдет на смертный бой,
И грозно свистнет меч победный
Над перепуганной толпой.

За честь поруганной отчизны
Народ на битву поведет

И, справив гибельную тризну,
Ко славе вечной отойдет.

ОСТРОВ ОДИССЕЯ

Я видел остров. Здесь, в былые годы,
Жил Одиссей, великий царь-мудрец.
Средь радостной невянущей природы
Его прекрасный высился дворец
И пышный сад. На мраморные своды,
Где поражал красой своей резец,
Плющ упал. В саду росли мимозы,
Пел соловей и расцветали розы.

Но все прошло... Склонилися угрюмо
Обломки стен, обвитые плющом.
Меж них ручей стремится с грустным шумом,
Орел сидит на камне гробовом.
Печальные все порождает думы...
Где ж жизни блеск, где вечной славы гром?
О них ручей живые точит слезы,
Нет соловья и увядают розы.

ВЕЧЕРОМ

Стою под яблоней цветущей
Среди безмолвной тишины.
Закат потух... Уж тьмой грядущей
Долины тихие полны.
Волнистый пар в полях клубится,
Жуки вечерние жужжат...
Стою, задумавшись, — и мнится,
Вернулось прошлое назад.

Как быстро годы пролетели
С неудержимой быстротой...
Давно ль здесь дни мои летели
Такою пестрой чередой?
Давно ль все также в час заката
Я одиноко здесь гулял
И, сладкой грустию объятый,
Ночь благодатную встречал?..

Давно ли, лежа у опушки,
За дальним облаком глядя,
Я слушал грустный крик кукушки
И стон и грохот (рочот? — М. Э.) соловья?..

Печальный зов совы унылой,
Рыдая, неся из лесов,
И странно тишину будила
Песнь запоздалых рыбаков.

И может быть, промчатся годы,
Мой прах в холодный гроб сойдет,
И уж другой певец природы
Сюда мечтать и петь придет.
И здесь вечернею порою
Припомнит прежние года
И путеводною звездой
Ему блеснет моя звезда...

МАЙСКИЙ ВЕЧЕР

Лежу в густой траве, усеянной цветами.
Закат горит огнем. Лесистыми горами
Долина тихая, как рамкой, стеснена.
Какой покой кругом, какая тишина!
Не тронется листок. Томительно и страстно
Рокочут соловьи... Кругом все так прекрасно:
Овраги и кусты росистые полны
Прохладой, свежестью и трепетом весны.

Заря едва горит... Над дремлющей горою
Столетние дубы, не шевеля листвою,
Как старцы важные, недвижимо стоят
И кротко с вышины на бренный мир глядят.
А соловьи журчат и стонут, замирая,
И грезы ясные на душу навевая...

Чу — выстрел раздался внезапно под горой.
Ударом громовым промчавшись за рекой,
Далеким ропотом замолкнул звук могучий.
Голубоватый дым повис прозрачной тучей,
Замолкли соловьи... Лишь далеко с полей
Донесся трубный клик пролетных журавлей
Да вспугнутый орел, едва взмахнув крылами,
Снялся и, покружив над древними дубами,
Спустился на гнездо. И снова тишина,
И снова соловьи рокочут — и, полна
Волшебной негою и прелестью свободы,
В сон погружается воскресшая природа.

ИОАНН ГРОЗНЫЙ

Окончен пир. За слободою
Погасла майская заря,

И все объято тишиною
В палатах Грозного царя.
Спокойно дремлет сад тенистый,
Широкий пруд заснул давно,
И только месяц серебристый
В резное смотрится окно.
Да соловей, не умолкая,
В саду рокошет и поет,
А звезды сыплются, мигая,
И месяц медленно плывет.

Лишь царь не спит. Тяжелой думой
Владыки сердце стеснено,
Лампады отблеском угрюмым
Его лицо озарено.
Орлиный нос, густые брови,
Тревожно сжатые уста...
Иль жаждет казней он и крови?
Иль ждет прощения Христа?..
Иль снова думы об измене,
О доле тягостной своей?..
Сильней в саду ложатся тени
И громче свищет соловей.
Царь встал. Он тихо в сад выходит.
Звеня узорчатым жезлом,
По каменным ступеням сходит,
Между дерев в раздумьи бродит
И долго думает... О чем?
Чтоб быть ему владыкой царства,
Судьей народу своему,
Сразить надменное боярство
И править Русью одному.
«Добра народу я желаю,
Его врагов уничтожаю,
Но кто видал — терзая их,
Как сердцем я скорблю о них.
Я человек, прости, о Боже,
Меня, злодея и раба.
Я слаб и немощен... За что же
На трон взвела меня судьба?..»

Так Грозный царь молился страстно,
Роняя слезы на песок.
А между тем каймою ясной
Уж озаряется восток.
Вот ветерок прошел, играя,
Чуть тронул сонные листы
И полетел, перебегая,
От пруда в сад, с кустов в кусты.
Листы черемухи цветущей
Царя порой, лаская, быют,

Лепечет ключ, в саду бегущий,
А соловьи поют, поют...
Певцы весны! сильнее пойте,
Пока не занялась заря,
И нежной песней успокойте
Тревогу Грозного царя.

В ДОРОГЕ

Мелькают ласточки, несутся облака,
И рожь шумит, как золотое море...
Родная Русь! О, как ты велика,
Как хорошо мне на родном просторе...

Твоих степей спокойная краса,
Твоих полей безбрежное раздолье,
Селения, дороги и леса —
Родимое, великое приволье!

Отрадно здесь на воле дышит грудь
И на душе спокойней и свежее...
Ведут коней... Пора в далекий путь.
Туда, в простор умчимся поскорее!

* * *

Вечна́, поэзия, вечна́,
Вечна́ как мир на тверди млечной,
Как он, гармонии полна,
Неизмеримой, бесконечной.

Как в мире сердцу говорит
Его незримое начало,
Так в звуках лиры и кимвала
Она душе восторг дарит.

СОНЕТ

Порой бывает лезть и в клевете обидной,
Есть унижение и в пышных похвалах,
Есть правда горькая и в самой лжи бесстыдной,
И есть величие в темнице и цепях.

Что язвы бедности? Что страх, что униженье,
Когда ты на сердце лелеешь вдохновенье
И как орел царишь над низменной толпой?
Не бойся стать смешным, не бойся стать отсталым,

Страшися изменить священным идеалам,
Страшися изменить поэзии святой.

ТРИ ДАРА

Три дара я небесных знаю,
Лишь ими жизнь моя полна.
Без них мы гибнем, увядая,
Без них земная жизнь мрачна.
 В них жизни смысл и откровенье,
 Они венец даров Творца,
 И счастье, радость и мученье
 Для вдохновенного певца.
И первый дар небес — искусство.
Дар драгоценный, дар святой.
Он возвышает ум и чувство
На поле жизни трудовой.
 Другой великий дар — природа,
 Ее равнины и леса,
 Степей могучая свобода,
 Морей безбрежная краса.
Последний дар — то дар бесценный,
То вечно юная любовь.
Одною ей во всей вселенной
Согрето сердце, ум и кровь.
 Любовь, искусство и природа —
 Вот жизни нашей торжество:
 В них наслаждение, свобода,
 И чистый труд, и божество!

НА РОДИНЕ

Вот уж и снова я здесь на родимых местах.
Въявь вы сбылися, мои дорогие мечты.
Тихие слезы неволью сверкают в очах.
Родина, родина! Как драгоценна нам ты!
 Мы в жизни все забыть готовы,
 Все, все уносит бремя лет;
 Но видим родину — и снова
 На сердце счастье и свет.
Как жадно я сюда стремился,
Чтоб поскорее увидеть
Леса, где мальчиком резвился,
Луга, где так любил играть.
 И вот — сбылась мечта родная,
 Я прилетел опять сюда
 И пред тобою воскрешаю
 Давно прошедшие года.

Но как все здесь переменялось скоро,
Сколько домов пожары унесли!
Дом постарел, крапива у забора,
В саду давно дорожки заросли.

Но луг все тот. По-прежнему пестреют
В траве цветы. По-прежнему, струясь,
Журчит река, прошедшее лелеет,
С ним создает невидимую связь.

На запад солнце сходит постепенно,
Вот потемнел прозрачный небосклон
И, полон грез и думы вдохновенной,
Я выхожу в раздумьи на балкон...

Как ночь тиха! Луна сияет ярко,
Мильоны звезд трепещут и дрожат,
И ветви лип, сплетясь воздушной аркой,
Как бы замороженные молчат.

Чу! Перелив пастушеской свирели
Вдруг задрожал в спокойной тишине,
И сладостно звучат и льются трели,
А месяц спит в лазурной вышине.

Знакомый звук! Его в былые годы
Здесь на заре я слушать так любил,
И он воспоминаний хороводы
В душе моей мгновенно пробудил.

И сладкие в очах сияют слезы,
А на душе так мирно и тепло...
О, как чисты полуночные грезы,
Как в небесах приветно и светло!

II. АВТОБИОГРАФИЯ

Несмотря на обширные «Записки»,¹ публикуемая лапидарная автобиография Б. А. Садовского безусловно представляет интерес. Судя по содержанию и местонахождению (РО ИРЛИ, ф. 115, архив А. А. Измайлова, оп. 5, № 62), она датируется условно 1912 г. (переезд Б. А. Садовского из Москвы в Петербург по приглашению Е. А. Ляцкого заведовать отделом беллетристики «Современника») или 1913/1914 г. («Критик А. А. Измайлов для *первого знакомства* позвал меня обедать».)² «Теперь я был признанный писатель с безукоризненным именем. Все редакции передо мной открылись. Я зарабатывал много».³ Действительно, к этому времени «в активе» Б. А. Садовского были сборники стихотворений «Позднее утро» (СПб., 1909), «Пять-

¹ Российский архив. М., 1991. С. 108—183.

² Там же. С. 169, 176. Курсив мой. — М. Э.

³ Там же. С. 172.

десять лебедей» (СПб., 1913), рассказов («Узор чугунный». М., 1911), статей («Русская Камена». М., 1910). Они перечислены в автобиографии, написанной для выдающегося петербургского коллекционера Эрнеста Петровича Юргенсона (1891—до 1932, Таллинн) и датированной днем личного посещения: «Был у Эрнеста Петровича Юргенсона, любовался превосходным его собранием. Борис Садовской. 27 января. СПб».⁴

В силу явных несовпадений с публикуемым ниже текстом воспроизвожу данную автобиографию полностью.

Борис Александрович Садовской родился в г. Ардатове Нижегородск<ой> губ<ернии> 10 февраля 1881 года.

Воспитывался в Нижегородском Дворянском институте императора Александра II и в Нижегородской гимназии. Учился в Московском университете на классическом отделении историко-филологического факультета.

Первое стихотворение «Иоанн Грозный» напечатано 6 января 1901 г. в нижегородской газете «Волгарь».

Печатал стихи, рассказы, статьи и рецензии в журналах «Весы», «Золотое руно», «Русская мысль» и во многих других изданиях.

Отдельно изданы 2 сборника стихов «Позднее утро» и «Пятьдесят лебедей», сборник статей «Русская Камена» и рассказов «Узор чугунный».

27 января 1913 г.
СПб.

Борис Садовской.⁵

Трудно сказать, почему Борис Садовской решил «исповедаться» видному литературному критику, поэту, прозанку, обозревателю «Биржевых ведомостей» (1898—1916) Александру Алексеевичу Измайлову (1873—1921).⁶ Во всяком случае, публикуемая автобиография содержит неизвестный ранее штрих к неповторимому портрету Бориса Садовского.

Я родился 10 февраля 1881 года в уездном городе Ардатове, Нижегородской губ<ернии>. Отец мой, Александр Яковлевич, более 30 лет служил по Министерству Двора и Уделов, в настоящее же время состоит председателем Нижегородской Архивной Комиссии; как [*зачеркнуто*: археолог] любитель старины и нумизмат, он пользуется некоторой известностью среди археологов и архивоведов: ему принадлежат печатные труды, касающиеся Смутного времени в Нижегородском крае.¹ Со стороны матери я прихожусь внуком участнику походов 1812—14 г., И. И. Голову, долгое время служившему потом на Кавказе под начальством героя Ермолова.² Род наш — коренной нижегородский, но, хотя точные сведения о нем восходят до 1750 года, особо выдающихся людей в нем не было.³

⁴ Российская национальная библиотека, ф. 124, № 3824, л. 3. Здесь же — письма Б. А. Садовского к Э. П. Юргенсону от 23 января и 5 февраля 1913 г. по поводу фотографий для себя и в коллекцию. Далее: РНБ.

⁵ РНБ, ф. 124, № 388.

⁶ См. вступительную статью М. М. Павловой к публикации переписки с ним Ф. Сологуба и Ан. Н. Чеботаревской (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год. СПб., 1999. С. 194—199).

Никаких воспитательных систем родители мои ко мне не применяли, и с самого раннего детства я во всем бывал всегда предоставлен самому себе. Грамота мне далась легко. В детстве я много читал, безо всякого разбора: любимыми моими писателями тогда были гр<аф> А. Толстой,⁴ позже Пушкин и Лермонтов. Но книжные знания никогда не перевешивали во мне склонности к непосредственным прозам жизни.

До 11-ти лет я жил почти безвыездно в деревне и лишь осенью 1892 года поступил во II класс нижегородского Дворянского института императора Александра II-го; из VI-го класса этого заведения я перешел в нижегородскую гимназию, которую кончил в 1902 году. И там, и тут я единодушно был ненавидим товарищами и нелюбим начальством, за что платил им полной взаимностью.⁵

Высшее образование получено мною в Московском университете, где с 1902 по 1910 год я учился на историко-филологическом факультете, но курса не окончил. В университете я держался в стороне от кружков и сходок, избегая и поныне принимать участие в каких бы то ни было публичных выступлениях. Объясняется это тем, что вид собравшейся толпы еще со школьной поры действует на меня удручающе: мне все кажется, что меня хотят к чему-то принудить.⁶

Литературная деятельность моя началась рано. Первые опыты относятся еще к 1890 году, когда мне было всего 9 лет. С тех пор я писал стихи без перерыва и заслужил известность школьного стихотворца, изрядно повредившую моим учебным успехам.⁷ В 1900 г. я был представлен великому князю Константину Константиновичу, посетившему Нижний Новгород, и рукопись моих стихов удостоилась внимания со стороны августейшего поэта; в особенности отраднo было мне это потому, что поэтическим восприемником [*зачеркнуто*: его императорского высочества был] великого князя являлся уже тогда обожаемый мною Фет.

В печати впервые я выступил 6 января 1901 г. в нижегородской газете «Волгарь» со стихотворением «Иоанн Грозный». Однако действительным началом моего литературного крещения следует считать 1904 год,⁸ когда по предложению В. Я. Брюсова я начал помещать критические заметки в московском ежемесячном <журнале> «Весы», оставшись близким сотрудником журнала до его закрытия в 1909 году. «Весам» и их строгой школе я многим обязан и время это считаю лучшей порою моей литературной юности.

Общее мое развитие протекало всегда, можно сказать, *sub specie aeternitatis*,⁹ ибо по природе оставаясь равнодушным к настоящему и не любопытствуя о будущем, я все свои помыслы направлял в прошедшее. Оттого умершие люди и сейчас для меня несравненно нужнее и интереснее живущих.

Борис Садовской.

¹ См.: Памяти Александра Яковлевича Садовского (1850—1926). Н. Новгород, 1928. 52 с., портр.

² Об Иване Ивановиче Голове (1796—1869) и его службе под началом Алексея Петровича Ермолова (1777—1861) см. в «Записках» Б. Садовского (Российский архив. М., 1991. Т. 1. С. 109—110).

³ Там же. С. 108—109.

⁴ Толстой Алексей Константинович (1817—1875) — поэт, исторический прозаик и драматург; в «Записках» не фигурирует.

⁵ Ср. преамбулу к публикации «Стихотворений».

⁶ Ср. «Записки». С. 158—169.

⁷ Ср. преамбулу к «Стихотворениям».

⁸ В действительности в течение 1901—весны 1902 г. Б. А. Садовский много печатался в газете «Волгарь» (только стихи). Сборник «Позднее утро» содержит стихи 1904—1908 гг.

⁹ С точки зрения вечности (*лат.*); выражение великого нидерландского философа Баруха Спинозы (1632—1677), употребленное в «Этике».

«ПУТЬ, УКАЗАННЫЙ НАМ ХРИСТОМ, ЕСТЬ ПУТЬ ЛЮБВИ, А НЕ ЗЛОБЫ...»

(Письма афонского монаха об отлучении Л. Н. Толстого от Церкви)

Публикация А. К. Михайловой и Л. К. Хитрово

В воскресенье 25 февраля (10 марта по н. с.) 1901 г. во всех русских газетах появилось Определение Святейшего Синода о графе Льве Толстом от 20—22 февраля. В нем говорилось: «В своих сочинениях и письмах, во множестве рассеиваемых им и его учениками по всему свету, в особенности же в пределах дорогого Отечества нашего, он проповедует, с ревностью фанатика, ниспровержение всех догматов Православной Церкви и самой сущности веры христианской <...> Все сие проповедует граф Лев Толстой непрерывно, словом и писанием, к соблазну и ужасу всего православного мира, и тем не прикровенно, но явно пред всеми, сознательно и намеренно отторг себя сам от всякого общения с Церковью Православною. Бывшие же к его вразумлению попытки не увенчались успехом. Посему Церковь не считает его своим членом и не может считать, доколе он не раскается и не восстановит своего общения с нею».¹ Большинство современников было уверено в том, что определение было составлено обер-прокурором Синода К. П. Победоносцевым и отредактировано митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским Антонием (Вадковским). Оно преследовало цель дискредитировать Толстого перед обществом и тем самым ослабить его влияние. Но следует отметить, что Ф. А. Степун в 1922 г. высказывал другую точку зрения на роль Победоносцева в отлучении Толстого от Церкви: Победоносцев «был противником этой меры, боясь, что она повысит нравственный авторитет Толстого, усилит отрицательное отношение общества к Синоду и затруднит Толстому возвращение в Церковь, если бы он к старости, перед смертью, почувствовал потребность в нем».²

О необходимости церковного отлучения писателя неоднократно говорил и писал настоятель Андреевского собора в Кронштадте протоиерей Иоанн Сергиев. Подлинными духовными учителями общества он признавал только священнослужителей. «Писатели мира сего, не сведущие нимало в вещах Божественных, — придите с доверием и научитесь у нас, духовных учителей: и мы научим вас», — призывал о. Иоанн

¹ Миссионерское обозрение. 1901. № 3. С. 296.

² *Степун Ф. А.* Религиозная трагедия Льва Толстого (1922) // Л. Н. Толстой: pro et contra. Личность и творчество Льва Толстого в оценке русских мыслителей и исследователей. СПб., 2000. С. 468.

Кронштадтский. В резком и эмоциональном тоне он говорил о Толстом: «О, Христе Боже! Доколе Лев Толстой будет ругаться над Тобою и Церковью Твоею? Доколе будет соблазнять Россию и Европу? Опять он пишет хулы на Церковь и служителей ее, опять клеветает на нас всему миру! Покажи, наконец, Владыко, всеми миру адскую злобу его! Буди! Им увлечено в прелесть и пагубу полсвета! — О, предтеча антихриста!»³

Первоначально Л. Н. Толстой отнесся к своему «странному отлучению от Церкви»⁴ внешне спокойно. Как рассказывала С. А. Толстая В. В. Розанову, он в тот день «выходил на свою обыкновенную прогулку, когда принесли с почты письма и газеты. Их клали на столик в прихожей. Толстой, разорвав бандероль, в первой же газете прочел о постановлении Синода, отлучавшем его от Церкви. Надел, прочитав, шапку — и пошел на прогулку. Впечатления никакого не было».⁵

Сама же Софья Андреевна, крайне встревоженная Определением Синода, обратилась с письмом к Победоносцеву и к митрополитам, подписавшим решение об отлучении. В своем письме, напечатанном 24 марта 1901 г. в прибавлении к № 17 неофициальной части «Церковных ведомостей», С. А. Толстая писала: «...Горестному негодованию моему нет пределов. И не с точки зрения того, что от этой бумаги погибнет духовно мой муж: это не дело людей, а дело Божье. Жизнь души человеческой с религиозной точки зрения никому, кроме Бога, не ведома и, к счастью, не подвластна. Но с точки зрения той Церкви, к которой я принадлежу и от которой никогда не отступлю, которая создана Христом для благословения именем Божиим всех значительнейших моментов человеческой жизни <...>, которая громко должна провозглашать закон любви, всепрощения, любовь к врагам, к ненавидящим нас, молиться за всех — с этой точки зрения для меня непостижимо распоряжение Синода. Оно вызовет не сочувствие (разве только «Московских ведомостей»), а негодование в людях и большую любовь и сочувствие Льву Николаевичу».⁶

С. А. Толстая предугадала реакцию общества на Определение Синода. В поддержку Льва Николаевича со всех концов России и из-за рубежа в Ясную Поляну и в его московский дом в Хамовническом переулке в течение нескольких месяцев поступали многочисленные письма, телеграммы, адреса, приходили депутации с цветами и приветствиями. Писали рабочие, крестьяне, политические эмигранты, иностранцы, священники. 18 марта 1901 г. Толстой получил извещение об избрании его почетным членом Гейдельбергского литературного общества (Heidelberg Literary Society, штат Огайо, США).

В Петербурге, по свидетельству современников, в защиту писателя проходили уличные демонстрации и акции протеста в залах Музея императора Александра III

³ Цит. по изд.: Из дневника о. Иоанна Кронштадтского: в обличение душепагубного еретичества Льва Толстого // Духовная трагедия Льва Толстого. М., 1995. С. 115, 116. О протоиерее И. И. Сергиеве см.: Чапцев А. В. Иоанн Кронштадтский // Русские писатели. 1800—1917: Биограф. словарь. М., 1992. Т. 2. С. 420; Бычков С. Русская Церковь и императорская власть (Очерки по истории Православной Российской Церкви 1900—1917 годов). М., 1998. Т. 1. С. 151—168 (глава «Святой Иоанн Кронштадтский и его социальная деятельность»); Святой Иоанн Кронштадтский в воспоминаниях современников / Сост., предисл. и коммент. С. Л. Фирсова. СПб.; М., 2003.

⁴ Запись в «Дневнике» от 19 марта 1901 г.: Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1935. Т. 54. С. 90.

⁵ Розанов В. В. Л. Н. Толстой и Русская Церковь // Л. Н. Толстой: pro et contra. Личность и творчество Льва Толстого в оценке русских мыслителей и исследователей. СПб., 2000. С. 423.

⁶ Цит. по изд.: Толстая С. А. Дневники: В 2 т. М., 1978. Т. 2. С. 483.

(ныне Русский музей). Экспонировавшуюся там на 29-й выставке Товарищества передвижников новую картину И. Е. Репина «Толстой на молитве» посетители украшали цветами. А 25 марта 1901 г. один студент произнес речь в честь писателя, встреченную возгласами: «Ура Льву Николаевичу!» Присутствовавшие послали Толстому приветственную телеграмму. В результате картину с выставки сняли.⁷

Как пагубный для всех верующих шаг расценил решение Синода В. В. Розанов. Выступая в 1902 г. на третьем заседании Религиозно-философских собраний, посвященном теме «Лев Толстой и Русская Церковь», он сказал: «Толстой, при полной наличности ужасных и преступных его заблуждений, ошибок и дерзких слов, есть огромное религиозное явление, может быть — величайший феномен религиозной русской истории за 19-й век, хотя и искаженный. Но дуб, криво выросший, есть дуб, и не его судить механически-формальному учреждению, которое никак не выросло, а сделано человеческими руками (Петр Великий с серией последующих распоряжений). Посему Синод явно не умеет подойти к данной теме, долго остерегался подойти; и сделал, может быть, роковой для русского религиозного сознания шаг — подойдя. Акт этот потряс веру русскую более, чем учение Толстого».⁸

«Роковое» решение пастырей Православной Церкви внесло разлад и в духовную жизнь монашеской братии. Из отдаленного от родины Афона в пределах тогдашней Турции (ныне Греция) схимонах Русского Пантелеимоновского монастыря Ксенофонт сообщал в одном из своих писем к родной сестре Варваре Александровне Голицыной, урожденной Вяземской: «Я имею точные сведения о всем, касающемся этого дела, ибо у нас многие получают непосредственные известия из Синода, всех этот вопрос страшно интересует, и везде монастыри делятся на два лагеря: на злобствующих и ненавидящих Толстого (коих большинство) и на соболезнующих и ужасающихся этой возникшей в России борьбе» (см. письмо 7).

В Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН сохранилось 40 писем (архивный шифр писем — Р. I, оп. 4, № 180) схимонаха Ксенофонта за 1900—1901 гг. Они адресованы В. А. Голицыной, проживавшей в то время с семьей в Тамбове. В 1952 г. по инициативе Главного хранителя Рукописного отдела М. И. Маловой письма были переданы внучкой В. А. Голицыной Еленой Александровной Голицыной, в замужестве Логиновой, в Пушкинский Дом и до сих пор не публиковались. Вероятнее всего, интерес М. И. Маловой к этим материалам был вызван тем, что родной дядя Б. Л. Модзалевского — основателя Пушкинского Дома и известного пушкиниста — Александр Николаевич Модзалевский (1849 — после 1911) в 1886 г. постригся на Афоне с именем Анастасий.⁹

Письма о. Ксенофонта к сестре носят не только семейный характер, так как Варвару Александровну живо интересовали вопросы духовной и церковной жизни. Поэтому в них отразились особенности внутренней жизни, быта, устроения и взаимоотношений в Русском Пантелеимоновском монастыре на Афоне в начале 1900-х годов. Но, помимо этой несомненной историко-культурной ценности, они представляют интерес еще и потому, что в них афонский монах, споря с сестрой о религиозных взглядах Толстого и личности знаменитого о. Иоанна Кронштадтского, пыгается

⁷ Один из эскизов к картине И. Е. Репина «Толстой на молитве» находится в Литературном музее Пушкинского Дома и экспонируется в Толстовском зале.

⁸ *Розанов В. В.* Об отлучении гр. Л. Толстого от Церкви // Л. Н. Толстой: pro et contra... С. 423—424. Курсив В. В. Розанова.

⁹ См.: Письма А. Н. Модзалевского к Б. Л. Модзалевскому / Публ. Т. Г. Ивановой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1996 год: Борис Львович Модзалевский. Материалы к научной биографии. СПб., 2001. С. 457—478.

заступиться за отлученного от Церкви Л. Н. Толстого и обращает внимание на многие допущенные в Определении Святейшего Синода несоответствия церковным канонам.

До принятия монашеского пострига князь Константин Александрович Вяземский (1852—1904) был известным путешественником, членом Русского географического общества, автором путевых записок «Путешествие вокруг Азии верхом».

Константин Александрович родился в Москве в состоятельной дворянской семье. После окончания Пажеского корпуса, самого аристократического учебно-воспитательного заведения России, молодой князь не стал заниматься военной карьерой. По собственному признанию, он был далек от того круга людей, «кто гонится за чинами, кто стремится к наживе». Его увлекали нравственно-философские проблемы, и, испытывая интерес к жизненному укладу, к обычаям и верованиям разных стран и народов, он первые 16 лет самостоятельной жизни проводит в странствиях по России и зарубежным странам. За эти годы он преодолевает 380 тысяч километров и совершает как длительные, так и небольшие путешествия. Передвигаясь верхом и на перекладных, он стремился изучить «земной шар в его разных частях со всеми особенностями» и прежде всего познать «истинную жизнь народов», не извращенную «наносной цивилизацией».¹⁰

Во время своего первого большого путешествия, которое длилось с 13 сентября 1883 по июнь 1884 г., К. А. Вяземский вместе с женой объехал Малую Азию, Сирию, Палестину, Синайскую пустыню, Египет, Судан, Месопотамию, Курдистан, Армению и Кавказ.

Во втором почти двухлетнем странствии по Азии он находился с июля 1891 по декабрь 1893 г. и преодолел 43 тысячи километров. За это время князь пересек Сибирь до Байкала, затем через Монголию верхом на лошади добрался до Пекина. В Китае его серьезно ранили местные фанатики. По Камбодже он передвигался на повозке, запряженной буйволами, по Индии на слоне, по Гималаям на яке. В Туркестане ему пришлось провести две недели в плену у разбойников, освободили его казаки. Через Персию Вяземский добрался до Кавказа и вернулся в Москву.

Творческим итогом шестнадцатилетних странствий князя стали уже упомянутые очерки «Путешествие вокруг Азии верхом», которые публиковались в 1894 г. в московском журнале «Русское обозрение» и в парижской газете «Figaro». По своему жанру они относятся к паломнической литературе. В них дорожные наблюдения путешествия по Азии, основанные на дневниковых записях (рукопись хранится в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки: Ф. 178; далее: РГБ), автор соединил с историей своих нравственно-философских исканий.

В очерках князь, захваченный завораживающим действием дороги и ездой верхом на буйволах, слонах и пр., неспешно и подробно описывает путевые впечатления, знакомства, увиденные ландшафты, города, селения, памятники, местное население, его нравы, обычаи и религии. И при этом первоначально Константин Александрович расценивает свое путешествие как чрезвычайно удачное: «Путешествие мое удалось сверх всякого ожидания; я посетил все части Азии, объехал весь этот континент землей, как и намеревался, повидал почти всех азиатских царей. Ознакомился с большинством азиатских исторических памятников. Осмотрел все архитектурные стили тамошних племен и народов...»¹¹ Однако далее он с сожалением признает: «Если лишь этим путешествием ограничится моя деятельность, я должен буду с прискорбием сознаться, что прожил физический почти бесполезно».¹² Но на этом сюжетная линия очерков, связан-

¹⁰ Вяземский К. А. Путешествие вокруг Азии верхом // Русское обозрение. 1894. № 9. С. 317.

¹¹ Там же. С. 321.

¹² Там же. С. 326.

ная с мучительными для молодого человека поисками истины, обрывается. Прерывается и остается незавершенной и журнальная публикация очерков Вяземского. Интерес его к собственному творчеству явно утрачивается.

Так в самих очерках и в истории их выхода в свет отразился тот духовный кризис, который Вяземский переживал в конце 1880-х—начале 1890-х годов.

В этот период религиозно-нравственных исканий и осознания нового понимания смысла жизни Константин Александрович испытывал влияние философских воззрений Л. Н. Толстого и проповеднической деятельности афонского архимандрита Макария. Со Львом Николаевичем князь был связан знакомством и дружеской перепиской. Он дважды бывал в Ясной Поляне. Его первая встреча с писателем состоялась 11 июля 1890 г., вторая — годом позже, 27 июня 1891 г. Эти поездки и личные беседы с писателем надолго запомнились Вяземскому, и под обаянием личности Толстого он находился все последующие годы. Он писал сестре, что не может поверить, чтобы этот замечательный, так любящий людей человек был антихристом (см. письмо 11).

Центральной темой переписки Толстого и Вяземского (часть писем не сохранилась) было обсуждение религиозно-нравственных вопросов. Так, в письме от 8 августа 1890 г. писатель изложил Вяземскому свое понимание чувства любви к Христу и к ближнему: «Я не говорю о том, что можно или нельзя, должно или не должно любить Христа; я говорю, что я этого чувства не знаю и не понимаю. Говорил же я про это, потому что часто встречал людей, профессирующих фальшивую любовь к Христу; а фальшивое мне всё очень противно, особенно когда оно касается самых важных и дорогих предметов. Я знаю только две любви: любовь к Богу и к живому ближнему. А Христос не Бог и не живой человек. И этому, т. е. любви к Богу и ближнему, научил меня Христос, за что я ему очень благодарен...» По мнению Толстого, мы «делаем себе кумира из Христа и потому, хотя и считаем Христа Богом, удаляемся совершенно от учения Христа и лишаем себя возможности следовать ему».¹³

К подобным «дерзновенным» религиозным толкованиям писателя Константин Александрович относился достаточно настороженно и имел о них «должное понятие». Толстой, считал князь, «в вопросах веры заблуждался, но жил по заповедям Христа». Однако в «вопросах нравственных» Вяземский «абсолютно» разделял мнения «всей душой любимого» Льва Николаевича. Он относил Толстого «к тем редким и драгоценным исключениям, кои способны распознать правду и кои всегда готовы искренно ее возвещать людям, не взирая ни на что».¹⁴

Возможно, что такое отношение князя к личности Толстого и к его нравственно-философским взглядам было вызвано тем, что он еще в годы учения в Петербурге пережил краткое, закончившееся полным разочарованием увлечение проповеднической деятельностью о. Иоанна Кронштадтского. Пользовавшийся среди народа небывалой славой этот чудотворец стал казаться ему неискренним и слишком театральным (см. письма 2 и 8).

В начале 1880-х годов, во время первого длительного путешествия, состоялось знакомство Вяземского с архимандритом Макарием, который вскоре становится его духовным отцом. В 1875—1889 гг. архимандрит Макарий был настоятелем Русского Пантелеимоновского монастыря на Афоне. И, как отмечает архимандрит Августин (Никитин), с обширной просветительско-издательской деятельностью о. Макария, распространением среди верующих миллионными тиражами листовок, брошюр и книг

¹³ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1953. Т. 65. С. 137.

¹⁴ Там же. М., 1935. Т. 54. С. 560.

религиозно-нравственного содержания связан один из блестящих периодов истории этой обители.¹⁵

В течение нескольких лет князь переписывался с о. Макарием. Но сохранилось только одно письмо Константина Александровича от 22 марта 1885 г. Поблагодарив своего духовного «досточтимого отца», который был «близок к Господу», но не забывал молиться и о нем, князь пишет: «На Страстной седмице я всегда вспоминаю дни, проведенные мною у Вас на Святой горе, где я, можно сказать, впервые научился молиться».¹⁶ Общение с архимандритом Макарием не только повлияло на духовное становление князя Вяземского, но и определило его личную судьбу. Еще в 1885 г. Константин Александрович считал, что для него «Святой Афон далек, и путь к нему труден».¹⁷ Но уже в начале 1890-х годов князь с благодатной помощью своего духовного отца определяет цель своей жизни как «стремление познать Божество и направить свои умственные способности на уразумение силы Божией, Его благодати и премудрости».¹⁸

Через несколько лет после смерти старца, устав от мирской суеты и желая укрепиться в вере, Вяземский решает на поступление в монашество. В 1895 г. он принимает постриг с именем Киприана в Русском Пантелеимоновском монастыре, а позднее, в 1900 г., становится схимонахом Ксенофонтом.

Л. Н. Толстой одобрительно воспринял уход князя из мирской жизни. Он, несмотря на свое убеждение в том, что «церковное христианство есть величайший враг Христа, его учения и блага людей»,¹⁹ прислал схимонаху письмо. Об этом событии о. Ксенофонт писал сестре 8 (21) апреля 1901 г.: «Касательно Толстого, сообщу тебе, что, к моему великому удивлению, он мое поступление в монашество одобрил и выразился так: „Хотя я совсем не знаю, что за жизнь на Афоне, но верю, что человеку, уставшему от суеты мирской, пустыня может казаться привлекательной, и решимость ваша мне нравится, в России я еще никогда не видал истинных монахов, все носящие здесь рясы либо лицемеры, либо дураки, но, может быть, на отдаленном Афоне есть и искренние отшельники, живущие созерцательной жизнью и стремящиеся к добру“» (отрывок этого письма Толстого публикуется впервые. Полный текст письма не сохранился. Сведения о нем в других источниках отсутствуют).

Не только по вопросам нравственного, но и по проблемам практического характера о. Ксенофонт искал поддержки у Толстого. Не находя достаточного взаимопонимания у «добросердечных» афонских старцев, опираясь на помощь Льва Николаевича, писал ему 12 (21) февраля 1901 г.: «Я Вас так настойтельно спрашиваю, что мне делать? Не в теоретическом смысле, а в практическом, всеми силами души желаю служить человечеству и не вижу, как осуществить это желание».²⁰ Но ответного письма на Афон не последовало.

¹⁵ См.: *Августин, архимандрит (Никитин)*. Афон и Русская Православная Церковь (Обзор церковно-литературных связей) // Богословские труды. М., 1977. Сб. 33. С. 99–100.

¹⁶ Цит. по копии письма: РО ИРЛИ, Р. I, оп. 4, № 20б, л. 1–2. В РГБ хранятся подлинник письма и фотопортреты К. А. Вяземского: иеромонаха Киприана — 1895 г., схимонаха Ксенофонта — 1904 г. Они были получены в 1966 г. от настоятеля Пантелеимоновского монастыря архимандрита Илиана.

¹⁷ Там же, л. 4.

¹⁸ См. письмо от 2 (15) июня 1901 г.: РО ИРЛИ, Р. I, оп. 4, № 180, л. 1 об.; не публикуется.

¹⁹ *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1954. Т. 73. С. 24.

²⁰ Там же. М., 1935. Т. 54. С. 560.

Кампания по отлучению Толстого от Церкви расшатала здоровье писателя, обострила болезни, которые держали его «в продолжение почти полугода на краю смерти».²¹ С сентября 1901 по июнь 1902 г. Толстой был вынужден лечиться в Гаспре, в Крыму. После решения Синода в состоянии душевной подавленности и физического нездоровья пребывал и схимонах Ксенофонт. У него обнаружился рак желудка. Около месяца, с 1 (13) сентября 1901 г., он находился в больнице при греческом Ватопедском монастыре, где врачи пытались справиться с его недугами, но смогли «только <...> протянуть болезнь». Смерть настигла афонского монаха внезапно. Согласно сведениям, поступившим от архимандрита Илиана, он умер 4 (17) июля 1904 г. от разрыва сердца. В Полном собрании сочинений Л. Н. Толстого в 90 томах (Юбилейное) неверно указан 1903 г.²²

Письма о Ксенофонте последнего времени дополнительно подтверждают мысль В. В. Розанова об отлучении писателя как о пагубном шаге пастырей Церкви, который «потряс веру русскую более, чем учение Толстого». Так, 24 мая (6 июня) 1901 г. схимонах Ксенофонт с чувством особой душевной скорби сокрушался, что не умер раньше этого позора Российской Церкви (см. письмо 2).

Публикуются наиболее значимые фрагменты 13-ти писем схимонаха Ксенофонта (Вяземского) 1901 г., основное содержание которых связано с отлучением Л. Н. Толстого от Церкви. Орфография и пунктуация писем приведены в соответствие с современными нормами.

1

1 (14) мая 1901 г. Афон

<...> Вот монахи у нас толкуют о Толстом и в своей наивности зовут его безбожником — о *sancta simplicitas!*^a Можно сказать, мало кто о нем имеет надлежащее понятие. У нас люди никак не могут сообразить, что можно во многом заблуждаться и все-таки быть очень добрым, честным и прекрасным Христианином.

Мне часто толкуют: вот, Толстой то-то и то-то изъясняет несогласно с<о> Св. Писанием, значит, он антихрист. И не понимают эти люди, что ведь только один Бог ни в чем не заблуждался никогда, ибо Он всеведущ, а человеку свойственны сомнения; не заблуждаются лишь те, кои никогда не мыслят, но похвально ли это? Я думаю, нет, ум есть дар Божий, и если Господь его дал нам, то, очевидно, чтобы мы им пользовались; но так как тайны Божии от нас сокрыты, то ясно, что этот ум, несмотря на свою силу и стремление, все-таки будет время от времени нас вовлекать в заблуждения, перед этим надо смиряться, уж тут ничего не поделаешь. Впрочем, лучше в вопросах веры заблуждаться, но жить по заповедям Христа, чем все догматы отчетливо знать наизусть, а жить по своим страстям и прихотям. <...>

Теперь о Синоде и Толстом: во-первых, ты ошибаешься, думая, что я о Толстом жалею, с ним ничего не случилось, зная его лично, я убежден, что он только посмеивается на синодальное отлучение.

²¹ Там же. М., 1954. Т. 73. С. 260.

²² Там же. М., 1935. Т. 54. С. 560.

^a святая простота (*лат.*).

Во-вторых, ты судишь довольно поверхностно поступок Синода, он есть ни что иное, как превышение власти, а следовательно, и незаконен. Богословы право отлучения силятся вывести из слов Христа: что отпустите, то отпустится, что свяжете, то свяжется,¹ но, во-первых, это сказано лишь апостолам и нет свидетельства, чтоб оно могло передаваться по преемству, вообще, не должно забывать, что по преемству благодать переходит лишь к достойным по слову Христа: «если приявшие ваше благословение окажутся недостойными, то благословение ваше к вам возвратится»,² стало быть, на недостойных не пребудет; во-вторых, апостол Павел нам ясно определил смысл отлучения и право на него, сказав: не сужу вне Церкви стоящих, а в Церкви сущих за дела их.³ Стало быть, из лона Церкви могут исключаться (находящиеся в ней) за возмутительные поступки, но никак не за мысли. Толстой сам себя всегда объявлял не принадлежащим к Православной Церкви, значит, она на него прав и не имеет, как не имеет их ни на сектантов, ни на лютеран, ни на католиков. Кроме того, предосудительных поступков за Толстым нет, иначе его бы судил гражданский закон, а есть только превратные мнения, их можно не разделять, но проклинать за них бессмысленно. В Средние века страшно злоупотребляли отлучениями, и из этого выходило много соблазнов; еще недавно из-за экономических соображений Царьградская Патриархия отлучила от Церкви болгар, наложив на них схизму, это породило великий раскол в Православии.⁴ Российский Синод имел тогда благоразумие не признать это отлучение, а теперь из-за личных злоб и раздражения отлучает человека, пред которым преклоняется весь интеллигентный мир!

Но рассмотрим, что есть, собственно, Синод. Он учрежден Петром I-м в замену патриарха для заведования церковными делами; он называет себя святейшим, почему? Един свят, един Господь; к лику святых причисляют угодников Божиих, когда их мощи прославляются чудесами. Чем прославились члены Синода, чтобы назваться святейшими? Признавая, что люди они благочестивые, достойные и пр<очее>, все-таки нельзя не сознаться, что, называясь святейшими, они превозносятся и тем самым уподобляются фариисею, хвалившемуся пред Богом. Дело Синода блюсти за Церковью, то есть наблюдать, чтобы духовенство вело себя пристойно, согласно с установленным на вселенских соборах, и воздерживалось бы от злоупотреблений; клясть и поносить людей за то, что они мыслят иначе, чем прочие, не входит в круг деятельности Синода; Синод лишь может увещевать. Если хотят осудить и заклеить религиозные толкования Толстого, должны собрать собор и притом выслушать его объяснения, а не заочно решать, как Римские папы. Впрочем, кто не знает, что здесь играют роль личные страсти, оскорбленное самолюбие. Толстой — обличитель, ловко подмечивает темные стороны святейших и колко их осмеивает, вот за это-то его и ненавидят, а это дурно! В сущности, Толстой глумится вовсе не над таинствами и не над Православием, а над тупым и плоским пониманием этих таинств, над предпочтением людей к букве закона в ущерб вере. Но при этом опять добавлю: несомненно, Толстой во многом заблуждается, но ведь един Бог без греха. Клясть и ругать человека все-таки дурно и не по-христиански. Своим объявлением

Синод уронил себя во мнении всех мыслящих людей, а я об этом соболезнаю. Я бы хотел почитать, уважать пастырей нашей Русской Церкви, а к ужасу своему вижу, что их ни почитать, ни уважать нельзя, ибо поддаются своим дурным страстям без разумения. Да вразумит их Господь, конечно, они тут поддались чуждому влиянию и по малодушию подчинились <...>

¹ «Аминь (бо) глаголю вам: елика аще свяжете на земли, будут связана на небеси: и елика аще разрешите на земли, будут разрешена на небесех» («Истинно говорю вам: что вы свяжете на земле, то будет связано на небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе») (Мф 18, 18).

² «Входяще же в дом, целуйте его, глаголюще: мир дому сему: и аще убо будет дом достоин, придет мир ваш нань: аще же не будет достоин, мир ваш к вам возвратится» («А входя в дом, приветствуйте его, говоря: „мир дому сему“: И если дом будет достоин, то мир ваш придет на него; если же не будет достоин, то мир ваш к вам возвратится») (Мф 10, 12—13).

³ «Что бо ми и внешних судити, не внутренних ли вы судите; Внешних же Бог судит: и измените злаго от вас самих» («Ибо что мне судить и внешних? Не внутренних ли вы судите? Внешних же судит Бог. Итак, извергните развращенного из среды вас») (1 Кор 5, 12—13).

⁴ О экономических причинах греко-болгарской схизмы писал Ф. Курганов: греческие «епископы совершали страшные насилия в своих епархиях. Ежегодная подать в патриаршую казну и им самим в разных епархиях была различна, смотря по богатству епархий. Епископы собирали ее обыкновенно за три года вперед. Сбор производился ими в сопровождении пышной свиты, человек в 30, и отряда жандармов, тоже в 30 человек. Нашествие этих гостей в полном смысле было нашествием шайки хищников или стаи саранчи, истребляющей все, что только попадается ей на пути. Крестьяне трепегали этого хищнического нашествия своего духовного пастыря и непременно разбежались бы, если бы оно совершалось не зимой. У несостоятельных плательщиков епископ отбирал рабочий скот и вообще все, что только имело цену; если же у кого ничего не было, таковых ввергали в тюрьмы, устроенные в Болгарии в речных берегах, куда искусственным образом была проведена вода из протекающей реки. Вода эта пускалась в тюрьмы, где заключены были бедные узники, и таким образом в мрачной, холодной, мокрой и тесной тюрьме морили их три дня голодом и выпытывали деньги. От такой пытки одни из них умирали в тюрьме, другие же выходили с явными признаками смерти. В местах же, где тюрьмы были лучше, несостоятельных должников ввергали в них на несколько месяцев. Кроме сбора ординарной ежегодной подати, епископы производили еще множество других поборов; каждый обряд церковный и каждое таинство совершалось не иначе как на вес золота» (Курганов Ф. Исторический очерк греко-болгарской распри // Православный собеседник. Казань, 1873. Ч. 1. С. 54—55).

Естественно, что болгарское население начинает требовать положить конец этому бесчинству греческих владык и рукополагать своих архиереев. Ф. Курганов отмечает, что болгары «начали теперь критически относиться к поведению иерархии, к ее различным <...> поборам, к разным целевым обрядам, введенным ею с целью увеличения своих доходов, спрашивали, отчего нет этого в других православных странах, — и приходили к тому заключению, что все бросающиеся в глаза беспорядки в церковном строе зависят от господства над болгарам корыстолюбивой греческой иерархии, что положение дел не может улучшиться, если болгары не приобретут своих *пародных* архиереев, более просвещенных, чем хитрые фанариоты, и что вообще учреждение туземного клира необходимо. Находились смельчаки, которые заговаривали о восстановлении независимости Болгарской Церкви, о поставлении себе особого самостоятельного патриарха...» (Там же. С. 77—78). Требование назначения болгарских архиереев и священнослужителей и проведения богослужений на славянском, а не на греческом языке явилось началом греко-болгарской распри.

16 (29) мая 1901 г. Афон

<...> Вчера имел скорбь прочесть бранную речь Ивана Кронштадтского против Толстого.¹ Меня печалит в ней главное — то, как может пастырь Христовой Церкви так ругательски ругаться, и еще такой, коего в России почитают за праведника, за чудотворца; мне совестно становится за этого человека, которого хотелось бы уважать, к чему он себя так роняет, ведь все мыслящие люди, прочитав его ругань, его же осудят. Боже! Боже! для чего и для кого он пишет? И к чему такая *веронетерпимость*? Как мы далеки от апостольских времен! Бывало, святые терпели хуления, поношения, гонения и мучения; а теперь сами святые хулят, поносят и ругаются площадному, — о, ужас! о, позор! Да, трудно не поколебаться в вере теперь, когда от пастырей Церкви вместо поддержки видишь один соблазн! Иван Кронштадтский последователей Толстого прямо зовет свиньями. Неужели злоба и зависть так охватили души наших современных фарисеев, что уж они позабыли всякую пристойность <...>

¹ Имеется в виду проповедь о. Иоанна Кронштадтского «Отношение интеллигенции к духовной жизни. Слово в день тезоименитства благочестивейшей государыни императрицы Александры Федоровны» (1901). См.: *Сергиев И. И. (Кронштадтский), протоиерей. Против графа Л. Н. Толстого, других еретиков и сектантов нашего времени и раскольников.* СПб., 1902. С. 42—45. Впоследствии, после кончины знаменитого старца, В. В. Розанов так объяснял его явно антилиберальные выступления: «Часть негодования, которое стало возбуждать в последние годы его имя, произошло оттого, что он вмещал свое *мнение* в ход исторических и культурных событий, про которые можно сказать, что Иоанн Кронштадтский *никак к ним не относился*, не был с ними *нисколько и никак связан*, а потому и мнение о них мог иметь и имел только наивное и младенческое. Без сомнения, не он сам, но другие побудили его сказать свое мнение о Льве Толстом, о конституционном нашем движении и проч., чтобы заручиться этим мнением, как некоторою *палкою*. По глубокому неведению всех этих дел, Иоанн Кронштадтский был здесь сам *связанный человек*, которого несли, куда хотели, и принесли в черный лагерь нашей реакции. <...> Ему указали „перстом“ на некоторые слова у Толстого и предложили „осудить“ его; он — осудил. Сообщили разрозненные факты из освободительного движения, и тоже предложили „осудить“, — он опять „осудил“. Осуждение это было *политически* нужно врагам Толстого и врагам русской свободы; нужно было именно „изречение фетиша“, и нужно для самых темных масс народа, где и сложилось почитание фетиша» (*Розанов В. В. Из воспоминаний и мыслей об Иоанне Кронштадтском // Розанов В. В. Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского.* М., 1996. С. 537—538 (Собр. соч. / Под ред. А. Н. Николоюкина). Курсив В. В. Розанова).

24 мая (6 июня) 1901 г. Афон

<...> Меня ужасно огорчает и возмущает все творящееся в России, вся эта необузданная ненависть и злоба на Толстого со стороны нашего духовенства и чиновничества. Так прискорбно, что люди, коих хотелось бы почитать, со свирепым остервенением реву на

Толстого, возводя на него самые несообразные клеветы. Конечно, это удел великих мыслителей и моралистов — быть поруганными толпой; но сердце сжимается, когда среди этой черствой толпы вдруг замечаешь человека, которого раньше знал и уважал, и который вдруг, теряя всякое благоразумие, поддается неистовым страстям. Посылаю тебе речь Ивана Кронштадтского, могущую служить образцом пустословия.¹ А жаль — этого иерея я, бывало, видал у дядохки нашего М<ихаила> Л<ьвовича>, такое у него было симпатичное лицо и ласковый разговор, так он хорошо служил и такие умные говорил поучения, положим, я никогда не верил в его чудотворения, но он мне казался набожным и благочестивым, и, Боже, что он теперь пишет... Прочти его глупую речь со вниманием, я для ясности на ней выставил цифры для заметок.

(1) К чему эти льстивые речи?! Кажется, в древности святые угодники не лестили земным владыкам, а если обращались с речью к царям и царицам, то для обличения их в суете и гордости.²

(2) Какие голословные обвинения; кого они обморочат?! Если это против Толстого, то ведь он признает и суд, и будущую жизнь, и воздаяние за грехи, и необходимость исправиться, жить по Евангелию.

(3) Если бы это было так, то грустная участь ждала бы Россию; юношество, все отрицающее, да еще поддерживаемое в этом интеллигенцией. Кто же помочь-то тогда может... Уж не безграмотные ли мужики наподобие Арсения, раскритиковавшего Фаррара.³

(4) Что он этим хочет сказать, это, кажется, выражение презрения науке и образованию.

(5) Боже! Какое колоссальное самомнение и превозношение! Какой был бы ужас, если бы в самом деле Бог дал всем этим нетерпимым и немилостивым людям затворять и отворять небо. Но, благодарение Божие, власть дана была таковая лишь апостолам и по преемству может передаваться лишь достойным, а не современным фарисеям.⁴

(6) Что это — зависть тщеславия или просто глупость?⁵

(7) Это уж не простой набор слов, это пахнет неистовым доносом, это как бы просьба заточить Толстого. Каков святой пастырь Церкви — доносчиком является! Боже! Боже! До чего духовная гордость доводит!⁶

(8) Причем тут Матерь Божия? Какое неудачное сравнение, просто становится стыдно за отца Ивана.⁷

(9) Но ведь Толстой именно во всех своих сочинениях и указывает, что люди уклонились от учения Христа, и советует им одуматься и исправиться. Если Иван Кронштадтский того же мнения, за что же он Толстого ругает? Духовенству вообще следовало бы не возмущаться обличениями Толстого, а смирением и кротостью подавать пример прочим; если отец Иван сознает, что мир лежит во зле и растлевается страстями, зачем же сам-то предается страсти гнева и столь яростно порицает Толстого с его последователями?⁸

(10) Опять превозношение! Кротции наследят землю,⁹ а не строптивные, не ругатели, им даны обетования.¹⁰

(11) Обновимся, да, я согласен, но прежде обновись сам ты, проповедник, откинь злобу свою на Толстого и пойми, что ведь он тоже

человек, и ему свойственно ошибаться, но и он всегда советовал людям исправиться и, более существенное, советовал им участвовать в таинствах и богослужениях, он советовал любить ближних, что сам Христос повелел. Не любя же ближних и кляня их, бесполезно и в таинствах участвовать и богослужения совершать!¹¹

Удручающее впечатление производит эта строптивая, гордая речь российского чудотворца, а ведь я его прежде почитал, считал благочестивым, считал христианином. Боже, как ужасно извратились понятия и суждения современных проповедников, их приводит в бешенство, что люди, очарованные гениальностью Толстого, возлагают венки на его портрет. Не черная ли это зависть? Неужто не знает Иван Кронштадтский, что вся Европа преклоняется перед Толстым? И это единственный русский, перед которым преклоняется Европа.

Напиши мне, пожалуйста, что ты обо всем этом думаешь? Меня очень интересуют твои мысли. Иногда я жалею, что не умер раньше этого позора Российской Церкви, этого срамного гонения на Толстого со стороны пастырей, коих хотелось бы почитать *mais qui divaguent comme des possédés*¹². Да простит им Господь Бог, не ведают бо, что творят.¹² Сердца их обуреваются бешенством, и уста глаголят неправду. А жаль, жаль! что Российская Церковь так худо управляется и что сами пастыри, должествующие показывать пример смирения и кротости, дают злобе и гневу ворваться в их сердца <...>

¹ Имеется в виду проповедь о. Иоанна Кронштадтского «Отношение интеллигенции к духовной жизни». См. письмо 2, прим. 1.

² Ср.: «Приспел и радостный день тезоименитства нашей Императрицы, которая в цвете лет жизни красуется своими прекрасными, благородными отраслями и, как плодovitая виноградная лоза, еще плодоносит разумный плод на радость Царю и России. Да торжествует русский народ, видя почивающее благословение Божие на Царском Доме» (Отношение интеллигенции к духовной жизни. С. 43).

³ *Арсений* (1837 или 1841—1913) — иеромонах Афонского Пантелеимоновского монастыря, синодальный миссионер, затем игумен, настоятель Воскресенского монастыря Новгородской епархии, один из основателей Союза русского народа. Он рассказывал о своей деятельности следующее: «В 1897 году я открыл публичные беседы в здании Михайловского манежа для изобличения революционного фарраровского учения, отравляющего у нас уже около 30 лет не только светские, но и духовные учебные заведения. Мои справедливые разоблачения восстановили против меня столичное духовенство <...> Мне запретили открывать в столице публичные беседы по вопросам этого пагубного учения, отняли у меня миссионерское жалованье и лишили звания синодального миссионера. В 1905 году, от столичных миссионеров и проповедников: Гапона, Петрова и 32 священников возникла у нас революция... полилась кровь православная... Все современные архипастыри, пастыри и миссионеры наложили печать молчания на уста своя, не оказывая никакого противодействия безбожной крамоле, стремящейся упразднить царский престол в России и ввести республику с жидовским ставленником во главе. <...> 12 октября Господь вложил мне благую мысль оказать противодействие революции открытием «Союза русского народа». <...> Все мои почитатели с любовью спешили присоединиться к нам и между прочим Александр Иванович Дубровин, которого единогласно мы избрали в председатели. Благодаря неутомимой энергии г. Дубровина, наш союз стал быстро разрастаться и привлек миллионы истинно русских людей со всей России. А меня за это современные крамольники ок-

⁴ но кои несут вздор словно бесноватые (*франц.*).

леветали перед властями. Состоялся заочный суд, который приговорил: лишить меня настоятельства в устроенной мною Воскресенской обители и сослать на Соловецкий остров как преступника» (*Арсений, игумен*. Открытое письмо редактору-издателю журналов: «Кронштадтский маяк» и «Свет России» Николаю Ивановичу Большакову и беседа б. синодального миссионера и главного учредителя «Союза русского народа» игумена о. Арсения. СПб., 1909. С. 30—32). Биография о. Арсения приведена А. Степановым, пытающимся пересмотреть представления о черносотенном движении. Он отмечает, что когда игумен Арсений опубликовал статью с изложением главных доводов против Фаррара, началась травля мужественного проповедника. <...> игумен Арсений был обвинен в богословском невежестве и фанатизме. Профессор Лопухин высокомерно заявил на страницах „Церковного вестника“, что о. Арсений, будучи протонародным миссионером, не мог составить правильного мнения о сочинениях Фаррара, ибо тут нужно высокое богословско-научное развитие» (*Степанов А.* Черная сотня. Взгляд через столетие. СПб., 2000. С. 43).

Заметка А. П. Лопухина была помещена в разделе «Почтовый ящик реакции» журнала «Церковный вестник» и представляла собой ответ г. А. Гл-д-ову: «Вы напрасно смущаетесь тем отношением, какое занял миссионер к указываемым вами сочинениям. Как миссионер протонародный, он обращается с своими беседами к *простому народу*, для разума которого в действительности и недоступны эти книги, да они и не предназначались для него, так как чтение их предполагает довольно высокое научно-богословское развитие. Поэтому предостережение миссионера в беседе с такой протонародной публикой имеет свое оправдание, хотя, конечно, мы совсем не одобряем его резких выражений, в которых решительно осуждаются эти сочинения как еретические. Еретического в них ничего нет, и напротив — сила религиозного чувства благоговения к божественной личности Господа Христа и мастерская картинность изложения евангельских событий — таковы, что под влиянием этих именно книг в нашем образованном обществе (к которому, конечно, не принадлежит ни этот миссионер, ни его публика) многие, как нам с достоверностью известно, впервые почувствовали интерес к возвышенным истинам христианства, и стали заниматься вопросами богословия. Вот почему один из наших просвещеннейших архипастырей (Никанор Одесский) делал главную из этих книг предметом подарка для своих духовных детей» (*Церковный вестник*. 1897. № 48. С. 1594). Таким образом, здесь не были названы имена иеромонаха Арсения и Фаррара. Иеромонах Арсений сам привел этот ответ профессора Лопухина читателю в своей книге «Миссионерское предостережение» (Уфа, 1905).

А. Степанов дальнейшие события излагает следующим образом:

«Однако у игумена Арсения нашлось и немало защитников. В результате их ходатайств осенью 1906 года он был освобожден. Прямо с Соловков прибыл он в Киев, где проходил Третий Всероссийский Съезд Русских Людей. <...> в 1907 году он организовывал паломничество черной сотни на Святую Землю, которое замышлялось им как начало крестового похода против революции» (*Степанов А.* Черная сотня. С. 45—46). В 1911 г. «он принес покаяние Святейшему Синоду в допущенном ранее противлении велениям священноначалия. После непродолжительного лечения в Ялте о. Арсений в 1912 году был возведен в сан архимандрита и назначен в Драндский Успенский монастырь Сухумской епархии, который был основан афонскими монахами. В это время на Святой Горе разгорелись прения об Имени Божием. По поручению Святейшего Синода архимандрит Арсений, как авторитетный афонский инок, был направлен туда для борьбы с имяславием. 2 апреля 1913 года он прибыл на Афон. Однако убедившись в православности движения имяславцев, он стал во главе его, организовав Союз Исповедников Имени Господня во имя Св. Архистратига Михаила. Прожив жизнь исповедника, архимандрит Арсений скончался 20 августа 1913 года в Андреевском Скиту, а погребен был, как еретик, без отпевания, в лесной чаще» (Там же. С. 48).

В противовес этому мы можем указать, что Святейший Синод счел необходимым отмежеваться от многочисленных «еретических» воззваний о. Арсения, которые он рассылал с Афона по всей России, подписываясь как синодальный миссионер. В сообщении «От канцелярии Святейшего Синода» заявлялось, что архимандрит Арсений уже не является синодальным миссионером и вовсе не был послан на Афон исследовать «имяборческую ересь». Тут же говорилось, что в 1912 г. о. Арсений просил «о разрешении ему отбыть на Афон, где он желал бы окончить дни своей жизни в покаянии и молитве» (Прибавления к Церковным ведомостям. 1913. 8 июня, № 23. С. 330).

Фаррар Фредерик Уильям (1831—1903) — священник англиканской церкви, проповедник, духовный писатель. Благодаря переводам на русский язык его имя было весьма популярным в России. Наиболее известной была его книга «Жизнь Иисуса Христа», многократно переиздававшаяся.

У о. Арсения было две книги, направленных против учения Фаррара. См.: *Арсений, иеромонах*. Обличение на книгу Фаррара, именуемую «Жизнь Иисуса Христа». М., 1898; То же. 2-е изд. 1899; *Арсений, игумен Воскресенского практически-миссионерского монастыря*. Лжеучение Фаррара. М., 1901.

⁴ Ср.: «Но не так смотрит на жизнь наше как называемое интеллигентное общество; оно в большей части заражено ядом отрицания и неверия, не хочет считаться с грехом и бороться с ним, отвергает воскресение, суд и воздаяние, и этим дает сильную поддержку учащемуся созревающему юношеству, бравизирующему своим отрицанием и неверием — отрицанием Церкви, Ее учения, таинств, богослужения и освященных совершений его. Интеллигенция сошла с рельсов, с прямого и твердого пути Христовых заповедей, уклонившись от церковного, богопреданного руководства, чему много помог и помогает своим непризванным проповедничеством — так называемый у интеллигенции колоссальный ум известного отрицателя, извратившего смысл Евангелия и порвавшего союз с Церковью, которой дана власть брать и решить грехи человеческие, затворять и открывать небо — благорассудно и праведно» (Отношение интеллигенции к духовной жизни. С. 43—44).

Фарисеи — представители общественно-религиозного течения в древней Иудее, создавшие Устное учение (закон), зафиксированное в Талмуде. В Евангелиях фарисеи называются лицемерами. Отсюда переносное значение слова — лицемер, ханжа.

⁵ Ср.: «Последователи его (Толстого. — *А. М., Л. К.*) слишком беззастенчиво и открыто проявили свое безбожие и преклонение пред кумиром самозванного учителя, положивши в недавнее время множество венков пред его живописным портретом, и этим обнаружили, каким духом они водятся, кому они сочувствуют, кому поклоняются, — только не Богу. А из письма, — всем известного, ходящего по рукам всех, явно, что почти весь мир следует за ним, этим идолом, — т. е. не верует во Христа как Спасителя и Богочеловека, а верует в колоссальный ум» (Отношение интеллигенции к духовной жизни. С. 44).

⁶ Ср.: «Заботимся о учебной реформе, — но если колоссальные безбожные умы будут свободно говорить и проповедывать свой колоссальный бред, то никакая учебная реформа не обновит учебного строя, и в юношестве духа Христова не будет» (Отношение интеллигенции к духовной жизни. С. 44).

⁷ Ср.: «Настало для Церкви Божией время, как некогда для Матери Божией, стоявшей у Креста Своего Сына, что и ее душу проходит оружие, чтобы открылись сокровенные, безбожные помышления многих, и стало явно, кто — Христов, и кто нет, кто принадлежит к Церкви Его, и кто ушел от нее» (Отношение интеллигенции к духовной жизни. С. 44).

⁸ Ср.: «Многие из именуемых христианами вступили на путь языческий — не хотят знать Церкви, не участвуют в Богослужении и таинствах; не хотят знать Христа и Его учения...» (Отношение интеллигенции к духовной жизни. С. 45).

⁹ «Блажени кротции: яко тии наследят землю» («Блаженны кроткие; ибо они наследуют землю») (Мф 5, 5).

¹⁰ Ср.: «Но Избавитель больше с неба не придет. Раз Он был на земле, дело Свое совершил, которое дал Ему Отец небесный, Церковь основал; всю власть и все истинное учение передал Ей, а кроме Ее — никому и ничему» (Отношение интеллигенции к духовной жизни. С. 45).

¹¹ Ср.: «Нужно всем немедленное пробуждение, обновление! Обновимся же в уме, в сердце, в жизни, в понятиях, в вере; да возвратятся к Церкви отступившие от нее, да исправят свои нравы, помышления, верования, да принимают живое участие в богослужении и таинствах...» (Отношение интеллигенции к духовной жизни. С. 45).

¹² «Отче! отпусти им: не ведают бо, что творят» («Отче! прости им; ибо не знают, что делают») (Лк 23, 34).

11 (24) июня 1901 г. Афон

<...> Касательно Толстого отвечу тебе, что если ты и не осведомлена о подробностях дела, то мне они хорошо известны; я лично знаю Толстого и признаю его за очень нравственного, честного и умного человека. Он толкует Евангелие несколько своеобразно и неправильно; об этом должно поскорбеть и постараться вразумить его, а не поносить, не ругаться над ним, не проклинать. Да его наш Синод и не думал проклинать, пока он затрогивал лишь религиозные вопросы (Толстой уже 20 лет как критикует церковные толкования и постановления); его отлучение последовало только тогда, когда он в своих сочинениях стал осмеивать лично *Победоносцева*,¹ тогда-то Святейший (вернее, слепейший) Синод отлучил его. «La morale de cette fable est telle»⁴: о Боге и Церкви говори, что хочешь, но личность синодского обер-прокурора не злословь. Tout cela n'est guère édifiant⁶; и есть причина удивляться и негодовать. Рассуждение твое вообще грешит в своем основании: говоришь, общество вправе исключать не хотящего подчиняться члена. В том-то и дело, что Церковь не простое общество, а есть собрание верующих, коего глава Христос заповедал этому обществу взаимную любовь, а не ненависть, и все, что это общество творит вопреки завету своего главы Господа Иисуса Христа, то *незаконно творит* и производит лишь соблазн. Пусть эта Церковь с кротостью вразумляет заблуждающихся, это ее дело; но проклинать, поносить — это недостойно ее. Пригласи они Толстого на суд, разбери его толкования, опровергни его любомудрствования, они были бы правы. Но голословная руготня и отлучение от своей среды, к которой, собственно, Толстой никогда и не принадлежал, являются нелепостью и великим соблазном <...>

<...> пришел на Афон с целью веру свою укрепить, видя же, что люди выше всякой веры ставят свои суеверия, смущаясь, и вера моя колеблется еще больше. Люди, которых хотел бы уважать и почитать, прямо игнорируют заповеди Христовы; на место любви поставили ненависть; на место смирения самомнение и гордость. В Церкви Христовой вижу разлад, зависть, ложь и суемудрие. Куда обратиться? Даже на Афоне у нас есть люди, ругающие Толстого (при том ничего толком о нем не знающие). Эта руготня меня приводит в ужас. Можно ли так сильно дать себя обхватить ярости, чтоб поносить этого честного, гениального, бескорыстного человека! И, слыша со всех сторон нелепости, перестаю верить в здравый смысл людей. Вот соломинка, о которой боюсь, что порвется. Всякий, выражающийся превратно о Толстом, натягивает эту соломинку (мою веру в людей) и любовь к ним <...>

¹ *Победоносцев Константин Петрович* (1827—1907) — политический деятель, социолог, правовед, публицист, переводчик. Обер-прокурор Св. Синода (1880—1905). Многие современники узнали его в образе Топорова из романа Л. Н. Толстого «Вос-»

⁴ «Мораль сей басни такова» (франц.).

⁶ Во всем этом мало назидательного (франц.).

кресение». Конечно, Толстой критиковал здесь и Российскую Церковь: «Должность, которую занимал Топоров, по назначению своему составляла внутреннее противоречие, не видеть которое мог только человек тупой и лишенный нравственного чувства. Топоров обладал обоими этими отрицательными свойствами. Противоречие, заключавшееся в занимаемой им должности, состояло в том, что назначение должности состояло в поддержании и защите внешними средствами, не исключая и насилия, той Церкви, которая по своему же определению установлена самим Богом и не может быть поколеблена ни вратами ада, ни какими бы то ни было человеческими усилиями. Это-то божественное и ничем не поколебимое божеское учреждение должно было поддерживать и защищать то человеческое учреждение, во главе которого стоял Топоров с своими чиновниками. Топоров не видел этого противоречия или не хотел его видеть и потому очень серьезно был озабочен тем, чтобы какой-нибудь ксендз, пастор или сектант не разрушил ту Церковь, которую не могут одолеть врата ада. Топоров, как и все люди, лишенные основного религиозного чувства, сознания равенства и братства людей, был вполне уверен, что народ состоит из существ совершенно других, чем он сам, и что для народа необходимо нужно то, без чего он очень хорошо может обходиться. Сам он в глубине души ни во что не верил и находил такое состояние очень удобным и приятным, но боялся, как бы народ не пришел в такое же состояние, и считал, как он говорил, священной своей обязанностью спасать от этого народ» (*Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1933. Т. 32. С. 296—297). Материал для сцены встречи Нехлюдова с Топоровым в романе «Воскресение» Толстому дал рассказ Татьяны Львовны Толстой о ее свидании с Победоносцевым (см.: *Сухотина-Толстая Т. Л.* Воспоминания. М., 1980. С. 225—226).

5

10 (23) июля 1901 г. Афон

<...> Затем перехожу к самому интересующему нас вопросу: Толстой — человек и как человек не может не заблуждаться, но заблуждения его искренни, а обличения весьма колки и небесполезны. Что же Иван Кронштадтский? Я много о нем думал и много читал его проповедей. Это человек совсем не простой, как ты пишешь, он кончил курс в Духовной Академии магистром, *он вредный шарлатан* и человек, смотрящий на религию как на средство для наживы и приобретения популярности, он лжечудотворец, ездит по России в купе первого класса, в роскошной шелковой рясе и собольей шубе, окруженный жандармами, это возмутительный соблазн, истинные угодники Божии ходили в рубище и босиком, о святости своей не трубили и проклятий не расточали. Александра III-го он ездил в Ялту исцелять, но не исцелил. Его слова не есть вопль страждущей души, как ты пишешь, а есть досада славялющего фанатика на то, что его плутны разоблачают и не поклоняются его мнимой святости; в нем не только не видно любви к молодежи, а видна ненависть и злоба ко всему мыслящему. Ему, говоришь, больно видеть, что чувство почтения к Церкви и к пастырям ее падает в людях. *А кто в этом виноват? Сами пастыри, всегда заботившиеся о своем благосостоянии, а не о пасомых.* Их дела дурны, их поступки и поучения лживы, они по заповедям Христа не живут, и потому этим самым подрывается к ним уважение и к той Церкви, которую они представляют. Прежде чем прочих порицать и при помощи проклятий исправлять, самим надо исправиться и поступать по Евангелию. Вера и нравственность действительно у нас падают и разрушаются, но

виноваты в этом только те, кои взялись блюсти об этой вере, то есть те самые пастыри, которые теперь злятся, что люди перестали им верить, видя, что они, как древние книжники и фарисеи, не творят того, чему поучают. Постарайся с ними сблизиться, поговори с этими архиереями, протопопами, архимандритами, ты убедишься, что они только и мечтают о гонениях, сердца их полны злобой, они только и толкуют о ссылке, казнях и проч<ем>, кои желают налагать на русскую молодежь за то, что она более им не хочет верить и ищет себе кумиров в другом месте. Выражение «интеллигенция сошла с рельсов»¹ есть пошлое выражение; если она сошла с рельсов, то не машинисты ли виноваты? Когда поезд сходит с рельсов, судят стрелочника или станционных служащих, а не попрекают вагоны и колеса, ибо сии последние двигаются туда, куда их направляют. Духовенство наше не сумело стать во главе образования, оно все выпустило из рук, а теперь и сердится; вера оскудела потому, что юношество воспитывали без веры. *Где было наше духовенство, когда паскудной памяти Катков вводил латишцишу?*² Почему духовенство тогда не внушило правительству, что заставлять молодежь зубрить разных Цицеронов,³ и Тацитов,⁴ и Горацийев,⁵ значит развращать ее? Разенка, не объясняя ни творений Иоанна Златоуста,⁶ ни Григория Богослова,⁷ ни христианских философов Паскаля,⁸ Декарта,⁹ Лейбница,¹⁰ прямо сажают за язычников Цицерона, Вергилия,¹¹ Цезаря¹² и проч<их>. Это все ужасно! И не могло принести иных плодов. Вера оскудела и оскудеет вовсе, если они не возьмутся за ум и не прекратят своей брани и проклятий. Нужна любовь, чтобы привлечь на путь правды, а любви в их словах не видно.

Я говорю обо всем этом со страстью, ибо это самый животрепещущий вопрос в настоящее время; религия разрушается и все более и более, а те, которые должны бы были ее укреплять, только ругаются да клянут всех, и не думая и не умея вразумить; а не хотят на самих себя оборотиться и усмотреть свои собственные недостатки, и уразуметь, что их проповедь тщетна, потому что они сами дурны и не ведают, что говорят. Отношения нашего духовенства к молодежи подобны тому, как если кто стал своего соседа все подталкивать, а потом, когда бы он упал в яму, принялся кричать: «Ах, ты негодяй! Ах, пьяница! Ах мерзавец, что ты не удержался на ногах». И сосед с полным правом мог бы сказать: «Зачем же ты меня толкал, а не поддерживал? Тебе тесно казалось, ты меня пихал, не заботясь, что рядом яма, ну, я и упал... Кто же виноват?»

Но духовенство наше во власти, оно сильно, а у сильного всегда бессильный виноват. Нынешней зимой пострадали только студенты и студентки,¹³ царствующим людям ничего не сделалось, они все так же сладко ели и пили в роскошных комнатах, пока юноши и юницы томилась в тюрьмах; иконы же и церковная утварь, в которую раздраженные мальчишки необдуманно бросали камнями, страдать не могли, ибо они неодушевленные предметы; а потому утешить их не в чем; их надо бы вразумить, чтобы они побольше жалости и снисхождения имели к своему народу, и так бы должен был сделать пастырь добрый. Св. Филипп митрополит¹⁴ не утешать царя стремился, а поучать; он заступался за несчастных гонимых, а Иван Кронштадтский их клянет. Прежде святость заключалась в том, чтоб засту-

паться за обиженных, умолять о милосердии во власти сущих, проповедовать всепрощение. Но это было тогда, когда сердце находилось на левой стороне, а печень на правой. Mais nous avons changé tout cela!¹⁵ Теперь, по-видимому, святость состоит в том, чтобы властвующим ожесточать и науськивать на несчастных, натравливать их на всех, иначе мыслящих. Это ужасно, мне непонятна такая святость.

Донос Ивана Кронштадтского явен в фразе: «если колоссальные безбожные умы будут свободно говорить и проповедовать, то никакая реформа не обновит юношества».¹⁶ Это означает: «Схватите Толстого и засадите в тюрьму, ибо он нам своими обличениями мешает обманывать молодежь». Я такой навет прочел с отвращением; то же говорили католические патеры на Савонаролу¹⁷ и на Иоанна Гуса.¹⁸ Теперь потолкуем насчет преемства, которым наши братья духовные так любят злоупотреблять. Это вопрос важный. Христос сказал апостолам: «Что отпустите, то отпустится, что свяжете, то свяжется».¹⁹ Из этого ясно, что апостолам дана была власть разрешать грехи, понятно, что Христос, зная, что они ею не злоупотребят, доверил им учить и судить прочих. Теперь вопрос: переходит ли эта власть чрез рукоположение прочим? Хотя в Евангелии нет прямого указания на то, чтобы она могла передаваться, но по аналогии древние христиане признали, что она может быть передаваема, и апостолы не затруднялись ее передавать избранным при благословении, поминая заповедь Христа не отказывать людям в благословении; но Всеведущий Христос провидел, что апостолы и их ставленники как люди будут ошибаться, а потому добавил: «Если благословляемый недостоин, то благословение ваше к вам вернется, если же достоин, на нем пребудет».²⁰ Вот это-то и есть ключ к разрешению вопроса, достойный иерей именно получает власть вязать и разрешать грехи, недостойный же власть сию утрачивает. Это несомненно; подумай, если б было иначе, то ведь нам всем бы пришлось идти в ад, ибо папы римские, имеющие рукоположение по прямой линии от апостолов, нас всех православных проклинали. Исповедь есть великое таинство, но вовсе не оттого, что тебя в ней иерей покрывает епитрахилью, а потому, что, готовясь к ней, ты искренне каешься в своих грехах, обдумываешь всю свою жизнь и решаешься твердо исправиться. Если нет в тебе твердого намерения исправиться, ни сокрушения о грехах, то хотя бы тебя священник 20-ю епитрахильями покрыв и 1000 молитв прочитал, грехи твои не простятся, ибо прощение исходит от Бога Всемогущего, а не от иерея, не могущего ведать твои сокровенные мысли.

Что ты пишешь о Толстом, что он превозносится и обладает о себе чересчур высоким мнением, это отчасти зерно, но это естественно, ибо все его противники такие дураки, их нападки такие неумелые, так рассыпаются в прах, что неудивительно при этом возгордиться. Прочие твои взгляды о нем неверны и, конечно, наваяны тебе людьми, не понимающими его. Он всегда был искренен, и самые несообразные вещи говорит искренне, он даже слишком откро-

¹⁵ Но мы переменили все это! (*франц.*).

венен и часто высказывает многое такое, чего люди не в состоянии понять и что они изворачивают, представляя кощунством. То, что люди по его совету разбирают по косточкам службу и Евангелие, они хорошо делают. Вспомни главнейший текст Христова учения: «Не всякому духу верьте, искушайте духа»²¹ и «Будьте мудры яко змии»,²² а ведь если свое прибавляют к заповедям, это уж худо делают, но этого Толстой и не советует. Критиковать свою религию всякий мыслящий обязан, чтобы укрепиться в вере, если же, критикуя, он ее потеряет, значит, у него никогда никакой и не было. Слепая обезьянья вера негодна Христу, вера должна быть сознательная. Толстой — ярый противник нигилизма и сильно способствовал к его ослаблению и распятию, за что ему великое спасибо, то же, что ты пишешь, что предпочитаешь нигилистов его последователям, это мне кажется ужасным, полагаю, что ты просто не обдумала, что написала. Поверь мне, души колеблющиеся смущает не Толстой, а лицемерные и суеверные пастыри Церкви, соблазн от них; Толстой лишь констатирует его и предостерегает от вероломства и напускного благочестия. Можно за бесспорное признать, что у хороших пастухов никакой волк не расхитит овец; если стадо расхищается, виновны пастыри и на себя должны пенять.

Наше духовенство русское вообще очень равнодушно собственно к вопросам религии, заботится лишь о своей наживе и престиже. Толстой им, главное, ненавистен тем, что они предвидят о значительном уменьшении их доходов и влияния вследствие его обличений, и это их бесит.

Все, что написал тебе, зрело обдумал и помолился пред тем, чтоб написать, в моих словах одна лишь истина и нет преувеличения, я сам скорблю, ужасно скорблю, что наше духовенство так низко упало нравственно, на это полезно указать, да на горшее, что будет. Вероятно, этому причиной крайнее невежество, в каком состоит наше духовное сословие, да и вообще вся Россия, это очень грустно, но еще грустнее было бы на это не обращать внимания и следовать по тому ложному пути, который эти слепцы указывают. Путь, указанный нам Христом, есть путь любви, а не злобы, путь примирения, а не вражды. Испытай, поговори с любым священником о Толстом, ты увидишь, что при одном имени его лицо у него исказится злобой, и он начнет изрыгать проклятия, а так ли Христос учил? Он даже саддукеев,²³ все отвергавших, не проклинал, а только указал, что они не знают Писания, ни силы Божией.

По совету твоему перечел письмо Ивана Кронштадтского²⁴ и ужаснулся, сколько там лицемерия и превозношения, удивляюсь, как ты с своим умом этого не усмотрела; должно быть, сильно влияют на тебя лжетолкования его превозносителей. Благодарю Бога, что у нас на Афоне нет лжечудотворцев, подобных вашему миру Кронштадтскому, иначе я бы тут не мог обставаться. Что мне делать: мне всякие лжечудеса претят, когда ты писала, что у вас Андрюша Обухов чудотворец,²⁵ мне это разом дало худое мнение о нем, удивляюсь, почему вы так увлекаетесь всей этой мишурой и как у вас не хватает критического смысла отличить искреннее благочестие от напускного.

<...> Толстой и Фламарион²⁶ умственно неизмеримо выше нас, да, вероятно, и нравственно, за что их должно ценить, если же в чем как люди заблуждаются, то этому удивляться нечего, всем свойственно заблуждаться, никто не совершен <...>

¹ *Сергиев И. И. (Кронштадтский), протоиерей.* Отношение интеллигенции к духовной жизни... С. 44.

² *Катков Михаил Никифорович* (1818—1887) — публицист, издатель, критик. В 1871 г. под его руководством была проведена учебная реформа, делавшая акцент на изучении в гимназиях древних языков. Это вызвало резкую критику в разных по политическим убеждениям кругах русского общества.

³ *Цицерон Марк Туллий* (106—43 до н. э.) — римский политический деятель, оратор и писатель.

⁴ *Тацит* (ок. 58—ок. 117) — римский историк.

⁵ *Квинт Гораций Флакк* (65 до н. э.—8 до н. э.) — римский поэт.

⁶ *Св. Иоанн Златоуст* (между 344 и 354—407) — один из главных отцов Церкви, византийский церковный деятель, епископ Константинополя (с 398 г.), представитель греческого церковного красноречия. В Византии и на Руси был идеалом проповедника и неустрашимого обличителя.

⁷ *Св. Григорий Богослов (Григорий Назианзин)* (ок. 330—ок. 390) — отец Церкви, греческий церковный деятель, мыслитель и писатель, епископ г. Назианза (Малая Азия).

⁸ *Паскаль Блез* (1623—1662) — французский математик, физик, религиозный философ и писатель.

⁹ *Декарт Рене* (1596—1650) — французский философ, математик, физик и физиолог.

¹⁰ *Лейбниц Готфрид Вильгельм* (1646—1716) — немецкий философ, математик, физик, языковед.

¹¹ *Вергилий Марон Публий* (70—19 до н. э.) — римский поэт.

¹² *Цезарь Гай Юлий* (102 или 100—44 до н. э.) — римский диктатор, полководец.

¹³ Имеется в виду студенческое движение 1899 г., которое началось с волнений в Петербургском университете. 8 февраля студенты, оскорбленные объявлением ректора, грозившим им в случае нарушения порядка во время университетского акта разными репрессиями, сорвали со стен это объявление и освистали ректора. Над студентами полиция учинила жестокую расправу. Они в ответ объявили коллективный протест. Вскоре к студентам Петербургского университета стали присоединяться учащиеся других высших учебных заведений. Студенческими волнениями в 1899 г. были охвачены 30 высших учебных заведений России.

¹⁴ *Св. Филипп (в миру Федор Степанович Кольчев)* (1507—1569) — митрополит Московский и всея Руси, открыто обличавший в Успенском соборе царя Ивана Грозного за кровопролития и беззакония. Сосланный в тверской Отрочь монастырь, был задушен посланным царем Малютой Скуратовым.

¹⁵ Схимонах Ксенофонт обыгрывает слова Сганареля из комедии Мольера «Лекарь поневоле» (действие 2, явление 6), приведенные Толстым в трактате «Так что же нам делать?»: «В Библии сказано, как закон человека: „В поте лица снеси хлеб, и в муках родиши чада“ <...> Но nous avons changé tout ça. — как говорит мольеровское лицо, завравшись о медицине и сказавши, что печень на левой стороне. Мы все это переменили. Людям не нужно работать, чтобы кормиться, это все будут делать машины, а женщинам не нужно рожать» (*Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1937. Т. 25. С. 386—387).

¹⁶ Неточная цитата из проповеди о. Иоанна Кронштадтского «Отношение интеллигенции к духовной жизни» (С. 44).

¹⁷ *Савонарола Джироламо* (1452—1498) — настоятель монастыря доминиканцев во Флоренции. Выступал против тирании Медичи, обличал папство, призывал Церковь к аскетизму, организовывал сожжение произведений искусства. Был отлучен от Церкви и казнен.

¹⁸ *Гус Иоанн (Ян)* (1371—1415) — национальный герой чешского народа, идеолог чешской Реформации, основоположник чешского литературного языка. Вдохновитель

народного движения в Чехии против немецкого засилья и католической церкви. Был осужден церковным собором в Констанце и сожжен.

¹⁹ «Аминь (бо) глаголю вам: елика аще свящете на земли, будут связана на небеси: и елика аще разрешите на земли, будут разрешена на небесех» («Истинно говорю вам: что вы свяжете на земле, то будет связано на небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе») (Мф 18, 18).

²⁰ «Входяще же в дом, целуйте его, глаголюще: мир дому сему; и аще убо будет дом достоин, придет мир ваш нань: аще ли же не будет достоин, мир ваш к вам возвратится» («А входя в дом, приветствуйте его, говоря: мир дому сему; и если дом будет достоин, то мир ваш придет на него; если же не будет достоин, то мир ваш к вам возвратится») (Мф 10, 12—13).

²¹ «Возлюбленнии, не всякому духу веруйте, но искушайте духи, аще от Бога суть: яко мнози лжепророцы изыдоша в мир» («Возлюбленные! не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они, потому что много лжепророков появилось в мире») (1 Ин 4, 1).

²² «Се Аз посылаю вас яко овцы посреде волков: будите убо мудри яко змии, и цели яко голуби» («Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков: итак будьте мудры, как змии, и просты, как голуби») (Мф 10, 16).

²³ Саддукеи — одна из политических и религиозных группировок в Иудее во II в. до н. э.—I в. н. э. Объединяла высшее жречество, землевладельческую и служилую знать. Саддукеи как секта политическая по преимуществу прекратили свое существование вместе с прекращением государственной жизни Иудеи. В противоположность фарисеям, саддукеи признавали один только писанный закон Моисея, отвергая все народные обычаи и все постановления позднейших законоучителей. Народ не пошел за саддукеями также и потому, что жить по библейской букве становилось иногда совершенно невозможно. Фарисеи же прилагали все усилия к тому, чтобы примирить закон с жизнью. Целым рядом искусственных толковательных приемов они придавали букве закона такой смысл, при котором закон переставал противоречить требованиям жизни.

²⁴ Вероятно, имеется в виду это же Слово о. Иоанна Кронштадтского «Отношение интеллигенции к духовной жизни...». В. А. Голицына, как видно из контекста, желая переубедить о. Ксенофонта, советовала ему внимательно читать выступления знаменитого пастыря.

²⁵ Лицо неустановленное.

²⁶ *Фламарион Камиль* (1842—1925) — французский астроном, автор научно-популярных и теософских книг.

6

18 (31) июля 1901 г. Афон

<...> На днях прочел я отзыв ректора Петербургской академии епископа Сергия по поводу синодского распоряжения о Толстом.¹ Умно пишет этот господин, и логики много в его суждениях, и знания Священного Писания и пр<очее>. Да любви-то не видится. Все они Толстого порицают, соболезнуют о нем, ужасаются его участи, советуют покаяться. И все это, разумеется, правда, ибо Толстому как человеку свойственно и заблуждаться, и увлекаться, и раздражаться, и сомневаться, и грешить, ясно, что он во многом не прав и дерзновенно судит о Христе. Но невольно думаешь, а сами-то эти люди, что судят его, *кто?* Люди, что неистово поносят его и с полной логичностью ужасаются его учению и предрекают гибель, они-то *кто же*, ангелы, что ли? Безгрешные духи? Не преданы ли они также и страстям, и заблуждениям, и тщеславию, и славолению, и честолюбию, и греху, и корыстолюбию? Почему они так себя высоко

и непогрешимо ставят? Ведь они монахи, должны бы пример смирения и любви показывать. Ведь слова Христа: «Не судите, да не судимы будете»,² — именно к нашей братии, самоуверенным людям, и относятся. Легко может статься, когда все эти члены Синода, архиереи, митрополиты, протоиереи и архимандриты явятся к престолу Божию обвинять Толстого, Господь скажет им: «Кто из вас без греха, брось в него первый камень»,³ — и эти слова ведь им будут в посрамление! А жаль! Ужасно жаль! что такая рознь-вражда завелась в России <...>

¹ *Сергий (в миру Иван Николаевич Страгородский)* (1867—1944) — епископ Ямбургский, ректор Санкт-Петербургской Духовной академии (с 1901 г.). В 1943 г. выбран Патриархом Московским и всея Руси. В журнале «Миссионерское обозрение» в разделе «Новая исповедь графа Л. Толстого» сразу же после «Ответа на постановление Синода» Л. Н. Толстого была напечатана его статья «Мысли православного епископа по прочтении новой исповеди графа Л. Толстого» (Миссионерское обозрение. 1901. № 6. С. 815—823). (Впоследствии неоднократно переиздавалась под названием «По поводу „Верую“ Л. Толстого. Психология его отречения» в сборнике «„Верую“ Льва Толстого и ответы на это „Верую“»). В ней, в частности, говорилось: «Ему, гениальному писателю и художнику, конечно, трудно было смириться пред чьим бы то ни было авторитетом. Решаясь испробовать церковный путь, он захотел в то же время и наблюдать, как на него будет действовать это новое средство, и, конечно, его средство и этот путь скоро ему надоели, ощутительных последствий в себе граф не замечал и... обвинил во всем этом не себя, а Церковь и ее таинства» (Миссионерское обозрение. 1901. № 6. С. 820).

² «Не судите, да не судимы будете» («Не судите, да не судимы будете») (Мф 7, 1).

³ «Иже есть без греха в вас, прежде верзи камень на ню» («Кто из вас без греха, первый брось на нее камень») (Ин 8, 7).

7

11 (24) августа 1901 г. Афон

<...> Долг Синода был не протестовать, а стараться вразумить Толстого, обратить его на путь истины; они хотя и уверяют, что делали к тому попытки, не увенчавшиеся успехом, но *это неверно*; правда, к нему посылали полуграмотных попов, не смыслящих сути религии и задорно порицавших Толстого свободомыслие, угрожая геенной.¹ Не так следовало действовать, к нему должны были отправлять умных, сведущих профессоров богословия, могущих ему дать толковый ответ на все без задора, с кротости и смиренным, не проклинать его, а увещевать, вот тогда-то эти самодовольные, непогрешимые члены Синода исполнили бы свой долг. И еще должны бы и его обличения послушать и во многом исправиться, не слишком полагаясь на свою пресловутую святость. Я имею точные сведения о всем, касающемся этого дела, ибо у нас многие получают непосредственные известия из Синода, всех этот вопрос страшно интересует, и везде монастыри делятся на два лагеря: на злобствующих и ненавидящих Толстого (коих большинство) и на соболезнующих и ужасающихся этой возникшей в России борьбе. Я с тобой очень рад переписываться о Толстом и очень был бы счастлив убедить тебя, что он, хотя и заблуждается, но все-таки высоконравственный,

умный и полезный человек. Среди нашей же братии духовных (особенно высоких саном) есть много имеющих постоянно Христа на устах, а в сердцах ложь и порок. <...>

Р. С. Касательно Толстого пойми меня: я глубоко скорблю о его заблуждениях и желал бы всей душой, чтоб он обратился к христианскому учению и возлюбил бы Христа, но думаю, что этого можно достичь, не проклиная его и ругая, а с кротостью, разумно увещевая, и надеюсь, что милосердный Господь просветит его.

¹ Имеются в виду посещения и письма к Толстому о. Иванова, архиепископа Никандра, тульского тюремного священника Дмитрия Егоровича Троицкого и др. По этому поводу В. М. Скворцов писал: «Тульский протоиерей о. Иванов и в „Миссионерском обозрении“ (май месяц), и подробнее в местных епархиальных ведомостях (№ 8 за 15 апр<еля>) сообщает о беседах, направленных к вразумлению графа, еще покойного тульского архиепископа Никандра <...> Беседовал устно и посылал Льву Николаевичу несколько писем увещательных, оставленных без ответа, и этот маститый, просвещенный пастырь — о. Иванов. Известно, что, по распоряжению местного епископа, к графу для собеседования и обличения его суетумудрия ездили в Ясную Поляну покойный о. ректор Тульской семинарии Романов и преподаватель догматического богословия. Ныне имеется письмо одного из именитых дворян, соседа Толстых по имению, который <...> свидетельствует, что он сам лично слышал от Льва Николаевича недовольство на то, что тюремный священник, по приказу архиерея, надоедает («Все таскается») ему, графу, своими беседами. Один из тульских священников и сам писал нам в редакцию о своих посещениях графа и о многократных беседах с Львом Николаевичем, в которых последний являлся не раз безответным против правды евангельской. <...> В прошлом году, при постигшей графа тяжелой болезни, высокопреосвященный Владимир, митрополит Московский, в своих отеческих заботах о спасении души знаменитого русского писателя, поручал вновь сделать увещание графу чрез протоиерея о. С-ва, бывшего законоучителя детей графа для увещательной беседы, но Л<ев> Н<иколаевич> под разными предлогами (нездоровья, срочной правки корректуры „Воскресения“...) уклонился от свидания и бесед с почтенным пастырем; граф очень рассердился, когда узнал, что о. С. послан к нему иерархом. В первые два посещения с о. С. беседовала о графе супруга его, графиня Софья Андреевна, и обещала даже, по совету о. С-ва, пригласить к графу о. Иоанна Кронштадтского, а в последний раз и она не вышла к увещателю. Не говорим о частных попытках к увещанию графа, предпринимавшихся духовными лицами, посещавшими графа (напр<имер>, мы знаем, что беседовал с Львом Николаевичем архимандрит Антоний, ныне епископ Уфимский), и мирянами ...» (редакторские замечания редактора-издателя «Миссионерского обозрения» В. М. Скворцова к «Ответу на постановление Синода» Л. Н. Толстого. См.: Миссионерское обозрение. 1901. № 6. С. 802—803).

8

11 (24) сентября 1901 г. Афон

<...> Касательно Ивана Кронштадтского скажу тебе: ты заблуждаешься. Он не только *не светлая личность, но лживый и вредный шарлатан*. Меня этот вопрос очень интересовал, и я много об этом думал, справлялся, расследовал, перечитывал все его проповеди и лицемерную его книгу «Моя жизнь во Христе». ¹ Я сам его прежде считал благочестивым и избранным Божиим, но ошибался. Человек этот полон тщеславия и сребролюбия; посмотри, какие он носит богатые шелковые рясы, собольи шубы, как разъезжает по России в отделениях 1-го класса для творения своих якобы чудес и исцелений.

Здесь на Афоне, где я вижу такую простоту и убожество даже меж игуменами и архиереями, коих по одежде не отличишь от простых монахов, мне особенно противны ивановские лицемерия. Будь уверена, что молитв такого человека Бог не слушает. Прочти его проповеди, они все полны самовозношением, проклятиями и руготней, ничего общего не имеющей с учением Христа. У него нет смирения, а без смирения не может быть и благодати; ему поклоняются легковверные, не привыкшие размышлять люди, это все мороченье очень прискорбное. Талант, данный ему от Бога, он не зарыл в землю, а сделал хуже: он его всецело употребил на обман, извратил его и издевается над Христом, выдавая себя за чудотворца, он комедиант, его молитва театральная, я помню, как он у Михаила Львовича воздевал руки к потолку посреди залы и падал на колени, мне это тогда еще казалось подозрительным.

Насчет духовенства пишешь правду, что оно у нас плохо поставлено в России и интеллигенция его в грош не ставит; но оно само в этом виновато, это произошло не вследствие каких-либо гонений на него, а вследствие его невежества, его вражды к образованию, его стремления к тупости и суевериям. У католиков и протестантов духовенство само завоевало себе первенствующее положение среди общества тем, что взяло в руки образование, само занимаясь науками, а наши духовные всегда враждебно относились к наукам и образованию, стремясь держать народ в темноте и предрассудках. Просмотри русскую историю, ты увидишь, что наше духовенство по тупоумию своему всегда противилось всяким благотворным реформам, вспомни, сколько оно оказывало сопротивления Петру I-му в его деятельности. Русское духовенство, к сожалению, есть язва России, тормоз к движению вперед, задержка к цивилизации. Пишешь, что они голоса не имеют и их не слушают, а дворяне ими помыкают. Но подумай, какой ужас был бы, если б их слушали, ведь они, кроме чуши, ничего и не говорят, им желателен обскурантизм, послушай их, они жаждут гонений; по-ихнему всех иноверцев, раскольников, молокан надо вешать, гнать, ссылать; ведь они теперь как бесноватые по всей России кричат: убить Толстого, заточить, сослать; того не понимая, что *Толстой слава России*. Дворяне ими помыкали и помыкают, ибо всегда видели их коснение в невежестве. Пусть они перестанут враждовать против наук, образуются, бросят нелепую латынь, цицероновщину, займутся истинными науками, тогда их будут уважать и будут им верить. Вспомни, что при Александре II-м ведь это духовенство настаивало на введении дурацкого классицизма в гимназиях по мысли зловредного Каткова; благодарение Божие, теперь принимаются за ум, классицизм дурацкий, притупляющий все способности ума, изгоняют, но и против этого духовенство вопит, им хочется, чтобы молодежь по-прежнему задалбливали латынью. Я глубоко скорблю, видя, как наше духовенство низко стоит, но вижу, что оно само в том виновато; пусть образуется, и тогда ему будут верить и слушать его, а пока оно в лице своих пастырей только расточает проклятия молодежи, оно лишь себя срывает <...>

¹ Книга о. Иоанна Кронштадтского «Моя жизнь во Христе» вышла в 1884 г., затем было несколько переизданий.

9

13 (26) сентября 1901 г. Афон

<...> О Толстом ты напрасно не хочешь больше писать, о нем стоит поразмыслить, ибо современные обскуранты к нему очень несправедливы; он хотя и заблуждается, но честно, откровенно заблуждается и без всякой ненависти к людям, а про его противников уж никак этого сказать нельзя, от них так и пышет злобой. Его нельзя не почитать за необычайный талант и поразительный здравый смысл, а противники его очень и очень хромают как в логике, так и в способах изложения. Я за это последнее время много читал критик на него, писанных духовными людьми. Боже, какие глупости они плетут, просто читать тошно; и какие они все неучи, наши богословы, теологи! Самых элементарных вещей не знают, а как превозносятся!! Превозношение в невежественных людях — самая противная черта; они все хотят разрешить, все им кажется ясным, а в сущности, ничего не понимают, судят по шаблону, сами не зная, на чем основываются. До того противно читать рассуждения современных проповедников, что я после каждого такого чтения страдаю сердцебиением. Самое чудное то, что эти люди даже истории Церкви не знают, уж не говоря о прочем. Вот из их числа и Иван Кронштадтский, иной раз такую чушь сморозит, что просто диву даешься. И все с такой самоуверенностью, будто святую правду возвещает, Божественные вдохновения сообщает. Прости, что так говорю, от чистого сердца говорю, — мне всякая ложь и лицемерие ужасно противны. Оттого я в прошлом письме российское духовенство назвал фарисеями, что ни в чем у них искренности нет, одно лицемерие и превозношение, и благодарение Божие, что у них еще власти нет, а то бы они нас всех, мыслящих людей, передушили <...>

10

8 (21) ноября 1901 г. Афон

<...> Теперь, кончив все *préambules*⁴, поговорим о серьезном, об Иване Кронштадтском, мне очень бы хотелось вселить в тебя истинную оценку ему и его деятельности, и потому по пунктам отвечу тебе на все, тобою о нем писанное, откровенно. Он человек, несомненно, вредный, и вредный именно для того народа, который по-бараньему ловит каждое его слово и считает его пророчком. Боюсь сказать, что он человек недобросовестный и лицемер. Кто его знает, но если он искренен, то, значит, очень не развит,

⁴ предисловия (*франц.*).

как ты говоришь, и фанатичен. Я об нем сужу по его проповедям, в которых нет и тени христианского чувства, а одна злоба и превозношение, он на всех и на все набрасывается с проклятиями. Вот тебе лучший пример: орловский предводитель дворянства Стахович¹ сказал превосходную речь на миссионерском собрании о том, что должно прекратить все гонения на сектантов, а стараться их добрым словом обращать в лоно Православной Церкви. Речь вполне гуманная, в духе Христова учения. И что ж? Иван Кронштадтский на него набросился с бранью и назвал его антихристом.² За что, за то, что тот хочет мира и проповедует любовь и снисхождение к заблудшему ближнему? Ведь это ужасно, хорош пастырь церкви! Хорош священник народный! Стоит за гонения и насилия, не возмутительно ли это? Можно ли его после этого почитать? Говоришь, что он поднял веру в народе. Это великое заблуждение, он ничего не поднял, а стал кумиром народным потому, что наш народ чересчур легковерен, без меры доверчив и суеверен. Нужно верить в Бога, а не в тварь, не в человека. Господь Иисус Христос требует веры сознательной, наш народ за малыми исключениями ее не имеет, он погружен в тьму суеверия, Иван Кронштадтский *сознательно или бессознательно* воспользовался этим народным тщeverием, суебожностью и стал лжесвятым и лжепророком. Это ужасно! Это великий соблазн. Я читаю с большим вниманием все его проповеди и ужасаюсь его сомнением и тщеславием. Он держит народ во тьме, и это очень прискорбно. Ты сама сознаешься, что он и не развит, и груб, и не умен. Какие же видишь после этого в нем достоинства? Первое, что требуется от христианина, от духовного в особенности, — это смирение и незлобие. И у него их-то именно и нет. Он весь погружен в сомнение и только и делает, что расточает проклятия. То на Толстого, теперь уже на Стаховича, то есть на всякого, кто не мыслит как он. Про Толстого еще он мог сказать, что тот враждует против Церкви, ну, а Стахович-то? Ведь он ревностный сын Церкви. Признаюсь, мне очень несимпатичен ваш кумир Иван Кронштадтский, он ярый обскурант, гасильник и имеет самое вредное, пагубное влияние на народ, отклоняя его от рассудочной веры и привязывая к суевериям и *нетерпимости религиозной*. Ты пишешь, что народ наш недоверчив, но это ошибочный взгляд, народ недоверчив только к нам, образованным людям, к науке, которой он не понимает, но он чересчур доверчив к своему брату мужику, рассказывающему ему нелепые сказки и легенды, очень может быть, что большая доля успеха и популярности Ивана в том-то и заключается, что он так же туп и суеверен, как наши бессмысленные ханжи; его любят те, которые его не знают, которые ни проповедей его не слышали, ни поучений не читали, да и не в силах понять, его любят разные кумушки и Титы Титычи,³ потому что слышали от других, что он творит чудеса, et cela impose⁶. Ты говоришь, что на него не надо смотреть как на святого; но как же на него смотреть, когда газеты то и дело пове-

⁶ и это обязывает (*франц.*).

ствуют о творимых им чудесах! И повествуют об них, очевидно, с его согласия. Если не хочешь, чтоб на тебя смотрели как на чудотворца, так не тычь всем в нос свои чудотворения, не разъезжай по России для якобы исцеления болящих. А уж если хочешь чудеса делать и блаженным святым числиться, выкинь из сердца злобу, подражай Христу в кротости и милосердии, если хочешь его именем исцелять болезни, не проклинай людей, если хочешь быть добрым пастырем!

Это обманчивое солнышко необходимо должно отнять у народа, ибо оно заслоняет ему истинный свет Божий. Он взял на себя роль проповедника, но проповедует не Христово учение, полное любви и всепрощения, а какое-то свое, наполненное самым узким и тупым фанатизмом вместе с дикою религиозною нетерпимостью. У Ивана Кронштадтского на языке Христос, а в душе ненависть ко всему мыслящему, ко всей учащейся молодежи. Отчего он не вспомнит слова Христа: если хочешь быть совершен, продай имение и раздай нищим.⁴ К чему ему все эти дареные шелковые рясы, к чему ему яхта, к чему шубы собольи, хочешь служить Богу, отрешись от всего этого, роскошь неугодна Богу, хотя бы и дареная <...>

Если мы хотим доказать людям, что наша Церковь святее и правее прочих, то должны по Духу Христову жить и поучать, а не лаять на всех не согласных с нами. Иван Кронштадтский так любит поклонение, так привык, чтоб ему воскуривали фимиам, что злится и клянет всю учащуюся молодежь за то, что она не верит в его дар пророчества; так ни Христос, ни апостолы не делали. Смешно вспомнить, что, когда портрет Толстого в Петербурге украсили цветами из уважения к литературным <заслугам: — очевидно, пропуцено> его, Иван Кронштадтский рассвирепел и принялся проклинать этих людей, воздающих должное великому писателю.⁵ Ведь это все показывает нам мелочность и ничтожество природы этого якобы чудотворца. Конечно, Толстой во многом заблуждается, но все-таки он великий писатель и литературная слава России. Этого нельзя у него отнять, как Иван ни беснуйся!

Ты понимаешь, что ведь я ничего личного против Ивана Кронштадтского иметь не могу, но мне больно видеть, что столькие им обольщаются, и его пустые разлагольствования принимают за святые речи. Нам надо любить врагов, вразумлять заблудших, а не отталкивать от себя колеблющихся своею нетерпимостью. Надо всегда помнить заповедь Божию — «Не сотвори себе кумира, ни всякое подобие ему».⁶ Иван Кронштадтский есть современный кумир темной публики, и в этом великое зло.⁷

Если сможешь где-нибудь достать новое сочинение Толстого «Моя последняя исповедь»,⁸ ради Бога, пришли мне прочесть <...>

¹ Стахович М. А. — орловский губернский предводитель дворянства, выступивший в сентябре 1901 г. на местном миссионерском съезде с речью о необходимости свободы совести, вызвавшей ожесточенную полемику. Его речь послужила для Толстого толчком к началу работы 28 декабря 1901 г. над статьей «О веротерпимости».

² Имеется в виду проповедь «Свобода совести ведет к жизни без совести. Поучение, произнесенное в церкви при лечебнице Лепехина в Москве» (1901). См.: *Сергиев И. И. (Кронштадтский), протоиерей. Против графа Л. Н. Толстого...* С. 57—59.

³ Тит Титыч Брусков — герой комедии А. Н. Островского «В чужом пиру похмелье».

⁴ «Рече ему Иисус: аще хошеши совершен быти. иди, продаждь имене твое и даждь нищим...» («Иисус сказал ему: если хочешь быть совершенным, пойди, продай имене твое и раздай нищим...») (Мф 19, 21).

⁵ См. прим. 5 к письму 3, а также преамбулу к публикации писем.

⁶ «Не сотвори себе кумира» («Не делай себе кумира») (Исх 20, 4).

⁷ В. В. Розанов приводит слова Толстого об обожествлении о. Иоанна Кронштадтского: «„Они когда-нибудь *сведят* этого своего живого бога“, — сказал желчно Толстой по поводу случая, когда одна женщина укусила палец у „батьюшки“, чтобы «причаститься его „тела и крови“, о чем одно время писали газеты» (*Розанов В. В. Из воспоминаний и мыслей об Иоанне Кронштадтском* // Розанов В. В. *Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского*. М., 1996. С. 538—539 (Собр. соч. / Под ред. А. Н. Николюкина).

⁸ Имеется в виду публикация: *Толстой Л. Н. Ответ на постановление Синода от 20—22 февраля и на полученные мною по этому поводу письма* // Миссионерское обозрение. 1901. № 6. С. 806—814. Опубликовано в разделе «Новая исповедь графа Л. Н. Толстого».

11

1 (14) декабря 1901 г. Афон

Большую имел радость получить с этим пароходом от тебя два длинных письма и постараюсь тебе на них ответить, сколько в силах буду, начну с конца, с Толстого, потому что *cela me tiens plus à coeur qu'autre chose*.^а Я не читал его последней исповеди, ни ответов на нее, у нас не получают «Миссионерское обозрение»; пришли мне, будь так добра, этот журнал за июнь месяц, у нас все сколько-нибудь интеллигентные монахи жаждут сведений о Толстом; ради Бога, не забудь прислать. Хоть ты иначе думаешь о нем, чем я, но это несколько меня не удивляет и не может изменить моего доброго мнения о тебе. Ведь ты знаешь Толстого только по тому, что он пишет, а в последнее время он пишет под гнетом раздражения, он и половины того не думает, что объявляет. *Il fait le méchant paraître*^б. В сущности, он совсем не такой и вовсе не богоотступник, он любит Христа, я это верно знаю, а не любит лишь духовенство. Моя точка зрения потому не сходится с вашей общей, что вы знаете Толстого лишь как писателя, а я знаю его как человека. Могу ли я поверить, что этот милый старичок, который сам стелит постели своим гостям, так добродушно улыбается, сидя за самоваром, так деликатно подшучивает над вновь приезжим, не привыкшим еще к его странностям, могу ли я поверить, чтоб он был антихрист, вероотступник и пр<очее>. Он, с такою любовью и участием относящийся к последнему бедняку, может ли быть худым человеком? Спроси мужиков его уезда, ведь они все на него молятся, никто от него не уйдет не утешенным, никому он не отказывает в помощи. А его беседы, ведь

^а это меня беспокоит больше, чем все остальное (*франц.*).

^б Он изображает злого (*франц.*).

это нечто столь своеобразное и интересное, что я бы и сейчас согласился поступить к нему чернорабочим (коли б был в силах), чтобы слушать его рассказы про Кавказ, Севастополь и его суждения о нравственных вопросах.

Толстой называет наше богослужение колдовством, потому что оно на самом деле бывает похоже на колдовство иногда, а это прискорбно, следует упростить церемоньял богослужения, уподобив его тому, каково оно было во времена первых христиан. Теперь вложили много ненужного, излишнего в церковнослужение: продолжительные каждения, мазанье маслом, кропление водой, беспрестанное целованье пыльных икон, — все это не может не шокировать людей, подобных Толстому, людей, в коих преобладает дух над формой <...> Я нисколько не боюсь (как члены Российского Синода), чтобы Толстой подорвал православную веру, ибо я знаю, что ее подорвать нельзя, я вполне покоен, что слова Христа незыблемы и врата адовы не одолеют Его учение;¹ а потому и не могу, подобно некоторым малодушным, считать Толстого опасным для веры. Христос основал свою Церковь прочно, кто бы против нее ни восставал, ничего не поделает, это все равно, коли б муравей захотел свалить кремлевскую стену. Опрокинуть учение Христа нельзя, а исправить многие заблуждения, в кои впали современные церковнослужители, можно и следует, а для этого надо обличать. Толстой, правда, переваливает через край, не все, им указываемое, должно принимать к сведению, а с разбором. Если относиться к обличениям Толстого критически, бесстрашно и беззлобно, то найдем у него много указаний ценных. Ты пишешь, что он задевает, что всего важнее, и указываешь на таинства. Если ты подразумеваешь внутренний смысл таинства, то я с тобой согласен, если же внешнюю форму, то отвечу, что она вовсе не особенно важна. Самое важное в нашей религии — это то, что таковым назвал Христос, именно любовь к Богу и любовь к ближнему, на этом зиждется весь закон, вся вера наша; только возлюби Бога всей душой и ближнего как себя,² и главное исполнено, прочее все второстепенно <...>

¹ «И на сем камени созижду Церковь Мою, и врата ада не одолеют ея» («И на сем камне Я создам Церковь мою, и врата ада не одолеют ее») (Мф 16, 18).

² «Иисус же рече ему: возлюбиши Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душею твоею, и всею мыслию твоею: сия есть первая и большая заповедь. Вторая же подобна ей: возлюбиши искренняго твоего яко сам себе» («Иисус сказал ему: „возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душею твоею, и всем разумением твоим“: Сия есть первая и наибольшая заповедь; Вторая же подобная ей: „возлюби ближнего твоего, как самого себя“») (Мф 22, 37—39).

2 (15) декабря 1901 г. Афон

<...> А теперь pour la bonne bouche^a возвращаюсь к животрепещущему вопросу христианской несостоятельности нашего духовенства и главного представителя его Ивана Крон<штадтского>. Ты пишешь, что наши духовные без злобы относятся к Толстому, из прилагаемого образчика увидишь, что не только к Толстому, а даже к такому ревностному сыну Церкви Стаховичу и то с безумной ненавистью относятся и ругают его без удержу за то лишь, что он посоветовал не преследовать сектантов и стараться их обращать в Православие лишь добрым словом и убеждением. Прочти с вниманием посылаемую тебе речь Ивана Крон<штадтского>¹ и обрати тоже внимание на мои заметки к ней.

(1) Что общего между Толстым и Стаховичем? И почему он самозванный проповедник, разве не был он приглашен на съезд самим владыкой? Чем он хулил веру?²

(2) Как может быть совесть грешная, когда это дар Божий, данный нам для предостережения от зла? Совесть может человек временно заглушать, но никак не растлевать... Иуда на что был великий грешник, а и в нем совесть заговорила, и заговорила правильно, упрекнув его в злодействе, и кабы он ее послушался, покаялся бы, мог бы спастись.³

(3) Как же это, оттого, что нонче Стахович заговорил, люди стали жить без совести! Что же, или они заранее предчувствовали, что Стахович будет говорить! Не чушь ли это!⁴

(4) При чем же тут свобода совести? Убийства, поджоги, бунты были всегда, речь же Стаховича появилась только вчера.⁵

(5) Как премудрость Божия может быть поругаема? И чем Стахович ее поругал?⁶

Просто страшно делается читать столько злобы и ненависти в словах пастыря Церкви! Ты жалеешь Толстого, и я тоже жалею его за его заблуждения, но я еще более начинаю жалеть Ивана Крон<штадтского>, видя, как этот странный иерей всю силу ума своего употребляет на злословие, потеряв даже всякую меру и логику в словах. Бедный Иван Кронштадтский! Бедный народ русский, сделавший из него себе кумира!! Как бы ни заблуждался Толстой, он мирянин, ему не придется давать такой строгий ответ в делах, как иерею, служителю алтаря, да еще почитаемому за пророка. Мы, люди духовные, за каждое легкомысленное слово сугубый ответ воздадим Богу, нам вдвое против мирян должно быть осмотрительными и никак не давать страстям обуревать наши души. Что сделал Стахович Ивану Крон<штадтскому>, я недоумеваю. Напиши, пожалуйста, что об этом думаешь. Не беда, что наши мысли иногда расходятся: «du choc des opinions jaillit la lumière»⁶.

¹ См. письмо 10, прим. 1, 2.

^a на закуску (франц.).

² Ср.: «Но в наше лукавое время появились хулители святой Церкви как граф Толстой и в недавние дни некто Стахович, которые дерзнули явно поносить учение нашей св. веры и нашей Церкви, требуя свободного перехода от нашей веры и Церкви в какие угодно веры» (*Сергиев И. И. (Крошадтский), протоиерей*. Свобода совести ведет к жизни без совести... С. 59).

³ Ср.: «Нет, невозможно предоставить человека собственной свободе совести, потому именно, что он существо падшее, растленное, и у человека страстного и совесть грешная, и свобода растленная, а у иного и совсем сожженная» (Там же).

⁴ Ср.: «Благодаря проповедуемой ныне Стаховичами свободе совести многие, многие стали совсем жить без совести...» (Там же).

⁵ Ср.: «Вообще жизнь утратила у многих христианский характер и стала хуже языческой — отсюда происходят убийства, самоубийства, частые поджоги; отсюда неповиновение детей родителям, юных — старшим, подчиненных — начальству, выходит все наизнанку» (Там же).

⁶ Ср.: «Итак, премудрость Божия оправдана всеми чадами ее, а неверными и отступниками она всегда была поругаема, как и ныне от Льва Толстого и Стаховича» (Там же).

13

7 (20) декабря 1901 г. Афон

<...> В последнем письме я тебе забыл упомянуть об одной неоцененной услуге, которую Толстой принес побораемой им православной вере. Он в своих сочинениях особенно возмущался против кощунственной молитвы о покорении к подножию ног всякого врага и супостата, резонно объясняя, что по учению Христа нам надо любить врагов, а не покорять!¹ И что ж? Я начал сверяться с подлинником литургии Иоанна Златоуста, и оказалось, что этих слов там нет, они, стало быть, были прибавлены в последующие времена. Таким образом, толкования Толстого способствуют к проверке и восстановлению древнего истинного текста молитв, а ты знаешь, как это важно: постановления вселенских соборов грозят анафемой всякому церковнослужителю, прибавляющему хоть единое слово к православной литургии. Дай Бог, чтоб, наконец, взялись за ум и очистили бы наше церковнослужение ото всего наносного, постороннего, затемняющего смысл наших умиленных молитв <...>

¹ В молитвенном прошении ектинии о царской фамилии и об императоре Николае II содержатся следующие слова: «Еще молимся о благочестивейшем, самодержавнейшем, великом государе нашем императоре Николае Александровиче всея России, о державе, победе, пребывании, мире, здравии, спасении его, и Господу Богу нашему наипаче поспешити и пособити ему во всех, и покорити под нозе его всякого врага и супостата» (Служебник. М., 1900). Эти прошения читались несколько раз во время вечерни, утрени и литургии. Тексты ектинии менялись соответственно времени и, конечно, не принадлежат Иоанну Златоусту. В современных Служебниках этих прошений нет. В своей «Исповеди» Л. Н. Толстой следующим образом объяснял неприятие этого прошения: «Мне так необходимо было тогда верить, чтобы жить, что я бессознательно скрывал от себя противоречия и неясности вероучения. Но это осмысливание обрядов имело предел. Если ектения всё яснее становилась для меня в главных своих словах, если я объяснял себе кое-как слова: „Пресвятую владычицу нашу Богородицу и всех святых помянувшие, сами себе, и друг друга, и весь живот наш Христу Богу предадим“, — если я объяснял часто повторение молитв о царе и его родных тем, что они

более подлежат искушению, чем другие, и потому более требуют молитв, то молитвы о покорении под ножи врага и супостата, если я их объяснял тем, что враг есть зло, — молитвы эти и другие, как херувимская и всё таинство проскомидии или „взбранной воеводе“ и т. п., почти две трети всех служб или вовсе не имели объяснений, или я чувствовал, что я, подводя им объяснения, лгу и тем совсем разрушаю свое отношение к Богу, теряя совершенно всякую возможность веры» (*Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1957. Т. 23. С. 50*).

ПИСЬМА М. Л. ГОФМАНА К Б. Л. МОДЗАЛЕВСКОМУ

Часть I

(1904—1921)

Публикация Т. И. Краснобородько, при участии В. Р. Гофмана

В библиотеке Пушкинского Дома хранится книга М. Л. Гофмана «Пушкин. Первая глава науки о Пушкине» с авторским посвящением: «Пушкинскому Дому его давний сотрудник, преданный ему всею душою, всеми мыслями, интересами и работой». ¹ Надпись сделана 1 февраля 1922 г. — незадолго до того, как Гофман отправился в научную командировку в Париж для решения судьбы Пушкинского музея А. Ф. Онегина, который по дореволюционному договору Академии наук с владельцем принадлежал Пушкинскому Дому. Затянувшаяся более чем на два года командировка обернулась увольнением Гофмана из Академии, фактическим отлучением от Пушкинского Дома и эмиграцией. Обстоятельства сложились так, что последним выступлением Модеста Гофмана в печати стал его отклик на книгу «50 лет Пушкинского Дома. 1905—1955», ² которая дошла до него с большим опозданием и которую он читал ревниво и пристрастно — глазами одного из первых и, как ему казалось, несправедливо забытых пушкинскомцев. Эту справедливость ему и хотелось восстановить. Небольшая по объему рецензия носила мемуарный характер и состояла из двух фрагментов: о Б. Л. Модзалевском как устроителе Пушкинского Дома и «первых шагах этого важного учреждения», свидетелем которых был Гофман, и об Онегинском музее, возвращенном в Россию при деятельном участии самого Гофмана.

Публикуемые ныне письма Модеста Людвиговича Гофмана (1887—1959) — поэта, критика, педагога, историка литературы, пушкиниста — сохранились в архиве Бориса Львовича Модзалевского (1874—1928). Настоящая публикация по существу преследует ту же цель, что и давняя рецензия в «Новом журнале», — вернуть имя Модеста Гофмана в историю Пушкинского Дома. ³ Письма Гофмана к одному из основателей

¹ Гофман М. Л. Пушкин: Первая глава науки о Пушкине. Пб., 1922 (шпфр: 38 1/51).

² Гофман М. Л. По поводу книги «50 лет Пушкинского Дома» (1905—1955) // Новый журнал. Нью-Йорк, 1958. Кн. 53. С. 273—279.

³ О Гофмане как сотруднике Пушкинского Дома см. также: *Файнштейн М. Ш.* Из истории собрания А. Ф. Онегина в Пушкинском Доме // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1990 год. СПб., 1993. С. 307—316; *Огиевич Е. В.* М. Л. Гофман: жизнь и труды // Страницы истории пушкиноведения: Сб. науч. трудов. СПб., 1994. С. 63—71.

этого академического учреждения, созданного «в благоговейную память о великом русском поэте», а также воспоминания Гофмана⁴ представляют собой благодарный материал к первоначальной истории Пушкинского Дома. Они возвращают к тем «лепописным временам», когда закладывался надежный, незыблемый фундамент его коллекций — рукописных, книжных, музейных — и когда вокруг Модзалевского постепенно собирались его единомышленники — пушкинодомские труженики и пушкинодомские дарители.

Официальная служба Модеста Гофмана в Пушкинском Доме началась в апреле 1920 г.; в круг добровольных, энергичных и неутомимых помощников Б. Л. Модзалевского в собирании литературных материалов он оказался «завербованным» намного раньше — в 1910 г., вскоре после Высочайшего утверждения «Положения о Пушкинском Доме»; знакомство же Модеста Гофмана с многочисленной семьей Модзалевских и самим Борисом Львовичем началось задолго до этого, еще в начале 1900-х гг. и, возможно, предопределило его будущую академическую карьеру.

Младший брат Б. Л. Модзалевского — Вадим и старший брат М. Л. Гофмана — Всеволод были однокашниками по 1-му Кадетскому корпусу и Николаевскому инженерному училищу. Их объединяло, кроме того, серьезное увлечение музыкой, общее для обеих семей. В летние месяцы 1900—1902 гг., свободные от занятий в училище, они гостили друг у друга: Всеволод Гофман — в Гарях (именно Модзалевских в Гдовском уезде Петербургской губернии), а Вадим Модзалевский — на даче Гофманов в Лесном. Душой музыкальных вечеров в доме Гофманов была старшая сестра Модеста — Надежда Людвиговна, прекрасная пианистка. Летом 1902 г. Вадим Модзалевский совершенствовался в музыке под ее руководством. «Благодаря любезному предложению Н. Л. Гофман, — сообщал он одному из старших братьев, — буду изучать стариков: Баха, Моцарта, Гайдна, Бетховена и т. д. Это необходимо для дальнейшего

⁴ М. Л. Гофман не оставил связанных литературных воспоминаний. В середине 1950-х гг. он напечатал несколько небольших статей. Одна из них прямо определялась им как мемуарная — «Петербургские воспоминания» (Новый журнал. Нью-Йорк, 1955. Кн. 43. С. 120—133); остальные — написанные по разным поводам рецензии, также носили выраженный мемуарный характер: «По поводу истории академического издания сочинений Пушкина» (Там же. 1954. Кн. 39. С. 279—284); «Существует ли неизданный дневник Пушкина?» (Там же. 1955. Кн. 43. С. 256—264); «По поводу книги „50 лет Пушкинского Дома“ (1905—1955)» (Там же. 1958. Кн. 53. С. 273—279). К этому же времени, лету 1954 г., относилось его намерение «пробежать себя за 66 лет». Опираясь на свою феноменальную память (архив Гофмана не сохранился), он попытался это сделать в форме писем к поэтессе и мемуаристке Антонине Горской (паст. имя А. А. Гривцова, урожд. Подерни; 1893—1972), близкой ему в последние годы жизни (А. Горской принадлежит некролог «Памяти Модеста Людвиговича Гофмана» в парижской газете «Возрождение»; републикован в кн.: Центральный Пушкинский Комитет в Париже (1935—1937). М., 2000. С. 457—466). Письма больше похожи на исповедь — очень длинные, подробные, написанные без оглядки на самоцензуру, воссоздающие с предельной откровенностью частную, интимную жизнь Гофмана. Он не скрывает в них своей непреодолимой потребности «выговориться» — поэтому в письмах преобладают воспоминания о «душевной» жизни, которые вызывают в памяти внешнюю, фактографическую сторону прошлого лишь как необходимый контекст душевных переживаний. Эти письма сохранились не полностью (целиком, например, отсутствуют воспоминания о детстве, 1-м Кадетском корпусе, университете и «Кружке молодых», сотрудничестве с С. М. Лифарем), они не предназначались для печати, автор не заболел об их стилистической отделке, и потому мы используем из них только небольшие фрагменты, сопровождаемая цитаты условным обозначением «из воспоминаний М. Л. Гофмана». Уцелевшая часть писем хранится в Париже у его внуков — Андрея и Владимира Гофманов.

музыкального образования. Летом же думаю заняться и теорией композиции и гармонии».⁵

Тогда же стал «прививаться» к Модзалевским и юный Модест Гофман — воспитанник младших классов 1-го Кадетского корпуса, особенно сдружившийся с Вадимом Модзалевским, близким ему по возрасту. В переписке Бориса и Вадима Модзалевских, которая стала особенно интенсивной после определения последнего в 14-й саперный батальон и переезда в Киев, время от времени встречается и имя «Моди» Гофмана — свои каникулы он теперь нередко проводил у Модзалевского в Киеве. Контекст упоминаний обычен для «вакационного» времяпрепровождения: музыка. поездки к знакомым в киевские имения, шумные словесные прения за обеденным столом, но между этим Вадим Модзалевский понемногу привлекал Модеста и к своим генеалогическим размышлениям о роде Модзалевских, в том числе и «скучному» переписыванию архивных документов.

Самостоятельное эпистолярное общение Модеста Гофмана с Борисом Львовичем Модзалевским началось в Петербурге осенью 1904 г. — оно совпало с началом русско-японской войны, куда были призваны родные обоих, и последним годом пребывания Гофмана в 1-м Кадетском корпусе. Их общение, по крайней мере письменное, ограничивалось поначалу просьбами Гофмана о книгах из академической библиотеки и безотказным их выполнением со стороны Модзалевского. Подобные отношения сохранялись, по-видимому, и позднее — в годы учения Гофмана на историко-филологическом факультете Петербургского университета (1905—1910). Впрочем, тогда он был далек от сугубо академических интересов. В первое же время пребывания в университете Модест Гофман увлекся современной поэзией, стал активным членом «Кружка молодых», писал «декадентские», по его собственному признанию, стихи («пытался быть поэтом», как написал он в 1913 г. Блоку в посвящении на своей книжке⁶), состоял секретарем издательства «Оры», гордился дружбой с Вячеславом Ивановым, Александром Блоком, Владимиром Пястом, Сергеем Городецким, в сестру которого был влюблен и которой посвятил свой первый поэтический сборник «Кольцо. Тихие песни скорби» (Пб., 1907).⁷ И эту, и вышедшие позднее книги — «Соборный индивидуализм. Религиозно-философский очерк» (СПб., 1907), «Гимны и оды» ([СПб.], 1910)⁸ — Модест Гофман с неизменным авторским почтением подюсил Б. Л. Модзалевскому.

По окончании университета Гофман был оставлен при кафедре истории русского языка и словесности и одновременно начал педагогическую деятельность: он с увлечением преподавал в гимназии Э. П. Шаффе, позднее — в 1-м Кадетском корпусе. Реформатском училище, гимназии Л. С. Таганцевой, Тенишевском училище и снискал известность одного из лучших в Петербурге преподавателей литературы. Большое количество уроков и жизнь в родительском доме обеспечивали определенный материальный достаток, и в свободное от преподавания время Гофман путешествовал за границей, а также ездил по России — в «пушкинские губернии». Эти поездки уже прямо

⁵ РО ИРЛИ, ф. 184 (письмо Вад. Л. Модзалевского к Вс. Л. Модзалевскому от 2 мая 1902 г.); фонд не обработан.

⁶ См.: Библиотека А. А. Блока: Описание. Л., 1984. Кн. 1. С. 241 (№ 335).

⁷ Подробно об этом периоде жизни М. Гофмана см. в «Петербургских воспоминаниях» самого Гофмана (Новый журнал. Нью-Йорк, 1955. Кн. 43. С. 120—133) и воспоминаниях В. Пяста (*Пяст Вл. Встречи*. М., 1997. С. 88—99). См. также биографический очерк Гофмана, составленный Н. А. Богомоловым (Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь. М., 1992. Т. 2. С. 5—6).

⁸ Эти и другие книги Гофмана с дарительными надписями Б. Л. Модзалевскому в настоящее время находятся в библиотеке ИРЛИ.

были связаны с поручениями Модзалевского. Он «всячески поддерживал меня на избранном мною литературном пути <...>, — вспоминал позднее Гофман. — С первых же моих визитов в архив Академии Наук Модзалевский (он занимал должность заведующего архивом Конференции Академии. — Т. К.) стал воспитывать меня как пушкиниста и привлек к участию в будущем Пушкинском Доме». ⁹ Зимой 1910/1911 г. Модест Гофман привозит в Академию наук из Риги старинный ларец-подголовник времен царя Алексея Михайловича, в котором Пушкин, по преданию, хранил свои бумаги; ¹⁰ из Могилева — болдинский архив Пушкиных. ¹¹ Борис Львович направляет нового энергичного помощника и по «своим» маршрутам: в декабре 1910 г. Модест Гофман впервые посещает Тригорское и Голубово — псковские имения Осиповых—Вульфов—Вревских, где продолжали жить потомки пушкинских друзей, которые и прежде радушно принимали у себя академических «паломников» (академика Л. Н. Майкова в 1896 г. и Б. Л. Модзалевского в 1902 г.), щедро одаривая их семейными реликвиями. Модест Гофман оказался едва ли не более удачливым, чем его предшественники. По поручению баронессы С. Б. Вревской (дочери воспетой Пушкиным Зизи Вульф) он привез для Пушкинского Дома издания отдельных глав «Евгения Онегина» (в том числе с дарительными надписями Пушкина Евпраксии Вульф¹²), альбом П. А. Осиповой,¹³ книгу Е. А. Боратынского «Эда, финляндская повесть, и Пиры, описательная поэма» (СПб., 1826) с дарительной надписью автора П. А. Осиповой,¹⁴ и серебряный ковшичек на длинной ручке, которым Е. Н. Вульф разливала жженку Пушкину, Н. М. Языкову и А. Н. Вульфу.¹⁵ Эта поездка, ставшая для Гофмана настоящим откровением и во многом определившая его научную судьбу как пушкиниста, не отражена в публикуемых письмах. Гофман представил о ней отчет в Академию¹⁶ и в свойственной ему манере, с большим увлечением и подъемом рассказал о ней в нескольких очерках.¹⁷ Первая поездка в «пушкинскую губернию» вдохновила Гофмана и на поэтический «отчет»: словно заново открывший для себя Пушкина, он посвятил Б. Л. Модзалевскому стихи, которые тот сохранил в своем архиве:

Есть много мест таких, священных уголков
На родине моей, в России, бедной счастьем.
Как луч прорвется вдруг и в мурое ненастье
Мгновенно осветит ряд душных облаков.

⁹ Гофман М. Л. По поводу книги «50 лет Пушкинского Дома». С. 274—275.

¹⁰ См.: Известия императорской Академии наук. VI серия. 1911. № 8. С. 593. В настоящее время ларец находится в экспозиции Всероссийского музея А. С. Пушкина в Петербурге (см.: Февчук Л. П. Портреты и судьбы: Из истории ленинградской Пушкинианы. Л., 1984. С. 207—209).

¹¹ См. краткий отчет М. Л. Гофмана о занятиях в 1910—1913 гг., представленный ordinarily профессору кафедры истории русского языка и словесности Петербургского университета И. А. Шляпкину (РО ИРЛИ, ф. 341, оп. 1, № 1126, л. 1). Болдинский архив Пушкиных, привезенный Гофманом, сохраняется ныне в РО ИРЛИ.

¹² В настоящее время: РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 751, 752.

¹³ Там же, оп. 4, № 240.

¹⁴ В настоящее время — в библиотеке ИРЛИ (шифр: 496 5/24).

¹⁵ В 1953 г. он был передан из музея ИРЛИ во Всесоюзный музей А. С. Пушкина в Ленинграде, в настоящее время экспонируется в Государственном музее-заповеднике «Михайловское».

¹⁶ См.: Известия императорской Академии наук. VI серия. 1911. № 6. С. 364.

¹⁷ См.: Гофман М. 1) Голубово — Тригорское // Против течения. 1911. 21 янв., № 14. С. 2; 28 янв., № 15. С. 2; 12 марта. № 20. С. 2; 2) Альбомы пушкинской эпохи // Свободным художествам. 1911. Кн. 2. С. 27—30; Кн. 3—4. С. 33—35; 3) Из Пушкинских мест // Пушкин и его современники. Пг., 1914. Вып. 19—20. С. 95—116.

Спокойные они — торжественно-смиренны.
Вокруг их тишина, покой царит во всем —
И гладь озер, и храм, простой песок прибрежный —
Все грезит радостно о радостном былом.

Все душу здесь живит и ярче вдохновенье,
Течет яснее мысль, свободней сердцу путь,
И ровно кровь течет, и беспрестанно грудь
Таинственным огнем горит благоговенья.

Почти полвека спустя, не утратив своих прежних «благоговеиных» ощущений, Гофман вспомнит и о бытовых трудностях этих поездок, ставших постоянными:

«Путешествия эти были очень трудны — и физически, и морально, но зато и удивительно интересны и много давали во всех отношениях. Физическая трудность заключалась в том, что надо было ехать по железной дороге до станции Остров (это пустяки), а потом 100 верст ехать на почтовых в Святые Горы, Михайловское, Тригорское и Голубово—Врев: зимою было очень холодно ехать (как ни кутайся в шубу), а летом в большинстве случаев безрессорные экипажи так отбивали почки, что я одно лето болел почками после этой поездки. Нравственно было трудно из-за постоянного напряжения быть во что бы то ни стало любезным с хозяевами и обхаживать их, шармовать. Я вполне усвоил в этом отношении политику и уроки Б. Л. Модзалевского: для того, чтобы ему для Пушкинского Дома наследники литературных семей пожертвовали свои литературные драгоценности, он всюду расстилался перед ними, шармовал их, они таяли и давали ему то, чего он добивался. Я поступал точно так же (для себя не только не стал бы „подличать“, но даже и не попросил бы, но для науки, для Пушкинского Дома готов был на все). Я, может быть, даже превзошел в этом отношении Модзалевского и влюблял в себя, но это было очень утомительно, все время чувствуешь себя в напряжении и с радостью потом, усталый от любезностей (но зато не зря), ложишься спать в одинокую кровать, чтобы с утра опять целовать ручки, любезничать и проч. Ухаживать за внучкой (дочерью. — Т. К.) пушкинской Зизи Вульф — баронессы Вревской, очаровательной восьмидесятилетней (в 1910 г. С. Б. Вревской был 71 год. — Т. К.) старушкой баронессой Софией Борисовной Вревской — мне было нетрудно, поэтому она мне очень нравилась (вылитая мать, которую я слишком хорошо знал по письмам и произведениям Пушкина), но любезничать с ее (т. е. Е. Н. Вульф-Вревской. — Т. К.) внучкой в Голубово—Вреве, молодой (относительно, что еще хуже, — около 50 лет) Светланой Николаевной Вревской и ее мужем бароном Павлом Александровичем Вревским было совсем невесело. А я любезничал и многого добивался».¹⁸

В этом фрагменте небезынтересно собственное откровенное признание Гофмана об умении «влюблять в себя» людей. Тем, кто общался с Модестом Гофманом в разные периоды его жизни, эта особенность его природы запоминалась в первую очередь. В. Пяста, хорошо знавшего Гофмана в студенческие годы, поражала «его способность, возможно, и подсознательная, оказывать непосредственное влияние на людей», не только на своих сверстников: «Изумительная быстрота схватывания и какая-то нечеловеческая работоспособность, вместе с враждебным практицизмом и с какою-то вкрадчивою нежностью, вот характернейшие черты этого человека».¹⁹ В другую эпоху, в начале 1920-х гг., М. Д. Беляев утверждал, что в то время Б. Л. Модзалевский был,

¹⁸ Из воспоминаний М. Л. Гофмана.

¹⁹ *Пяст Вл.* Встречи. С. 89, 88.

«безусловно, под довольно сильным влиянием» Гофмана и «на многое смотрел его глазами. Под его же <влиянием> были и молодые исследователи Ник<олай> Вас<ильевич> Измайлов и Бор<ис> Ив<анович> Коплаи».²⁰

Поездки в Псковскую, а позднее и в Тверскую губернии (Малинники, Берново, Покровское) много дали Гофману. С лета 1913 г. (эти поездки уже отражены в письмах) «большие комоды» и «пузатенькие комодики» на чердаках и в нежилых комнатах голубовского дома постепенно открывались для него — фактически он становился единственным «пользователем» богатейшего семейного архива. Каждый раз Гофман что-нибудь получал.

«„Вот мы еще нашли... Теперь уже ничего больше не осталось...“, но опять что-нибудь оказывалось, — рассказывал он. — Особенно обильная жатва была в следующем (1913. — Т. К.) году: я ездил в Голубово описывать Вревскую библиотеку (ею Пушкин пользовался в 30-х годах). Три дня потратил на это, а затем Светлана Н<иколаевна> привела меня в комнату, где стоял большой комод, туго набитый всякими бумагами, и сказала: „Вот, если хотите, разберитесь в этих бумагах, и, если найдете что-нибудь интересное, возьмите себе“. Я не заставил себя несколько раз просить, тотчас же стал рыться в комод, где нашел большой дневник А. Н. Вульфа <...> и обширную переписку Вульфов—Вревских, где на каждом шагу упоминалось имя Пушкина (и то и другое я опубликовал в 1915 году, и среди старых академиков полупривычный „Дневник А. Н. Вульфа“ вызвал большой скандал)».²¹

Гофман нашел, пожалуй, самое верное слово для обозначения того впечатления, которое произвела в литературных и научных кругах его первая большая работа, связанная с Пушкиным. Впоследствии «Дневник» Вульфа стал одним из основных мемуарных источников для изучения Пушкина и его ближайшего литературного и дружеского окружения. Но в середине 1910-х гг. появление этого документа, в особенности тех его страниц, где с обнажающей откровенностью отражен «любовный быт» мелкопоместного дворянства пушкинского времени и «мefистофелевский метод» Пушкина, не могло не вызвать определенного культурного шока.²² К тому же публикация состоялась в солидном академическом издании (и именно Б. Л. Модзалевский содействовал появлению «Дневника» в «Пушкине и его современниках»).²³ Гофман напечатал текст дневника Вульфа со значительными сокращениями. Его редакторское решение вызвало, с одной стороны, энергичные возражения рецензентов книги, которые отстаивали принцип издания исторических памятников без купюр.²⁴ С другой стороны, раздавались столь же энергичные выступления о целесообразности обнародования подобных документов, сопровождаемых к тому же обширным «педагогичным» и «крохо-

²⁰ РО ИРЛИ, р. 1, оп. 2, № 394, л. 47 об. (*Беляев М. Д.* Пушкинский Дом и его первые обитатели).

²¹ Из воспоминаний М. Л. Гофмана. См. также письмо 14 и прим. 9 к нему.

²² О реакции современников см., в частности: *Цяловский М. А.* Дневник Вульфа. Дуэль Пушкина. (Из новых книг о Пушкине) // *Голос минувшего*. 1917. № 2. С. 279—286; *Цяловский М., Цяловская Т.* Вокруг Пушкина / Изд. подготовили К. П. Богаевская и С. И. Панов. М., 2000. С. 41—43, 215—216.

²³ См.: *Дневник А. Н. Вульфа. 1828—1831 гг.* // *Пушкин и его современники*. Пг., 1915. Вып. 21—22. С. 1—310.

²⁴ См., например, отклик А. Захарова в «Историческом вестнике» (1916. Т. 145, № 9. С. 769—771). Современное издание дневника Вульфа было осуществлено в 1999 г. (см.: *Любовные похождения и военные походы А. Н. Вульфа: Дневник 1827—1842 годов* / Сост. Е. Н. Строганова и М. В. Строганов. Тверь, 1999).

борческим» комментарием (на 200 страниц основного текста у Гофмана приходилось 100 страниц примечаний, набранных петитом). Самый резкий и раздраженный отзыв принадлежал Н. О. Лернеру: «Странно, что г. Гофман, испортивший своими самовластными приемами академическое издание сочинений Боратынского, с таким благоговейным тщанием воспроизвел все эти картины трусливого, мелкого „головлевского“ быта. Неужели это так необходимо для „пушкиноведения“? Достаточно было „констатировать факт“, и незачем выносить на свет Божий тошнотворное свинство. Вообще лучше было бы, если бы редактор ограничился тем, что относится к Пушкину, и отбросил также длинные и скучные описания походов, бесчисленные, никому не ненужные мелочи. <...> Но редактор не решился поступиться ни строчкой драгоценного памятника, и понятно почему: он послужил г. Гофману роскошным поприщем для неслыханных комментаторских упражнений».²⁵ «Молодой пушкинианец» Гофман, видимо, колебался в том, стоило ли ему вступать в публичную полемику с «заслуженным пушкиноведом»²⁶ Лернером и отвечать на «клеветнические выходки», по убеждению Гофмана, «подрывающие в глазах многих» его работы (об этом он, в частности, спрашивал совета у академика А. А. Шахматова).²⁷ Гофман написал все же обстоятельный ответ для газеты «День», в нескольких номерах которой П. Е. Щеголев поместил благожелательную рецензию на публикацию «Дневника»,²⁸ но в печати этот ответ так и не появился.²⁹ Гофман предполагал ответить там и на лернеровскую критику академического собрания сочинений Е. А. Боратынского,³⁰ редактирование которого было поручено ему Разрядом изящной словесности Академии наук в конце 1911 г. — также по предложению Модзалевского. Модест Гофман всегда отдавал должное этой беспримерной научной щедрости Модзалевского и полному отсутствию в нем исследовательского эгоизма: «Модзалевского нельзя было не любить, как нельзя было не ценить его как научного работника; он был совершенно лишен честолюбия и так беззаветно и бескорыстно любил русскую литературу, что для него было гораздо важнее, чтобы та или иная работа была вообще сделана, а не сделана обязательно им (выделено Гофманом. — Т. К.)».³¹ Собрание сочинений Боратынского в «Академиче-

²⁵ Лернер Н. Новая работа о Пушкине // Речь. 1915. 8 нояб., № 309. С. 3.

²⁶ Оба определения принадлежат рецензенту «Биржевых ведомостей» (см.: *Онегин*. Пушкинианец // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1915. 10 нояб., № 15201. С. 3). В справочнике И. Ф. Масанова псевдоним автора статьи раскрыт как принадлежащий А. Ф. Онегину (см.: *Масанов И. Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. М., 1957. Т. 2. С. 298). Это упоминание опровергается свидетельством самого А. Ф. Онегина. В одном из альбомов с газетными вырезками о Пушкине, которые владелец парижского пушкинского музея собирал около 40 лет, рядом с подписью «Онегин» под статьей «Пушкинианец» он приписал: «Не А. Ф.» (Puchkiniana. Т. 12. С. 191; онегинское собрание вырезок из газет ныне хранится в Пушкинском кабинете библиотеки ИРЛИ).

²⁷ См. письмо М. Л. Гофмана к А. А. Шахматову от 19 декабря 1915 г. (Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (далее — ПФА РАН), ф. 134, оп. 3, № 395, л. 2).

²⁸ См.: *Щеголев П. Е.* Новое о Пушкине. (Любовный быт в пушкинскую эпоху) // День. 1915. 5 нояб., № 305. С. 5; 11 нояб., № 311. С. 4; 20 нояб., № 320. С. 5.

²⁹ Сохранился черновой автограф ответа Гофмана (см.: РО ИРЛИ, р. 1, оп. 5, № 289).

³⁰ *Боратынский Е. А.* Полн. собр. соч. / Под ред. и с прим. М. Л. Гофмана. СПб., 1914—1915. Т. 1—2. Рецензию Н. О. Лернера см.: Вестник Европы. 1914. № 5. С. 348—350. Позднее Лернер написал еще одну язвительную реплику на академическое издание Боратынского (см.: *Метатель бисера*. Боратынский и Дундуки // Журнал журналов. 1916. № 17. С. 15).

³¹ *Гофман М. Л.* По поводу книги «50 лет Пушкинского Дома». С. 274.

ской Библиотеке русских писателей» — первую серьезную работу, доверенную ему Академией в 24 года (что было почетно для начинающего историка литературы), Гофман подготовил под наблюдением Модзалевского и в письмах постоянно информировал своего академического наставника о ходе работы.

Практически все письма Модеста Гофмана, адресованные Б. Л. Модзалевскому, — это письма-отчеты. Почти все они написаны в летнее время, когда корреспондент и его адресат отсутствовали в Петербурге. С 1917 г. в их общении (не только эпистолярном) возникла продолжительная пауза. Об этом периоде биографии Гофмана было известно только то, что годы революции и гражданской войны он провел в Чернигове, сотрудничая в местной печати и продолжая издавать свои работы о Пушкине, Рылееве, Некрасове. Эту лауну восполняют письма-воспоминания Модеста Гофмана, хранящиеся в Париже и достаточно подробно воссоздающие «южные перипетии» его жизни, о которых он сам упоминал в печати предельно скуп и лаконично.³²

Отъезд Гофмана из Петербурга летом 1917 г. спровоцировали события, последовавшие за Февральской революцией, которой сначала все члены семьи, кроме отца, Л. Л. Гофмана, обрадовались, «как бараны» (позднейшее сравнение Модеста Гофмана).

«Сказать, <...> чтобы я был особенно революционно настроен, нельзя, — вспоминал Гофман, — мне чисто эстетически было жаль, что монархии не будет, а когда я услышал речь Ленина на Каменноостровском в особняке Кшесинской (он так громко кричал, что не слышать его было невозможно), то я пришел в самый настоящий ужас. И вообще в 1917 году часто приходилось приходиться в ужас, и становилось — *до* (подчеркнуто Гофманом. — Т. К.) октябрьской революции — страшно за Россию. Я вообще человек аполитичный, но весной 1917 года мне стало ясно, что оставаться аполитичным нельзя, что надо бороться за существование России и что надо примкнуть к лучшей политической партии. Для меня лучшей была кадетская партия: все, что было левее ее, было для меня неприемлемо <...>, все, что правее, для меня было не то что принципиально неприемлемое, а практически бесполезное <...>; и кадеты-то были едва-едва приемлемы, но хотелось надеяться, что у этого порога Россия — революция может остановиться. <Как> <как> в моей душе оставались полусознательные мечты о красивой монархии с большими сомнениями в возможности их осуществления, то меня вполне удовлетворило решение кадетской партии о форме правления: партия, большинство которой было монархично во главе с крайне правым Милоуковым (в Париже он из крайне правого кадета превратился в такого крайне левого, что почти перестал быть кадетом), постановила не предрешать этого вопроса и предоставила членам партии свободу быть монархистами или республиканцами. Я часто бывал на заседаниях, почти исключительно дамских (умных, а не умничающих, очень пожилых дам <...>), но главная моя деятельность заключалась в литературе: при кадетской партии образовалась пропагандно-издательская комиссия, председателем которой была назначена бестолковая А. В. Тыркова, а ее помощником — я (<как> <как> она меня почему-то беспричинно не полюбила, то работали мы плохо — она браковала все мои, и притом наиболее удачные брошюры, и, если не ошибаюсь, только одна моя книжечка — „Песни о воле и доле народа“³³ вышла; из-за Тырковой я охладел к делам

³² См., например, в послесловии к его работе «Пропущенные строфы „Евгения Онегина“» (Пушкин и его современники. Пб., 1922. Вып. 33—35. С. 329) и в статье «По поводу книги „50 лет Пушкинского Дома“» (С. 275).

³³ Песни о воле и доле народа. Пг., 1917. Гофман включил в брошюру стихотворения Рылеева, Пушкина, А. И. Одоевского, Языкова, Огарева, Некрасова и написал к ней предисловие.

партии и практически отошел от нее, не выходя официально). Правда, не только отошел, но и уехал». ³⁴

Так начались трехлетние скитания Гофмана по югу России. Летом 1917 г. Гофман с семьей перебрался в Чернигов, поддавшись на уговоры Вадима Модзалевского. По его ходатайству, он поступил на службу секретарем Черниговского губернского земельного комитета и управы. Об этой своей работе Гофман говорил, что она дала ему «понимание многого, происходившего в России, и прежде всего *неузости* (подчеркнуто Гофманом. — Т. К.) революции». ³⁵ Он стал посещать собрания черниговских кадетов и вскоре занялся организацией антибольшевистской газеты, деньги на которую получил, уезжая из Петрограда, от Н. А. Белоцветова — отца своих учениц. ³⁶ Первый номер газеты «Черниговский край» вышел 17 октября 1917 г. Гофман был не только издателем, но и главным ее сотрудником: писал передовицы и фельетоны, ³⁷ редактировал материалы, держал корректуры, верстал номера, принимал объявления, расшифровывал телеграммы (изредка ему помогал в этом деле Вадим Модзалевский, который формально числился секретарем редакции «Черниговского края»). Через неделю после того, как Гофман наладил выпуск газеты, власть в Петрограде захватили большевики. Рассказ о том, как он повел себя, получив об этом известие, — один из самых запоминающихся эпизодов в воспоминаниях Гофмана, в котором ярко представлен авантюризм его натуры:

«25 октября я получил из „Гаваса“ ³⁸ последнюю телеграмму о том, что они заняты и что в Петербурге утвердилась советская власть. Я сейчас же расшифровал эту телеграмму, очень выигрышную для газеты: газета всегда живет сенсациями, а что же может быть сенсационнее такой новости, которая сразу подымет тираж газеты! Сдал в набор и вернулся в другую комнату писать передовую статью о захвате власти большевиками. Не успел написать и одного слова, как меня озарило: завтра выйдет „Черниговский край“, все узнают об этом страшном событии, и, конечно, местные большевики устроят восстание, пережут всех „буржуев“ и установят советскую власть со всеми ее прелестями, с чекой и проч. В Чернигове никаких войск нет, усмирять восстание некому, а <как> к <как> в это время никаких сообщений с Киевом не было (ни железнодорожного сообщения, ни даже газеты не приходили), то и Украинская Центральная Рада не узнает об этом, да и не сможет прислать для усмирения никакого войска. И тут мне пришло в голову принять ответственнойшее и опаснейшее решение, за которое я чуть не заплатил жизнью: не допустить в Чернигове, а значит, во всей Украине (п<отому> ч<то> такие вещи мгновенно перебрасываются с одного места на

³⁴ Из воспоминаний М. Л. Гофмана.

³⁵ Там же.

³⁶ О состоянии Гофмана в первое время пребывания в Чернигове Вадим Модзалевский сообщил в Петроград своему старшему брату: «Модя еще влечется обратно. Объясняется это тем, что пока он еще устроился не совсем; занятия его служебные <...> дают всего 3000 р<ублей>, чего, конечно, мало. Но я имею полную надежду достать ему работы еще. Волнуют его еще книги, которые не высланы из Петрограда, не выяснен вопрос с дальнейшей отсрочкой, уроками, газетой, которую он тут затевает, и т. д. — и он немного скулит» (РО ИРЛИ, ф. 184, письмо Вад. Л. Модзалевского к Б. Л. Модзалевскому от 20 августа 1917 г.).

³⁷ Часть фельетонов Гофман издал отдельными брошюрами: «Поэзия К. Ф. Рыльева» (Чернигов, 1917) и «Пушкин: Его общественно-политические взгляды и настроения» (Чернигов, 1918).

³⁸ Гавас (Agence Navas) — международное информационное агентство, основанное в Париже Ш. Гавасом в 1835 г. (существовало до 1940 г.).

другое) большевистской революции, и для этого скрыть полученное мною известие (никто не мог узнать о перевороте без „Черниговского края“ — единственной информации). И вот я откладываю на четверть часа писание передовицы, составляю подложную телеграмму (что-то вроде следующей: „*Провал большевиков* (выделено Гофманом. — Т. К.). Петербург, 25 октября (Гавас). Сегодня большевики сделали попытку захватить власть. После кровопролитных боев на улицах Петрограда войска, верные Временному правительству, подавили восстание. Спокойствие в городе восстановлено. Производятся обыски среди большевиков“), бегу в типографию к наборщику, который успел уже набрать верную телеграмму, тут же рву ее на мелкие кусочки и говорю наборщику: „Я сейчас получил телеграмму, опровергающую сведения, находящиеся в набранной Вами фальсифицированной телеграмме; наберите вместо нее эту“ — и даю мой придуманный текст. После этого звоню по телефону Д. И. Дорошенке (он был чем-то вроде губернатора <...>) и говорю ему о том, что получил последнюю телеграмму о захвате власти большевиками. „Да, я знаю: я сегодня говорил по напрямую по проводу с Центральной Радой, и мне сообщили об этом“ (конечно, соврал, как я скоро в этом убедился <...>). Я ему сказал, что решил не печатать эту телеграмму и вообще скрыть это известие. Он рассыпался в благодарностях мне <...>. Переговорив с Дорошенкой, я сел за стол и стал писать небольшую передовицу (тему ее я развил на следующий день) — небольшую, п<отому> ч<то> надо было сочинять статьи от „наших корреспондентов“ (!?) о подробностях восстания и его подавления в Петербурге. Целую неделю я обманывал читателей, печатая информацию, придуманную мною; через неделю пришли газеты из Киева — правда стала известна, и мне пришлось идти на попятную, изворачиваясь тем, что редакция была введена в заблуждение агитационно-ложными телеграммами. Но я свое дело сделал: Киев принял меры, и черниговские большевики не рыпались, и только еще сильнее возненавидели меня <...>. Выкрутившись раз, а выкручиваться нетрудно, п<отому> ч<то> у газеты эфемерная жизнь (кто сегодня помнит, что он прочел в газете вчера!), я не утомился и в борьбе с большевиками продолжал обманывать читателя: теперь в своих передовицах я утверждал, что большевики ограничатся Великороссией и не пойдут завоевывать Украину, зная, что они уже приближаются к нам. Утром 17-го января (1918) вышла газета с моей передовицей, в которой я доказывал, что большевики не придут в Чернигов, п<отому> ч<то> им в этом нет никакого смысла и что этот крик только задержит их поход на Киев, а в то время, как в киосках продавалась эта газета, большевики уже заняли Чернигов и поставили свое правительство <...> (надо сказать, что первые большевики были очень мягкие и человечные)».³⁹

В течение 1918 г. газету Гофмана несколько раз закрывали, и он пытался ее возобновлять. Как издатель газеты, он прошел в то время через все опасности, которые возникали при постоянной смене власти на Украине: скрывался от «первых» большевиков за антибольшевистскую пропаганду; получал предупреждения от немцев за антинемецкую направленность газеты; бежал от петлюровцев, которые объявили его «ворогом украинского народа» и приговорили к расстрелу за отказ принять украинское гражданство. При «вторых» большевиках, пришедших после немцев осенью 1918 г., Гофман окончательно закрыл газету и поступил на службу в Совет кооперативных съездов, который на первых порах возглавляли правые (бывшие кадеты). В сферу деятельности Совета входила и просветительная работа — издание газеты и книг, и под его грифом Гофман успел напечатать в 1919 г. к 120-летию Пушкина две

³⁹ Из воспоминаний М. Л. Гофмана.

книги о поэте⁴⁰ и в том же году — книжку о Некрасове.⁴¹ Кроме службы в Совете кооперативных съездов Гофман произносил вступительные слова на лекциях-концертах.

«В это время, — вспоминал он, — была большая мода на концерты-лекции по финансовым соображениям: на концерты был очень высокий налог, который делал бессмысленным устройство концертов, а прибавление вступительного слова-лекции превращало концерт в лекцию с музыкальными иллюстрациями и освобождало вовсе от налога. Я прочел несколько очень вдохновенных слов (особенно удались Чайковский и Римский-Корсаков <...>). Ходил я на концерты с некоторым страхом: вернешься ли домой, или схватят большевики, возьмут в чеку и выведут в расход? Дело в том, что террор, продолжавшийся всю весну, летом принял совершенно неслыханные размеры: началось наступление добровольцев, большевики каждый день хватили заложников и при малейшем успехе добровольцев (а добровольцы определенно отвоевывали Россию и, в частности, Украину), выводили в расход (все лучшие люди в Чернигове уже погибли, и я чувствовал — а м<ожет> б<ыть>, даже больше чем чувствовал, что очередь быть заложником дошла до меня). Я решил бежать из Чернигова — случай мне помог. В Чернигов приехал Л. В. Собинов и дал свой концерт, перед которым я говорил вступительное слово; Надя (Н. Л. Гофман. — Т. К.) аккомпанировала Собинову. Концерт был исключительно удачный, и Собинов был от всего в восторге: и от того, как он пел, и от того, сколько заработал, и от моего вступительного слова, и, наконец, больше всего от аккомпанемента Нади, от ее исключительной музыкальности».⁴²

Прямо на концерте Гофман договорился с Собиновым, что на следующий день уедет с ним в Киев на машине, предоставленной певцу большевиками. Он осуществил свой план и решил оставаться в Киеве до тех пор, пока Чернигов не будет взят добровольцами. Бегство из Чернигова спасло Гофману жизнь (почти сразу после его отъезда в дом пришли большевики, устроили обыск, забрали вещи Гофмана, в том числе и все подготовительные материалы к тому писем Боратынского, увели в ЧК жену и приговорили к расстрелу, от которого ей удалось спастись), но обрекло на злоключения и мучительные скитания по югу России поздней осенью—зимой страшного 1919 г. Он стал свидетелем развала добровольческого движения, с которым связывал серьезные надежды, и повсюду — на переполненных вокзалах и в поездах — встречался с проявлениями жесточайшего террора и зверств большевиков, петлюровцев, белогвардейцев; в Елисаветграде переболел сыпным тифом в тяжелой форме и был на грани смерти. Пока Елисаветград был добровольческим, Гофман сотрудничал в газете и, имея мандат представителя Государственной Книжной палаты на Украине, собирал дворянские библиотеки для Государственного Книжного фонда, а их владельцам выдавал охранные грамоты. С приходом большевиков Гофману снова пришлось бежать в Киев. В январе 1920 г. он, очень изменивший после тифа, тайком, с крестьянским пешим обозом, пробрался в Чернигов, чтобы узнать что-нибудь о семье, и, не задерживаясь там, — пешком, в теплушках, на открытых площадках товарных поездов — через Гомель и Брянск отправился в Смоленск, а потом добрался до Москвы, где жили

⁴⁰ См.: *Гофман М. Л.* Пушкин: Краткий очерк жизни и творчества. Чернигов, 1919; Стихотворения Александра Пушкина / Под ред., со вступ. статьей и прим. М. Л. Гофмана. Чернигов, 1919.

⁴¹ См.: *Гофман М. Л.* Деревня в произведениях Некрасова. Чернигов, 1919.

⁴² Из воспоминаний М. Л. Гофмана.

родственники и где никто не знал о его контрреволюционной деятельности на Украине.

5 апреля 1920 г. Модест Гофман, наконец, вернулся в Петроград; на следующий же день он пришел в Академию наук к Модзалевскому, и уже 13 апреля Борис Львович сделал запись в своем академическом ежедневнике: «Гофман начал службу. Ночует он у меня».⁴³ Модзалевский сразу же предложил своему молодому коллеге место ученого хранителя рукописей в Пушкинском Доме, в котором к тому времени было сосредоточено более 30000 документов. Вскоре Гофман фактически принял должность заведующего Рукописным отделением и — после Н. А. Котляревского и Б. Л. Модзалевского — стал третьим лицом в Пушкинском Доме. Как вспоминал Гофман, он устроился «в пять минут»:

«Мне сейчас же выправили бумаги: так как у меня не было никаких документов, то Академия предложила мне дать о себе какие угодно сведения, которые она засвидетельствует, начиная с подложного имени (на случай, если до Петербурга дойдут сведения и слухи о моих похождениях; слухи — и преувеличенные — действительно доходили <...>). Я решил, что фамилию менять опасно; <...> поэтому я дал о себе совершенно верные сведения, кроме того, что прибавил себе два года: мне было в это время 33 года, я поставил 35,⁴⁴ чтобы не быть призванным в красную армию⁴⁵ (призывали до 35-ти лет); сейчас же мне выдали хлебные карточки <...> и стали хлопотать об ученом пайке, который я очень скоро и получил⁴⁶ (единственный прекрасный паек, по которому выдавали не только хлеб и селедки, но и настоящую табак, <...> и мыло, и проч., и проч., даже то, что во всех вызывало такую жгучую зависть — шоколад <...>). Служб (а значит, и пайков) у меня прибавлялось каждый день: я стал заведывать (sic! — Т. К.) литературными кружками (это была мода) что-то в семи красноармейских частях; <служил> товарищем председателя культурно-просветительного отдела при штабе Петроградского военного округа, преподавателем школы второй ступени, составленной из б<ывшего> Тенишевского училища и гимназии Таганцевой, позже — преподавателем Агрономического института и профессором Петроградского губернского института народного образования; затем был командирован в качестве представителя Академии при разборе сейфов, затем Б. Л. Модзалевский уступил мне свое место секретаря Комиссии по изданию сочинений Пушкина и проч., и проч. <...> Заведывание литературными кружками сводилось к утомительным путешествиям по заросшим травой улицам Петербурга за жидкими пайками (хлеб, немного сахару, немного соли, селедки, немного крупы, чаю, махорки). Приходишь в полк (на другой конец города), и старый кружковец-красноармеец докладывает: „Так что сегодня занятия не будет, не могу собрать товарищей красноармейцев (начальство пропагандировало кружки, а красноармейцы их саботировали), пойдите в цейхгауз получить паек“; нагружаешь мешок, взваливаешь его на спину и идешь домой или в другую часть,

⁴³ РО ИРЛИ, ф. 184 (записная книжка Б. Л. Модзалевского 1920—1928 гг., л. 2 об.). См. также отпуск служебной записки Модзалевского в Правление РАН от 14 апреля 1920 г. и копию академического удостоверения М. Л. Гофмана, выданного 16 апреля 1920 г. (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1918), № 3, л. 116—117).

⁴⁴ См., например, списки сотрудников Пушкинского Дома и анкету Гофмана, где указано, что он родился в 1885 г. (а не в 1887 г.): ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1920), № 4, л. 1, 12.

⁴⁵ Удостоверение, освобождающее Гофмана «от призыва и отбывания воинской повинности», было выдано ему 19 апреля 1920 г. (см.: ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1918), № 3, л. 120, 124).

⁴⁶ См.: Там же, л. 118.

где повторяется то же самое. Работа в клубе при начальнике штаба была более нервной; и у меня иногда бывало впечатление, что я хожу по веревке над пропастью: мы — председателем был, конечно, коммунист, членами — коммунисты и антикоммунисты, — выработывали для заведывающих (sic! — Т. К.) кружками в красноармейских частях инструкции; я составлял инструкции, в которых запрещал заведывающим заниматься политической пропагандой (<...> когда я говорил об этом, коммунисты на меня смотрели <...> так, точно хотели съест меня); начинают говорить о моей контрреволюционности — я подойду к пропасти и начинаю отходить: „необходимо запретить политику, п<отому> ч<то> большинство заведывающих контрреволюционеры и под видом коммунистической пропаганды будут заниматься черносотенной агитацией“». ⁴⁷

Отношение Гофмана к новой власти, которое он не скрывал в близком кругу, его недавнее «контрреволюционное» прошлое, между прочим, получило отзвук и в обращенном к нему дружеском посвящении младшего коллеги — Б. И. Коплана, также хранителя рукописей, который, как утверждал М. Д. Беляев, находился под «сильным влиянием» Гофмана. Стихи были сочинены ко дню рождения Гофмана в 1921 г.:

Чтоб начертить в один присест
Стихи на случай, нужно ль много?
Нет — лишь бы улеглась тревога,
А там — пиши: привет, Модест,
Тебе от младшего собрата!
Хоть для тебя уж нет возврата
К беспечной юности, но ты,
Ты не прогнал еще мечты,
Животворящие легенды;
Ты не отвык еще в тиши
Внимать волнениям души,
Встречать урочные календы,
Благословляя их приход;
Ты не забыл тетради нот,
Подаренной тебе Каменной,
Еще клянешься Ипокреной
И чтить еще священный грот.
Что ж больше? Кажется, довольно!
Живешь ты юношески вольно;
Ты — правоверный пушкинист;
Дух времени тебя не сгубит,
И уж наверно не полюбит
Тебя двуличный коммунист.
Тебя... Но с Ангелом когда же
Поздравлю я? Учтивый он,
Твой Ангел! «Вот уж, вот уж, — скажет, —
Неисправимый ветрогон!»
Прости! Ведь дело поправимо:
Привет — мой первый будет стих.
Отменных доблестей твоих
Пройти мне не хотелось мимо. ⁴⁸

На первых порах многочисленные «службы» отвлекали Гофмана от академического присутствия, и ему не однажды приходилось выслушивать «робкие и слезливые», по его словам, упреки Модзалевского: «Вы опять, Модя, опоздали — уже почти 12 часов дня» (служба в Академии начиналась в 10). Впрочем, скоро академические обя-

⁴⁷ Из воспоминаний М. Л. Гофмана.

⁴⁸ РО ИРЛИ, ф. 184 (письмо Б. И. Коплана к Б. Л. Модзалевскому от 30 июня 1921 г.).

занности поглотили все его время. Неутомимая и многообразная деятельность Гофмана в Пушкинском Доме за два с небольшим года (до отъезда в Париж) практически не отражена в публикуемых письмах, что понятно (он все время рядом с Модзалевским). Но имя Модеста Гофмана постоянно встречается в академическом ежедневнике Модзалевского по самым разным поводам: это и совместная работа по подготовке четырехтомника Пушкина и сочинений Дельвига для «Издательства З. И. Гржебина», и выступления Гофмана на открытых научных заседаниях Пушкинского Дома, и строительные хлопоты, и постоянные командировки за архивами — в Москву и подмосковные усадьбы. В июне—июле 1920 г. Гофман организовал, в частности, доставку из подмосковного имения княгини А. М. Козловской и из ее московской квартиры ценнейшего архива и замечательной по подбору редких книг библиотеки ее отца — М. Н. Лонгинова.⁴⁹

Весной 1919 г. Пушкинскому Дому, коллекции которого с момента основания располагались в Академии наук на Университетской набережной, было предоставлено здание Архива бывшего Таможенного департамента, по соседству с Библиотекой Академии наук (Тифлисская ул., д. 1), а через год, летом 1920 г., особняк князя С. С. Абамелек-Лазарева на улице Халтурина (современный адрес: Миллионная ул., д. 22), где можно было устраивать выставки и открытые научные заседания.⁵⁰

Здание на Тифлисской улице, где в пореволюционные годы находилась хлебная биржа, было «в столь плачевном виде», что М. Д. Беляев «в шутку называл его моделью домика Инзова после землетрясения» и добавлял, что «затем втиснуть Пушкинский Дом в эти далеко не живописные развалины, безусловно, была одной из самых неудачных идей Бориса Львовича», который «отчего-то был фанатически предан ей».⁵¹ С новыми адресами Пушкинского Дома оказалась связанной и «домашняя» жизнь самого Гофмана. В ноябре 1920 г., задолго до переезда Пушкинского Дома на Тифлисскую улицу, его семье была выделена небольшая служебная квартирка в этом здании — «для охраны и приведения в порядок научного имущества Пушкинского Дома», как значилось в официальном ходатайстве.⁵²

«Жить там было очень неудобно, — вспоминал Гофман, — т<ак> к<ак> там были хлебные амбары, то крыс была такая тьма, что у нас бегали по квартире, как по своей, и откусили прислуге нос; хорошо еще, что было тепло, п<отому> ч<то> нам выдали для осушки дров такую массу (а дрова в это время были громадной ценностью, и всех посылали вылавливать дрова; на этой работе простудился, заболел и умер академик А. А. Шахматов, после чего ученых освободили от этой повинности), <...> что мы не только не стеснясь топили, но и перевезли на другую квартиру».⁵³

Уже к осени 1921 г. он переселился в один из корпусов дома Абамелек-Лазаревых (наб. Мойки, д. 21, кв. 3) — в том числе и для «организации там работ».

⁴⁹ Об этих командировках Гофмана см. письмо 29.

⁵⁰ См.: Пушкинский Дом при Российской Академии Наук: Исторический очерк и путеводитель. Л., 1924. С. 25, 31; Яковлев Н. В. Из воспоминаний о Пушкинском Доме // Звезда. 1969. № 8. С. 170—172; Измайлов Н. В. Воспоминания о Пушкинском Доме. 1918—1928 гг. / Публ. Н. А. Прозоровой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1998—1999 год. СПб., 2003. С. 293—298.

⁵¹ РО ИРЛИ, р. 1, оп. 2, № 394, л. 38 (Беляев М. Д. Пушкинский Дом и его первые обитатели).

⁵² См.: ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1918), № 3, л. 249.

⁵³ Из воспоминаний М. Л. Гофмана.

«Владельцы этого прекрасного особняка уехали за границу, оставив дом и все вещи в доме на попечение управляющего — Ф. М. Галки, — вспоминал Гофман. — Галка, чтобы спасти дом от реквизиции, пришел к нам в Пушкинский Дом и просил взять себе этот дом; я без труда выхлопотал этот дом для П<ушкинского> Дома и за это получил лучшую квартиру в доме».⁵⁴

Воспоминания Гофмана проясняют также важный эпизод в биографии Модзалевского и самого Гофмана конца 1920—1921 гг. и позволяют прокомментировать две записки А. А. Дунина-Борковского, сохранившиеся в архиве Модзалевского. Одна из них относится к 26 апреля 1921 г.; другая, недатированная, написана второпях, карандашом, на небольшом листе бумаги: «Многоуважаемый Борис Львович, писал 2 раза М. Л. Гофману, что работы мною производятся в Горфинотделе по вторн<икам>, четв<ергам> и субб<отам>, как и прежде. Очень было бы необходимо Ваше присутствие во вторник, т<ак> к<ак> получено из Москвы от Замнаркомпроса т. Покровского отношение о том, что все литературные (подчеркнуто автором. — Т. К.) материалы, находящиеся в сейфах, подлежат пересылке в Москву в его адрес. Ввиду сего в Горфинотделе бьют тревогу и просят представителя Ак<адемии> Н<аук> пожаловать туда. Буду Вас ждать».⁵⁵ С 4 декабря 1920 г. Б. Л. Модзалевский был полномочным представителем Академии наук в «Особой комиссии по разбору ценностей и документов, изъятых из сейфов б<ывших> частных банков г. Петрограда».⁵⁶ В конце января 1921 г. он тяжело заболел, и его полномочия перешли Гофману. Позднейший рассказ Гофмана о работе в этой Комиссии — единственное и, безусловно, достоверное свидетельство участника этой достаточно опасной и рискованной деятельности:

«Вскоре после октябрьской революции банки были национализированы и обезличены: наскоро были изъятые деньги и драгоценности, а все остальное было свалено во двор Государственного банка в общей куче; в 1920 году решили пересмотреть содержимое сейфов, и образована была комиссия из представителей рабоче-крестьянской инспекции (могут оказаться документы, которые помогут выловить контрреволюционеров), комитета по охране памятников старины и искусства и Академии Наук (могут оказаться литературные и научные материалы), и решено было пересмотреть все и разложить по „депо“. Состав комиссии был очень пестрый: были ярые коммунисты (как представитель рабоче-крестьянской инспекции), были ярые контрреволюционеры (как Дунин-Борковский, представитель комитета по охране памятников искусства и старины). Представителем Академии Наук был сперва Модзалевский, потом он передал мне свое представительство, и я два раза в неделю ходил на разборку сейфов. По распоряжению правительства мы обязаны были все отбираемое класть каждый в свое „депо“, которое будет доставлено по принадлежности по окончании всей работы,⁵⁷ но т<ак> к<ак> мы с Модзалевским не особенно доверяли этому обещанию (и были правы — „депо“ Академии было отправлено в Москву,⁵⁸ которая обнаружила недо-

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ РО ИРЛИ, ф. 184 (письмо А. А. Дунина-Борковского к Б. Л. Модзалевскому после 12 сентября 1921 г.).

⁵⁶ Сохранилось удостоверение Б. Л. Модзалевского (см.: РО ИРЛИ, ф. 184).

⁵⁷ «Правила для руководства по разбору документов личного характера, изъятых из сейфов бывших частных банков г. Петрограда», утвержденные 21 декабря 1920 г., см.: ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1922), № 2, л. 189—190.

⁵⁸ В делопроизводственном фонде Пушкинского Дома сохранились краткие описи документов личного характера, отобранных Особой комиссией с 20 декабря 1920 г. по 19 мая 1921 г. из сейфов Волжско-Камского, Сибирского банков и банка «Лионский

статок многих материалов, которые должны были находиться в сейфах, П<ушкинский> Дом испытал много неприятностей и отчасти из-за этого был разгромлен, и многие сотрудники были сосланы), то мы решили, что все наиболее интересное или в литературном отношении, или в политическом (т. е. то, что могло подвести собственников сейфов под расстрел), я буду потихоньку (с риском, что при выходе из банка меня обыщут и арестуют) приносить в П<ушкинский> Дом. Я никогда не возвращался <без рукописей> в П<ушкинский> Дом, п<отому> ч<то> находок у меня было много (м<ежду> п<рочим>: неизданные дневники вдовы Достоевского Анны Григорьевны, письма русских и французских писателей, коллекция марок — по-видимому, неполная, государя, очень интересная; письма государя к Трепову перед подписанием манифеста 17 октября; 9 января — после Гапоновской истории и проч.; была еще одна находка, о которой я могу рассказать, но не решаюсь доверить бумаге)». ⁵⁹

Одну из названных Гофманом банковских «находок» удалось идентифицировать: это рукопись, которую он называет «дневниками» вдовы Достоевского. Известно, что в ноябре 1921 г. в соответствии с распоряжением правительства (о нем и идет речь в записке Дунина-Борковского) Гохран передал из Петрограда в Москву «ящик из белой жести» с рукописями Ф. М. Достоевского и материалами А. Г. Достоевской. В описи содержимого этого ящика не значится ни ее дневников, ни ее воспоминаний. ⁶⁰ Эти рукописи, сначала определенные на хранение в Центрархив, ныне находятся в Российском государственном архиве литературы и искусства. Там же хранятся сейчас и две тетради дневника Достоевской за 1867 г., которые М. Н. Покровский привез в Центрархив из Тифлиса в 1922 г. ⁶¹ В учетных документах Рукописного отдела Пушкинского Дома, естественно, нет никаких сведений о поступлении в 1921 г. документов А. Г. Достоевской из Горфинотдела или сейфов бывших частных банков. Однако рукопись жены писателя все же осталась в Пушкинском Доме, и Гофман даже опубликовал ее. В 1922 г. в сборнике, подготовленном А. С. Долининым, были напечатаны «Воспоминания А. Г. Достоевской», относящиеся к 1871—1872 гг., с пометой: «сообщил М. Л. Гофман» и нейтральным объяснением происхождения рукописи: «Приведенные выше отрывки из воспоминаний А. Г. Достоевской о Ф. М. Достоевском составляют три разрозненных тетрадочки ее записок, *случайно* (выделено нами. — Т. К.) попавших в Пушкинский Дом при Российской Академии наук и предполагаемых к опубликованию полностью в отдельном издании». ⁶² Это, действительно, тетрадочки малого формата и небольшого объема, ⁶³ которые легко можно было спрятать в кар-

кредит» и «подлежащих хранению и передаче» Главархиву, Экспертной комиссии и Академии наук (см.: ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1922), № 2, л. 147—204). Как следует из этих описей, в «депо» Академии наук было отложено содержимое 77 сейфов, но в Академию эти документы так и не были переданы. В соответствии с распоряжением правительства в ноябре 1921 г. они были отправлены в Главархив.

⁵⁹ Из воспоминаний М. Л. Гофмана. Письма Николая II к Д. Ф. Трепову были изъяты из Пушкинского Дома в ходе следствия по «академическому делу».

⁶⁰ См.: Документы по истории литературы и общественной. Вып. 1. Новые записные тетради Ф. М. Достоевского. М., 1922. С. III—VIII.

⁶¹ См.: Н. Б. Архив Ф. М. Достоевского // Архивное дело. 1925. Вып. 2. С. 78, 84. — Авт.: Н. Ф. Бельчиков; Описание рукописей Ф. М. Достоевского / Под ред. В. С. Нечаевой. М., 1957. С. 9—10.

⁶² Ф. М. Достоевский: Статьи и материалы / Под ред. А. С. Долинина. Пб., 1922. С. 500.

⁶³ См.: РО ИРЛИ, № 29592, 29595, 29596. Гофман напечатал две последние рукописи. Первая из указанных рукописей А. Г. Достоевской, озаглавленная «Мои воспоминания» и датированная 16 июля 1910 г., в начале 1923 г. по предложению Б. Л. Мод-

манах брюк или костюма и незаметно вынести, а потом, в Пушкинском Доме, «растворить» среди других материалов А. Г. Достоевской, поступивших в декабре 1920 г. и ноябре 1921 г., — что и сделали Модзалевский и Гофман. По другому свидетельству Гофмана, Модзалевский принимал также на хранение архивы и рукописи, за хранение которых их владельцы «могли бы поплатиться жизнью».⁶⁴ В приведенном фрагменте воспоминаний «о сейфах» Гофман высказал свое предположение о том, что обнаруживший при передаче в Москву «недостаток» литературных материалов «отчасти» послужил причиной разгрома Пушкинского Дома. Здесь идет речь о печально известном «академическом деле», начатом в конце 1929 г., когда Гофман был в эмиграции, а Б. Л. Модзалевского уже не было в живых, и на них не обрушились репрессии. «Бывшему Пушкинскому Дому» (в 1930 г. его переименовали в Институт новой литературы) тогда было официально предъявлено обвинение, что он «под видом работы над историко-литературными материалами развил прямую контрреволюционную, вредительскую деятельность», а его руководству инкриминировалось «сокрытие архивов ПК (вероятно, Петербургского комитета — Т. К.) РСДРП за 1906 г., ЦК меньшевиков, ЦК кадетов, архивов Лаврова, Струве, Водозова», «связок различных царских документов» — «с прямыми контрреволюционными целями».⁶⁵ Знать бы, о какой «находке» в сейфах Модест Гофман не захотел написать своей корреспондентке!

Истосковавшийся за время отсутствия в Петрограде по научной и литературной работе, Гофман много и азартно писал. Его всегдашняя работоспособность не изменяла ему. В суровой бытовой и социальной реальности начала 1920-х гг. он ощущал себя очень счастливым человеком, утверждая позднее, что «легкость, безопасность и удачливость 1920 года уже больше никогда не возвращались».⁶⁶ Гофман печатался в академическом издании «Пушкин и его современники», Госиздате, в частных изданиях «Атеней» и «Картонный домик», заключил договоры с «Издательством З. И. Гржебина» на издания Жуковского, Батюшкова и Боратынского со своими вступительными очерками.

Однако приоритетным направлением научных интересов Гофмана стало изучение рукописей Пушкина. В академической анкете 1921 г. в графе: «Разработкой какого вопроса занят в настоящее время» — Гофман указал: «Установление канонического текста сочинений Пушкина».⁶⁷ Необходимость «очищения» текстов Пушкина от редакторского произвола и фронтального изучения рукописного фонда поэта Гофман осознал (и писал об этом Модзалевскому) еще в 1916 г., когда начал подготовку текста «Евгения Онегина» для академического издания сочинений Пушкина.⁶⁸ В пореволюционное время Гофман стремился утвердить одним из основных направлений в деятельности Пушкинского Дома разработку текстологических проблем, наряду с собирательской, выставочной и публикаторской работой. В апреле 1920 г. он был введен в Комиссию по изданию сочинений Пушкина, которая существовала при Академии

залевского была подготовлена к публикации харьковским исследователем Г. В. Прохоровым (Гофман в это время был уже в Париже) и появилась в другом сборнике о Достоевском (см.: Ф. М. Достоевский: Статьи и материалы / Под ред. А. С. Долиннина. Л.; М., 1924. Сб. 2. С. 285—302. — На обл.: Л., 1925). «Легенда» этой рукописи изложена в преамбуле к публикации следующим образом: «Отрывки эти летом 1921 года попали в Пушкинский Дом вместе с деловыми бумагами Анны Григорьевны» (С. 285).

⁶⁴ Гофман М. Л. По поводу истории академического издания сочинений Пушкина. С. 282.

⁶⁵ Литературное наследство. М., 1931. Т. 1. С. 2—3.

⁶⁶ Из воспоминаний М. Л. Гофмана.

⁶⁷ ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1920), № 4, л. 12.

⁶⁸ См. письмо 27.

наук с 1901 г., в качестве научного сотрудника 1-го разряда и члена-секретаря.⁶⁹ 20 декабря 1920 г. Гофман подал в Комиссию записку, содержание которой представляет сегодня не только исторический интерес:

«В заседаниях Комиссии по изданию сочинений Пушкина неоднократно высказывалось опасение, что при том медленном темпе, каким идет издание сочинений Пушкина (с 1898 г.), и при той разнородной работе различных редакторов, к выходу последних томов первые томы издания окажутся устаревшими, и потребуются пересмотр и переработка всего издания. В частности, уже в 1916 году в Комиссии возник вопрос о необходимости не простого переиздания, но и пересмотра первых двух томов академического издания сочинений Пушкина. Эти опасения и предположения Комиссии, а также и другие факты (например, самая возможность появления недопустимого с научной точки зрения издания сочинений Пушкина под редакцией В. Я. Брюсова) свидетельствуют о том, что до сих пор нет канонического текста Пушкина — главного предмета работ Комиссии — и по моему скромному, но глубокому убеждению такой канонический текст сочинений Пушкина и не может появиться прежде методического и всестороннего изучения рукописей поэта. Между тем то, что должно бы лежать в основе всякого издания — исследование рукописей, — до сих пор носило спорадический, а порой и случайный характер, и мы до сих пор не располагаем даже описанием рукописей Пушкина. Единственным исключением является описание В. Е. Якушкина, но 1) оно касается только рукописей Пушкина, хранящихся в Румянцевском Музее, 2) оно весьма и весьма неполно и 3) оно нуждается в исправлении весьма значительных погрешностей. Каждому исследователю, работающему над текстом Пушкина, приходится встречаться с этим большим пробелом — с отсутствием полного описания всех рукописей поэта, являющимся тормозом при работе, и глубокая уверенность в необходимости такого описания и желание посильно помочь дорогому мне делу изучения и установления канонического текста сочинений Пушкина дают мне смелость обратиться в Комиссию с предложением исполнить для Комиссии эту работу по описанию всех рукописей Пушкина. По приблизительному плану работ описание всех рукописей Пушкина потребует для себя 3 тома по 40—50 печатных листов: 1-ый том — рукописи Румянцевского музея, 2-ой том — рукописи Публичной Библиотеки, рукописного отделения (Библиотеки Академии наук. — Т. К.) и Пушкинского Дома Российской Академии Наук (включая сюда и парижское собрание А. Ф. Онегина-Отто), 3-й том — рукописи прочих музеев и книгохранилищ.

Ввиду того, что поставленная мною методическая задача описания рукописей Пушкина потребует большого и постоянного напряжения и займет значительное время, я предполагал бы немедленно приняться за осуществление предлагаемого мною плана, невзирая на бумажно-типографский кризис.⁷⁰

Приступил ли Гофман к этой работе, неизвестно (6 декабря 1921 г. он был исключен из списков научных сотрудников Комиссии по изданию сочинений Пушкина «за уничтожением штатов Комиссии»⁷¹). В начале 1922 г. вышла двумя изданиями книга Гофмана «Пушкин. Первая глава науки о Пушкине», посвященная вопросам установления «канонического текста» и «последней воли» автора. В среде пушкинистов она сразу же вызвала резкую полемическую реакцию. Тем не менее один из самых жестких критиков текстологических принципов Гофмана Б. В. Томашевский позднее

⁶⁹ См.: ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1918), № 3, л. 117; оп. 1 (1920), № 4, л. 12, 14.

⁷⁰ РО ИРЛИ, р. I, оп. 5, № 287 (черновой автограф).

⁷¹ ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1921), № 9, л. 86.

утверждал, что «новая литература по текстологии начинается с работ Модеста Гофмана».⁷²

Полемика вокруг «Первой главы науки о Пушкине» и «Пропущенных строф „Евгения Онегина“» (33—35-й том «Пушкина и его современников» с этой работой Гофмана был отпечатан в июне 1922 г.) разворачивалась уже без участия автора. В июле 1922 г. он отправился в научную командировку в Париж — для возобновления договора Академии наук с хранителем Пушкинского музея А. Ф. Онегиным. Вряд ли сам Гофман мог тогда предположить, что его успешная и стремительная академическая карьера прервется и он не вернется в Россию. История его пребывания в Париже, заключение нового договора с Онегиным, сложные переговоры с Академией наук о собственной судьбе отражены в письмах к Б. Л. Модзалевскому 1922—1926 гг., которые составят вторую часть публикации.

В первую часть публикации вошли письма М. Л. Гофмана к Б. Л. Модзалевскому за 1904—1921 гг. (ответные письма Модзалевского не сохранились). Письма Гофмана (кроме письма 29) печатаются по автографам, хранящимся в архиве Модзалевских (РО ИРЛИ, ф. 184); письмо 29 хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН в составе делопроизводственных документов Пушкинского Дома за 1917—1926 гг. (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1917), № 3, л. 84—85). Орфография и пунктуация приведены в соответствии с современной нормой.

За помощь в подготовке публикации и предоставление материалов из фонда Модзалевских выражаем сердечную признательность Л. К. Хитрово, которая в настоящее время осуществляет научно-техническую обработку и описание этого фонда.

1

8 (21) ноября 1904 г. Петербург

Петербург.
8 Ноября 1904 г.
1 Кадетский корпус.

Многоуважаемый Борис Львович,

обращаюсь к Вам с большою и, по всей вероятности, неудобно исполнимою по причине хлопотливости ее просьбою... Неудобно и стыдно писать... (Говорить же было бы еще неудобнее, почему я и не пошел сам просить Вас).. Видите ли... так сказать.... вообще.... я... буду... писать до некоторой... степени... нечто вроде реферата по русской истории, под названием: «Боярская дума в древней Руси» по Ключевскому¹ и Сергеевичу² и.. так как... и пр.... я..... Не могу... Вздохну и тогда приступлю вновь. В прошлом году для занятий по русской литературе (к которой я питаю, можно сказать, до некоторой степени, родственные чувства) ходил в Императорскую Публичную библиотеку, что хотел делать и теперь. Но судьба сулила иное: начальство, усмотрев в этом преступление против нравственности и

⁷² Толмашевский Б. Издания стихотворных текстов // Литературное наследство. М., 1934. Т. 16—18. С. 1055. Там же (С. 1055—1060) см. оценку основных текстологических положений Гофмана.

справедливо беспокоясь, что голова вскружится и ум за разум зайдет, не дало разрешения, которого я чаял, как движения воды. А тут еще реферат.... Еще вздох.... Прослышал я, что можно, если... и т. д., брать книги в библиотеке Академии Наук.... а потому, зная.... Ваше... так сказать.... хотел Вас просить..... мне... билет..... Стыдно! И еще не все! Сестра моя, Вера,³ просила.... замолвить, по родственному моему к ней чувству, словечко..... Мне стыдно.. Я краснею.. Закрываю рукавом рубашки лицо..... Простите, Борис Львович!.....

Как здоровье Нины Львовны,⁴ ее мужа⁵ и младенца,⁶ имя же рек.. не знаю. Имеете ли какие-нибудь вести от Н. М. Микешина,⁷ и не собирается ли Тамара Львовна⁸ ехать в Харбин.⁹ Передайте, пожалуйста, всем Вашим мой нижайший поклон.

Вельми-Уважающий Вас и пр<очее>.

Модест.

¹ *Ключевский Василий Осипович* (1841—1911) — историк, академик (с 1900 г.), автор фундаментальных трудов по русской историографии, истории крепостного права, сословий, финансов. Докторская диссертация Ключевского «Боярская дума Древней Руси» была опубликована отдельным изданием в 1881 г.

² *Сергеевич Василий Иванович* (1832—1910) — юрист, профессор Московского и Петербургского университетов, глава государственной юридической школы в России, автор фундаментальных трудов по истории права (в том числе «Древностей русского права», «Лекций и исследований по древней истории русского права», которые выдержали несколько изданий).

³ Речь идет о старшей сестре М. Гофмана — Вере Людвиговне (в замуж. фон Кнорринг).

⁴ *Энкель Нина Львовна* (1884—?) — младшая сестра Б. Л. Модзалевского, воспитанница Мариинского института (выпуск 1901 г.); с 1904 г. замужем за М. А. Энकेлом. Судя по домашней переписке Модзалевских, в октябре 1904 г. все Энкели были больны, особенно тяжело болел М. А. Энкель.

⁵ *Энкель Михаил Александрович* (1881—не ранее 1936) — инженер-технолог, выпускник Технологического института в Петербурге.

⁶ *Энкель Татьяна* (1904—не ранее 1920) — дочь М. А. и Н. Л. Энкелей.

⁷ *Микешин Борис Михайлович* (1873—1937) (у Гофмана описка или ошибка в написании имени) — скульптор и художник; сын скульптора М. О. Микешина, муж Т. Л. Модзалевской. Не имел специального художественного образования; в 1893—1906 гг. работал банковским служащим. Начало творческой деятельности Б. М. Микешина волею случая оказалось связанным с Б. Л. Модзалевским, которого он называл «братом» и «самым близким своим другом». Можно не сомневаться в том, что именно он (как «шурин») упоминается в рассказе Микешина: «В 1904 году, роюсь как-то в отцовском наследии, я нашел кусочек воска и попробовал вылепить барельеф-профиль моего шурина. Когда у меня получилось некоторое сходство, я несказанно был удивлен и обрадован. Сейчас же попробовал еще и еще. Работа меня так захватила, что я начал отдавать ей все свободное время» (цит. по: *Северюхин Д. Я., Лейкинц О. Л.* Художники русской эмиграции (1917—1941). СПб., 1994. С. 327). В 1904 г. он получил первую премию в конкурсе на памятник «Русским воинам, доблестно павшим при штурмах крепости Карс в 1828, 1855 и 1877 гг.» (установлен в 1910 г.). Б. Л. Модзалевский, сообщая матери о том, что Микешина призвали на русско-японскую войну, в частности, писал: «Боря бодрится, но и у него скребут кошки на сердце; жаль ему и того, что не успел закончить памятники, и его 3-х мес<ячны> груды пропадают даром. <...> Бедный Борька, мне его оч<ень> жалко, так жалко, точно я сам иду на войну. Очень я его люблю» (РО ИРЛИ, ф. 184, письмо Б. Л. Модзалевского к А. И. Модзалевской от 23 июня 1904 г.). Вспомнив Микешин создал памятники «Генерал-адъютанту К. П. фон Кауфману и войскам, покорившим Среднюю Азию» (установлен в Ташкенте в 1908 г.), М. Ю. Лермонтову на месте дуэли в

Пятигорске (открыт в 1915 г.) и перед Николаевским кавалерийским училищем в Петербурге (установлен в 1916 г.). Участвовал в создании храма «Спас на водах» в память моряков, погибших в русско-японскую войну (освящен в 1911 г.). В апреле 1917 г. стал учредителем петроградского Союза скульпторов-художников. В 1921 г. эмигрировал в Финляндию, откуда в 1924 г. переехал в Америку (умер в Нью-Йорке).

⁸ *Микешина Тамара Львовна* (1877—?) — младшая сестра Б. Л. Модзалевского, воспитанница Марининского института (выпуск 1895 г.); с 1901 г. замужем за Б. М. Микешиним.

⁹ В июне 1904 г. Б. М. Микешина призвали в действующую армию (он участвовал в боевых действиях в составе 88 пехотного Петровского корпуса, входившего в 22 дивизию). Был ранен в сражении под Ляояном, которое произошло 11—21 августа 1904 г. После лечения в госпитале Микешин в конце октября 1904 г. был назначен заведующим складом при штабе округа Маньчжурской армии, который был расквартирован в Харбине. 2 ноября Тамара Львовна получила вызов, который позволял ей выехать к мужу, и вскоре отправилась на Дальний Восток (она добралась до Харбина 26 декабря 1904 г.). (Сведения о Б. М. Микешине периода русско-японской войны выявлены по семейной переписке Модзалевских.)

2

15 (28) ноября 1904 г. Петербург

Петербург.
15 Ноября 904 г.

Многоуважаемый Борис Львович,

большое-большое Вам спасибо за Ключевского и Сергеевича. Я такое наглое послал Вам письмо, что никак не ожидал, что Вы будете так любезны, добры, что пришлете сами нужные мне книги, спасибо! Не ответил Вам сразу потому, что собирался пойти к Вам и поблагодарить лично, но так и не собрался: шесть дней сиюз взаперти в корпусе,¹ в субботу вечером — концерт Зилоти,² воскресенье днем к доктору, остальное же время не выхожу из дома, да и не знал, бываете ли Вы по воскресеньям в Петербурге. Сегодня понедельник, и предстоит в корпусе провести целую неделю, целую вечность... Сегодня показывал нашему преподавателю истории (г. Приселков³) книги и на днях начну работать — хотел бы увлечься, тем более, что тема очень интересная, но с корпусным режимом остается очень мало свободного времени при условии вечного ничегонеделания: строй, занятия и пр<очее>, а на чтение, на занятие посторонним делом нет ни минуты (за исключением 1½ часов — от 5½ до 6 ч<асов>). Был в среду у Григорович.⁴ Павел Семенович накануне встал после болезни. Часто получаем это время письма от Севы.⁵ Скорей бы, скорее бы кончилась эта семикратно проклятая, подлая война!

Желаю вам многи лета здравствовать, низко кланяюсь Вам и всем Вашим. Сестра (Надежда)⁶ передает свой привет.

Искренно и глубоко уважающий Вас

М. Гофман.

Что Борис Михайлович?!

¹ Имеется в виду 1-й Кадетский корпус.

² *Зилоти Александр Ильич* (1863—1945) — пианист и дирижер, выпускник Московской консерватории (1882), учился у Н. С. Зверева, Н. Г. Рубинштейна и П. И. Чайковского; совершенствовался в Веймаре под руководством Ф. Листа. С успехом концертировал в Германии, Бельгии, Франции, Англии, Америке. С 1900 г. жил в России. В 1903—1913 гг. организовал в Петербурге ежегодные циклы симфонических и камерных концертов, в которых выступал как дирижер и пианист. Концерт, о котором пишет Гофман, состоялся в зале Дворянского собрания 13 ноября. В нем, в частности, прозвучали Симфония № 3 А. К. Глазунова (под управлением автора) и впервые были исполнены А. Зилоти 10 прелюдий для фортепиано С. В. Рахманинова (соч. 23) (см.: С.-Петербург. Концерты А. Зилоти. Программы концертов за десять сезонов (1903/1904—1912/1913). СПб., 1913). В 1922 г. Зилоти эмигрировал (умер в Нью-Йорке).

³ *Приселков Михаил Дмитриевич* (1881—1941) — историк, источниковед, исследователь летописей. Выпускник Петербургского университета (1903); до революции преподавал в 1-м Кадетском корпусе, императорском Александровском лицее, Психоневрологическом институте и др.: приват-доцент (1907—1917) и профессор (1918, 1936—1941) Петербургского (Ленинградского) университета. В 1920-е гг. работал в историко-бытовом отделе Русского музея.

⁴ *Григоровичи* — общие знакомые Модзалевских и Гофманов. В частности, в одном из писем из Киева Вадим Львович Модзалевский сообщал о совместной с М. Гофманом поездке к Григоровичам, «где наслаждались музыкой» (РО ИРЛИ, ф. 184, письмо В. Л. Модзалевского к Б. Л. Модзалевскому от 30 марта 1904 г.).

⁵ *Гофман Всеволод Людвигович* — старший брат М. Л. Гофмана; военный инженер, однокашник Вадима Львовича Модзалевского (см. прим. 3 к письму 8) по Николаевскому инженерному училищу, по окончании которого в 1902 г. был прикомандирован к 1-му Полтавскому батальону; служил офицером-воспитателем в 1-м Кадетском корпусе, в 1-й Восточно-Сибирской саперной батарее; Свеаборгской крепостной минной роте. Участвовал в русско-японской и Первой мировой войнах (на последней попал в плен). После 1917 г. его служебная деятельность была связана с Москвой (по воспоминаниям М. Гофмана, в 1919—1920 гг. он служил во 2-й инженерной дистанции и жил в Лефортове). Умер во время Отечественной войны.

⁶ *Гофман (в замуж. Наумова) Надежда Людвиговна* — сестра М. Л. Гофмана, пианистка, выпускница Петербургской консерватории. В 1901—1917 гг. служила преподавателем музыки в Петербургском Александровском институте (умерла в Ленинграде в начале 1930-х гг.).

⁷ Речь идет о Б. М. Микешине. См. прим. 7, 9 к письму 1.

3

16 (29) декабря 1904 г. Петербург

Петербург.

16 Декабря 904 г.

Простите, пожалуйста, глубокоуважаемый Борис Львович, что только теперь возвращаю Вам Сергеевича и Ключевского; дело в том, что я был сильно болен, да и теперь не совсем здоров, — по крайней мере, настолько, что приходится сидеть дома, — кашлять, охать, ахать, «вздыхать из глубины души», ныть и ничего не делать. По этой причине не могу прийти к Вам и излить чувства благодарности, волнующие мою душу. Как поживают все Ваши? Тамара Львовна не уехала еще к Борису Михайловичу и нет ли каких-нибудь вестей от него?¹ Как здоровье Нины Львовны и ее мужа?² Передайте, пожалуйста, Александре Ивановне³ и всем Вашим мой привет. Хотел

бы зайти как-нибудь, да все нездоров, а теперь, как поправлюсь, думаю удрать в Крым к брату Вячеславу.⁴ Всеволод⁵ (кстати, от Всеволода Львовича⁶ нет никаких известий?) был долгое время в Харбине (теперь прислал телеграмму из Мукдена); странно, что он там не встречал Бориса Михайловича!

До свидания. Надежда⁷ кланяется Вам.

Искренно преданный Вам

М. Гофман.

¹ См. прим. 7—9 к письму 1.

² См. прим. 4, 5 к письму 1.

³ *Модзалевская (урожд. Константинович) Александра Ивановна* (1848—1920) — мать Б. Л. Модзалевского.

⁴ *Гофман Вячеслав Львович* (1882—1965) — старший брат М. Л. Гофмана; морской офицер. С 1904 г. служил в 10-м Балтийском флотском экипаже; в 1913 г. был зачислен в корпус гидрографов штабс-капитаном (позднее — капитаном) со званием гидрографа; в 1915 г. переведен во флот старшим лейтенантом. В 1917 г. служил на Черноморском флоте в звании капитана 2-го ранга; вероятно, в ноябре 1920 г. покинул Крым вместе с остатками Русской армии под командованием барона П. Н. Врангеля и оказался в Константинополе; в самом начале 1920-х гг. (не позднее сентября 1922 г.) переехал в Париж. Был женат вторым браком на Людмиле Николаевне, урожд. Оглоблинской. Его парижский адрес значится в адресной книге А. Ф. Онегина (см.: РО ИРЛИ, № 29313, л. 18 об.).

⁵ Речь идет о Всеволоде Гофмане. См. прим. 5 к письму 2.

⁶ *Модзалевский Всеволод Львович* (1879—1936) — младший брат Б. Л. Модзалевского; морской офицер, участвовал в русско-японской и Первой мировой войнах. Закончил Морской кадетский корпус (1898). С июля 1904 г. служил на броненосце «Орел» в составе 2-й Тихоокеанской эскадры. 15 мая 1905 г. в бою при Цусиме попал в плен. После освобождения из плена и возвращения в Россию был предан суду, но оправдан в январе 1907 г. (подробно см.: *Модзалевский В. Л.* Малороссийский родословник. Киев, 1912. Т. 3. С. 819—820; Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1996 год. СПб., 2001. С. 242—243). Сотрудничал в «Кронштадтском вестнике» (специальные переводы с итальянского) и «Русском биографическом словаре» (статья о Ф. Ф. Радецком). Умер в Ленинграде в должности капитана Главсевморпути.

⁷ Имеется в виду Н. Л. Гофман. См. прим. 6 к письму 2.

4

7 (20) ноября 1907 г. Петербург

Петербург.
7. XI. 1907.

Глубокоуважаемый и дорогой Борис Львович, простите, что обращаюсь к Вам с вечною своей просьбой — не достанете ли мне (и оставите в Академии — зайду за ними) следующие книги:

Пыпина: История русской этнографии, т. I—II.¹

Афанасьева: Поэтические воззрения славян на природу, 3 ч.²

Толстого и Кондакова: Русские древности, 6-ой выпуск.³

Еще раз простите.

Ваш Модест Гофман.

¹ Имеется в виду исследование А. Н. Пыпина «История русской этнографии» (В 4 т. СПб., 1890—1892. Т. 1—2: Общий обзор изучений народности и этнография великорусская).

² Имеется в виду исследование А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу» (В 3 т. М., 1865—1869).

³ Имеется в виду исследование И. И. Толстого и Н. П. Кондакова «Русские древности в памятниках искусства» (В 6 вып. СПб., 1889—1899).

5

До 17 (30) ноября 1909 г. Петербург

Дорогой Борис Львович,

с большим спасибо возвращаю Вам взятые мною книги. Простите, что на день запоздал — был вчера очень занят (и болен). Вместе с тем обращаюсь к Вам с огромною просьбой — «не имамы другия помощи». Не могли бы взять для меня из Академической библиотеки V и VI тт. Кондаковских «Русских древностей»¹ — продержу их до 28 ноября (экзамен по древнерусскому искусству). Если бы Вы могли это сделать — я зашел бы за ними в 11 часов во вторник (17-го) в Академию и принес бы благодарственные чувства Вам.

XI. 1909.

Модест Гофман.

¹ См. прим. 3 к письму 4.

6

6 (19) августа 1910 г. Петербург¹

Ждите меня, дорогой Борис Львович, завтра утром.² Модест.

Адрес: Вас<ильевский> Ост<ров>.

Вторая лин<ия>, 52.

Модзалевскому.

¹ Телеграмма (подана в 16 часов 53 минуты).

² Одной из возможных причин визита, о котором Гофман предупреждал телеграммой, могло быть его желание преподнести Б. Л. Модзалевскому только что вышедший сборник своих стихов «Гимны и оды». Книга была написана под сильным впечатлением от поездки в Грецию, которую М. Гофман совершил по окончании университета летом 1910 г. (в составе группы под руководством профессора Петербургского университета, известного филолога-классика Ф. Ф. Зелинского). По собственному признанию Гофмана, этой «книжечкой», в которой он предпринял попытку передать «разные античные строфы по-русски», он «не мог не похвастаться перед Вячеславом Ивановым» и сразу же по выходе преподнес ему со следующей дарительной надписью: «В день Преображения Господня 6 августа 1910 года». Это посещение Гофманом «башни» Вячеслава Иванова стало последним — в тот день Иванов неожиданно для Гофмана разорвал с ним отношения (см.: *Гофман М. Л.* Петербургские воспоминания // Новый журнал. Нью-Йорк, 1955. Кн. 43. С. 132—133). Неизвестно, посетил ли Гофман Модзалевского, как планировал, на следующий день — 7 августа (во всяком

случае, экземпляр «Гимнов и од» с дарительной надписью Модзалевскому помечен 10 сентября 1910 г. — см.: Библиотека ИРЛИ, шифр: 1935а / 1157).

7

8 июня (26 мая ст. ст.) 1911 г. Венеция

Венеция.¹
8. VI. 1911.

Шлю привет Вам и всем Вашим, дорогой Борис Львович, из чудесной Венеции. Скоро думаю ехать в Рим, а там — на итальянские озера и в Высокую Савойю.

Модест Гофман.

Адрес: Е<го> В<ысокоблагородию>
Борису Львовичу Модзалевскому.
2-ая линия, д. 51.
Вас<ильевский> Остр<ов>. Петербург.
Petersburg. Russie.

¹ Написано на открытке с видом Венеции.

8

16 (3 ст. ст.) июля 1911 г. Черноббио

Cernobbio.¹
16. VI. 1911.

Дорогой Борис Львович, вернувшись на озера после очень удавшейся поездки в Милан, шлю Вам и всем Вашим свой привет. Радуюсь, что скоро наступит время Вашего отпуска и, следовательно, отдыха, так необходимого. Я немного работаю, однако больше и чаще — far niente мой закон.²

Модест Гофман.

Не знаю адреса Вади³ — целую его.

Адрес: Е<го> В<ысокоблагородию>
Борису Львовичу Модзалевскому.
Вас<ильевский> Остр<ов>. 2 линия, д. 51.
Петербург.
Petersburg. Russie.

¹ Написано на открытке с репродукцией «Тайной вечери» Леонардо да Винчи. Причиной итальянского путешествия М. Гофмана летом 1911 г. стало, по его собственному признанию, «громадное и неземное» чувство: с весны он был влюблен в М. Г. Баклер-Фогт <?> — классную даму и преподавательницу рисования в гимназии

Э. П. Шаффе, где он также преподавал после окончания университета. «Когда <я> узнал, куда поедет на лето Маруся Баклер-Фогт <?>, — писал позднее Гофман, — решил туда же ехать и как будто случайно встретиться. Она везла свою умиравшую от туберкулеза сестру за границу — сперва в Segno (на озеро Como, недалеко от Милана), потом в Швейцарию, <...> и я всюду там же оказывался. Сказать, что я влюбился в нее, будет неверно; это было гораздо больше: я не влюбился, а полюбил и, может быть, так, как никого в жизни. <...> Мы с ней много ходили по Комо и по горам, вместе бывали в Милане, все — и горы, и картины — я с нею гораздо лучше и глубже переживал» (из воспоминаний М. Л. Гофмана). Воспоминания об итальянском лете 1911 г. послужили основой автобиографического рассказа Гофмана «Обреченная» (см.: Иллюстрированная Россия. Париж, 1929. № 9. С. 1—6).

² Скрытая цитата из «Евгения Онегина»: «*Il far niente* мой закон» (глава первая, строфа LV); *il far niente* (итал.) — ничегонеделание, праздность.

³ *Модзалевский Вадим Львович* (1882—1920) — младший брат Б. Л. Модзалевского. Закончил 1-й Кадетский корпус в Петербурге (1899) и Николаевское инженерное училище (1902), по окончании которого был направлен в 14-й саперный батальон, расквартированный в Киеве. В 1907—1910 гг. состоял в должности сверхштатного офицера-воспитателя 1-го Кадетского корпуса в Петербурге. С 1901 г. Вад. Л. Модзалевский сотрудничал в «Русском биографическом словаре», в 1904—1906 гг. — в журнале «Киевская старина»; состоял членом Черниговской (с 1903 г.) и Полтавской (с 1904 г.) губернских ученых архивных комиссий. По выходе в отставку в 1911 г. переехал в Чернигов, где целиком посвятил себя историческим, источниковедческим и генеалогическим исследованиям, итогом которых стал его главный труд «Малороссийский родословник» (В 4 т. Киев, 1908—1914). В апреле 1918 г. переехал в Киев, заведовал архивно-библиотечным отделом Министерства просвещения в правительстве гетмана П. П. Скоропадского; летом 1918 г. под руководством академика В. И. Вернадского составлял проект устава Академии наук Украины (более подробные сведения см.: *Толстов В. В.* К юбилею В. Л. Модзалевского // *Известия Русского генеалогического общества.* СПб., 1995. Вып. 4. С. 44—51). События 1917—1918 гг. разлучили М. Гофмана и Вадима Модзалевского. Они разошлись идеологически, и об этом разрыве Гофман, который называл Вадима Львовича своим «любимым другом», с горечью вспоминал много лет спустя: «Он стал настоящим украинским сепаратистом, „ширым“ украинцем, и мы с ним заговорили на разных языках» (из воспоминаний М. Л. Гофмана).

9

22 января (3 февраля) 1912 г. Конккала

Конккала (близ Выборга).¹
22. I. 1912.

Дорогой и глубокоуважаемый Борис Львович, шлю Вам, Варваре Николаевне² и детям свой привет из подневольного отшельничества. Когда будете писать Ваде,³ передайте, пожалуйста, ему мой поцелуй и спасибо за письмо — не мог ему ни писать,⁴ ни послать книгу⁵ по случаю болезни, да и адреса его не знаю.

Модест Гофман.

Адрес: Е<го> В<ысокоблагородию>
Борису Львовичу Модзалевскому.
Имп<ераторская> Академия Наук
у Дворцового моста.

Вас<ильевский> Остр<ов>.
Петербург.

¹ Написано на открытке с видом санатория в Конккале. «В феврале 1912 года я простудился и очень устал и поехал на месяц поправляться в финляндскую санаторию Конккала, где отчаянно мерз» (из воспоминаний М. Л. Гофмана).

² *Модзалевская (урожд. Гувениус, в первом браке Висковатова) Варвара Николаевна* (1871—1937) — вторая жена Б. Л. Модзалевского (с 1910 г.). В 1915—1926 гг. работала в Пушкинском Доме.

³ Речь идет о Вадиме Л. Модзалевском. См. прим. 3 к письму 8.

⁴ Долгое молчание М. Гофмана вынуждало Вадима Модзалевского постоянно запрашивать о нем старшего брата: «На Модю страшно зол, т<ак> к<ак> не отвечает на мое письмо»; «Нет ли известий о Гофмане? Он молчит на мои письма» (РО ИРЛИ, ф. 184, письма В. Л. Модзалевского к Б. Л. Модзалевскому от 31 января и 18 февраля 1912 г.).

⁵ 25 декабря 1911 г. Вадим Модзалевский писал Борису Львовичу: «Если увидишь Модю, то передай ему о моем страстном желании получить поскорей метрическую книгу» (РО ИРЛИ, ф. 184, письмо В. Л. Модзалевского к Б. Л. Модзалевскому от 25 декабря 1911 г.). Видимо, здесь идет речь о некоем источнике (или копии с него), необходимом Вадиму Львовичу для его генеалогических изысканий.

10

13 июля (30 июня ст. ст.) 1912 г. Госсенсасс

Gossensass.¹
13. 7. 12.

Дорогой Борис Львович, шлю свой сердечный привет Вам, Варваре Николаевне² и детям. Работаю вовсю — в августе будет готов к печати I том.³ Здесь очень хорошо.

Модест Гофман.

Адрес: Russland. Petersburg.
Петербург. Вас<ильевский> Остр<ов>.
Е<го> В<ысоко>б<лагородию>
Борису Львовичу Модзалевскому.
Канцелярия Конференции
Импер<аторской> Академии Наук.

¹ Написано на открытке с видом курорта Госсенсасс в Тироле. По воспоминаниям М. Гофмана, летние месяцы 1912 г., свободные от преподавания в гимназии, он должен был посвятить подготовке издания сочинений Боратынского, и в этой связи «тосковал», что не удастся поехать за границу. Сестра Надежда (о ней см. прим. 6 к письму 2) посоветовала ему «ехать, взяв с собой секретаря, и уговорила взять в качестве такового ее любимую ученицу, окончившую в этом году Смольный институт, Женю Филиппову». Последняя с радостью приняла предложение Гофмана, которое позволило ей не только увидеть Швейцарию и Италию, но еще получать ежемесячное жалованье. Впоследствии Гофман написал о Жене Филипповой рассказ «Ну» (см.: Иллюстрированная Россия. Париж, 1927. № 47. С. 1—7).

² В. Н. Модзалевская.

³ Речь идет о I-м томе Полного собрания сочинений Е. А. Боратынского, к работе над которым Гофман приступил весной 1912 г. Как вспоминал много лет спустя сам

Гофман, подготовка этого издания первоначально была поручена Ю. Н. Верховскому, но так как тот пропустил все назначенные сроки, редактирование было передано Гофману. В предисловии «От редактора» к 1-му тому Гофман с благодарностью упоминал Верховского, который получил от потомков поэта и перевез на временное хранение в Архив Академии наук Казанский, Татевский архивы и архив имени Мара, где сохранились наиболее важные автографы и копии сочинений Боратынского (см.: *Боратынский Е. А.* Полн. собр. соч. / Под ред. и с прим. М. Л. Гофмана. СПб., 1914. Т. 1. С. XV (Сер. «Академическая Библиотека русских писателей»; Вып. 10); *Верховский Ю. Н.* Отчет о поездке летом 1908 года // Известия императорской Академии наук. VI серия. 1908. № 16. С. 1202—1210). Главной задачей изданий, выходящих в «Академической Библиотеке», объявлялось «установление текста» писателей-классиков; биографическое введение и очерк творческой деятельности признавались «желательными, как и статьи и заметки, в которых был бы использован научный материал, относящийся к истории жизни и творчества данного автора» (*Боратынский Е. А.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. XI). По издательскому плану в первый том вошла лирика Боратынского, во второй — поэмы и проза. Для произведений, имеющих несколько редакций, Гофман принимал в качестве основной первоначальную публикацию; позднейшие редакции он помещал вне основного корпуса, а варианты приводил в примечаниях, наряду со сведениями по истории текстов и их источниках (см.: Там же. С. XIII). Подобный принцип выбора основного текста вызвал серьезные возражения (см.: *Филиппович П.* Об академическом издании стихотворений Е. А. Боратынского // Журнал Министерства народного просвещения. 1915. № 3. С. 182—203; 1916. № 4. С. 317—328). Впоследствии Гофман отказался от подобного подхода к выбору основного текста, в том числе и в позднейшем, подготовленном им издании Боратынского (см.: *Боратынский Е. А.* Избранные сочинения. Берлин; СПб.; М., 1922).

11

1 августа (19 июля ст. ст.) 1912 г. Рива

Riva.¹
I.VIII. 1912.

Дорогой Борис Львович, пишу Вам на радостях, что установил текст и переписал 236 стихотворений, 8 поэм, 151 письмо и 21 перевод² Баратынского и теперь, поработавши порядочно, буду последнюю неделю за границей отдыхать. Здесь очень хорошо, хотя за работой я почти и не разглядел Lago di Garda, а завтра покидаю его для Милана, Швейцарии и... Петербурга. Варваре Николаевне³ и детям Вашим шлю привет большой-пребольшой.

Модест Гофман.

Адрес: Russland. Petersburg.
Петербург. Вас<ильевский> Остров.
Его Высокоблагородию
Борису Львовичу Модзалевскому.
Канцелярия Конференции
Имп<ераторской> Академии Наук.

¹ Написано на открытке с видом Ривы — курортного городка в южном Тироле, на живописном берегу озера Гарда. «Из Gossensass'a мы (т. е. М. Гофман и Ж. Филиппова, см. прим. 1 к письму 10. — Т. К.) поехали на lago di Garda, в Риву. Я поехал на lago di Garda, п<отому> ч<то> слышал о нем очень много восторгов, но оно мне

совсем не понравилось (нельзя сравнивать ни с Como, ни с Lugano), и в особенности Riva, в которой я отчаянно скучал и едва выдержал три недели (не надо было уезжать из Тироля). Единственное впечатление, которое у меня сохранилось в памяти от Ривы, это — страшная гроза, которую мы там пережили: гроза была такая, и молнии такие сильные и частые, что одно время они были без перерыва, и казалось, что огненная завеса спускалась с неба; трудно вообразить себе, что делалось с животными: лошади, коровы, собаки носились, как сумасшедшие, и кричали. <...> Через несколько дней (а м<ожет> б<ыть>, даже на следующий день) мы уехали из Ривы, которая мне опротивела. Сели на пароход, чтобы переехать lago di Garda и отправиться оттуда в милый Милан» (из воспоминаний М. Л. Гофмана).

² Сохранилась небольшая часть подготовительных материалов Гофмана к изданию Боратынского, которая представляет собой краткий деловой дневник 1912—1913 гг., содержащий сведения о рукописных и печатных источниках текстов поэта и точно фиксирующий хронологию их переписывания для академического издания (см.: РО ИРЛИ, ф. 33, оп. 1, № 73, 74). Эти рабочие материалы из архива Гофмана, в частности, свидетельствуют о том, что в своих сообщениях Модзалевскому он не лукавил: в продолжение июля—августа 1912 г. сделаны отметки о переписывании 150 писем Боратынского (Там же, № 74). О ходе работы над изданием Боратынского М. Гофман писал в кратком отчете, поданном в 1914 г. на кафедре истории русского языка и словесности Петербургского университета, где он был оставлен для подготовки к магистерским экзаменам: «К осени 1912 г. был мною приготовлен вчерне весь текст поэта, и в течение зимы 1912—1913 г. мне удалось закончить примечания к 1 тому и собрать большое количество писем поэта, из которых только самая незначительная часть (приблизительно $\frac{1}{8}$) была напечатана в собраниях сочинений Боратынского» (РО ИРЛИ, ф. 341, оп. 1, № 1126, л. 1—1 об.). Первые два тома сочинений Боратынского вышли в 1914—1915 гг.; о судьбе, постигшей том писем, Гофман вспоминал позднее: «Обширнейшая переписка Боратынского, собранная мною и на $\frac{5}{6}$ не изданная, была сожжена большевиками в Чернигове вместе со всеми моими черновыми материалами при обыске в 1919 году, а т<ак> к<ак> в это же время был расстрелян внук поэта А. Н. Боратынский (рассказ о последних днях А. Н. Боратынского — многолетнего предводителя дворянства, члена Государственной думы, педагога и просветителя, расстрелянного большевиками в Казани 19 сентября 1918 г., см.: *Боратынская (Алексеева) Ксения*. Начало конца: Страницы воспоминаний // Юность. 1990. № 10. С. 76—81. — Т. К.) и сожжен его Казанский архив и архив Мары, то важнейшие материалы по пушкинской эпохе навсегда и безвозвратно погибли и больше уже никогда не восстановимы» (из воспоминаний М. Л. Гофмана). Вернувшись из Чернигова, Гофман предпринимал попытки разыскать семейный архив Боратынских. Осенью 1920 г. помощник старшего библиотекаря Библиотеки Академии наук Н. А. Пилкина, командированная в Казань, посетила по просьбе Гофмана Е. Н. Боратынскую, внучку поэта. «При этом оказалось, — писала она в докладной записке 5 ноября 1920 г., — что часть материалов архива была передана уже раньше для Академии наук Ю. Верховскому (см. прим. 3 к письму 10. — Т. К.), а все оставшееся в семье погибло в имени (видимо, речь идет об имени Шушары в 22 верстах от Казани. — Т. К.) во время революции» (ИФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1917), № 3, л. 144). О судьбе архива Боратынских см. также прим. 5 к письму 29.

Наиболее полное собрание писем поэта (307 номеров) см. в новейшем издании: Летопись жизни и творчества Е. А. Боратынского. 1800—1844 / Сост. А. М. Песков. М., 1998.

³ В. Н. Модзалевская.

17 (30) мая 1913 г. Петербург

Дорогой Борис Львович,

отошел от телефона и сейчас же пишу Вам. Думаю, что лучше всего будет написать что-нибудь в этом роде: «Предъявитель сего — действительный член Комиссии по изданию „Академической Библиотеки русских писателей“ Модест Людвигович Гофман имеет поручение от Пушкинского Дома собирать материалы, касающиеся Пушкина и поэтов пушкинской эпохи, в чем с согласия Августейшего Председателя Комиссии и дано ему это удостоверение».¹ Не знаю, может быть, я написал отчаянную чепуху... Желаю Вам хорошего дня, сам же трепещу перед этим страшным — для меня судным днем (экзамен моего любимого первого класса²). Привет и низкий поклон Варваре Николаевне.³

17. V. 1913.

Модест Гофман.

¹ Летом 1913 г. М. Гофман ездил в Псковскую и Тверскую губернии, откуда привез для Пушкинского Дома ряд ценных документов (см. об этом в письмах 14—18).

² Возможно, здесь идет речь о классе в Реформатском училище, где Гофман преподавал в 1911—1914 гг.: «Я взял первый класс (единственный случай, когда я преподавал в маленьком классе — мальчики были очень хорошие, и мы с ними прекрасно и дружно работали — через год весь класс писал без единой ошибки)» (из воспоминаний М. Л. Гофмана).

³ В. Н. Модзалевская.

12 (25) июня 1913 г. Москва

Москва.¹
12. VI. 1913.

Дорогой Борис Львович, по-видимому, мне не удастся побывать у Вас до Вашего отъезда, а следовательно, и съездить в Псковскую губ<ернию>:² вторую неделю слоняюсь без дела по Москве, ожидая ответа гр<афа> Д. С. Шереметева,³ а письма все нет (причина: неверный адрес, по которому мой отец⁴ писал ему). Привет всем Вашим, когда увидите.

Модест Гофман.

Адрес: Его Высокородию
Борису Львовичу Модзалевскому.
Архив Императорской Академии Наук.
У Дворцового моста. Вас<ильевский> Остр<ов>.
Петербург.

¹ Написано на открытке.

² Поездка М. Гофмана в пушкинские места Псковской губернии, вопреки его опасениям, все-таки состоялась (см. письмо 14).

³ Если Гофман не допустил описки в инициалах, то речь идет о графе *Дмитрии Сергеевиче Шереметеве* (1869—1943) — в то время флигель-адъютанте, полковнике Кавалергардского полка. Но, вероятнее всего, здесь имеется в виду его отец — граф *Сергей Дмитриевич Шереметев* (1844—1918) — член Государственного Совета, археолог и историк, почетный член Академии наук, основатель и председатель Общества ревнителей русского исторического просвещения в память Александра III и Общества любителей древней письменности, председатель Археографической комиссии (1900—1917). Московский дом Шереметевых находился на Воздвиженке (№ 8), летние месяцы граф проводил в своих подмосковных имениях Кусково, Останкино, Михайловское. В 1898 г. С. Д. Шереметев, женатый на Е. П. Вяземской, приобрел имение князей Вяземских Остафьево (в Подольском уезде Московской губернии) вместе с богатейшим родовым архивом. В мае 1904 г. Б. Л. Модзалевский по ходатайству академической Комиссии для издания сочинений Пушкина ездил в имение графа С. Д. Шереметева Михайловское (Подольского уезда), чтобы ознакомиться с пушкинскими материалами, хранящимися в Остафьевском архиве (об этом см.: *Цявловский М., Цявловская Т. Вокруг Пушкина / Изд. подготовили К. П. Богаевская и С. И. Панов. М., 2000. С. 170*). За 12 дней, проведенных тогда в Михайловском, Модзалевский выявил 27 новых писем Пушкина, проверил по подлинникам тексты 127 писем и ряда стихотворений, а также привез в Петербург для сверки В. Е. Якушкиным автографы второй главы «Евгения Онегина», «Графа Нулина», «Записки о народном воспитании» и др. (записка с кратким перечнем сделанного сохранилась в архиве Б. Л. Модзалевского).

⁴ *Гофман Людвиг-Фердинанд Леопольдович* (?—1919) — отец М. Л. Гофмана. Служил при Императорской Главной квартире (в 1905—1915 гг. — в должности делопроизводителя Военно-походной канцелярии Его Императорского Величества); вышел в отставку в 1916 г. с чином тайного советника. После революции вместе с женой и дочерью Надеждой переехал к М. Л. Гофману в Чернигов, где и умер.

14

22 июня (5 июля) 1913 г. Петербург

Лесной, 22 июня 1913 г.

Дорогой Борис Львович,

вернулся из поездки в Пушкинскую губернию¹ и отдаю Вам отчет в ней. Ездил я очень неудачно в том отношении, что весь день, проведенный мною в коляске, шел отчаянный дождь, вследствие чего мне пришлось заказывать особую коляску с верхом, ждать ее починки, снова чинить в дороге, мокнуть, трястись и т. д. В других отношениях поездка была очень удачна, и книги (которые оказались больше, чем я предполагал) благополучно отправлены в Петербург и, надеюсь, так же благополучно придут.² Старушка Вревская³ была очень мила, но все же у меня не хватило духу просить еще чего-нибудь, хотя и подмывало, хотя бюро и портрет Боратынского⁴ весьма соблазняли меня; думаю, что теперь кто-нибудь другой может.... Заезжал и в Голубово⁵ и видел там и барона⁶ и баронессу:⁷ милы, но портрета Байрона⁸ не дают, желают, чтобы в Голубово приезжали из Петербурга на него любоваться. Лично для себя зато я кое-что достал — Вревский дал мне на прочтение до осени первую большую, неизданную часть дневника Вульфа⁹ (2-ая часть издана

Майковым¹⁰) и некоторые письма Евпраксии Ник<олаевны>,¹¹ Марьи Ив<ановны>,¹² Праск<овьи> Алекс<андровны>¹³ и пр. и разрешил издавать,¹⁴ причем купюры необходимые предоставил моей совести. Просматривал и то и другое и нашел много интересного, особенно в дневнике Вульфа: много о Пушкине (кое-что нового, прибавляющего к биографии Пушкина, факты, писательство, волокитство и т. д.), Дельвигах, Боратынском и т. д. Уже начал переписку, ибо не хочу обманывать Вревского: это не Софья Бор<исовна>,¹⁵ да и важно оправдать доверие, хотя бы ради будущих благ.¹⁶ Переписывать и разбираться мне сейчас между тем весьма затруднительно, так как без всякой видимой причины начал слепнуть, болят глаза, и в десяти шагах ничего не вижу (к несчастью моему, это не риторическая фигура, а буквальный смысл). В понедельник иду со страхом к доктору, но боюсь, что до того времени окончательно ослепну; а тут, как назло, приходится читать корректуру примечаний.¹⁷ Боратынский мой набирается вовсю, и, пожалуй, скоро задержка будет за мной — за очерками,¹⁸ которыми заниматься тем более некогда, что через два-три дня собираюсь в Москву — к гр. Шереметеву.¹⁹ А как Вам живется на даче,²⁰ как живете: летне, отдыхая и полнея, или зимне, согнувшись у письменного стола? Летничайте, дорогой Борис Львович, хорошо и набирайтесь больше сил; приезжайте после лета в двойном объеме, таким, чтобы всем завидно стало. Того же желаю всем вашим и прошу Вас передать мой сердечный привет Варваре Николаевне²¹ и три поцелуя Шуре,²² Левушке²³ и Димочке.²⁴ Вдруг почему-то очень захотелось видеть Вадю²⁵ и говорить с ним: когда будете писать ему, поцелуйте его от меня крепче и, если не трудно, наговорите ему массу всяких хороших вещей, массу, которую я наговорил бы ему.

Ваш Модест Гофман.

¹ В июне 1913 г. М. Гофман посетил села Тригорское, Голубово, Михайловское и Врев Псковской губернии (см. краткий отчет, представленный им в Общее собрание Академии наук 4 июля 1913 г., в журн.: Известия императорской Академии наук. VI серия. 1913. № 16. С. 879—880). Это была его вторая поездка к владельцам «пушкинских» усадеб.

² Речь идет о библиотеке села Тригорского, которой пользовался в свое время Пушкин и которую баронесса С. Б. Вревская пожертвовала Пушкинскому Дому. Первое описание сохранившейся части библиотеки, которую собирало несколько поколений владельцев Тригорского (А. М. Вындомский, П. А. Осипова и Вульфы), сделал Б. Л. Модзалевский, посетивший эти места по приглашению барона А. Б. Вревского в июне 1902 г. (см.: *Модзалевский Б. Л.* Каталог библиотеки села Тригорского // Пушкин и его современники. СПб., 1903. Вып. 1. С. 19—52; в описание включено 352 номера). Е. Н. Вульф, выйдя замуж за барона Б. А. Вревского, перевезла часть тригорских книг в имение Голубово. Голубовская библиотека, постоянно пополнявшаяся Б. А. Вревским (в 1884 г. он составил ее каталог), в начале XX в. насчитывала около 3000 томов и сохранялась в хорошем состоянии. Б. Л. Модзалевскому эта библиотека в 1902 г. оказалась недоступной (см.: Пушкин и его современники. Вып. 1. С. 5—6). В 1910 г. ее просмотрел и описал М. Гофман (см.: Известия императорской Академии наук. VI серия. 1911. № 6. С. 364; Пушкин и его современники. Пг., 1915. Вып. 21—22. С. 291; это описание не сохранилось). В настоящее время книжное собрание села Тригорского хранится в библиотеке ИРЛИ; голубовская же библиотека погибла во время поджога и разграбления усадьбы в феврале 1918 г.

³ *Вревская Софья Борисовна*, баронесса (1839—1920) — четвертая дочь Б. А. и Е. Н. Вревских, внучка П. А. Осиповой. Окончив Екатерининский институт в Петер-

бурге, почти безвыездно жила в родительском Голубове. В 1881 г. по завещанию А. Н. Вульфа унаследовала Тригорское, а в 1913 г. переехала туда и прожила до разгрома имения в середине февраля 1918 г. Умерла в Риге в марте 1920 г. (см.: ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1921), № 1, л. 46). Ряд сведений о С. Б. Вревской и других потомках Б. А. и Е. Н. Вревских, здесь и далее упоминаемых Гофманом, взят из неопубликованных материалов Н. П. Вревской (1877—1961) (они представляют собой небольшие биографические очерки беллетристического характера, составленные во 2-й половине 1950-х гг. на основе печатных, рукописных источников, собственных воспоминаний и по некоторым изустным сведениям и преданиям — см.: РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 31, № 192, л. 416—428). Фрагменты этой работы (под произвольным названием «дневников») напечатал В. Ф. Рожнов по экземпляру, полученному от внуков Н. П. Вревской (см.: Дневник баронессы Н. П. Вревской (фрагменты): По материалам семейного архива Вревских // *Временник Пушкинской комиссии*. СПб., 2002. Вып. 28. С. 249—270).

⁴ Речь идет о литографированном портрете Е. А. Боратынского работы А. Ф. Тернберга (1828), который был напечатан в количестве 250 экземпляров. В 1935 г. он поступил в Литературный музей Пушкинского Дома от Н. П. Вревской (жены М. С. Вревского — внука Б. А. и Е. Н. Вревских) (см.: А. С. Пушкин и его современники в портретах: Из собраний Пушкинского Дома. СПб., 1999. С. 319).

⁵ Голубово — родовое поместье баронов Вревских в Островском уезде Псковской губернии, в 18 верстах от Тригорского. Пушкин гостил у Вревских в этом имении в мае и октябре 1835 г. и апреле 1836 г. О первых владельцах Голубова — Евпраксии Николаевне и Борисе Александровиче Вревских — и их общении с Пушкиным см.: *Лобанова Э. Ф. Культурные связи и семейные традиции баронов Вревских // Усадьба в русской культуре XIX—начала XX веков: Материалы научной конференции*. М., 1996. С. 42—56.

⁶ *Вревский Павел Александрович*, барон (?—1917) — внук Б. А. и Е. Н. Вревских. Воспитывался в Пажемском корпусе, по окончании которого вышел в лейб-гвардии Конный полк; состоял адъютантом великого князя Павла Александровича. Оставив военную службу, служил в Департаменте Герольдии, был Варшавским вице-губернатором. В 1910—1917 гг. — владелец Голубова. О П. А. Вревском см.: РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 31, № 192, л. 291—301 (см. также прим. 3 к наст. письму).

⁷ *Вревская (урожд. Лопухина) Светлана Николаевна*, баронесса — жена П. А. Вревского. Была почетной владелицей кустарной ткацкой и вышивальной школы во Вреве, в которой исполнялись и столичные заказы на вещи в русском стиле. Благодаря ей уцелел в значительной своей части архив баронов Вревских, который был вывезен в Пушкинский Дом вскоре после смерти П. А. Вревского и накануне гибели родового гнезда Вревских (см. также прим. 16). По свидетельству местных старожилов, «когда пришли зажигать — она тихо оделась и ушла» (цит. по: *Лобанова Э. Ф. Культурные связи и семейные традиции баронов Вревских*. С. 55). Во время разграбления имения скрывалась во Вревской школе, а затем переехала во Псков, где и умерла в нищете. О С. Н. Вревской см.: РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 31, № 192, л. 291—301 (см. также прим. 3 к наст. письму).

⁸ Имеется в виду гравированный портрет Байрона (Ч. Турнер по оригиналу В.-Э. Веста), который Пушкин подарил Анне Николаевне Вульф в 1828 г. и для которого по ее просьбе была изготовлена рамка (см. дневниковую запись А. Н. Вульфа от 10 декабря 1828 г. в кн.: *Пушкин и его современники*. Вып. 21—22. С. 36). В 1913 г. С. Н. Вревская сняла рамку и на оборотной стороне портрета обнаружила надпись: «Présenté par Alexandre Pouchkine à Mlle Annette Wouloff. L'an 1828» (Там же. С. 242; Вып. 19—20. С. 105). Баронесса Вревская и М. Гофман были уверены, что надпись сделана Пушкиным; в действительности она принадлежит руке П. А. Осиповой. В 1917 г. портрет Байрона поступил в Пушкинский Дом; в 1953 г. был передан во Всесоюзный музей А. С. Пушкина в Ленинграде, долгое время экспонировался в Государственном музее-заповеднике «Михайловское» (см.: *Февчук Л. П. Портреты и судьбы: Из ленинградской Пушкинианы*. Л., 1984. С. 186).

⁹ *Вульф Алексей Николаевич* (1805—1881) — сын П. А. Осиповой (от первого брака); воспитанник Дерптского университета, где учился вместе с Н. М. Языковым. В 1829 г. поступил в Гусарский принца Оранского полк; с 1833 г., выйдя в отставку, жил в родовых поместьях Тригорское и Малинки. Близкий приятель Пушкина; особенно тесно они общались в годы Михайловской ссылки поэта, когда Вульф приезжал в Псковскую губернию на каникулы. Их встречи и разговоры в последующие годы

отразились в дневниковых записях Вульфа, которые он вел с перерывами в 1827—1842 гг. Одно из писем П. А. Вревского отчасти проясняет историю бытования рукописи Вульфа в разветвленном семействе Вревских. Отвечая на вопрос Б. Л. Модзалевского о пушкинских автографах, П. А. Вревский писал: «У меня хранятся записки Алексея Николаевича Вульф (sic! — Т. К.), но они уже были напечатаны в „Историческом вестнике“ (в „Русской старине“; см. прим. 10. — Т. К.). Эти записки у меня неполны, я их взял у дяди моего барона Степана Борисовича, другая часть находится у моей тетки баронесс-ы Софии Борисовны, но я не теряю надежду и их получить, и тогда, может быть, Вы мне поможете их издать в полности, конечно, с пропусками, так как много из семейной хроники я бы не хотел предавать гласности» (РО ИРЛИ, ф. 184, письмо П. А. Вревского к Б. Л. Модзалевскому от 20 октября 1902 г.). Летом 1913 г. Гофман получил от Вревских дневник Вульфа за 1828—1831 гг. (судя по всему, именно эта рукопись находилась одно время у С. Б. Вревской). В 1915 г. он напечатал его в монографическом томе «Пушкина и его современников» (Вып. 21—22), целиком основанном на материалах богатейшего архива Вревских. Оригинал дневника Вульфа 1828—1831 гг. с 1917 г. хранится в РО ИРЛИ (ф. 244, оп. 17, № 52).

¹⁰ Отрывки из дневника Вульфа за 1827, 1832—1834, 1836, 1842 гг. впервые напечатал академик Л. Н. Майков, получивший рукопись от Степана Борисовича и Павла Александровича Вревских (см.: Русская старина. 1899. № 3. С. 499—537; № 4. С. 39—52; включено в кн.: *Майков Л. Пушкин: Биографические материалы и историко-литературные очерки.* СПб., 1899. С. 162—222). Местонахождение этой рукописи неизвестно; возможно, она погибла вместе с библиотекой во время поджога Голубова в 1918 г.

¹¹ *Вревская (урожд. Вульф) Евпраксия Николаевна*, баронесса (1809—1883) — дочь П. А. Осиповой (от первого брака), младшая сестра А. Н. Вульфа; с 1831 г. жена барона Б. А. Вревского (1805—1888). Дружеские отношения Е. Вульф с Пушкиным, которые сложились во время его михайловской ссылки, сохранились между ними до смерти поэта. К ней обращены стихотворные послания Н. М. Языкова («К баронессе Е. Н. Вревской»; 1845) и Пушкина («Если жизнь тебя обманет...»; 1825; «Вот, Зина, вам совет: играйте...»; 1826); под домашним именем Зизи она упомянута в пятой главе «Евгения Онегина» (строфа XXXII). Е. Н. Вревская была единственной, кому Пушкин сообщил о предстоящей дуэли с Дантесом. По устному преданию, которое мог слышать и М. Гофман, С. Б. Вревская сожгла «большую пачку» писем Пушкина к Е. Н. Вревской, завещавшей дочери «никогда и никому не передавать их». Рассказ С. Б. Вревской со слов врача, лечившего ее, записал в 1924 г. Л. П. Гроссман: «О существовании этих писем стало многим известно, и ко мне приезжали различные ученые, прося меня предоставить им эти старые письма великого поэта к давно умершей женщине. Должна сознаться, что эти лица были очень красноречивы и убедительны. Я чувствовала, что решение мое слабеет. И вот, чтоб не поддаться окончательно их уговорам и не нарушить воли матери, я предала всю пачку писем сожжению» (*Гроссман Л. Вокруг Пушкина.* М., 1928. С. 14—15). В комментарии к «Дневнику» А. Н. Вульфа Гофман зафиксировал похожее свидетельство безупречного выполнения последней волеи владелицы Тригорского и воли своей тетки — А. Н. Вульф: «В 1913 году в Псковской губернии ходили упорные слухи, что баронесса С. Б. Вревская, исполняя завещание Анны Николаевны Вульф, сожгла всю ее переписку» (Пушкин и его современники. Вып. 21—22. С. 214).

¹² *Осипова Мария Ивановна* (1820—1896) — дочь П. А. Осиповой (от второго брака); сводная сестра А. Н. Вульфа, А. Н. Вульф, Е. Н. Вревской. К М. И. Осиповой, которую Пушкин знал с детских лет, вероятно, обращено его стихотворение «Я думал, сердце позабыло...» (1835). Вместе с матерью и младшей сестрой Екатериной она присутствовала на погребении Пушкина 6 февраля 1837 г.

¹³ *Осипова (урожд. Выдомская, в первом браке Вульф) Прасковья Александровна* (1781—1859) — мать А. Н. Вульфа, А. Н. Вульф, Е. Н. Вревской, М. И. Осиповой; владелица сел Тригорское и Малинники, соседка Пушкина по Михайловскому, искреннюю и глубокую дружбу с которой он сохранял до конца жизни. П. О. Осиповой посвящен цикл «Подражания Корану» (1824) и стихотворения «Простите, верные дубравы...» (1817), «Цветы последние милей...» (1825) и др.

¹⁴ Фрагменты писем Е. Н. и Б. А. Вревских, М. И. Осиповой к А. Н. Вульфу за 1835—1847 гг., в которых упоминаются Пушкин и его семья, Гофман опубликовал в

статье «Из Пушкинских мест» (Пушкин и его современники. Вып. 19—20. С. 106—116). С 1917 г. все эти документы сохраняются в РО ИРЛИ.

¹⁵ С. Б. Вревская.

¹⁶ В числе «будущих благ» оказались и акварельный портрет работы Н. Шаде, изображающий А. Н. Вульфа в форме Гусарского принца Оранского полка (фототипия с него открывала том с публикацией дневника Вульфа), и новое приглашение «приехать порываться в бумагах голубовской библиотеки» (РО ИРЛИ, ф. 184, письмо П. А. Вревского к Б. Л. Модзалевскому от 4 марта 1915 г.). В мае 1915 г. гостеприимный и щедрый владелец Голубова предоставил в распоряжение Гофмана «комнату с большим комодом красного дерева, наполненным старыми бумагами, и три чердака с книгами и бумагами» (Пушкин и его современники. Вып. 21—22. С. 355) и подарил Пушкинскому Дому автографы Пушкина, его дяди, отца и брата (см.: Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук за 1915 год / Сост. академик В. Н. Перетц. Пг., 1915. С. 31). В благодарность за ценное пожертвование для «созидаемого Дома Пушкина» П. А. Вревскому была отправлена бронзовая академическая медаль в память 100-летнего юбилея поэта (см. письмо П. А. Вревского к Б. Л. Модзалевскому от 3 июня 1915 г. и ответное письмо Модзалевского от 17 июня 1915 г.: ПФА РАН, ф. 2, оп. 1 (1913), № 42, л. 44, 55). Часть привезенных материалов Гофман напечатал в качестве приложения к публикации дневника Вульфа (см.: Письма Анны Николаевны Вульф к баронессе Е. Н. Вревской и П. А. Осиповой; Из Вревского архива // Пушкин и его современники. Вып. 21—22. С. 311—413; уточнение датировок отдельных писем: *Абрамович С. Л.* Пушкин и Е. Н. Вульф в январе 1837 года // *Временник Пушкинской комиссии.* Л., 1987. Вып. 21. С. 162—164). Ряд документов предполагалось опубликовать во «Временнике Пушкинского Дома на 1915 год», но сборник не вышел по обстоятельствам военного времени. В 1916 г. Гофману не удалось вновь посетить Голубово. «До сих пор не могу себе простить, — вспоминал он в эмиграции сорок лет спустя, — что, получив от молодых Вревских в 1916 г. приглашение приехать в Голубово и забрать найденные ими рукописи Пушкина, я отложил эту поездку до следующего года, а в следующем (революционном) 1917 году эти рукописи Пушкина летали по воздуху, уничтожаемые крестьянами» (*Гофман М. Л.* По поводу книги «50 лет Пушкинского Дома» (1905—1955). С. 275). Барон П. А. Вревский скончался 16 июля 1917 г. В сентябре С. Н. Вревская, встревоженная обстановкой в Опочечском уезде, обратилась в Пушкинский Дом. В конце ноября 1917 г. в Псковскую губернию выехал А. С. Поляков с полномочиями принять родовой архив Вревских, в котором сохранялась и переписка семьи Осиповых-Вульфов (см.: ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1917), № 3, л. 2, 3). Таким образом, этот архив «в очень критический момент <...> был вывезен в Петербург <...>, можно сказать, накануне его сожжения» (Пушкинский Дом при Российской Академии наук. С. 21; также см.: Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности Российской Академии наук за 1917 год / Сост. академик Н. А. Котляревский. Пг., 1917. С. 8—9; Петроградские ведомости. 1917. 22 окт., № 121. С. 3). Тогда же поступили в Пушкинский Дом портрет Байрона (см. прим. 8), дневник А. Н. Вульфа 1828—1831 гг. (см. прим. 9) и портреты А. Н. Вульфа (маслом, работы А. А. Багаева — в настоящее время в Литературном музее Пушкинского Дома, и акварельный, работы Н. Шаде — в настоящее время во Всероссийском музее А. С. Пушкина) и Е. Н. Вревской (маслом, работы А. А. Багаева — в настоящее время во Всероссийском музее А. С. Пушкина).

¹⁷ Имеются в виду примечания к 1-му тому Полного собрания сочинений Е. А. Боратынского (книга была отпечатана в марте 1914 г.).

¹⁸ М. Гофман предполагал поместить в 1-м томе биографию Боратынского и очерк его поэтической деятельности. Биографическая статья, о работе над которой он пишет также в письмах 16, 18, 19, была напечатана в Полном собрании сочинений (СПб., 1914. Т. 1. С. XVII—XC). Очерк «Лирика Е. А. Боратынского» Гофман опубликовал сначала в «Русской старине» (1914. № 4. С. 68—77; № 5. С. 372—382; № 6. С. 501—513; № 7. С. 39—49; корректурный экземпляр см.: РО ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 117); а затем отдельным изданием (СПб., 1914). Позже им были написаны работы «Поэмы Е. А. Боратынского» (Русская старина. 1915. № 1. С. 117—146; корректурный экземпляр см.: РО ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 118) и «Поэзия Боратынского. Историко-литературный этюд» (Пг., 1915). В собрание сочинений Боратынского эти исследования не вошли.

¹⁹ См. прим. 3 к письму 13.

²⁰ Лето 1913 г. Модзалевские проводили в Эстляндской губернии, на берегу Финского залива — в Вайваре (деревня Перьяц) близ Силламяг.

²¹ В. Н. Модзалевская.

²² *Модзалевская Александра Борисовна* (1899—?) — старшая дочь Б. Л. Модзалевского (от первого брака); воспитанница гимназии Е. И. Песковской.

²³ *Модзалевский Лев Борисович* (1902—1948) — старший сын Б. Л. Модзалевского (от первого брака); воспитанник гимназии К. И. Мая. В будущем — историк литературы, археограф и архивист, научная жизнь которого была связана с Архивом Академии наук и Рукописным отделом Пушкинского Дома. В 1933 г. Л. Б. Модзалевский стал первым штатным хранителем Пушкинского рукописного фонда.

²⁴ *Модзалевский Вадим Борисович* (1907—?) — младший сын Б. Л. Модзалевского (от первого брака).

²⁵ В. Л. Модзалевский. См. прим. 3 к письму 8.

15

11 (24) июля 1913 г. Москва

Москва.¹
11. VII. 1913.

Многоуважаемый и дорогой Борис Львович, шлю Вам привет свой, малинниковскими впечатлениями насыщенный. Изездил порядочно Тверскую губернию² и собрал жатву, правда, скромную: несколько автографов (писем Пушкина к П. А. Осиповой³), альбом⁴ и кое-какая мелочь.⁵ Доволен и этим, да и тем, что побывал в любопытных местах, из которых больше всего мне понравились Малинники.⁶ Привет Варваре Николаевне.⁷

Модест Гофман.

Адрес: Его Высокородию
Борису Львовичу Модзалевскому.
Императ<орская> Академия Наук.
У Дворцового моста, на Васильевск<ом> Остр<ове>
в Петербурге.

¹ Написано на открытке.

² Как следует из воспоминаний Гофмана, он оказался в пушкинских местах Тверской губернии по приглашению своей ученицы В. М. Сергеевой, которая проводила лето в селе Курово-Покровское (в Берновском музее хранятся ее воспоминания о жизни в тверских усадьбах Вульфов и Понофидиных в 1913—1916 гг.; см. об этом: Письма М. Н. Понофидины к Б. Л. Модзалевскому. (Б. Л. Модзалевский и Тверской край) / Публ. Т. П. Кочневой // Русская литература. 2003. № 2. С. 163). Это было первое посещение Гофманом «вульфовых» и «понофидинских» поместий. Тогда же состоялось его знакомство с последними владельцами Покровского и Малинников М. Н. и Е. С. Понофидиными (см. письма 18, 19, 26).

³ Речь идет о письмах Пушкина к П. А. Осиповой от 1 августа 1825 г., 4 и 15 сентября 1826 г. (см.: РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 458, 471, 472). Е. С. Понофидина пожертвовала их в Пушкинский Дом в 1916 г.

⁴ Гофман считал, что этот альбом с двумя собственноручными записями Пушкина принадлежал Е. Н. Вревской (см.: *Гофман М. Л.* Из Пушкинских мест // Пушкин и его современники. Вып. 19—20. С. 98—99). В действительности его владелицей была Анна Вульф — старшая сестра Е. Н. Вревской. В 1916 г. Е. С. Понофидина подарила альбом Пушкинскому Дому (совр. шифр: РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 211).

⁵ Возможно, в разряд «мелочей» попало и письмо А. А. Дельвига к П. А. Осиповой от 15 сентября 1826 г., в котором он, в частности, сообщал об аудиенции Пушкина у Николая I по возвращении из ссылки. Е. С. Понофидина передала этот документ в Пушкинский Дом в 1916 г. (совр. шифр: РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 17, № 73).

⁶ Малинники — имение в Тверской губернии (в 35 верстах от г. Старицы), которое П. А. Осипова унаследовала по смерти своего первого мужа Н. И. Вульфа. Пушкин гостил здесь по приглашению хозяйки в 1828 г. и 1830 г. В Малинниках он работал над седьмой главой «Евгения Онегина», «Посвящением» к «Полтаве», стихотворениями «Анчар», «Цветок», «Поэт и толпа» и др. Описание Малинников, современное Гофману, оставил председатель Тверской ученой архивной комиссии И. А. Иванов (см.: *Иванов И. А.* О пребывании А. С. Пушкина в Тверской губернии. Тверь, 1899. С. 5—6). О состоянии усадьбы после 1917 г. см.: *Фессалоницкий С. А.* Уголок Пушкина в Старицком уезде в 1923 г. (По материалам экспедиции студентов Тверского педагогического института) // *Материалы Общества изучения Тверского края.* Апрель 1925. Вып. 3. С. 23.

⁷ В. Н. Модзалевская.

16

26 июля (8 августа) 1913 г. Петербург

Лесной, 26 июля 1913 г.

Дорогой Борис Львович, все надеюсь получить от Вас ответ хоть на одно мое письмо, да, видно, так и не дождусь. Будущую среду И. А. Кубасов¹ отправляет Вам мои корректурные листы² (прежде, чем подписывать их к печати), и я присоединяю к сему мою большую просьбу посмотреть и сделать мне побольше и пострже замечаний. Жду с трепетом самого страшного для меня и имеющего серьезное значение — Вашего суда. Жду терпеливо, но трепетно. В настоящее время подготавливаю материалы для биографии³ и ломаю голову в ухищрениях датировать письма Боратынского, не имевшего этого похвального обыкновения (из 300 писем — не больше десятка с датами),⁴ — писать же всякую литературу⁵ буду на той неделе, когда удержу в деревню, где

живее творческие сны.⁶

Буду жить в 20-ти верстах от Малинников (около Старицы)⁷ и порой буду наведываться туда, в Покровское,⁸ в Бернов⁹ (sic! — Т. К.) и пр<очее>. Почем знать? — м<ожет> б<ыть>, удастся еще что-нибудь найти и притащить в Пушкинский Дом. Несколько раз появлялось желание навестить Вас и показать Вам свои находки, но не мог осуществить своего желания, т<ак> к<ак> Вы не дали мне адреса. А хотелось бы увидеть Вас летом, отдыхающего... Привет глубокий Варваре Николаевне,¹⁰ поцелуй детям.

Преданный Вам Модест Гофман.

Ежели б надумали все же послать мне одно слово, то надписывайте мой постоянный адрес: Захарьевская, 17.¹¹

¹ *Кубасов Иван Андреевич* (1875—1937) — историк русской литературы, библиограф и библиофил. В 1906—1920 гг. заведовал книжным складом Академии наук. В 1910-е гг. Кубасов состоял правителем дел Комиссии по изданию «Академической

Библиотеки русских писателей», в которой выходило Полное собрание сочинений Боратынского («Circiculum vitae» Кубасова, составленную в 1900 г., см.: РО ИРЛИ, ф. 166, оп. 3, № 919, л. 30—31). С 1922 г. Кубасов служил в Пушкинском Доме (хранителем книжных собраний, ученым хранителем); в 1928 г., после смерти Б. Л. Модзалевского, был назначен старшим ученым хранителем. В результате кадровых «чисток», вызванных «академическим делом», был уволен на пенсию в конце 1930 г. Подробнее об И. А. Кубасове см.: *Измайлов Н. В.* Воспоминания о Пушкинском Доме. 1918—1928 гг. / Публ. Н. А. Прозоровой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1998—1999 год. СПб., 2003 (по именному указателю).

² См. прим. 17 к письму 14.

³ См. прим. 18 к письму 14.

⁴ В 1916 г. Гофман сообщал о том, что «довел до конца приготовление к печати писем Е. А. Боратынского» (Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук за 1916 год / Сост. академик В. Н. Перетц. Пг., 1916. С. 42). О судьбе этой работы Гофмана см. прим. 2 к письму 11.

⁵ Вероятно, имеется в виду библиографический очерк «Отзывы о Боратынском», который был включен в Полное собрание сочинений (Пг., 1915. Т. 2. С. 325—348).

⁶ Стих из «Евгения Онегина» (глава 1, строфа LV).

⁷ Старица — старинный русский город на берегу Волги, основанный в конце XIII в.; с XVIII в. — уездный город Тверской губернии. Пушкин и А. Н. Вульф провели в нем святки 1829 г.

⁸ Покровское (Курово-Покровское) — имение Вульфов—Понофидиных, расположенное в 12 верстах от Малинников. Его получила в качестве приданого Анна Ивановна Вульф (тетка А. Н. Вульфа и Е. Н. Вревской), выходя за Павла Ивановича Понофидина. Пушкин останавливался в Покровском во время пребывания в Старицком уезде. В 1923 г. воспоминания об этих приездах поэта записала со слов А. И. Понофидиной ее внучка — А. Н. Понофидина (см.: Пушкин в воспоминаниях современников. СПб., 1998. Т. 2. С. 94—96).

⁹ Берново — самое крупное из тверских поместий Вульфов. В пушкинское время его владельцем был Иван Иванович Вульф (дядя А. Н. Вульфа и Е. Н. Вревской).

¹⁰ В. Н. Модзалевская.

¹¹ До 1916 г. Гофманы жили на казенной квартире при Военно-походной канцелярии (Захарьевская ул., 17, кв. 1); в 1916—1917 гг., по выходе в отставку Л. Л. Гофмана, им была предоставлена другая казенная квартира (Захарьевская ул., 19, кв. 4).

17

27 июля — 2 августа (9—15 августа) 1913 г. Петербург¹

Дорогой Борис Львович, заходил похвастаться. Решил на свои средства ехать в субботу и для того заходил к Вам все разузнать о поездке.

¹ Написано на визитной карточке. Датируется по связи с содержанием писем 16 («несколько раз появлялось желание навестить Вас и показать Вам свои находки») и 18 (3 августа, когда Гофман выехал в Старицу, в 1913 г. приходилось на субботу).

3 (16) августа 1913 г.

В поезде 3 августа 1913 г.

Дорогой Борис Львович, пользуюсь дорожным досугом, чтобы сообщить Вам свой адрес, по каковому и буду просить Вас переслать корректуру Боратынского.¹ Начал писать биографию, добрался до рождения Боратынского и побежал искать вдохновения — плохое дело, значит!² Жить же теперь я буду в Старице, Тверской губернии, на Семеновской улице в доме М. В. Епанечниковой и проживу там, вероятно, до 22 авг<уста>. Хотелось бы заняться собственной поэзией, но счастливая пора прошла. Побываю на днях в Малинниках с одной целью — упрочить отношения — надеяться сейчас получить еще что-нибудь было бы с моей стороны легкомысленно.³ Не говорил ли я Вам, что в Покровском (Понофидинском) хотели пожертвовать в Пушкинский Дом «библиотеку», но я в ответ промолчал, п<отому> ч<то> библиотека крайне разрозненна, убога и решительно, или почти решительно, ничего интересного собой не представляет. Как скажете? — если прикажете, то достану ее.⁴ С ужасом за себя и весь мир православный думаю о том, что сегодня уже 3 августа и не могу придумать способа вернуть время. И Вам не долго радовать осталось жителей Силламяг,⁵ не долго испытывать действие благорастворенных эстляндских воздушных масс. Все это грустно, и этим грустным припевом кончаю свою записку, низко-низко поклонившись Варваре Николаевне⁶ и поцеловав через Вас Ваших детей.

Модест Гофман.

¹ См. прим. 17 к письму 14.

² О своем неожиданном решении вновь уехать в Тверскую губернию в августе 1913 г., чтобы завершить статью для «Академической Библиотеки русских писателей», М. Гофман вспоминал много лет спустя: «Сколько я ни пробовал писать биографию Боратынского, ничего не выходило: столько ко мне приходило народу, что не оставалось времени для писания, а главное — совершенно невозможно было сосредоточиться и привести в порядок мысли, <...> а написать необходимо, чтобы не стать Верховским (см. прим. 3 к письму 10. — Т. К.) или Щеголевым (П. Е. Щеголев, которому была поручена подготовка сочинений Пушкина в «Академической Библиотеке русских писателей», как и Верховский, не выдержал назначенных сроков. — Т. К.). Что делать? Думал-думал и принял героическое решение: поехать в какую-нибудь глухую деревню, зарыться в ней и сидеть там, пока не напишу биографию Боратынского — куда, безразлично. Не знаю, почему я выбрал Старицу, маленький, поганенький уездный городишко Тверской губернии, где <нрзб.> Волга около пушкинских мест, но выбор оказался очень удачным: 1) комната попала очень чистая (насколько русская деревня чище французской и как всегда клеветали на русскую деревню!), 2) такая тоска была (негде гулять — раз в день в 10 минут доходил до берега крохотной в этом месте Волги — это все), что нечего было делать, кроме работы, и, кроме того, так хочется скорей вырваться из этой дыры, что поневоле сидишь весь день с утра до вечера и пишешь — чтобы скорее закончить работу и уехать. Зашел в первую попавшуюся крестьянскую избу, которая мне показалась чистой, и спросил, не дадут ли мне комнату и не согласятся ли меня кормить.

— А что Вам нужно готовить?

— Да все равно, что-нибудь попроще.

— Вы гречневую кашу любите?

- Очень люблю.
- А сырники? А сливки пьете?
- Пью.

И вот меня стали за рубль в день (немножко дорого, но я не стал торговаться <...>) кормить все время одним и тем же (ни разу не было перемены): в 7 часов утра мне давали стакан сливок, в 12 часов дня гречневую кашу, сырники и стакан сливок, в 6 часов вечера гречневую кашу, сырники и стакан сливок и на ночь стакан сливок. Я работал без передышки и через неделю мог уехать из Старицы (конечно, я там не задержался ни на один день) с написанной биографией Боратынского» (из воспоминаний М. Л. Гофмана).

³ См. письмо 15.

⁴ Библиотека Понофидиных в Пушкинский Дом не передавалась.

⁵ См. прим. 20 к письму 14.

⁶ В. Н. Модзалевская.

19

10 (23) августа 1913 г. Старица

Старица, 10 августа 1913 г.

Получил Вашу открытку, дорогой Борис Львович, и вчера ходил опрашивать для Вас ушедших из этого мира: новейшие купцы кричат своими яркими красками и надписями, а те, кто поблагороднее и подревнее — молчат, зарывшись глубоко в землю и поросши травой забвения — мохом. Все крайне запущено, и нет никакой надежды вызвать в бытие, хотя бы и на бумаге, ушедших в небытие, однако еще постараюсь.¹ Вчера же встретил М. Н. Понофидина,² выговаривавшего мне, что я не приехал прямо к ним — в Малинки или в Покровское, и уговаривал сейчас же перебраться туда. Я бы и <не> прочь пожить в хорошем имении, да боюсь, что не смогу там заниматься и что заедят малинниковские клопы (правда, что можно жить в Покровском, но приношу деревенский отдых в жертву Боратынскому, для которого сию в глухом уездном городишке). Предложил мне также Понофидин для Пушкинского Дома лексиконы П. А. Осиповой,³ и значит ехать все же надо,⁴ да и вообще надо, но хочу сперва женить Боратынского и передать его на попечение заботливой Настасьи Львовны.⁵ Сегодня он (Боратынский) до слез прошиб меня, и я умилился на себя, произведя его в офицеры. Начал было перестукивать написанное, т<ак> к<ак> горю нетерпением показать Вам, но все написано так вяло, что хоть снова начинай... Радуюсь тому, что хоть память, конфузливая девица на людях, но бойкая в кабинетной (*honny soit qui mal y pense*^a) и иной тиши, резвится: книг и бумаг для справок набрал целый муравейник, но справляться почти не приходится, и все цитирую наизусть. Знаю, что мне достанется от всех, а пуще всего — от Ивана Андреевича,⁶ за цитаты, но у меня лежит к ним сердце, и я вижу в них свидетельство и залог моей добросовестности. Они и необходимы, — иначе бы сказали, что я выдумал биографию Боратынского,

^a Позор тому, кто дурно об этом подумает (*франц.*) (девиз английского ордена Подвязки).

даром что я стараюсь осторожнее высказывать свое расхождение с прочими биографами. Кто умней, — поймет мои намеки и выведет следствия, которые я остерегаюсь выводить во избежание соблазна.⁷ Хотел удрать и в монастырь, да опять-таки жаль отрываться и пугать робкое и вялое вдохновение. Сейчас получил корректуру, побывавшую у Вас, и выражаю Вам такую благодарность, какую только может выразить мое нечувствительное, но преданное Вам сердце. Жизнь моя течет поразительно однообразно, и в голове нет ни одной мысли, которая не имела бы отношения к Боратынскому, а потому с удовольствием отдохну от него, как только напишу биографию, хоть и занимает меня это весьма. Думаю, что дней через шесть буду уже в Петербурге и тогда передам сам приветы и пожелания Варваре Николаевне,⁸ Шуре,⁹ Леве¹⁰ и Димочке,¹¹ а пока прошу Вас о передаче им массы хорошего.

Преданный Вам Модест Гофман.

¹ Открытка, посланная Модзалевским, не сохранилась, но по ответу Гофмана понятно, что Борис Львович, воспользовавшись пребыванием Гофмана в Старице, обратился к нему со своей традиционной просьбой — посетить местное кладбище и переписать с надгробий сведения об интересующих его лицах (сведения такого рода он аккуратно заносил в свою библиографическую картотеку с обязательным указанием фамилии сообщившего их; ныне картотека хранится в РО ИРЛИ).

² *Понофидин (Попафидин, Папафидин)* Михаил Николаевич* (не ранее 1858—1915) — сын Николая Павловича Понофидина и Серафимы Александровны, урожд. Юргеневой; внук П. И. и А. И. Понофидиных (см. прим. 8 к письму 16). Окончил юридический факультет Московского университета. С 1891 г. был женат на Е. С. Вревской (см. прим. 2 к письму 26). В 1895 г. унаследовал родительское имение Курово-Покровское. В Старице у Понофидиных был собственный дом. М. Н. Понофидин предоставил Б. Л. Модзалевскому для публикации «Семейный летописец» рода Понофидиных (1734—1857) (см.: Сборник статей, посвященный Л. М. Савелову. М., 1915. С. 22—35) и письма своего деда (см.: *Папафидин П. И.* Письма морского офицера. (1806—1809) / С предисловием и прим. Б. Л. Модзалевского. Пг., 1916). О М. Н. Понофидине см.: РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 31, № 192, л. 380—383.

³ Более или менее достоверно идентифицировать эти книги из библиотеки Малинников помогает письмо М. Н. Понофидина к М. Л. Гофману от 10 декабря 1913 г.: «Когда приеду в Петербург, привезу вам французские лексиконы Татищева с отчеткою пылких чувств к Пушкину нашей прабабушки» (т. е. П. А. Осиповой) (РО ИРЛИ, ф. 64, № 168). В конце концов Понофидин выслал эти книги в дар Академии наук в марте 1914 г. (см.: Письма М. Н. Понофидина к Б. Л. Модзалевскому / Публ. Т. П. Кочевой // Русская литература. 2003. № 2. С. 164—165). Обнаружить их в библиотеке Пушкинского Дома не удалось. Вероятнее всего, речь идет об одном из французско-русских словарей, составленных И. И. Татищевым, — «Полном Французском и Российском Лексиконе, с последнего издания Лексикона Французской Академии на Российской язык переведенном» (2-е изд. СПб., 1798. Т. 1—2). Гофман дважды описывает эти «лексиконы», обложки которых «испещрены подписями, вроде следующих: „Милый и любезный друг Александр Сергеевич Пушкин“, „Любезный и верный друг Александр Сергеевич“, „А. П.“ и т. д. и т. д.». В одном случае он утверждает, что это рука П. А. Осиповой (см.: Пушкин и его современники. Вып. 19—20. С. 105), в другом — атрибутирует эти записи Анне Николаевне Вульф (см.: Там же. Вып. 21—22. С. 214).

* Учитывая тот факт, что в литературе не существует единообразия в передаче фамилии Понофидиных, в настоящей публикации принято то написание, которое зафиксировано на визитной карточке.

⁴ Поездка Гофмана в Малинники в августе 1913 г. не состоялась (см.: РО ИРЛИ, ф. 64, № 168; письмо М. Н. Понофидина к М. Л. Гофману от 10 декабря 1913 г.).

⁵ Е. А. Боратынский с 9 июня 1826 г. был женат на Настасье Львовне Энгельгардт (1804—1860).

⁶ И. А. Кубасов. См. прим. 1 к письму 16.

⁷ Большинство рецензентов издания не могло не отметить добросовестности Гофмана-редактора, включая и Н. О. Лернера, известного своими резкими и пристрастными критиками. Основная же претензия Лернера к биографическому очерку, написанному Гофманом, сводилась к тому, что он носил «чисто внешний характер» и в нем не определялось своеобразие поэтического облика Боратынского (см.: Вестник Европы. 1914. № 5. С. 348—350). Сводка рецензий на 1-й том академического издания Боратынского приведена в кн.: Бюллетени литературы и жизни. 1914. № 21. Библиографический отдел. С. 658—659.

⁸ В. Н. Модзалевская.

⁹ А. Б. Модзалевская.

¹⁰ Л. Б. Модзалевский.

¹¹ В. Б. Модзалевский.

20

13 (26) сентября 1913 г. Петербург

Лесной, 13 сентября 1913 г.

Дорогой Борис Львович, посылаю Вам на новоселье¹ «Новоселье».² Хотел сам принести, но болезнь (воспаление почечных лоханок) держит дома и грозит отрезанием от мира на три недели.³ Буду ждать от Вас корректуры в гранках,⁴ дабы иметь возможность исправить все, что требует исправления, и дополнить примечания (нужно или нет? что нужно?). Когда Вы предполагаете удобным начать набор дневника?⁵ — я бы мог в самом скором времени начать присылку оригинала. Нудно сидеть дома и не знать, что еще готовит грядущий день! Поздравляю Вас и Ваших с новосельем и шлю приветы и неограниченные пожелания.

Сердечно преданный Вам Модест Гофман.

Передайте, пожалуйста, девушке Саводника.⁶

¹ Речь идет о втором за короткое время новоселье Б. Л. Модзалевского, о чем он, в частности, писал М. О. Гершензону: «Я дважды в течение двух месяцев переехал с квартиры на квартиру: сперва 1-го авг., со Среднего 34 на 8-ю линию 39, а 23 сент. — с 8-й линии на 7-ю, д. 2, в казенную квартиру в Академическом доме, где наденюсь прожить уже до скончания живота своего... С моей библиотекой такие salto mortale не так-то просто проделывать, а потому я был все время утомлен и выбит из колеи, лишенный книг и другой своей рабочей обстановки» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1996 год. СПб., 2001. С. 327; публ. Е. Ю. Литвин).

² Возможно, Гофман подарил Модзалевскому один из двух томов альманаха «Новоселье», собранного русскими литераторами в 1833—1834 гг. в честь переезда книжной лавки А. Ф. Смирдина на Невский проспект. Это могли быть также и отдельные гравированные листы к этим изданиям (гравюры С. Ф. Галактионова с оригиналов А. П. Брюллова и А. П. Сапожникова).

³ Резкое ухудшение здоровья М. Гофман связывал прежде всего с бытовыми и дорожными неудобствами нескольких в течение лета 1913 г. путешествий по Псковской и Тверской губерниям: «Удачные поездки мои имели, однако, и отрицательную сторону: тряска в безрессорных экипажах (иногда и просто в телеге) по плохим дорогам отражалась на моем здоровье, и я работал следующую зиму, может быть, с меньшей энергией, так как много времени уходило на лечение почек, и болезнь отнимала силы (поездка в Крым осенью 1913 г. (см. письмо 22. — Т. К.) была неудачна)» (РО ИРЛИ, ф. 341, оп. 1, № 1126, л. 1 об.).

⁴ См. прим. 17 к письму 14.

⁵ См. прим. 9 к письму 14.

⁶ Возможно, здесь идет речь о книге В. Ф. Саводника «Е. А. Боратынский. 1800—1900: Критический очерк» (М., 1900), которая была необходима Гофману в связи с работой над 1-м томом собрания сочинений Боратынского.

21

31 октября (13 ноября) 1913 г. Петербург

31. X. 1913.

Дорогой Борис Львович,

спасибо Вам за все, а больше всего за Ваш привет. Продолжаю мучиться в связи с все увеличивающимся количеством белка, цилиндров и кристаллов Но твердо и бодро шлю привет и пожелания Вам и Вашей семье.

Преданный Вам сердцем Модест Гофман.

22

11 (24) ноября 1913 г. Ливадия

Ливадия.¹
11. XI. 1913.

Дорогой Борис Львович, шлю Вам и всей Вашей хорошей семье горячие приветы. Не судите меня за корректуру² — чувствую себя развалившеюся колонной, постепенно реставрируемой.

Модест Гофман.

Адрес: Его Высочородию
Борису Львовичу Модзалевскому.
Архив Академии Наук
Около Дворцового моста.
Васильевский Остров.
Петербург.

¹ Написано на открытке с видом развалин старого дворца в Ореанде. В тексте письма Гофман в шуточной форме сравнивает свое состояние с разрушившейся колонной, которая как раз изображена на переднем плане открытки.

23

27 ноября (10 декабря) 1914 г. Кисловодск

Кисловодск.¹
27. XI. 1914.

Дорогой Борис Львович, шлю Вам, Варваре Николаевне² и детям мой привет. Здесь, если и не слишком тепло (однако сегодня днем в тени +8°), то, во всяком случае, масса солнца, света и дивный воздух. Сердечно желаю Вам всего лучшего и преданное Вам сердце предаю еще раз.

Модест.

Адрес: Его Высокородию
Борису Львовичу Модзалевскому.
Архив Канцелярии Конференции Академии Наук.
Университетская наб.
В<асильевский> О<стров>. Петроград.

¹ Написано на открытке с видом каскадов на реке Ольховка в Кисловодске.

² В. Н. Модзалевская.

24

3 (16) декабря 1914 г. Кисловодск

Кисловодск.
3. XII. 1914.

Дорогой Борис Львович, здесь где-то мы и живем.¹ Хлопочу о письме Гоголя,² и, кажется, мои хлопоты хотят увенчаться. Все поджидал от Вас какой-нибудь весточки, да так и не дождался и не дождусь, конечно. Здесь все время солнце и тепло. Во вторник (9-го) собираюсь уже приехать в Петербург. Папа³ просит передать Вам привет, а я прошу Вас — Варваре Николаевне⁴ и детям.

Адрес: Его Высокородию
Борису Львовичу Модзалевскому.
7 линия, дом Академии Наук.
Петроград. Васильевский Остров.

¹ Написано на открытке с видом Ребровой балки и горы Кабан в Кисловодске.

² Речь идет о письме Гоголя к Николаю I (от начала декабря 1846 г.), в котором содержалась бесподданнейшая просьба о выдаче паспорта для путешествия на Восток, к Святым местам. Письмо хранилось в архиве Военно-походной канцелярии Его Императорского Величества, где служил отец Гофмана. В конце 1914 г. по Высочайшему

повелению Дело № 37 (30 декабря 1846 г. — 14 апреля 1847 г.) с письмом Гоголя было передано в Пушкинский Дом и сразу же опубликовано М. Гофманом (см.: Временник Пушкинского Дома. 1914. Пг., [1915]. С. VII, 89—93). В настоящее время хранится в фонде Н. В. Гоголя (РО ИРЛИ, ф. 652, оп. 1, № 37).

³ Л. Л. Гофман. См. прим. 4 к письму 13.

⁴ В. Н. Модзалевская.

25

22 июля (4 августа) 1915 г. Райвола

Райвола.¹
22. VII. 1915.

Дорогой, хороший Борис Львович, и не только дорогой и хороший, но еще — вдобавок — и именинный, поздравляем Вас с 24-м июля² и кричим за Ваше здоровье, счастье и долголетие долгое и громкое ура. Целую Вас, Вашим сердечное приветствие.

Модест.

Рукою О. Н. Гофман: И я, и Нат<алья> Алек<сандровна>³ соединяем свои пожелания и приветствия. Всего хорошего! О. Гофман.⁴

Рукою М. Л. Гофмана: Числа 30—31-го собираюсь к Вам — мучить и тревожить Вас.

Адрес: Его Высокородию
Борису Львовичу Модзалевскому.
Люцевская ул., д. 34.
Гатчина, Варшавск. ж. д.

¹ Написано на открытке с видом мельничного ручья на станции Райвола.

² По церковному календарю 24 июля — день памяти благоверных князей Бориса и Глеба. Б. Л. Модзалевский, рожденный 20 апреля, праздновал свои именины 2 мая (в этот день церковь прославляет перенесение мощей благоверных князей Бориса и Глеба).

³ *Гофман Наталья Александровна* (умерла в 1930-е гг. в Ленинграде) — мать М. Л. Гофмана.

⁴ *Гофман (урожд. Никольская) Ольга Николаевна* (1895—1984) — жена М. Л. Гофмана (с 29 июня 1914 г.). Окончила гимназию Э. П. Шаффе; училась в классе, где Гофман преподавал литературу в 1910—1914 гг.

16 (29) августа 1915 г. Райвола

16. VIII. 1915.¹

Дорогой Борис Львович, был вчера в Петрограде и звонил к Вам, но не дозвонился. Понофидину зовут Евпраксией Степановной.² На этой неделе буду в Питере и постараюсь Вас увидеть.

Модест.

Адрес: Его Высокородию
Борису Львовичу Модзалевскому.
7 линия, д<ом> Академии Наук.
Васильевский остров.
Петроград.

¹ Написано на художественной открытке; отправлено со станции Райвола (место отправления установлено по почтовому штемпелю).

² Записка Гофмана вызвана известием о скоропостижной кончине М. Н. Понофидина (умер 7 августа в Малинниках). В архиве Б. Л. Модзалевского сохранилось письмо Е. С. Понофидиной от 21 августа 1915 г. с благодарностью «за участие в утрате» и обещанием — «во исполнение желания» покойного мужа — предоставлять в полное распоряжение Академии «все, что может <...> интересоваться в смысле старинных документов» (Письма М. Н. Понофидина к Б. Л. Модзалевскому / Публ. Т. П. Кочевой // Русская литература. 2003. № 2. С. 167).

Понофидина (урожд. Вревская) Евпраксия (Ирина) Степановна — дочь Степана Борисовича Вревского и Марии Михайловны, урожд. Сердобинной; внучка Б. А. и Е. Н. Вревских. Образование получила за границей. В 1891 г. вышла за М. Н. Понофидина (о нем см. прим. 2 к письму 19) и переехала в Покровское и Малинники (последние достались ей по наследству). После революции 1917 г. Е. С. Понофидина оставалась в родовом имении. 11 августа 1920 г. она отправила Б. Л. Модзалевскому письмо, в котором сообщала о получении декрета, предписывающего выселить в месячный срок владельцев усадеб, и тревожилась в связи с этим о «судьбе малинниковской старины» (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1917), № 3, л. 77—78. Другие письма Е. С. Понофидиной к Б. Л. Модзалевскому от 11 мая, 29 августа и 8 сентября 1920 г. см.: Там же, л. 104—105, 121—122; оп. 1 (1920), № 2, л. 72—73). 30 августа 1920 г. Академия наук выдала ей охранную грамоту и поручала сохранять до вывоза в Петроград «архив, библиотеку и старинные музейные вещи в усадьбе Малинники» (Там же, оп. 1 (1917), № 3, л. 106). Принадлежавшая Е. С. Понофидиной часть архива Вревских поступила в Пушкинский Дом в сентябре 1920 г.; в 1926 г. она передала Б. И. Коплану, командированному в Малинники, три альбома своей матери с зарисовками пушкинских мест Псковской и Тверской губерний. В конце 1920-х гг. вместе с глухонемой дочерью Марией она перебралась в Ленинград, к дочери Татьяне, помогая воспитывать внуков и зарабатывая вышиванием белья. Умерла во время блокады Ленинграда. (О Е. С. Понофидиной см.: РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 31, № 192, л. 380—383). Ее дочь Т. М. Понофидина в 1970-е гг. передала в Берновский музей семейные реликвии из Малинников: ломберный столик, дульный пистолет А. Н. Вульфа, столовое серебро и штатгук Е. Н. Вревской, альбом с семейными фотографиями (см.: Орлова С. Фотография из старинного альбома // Я ехал к вам... Сборник статей о пребывании А. С. Пушкина на старинной земле. Тверь, 1997. С. 155—157).

13 (26) июля 1916 г. Ушивка

Ушивка.

13. VII. 1916.

(Почтовый адрес: почтовое отделение Орловка,
Новгород-Северского уезда Черниговской губ.
Деревня Ушивка. Усадьба М. П. Савицкой.¹
Телеграфный адрес: Кролевец Черниговской.
Забелло² — Гофману).

Дорогой Борис Львович,

очень-очень соскучился по Вас, и так хочется узнать о Вас, о Варваре Николаевне,³ о детях, о том, как Вы живете, как отдыхаете, здоровеете, что и гулять не пошел и лень письменную превозмог, дабы написать Вам. Бесконечно давно ничего не знаю о Вас. Как у Вас? Все ли здоровы? Чувствуете ли Вы себя нервами и физически лучше? Я живу здесь уже третью неделю, а Оля⁴ с Ростиком⁵ 1½ месяца и пока это очень довольно всеми условиями жизни, а уж о просторе, о красоте лугов, лесов, о теплом, соснами насыщенном воздухе и говорить трудно. Все мы толстеем и загораем. А как красивы берега по Десне! Вот бы Вас к нам! А у меня есть и планы на этот счет, и очень хотелось бы сговориться с Вами: после 15-го августа я думаю недельки 1½—2 пробыть в Москве для Румянцевского Музея,⁶ и очень хотелось бы это время быть с Вами в Москве — Вы же и собирались там побывать в августе. Давайте, Борис Львович, спешитесь! А так как от нас до Москвы беспересадочное сообщение и езды всего 12 часов и так как у нас тут очень хорошо и очень здорово, то вывод очень простой: 1 августа Вы с Варварой Николаевной снимаетесь из Приморского хутора и едете в Ушивку, здесь мы гуляем, пьем молоко, едим до отказа (со стороны желудка), отдыхаем и 15 августа, оставя в Ушивке Варвару и Ольгу Николаевну, едем в Москву. Я не красноречив, но хочется думать, что мое сердечное послание будет убедительнее для Вас самого пышного и цветистого красноречия. С тех пор, как я уехал из Лесного (24-го июня), палец о палец не ударил, — только гуляю, ем да ворчу на Олю — и считаю, что заслужил это право на отдых, так как до 24 июня работал так, как давно не удавалось: протранскрипцировал все рукописи «Евгения Онегина» и Публичной Библиотеки и Румянцевского Музея,⁷ причем за март, апрель, май исписал 134 листа транскрипции, а за 24 дни июня — 314!⁸ Открывал такую массу неведомых вещей в рукописях «Онегина» и такую чепуху в комментированных изданиях, что одновременно и в восторг приходил и от досады злобой задыхался. Кстати: если Вы возьмете от меня в один из ближайших выпусков «Пушкина и его современников» исследование (первый раз в жизни!) о пропущенных строфах «Евгения Онегина»,⁹ то я бы теперь написал, благо материалов много и все под рукой. Кстати: в рукописях Румянцевского Музея я нашел новое

косвенное подтверждение в правильности моих положений о псевдо-пушкинском послании Чаадаеву «Любви, надежды, тихой славы». ¹⁰

Кстати: писал ли Вам Томашевский ¹¹ (я ему дал Ваш адрес) о статье Оксмана ¹² в «Пушк<ине> и его совр<еменниках>» (уже набранной): ¹³ в ней много недоразумений и lapsus'ов и в особенности серьезный один, касающийся оригинала «Блажен, кто близ тебя», ¹⁴ отчего может быть большой конфуз для «П<ушкина> и его совр<еменников>».

Напишу вам большое письмо, когда получу от Вас, а теперь तो роплюсь отправить это на почту (очень неисправную у нас). Буду ждать скорого и благосклонного ответа. Все мы приветствуем всех Вас, а я Вас и детей — целую и желаю Вам тьму самых лучших вещей.

Модест.

¹ «Лето 1916 года мы — Оля, Ростик и я — провели в Черниговской губернии, у М. П. Савицкой (родственницы Сони Забелло, имение Забелл тоже было недалеко, и мы видались). Там было очень хорошо, но я невероятно скучал: решив отдохнуть, я не взял никакой работы и потому отчаянно скучал: <...> Ростик был слишком мал — ему было два года, чтобы с ним совершать большие прогулки, Оля или была занята по хозяйству, или болтала с М. П. Савицкой, а я был совсем один и спасался тем, что уходил на весь день собирать грибы — к счастью, грибов было много. Осенью вернулись в Петербург, тревожный, предреволюционный: неизбежность революции чувствовалась весь год» (из воспоминаний М. Л. Гофмана).

² *Забелло Софья Яковлевна* — соученица О. Н. Гофман по гимназии Э. П. Шаффе, ученица М. Гофмана. Как можно судить по воспоминаниям самого Гофмана, он состоял с ней в переписке, уже будучи в эмиграции в конце 1920-х—1930-е гг. (см. также: *Цвяловский М., Цвяловская Т. Вокруг Пушкина*. С. 84, 87, 107).

³ В. Н. Модзалевская.

⁴ О. Н. Гофман.

⁵ *Гофман Ростислав Модестович* (1915—1975) — сын М. Л. и О. Н. Гофманов. С 1923 г. жил с отцом в Париже. По окончании лицея Janson-de-Sailly преподавал в русской гимназии в Париже; переводил на французский язык произведения Достоевского, Льва Толстого, Тургенева. Впоследствии стал известным музыковедом, крупнейшим в Европе специалистом по истории русской музыки и активным ее популяризатором во Франции, выступал с лекциями по радио, редактировал с 1968 г. журнал «Diapason», работал художественным директором звукозаписывающей фирмы «Chant du Monde», которая обладала эксклюзивным правом издания русской классической и современной музыки. Р. М. Гофман был активным деятелем музыкально-просветительного общества «Музыкальная молодежь Франции», в котором на безвозмездных началах пропагандировал русскую и советскую музыкальную культуру. Перу Р. М. Гофмана принадлежат монографии о П. И. Чайковском (1947), Н. А. Римском-Корсакове (1958), М. П. Мусоргском (1964), Д. Д. Шостаковиче (1963), С. С. Прокофьеве (1964) и др.

⁶ В Московском Румянцевском музее с 1880 г. хранилось одно из самых ценных собраний пушкинских рукописей, переданное туда старшим сыном поэта. Его ядро составляли черновые рабочие тетради Пушкина (четырнадцать из семнадцати сохранившихся). Б. Л. Модзалевский и М. Л. Гофман планировали заниматься в Румянцевском музее в мае 1916 г., но в связи с ремонтом в музее эта поездка была отложена до августа (см. письмо Г. П. Георгиевского к Н. А. Котляревскому от 10 мая 1916 г.: ПФА РАН, ф. 2, оп. 1 (1913), № 42, л. 110). Нет сведений о том, удалось ли Гофману поработать с пушкинскими рукописями в Москве в августе 1916 г. Известно о его поездке в Румянцевский музей для завершения работы по описанию автографов «Евгения Онегина» в начале 1917 г.: 30 января он получил в редакции «Пушкина и его современников» 100 рублей «в счет гонорара на поездку в Москву» (РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 28, № 90, л. 21 об.).

⁷ В марте 1916 г. академическая Комиссия по изданию сочинений Пушкина приняла предложение редактора 6-го тома П. О. Морозова и утвердила Гофмана редактором тома, в который должен был войти «Евгений Онегин» (Гофману предлагалась подготовка текста и составление текстологических примечаний). Кроме того, отдельное издание пушкинского «романа в стихах» предполагалось осуществить и в «Академической Библиотеке русских писателей». Для подготовки текста «Евгения Онегина» Гофман получил в 1916 г. стипендию от Отделения русского языка и словесности. В отчете, поданном в конце года, он, в частности, писал: «Я проработал все издания романа, вышедшие при жизни Пушкина, и сверил текст наиболее авторитетных посмертных изданий. <...> После этого я приступил к изучению рукописей, с какою целью и занимался в Императорской Публичной библиотеке, в Императорской Академии Наук (собрания Рукописного отделения, бумаги Л. Н. Майкова, фотографии с рукописей Парижского музея А. Ф. Онегина, собрание Пушкинского Дома), у проф. С. А. Венгерова (фотографии Румянцевского музея) и в Румянцевском музее в Москве. В результате мною произведена транскрипция всех существующих известных рукописей „Евгения Онегина“, кроме оставшихся мне недоступными бумаг графа Шереметева. <...> Изучение рукописей „Евгения Онегина“ дало громадный и весьма значительный материал: помимо частичных исправлений существующего текста, рукописи Пушкина дали много новых интересных вариантов, разрешающих порой большие вопросы в пушкиноведении (которые вызвали целую литературу), обнаружили процесс создания романа. Найденные мною материалы в рукописях „Евгения Онегина“ дали, между прочим, и 8 полных новых строф» (Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук за 1916 год. С. 43). Для продолжения работы по подготовке текста «Евгения Онегина» Гофман получил от Отделения стипендию и на 1917 г.

⁸ Сохранившаяся часть этой работы Гофмана (со строфы XVII главы второй по главу восьмую) находится в настоящее время в РО ИРЛИ (Р. 1, оп. 5, № 620, л. 280—835, по нумерации М. Гофмана). Она представляет собой транскрипцию черновых рукописей «Евгения Онегина», сводку вариантов беловых рукописей и печатных изданий с краткими вступительными заметками перед каждой главой.

⁹ В 1916 г. Гофману удалось напечатать только фрагмент этой работы — «Новые строфы „Евгения Онегина“» (Вестник Европы. 1916. Кн. 12. С. 29—41) и 26 ноября сделать доклад в историко-литературном кружке имени Пушкина при Петроградском университете. При обсуждении доклада С. А. Венгеров указал, в частности, «на слишком резкую критику предшествующих работ» (Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1916. 29 нояб., № 15953. С. 7). В этой работе Гофман заявил о себе как об убежденном и последовательном стороннике метода транскрибирования черновых рукописей: «Чтение черновых строф, извлекаемое из множества сплошь зачеркнутых черновики, всегда настолько приблизительно, что такие строфы нельзя давать иначе, как в полной и безукоризненной транскрипции» (Вестник Европы. 1916. Кн. 12. С. 40; оценку текстологических принципов Гофмана см.: *Измайлов Н. В.* Текстология // Пушкин. Итоги и проблемы изучения. М.: Л., 1966. С. 571—574). Исследование о пропущенных строфах «Евгения Онегина» было сдано в набор в конце 1916 г. Отъезд Гофмана летом 1917 г. на юг России и его почти трехлетнее отсутствие замедлили работу над изданием, которое вышло только в 1922 г. (см.: Пушкин и его современники. Пб., 1922. Вып. 33—35. С. 1—344). См. также прим. 1 к письму 28.

¹⁰ В феврале 1916 г. на заседании историко-литературного кружка имени Пушкина при Петроградском университете М. Гофман прочитал доклад «Кому принадлежит послание „Любви, надежды, тихой славы“?», в котором предпринял попытку опровергнуть принадлежность Пушкину известного стихотворения и перетрибутировать его Рылеву (сообщения о докладе см.: Речь. 1916. 15 февр., № 45. С. 4; Известия книжных магазинов Т-ва М. О. Вольф по литературе, наукам и библиографии. 1916. № 3. Стб. 37). Аргументация Гофмана не была принята участниками обсуждения — как известными к тому времени пушкинистами (С. А. Венгеровым, П. О. Морозовым, П. Е. Щеголевым), так и только начинающими тогда исследователями. «Гофман прочел свой доклад, — рассказывал позднее С. М. Бонди, — а обсуждение было перенесено на следующий раз. Мы подготовились, поделив меж собой проблемы: я взял текстологию, Оксан — он уже тогда хорошо знал Рылеву — говорил о стиле, ну и так далее. Разнесли Гофмана в пух и прах. Все ждали от профессора (С. А. Венгерова. — Т. К.) аргументированных возражений. А он просто взял и прочел с обыденной, но

бодрой интонацией <...> все стихотворение целиком, развел руками и с улыбкой сказал: „Так ведь это Пушкина!“ <...> Гофман с нашей критикой не согласился и выступил очень резко» (*Чудаков А. П. Слушаю Бонди // Тыняновский сборник: Пятое Тыняновские чтения. Рига; М., 1994. С. 398*). Под «новым косвенным подтверждением правильности» своих выводов Гофман подразумевал незаконченную заметку Пушкина «<О публикации Бестужева-Рюмина в „Северной звезде“>», черновик которой находится в так называемой Первой арзрумской тетради, которая хранилась тогда в Румянцевском музее (совр. шифр: РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 841, л. 114 об.—114). Этим аргументом Гофман дополнил доказательную базу о псевдопушкинском характере стихотворения позднее — в своей книге «Пушкин. Первая глава науки о Пушкине» (Пб., 1922. С. 119—127) и статье «Пушкин и Рылеев», которую передал в редакцию литературно-художественных сборников «Недра», когда уже находился в Париже (см.: *Гофман М. Л. Пушкин и Рылеев // Недра. М., 1925. Кн. 6. С. 195—209*). В этом же сборнике в полемику с Гофманом вступил Л. П. Гроссман (см.: *Гроссман Л. П. Пушкин или Рылеев? // Там же. С. 210—229*). Аргументированно отвечал Гофману и Б. В. Томашевский в своей книге 1925 г. (см. переиздание: *Томашевский Б. В. Пушкин. Современные проблемы историко-литературного изучения. Л., 1990. С. 75*).

¹¹ *Томашевский Борис Викторович (1890—1957)* — историк литературы, стиховед, пушкинист, один из основателей отечественной текстологии. Именно в 1916 г. появились в печати его первые пушкиноведческие работы: «О стихе „Песен западных славян“» (Аполлон. 1916. № 2. С. 26—35) и «Пушкин и французская юмористическая поэзия XVIII века» (Пушкинист: Историко-литературный сборник / Под ред. С. А. Венгерова. Пг., 1916. Т. 2. С. 204—257). С 1917 г. Томашевский постоянно публиковал свои работы в повременном академическом издании «Пушкин и его современники». С 1921 г. его научная жизнь была связана с Пушкинским Домом, прежде всего — с фундаментальными исследованиями в области пушкиноведения. В 1946—1957 гг. Томашевский заведовал Рукописным отделом Пушкинского Дома. Писем Б. В. Томашевского за 1916 г. в архиве Б. Л. Модзалевского нет.

¹² *Оксман Юлиан Григорьевич (1895—1970)* — историк литературы, пушкинист. Окончил Петроградский университет в 1917 г.; печатался с 1915 г. В 1933—1936 гг. Оксман работал заместителем директора Пушкинского Дома. Подробнее о нем см.: *Азадовский М. К., Оксман Ю. Г. Переписка. 1944—1954 / Сост., вступ. статья, коммент. К. М. Азадовского. М., 1998*.

¹³ Речь идет о статье Ю. Г. Оксмана «Сюжеты Пушкина», в которую вошли три отдельные заметки: «К литературной истории стихов Пушкина. К***» (Счастлив, кто близ тебя, любовник упоенной!); «Пушкин и Арно»; «Заметка Пушкина о Железной Маске» (см.: Пушкин и его современники. Пг., 1917. Вып. 28. С. 73—95).

¹⁴ Оксман указал на элегию Н.-Ж. Леонара «L'amant timide» как на источник пушкинского наброска «Счастлив, кто близ тебя, любовник упоенный...». Б. В. Томашевский, оппонировав Оксману, назвал это сопоставление «рискованным» и «сомнительным» и указал при этом другой, более вероятный и популярный литературный источник — оду Сафо, широко известную в переводе Буало и более чем 10 русских переводах. Ответ Томашевского датирован «12 августа 1916 г. Волчек», но в печати появился позднее (см.: *Томашевский Б. В. Заметки о Пушкине. I. К Пушкинским сюжетам // Пушкин и его современники. Пб., 1923. Вып. 36. С. 78—81*). (Б. В. Томашевский, дипломированный инженер-электрик, в Первую мировую войну служил в 12-й инженерной строительной дружине 3-й действующей армии Западного фронта.)

Дорогой и глубокоуважаемый Борис Львович,

в ожидании Вашего письма дождался okazji (почте упорно не доверяю) и посылаю корректуру.¹ Сейчас вспомнил, что забыл послать окончание оригинала — послать уже невозможно, ибо okazia едет

через 5 минут, а я нахожусь от дома в полчаса езды. Все мои (и я) всех Ваших (и Вас) приветствуют.

Ваш Модест.

XII. 1917.
Чернигов.²

¹ Речь идет о корректуре исследования Гофмана «Пропущенные строфы „Евгения Онегина“» (см. прим. 9 к письму 27). Типографский набор достаточно сложной рукописи происходил в отсутствие Гофмана. В архиве издания «Пушкин и его современники» сохранился фрагмент наборной рукописи (см.: РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 28, № 21, л. 64—114 по нумерации Гофмана; соответствует с. 94—156 публикации в «Пушкине и его современниках», вып. 33—35) и лист гранок второй корректуры (с. 150—156 публикации) с правкой Гофмана и отметкой типографии о возвращении 11 июня 1918 г. (см.: РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 28, № 21). В конце весны 1918 г. Гофман ненадолго появился в Петрограде: он, как следует из его воспоминаний, приехал из Чернигова за матерью. В расходных ведомостях редакции «Пушкина и его современников» есть запись Б. Л. Модзалевского о выплате ему гонорара 28 мая 1918 г. (см.: РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 28, № 90, л. 23 об.). Приход Гофмана в Академию вызвал, по неясным причинам, «неудовольствие» Н. А. Котляревского, и Модзалевский готов был принять от него «головомойку» за появление Гофмана, «в коем <...> замешанным и виноватым» мог, «однако, признать себя лишь косвенно» (Пушкинский Дом: Статьи. Документы. Библиография. Л., 1982. С. 207; публ. Е. И. Семенова). Возможно, какую-то роль в этом могла сыграть телеграмма, посланная Модзалевским Гофману 23 декабря 1917 г. (ее текст неизвестен, сохранилась лишь запись об отправлении — см.: РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 28, № 90, л. 21 об.).

² Написано на визитной карточке.

29

20 июля 1920 г. Москва

Москва, 20. 7. 20.

Дорогой Борис Львович, получил в воскресенье Ваше письмо и кратко отвечаю на него. Благодарность и извинение за беспокойство Вас сами собой разумеются. Вы просите сообщить, как идут дела. Ответить кратко трудно, но попытаюсь. Во всяком случае, претендую если не на памятник, то на что-нибудь в этом роде. У меня остается все только последнее: последние силы, последние воспоминания сапог, последние заработанные деньги (эти две командировки¹ мне долго будут памятны совершенным опустошением личного кармана, страшною, смертельною усталостью и — единственно, но очень приятно — большою удачею для дела, которое нам очень дорого и близко). Забегался невероятно: иногда приходится бегать с 9 утра до 11—12 ночи (и уж, во всяком случае, не меньше, чем до 7), и только в крайних случаях, когда без этого не поспеть к подписи и может дело лопнуть, прибегаю к извозчикам, а то все пешком. Назову только главные места, в которых мне пришлось быть, и, главное, что сделал.

Был: в Отделе научных библиотек — 6 раз, в Отделе музеев — 9 раз, в Наркомпути — 3 раза, в Румянцевском музее — 4 раза, в

Государственном контроле — 3 раза, в Наркомпросе — 5 раз, на Николаевском вокзале — 2 раза, в Государственном банке — 2 раза и прочая, и проч<ая>. Видите, дела нигде скоро не делаются, но я добиваюсь своего и до тех пор надоедаю, пока не удовлетворят моего желания. Только завтра смогу поехать в Ивановское,² но и после этого останется еще много беготни; часть обегаю, как вернусь из Ивановского (я еду на два дня), а для части придется еще съездить на два дня сюда из Петрограда.

Добился: в Отделе научных библиотек — командировок и прочих бумаг мне и Е<влалии> П<авловне>³ (между прочим, по поводу вагона), ассигнования в 200 т<ысяч> и теперь все время хлопочу о дополнительном ассигновании в 150 т<ысяч>, что гораздо труднее, и деньги я еще не смогу так скоро получить, и придется за ними съездить (я бы это дело совсем оставил, но нам деньги пригодятся в Петрограде, когда более чем тысячепудовый груз⁴ будем перевозить со станции в Пушкинский Дом, — прикиньте, сколько это будет стоить и откуда мы возьмем нужные суммы).

В Отделе музеев выяснил, что они переслали мою докладную записку в Отдел научных библиотек с поддержанием моего ходатайства об ассигновании 200 т<ысяч>. Пришлось распутывать и растолковывать, и, в конце концов, и они ассигновали 200 т<ысяч> (талон к ассигновке у меня уже в бумажнике, и завтра до поездки в Ивановское и до грузовой канители съезжу в Банк и получу деньги; 200 т<ысяч> <Отдела> научных библиотек уже получены и частью израсходованы). Кроме того: получил от них командировки себе и Е<влалии> П<авловне> и подал докладную записку, имевшую успех, в которой просил передать нам рукописи Казанского, Марского, Каймарского, Шушарского и прочих архивов⁵ и вообще передавать в Пушкинский Дом материалы по русской литературе и особенно по Пушкину и его эпохе (это давно надо было сделать, и в таком случае мы, а не Румянцевский музей обладали бы новыми рукописями Пушкина).

Забыл, что еще встречался и был у Козловской.⁶ Пока что перевез к себе архив Воронцовых.⁷ Она обещала еще кое-что приготовить, но вообще делает это очень неохотно: утверждает, что у нее ничего, собственно, нет, что она не может всего сейчас отдать, ибо рукописи ее спасают от выселения (у нее есть охранная грамота на разбор архива, и если она все отдаст, то она потеряет свою силу). Возможно, что у нее действительно ничего особенно любопытного нет, потому что, как я слышал стороной (от Гершензона⁸), пушкинско-лонгиновские рукописи⁹ находятся у Бухгейма¹⁰ — надо бы проверить это, да не знаю, хватит ли у меня на все времени, тем более, что, может быть, мне еще придется ехать в Казань и в Рязань за рукописями для Пушкинского Дома (конечно, уже по возвращении в Петроград). Как вернусь из Ивановского, так поеду к Козловской и постараюсь у нее опять что-нибудь выцарапать по рукописной части. Еще говорит Козловская, что мы напрасно так беспокоимся, что нас ничто не минует, и прочее.

Сегодня в Наркомпути получил, наконец, наряд на вагон — вернее, копию телеграммы о предоставлении нам вагона из Подсолнечной,¹¹ но только для книг. Придется, значит, хлопотать еще о втором

вагоне под музейные вещи (да и все равно одного вагона нам не хватит). Остается еще, как видите, порядочно, а и надо, и хочется скорее приехать в Петроград и хоть немного отдохнуть от московского мотания.

С Румянцевским музеем дело хуже обстоит, и я едва вынес оттуда ноги: был там в четверг между бегом и хотел было заняться святым делом, но мне сказали, что в этот же день заниматься нельзя, что они должны сперва приготовить рукописи; был в пятницу и сделал следующее: сверил текст стихотворений «Была пора»¹² (ничего любопытного), «Вновь я посетил» (очень любопытно, и Вы будете довольны) и «Из Горация» (то, что и говорил), проработал по двум рукописям «Медного всадника», установил текст и выписал все варианты (кроме вызванных цензурными требованиями — не успел записать) и начал разбираться в «Домике в Коломне»¹³ (страшно интересно), но и его и все остальное прочее отложил на следующий день. В субботу с утра был уже в Музее: меня приняли очень радушно, но..... выпускать не хотели и к занятиям не допустили, — оказалось, что в это время в Румянцевском (а также и в Историческом) музее происходил обыск. В результате я пережил неприятные минуты и потерял время более драгоценное, чем драгоценные камни, и Румянцевский музей на неделю закрыт. Досадно и мне, а вам с Николаем Кировичем¹⁴ и еще того досаднее. Все же вы будете не правы, если станете ругать меня. Страшно и думать, но очевидно, мне придется еще раз съездить за деньгами, и тогда сделаю и то, чего не сделал не по своей вине.

Пришлось весьма побиться в Государственном контроле, но удалось все провести в два дня.

Трудно что-нибудь сделать в Наркомпросе. Между прочим, допросился, чтобы переслали переводную ведомость в Государственный банк о переводе 200 т<ысяч> в Пушкинский Дом за Дашковские собрания¹⁵ (№ 1940). Завтра буду в Банке и постараюсь или получить на руки переводную ведомость, или ускорить пересылку ее в петроградский Горфинотдел.

Вот, кажется, и все, во всяком случае, главное. Голова безумно болит, и трудно писать. Приеду, тогда и расскажу все подробно. В пятницу вернусь в Москву, в пятницу же и в субботу постараюсь все доделать и в воскресенье поеду в Петроград. Очень скверно дело обстоит с нашими расходами: оказывается, мы имеем право на 200 рублей (или в этом роде),¹⁶ и, значит, я вылечу через дымовые трубы в такие седьмые небеса, что Пушкинский Дом и не найдет меня. Много приходится заниматься канцелярским творчеством.

Глубокий и сердечный привет Варваре Николаевне¹⁷ и всему Пушкинскому Дому. Помните, что я существую, и в случае чего не забудьте этого для меня лично немаловажного обстоятельства.

Жму Вашу руку (можно как угодно крепко, без всякого опасения причинить Вам боль).

Сердечно Ваш Модест Гофман.

¹ Речь идет о двух командировках Гофмана в Москву (в июне и июле 1920 г.) по делу о перевозке в Петроград ценнейшего книжного собрания М. Н. Лонгинова (1823—1875) — историка, библиофила, библиографа, публициста, начальника Главно-

го управления по делам печати в 1871—1875 гг. Лонгинов собирал библиотеку по обдуманному плану: в ее составе были практически все первоиздания и собрания сочинений русских писателей XVIII—1-й половины XIX вв., полный репертуар русской периодической печати, издания, запрещенные или уничтоженные цензурой. Книжное собрание Лонгинова насчитывало около 6000 названий (о его составе подробнее см.: *Степанов А. Н. У книг своя судьба...* Л., 1974. С. 61—76). А. М. Козловская, дочь Лонгинова, еще в сентябре 1916 г. передала библиотеку в дар Пушкинскому Дому (см.: *Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук за 1916 год.* С. 14), а также выразила намерение присоединить в будущем к этому дару собрание писем М. Н. Лонгинова, его бумаг и документов (см.: ПФА РАН, ф. 2, оп. 1 (1913), № 42, л. 204, 211). Однако по условиям военного времени не удалось сразу переправить книги из подмосковного имения Козловских в Петроград. В начале 1917 г. Пушкинский Дом выдал А. М. Козловской «охранное свидетельство» на библиотеку и рукописное собрание (см.: Там же, оп. 1 (1917), № 45, л. 29). После революции Пушкинскому Дому пришлось подтверждать свое право на библиотеку Лонгинова, и в июне 1920 г. постановлением Отдела научных библиотек при Наркомпросе книжное, рукописное и музейное собрание Лонгиновых—Козловских было закреплено за ним окончательно. Отчеты о командировках Гофмана, Е. П. Казанович, Б. И. Коплана, О. Н. Никольской-Гофман и других сотрудников Пушкинского Дома в Ивановское в 1920—1921 гг. см.: ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1917), № 3, л. 50, 63—64, 107—110, 200—204, 237.

² Ивановское — имение в Клинском уезде Московской губернии (в 70 верстах от Москвы), приобретенное князем М. И. Козловским (мужем А. М. Козловской) в 1890 г. В 1890-х гг. туда была перевезена из московского дома Козловских библиотека М. Н. Лонгинова, для которой в усадебном доме было пристроено особое помещение. В Ивановском, кроме того, хранилась коллекция старинного китайского фарфора, столовые сервизы, собрание фарфора разных эпох и фабрик, художественная бронза, фамильные портреты Лонгиновых, князей Грузинских, Крюковых, князей Цициановых и др. Описание имения см. в статье Б. Л. Модзалевского «Ивановское—Козловское» (*Столица и усадьба.* 1917. № 79. С. 5—10).

³ *Казанович Евлалия Павловна* (1885—1942) — выпускница Высших женских (Бескулевских) курсов (1913); историк литературы. Одна из первых сотрудниц Пушкинского Дома, приглашенная Н. А. Котляревским еще в 1911 г. для описания книжных собраний и проработавшая в Пушкинском Доме до «академического дела» 1929 г. Рассказ Казанович о перипетиях совместной с Гофманом командировки за лонгиновской библиотекой сохранился в ее дневниковых записях, где она дала, между прочим, живую психологическую характеристику своего коллеги: «Гофман молодец, юноша энергичный и подвижной, но несколько легкомысленный, неосторожный и страшная болтушка, вместе с тем с большой хитрецой и себе на уме. Но так как легкомыслие помогает иногда делать большие дела, именно такие, за которые серьезный человек в силу своей серьезности и осторожности никогда бы не взялся, то, сопровождаемое энергией, оно, *м<ожет> б<ыть>*, на этот раз и поможет нам сделать дело, которое в случае удачи явится истинным *tour de force*.⁴ Как же не безумие пытаться вывезти из имения, на расстоянии 23 верст от станции, в самую горячую деревянную пору, при отсутствии у крестьян лошадей, при недостатке людей, библиотеку в 17 000 томов почти» (*Из дневников Е. П. Казанович / Публ. В. Н. Сажина // Пушкинский Дом: Статьи. Документы. Библиография.* С. 166—167). О Казанович см. также: *Измайлов Н. В.* Воспоминания о Пушкинском Доме. 1918—1928 гг. С. 326 (коммент. Н. А. Прозоровой).

⁴ Общий вес упакованной библиотеки Лонгиновых—Козловских составил около 1500 пудов (28 ящиков и 49 кулей книг). По прибытии в Пушкинский Дом, который тогда еще находился в здании Академии наук, книги в течение трех дней разгружали Н. А. Котляревский и Б. Л. Модзалевский (см.: РО ИРЛИ, ф. 184. Академическая записная книжка Б. Л. Модзалевского 1920—1928 гг., л. 6: записи 5—7 августа 1920 г.).

⁵ Гофман перечисляет архивы, в которых могли сохраниться рукописи Е. А. Боратынского: в Казани жили внуки Боратынского; Мара — родовое имение Боратынских в Тамбовской губернии; Каймары и Шушары — имения Энгельгардтов под Казанью, которые наследовались по женской линии и которыми Е. А. Боратынский

⁴ ловкая штука (*франц.*).

управлял после женитьбы на А. Л. Энгельгардт. О судьбе имений, связанных с пребыванием Боратынского, см.: *Летопись жизни и творчества Е. А. Боратынского*. С. 424—429; *Баратынские* / Публ. Е. Э. Ляминой, Е. Е. Пастернак, А. М. Пескова // *Лица: Биографический альманах*. М.; СПб., 1993. Т. 2. С. 263—268 (Каймары. Мемориальная записка К. Н. Алексеевой).

Хлопоты Гофмана об архиве Боратынского были начаты в связи с телеграммой из Главархива о доставке в Москву тамбовского архива Боратынских. Телеграмма была получена в Пушкинском Доме 8 июля 1920 г., накануне отъезда Гофмана в Москву (см.: ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1920), № 2, л. 250). В середине декабря 1920 г. Гофман был командирован в Москву специально для получения этого архива, который первоначально поступил в Исторический музей. При приеме документов Гофман, хорошо знавший состав Марского архива еще с дореволюционного времени, не обнаружил в нем наиболее ценной историко-литературной части: ряда автографов поэта, неизданных писем Дельвига к Боратынскому (в действительности, эти письма принадлежали А. Н. Боратынскому и входили в Шушарский архив), писем А. П. Елагиной к С. М. Боратынской (Дельвиг), которые временно находились в Академии и были возвращены в Мару по выходе академического издания Боратынского. По информации, которую Гофман получил от Ю. И. Соколова, посетившего Тамбов весной 1920 г., в архиве Мары тогда еще находились автографы Боратынского и Дельвига, в свое время оставшиеся недоступными Верховскому и Гофману. «Надо полагать, — писал Гофман в проекте письма в Главархив, — что они остались в Тамбове в Губархиве или у проф. Сперанского, который разбирал архив по поручению Исторического музея» (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1920), № 2, л. 267 об.). Несмотря на все предпринятые Пушкинским Домом усилия, разыскать эти рукописи не удалось (см. также: *Пушкинский Дом при Российской Академии Наук: Исторический очерк и путеводитель*. Л., 1924. С. 63). О судьбе архива Боратынского см. также прим. 2 к письму 11.

⁶ *Козловская Александра Михайловна*, княгиня (?—1921) — дочь М. Н. Лонгинова.

⁷ Речь идет об обширном собрании писем (около 1300) С. Р. Воронцова (за 1803—1829 гг.), М. С. Воронцова (за 1804—1852 гг.) и Е. К. Воронцовой (за 1819—1826 гг.) к Н. М. Лонгинову (1779—1853) — сенатору, члену Государственного Совета, секретарю императрицы Елизаветы Алексеевны, статс-секретарю Комиссии по принятию прошений; отцу М. Н. Лонгинова. В настоящее время письма хранятся в составе архива Лонгиновых в РО ИРЛИ (№ 23620—23659).

⁸ *Гершензон Михаил Осипович* (1869—1925) — историк литературы и общественной мысли, переводчик, автор книг о П. Я. Чаадаеве, А. С. Грибоедове, декабристах, Пушкине, издатель сборников материалов по истории русской мысли и литературы «Русские Пропилеи» (1915—1919) и «Новые Пропилеи» (1923). Переписка Б. Л. Модзалевского и М. О. Гершензона за 1907—1925 гг. опубликована Е. Ю. Литвиной в «Ежегоднике Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1996 год» (СПб., 2001. С. 301—359).

⁹ Возможно, здесь идет речь об известном рукописном сборнике «Собрание сочинений Пушкина, не вошедших в издание его сочинений», составленном М. Н. Лонгиновым в конце 1855—начале 1856 гг. (он включал 120 стихотворений и 12 прозаических отрывков, снабженных многочисленными биографическими комментариями и библиографическими примечаниями составителя). Оригинал Лонгинова с 1915 г. считается утраченным (см.: *Симони П. К.* Неизданный труд М. Н. Лонгинова о Пушкине // *Лонгинов М. Н. Сочинения*. М., 1915. Т. 1. С. 573—576). П. К. Симони печатно закрепил бытовавшие в то время слухи, что подлинная рукопись осталась у П. И. Бартенева и, наряду с другими документами из собрания Лонгинова, не была возвращена его наследникам А. М. Козловской (Там же. С. 573). Однако содержание сборника Лонгинова известно в точной копии, которую снял в 1857 г. его друг, библиограф и библиофил С. Д. Полторацкий (так называемая «тетрадь Лонгинова—Полторацкого», хранящаяся с 1882 г. в фонде Полторацкого в Российской государственной библиотеке).

¹⁰ *Бухгейм Лев Эдуардович* (1880—1942) — библиограф, библиофил, коллекционер, издатель. С 1919 г. служил в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина (бывшем Румянцевском музее) и Историческом музее, куда передал большую часть своей библиотеки. Предположение Гершензона, будто у Бухгейма могут находиться какие-то лонгиновские материалы, связано с тем, что он был издателем сочинений М. Н. Лонгинова (в 1912 г. Бухгейм заключил договор об этом с А. М. Козловской — см.:

РО ИРЛИ, № 24025). Вышел только 1-й том «Сочинений» М. Н. Лонгинова (1915). Письма Б. Л. Модзалевского к Л. Э. Бухгейму за 1911—1927 гг. см.: Пушкинский Дом: Статьи. Документы. Библиография. С. 184—203 (публ. Е. И. Семенова).

¹¹ Подсолнечная — станция Николаевской железной дороги, ближайшая к имению Ивановское.

¹² В апреле 1920 г. Б. Л. Модзалевский подписал с З. И. Гржебиным договор об издании сочинений Пушкина в 4-х томах и привлек Гофмана к работе по подготовке текстов стихотворных произведений. Занятия в Румянцевском музее, о которых отчитывается Гофман, и были связаны с поручениями по этому изданию. Он сверял тексты последней «лицейской годовщины» Пушкина «Была пора: наш праздник молодой...» (в настоящее время: РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 991, 992), стихотворения «...Вновь я посетил...» (Там же, № 986), вольного переложения оды Горация «К Помпею Вару» — «Кто из богов мне возвратил...» (Там же, № 980), «болдинской» и «цензурной» рукописей «Медного всадника» (Там же, № 964, 966).

¹³ Исследование Гофмана «История создания и история текста „Домика в Коломне“» было опубликовано в подготовленном им отдельном издании поэмы Пушкина (см.: *Пушкин А. С. Домик в Коломне*. СПб., 1922. С. 27—121). Гофман впервые дал полную транскрипцию автографа «Домика в Коломне» и обосновал выбор в качестве основного текста поэмы текст, опубликованный Пушкиным в альманахе «Новоселье» (1833). Более подробную характеристику этой работы Гофмана, выполненной, по мнению Б. В. Томашевского, «наскоро и небрежно», см.: *Литературное наследство*. М., 1934. Т. 16—18. С. 1086.

¹⁴ *Козлин Николай Кирович* (1873—1942) — историк литературы, пушкинист, член Комиссии по изданию сочинений А. С. Пушкина (с 1909 г.), член-корреспондент АН СССР (с 1924 г.). В 1919 г. был принят в Пушкинский Дом на должность хранителя рукописей. В ноябре 1929 — ноябре 1930 гг. (период следствия по «академическому делу») временно исполнял обязанности заведующего музеем и директора, а с ноября 1930 г. принял у И. А. Кубасова должность старшего ученого хранителя.

¹⁵ В мае 1919 г. Наркомпрос предоставил Пушкинскому Дому кредит в 350 000 рублей для приобретения ценнейшего рукописного собрания П. Я. Дашкова (1849—1910), которое включало в себя целые архивы и отдельные рукописи русских писателей и общественных деятелей. В августе 1919 г. Д. Я. Дашкову, брату коллекционера, было выплачено 150 000 рублей. 26 мая 1920 г. Н. А. Котляревский обратился к заместителю наркома просвещения З. Г. Гринбергу с ходатайством об уплате оставшихся 200 000 рублей. Документы о приобретении и передаче Пушкинскому Дому Дашковского собрания хранятся в ПФА РАН (ф. 150, оп. 1 (1919), № 3).

¹⁶ Видимо, речь идет о суточных командировочных расходах.

¹⁷ В. Н. Модзалевская.

30

29 марта 1921 г. Петроград

29. III. 1921.

Дорогой, хороший Борис Львович,

ради Бога, не беспокойтесь ни о чем — все идет вполне хорошо и благополучно.¹ Я сейчас занят только Пушкинским Домом и если вчера в 1 час дня (после осмотра с архитектором²) ушел, то не из-за получения ученого пайка, а потому, что мне необходимо было устраивать продажу книг нашей библиотеки в Книжном пункте Дома Искусств.³ Виделся и с Белопольским⁴ — он еще не ездил. Завтра на 1/2 часа отлучусь — в Отдел Музеев за деньгами для отсылки в Москву — остальное время буду в Пушк<инском> Доме и приложу всю свою энергию и умственные и душевные способности, чтобы Вы бы-

ли спокойны и не тревожились о том, что у нас делается. Целую Вас.

Ваш Модест.

Ростик еще лежит.⁵

¹ С конца января 1921 г. Б. Л. Модзалевский был серьезно болен и не ходил на службу (см. его письмо к Н. А. Котляревскому от 7 апреля 1921 г. в кн.: Пушкинский Дом: Статьи. Документы. Библиография. С. 208—209; публ. Е. И. Семенова). «Чувствую, как Вы волнуетесь о Пушкинском Доме, — писал в это же время и Б. И. Коплан, стараясь успокоить и ободрить Модзалевского. — Модест Людвигович ревностно блюдет интересы его и, где возможно, старается Вас заменить. Вы это знаете» (РО ИРЛИ, ф. 184, письмо Б. И. Коплана к Б. Л. Модзалевскому от 21 апреля 1921 г.). См. также письмо 31.

² Модзалевский был крайне обеспокоен тем, что работы по ремонту переданного Пушкинскому Дому здания на Тифлисской улице не продвигались, и просил, в частности, Н. А. Котляревского 8 апреля 1921 г. «поставить вопрос ребром» на заседании Строительной комиссии: «Хотят ли наши архитектора (их ведь у нас целых 4!) что-нибудь делать и сделать, или намерены и далее тянуть канитель и жевать мочалку? И московский Груздев, и здешний Васильковский, и третий архитектор, недавно с Яковлевым осматривавший наш „дом“, — все находят, что можно сделать намеченный нами ремонт, — а наши хорошие господа только отписываются и отговариваются, а дела не делают» (Пушкинский Дом: Статьи. Документы. Библиография. С. 208). Вероятнее всего, Гофман встречался с одним из упоминаемых в письме Модзалевского архитекторов.

³ Дом Искусств («Диск») — объединение представителей художественной интеллигенции, созданное 19 декабря 1919 г. по инициативе К. И. Чуковского и при поддержке М. Горького для социальной поддержки деятелей культуры. При Доме Искусств были организованы столовая и библиотека, в его стенах жили литераторы, художники, критики. Научно-публицистическая и просветительная деятельность Дома заключалась в организации публичных историко-литературных лекций, литературных вечеров и выставок; при нем была возобновлена работа литературной студии издательства «Всемирная литература». Книжный пункт «Диска», упомянутый в письме Гофмана, был открыт в начале 1921 г. Дом Искусств помещался на углу Невского проспекта (дом № 15) и набережной реки Мойки (дом № 59) и просуществовал до осени 1922 г. Он описан в романе О. Д. Форш «Сумасшедший корабль», воспоминаниях К. И. Чуковского, В. А. Рождественского, М. Л. Слонимского, В. Ф. Ходасевича, Н. Н. Берберовой, И. В. Одоевцевой и др. О «Диске» см.: Шульц С. С. Дом Искусств. СПб., 1997; Тимина С. Культурный Петербург: ДИСК. 1920-е годы. СПб., 2001.

⁴ Контекст письма не позволяет точно установить, какой именно Белопольский имеется в виду. Возможно, речь идет об *Иосифе Романовиче Белопольском* (1879—1956), организовавшем в 1918 г. издательство культурно-просветительного кооперативного товарищества «Начатки знаний», которое наряду с педагогической, естественнонаучной и детской литературой выпускало книги по книговедению, библиографии и библиотечному делу.

Не исключено также, что здесь упоминается академик *Аристарх Аполлонович Белопольский* (1854—1934) — выдающийся астроном и астрофизик, в 1917—1919 гг. возглавлявший Пулковскую обсерваторию. В 1918 г. он с группой профессоров Петроградского университета организовал на кооперативных началах «Научное книгоиздательство» (см.: *Баренбаум И. Е., Костылева Н. А.* Книжный Петербург—Ленинград. Л., 1986. С. 328—329).

⁵ Р. М. Гофман. См. прим. 5 к письму 27.

25 апреля 1921 г. Петроград

25. IV. 1921.

Дорогой Борис Львович,

все ждал Леву,¹ но не дождался, искал его в Книжном складе, но и там не нашел. Приходится писать — и не знаю, успею ли и удастся ли написать. Утром разговаривал с С. Ф. Ольденбургом² об устройстве Вас в санаторию: он рекомендует очень санаторию ученых в Царском Селе и обещает помочь устроить Вас, а если удастся, то и Варвару Николаевну.³ Для этого надо сейчас написать заявление (я думаю, лучше от Пушкинского Дома — пришлите желательную для Вас форму на всякий случай — если еще не будет подписано Н. А. Котляревским⁴ заявление, которое я буду писать по окончании письма Вам) и приложите к нему медицинское свидетельство (на всякий случай, и Варвары Николаевны, а я уже постараюсь все сделать, чтобы и Варвара Николаевна попала в расхваливаемую С<ергеем> Ф<едоровичем> санаторию). Заявление со свидетельством я должен дать С<ергею> Ф<едоровичу> до 10 часов утра завтра: в 10 ч<асов> он пойдет в К.У.Б.У.⁵ и подаст его в Комиссию (следующее заседание будет не скоро, а потому необходимо это сделать сейчас же). Значит: обязательно пришлите медиц<инское> свид<етельство> сегодня вечером с Левою или с кем-нибудь ко мне на квартиру. Это — раз. Второе: выписываю Вам форму анкетного листа для персональной ставки; этот анкетный лист надо написать в 3 экземплярах.

1) Фамилия, имя и отчество.

2) Год рождения.

3) Образовательный ценз (где и сколько лет).

4) Специальность.

5) В каком губернском (или районном) отделении союза состоит, с какого числа и № членской книжки.

6) Где служит (название предприятия и местонахождение).

7) В качестве кого (подробно указать, какие исполняет функции и обязанности).

8) Служебный стаж до поступления на службу (указать год и сколько лет служил и какие исполнял обязанности).

9) Указать работы, выразившиеся в самостоятельных постройках, оборудовании и производств<енных> предприятий.

10) Указать научно-технические работы, печатные труды, изобретения, доклады и пр.; указать, какие изобретения и усовершенствования осуществлены на деле.

11) Организаторская деятельность.

12) Адрес местожительства.

Подпись лица, дающего сведения.⁶

1) Как здоровье Варвары Николаевны и что с ней?

2) Едете ли Вы завтра или когда в Лесной?

3) Где Вы будете жить в Лесном (точный адрес)?⁷

4) Что именно сказано в Вашем медиц<инском> свидетельстве (самое краткое содержание).

Вот 4 вопроса, на которые, пожалуйста, в самой сжатой форме, но как можно скорее (1) и 3) необходимо, ибо без них мне трудно заготовить для подписи заявление в К.У.Б.У.) пришлите с Ковалевым⁸ сейчас же.

Сейчас пришел Н. К. Козмин⁹ и передал свидетельство. Значит, много (но далеко не все) отпадает.

Ваш Модест Гофман.

Позовите доктора для Варвары Николаевны и пусть напишет, чем больна. Если можно, дайте мне попогудать Садко и Валькарда <?>.¹⁰

¹ Л. Б. Модзалевский.

² *Ольденбург Сергей Федорович* (1863—1934) — востоковед-индолог, экстраординарный академик (с 1903 г.), академик (с 1908 г.), непреременный секретарь Академии наук (1904—1929); управляющий делами Комиссии по постройке памятника А. С. Пушкину в Петербурге (с 1904 г.), один из деятельных сторонников идеи «Дома Пушкина» при императорской Академии наук. О его роли в создании Пушкинского Дома см.: В. А. Рышков и его «Дневник» / Публ. В. П. Степанова // Пушкинский Дом: Статьи. Документы. Библиография. С. 119—159.

³ 25 апреля Отделение русского языка и словесности и Пушкинский Дом направили ходатайство «об определении на месяц самым срочным порядком и вне всякой очереди в санаторию КУБУ в Детском Селе» Б. Л. и В. Н. Модзалевских: «Б. Л. Модзалевский по состоянию своего здоровья (острый невроз сердца и полный упадок сил) второй месяц уже не принимает участия в работе Пушкинского Дома, который вследствие этого на две трети парализован» (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1921), № 9, л. 27).хлопоты Ольденбурга об устройстве Модзалевских в санаторий Дома ученых увенчались успехом, и с 30 мая по 12 июня 1921 г. они отгдыхали в «Сандомуче» (см.: Пушкинский Дом: Статьи. Документы. Библиография. С. 210—214).

⁴ *Котляревский Нестор Александрович* (1863—1925) — историк литературы, критик; академик (с 1909 г.), член Комиссии по постройке памятника А. С. Пушкину в Петербурге (с 1909 г.), первый директор Пушкинского Дома (1910—1925). О роли Н. А. Котляревского в первые десятилетия существования Пушкинского Дома см.: *Измайлов Н. В.* Воспоминания о Пушкинском Доме. 1918—1928 гг. С. 298—300, 333; Из дневников Е. П. Казанович // Пушкинский Дом: Статьи. Документы. Библиография. С. 160—174; Из переписки Б. Л. Модзалевского / Публ. Е. И. Семенова // Там же. С. 181—184, 203—214.

⁵ КУБУ — Комиссия по улучшению быта ученых, созданная в 1920 г. при Доме ученых (Миллионная (Халтурина) ул., 27) и призванная осуществлять его основные задачи (улучшение быта ученых и распределение академических пайков). В состав Петроградской КУБУ, председателем которой был М. Горький, входили С. Ф. Ольденбург, Н. А. Котляревский, И. И. Манухин, А. Е. Ферсман, М. П. Кристин и др.

⁶ Вопрос со срочным оформлением анкетных листов был решен в Пушкинском Доме вполне «по-домашнему», о чем Л. Н. Перетц сообщил Модзалевскому, уже отдыхавшему в Царском Селе: «Анкеты Вашу и Варв<ары> Ник<олаевны> я сам переписал и дал подписать: одну Мод<есту> Людв<иговичу>, другую Ник<олаю> Кир<овичу> (Козмину. — Т. К.), как специалистам. Вышло хорошо» (РО ИРЛИ, ф. 184, письмо Л. Н. Перетца к Б. Л. Модзалевскому от 6 июня 1921 г.).

⁷ 26 апреля 1921 г. Б. Л. Модзалевский с женой переехал в Удельную, где снял комнату в доме С. Д. Киселева (1-я Лидинская ул., д. 7, кв. 4) (см.: РО ИРЛИ, ф. 184. Академическая записная книжка Б. Л. Модзалевского 1920—1928 гг., л. 11 об.; Пушкинский Дом: Статьи. Документы. Библиография. С. 209—210).

⁸ *Ковалев Петр Ильич* — старший академический служащий, состоявший при Б. Л. Модзалевском еще в бытность его заведующим архивом Конференции Академии наук; с 1919 г. занимал в Пушкинском Доме должность технического помощника.

⁹ См. прим. 14 к письму 29.

¹⁰ О ком идет речь и какие реальные люди скрываются за этими прозвищами, не ясно.

ПЕРЕПИСКА А. В. АМФИТЕАТРОВА И С. А. ВЕНГЕРОВА

Публикация Н. Ю. Грякаловой

Эпистолярное общение писателя, литературного критика, публициста Александра Валентиновича Амфитеатрова (1862—1938) и известного историка русской литературы и общественной мысли Семена Афанасьевича Венгерова (1855—1920) приходится на 1903—1915 гг. Начало ему было положено конкретным поводом: обращением ученого, в то время работавшего над «Критико-биографическим словарем русских писателей и ученых», к Амфитеатрову с просьбой о предоставлении автобиографического очерка для очередного тома словаря. Типовое циркулярное обращение, рассылаемое авторам, с приложенным к нему письмом в архиве Амфитеатрова не сохранилось, как не сохранилась и его ответная телеграмма, поэтому первым в корпусе данной переписки является письмо Венгерова от 12 февраля 1903 г.:

Многоуважаемый Александр Валентинович!

С месяц тому назад послал я Вам в Минусинск¹ прилагаемое при сем циркулярное обращение. Очевидно, это и есть то письмо, о котором Вы говорите в своей телеграмме.

К циркуляру я приложил особое письмо, в котором благодарил Вас за отзыв о первых двух томах Белинского и спрашивал, получили ли Вы дальнейшие тома.

Повторяю в настоящее время свою просьбу об автобиографическом очерке. Был бы Вам весьма признателен, если бы Вы сочли возможным исполнить мою просьбу

¹ За публикацию острого политического памфлета «Господа Обмановы» (Россия. 1902. 13 янв., № 975) Амфитеатров на следующий же день был выслан в г. Минусинск Иркутского генерал-губернаторства под гласный надзор полиции сроком на пять лет. В конце 1902 г., «во внимание к заслугам его престарелого отца», протоиерея, бывшего настоятеля Архангельского собора в Москве, переведен «на жительство» в Вологду, куда выехал 8 января 1903 г. (см.: Копии переписки об Амфитеатрове административных учреждений Сибири: РО ИРЛИ, р. III, оп. I, № 44, л. 18) и где пробыл до конца января 1904 г. Затем смог возвратиться в Петербург, но в конце апреля за публикацию статьи (цикл «Листки») в защиту студентов Горного института, обвиненных в прояпонских настроениях (Русь. 1904. 27 апр., № 134), был вновь выслан в Вологду. В июле того же года по заграничному паспорту, выданному вологодским губернатором, выехал «для лечения» за границу (вместе со старшим сыном от второго брака Даниилом) — сначала в Рим, затем два с половиной года жил во Франции (в Париже) и, наконец, с весны 1907 г. обосновался в Италии, предпочитая небольшие городки на побережье Лигурийского залива — Сестри Леванте, Кави ди Лаванья, Феццано, Леванто.

через несколько дней по получении настоящего письма, так как к 1-му марта очередь дойдет до Вас.

Требуется немного — 3—4 печатных странички.

Очень приятно было узнать из телеграммы, что Минусинское пребывание закончилось. Надолго ли Вы остаетесь в Вологде? Хотелось бы выслать Вам Белинского, но не знаю куда.

С истинным уважением

С. Венгеров.²

Ожидаемый Венгеровым очерк был написан, и в письме от 14 апреля 1903 г. он поблагодарил Амфитеатрова «за автобиографическую записку, которая очень интересна, особенно, конечно, ценен конец...».³ В автобиографии, содержащей сведения от апреля 1903 г., Амфитеатров, расставляя вехи своей литературной, журналистской и общественной деятельности, акцентировал внимание на том «нравственном переломе», который был пережит им в 1897 г. в связи с разочарованием «в охранительстве и национализме» и разрывом с «Новым временем». Свой *circulus vitae* Амфитеатров завершал словами: «Дорога моя определилась. Буду идти по ней, куда жив»,⁴ обратившими на себя заинтересованное внимание редактора.

Отзыв Амфитеатрова о первых двух томах «Полного собрания сочинений В. Г. Белинского»,⁵ вышедшего под редакцией и с примечаниями Венгерова, был первым в ряду последующих откликов писателя на крупнейшие издательские предприятия Венгерова. Внимание Амфитеатрова к научной и издательской деятельности ученого во многом питало их эпистолярное общение. Не все замыслы Амфитеатрова осуществились: так, не известны его рецензии на сочинения А. С. Пушкина и Байрона в «Библиотеке великих писателей» (см. письмо 8). Однако все, что выходило из-под бойкого журналистского пера Амфитеатрова, а именно: указанный выше отзыв о первых двух томах собрания сочинений Белинского, а также о том же седьмом,⁶ отклик на выход сочинений Шекспира в «Библиотеке великих писателей»,⁷ заметка о первом русском легальном издании художественной прозы и публицистики С. М. Степняка-Кравчинского⁸ — свидетельствовало о том, что в лице Амфитеатрова Венгеров обрел не только доброжелательного критика, но и союзника. Ибо значение того или иного венгеровского издания Амфитеатров всегда связывал с общественно-политическим контекстом, именно в таком аспекте оценивая деятельность ученого. Например, обращаясь к «Полному собранию сочинений В. Г. Белинского», в заслугу редактору и составителю комментариев он ставит «демифологизацию» образа критика-демократа, осуществленную на путях объективного анализа его творчества, что приближало его наследие к современности: «Мы видим Белинского не идеалом вне времени и пространства, а живым мыслителем, писателем, тружеником в непосредственных условиях, при влиянии кото-

² Amfiteatrov mss., Manuscripts Department, Lilly Library, Indiana University, Bloomington, Indiana (Блумингтон, Индиана, США; далее при ссылках — Amfiteatrov mss., Lilly Library). Архив находится в стадии обработки, поэтому публикуемые материалы приводятся без шифра.

³ Ibid.

⁴ См.: Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. СПб., 1904. Т. 6. С. 331—334. Автограф хранится в РО ИРЛИ, в фонде С. А. Венгерова (ф. 377, оп. 7, № 121).

⁵ *Old Gentleman* [Амфитеатров А. В.]. Литературный альбом // Россия. 1900. 26 сент., № 511.

⁶ *Аббадона* [Амфитеатров А. В.]. Мысли о поэтах // Русь. 1904. 9 авг., № 237.

⁷ *Аббадона* [Амфитеатров А. В.]. Отклики. VIII // Русь. 1904. 7 июня, № 174.

⁸ *Амфитеатров Ал.* Легальный Степняк // Киевская мысль. 1907. 3 дек., № 311.

рых слагалась его творческая мысль и деятельность».⁹ Отзыв о сочинениях Степняка-Кравчинского был непосредственно вписан в современную общественную и литературную ситуацию. В нем Амфитеатров не преминул «укусить» представителей модернистской литературы, игнорировавших критерий «общественной пользы» в оценке литературных явлений. По мнению же рецензента, издание произведений Степняка в России полезно как в политическом, так и в этическом смысле: в первом случае общество «с переутомленной политической мыслью» приобретает возможность познакомиться с «освежающей, бодрящей былью», во втором — модернистская литература, «которая в рабских извивах самосохранения унизилась до повального погружения в мистическую порнографию», получает нравственный урок в том «отрезвляющем предании», каковым является творчество этого писателя.

Амфитеатров не был оригинален в своих оценках. Он продемонстрировал себя сторонником идеи «учительности» русской литературы, которая в начале XX в. подождалась «народничеству» крылом либераторов и была привлекательна для Венгерова.¹⁰ Безусловно, их сближала общность идейно-эстетических предпочтений. Это были люди одного поколения, воспитанные позитивизмом и культурно-исторической школой, воспринявшие «заветы» великой русской литературы XIX в. Обращает на себя внимание близость их профессиональных судеб в начале жизненного поприща. Имея, как и Амфитеатров, университетский диплом юриста, Венгеров рано отдал предпочтение литературной деятельности, которую начинает еще в студенческие годы сотрудничеством в «Новом времени», где выступает как постоянный литературный обозреватель под псевдонимом Фауст Щигровского уезда. В сфере его интересов — русские писатели «второго ряда», принадлежащие к «натуральной школе». Немало внимания уделяет он личности и творчеству Э. Золя, создателя «экспериментального романа», и его единомышленнику в области эстетической теории — И. Тэну, а также русскому «золаисту» П. Д. Боборыкину.¹¹ Как не вспомнить, что примерно в это же время появляются первые беллетристические произведения Амфитеатрова, которого впоследствии назовут «маленький русский Золя».¹² Амфитеатровым жанр «натурального романа» был всецело воспринят и введен в собственную художественную практику, для Венгерова, историка литературы, он стал объектом критического рассмотрения.

Из эпохи 1870-х—1880-х гг. оба вынесли острый интерес к «человеческому документу». Именно он давал творческие импульсы и беллетристике Амфитеатрова, и тому жанру критико-биографического очерка, который был введен в литературоведение Венгеровым¹³ и из которого вскоре вырос новый тип биобиблиографической статьи, максимально использующей архивные и печатные источники, автобиографии писателей, критические отзывы об их творчестве.¹⁴

⁹ *Old Gentleman* [Амфитеатров А. В.]. Литературный альбом // Россия. 1900. 26 сент., № 511.

¹⁰ См., например, лекцию Венгерова «Основные черты истории новейшей русской литературы» (СПб., 1889), монографический труд «Героический характер русской литературы» (СПб., 1911) и др.

¹¹ См., например, «Литературные очерки» Венгерова (подпись: Фауст Щигровского уезда), печатавшиеся в газете «Новое время» в 1876 г. (№ 19, 26, 33, 45, 149).

¹² Маленький русский Золя (О «творчестве» А. Амфитеатрова) // Бюллетени литературы и жизни. 1911. № 4. С. 134—136. — Без подписи.

¹³ См., например, критико-биографические очерки Венгерова, посвященные И. С. Тургеневу (1877), Н. А. Некрасову (1878), А. Ф. Писемскому (1884), И. А. Гончарову (1885), Н. В. Гоголю (1902), А. П. Чехову (1903) и др.

¹⁴ См.: *Басяков В. Н.* Венгеров Семен Афанасьевич // Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь. М., 1989. Т. 1. С. 412.

Венгеров не устал пропагандировать завоевания реализма и подчеркивать гражданственность русской литературы XIX в., не скрывая своего пристрастия к революционно-демократической критике и считая Белинского «первоисточником» «всей новой русской литературной мысли».¹⁵ Это, впрочем, не помешало Венгеру стать по существу основоположником изучения русского модернизма как историко-литературного феномена. Свидетельство тому — вышедшие под его редакцией три тома «Русской литературы XX века (1890—1910)» (М., 1914—1918) — труд, не утративший своего значения до настоящего времени (переиздан в 2000 г.). В этом вопросе позиция Венгерова выгодно отличалась от амфитеатровской. Ученому был свойствен несравнимо более широкий и объективный взгляд на «новую литературу», чем Амфитеатрову, для которого навсегда остались «закрытыми» литературные явления, лежащие за пределами реализма.

Венгеров с молодых лет связал свою многообразную деятельность с освободительным движением. Подобно многим русским интеллигентам, в том числе и Амфитеатрову, он пробовал свои силы в журнально-издательском деле (журналы народнической ориентации «Слово», «Устои», «Светоч»), претерпевал цензурные преследования,¹⁶ в 1899 г. был отстранен от преподавания «за политическую неблагонадежность».¹⁷

На политические симпатии Венгерова оказали воздействие взгляды народников, особенно П. Л. Лаврова и Н. К. Михайловского. И впоследствии Венгеров не порывал связей с идейной цитаделью позднего народничества — журналом «Русское богатство», редактором которого после смерти Михайловского, последовавшей в январе 1904 г., стал Н. Ф. Анненский, один из лидеров трудовой народно-социалистической партии (народные социалисты). Формально Венгеров не принадлежал ни к какой партии, однако бывал на собраниях народных социалистов,¹⁸ и темперамент деятеля «левой» демократической ориентации окрашивал многие его общественные начинания.¹⁹

В аналогичную ситуацию поставил себя и Амфитеатров, хотя его политические настроения отличались большим радикализмом. «Из действующих партий наиболее сочувствую и близко стою к социалистам-революционерам. Считаю себя, если хотите, незаписанным эсером. Но в хороших отношениях и со всеми другими левыми партия-

¹⁵ Венгеров С. А. Эпоха Белинского. 3-е изд. Пг., 1919. С. 62.

¹⁶ Книга Венгерова «История новейшей русской литературы. От смерти Белинского до наших дней» (СПб., 1885. Ч. 1) была запрещена постановлением Комитета министров с уничтожением тиража. 2 октября и 21 декабря 1900 г. датированы приговор и определение Санкт-Петербургской судебной палаты об аресте и уничтожении издания «Библиотеки „Светоча“» со статьей М. К. Цебриковой «Письмо к Александру III» и книги С. М. Степняка-Кравчинского «Подпольная Россия», вышедшими в свет под редакцией С. А. Венгерова (РО ИРЛИ, ф. 377, оп. 3, № 699).

¹⁷ Венгеров вернулся в Петербургский университет только в 1906 г.

¹⁸ См. секретное донесение полковника Яковлева о присутствии Венгерова на заседании Организационного и Петербургского комитетов партии народных социалистов (сентябрь 1907 г.) (РО ИРЛИ, ф. 377, оп. 3, № 816).

¹⁹ Сохранившаяся в архиве Венгерова коллекция изданий вольной русской прессы (листовки, прокламации, воззвания, брошюры и т. п. за 1881—1918 гг.; отдельно выделены материалы, связанные с революцией 1905 г.) свидетельствует не только о профессиональном интересе историка общественной мысли к документам революционного процесса, но и о его политических симпатиях. Один из его сыновей, Всеволод (1887—1938), был членом большевистской фракции РСДРП и после Октябрьской революции — партийным и профсоюзным деятелем. В 1937 г. репрессирован. Посмертно реабилитирован. О старшем сыне, Алексее, упоминается в публикуемой переписке (см. п. 14 и прим. 1 к нему).

ми, борющимися с монархизмом»²⁰ — такую политическую аттестацию дает себе Амфитеатров в письме к Н. А. Рубакину от 2 сентября 1910 г. О близости восприятия революционных событий 1905—1907 гг. в России свидетельствует переписка Амфитеатрова и Венгерова этого периода, на который приходится пик их эпистолярного общения.²¹ Письма корреспондентов обретают доверительную интонацию и становятся более содержательными.

Общность интересов и пристрастий все же не препятствовала объективному взгляду Венгерова на Амфитеатрова-журналиста и писателя. Отмечая характерные черты незаурядного дарования Амфитеатрова («Журналист плодovitый и отзывчивый, блестящий и колоритный стилст»), Венгерov совершенно справедливо указывал на излишества его манеры, что граничило порой с потерей чувства меры и вкуса: «А. написал длинный ряд интересных повестей, рассказов и драм, в которых легкость манеры преобладает над художественной выдержанностью».²²

Несомненно, то, что этот период жизни Амфитеатрова протекал за пределами России (во Франции и, в основном, в Италии), снижало меру участия писателя в разнообразных начинаниях Венгерова и степень интенсивности их общения. Последнее письмо Амфитеатрова к Венгерову датировано 11 февраля 1915 г. и содержит сожаление в связи с задержкой письма с приглашением к участию в «Невском альманахе», посвященном жертвам войны (Пг., 1916), который редактировался комитетом под председательством Венгерова. «Если еще затеется что-нибудь подобное и потребуется мое участие, то очень прошу — пусть уж организация не поскупится на телеграмму. А то — ведь — живу к России не ближе, чем к луне».²³ В ноябре 1916 г. по амнистии, объявленной в 1913 г. в связи с 300-летием Дома Романовых, Амфитеатров смог вернуться в Россию.

Настоящая публикация является частью международного проекта по изданию эпистолярного наследия А. В. Амфитеатрова. Ниже публикуются 11 писем Амфитеатрова (из 14), хранящиеся в архиве С. А. Венгерова в РО ИРЛИ (ф. 377, № 121),²⁴ и 6 писем (из 10, одно полностью процитировано во вступительной статье) Венгерова (по автографам и авторизованной машинописи), хранящиеся в архиве Амфитеатрова (Manuscripts Department, Lilly Library, Indiana University (Bloomington, Indiana, USA)).²⁵ Благодарю Элду Гарэтто за предоставленные для публикации ксерокопии писем Венгерова.

²⁰ Российская государственная библиотека, ф. 358, карт. 199, л. 45. Ср. также политическую самоаттестацию Амфитеатрова в письме к В. П. Кранихфельду от 2 октября 1913 г.: «Сам я, в качестве сочувственника эсеров, держусь взглядов народнических, с большими к ним, конечно, поправками, по опыту эпохи» (РО ИРЛИ, ф. 528, оп. 1, № 121).

²¹ Этот период общественно-политической деятельности Амфитеатрова подробно освещен Э. Гарэтто в статье «Первая русская революция: Взгляд из Парижа. К биографии А. В. Амфитеатрова (1904—1907)» (Минувшее: Исторический альманах. СПб., 1997. Т. 22. С. 345—359). В «Приложении» опубликована подборка писем за указанный период (Там же. С. 360—376). См. также: Переписка А. В. Амфитеатрова и М. А. Волошина / Публ. Н. Ю. Грякаловой // Там же. С. 377—387. Более обстоятельно см.: Горький и русская журналистика начала XX века. М., 1988 (Литературное наследство; Т. 95).

²² С. В. Венгерова. Амфитеатров Александр Валентинович // Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. СПб., 1905. Т. 1, доп. С. 105.

²³ РО ИРЛИ, ф. 377, оп. 4, № 125.

²⁴ Об архиве Венгерова см.: Родюкова М. В. О судьбе архива Семена Афанасьевича Венгерова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1992 год. СПб., 1996. С. 373—383.

²⁵ Об истории формирования и составе архива Амфитеатрова см.: Гарэтто Э. Наследие А. В. Амфитеатрова за рубежом // Культурное наследие российской эмиграции: 1917—1940. М., 1994. Кн. 2. С. 416—421.

1. С. А. Венгеров — А. В. Амфитеатрову

9(22) апреля 1904 г. Петербург

С.-Петербург, 9-го апреля 1904 г.

Многоуважаемый Александр Валентинович!

При сем препровождаю только что законченное мною издание Шекспира.¹ В конце апреля доставлю также заканчивающийся печатанием VII т<ом> Белинского и VI-ой т<ом> Критико-биографического Словаря, что напечатал любезно доставленную вами автобиографическую справку.²

О получении Шекспира просил бы меня известить, а то ведь в редакциях часто пропадают посланные туда книги.³

С истинным уважением

С. Венгеров.

¹ *Шекспир Вильям*. Собр. соч.: В 5 т. / Под ред. С. А. Венгерова. СПб.: Изд. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, 1902—1904 (Библиотека великих писателей). См. п. 3, прим. 3.

² См. п. 3.

³ Вероятно, посылка была отправлена на адрес редакции газеты «Русь», в которой Амфитеатров сотрудничал с конца 1903 г., то есть с момента ее основания.

2. А. В. Амфитеатров — С. А. Венгерову

23 апреля (6 мая) 1904 г. Царское Село¹

IV/ 23 1904.

Многоуважаемый Семен Афанасьевич!

Очень благодарю Вас за присыл Шекспира. Прекраснейшее издание. В самом скором времени постараюсь поговорить о нем подробно.²

Желаю Вам всего хорошего.

Ваш Ал. Амфитеатров.

¹ На именном бланке. По возвращении из Вологды Амфитеатров поселился в Царском Селе. В письме от 18 декабря 1903 г. к А. А. Столыпину, в то время редактору «Санкт-Петербургских ведомостей», имевшему влияние в правительстве благодаря брату — П. А. Столыпину, Амфитеатров просил о содействии в его переводе из Вологды под Петербург: «Сегодня я получил странное известие, что меня хотят перевести в Москву, и пришел в грусть. Я Москву не люблю, и Москва меня не любит. Десятки причин делают мне пребывание там неприятным. Словом, если и переведут, ни за что я туда не поеду. А вот — кабы, вместо Москвы, мне разрешили Любань или Лугу, или Сиверскую, за это я был бы искренне признателен... Будьте такой милый, дайте это понять в разговоре приватном! Вообще, если нельзя в Питер, то жить под Питером для меня важнее и приятнее, чем в каком угодно большом городе, а из больших ближних городов я всякий предпочту Москве» (РО ИРЛИ, р. I, оп. 1, № 23). Хлопоты увенчались успехом, и в письме от 15 февраля 1904 г., уже из Петербурга, к тому же адресату Амфитеатров сообщал свой новый адрес: «Сегодня я уезжаю в Царское Село

<...> Пожалуйста, велите перевести мне газету по адресу — Царское Село, угол Коношенной и Средней, дом Виц. <...> Буду в Царском работать с наслаждением. Питерский круговорот уже утомил и надоел» (Там же).

² См. п. 3, прим. 3.

3. С. А. Венгеров — А. В. Амфитеатрову

22 июня (5 июля) 1904 г. Петербург

С.-Петербург, 22-го июня 1904 г.

Многоуважаемый Александр Валентинович!

Одновременно посылаю только что вышедший 7-ой том Белинского¹ и 6-ой том Критико-Биографического Словаря, где напечатана любезно присланная вами автобиография.²

Приношу вам искреннейшую благодарность за чрезвычайно ласковый отзыв о Шекспире.³

Из всего того, что появилось покамест о моем издании,⁴ — ваш отзыв меня тронул больше всех, не только потому, что Вы так сочувственно отнеслись, но и потому, что Вы показали себя замечательным знатоком дела, — и это не может не поднять значения вашего одобрительного отношения. Просто для констатирования, мне приходится отметить, что издание, в общем, имело большой успех, и не только в России, — но и в Англии.⁵ Самые выдающиеся английские шекспиологи прислали мне чрезвычайно лестные отзывы о той части издания, которую они только и в состоянии оценить, т<о> е<сть> о подборе иллюстраций. Но хвалили они как-то огулом, и из восторгов их ничего полезного извлечь не могу, для пополнения в будущем издании тех недочетов, которых я и сам немало наметил.

Ваши же указания прямо сослужат мне службу, для того, чтобы сломить некоторое сопротивление издателя. В общем было бы грешно жаловаться на Ефрона. У него широкая натура, и он никогда не отказывал мне в самых крупных затратах. Но дело в том, что меня самого зазила совесть и я сам решил сократить размеры издания, которое далеко превзошло смету. Фирма в своем проспекте категорически заявила, что будет брать по 15-ти коп. за лист, а в действительности берет 25 руб. за 190 листов, т<о> е<сть> 13 к. с чем-то; следовало бы брать не 25 р., — а 28 р. 50 к. В общем, недобор, благодаря перерасходу листов, получился тысяч в 10—15. При таких условиях я под конец сжался елико возможно и подчас, действительно, не давал того, что, может быть, и следовало бы давать. И вот ваш отзыв послужит мне боевым орудием. Я скажу издателю при 2-ом издании,⁶ что не могу не исполнить требований такой благожелательной критики, как ваша, и постараюсь модернизировать издание постановками последних десятилетий.

Один ваш упрек мне было очень больно читать — ваши укоризны за пропуск Мочалова.⁷

Если бы Вы знали, сколько раз мне уже делали упреки за Мочалова, — и до какой степени несправедливо! Я употребил все уси-

лия, — но что же прикажете делать, когда все мои поиски у самых знаменитых петербургских собирателей и знатоков истории русского театра ни к чему не привели. Имеются только два портрета Мочалова: один — в роли Фингала, — другой в роли барона Мейнау. Нельзя же иллюстрировать ими Гамлета!⁸

О существовании картины Неврева, каюсь, я не знал. Но, говоря откровенно, если бы я даже знал, не знаю, решился бы я взять ее. Не было бы это надругательством над памятью Мочалова и что бы сказала «Европа», для которой перевожу подписи под картинками?⁹ Позвольте также защитить издание от некоторых не то что упреков, а недооценки, что ли. Вот Вы справедливо заметили, что первенство в деле переводов Шекспира по-прежнему остается за стариками — Кронебергом, Дружининым, Вейнбергом.¹⁰ Но ведь это потому, что Кронеберг, Дружинин, Вейнберг забрали самые знаменитые пьесы. Если ж Вы сопоставите новые переводы второстепенных пьес, данные в моем издании, то, думаю так, что эти новые переводы представляют собою шаг вперед.¹¹

«Генрих 4-ый» в переводе Минского и Зинаиды Афанасьевны мне представляется настоящим вкладом в литературу, — и несомненно он выше прежних переводов.

Перевод «Антония и Клеопатры» Минского и Чюминой тоже есть шаг вперед в сравнении с переводами Гербелевского издания.¹² «Генрих 5-ый» весьма хорошо переведен, как мне кажется, г<оспо>жою Ганзен. Она дала очень удачное представление о коверкании английской речи валлийцами, шотландцами и ирландцами пьесы. Вот старый перевод П. И. Вейнберга «Виндзорских кукушек» никакого представления об этом коверкании не дал, а между тем оно для пастора Эванса и доктора Каюса чрезвычайно характерно.

Из других переводов превосходно передан «Эдуард 3-ий», — пьеса, правда, апокрифическая, но с несомненными шекспировскими местами.¹³

Наконец, думается, сонеты, которые у Гербеля представляют собою в полном смысле слова тредьяковщину, — в моем издании безусловно литературнее переведены сонмом 15 поэтов.¹⁴

Серия вступительных этюдов получила в вашей рецензии такое поощрение, что большей награды для моих редакторских хлопот не могу себе и представить.¹⁵ Трудов на это положено, действительно, немало. Ведь Вы сами, вероятно, знаете, что такое значит российский литератор и ученый, какими клещами нужно вытягивать из них статьи и какую железной энергией надо обладать, чтобы заставить их быть аккуратными.

В заключение еще раз сердечнейшее и искреннейшее спасибо вам за ваше благожелательное отношение. Месяца через три, надеюсь, представить на ваш суд I-ый том в таком же типе издаваемого Байрона.¹⁶

Как себя чувствуете в Вологде?

Тоскливо, конечно?

Есть ли надежды на то, что отпустят вас в Европу?¹⁷

Супруга ваша¹⁸ хотела зайти ко мне, но что-то не была. От души буду рад помочь чем только смогу ее самоотверженной преданности вашим интересам.

С истинным уважением

С. Венгеров.

¹ См. вступит. ст., прим. 5.

² См. вступит. ст.

³ В своем отзыве Амфитеатров оценивал издание как «замечательное литературное событие», однако внимание сосредоточил на его иконографической части (*Аббадона* [Амфитеатров А. В.]. Отклики. VIII // Русь. 1904. 7 июня, № 174). Данный отзыв под названием «Русский Шекспир» почти без изменений вошел в «Собрание сочинений» Амфитеатрова, по которому и цитируется ниже.

⁴ См.: Труды проф. С. А. Венгерова: Библиографический перечень / Сост. А. С. Поляков. М., 1916. С. 44, 46, 48.

⁵ См., например, отклики в газетах «Times» (Literary supplement. XII. 1903), «The Athenaeum» (1904. № 4003, 4011).

⁶ Второе издание не состоялось.

⁷ Недостатком иллюстративной части издания Амфитеатров считал ее «архаичность» и отсутствие материалов из сценической истории «русского Шекспира». «Вторая половина XIX века, когда Шекспир получил реалистическое воплощение на европейских сценах и в живописи и ваияни, — замечал рецензент, — представлена в издании гораздо слабее и XVIII века, и школы театрального романтизма. Русская сцена пренебрежена в этом отношении совершенно: даже из романтического ее периода дан лишь пестро-раскрашенный (и потому несколько сомнительный) Каратыгин в роли Гамлета <...> о Мочалове, по преданию Белинского, неразрывно связанном в памяти каждого русского образованного человека с трагическим образом Гамлета, нет тени намека, — а напомнить его было бы так легко, поместив хотя бы снимок с известной картины Неврева «Мочалов, читающий „Быть или не быть“ перед купцами в „Британии“» (*Амфитеатров А. В. Русский Шекспир // Амфитеатров А. В. Собр. соч.* СПб., [1916]. Т. 25. С. 190). *Неврева Николай Васильевич* (1830—1904) — живописец-передвижник, автор жанровых картин социально-критической направленности.

⁸ Венгеров намеревался поместить портрет великого князя Константина Константиновича Романова (К. Р.) в роли Гамлета, однако получил отказ. См. письмо Управляющего двором великой княгини Александры Иосифовны П. Е. Кеппена к Венгерову от 29 октября 1902 г. (РО ИРЛИ, ф. 377, оп. 3, № 244).

⁹ См. прим. 5, 7.

¹⁰ А. И. Кроненбергу (1814—1855) принадлежал перевод пьес «Много шуму из ничего», «Двенадцатая ночь» (переводчиком ошибочно указан П. И. Вейнберг), «Гамлет», «Макбет»; А. В. Дружинину (1824—1864) — перевод пьес «Король Ричард Третий», «Король Джон», «Кориолан»; П. И. Вейнбергу (1831—1908) — «Комедия ошибок», «Бесплодные усилия любви», «Венецианский купец», «Конец — всему делу венец», «Виндзорские проказницы», «Как вам это понравится?», «Отелло», «Тимон Афинский», «Генрих VII».

¹¹ В новых переводах были представлены пьесы «Ричард II» (пер. Н. А. Холодковского), «Король Генрих IV» (пер. З. А. Венгеровой и Н. М. Минского), «Король Генрих V» (пер. А. В. Ганзен), «Антоний и Клеопатра» (пер. Н. М. Минского и О. Н. Чюминой), «Король Генрих VI» и «Тит Андроник» (пер. О. Н. Чюминой), «Эдуард III» (пер. В. С. Лихачева), «Жалобы влюбленной» (пер. Т. Л. Щепкиной-Куперник).

¹² См., например: Полное собрание сочинений Виллиама Шекспира в переводе русских писателей. 4-е изд. СПб.: Н. В. Гербель, 1887—1888. Т. 1—3.

¹³ Приписываемая Шекспиру пьеса «Эдуард III» была опубликована в венгеровском издании с предисловием Р. И. Бойля «„Эдуард III“ и его место в ряду сомнительных пьес Шекспира».

¹⁴ В т.5 наряду со старыми переводами сонетов Шекспира были представлены новые переводы 140 сонетов, осуществленные П. Быковым, В. Брюсовым, Н. Брянским, Л. Вилькиной, Г. Галиной, И. Гриневакской, Ил. Красновым, В. Лихачевым,

В. Мазуркевичем, К. Случевским, К. Фофановым, А. М. Федоровым, Н. Холодковским, Ф. Червинским, Т. Щепкиной-Куперник.

¹⁵ По этому поводу Амфитеатров замечал: «О каждом из предисловий к пьесам Шекспира, включенных в новое издание, можно было бы написать отдельную статью. Наибольшим блеском, содержательностью и глубокою эрудиции, как и следовало ожидать, отличаются вступления к „Королю Лиру“ маститого шекспиролога Н. И. Сторожено, к „Юлию Цезарю“, „Антонию и Клеопатре“ и „Периклу“ — Ф. Зелинского, к „Отелло“ — Л. Полонского, к „Кориолану“ — В. Д. Спасовича» (*Амфитеатров А. В. Русский Шекспир*. С. 194). Отмечен был рецензентом и «прекрасный по полноте данных, при большой сжатости, биографический очерк о Шекспире» самого Венгерова.

¹⁶ Библиотека великих писателей. Под ред. С. А. Венгерова. Байрон. СПб.: Изд. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, 1904. Т. 1.

¹⁷ Имеются в виду хлопоты Амфитеатрова о разрешении на выезд за границу. См. прим. 1 к вступ. ст.

¹⁸ *Амфитеатрова (урожд. Соколова) Иллария Владимировна (1873—1949)* — вторая жена писателя, до замужества актриса, выступавшая под сценическим псевдонимом Райская. Во время ссылки Амфитеатрова занималась устройством его литературных дел, и ряд сочинений писателя вышли с указанием «издание Райской».

4. А. В. Амфитеатров — С. А. Венгеру

25 июня (8 июля) 1904 г. Вологда

VI/25—1904.

Вологда.

Ч<?> 2 части.

Д<ом> Четыркина.

Многоуважаемый Семен Афанасьевич.

Мне прямо стыдно перед Вами, что статью о Шекспире пришлось пустить в такой поверхностной обработке. О текстах я не решился говорить, потому что, когда писал, у меня не было ни оригинального издания, ни Гербеля,¹ ни Кетчера,² ни Соколовского.³ Вся статья, в конце концов, отсебятина, по первой памяти, и недоволен ею я чрезвычайно. Если удастся мне как-нибудь соединиться с моею библиотекою, я напишу новую работу о Вашем издании и договорю все, чего не мог теперь сказать, и на что Вы справедливо указываете.⁴

Дела мои в прежней позиции. Все больше и больше убеждаюсь, что мне нечего делать в России, да, кажется, и в «Руси», которая, за мое отсутствие, сильно мобилизует охранительные кадры: имеющемуся Кояловичу в подкрепление приглашены Сигма и Столыпин.⁵ Какое же влияние, при таких условиях, могу иметь в газете я, инородный и псевдонимный.⁶ Повторится вечная история: в газете будет нововременская каша, а публика будет говорить — вот как «орган Амфитеатрова» отличается, а Амфитеатрову — хоть локти кусать от бессилия, в непрекрасном далеке своем... Поэтому более, чем когда-либо, хочется уехать за границу, чтоб очи не бачили, — на нейтральную работу. Но не пускают. Чувствую себя во всех отношениях очень нехорошо. Суворину приходится писать чуть не

каждый день письма с указаниями, чтобы газета не сбивалась с ноги.⁷ Изустно — это ничего, а письменно — подобные документы, при частом повторении, утомляют, кажутся претенциозными и портят отношения. Я это хорошо понимаю, но что же поделаешь, когда сегодня в «Руси» встречаешь «Новое время», а завтра «Петербургскую газету»? Затевали большое, смелое, передовое дело, а — стоило на 1/2 месяца исчезнуть из Петербурга, и полезла плесень... Очень жаль и нехорошо.

Иллариya Владимировна в воскресенье 27 едет в Питер и непременно будет у Вас, а куда просит кланяться.

До свидания. Желая Вам всего хорошего.

Ваш Ал. Амфитеатров.

¹ См. п.3, прим. 12.

² Драматические сочинения Шекспира. 2-е изд. / Пер. Н. Кетчера. М., 1858—1879. Ч. 1—9.

³ Шекспир в переводе и объяснении А. Л. Соколовского. СПб., 1894—1898. Т. 1—8.

⁴ Намерение не осуществилось. Под названием «Русский Шекспир» отзыв был еще дважды опубликован — в авторском сборнике «Маски Мельпомены» (М., [1910]) и в т. 25 «Собрания сочинений», однако без существенных изменений.

⁵ М. М. Коялович, С. Н. Сыромятников (псевд. Сигма) и А. А. Столыпин, журналисты, ранее сотрудничавшие в «Новом времени», перешли в газету «Русь» по приглашению ее редактора А. А. Суворина. В письме к Амфитеатрову от 24 июня 1904 г. Суворин сообщал: «Что Сигма перешел к нам, это Вы, конечно, знаете, но что в „Русь“ перешел и Столыпин — этого Вы, пожалуй, еще и не знаете», характеризуя его как «хроникера по савонно-административному Петербургу» (РО ИРЛИ, ф. 62, оп. 1, № 36 (отпуск)). В ответном письме от 28 июня Амфитеатров дал неблагоприятную оценку Столыпина как умеренно-либерального журналиста и выразил негативное отношение к намечавшемуся «поправлению» общественно-политической ориентации газеты. Он просил также напечатать свое письмо как «свидетельство неучастия во внутреннем распорядке и ведении газеты» (РО ИРЛИ, ф. 62, оп. 1, № 56). Еще раньше, в письме к Столыпину от 21 января 1904 г. Амфитеатров прямо высказывал свое резкое несогласие с его «беспристрастной» позицией, недопустимой, на его взгляд, в обстановке отсутствия свободы печатного слова (РО ИРЛИ, р. 1, оп. 1, № 23).

⁶ Ссылному Амфитеатрову была запрещена литературная деятельность, и свои публикации в газете «Русь» он подписывал псевдонимом Аббадона.

⁷ См., например, два письма Амфитеатрова к А. А. Суворину, написанные в один день, 28 июня 1904 г. (РО ИРЛИ, ф. 62, оп. 1, № 56; Российская национальная библиотека, ф. 1000, оп. 2, № 34). Амфитеатров явно переоценивал степень своего влияния в газете, на что первоначально рассчитывал.

5. С. А. Венгеров — А. В. Амфитеатрову

28 декабря 1904 г. (10 января 1905 г.). Петербург

С.-Петербург, 28/XII 1904 г.

Многоуважаемый Александр Валентинович!

Спасибо за поздравление, и с своей стороны поздравляю вас и Илларию Владимировну с наступающим Новым годом.

Что же это вы по заграницам все сидите? Пора домой на родную ниву. Не в шутку — теперь можно писать и самым настоящим языком. Доходят ли до вас «Наша жизнь»¹ и в особенности «Наши

дни»?² Когда читаешь эти газеты, пред которыми, право же, бледнеет «Освобождение»,³ то неистребимо вкореняется даже в загнанную душу российского обывателя уверенность, что возврат к прошлому немислим.

«Русь» тоже прекрасно себя держит, и мне думается, что Вы могли б сейчас там писать всюю.⁴

С истинным уважением

С. Венгеров.

¹ «Наша жизнь» — «ежедневная общественно-политическая, литературная и экономическая газета без предварительной цензуры», редактор-издатель — профессор Л. В. Ходский. Выходила с октября 1904 г. по осень 1906 г., в период ослабления цензурного контроля над выходом печатных изданий. В рубрике «Письма в редакцию» здесь были дважды опубликованы протесты Амфитеатрова: по поводу объявления о зачислении его в постоянные сотрудники журнала «Театральная жизнь» (1904. 22 нояб., № 17) и публикации в газете «Гражданин» его сатирического стихотворения «Герой нашего времени», не предназначенного к печати (1904. 25 нояб., № 20).

² «Наши дни» — ежедневная газета, выходившая «без предварительной цензуры» в 1904—1905 гг. вместо газеты «Сын Отечества», редактор-издатель — П. М. Невежин.

³ «Освобождение» — либерально-демократический журнал, выходивший в 1902—1905 гг. в Штуттгарте и Париже под редакцией П. Б. Струве. Нелегально распространялся в России. См. также: Н. А. Бердяев в начале пути (Письма к П. Б. и Н. А. Струве) / Предисл., публ. и коммент. М. А. Колерова // Лица: Биографический альманах. М.: СПб., 1993. Вып. 3. С. 119—154.

⁴ В планы редактора-издателя газеты А. А. Суворина входило привлечение Амфитеатрова к работе в качестве зарубежного корреспондента. В письме к М. А. Волошину от 29 октября 1904 г. он сообщал: «С Нового года в Париже будет жить Амфитеатров. Он будет корреспондентом „Руси“, но он со всем не управится. Ему нужен помощник, и я хотел бы предложить быть им — Вам» (РО ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, № 1159). См. также письмо Суворина к тому же адресату от 24 ноября 1904 г. (Там же). Амфитеатров вел в газете рубрику «Зарубежные отклики», а с мая 1905 г. началась публикация его романа «Сумерки божков».

6. С. А. Венгеров — А. В. Амфитеатрову

25 января (7 февраля) 1905 г. Петербург

С.-Петербург, 25-го января 1905 г.

Многоуважаемый Александр Валентинович.

Еще в первых числах января получил вашу злую сказку¹ и собирався благодарить за присылку, хотя мои домашние и находили, что в лице крестьянина-оптимиста Вы вышутили меня.

Но наступили ужасные дни 9—12 января. Ни о чем, <как> ни об этих ужасах, нельзя было не думать, не говорить, не писать. Теперь нервы чуть-чуть успокоились и я готов обвинять вас в клевете. Со всем не потому звал я вас в Россию, что верю в доброе желание начальства. Совсем наоборот: вижу, как оно скрежещет зубами, да ровно ничего поделать не может. За последние 2 месяца произошел поистине геологический переворот, и, если Вы приедете в Россию, Вы не узнаете российского обывателя, настолько он осмелел и зазнался.

Не знаю, читали ли Вы № «Наших дней», первый после забастовки (кажется, от 17-го января)?² Если российские журналисты решились выпустить такой №, а снабженный безграничными познаниями генерал-губернатор такой № пропустил, то значит старый порядок умер навсегда и я опять повторяю свой вопрос: почему Вы не возвращаетесь в Россию?

Если нет каких-нибудь неизвестных мне редакционных отношений, то я даже не понимаю, почему Вы из своего прекрасного далека не пишете на злобу дня. Если Вы получаете главные прогрессивные газеты, то общественное настроение должно доходить до вас и по почте.

Теперь-то и писать, писать, писать.

Сказка ваша имеет в Царском очень большой успех, и гимназисты сняли уже две копии. Что бы вам такие сказки, убравши косякие точки над *i*, изготовлять для большой публики, которая теперь ужасно падка на такие штуки? Весь Петербург месяца 2 тому назад положительно носился со статейкою Владимира Ж. в «Нашей жизни» о «Баснях Крылова».³ А ведь остроумие этой статейки самое элементарное.

Прошу передать мой привет Илларию Владимировне, и если встретите В. И. Модестова,⁴ то прошу передать ему мой поклон.

С истинным уважением

С. Венгеров.

¹ Имеется в виду сатирическая «Сказка об Иване-мужике и о Петре, запорожском казаке», где высмеивалась либеральная интеллигенция, все еще вверившая в мирный процесс реформ. В архиве Венгерова находится авторизованный список с дарственной надписью: «Многоуважаемому Семену Афанасьевичу Венгерову на память от автора» (РО ИРЛИ, ф. 377, оп. 6, № 21). Здесь же — печатный экземпляр сказки: *Амфитеатров Ал.* Современные сказки. 1-ый вып.: Сказка об Иване-мужике и о Петре, запорожском казаке. Женева: Тип. Бунда, 1905. Всего в женеvской типографии Бунда, еврейской партии социал-демократической ориентации, в течение 1905 г. вышло 4 вып. амфитеатровских «Современных сказок» с указанием: «Издается автором в пользу рабочих, пострадавших в петербургском январском восстании»; треть тиража оставалась в распоряжении партии.

² В номере от 17 января 1905 г. подводились итоги событиям 9 января, а в разделе «Хроника» сообщалось об их трагических последствиях.

³ Речь идет о заметке одесского журналиста В. Е. Жаботинского (Наша жизнь. 1904. 16 дек., № 41), выступавшего в газете «Наша жизнь» в рубрике «Маленький фельетон» с циклом «Наброски без заглавия». *Жаботинский Владимир (Зев) Евгеньевич* (1880—1940) — журналист, писатель, переводчик, активный деятель сионистского движения (с 1903), впоследствии — один из его лидеров. За границей Амфитеатров неоднократно встречался с Жаботинским и пропагандировал его творчество. См., например, переписку с Горьким за август—сентябрь 1910 г. (Литературное наследство. Т. 95. С. 212—215, 221 и др.).

⁴ *Модестов Василий Иванович* (1839—1907) — филолог-классик, публицист, профессор, автор трудов по истории римской литературы, в последние годы жил в Риме, где занимался вопросами археологии и древнейшей истории Рима.

7. А. В. Амфитеатров — С. А. Венгерову

22 февраля 1905 г. Ницца

1905.II.22.

Nice, rue de France, 163,
pension Miramare.

Многоуважаемый Семен Афанасьевич!

Что же мне, собственно говоря, делать в России? Журнала у меня нет, а писать без точек над *i*, — зачем же, когда за границей я могу писать и публиковать со всеми точками над *i*? Я отправил Вам свое письмо к Жоресу,¹ постараюсь доставить и ряд политических сказок, печатаемых ныне в Женеве.² Две из них я пробовал провести в русской печати без точек над *i*, но безуспешно. Даже и не сердился на то, что собственными глазами убеждаюсь на примере «Нашей жизни» и «Наших дней», изданий, действительно, прекрасно проведших свои краткие дни, что время ставить точки над *i* русским читателем еще не завоевано, а писатель русский за такую предерзость продолжает расплачиваться слишком дорогою ценою, при сравнительно малой пользе для других. Возвращение в Россию значит для меня проехать с границы в Вологду на остальной срок не досиженных 2 1/2 лет.³ Ну, думаю, что я здесь, хотя бы беспрестанно говоря с представителями европейского общественного мнения и разбивая официозные миражи, напушенные в Италии и Франции, буду более полезен, чем в славном городе Насоне.⁴ Да и печатать то, что надо и хочется писать, здесь много возможнее, а в большую публику оно дойдет, о том старания прилагаются. Почему я не писал фельетонов на текущие общественные темы движения? По журнальной неприютности своей, во-первых. Во-вторых, по отдаленности. События летят мощно и быстро! Когда газеты, пришедшие в Рим, Ниццу или Париж, говорят мне: кричи а! — в Петербурге уже сказали и б, и в, и г, и д, и я с своим застарелым а прикачу вроде Колумба про запас — открывать во второй раз Америку. Очень рад, что сказка нравится молодежи. Нет, я Вас в ней не вышучивал, как Вы предположили, а в мужике Иване хотел олицетворить либеральную интеллигенцию с мирными упованиями на лояльную реформу, и в казке Петре — русскую революционную эмиграцию, которая, в новых своих фракциях, страшно интересна. Старики, правду сказать, уж слишком жуют партийно-теоретическую кашу. А Струве, с первым призраком свободы печати в России, совершенно сошел на нет.⁵ Не знаю, кто щелкает его в «Вперед»,⁶ но презубатый мужчина; одна уже кличка «Суворин нелегалщины» дорогого стоит. Не журналист он, — вот в чем его беда.⁷

До свидания. Сердечно желаю Вам всего хорошего. Жена усердно кланяется.

Ваш Ал. Амфитеатров.

¹ Нелегальное гектографированное издание: *Амфитеатров Ал.* Франко-русский союз и 9 января. (Письмо к Жану Жоресу). Женева, 1905. В архиве Венгерова имеется

издание на французском языке с дарственной надписью: «Многоуважаемому Семену Афанасьевичу Венгеру от автора. Nice. 1905.II.21» (РО ИРЛИ, ф. 377, оп. 6, № 21). *Жорес Жан* (1896—1914) — лидер французской социалистической партии.

² Из четырех выпусков «Современных сказок» в архиве Венгерова представлен только вып. 1 (см. п. 6, прим. 1).

³ Правительственное постановление об амнистии политэмигрантам, вышедшее 22 октября 1905 г., позволило Амфитеатрову в середине декабря, после подавления декабрьского вооруженного восстания в Москве, приехать в Петербург, однако в конце января 1906 г., ввиду угрозы ареста, он вновь возвращается за границу (во Францию). См.: *Гарэтто Э.* Первая русская революция: Взгляд из Парижа. К биографии А. В. Амфитеатрова (1904—1907). С. 352—353.

⁴ Насон — именование Вологды в фольклорных текстах (ср.: «Что на славной реке Вологде, // Во Насоне было городе...»).

⁵ В письме к Е. В. Аничкову от 28 июня 1905 г. Амфитеатров крайне резко отозвался о недостаточно активной общественно-политической позиции П. Б. Струве как редактора журнала «Освобождение» (РО ИРЛИ, ф. 123, оп. 2, № 1).

⁶ Газета большевистской фракции РСДРП, выходившая нелегально в Петербурге с начала 1905 г. См.: *Иодфе А. М.* Издательская деятельность большевиков в 1905—1907 гг. М., 1971.

⁷ П. Б. Струве, в свою очередь, не скрывал неприятия стиля Амфитеатрова-публициста и в рецензии на книгу «Победоносцев» (СПб., 1907), написанную Амфитеатровым в соавторстве с Е. В. Аничковым, обратил внимание на многословие и стилистические излишества его манеры письма: «Г. Амфитеатров — несомненно талантливый писатель, хорошо владеющий пером и довольно широко образованный. К сожалению, он всегда был лишен того внутреннего жара, который дает писателю силу „глаголом жечь сердца людей“. И эту силу внутреннего горения <...> Амфитеатров, став радикальным публицистом, заменил излишеством стиля...» (*Струве П.* Амфитеатров А., Аничков Е. Победоносцев. СПб., «Шиповник», 1907 [Рец.] // Рус. мысль. 1907. № 8. Отд. III. С. 164).

8. А. В. Амфитеатров — С. В. Венгеру

6 октября 1907 г. Сестри Леванте

X.6.<19>07.

S<estri> L<evante>.¹

Многоуважаемый Семен Афанасьевич.

Две большие южные газеты — «Одесские новости» и «Киевская мысль» — просят меня касаться в моих фельетонах крупных литературных явлений, могущих иметь общеобразовательное значение. Мне очень хотелось бы написать о Вашем Байроне и Пушкине.² Если возможно, то будьте так добры — выслать мне эти издания, равно как и другие, заслуживающие внимания, которые вышли у Брокгауза и Эфрона после 1904—05 годов. Белинский у меня есть до VI тома. Памятца Вашего Шекспира, уверен, что Байрон и Пушкин дадут мне превосходнейший и приятнейший материал. Адрес — ниже. Исполнением весьма обяжете. Даю адрес жены,* так как я сам — почти что в постоянных отлучках, что для получения рекомендованных пакетов неудобно.

* Italia. Sestri Levante. M-me Amfiteatroff.

Если не будет оптовой амнистии, на что я не имел никогда никакой надежды, а теперь и думать о том бросил, конечно, — то вряд ли я когда-нибудь либо удостоюсь видеть недра отечества нашего. Поэтому не решаюсь написать Вам обычного «до свидания». В тот свет не верю, а на этом — вряд ли.

В России у Вас, судя по газетам, письмам, слухам и свидетельству приезжих, очень скверно. В русской загранице — тоже не сахар. Эмиграция задыхается от нищеты и пошлет от праздности. Что в Париже, что в Женеве — всюду мрачное бездействие, лень дела, мысли и даже слова, на что до сих пор не скупы были. Но... «кому ж на ум придет — на желудок петь голодный?»³

О себе могу сказать, что никогда еще не переживал я настроений более печальных и безнадежных. Пять лет назад я веровал в будущую конституцию и грядущие Думы, три года назад перестал верить в Думы, но веровал в бомбы. Сейчас я не верю ни в Думы, ни в бомбы, — верю только во время и культурный рост народа, которые возмут свое, но вряд ли мы успеем увидеть это. В настоящее время уповать не на что. Народ неподвижен, труслив и до изумления лишен чувства собственного достоинства. Интеллигенция бесконечно боязлива, теоретична, малочисленна, лишена опоры в народе, бесильна сама по себе и до безобразия разделена партийно и фракционно. Революция нища, лишена единства и общего плана, полна героизма личности, но сама не знает, как и куда идет и ведет. Ясность программы и действий — только в еврейских организациях, но 1) они разгромлены неслыханными гонениями 2) по процентному отношению к массам русским, они — растопка, но не дрова освободительного движения 3) между ними и освобождающимся народом все еще стоит стена предубеждений, которую правительство всеми силами старается утолстить. И, увы, далеко не безуспешно! Так как письмо это идет почтою, то мне не хочется сообщать Вам на этот счет кое-каких фактов, неожиданно возникавших в таких левых кругах, где еще недавно царил дух полнейшей и, казалось, органической солидарности с еврейством... Тяжело все это и скверно. И стыдно. В особенности же стыдно потому, что дело рассыпается розньями и противными конкуренциями честолюбий даже не на полдороге, раньше, — и проклятое правительство опять забрало силу — бесцеремонную и наглую, как еще никогда, кажется. Ой, простите, — увлекся и слишком много написал. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш Ал. Амфитеатров.

¹ Весной 1907 г. Амфитеатров с семьей, увеличившейся после рождения близнецов Романа и Максима, переезжает в Италию, выбрав для жительства небольшой городок на побережье Лигурийского залива — Сестри Леванте. В письме к Д. Я. Айзману от 20 апреля он так описывал это «захолустье»: «...Сестри оказалось гораздо более очаровательным захолустьем, чем я думал по короткому и внешнему знакомству с побережьем. Оно имеет все достоинства Капри + песок + много нагорного леса и удивительнейший запущенный парк виллы Пиума <...> Полное безлюдье и дешево. Мы наняли крупнейший дом до сентября» (РО ИРЛИ. ф. 520, № 46). Об обстоятельствах творческого и материального характера, побудивших к принятию такого решения, Амфитеатров сообщал В. Ф. Боляновскому в недатированном письме: «Проживу здесь безвыездно, кажется, и всю зиму, а, может быть, даже законтрактую домик на год. Глушь и скука здесь страшные, но — иначе нет средств жить прилично. „Русь“ совершенно разорила меня своими неплатежами. Ну, а здесь за 40 рублей в месяц, за 120

франков, можно иметь меблированный дом. Буду сидеть в глухом омуте, как водяной дед, и писать обскими руками. Кончу „Сумерки божков“ и примусь за большой роман-хронику 1902—1907 года, в котором действующими лицами будут дети моих „Восьмидесятников“. Кстати сказать, последние выходят отдельным изданием в „Общественной пользе“» (РО ИРЛИ, ф. 439, № 260). В конце 1907 г. семья Амфитеатровых переехала в Кави ди Лаванья здесь же, на Лигурийском побережье.

² Имются в виду следующие издания: Библиотека великих писателей. Под ред. С. А. Венгерова. Байрон. СПб.: Изд. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, 1904—1905. Т. 1—3; Библиотека великих писателей. Под ред. С. А. Венгерова. Пушкин. СПб.: Изд. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, 1907. Т. 1. Откликов Амфитеатрова на эти издания не выявлено.

³ Неточная цитата из басни И. А. Крылова «Ворона и Лисица».

9. С. А. Венгеров — А. В. Амфитеатрову

17 (30) октября 1907 г. Петербург

С.-Петербург, 17 окт<ября> 1907 г.

Многоуважаемый Александр Валентинович.

С особенным удовольствием снабжаю Вас новыми книгами. На днях получите Байрона и Пушкина. Затем, вероятно, Вы уже получили посланные Вам четыре части Степняка.¹ Мне кажется, что Степняк заслуживает того, чтобы им занялись как писателем. Наконец, выслал я Вам свои «Очерки».² На этих днях вышло уже 2-е издание «Очерков», но так как 1-е разошлось в два месяца, то 2-е ничем не отличается от первого, кроме исправления некоторых ошибок и опечаток.

Вполне понимаю охвативший Вас пессимизм, однако считаю его преувеличенным. Как пессимистически ни смотреть на нынешнюю мразь, все-таки движение <1>905 было не меньше, чем предпоследним валом революции. Думали мы, увы, что это — девятый вал, и, конечно, жестоко ошиблись. Но что это все-таки был вал восьмой, я лично не сомневаюсь. И вот, припоминая, как в дни моей молодости, даже на университетских сходках, мы совершенно определенно называли себя вторым валом, я все-таки черпаю в этом некоторое основание для более светлого взгляда на ближайшее будущее.

17-го октября мы как-никак переплыли через океан, отделяющий Европу от Америки.³ Мы все-таки уже крейсируем у берегов нового мира. Впадая в поэтический тон, можно сказать, что берега еще не видно: он весь окутан туманом; но стоит только прорваться одному солнечному лучу, как все тучи рассеются, и перед нами откроется волшебная панорама обетованной Земли, Свободы.

Мой привет супруге Вашей.

С искренним уважением

С. Венгеров.

Авторизованный список рукой секретаря Венгерова А. Г. Фомина.

¹ *Степняк-Кравчинский С. М.* Штундист Павел Руденко. С написанными для наст. изд. воспоминаниями П. А. Кропоткина. СПб., 1907. Ч. 1; Подпольная Россия. СПб., 1906. Ч. 2; Домик на Волге. Новообращенный. Сказка о копейке. СПб., 1907. Ч. 3; Андрей Кожухов / Пер. с англ. Ф. М. Степняк; Под ред. и с предисл. П. А. Кропоткина; С прилож. статьи Георга Брандеса. СПб., 1907. Ч. 4. По постановлению Петербургской Судебной Палаты ч. 4 была уничтожена. В 1908 г. вышли ч. 5 и 6.

² *Венгеров С. А.* Очерки по истории русской литературы. СПб., 1907.

³ Венгеров имеет в виду подписанный Николаем II Манифест 17 октября 1905 г. («Об усовершенствовании государственного порядка»), провозглашавший гражданские свободы и объявлявший о созыве Государственной Думы.

10. А. В. Амфитеатров — С. А. Венгерову

6 ноября 1907 г. Сестри Леваите

S<estri> L<evante>. 1907. XI. 6.

Многоуважаемый Семен Афанасьевич!

Степняка и Очерки получил и очень благодарю Вас за присыл.¹ Буду писать в «Утро России».²

Получили ли Вы «Восьмидесятников»?³

Радуюсь, что дух Ваш бодр, — мой, признаться, не весьма. Дума совсем огорчительна.⁴ Только и утешения, что ничего другого и ждать было нельзя. Но безрадостно пророчествовать — небольшое удовлетворение.

Жду Пушкина и Байрона.⁵

По милости проклятых почт — ворующей русской и неряшливой итальянской, ужасно неаккуратно получаю газеты. Даже не знаю толком, какая из них теперь может считаться зеркалом общественных течений. Что это, право, г.г. петербуржцы, как было возможно Меньшикова так вырастить и распустить?⁶ Он совсем обнаглел, а с ним полемизируют, как с путным. Эту публику надо каждым словом, *rassez le mot*,⁴ по морде бить: тогда она притихает. Эх, если б мне хоть на месяц в Питер! Во время японской войны⁷ и по коноваловскому делу⁸ Иудушка у меня скоро унялся, да и в дубасовские дни⁹ ораторствовать не посмел.

Сошелся я с московским «Утром России». Кажется, газета хорошая и прочно поставленная.¹⁰ Но Москва — не моя. Скучаю по Петербургу, где остался совсем без органа.¹¹ Посмотрим, что скажет 1908 год.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего. Иллария Владимировна шлет Вам привет.

Ваш Ал. Амфитеатров.

¹ См. п. 9, прим. 1, 2.

² См. п. 12.

³ Роман Амфитеатрова «Восьмидесятники» (СПб., 1907. Т. 1—2) открывал много-томную хронику «Концы и начала».

⁴ простите за выражение (*франц.*).

⁴ Имеются в виду результаты выборов в 3-ю Государственную Думу (открылась 1 ноября 1907 г.), где большинство мест заняли правые партии.

⁵ См. п. 8, прим. 2.

⁶ *Меньшиков Михаил Осипович* (1859—1918) — журналист, сотрудник «Нового времени», один из постоянных оппонентов Амфитеатрова. В период выборов в 3-ю Государственную Думу активно выступал в поддержку «правых» сил. См., например, его новременские статьи «Ближайшее будущее» (1907. 20 окт., № 11353), «Письма к ближним. Правительство под судом» (1907. 28 окт., № 11361), «Милые бранятся» (1907. 30 окт., № 11363), которые могли вызвать столь резкую оценку Амфитеатрова. Подробно о Меньшикове см.: *Гузеров А. А., Поселов М. Б.* Меньшиков Михаил Осипович // Русские писатели. 1800—1917. Биографический словарь. М., 1999. Т. 4. С. 13—16.

⁷ Амфитеатров имеет в виду свою полемику с Меньшиковым по вопросу о «еврейской опасности». См.: *Меньшиков М.* Письма к ближним // Новое время. 1904. 15 февр., № 10030 и 29 февр., № 10053; *Амфитеатров А.* Листки // Русь. 1904. 17 февр., № 66 и 3 марта, № 81, а также статью последнего «Япония и еврейство» (*Амфитеатров А.* Собр. соч. СПб., 1911. Т. 9. С. 114—138).

⁸ Так называемое «Коноваловское дело» — эпизод, связанный с протестом студентов и ряда профессоров Горного института против антидемократических порядков, введенных его директором Д. П. Коноваловым. Амфитеатров выступил в защиту студентов, обвиненных в прояпонских настроениях (*Амфитеатров А. В.* Листки // Русь. 1904. 27 апр., № 134), за что был вновь выслан в Вологду с запрещением публичной литературной деятельности (см. прим. 1 к вступ. ст.).

⁹ «Дубасовские дни» — период разгрома декабрьского вооруженного восстания в Москве (1905), названный именем его организатора генерал-губернатора Ф. В. Дубасова. В эти дни Амфитеатров напечатал несколько острых фельетонов в газете «Молва» (под таким названием выходила газ. «Русь» с 5 декабря 1905 г. по 16 января 1906 г.), направленных против усмирителя рабочих Пресни.

¹⁰ Амфитеатров ошибался в своих прогнозах: газета просуществовала только до конца 1907 г. (возобновлена в 1909—1917 гг.).

¹¹ О своем отходе от «Руси» и поисках печатного органа для постоянного сотрудничества Амфитеатров писал Е. В. Аничкову 16 марта 1907 г. См. «Приложение» к статье Э. Гарэтто «Первая русская революция: Взгляд из Парижа. К биографии А. В. Амфитеатрова (1904—1907)» (С. 375—376).

11. С. А. Венгеров — А. В. Амфитеатрову

31 декабря 1907 г. (13 января 1908 г.). Петербург

С.-Петербург, 31 декабря 1907 г.

Многоуважаемый Александр Валентинович.

Большое спасибо Вам за отзыв о Степняке в «Киевской мысли».¹ Вы первый из критиков, ставший на правильную точку зрения: действительно, Степняк теперь введен в литературу² и интерес его не только в том, что он убил Мезенцева.³ К сожалению, те два тома собрания сочинений, которые я предполагаю еще издать,⁴ далеко не исчерпывают Степняка как писателя: многие его публицистические статьи — как Вы это и отметили, — не выносят российского климата.

Получили ли Вы, наконец, Байрона и Пушкина?

Прошу передать мой привет Илларию Владимировне, вероятно, уже вернувшейся. Энергичная она у Вас дама, хотя вот Гершельмана

обуздать не может.⁵ Что это он прямо взъелся на Вас? Мыслимо ли, чтобы Вы «прославляли» Нечаева⁶?

Ваш С. Венгеров.

Авторизованный список рукой секретаря Венгерова А. Г. Фомина.

¹ В статье «Легальный Степняк» (Киевская мысль. 1907. 3 дек., № 311) Амфитеатров отмечал, что благодаря венгеровскому изданию, во-первых, произошло знакомство русской читающей публики со Степняком-беллетристом, во-вторых — легализация его публицистики.

² Ср. прямо противоположную точку зрения Эллиса (Л. Л. Кобылинского), который в рецензии на собрание сочинений Степняка-Кравчинского выступил от лица символистской школы: «...на вопрос, имеют ли художественную ценность произведения Степняка, мы отвечаем категорически: „нет, не имеют!“», признавая за ними этическое и общественное значение весьма большое» (Эллис. С. М. Степняк-Кравчинский. Собр. соч. Ч. I—III. СПб., 1907 [Рец.] // Весы. 1907. № 9. С. 68).

³ 4 августа 1878 г. Степняк-Кравчинский, в качестве основного исполнителя, принял участие в террористическом акте — убийстве шефа жандармов Н. В. Мезенцева.

⁴ См. п. 9, прим. 1.

⁵ Гершельман Сергей Константинович (1853—1910) — генерал, автор цензурного проекта, предусматривающего запрещение критики должностных лиц в печати. Вероятно, речь идет о хлопотах жены писателя в связи с судебным делом о брошюре Амфитеатрова «Фантастические правды» (1908), в которой критиковались действия царской администрации в Прибалтийском крае. На издательство И. Д. Сытина предполагалось наложение штрафа в 3 тыс. руб., однако суд по данному делу, состоявшийся 17/30 ноября 1909 г., оправдал издателя. См. письмо Амфитеатрова к Горькому от 22 мая 1908 г. и прим. к нему (Литературное наследство. Т. 95. С. 100—101).

⁶ Нечаев Сергей Геттадьевич (1847—1882) — активный член революционного движения, организатор тайного общества «Народная расправа», сторонник индивидуального террора, организатор и главный исполнитель убийства подозревавшегося в предательстве студента И. И. Иванова (1869). «Нечаевщина» как метод революционной работы была осуждена I-м Интернационалом.

12. А. В. Амфитеатров — С. А. Венгерову

9 января 1908 г. Кави ди Лаванья

Cavi di Lavagna.
1908.I.9.

Многоуважаемый Семен Афанасьевич.

Сердечное спасибо за присыл Байрона и первого тома Пушкина. Буду о них писать, как скоро изучу издание, в «Речь».¹ О Степняке я напечатал фельетон в «Киевской мысли»,² — вероятно, Вам он послан. По крайней мере, я просил послать. Фельетон вышел не очень из удачных, потому что я рассчитывал написать о Степняке больше и подробнее для «Утра России», а оно, тем временем, скончалось, другого же столичного издания у меня в то время не было.

Возвратилась моя жена из Питера, много повествует о милых литературных нравах Петербурга и пр. Нельзя сказать, чтобы оно было неожиданно, но, по-видимому, впечатления действительности превосходят даже самые плачевные предположения издали.

Сейчас прочитал я «Тьму» Леонида Андреева.³ «Послушайте же», — как говорил покойный Антон Павлович <Чехов>, — ведь таких гнусных клевет на революционеров не писали даже Маркевич и Крестовский!⁴

Итак, свободы наши отложены до будущего поколения,⁵ а над прахом разбитой революции танцуют пьяные илоты и либертины. Красивая страна, красивое время, красивая нация...

До свидания. Желая Вам всего хорошего в новом году. Он високосный, но в наше время все так перевернулось вверх ногами, что, может быть, Касьян-то⁶ окажется для нас чудотворцем счастья. Без сего «авося» сейчас хоть ложись да помирай; настолько наличность безрадостна.

Иллария Влад<имировна> усиленно Вам кланяется.

Еще раз, — всего хорошего.

Ваш Ал. Амфитеатров.

¹ См. п. 8, прим. 2.

² См. п. 11.

³ Рассказ Л. Андреева «Тьма» (впервые: Шиповник. СПб., 1907. Кн. 3) был резко негативно оценен марксистской и социал-демократической критикой как отход писателя в сторону реакции. См., например, сб. «Литературный распад» (СПб., 1908. Кн. 1), статью В. Краинихфельда «О „Тьме“» (Современный мир. 1908. № 1. Отд. II; № 6. Отд. II). Сам Амфитеатров критиковал писателя за упадочнические настроения в статье «Талант во тьме» (*Амфитеатров А.* Против течения. СПб., 1908).

⁴ В «антинигилистических» романах *Маркевича Болеслава Михайловича* (1822—1884) «Марина из Алого Рога» (1873), «Четверть века назад» (1880—1881, трилогия), «Бездна» (1883—1884, не закончен) и *Крестовского Всеволода Владимировича* (1840—1895) «Панургово стадо» (1869) и «Две силы» (1874), объединенных в дилогию «Кровавый пух», в резко отрицательном свете выведены типы лидеров и рядовых участников революционного движения 1860-х гг., предстающих разрушителями традиций, социальных и нравственных устоев общества.

⁵ 3 июня 1907 г. в нарушение Манифеста 17 октября была распущена 2-я Государственная Дума и издан новый избирательный закон, ущемляющий права граждан.

⁶ На 29 февраля приходится день св. Касьяна, который, соответственно, бывает раз в четыре года. В народной традиции високосный год считается несчастливым.

13. А. В. Амфитеатров — С. А. Венгеру

8 декабря 1908 г. Кави ди Лаванья

Cavi di Lavagna.
1908. XII. 8.

Многоуважаемый Семен Афанасьевич.

Большое спасибо за присланные Вами брошюры. Спешу сделать 2-м изданием «Восьмидесятников».¹

Вышло ли что-нибудь из Толстовского сборника? Откликнулась ли заграница?² Здесь, по Вашему письму, я сдал дело в руки Джюванни Де Нава (De Nava), популярного журналиста и большого поклонника Толстого. О степени его хлопотливости можно судить по тому факту, что в 1903 этот Де Нава не пустил царя в Италию.³

У нас тут довольно частая смена лиц. Только что отбыли Григорий Петров⁴ и Василий Иванович Немирович-Данченко.⁵ Теперь здесь Герман Лопатин⁶ и Волховской.⁷

Много работаю. Газеты совсем забросил. Пустое занятие, по нынешним временам. Настоящего не скажешь, а переливать из пустого в порожнее совестно и гонорар брать. Так что пишу только беллетристику, редактирую перевод Ферреро⁸ и пишу кое-что для заграничного производства, хотя и для внутреннего употребления.⁹

В газеты русские страшно и заглядывать. Пустыни какие-то...

До свидания. Желаю Вам всего хорошего. Жена кланяется Вам усердно.

Ваш Ал. Амфитеатров.

Вышел ли 2-й том Пушкина и 8-й Белинского? Очень интересно.

¹ *Амфитеатров А. В.* Восьмидесятники. 2-е изд. СПб., 1908. Т. 1—2.

² В июле 1908 г. на Съезде представителей русской печати был создан Комитет для ознаменования 80-летнего юбилея Льва Толстого. Его временным председателем стал Венгеров. Было принято решение об издании Толстовского сборника. В официальном письме от 6 сентября 1908 г. за подписью Венгерова Комитет Съезда обращался к Амфитеатрову с просьбой помочь «привлечь к Толстовскому сборнику возможно большее количество видных культурных деятелей Западной Европы» и разослать циркуляры «наиболее выдающимся представителям итальянской литературы, искусства, науки и политики» (Amfiteatrov mss., Lilly Library). Свое неоднозначное отношение к празднованию юбилея писателя Амфитеатров изложил в письме к Горькому от 14 марта 1908 г. (см.: Литературное наследство. Т. 95. С. 85—86). Ср. ответное письмо Горького и комментарий к нему (Там же. С. 87—90). Издание сборника не состоялось. Амфитеатровым был написан очерк «Лев Толстой», вошедший в его сборник «Современники» (М., 1909).

³ *Де Нава Джованни* (1873—1941) — итальянский журналист, социалист, сотрудник газеты «Avanti!». Об антицаристских выступлениях итальянских социалистов Амфитеатров напоминал в своем открытом письме к Жану Жоресу (1905): «И действительно, едва ли не единственный серьезный шелчок, полученный после союза с Францией русским самодержавным правительством от европейского общественного мнения, это нравственная пощечина, данная Николаю II итальянскими социалистами, не допустившими царя посетить Монцу и Рим, после устроенного покойным Плеве кишиневского погрома» (цитируется по авторизованной машинописи «Письмо Александра Амфитеатрова к Жану Жоресу»: Российская национальная библиотека, ф. 1000, оп. 2, № 32, л. 1 об.). Статьи Де Нава «Как мы не пустили царя в Рим» и «Русская тайная полиция в Италии» анонсировались в издававшемся Амфитеатровым в Париже в 1905—1906 гг. журнале «Красное знамя» для № 7 (не вышел). Об этом издательском предприятии Амфитеатрова см.: *Грякалова Н. Ю.* Революция в образах (М. А. Волошин и А. В. Амфитеатров в 1905—1906 гг.) // Литература и история. (Исторический процесс в творческом сознании русских писателей и мыслителей XVIII—XX вв.). СПб., 1997. Вып. 2. С. 251—262; *Гарэтто Э.* Первая русская революция: Взгляд из Парижа. К биографии А. В. Амфитеатрова (1904—1907). С. 353—357.

⁴ *Петров Григорий Спиридонович* (1868—1925) — бывший священник, автор «Письма к митрополиту Антонию», в котором обличал царское правительство и церковь, за что был лишен сана в январе 1908 г. Бывал у Амфитеатрова в Кави ди Лаванья и у Горького на Капри. См., например, письмо Амфитеатрова к Горькому от 11 сентября 1908 г. (Литературное наследство. Т. 95. С. 116—117).

⁵ *Немирович-Данченко Василий Иванович* (1844—1936) — беллетрист, автор многочисленных романов, повестей, рассказов, очерков. С Амфитеатровым его связывали многолетние дружеские отношения.

⁶ В 1908—1912 гг. *Лопатин Герман Александрович* (1845—1918), ветеран народного движения, жил в семье Амфитеатровых, отлучаясь на время в многочисленные поездки.

⁷ *Волховской Феликс Вадимович* (1846—1914) — революционер-народник, впоследствии — эсер; поэт, представитель вольной русской поэзии. В письме к Горькому от 18 ноября 1908 г. Амфитеатров сообщал: «Гостит у меня сейчас Ф. В. Волховской. Стар муж и глух на оба уха, а живости в мысли и слоге — на десять молодых. Вообще, удивительная коллекция молодых стариков: он, Василий Ив. Немирович-Данченко и уж, в особенности, Герман Лопатин: какое-то чудо сверхчеловеческое» (Литературное наследство. Т. 95. С. 127).

⁸ *Ферреро Гульельмо* (1871—1942) — итальянский историк, публицист. Амфитеатров предполагал издать в «Знании» основной труд Ферреро «Величие и падение Рима», однако замысел не осуществился. См. также статью Амфитеатрова «Гульельмо Ферреро и его критики» (1911) (*Амфитеатров А. В.* Собр. соч. Т. 25. С. 51—118). Сочинение Ферреро в переводе и с предисловием А. А. Захарова вышло в 5 томах в издательстве М. и С. Сабашниковых в 1915—1923 гг.

⁹ Амфитеатров в это время работал над компилятивным сочинением «Зверь из бездны», пьесой «Триста тысяч» (вышла под названием «Два часа в благородном семействе, или О чем скрипела дверь (Происшествие)») и статьями для солдатского чтения. См. его письмо к Горькому от 10 декабря 1908 г. (Литературное наследство. Т. 95. С. 133).

14. А. В. Амфитеатров — С. А. Венгерову

7 октября 1909 г. Кави ди Лаванья

Cavi di Lavagna.
1909. X. 7.

Многоуважаемый Семен Афанасьевич.

Давно собираюсь написать Вам по разным делам и вопросам, да жизнь бежит так спешно, что не успеваешь следить, как солнце всходит и заходит. Вчера приехал один барин из Вены и заверяет меня, будто у Вас был свирепый обыск и сына Вашего арестовали.¹ Газеты к нам доходят неаккуратно, и в них я не нашел таких известий, но по нынешним временам всегда больше веришь дурному, чем хорошему. Если неправда, очень счастлив. Если правда, сердечно сожалею и сочувствую. Арест, конечно, вещь, подобная усам и бороде: без него теперь не возмужаешь. Но уж больно, говорят, пакостно обращаться стали с арестованными. Вот почему при известиях о каждой новой жизни молодой, очутившейся в тисках полицейских, сердце сжимается сильнее прежнего. От души желаю Вам, чтобы все кончилось хорошо.

Как идут Ваши издания Пушкина и Белинского? Последнего у меня семь томов. Не вышло ли новых? Пушкина — один. Недавно читал, что вышел третий. Если бы могли бы и прислали бы Вы мне их, был бы Вам весьма благодарен.² Я в последнее время в Пушкина по уши залез. Хочу написать статью «Пушкин и античный мир»: отношения к Тациту, Петронию, цитаты, Гораций, «Египетские ночи», «Цезарь путешествовал» и пр. Если в Вашем издании эта тема не отдана еще в другие руки, и если Вы не против того, я предложил бы Вам эту работу — этак к новому году, что ли.³ А еще исподволь

составляю я пушкинский словарь. Ну, на это время много уйдет, потому что в два месяца, среди прочих занятий, я едва успел покончить только «Руслана и Людмилу».

Много работаю. Газетная, публицистическая деятельность отпала почти совершенно. Но пишу роман (продолжение «Восьмидесятников»),⁴ редактирую Ферреро,⁵ проверяю и пускаю частями в печать «Зверя из бездны».⁶ Это последнее занятие и привело меня к той пушкинской теме, о которой я Вам писал выше.

Иллария Владимировна на днях будет в Петербурге и, конечно, объявится у Вас.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш Ал. Амфитеатров.

¹ Речь идет о старшем сыне Венгерова — Алексее Семеновиче (1881—1915), который был арестован в сентябре 1909 г.

² В письме от 14 января 1910 г. Амфитеатров благодарил Венгерова за полученные 2-й и 3-й тома Собрания сочинений А. С. Пушкина и поздравлял «с докторскою шапкою», имея в виду присуждение ученому степени доктора в Харьковском университете (1909).

³ В свой сборник «Антики» (СПб., 1909) Амфитеатров включил статью «Античный период Евгения Онегина». Участие Амфитеатрова в венгеровском издании не состоялось.

⁴ Имеется в виду роман-хроника «Девятидесятники» (СПб., 1910—1911. Т. 1—2).

⁵ См. п. 13, прим. 8.

⁶ Историческую хронику из эпохи Нерона «Зверь из бездны» Амфитеатров печатал частями, начиная с 1900 г. Полн. изд.: *Амфитеатров А. В.* Собр. соч. СПб., 1911—1914. Т. 5—8.

15. С. А. Венгеров — А. В. Амфитеатрову

2 (15) октября 1911 г. Петербург

С.-Петербург, 2 окт<ября> 1911 г.

Многоуважаемый Александр Валентинович!

Очень Вам благодарен за любезное приглашение принять участие в Добролюбовском № «Современника».¹ К сожалению, должен решительно отказаться: завален чрезмерно не терпящими отлагательства литературными обязательствами. К тому же я условно обещал Н. Ф. Анненскому дать что-нибудь для «Рус<ского> богатства»,² буде это что-нибудь вытанцуется. На самом деле ничего не напишу: боюсь очень. Вновь погрузиться в Добролюбова, которого не перечитывал лет 20, страшно.³

Но я Вам, тем не менее, могу предложить для ноябрьского № по части Добролюбова вот что: у меня сейчас находятся переданные Лит<ературному> фонду наследниками Чернышевского добролюбовские бумаги, в них ничего сногшибательного нет, но в юбилейные дни читатель ведь снисходителен. Если бы Вы какому-нибудь петербуржцу поручили, он бы мог что-нибудь выбрать и снабдить предисловием. Гонорар за Добролюбова пойдет Фонду, за предис-

слово — автору. Такого петербуржца я, может быть, указал бы Вам.⁴

Обо всем этом я уже говорил П. В. Быкову,⁵ но, видимо, он Вам ничего не сообщил.

Одновременно посылаю Вам чрез «Прометей» 2 тома своих сочинений.⁶ Какие у Вас имеются томы моего Пушкина? Своевременно конторе было отдано распоряжение посылать Вам томы по мере выхода, и, кажется, 1-ый том Вам послали. Но о том, дошли ли до Вас остальные, сведений не имею.⁷

Прошу передать сердечные поклоны мои Илларию Владимировне и Герману Александровичу, с которым виделся в Париже. Собирался я вернуться через Италию и, в частности, побывать в Специи, но не вышло.

С истинным уважением

С. Венгеров.

¹ В письме от 10 октября 1911 г. Амфитеатров приглашал Венгерова к участию в юбилейном номере журнала «Современник», посвященном Н. А. Добролюбову (в ноябре исполнилось 50 лет со дня смерти критика): «Многоуважаемый Семен Афанасьевич. Ноябрьский № „Современника“ будет почти весь (за исключением текущего романа) посвящен Толстому и Добролюбову. Не дадите ли Вы нам статью о последнем? Очень обрадовали бы. Статью хотелось бы иметь в лист».

² *Аппенский Николай Федорович* (1843—1912) — публицист, общественный деятель, с конца 1894 г. входил в редакцию журнала «Русское богатство», а после смерти Н. К. Михайловского (январь 1904) возглавил литературный комитет журнала.

³ Венгерову принадлежала статья «Н. А. Добролюбов» в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона (1893). В «Русское богатство» материалов о Добролюбове от Венгерова не поступало.

⁴ Возможно, имеется в виду молодой филолог и историк литературы В. Н. Княжин (Ивойлов). См. письмо 16, прим. 1.

⁵ *Быков Петр Васильевич* (1844—1930) — поэт, прозаик, историк литературы, библиограф. В 1911—1914 гг. — ответственный редактор «Современника» (утвержден 3 марта 1911 г.).

⁶ В 1911 г. в издательстве «Прометей» вышли два тома «Собрания сочинений С. А. Венгерова»: Т. 1. Героический характер русской литературы; Т. 2. Дружинин. Гончаров. Писемский.

⁷ См. п. 14, прим. 2.

16. А. В. Амфитеатров — С. А. Венгерову

31 октября 1911 г. Феццано

Fezzano. 1911. X. 31.

Многоуважаемый Семен Афанасьевич.

Только что возвратился из Парижа и спешу ответить на Ваше любезное письмо.

Очень рад воспользоваться для «Совр<еменника>» добролюбовскими бумагами.¹ Для скорости этого дела, будьте так добры — позвонить по телефону к издателю, П. И. Певину, которому я, как самому там у нас аккуратному человеку, поручаю переговорить и условиться с Вами и, в чем порешите, прекословить не стану.

От «Прометей» ничего не получал.²

Пушкина имею томы 1, 2 и 3. Если вышли дальнейшие, конечно, весьма был бы рад их иметь.

Жаль, что летом объехали наши края. В следующую поездку имейте их в виду, пожалуйста! У нас хорошо и все Вам будут рады.

Илл<ария> Вл<адимировна> и Герм<ан> Ал<ександрович>³ имеют приветы.

Желаю Вам всего хорошего. До свидания.

Ваш Ал. Амфитеатров.

¹ В юбилейном номере журнала была опубликована статья Е. В. Аничкова и В. Н. Княжнина «Дела и дни Н. А. Добролюбова» (1911. № 11. С. 241—286), в которой использовались материалы из архива Литературного фонда. Отдельной публикации в номере не было.

² См. п. 15, прим. 6.

³ Г. А. Лопатин.

17. А. В. Амфитеатров — С. А. Венгеру

18 апреля 1914 г. Леванто¹

Levanto, 18.IV. 1914.

Многоуважаемый Семен Афанасьевич!

Позвольте просить у Вас внимания для предьявителя этого письма, в высшей степени талантливом и замечательном человеке, русского скульптора Эрзы.² Мордвин по происхождению, выброшенный из России какою-то невинною политикою, он успел уже обратить на себя внимание и возбудить большие надежды за границею, как во Франции, так и в Италии, где выставлявшиеся им работы были всегда приветствованы очень лестно. Теперь стосковался и возвращается в отечество. Думаю, что возвращение для него не будет опасным, так как он ни в каких серьезных делах не участвовал и даже привлечен не был, а эмигрировал больше с перепуга, — а вдруг привлекут. Это замечательно оригинальный, скромнейший и, если хотите ознакомиться с ним ближе, приятнейший человек. Очень хотелось бы, чтобы он попал в Петербурге в среду хорошей интеллигенции, почему я и позволил себе адресовать его к Вам, зная, как Вы любите искусство и его способных представителей. Не думайте, что я направляю к Вам одного из так называемых «русских самородков». Несмотря на свое крестьянское происхождение и, действительно, самородное развитие, Эрзя — существо, вполне уже законченное и с «непризнанными гениями» общего не имеет. Художник с головы до ног и работник, каких мало. Человек он чрезвычайно самостоятельный, гордый, даже несколько суровый, в своем деле не искательный и, для практики жизни, немножко слишком прямой и уж очень слишком ребенок. Эксплуатирован и обобран он был, в своей профессии, бесконечное число раз: в Париже только ленивый его не грабил. Я очень просил бы Вас, если, может быть, найдется

в среде Ваших знакомых кто-либо, нуждающийся в скульптурных работах, не забыть об Эрзе. Его работы приобретены, между прочим, городским музеем в Ницце, а в Париже, Милане и даже здесь у меня хранится много готовых его произведений, между которыми имеются вещи прямо-таки замечательные, — например, только что оконченная им «Агриппина», сделанная им по моему «Зверю из бездны». Мне ужасно грустно было бы узнать, что Эрзя в Петербурге попал или в руки эксплуататора, или в какую-либо компанию, которая закружит его без всякой надобности, по великой слабости его характера. Спешу оговориться: слабость характера Эрзи ничего не имеет общего с тою пресловутою «слабостью», которая считается чуть ли не непременно спутницей русского таланта. Эрзя человек не пьющий и очень нравственный, даже немножко *prude*.^а Но он из тех людей, с которых ловкий встречный добрым словом и жалостливою миною может снять последний кафтанишко с плеч, что и бывало. А потом Эрзя остается без инструментов, без материала, без студии и — случалось — без пищи и крова. В то время, как на его работах наживали разные ловкие агентки десятки тысяч франков, этот Диоген ночевал под открытым небом в миланском *giardino pubblico*^б отнюдь не по любви к чистому воздуху. Но не буду больше распространяться. Если Вы проведете с Эрзей полчаса и заставите его разговариваться, и порассказать немного о себе, Вы сами сразу увидите, какой это человек и как много из него могут сделать хорошие руки и таковые же обстоятельства... Всяким вниманием к Эрзе глубоко меня обяжете. Извините, что я позволил себе Вас беспокоить.

Желаю Вам всего хорошего.

Ваш Ал. Амфитеатров.

На первом листе, в левом верхнем углу рукой Венгерова записан адрес Эрзи: «В<асильевский> О<стров>, 5 линия, д. 10, кв. 7. Степан Дмитриевич Нефедов (Эрзя)».

¹ В Леванто Амфитеатров приобрел в собственность виллу Оливьери, с которой вынужден был расстаться по материальным соображениям в 1923 г., уже в период послереволюционной эмиграции.

² Эрзя Степан Дмитриевич (наст. фамилия Нефедов, 1876—1959) — скульптор, мордвин по национальности (из народности эрзя, этническое самоназвание которой стало его псевдонимом). С 1904 по 1914 г. жил в Италии и Франции. В Ницце познакомился с русскими политэмигрантами, в том числе с Г. В. Плехановым и Г. А. Лопатиным, который и ввел его в семью Амфитеатровых. В Леванто Амфитеатров устроил для Эрзи мастерскую, где тот создал ряд произведений: скульптуру «Агриппина» (голова из мрамора), скульптурный портрет одного из сыновей Амфитеатрова («Мальчик с собакой»), фигуру Иоанна Крестителя для церкви в Фещцано. См.: *Сутеев Г.* Скульптор Эрзя: Биографические заметки и воспоминания. Саранск, 1968. См. также очерк Амфитеатрова «Эрзя» в его сборнике «Заметы сердца» (СПб., 1909. С. 153—158). У Амфитеатрова Эрзя прожил 4 месяца. В 1914 г., получив предложение от Алатырской городской думы об участии в организации музея его имени, возвратился на родину. Газета «Новь» откликнулась на его возвращение заметкой (без подписи) «Дым отечества», в которой рассказывалось о первых днях пребывания на родине:

^а излишне стыдливый, застенчивый (*франц.*).

^б общественный сад (*ит.*).

«Эрзи <sic!> за границей стал знаменитостью. В Петербурге знакомых не имеет. Приехал к профессору Венгеру с рекомендательным письмом Амфитеатрова. Венгер направил скульптора к Репину. В Финляндию. На обратном пути — арест! <...> Обыск. Допрос о знакомстве с Бурцевым. Охранное отделение. Жандармы. Одиочная камера. <...> и через *несколько дней* „свобода“, с предупреждением о *надзоре полиции!*» (Ночь. 1914. 21 мая, № 105). Номер газеты от 25 мая вышел с фотографией Эрзи и его работы «Распятый Христос», экспонировавшейся на Всемирной выставке в Риме в 1911 г. (Ночь. 1914. 25 мая, № 109, 1-я стр. обложки). Сохранилось 5 писем Эрзи к Амфитеатрову за 1911 и 1913 гг. (Amfiteatrov mss., Lilly Library).

«...ПАМЯТЬ МОЕГО НЕЗАБВЕННОГО ДРУГА МНЕ СЛИШКОМ ДОРОГА»

(В. С. Соловьев в письмах Файвеля Геца к Эрнесту Радлову)

Публикация Д. Белкина

Настоящей публикацией вводится в научный оборот источник, который существенно дополнит представления как об известном русско-еврейском журналисте и педагоге Файвеле Бенцилевиче Геце (1853—1931), так и о рецепции творчества многолетнего друга и корреспондента Геца, философа Владимира Сергеевича Соловьева (1853—1900), в первые годы XX в. Гец адресовал свои обстоятельные и насыщенные информацией письма другой центральной фигуре российского философского дискурса рубежа XIX и XX в., Эрнесту Львовичу (Леопольдовичу) Радлову (1854—1928), близко знавшему Соловьева, сотрудничавшему с ним и посвятившему Соловьеву львиную долю своих трудов, опубликованных в первые годы XX в.

Публикуются 47 писем Геца Радлову, написанных между январем 1909 г. и декабрем 1916 г. Письма хранятся в РО ИРЛИ в фонде Э. Л. Радлова (ф. 252, оп. 2, № 370).

Владимир Соловьев, а точнее — подготовка Э. Л. Радловым к печати второго издания его сочинений и томов писем философа — стали поводом для переписки. Первое Собрание сочинений В. С. Соловьева, как известно, было издано в 1901—1903 гг. братом философа, М. С. Соловьевым, и состояло из 8 томов. 9-й, дополнительный том, был выпущен в 1907 г. Во втором издании была также продолжена «родственная» линия: наряду с Э. Л. Радловым его подготовил к печати Сергей Михайлович Соловьев, сын Михаила Сергеевича и племянник Владимира Сергеевича Соловьева.¹ Это

¹ В письме Сергея Михайловича Соловьева к барону Давиду Горациевичу Гинцбургу, предлагавшему выпустить отдельным изданием статьи Соловьева о «польском» и «еврейском» вопросах, любопытно отражены проблемы подготовки второго издания сочинений Соловьева: «Глубокоуважаемый барон! К сожалению, не могу ответить Вам так, как мне хотелось бы ответить на Ваше милое письмо. Право первого издания сочинений Вл. Серг. (Соловьева. — Д. Б.) продано товариществу „Общественная польза“, и без его разрешения я не могу сейчас ничего Вам ответить. Но, если бы „Общественная польза“ и дало сейчас свое разрешение, то все же я не рискну выпустить отдельным изданием статьи о Талмуде и о Польском вопросе, по следующим соображениям. Первое издание В. С. скоро будет распродано, как сообщил мне Э. Л. Радлов. Наличие общедоступ-

10-томное Собрание сочинений выходило с 1911 по 1914 г. Под редакцией Э. Л. Радлова вышло соответственно в 1908, 1909, 1911 и 1923 гг. 4 тома писем Соловьева. Во втором томе помещены письма Соловьева Гецу.² В «Предисловии» к этому тому Э. Л. Радлов отнес письма к Ф. Б. Гецу (наряду с письмами к А. А. Киреву и «двумя-трем») письмами к кн. Д. Н. Цертелесу и А. А. Луговому) к письмам, представляющим «общий теоретический интерес», в отличие от остальных писем второго тома, имеющих «биографический характер».³ «Общий теоретический интерес» писем Соловьева Гецу заключается в том, что эти документы составляют квинтэссенцию темы «Владимир Соловьев и еврейство». 21 год знакомства⁴ Соловьева и Геца, их идейные взаимоотношения и совместные издательские проекты, «соловьевская» деятельность Геца в течение приблизительно 25 лет после смерти философа в 1900 г., по активности и уже по самой интенсивности упоминания имени Соловьева в статьях, брошюрах и письмах Геца не знающая себе равных, дают повод для подобного заключения.⁵ Стартовая позиция Геца в диалоге с Соловьевым — вопрос самому себе: что могут делать евреи в среде христианских (православных) интеллектуалов, гуманизм которых не ставится под сомнение (Толстой, Соловьев, Чичерин, Короленко; сложнее обстояло дело с Достоевским, близость Соловьева к которому первоначально смутила Геца⁶). Этот же вопрос составлял суть «стратегии защиты», разработанной Гецем — как самозащиты, так и опыта говорения от лица российского еврейства (я имею в виду его книгу «Слово подсудимому!» с предисловием Соловьева и с письмами Чичерина, Толстого, Короленко, уже набранную, но в 1891 г. запрещенную цензурой⁷). Для Соловьева же

ного издания статей о Талмуде и о Польск<ом> вопросе значительно понизит стоимость второго издания, чем рисковать я не могу...» (Отдел рукописей Российской национальной библиотеки, ф. 183, № 1086, л. 1 — письмо С. М. Соловьева Д. Г. Гиннбургу от 11 марта 1903 г.).

² Письма Владимира Сергеевича Соловьева / Под ред. Э. Л. Радлова. СПб., 1909. Т. 2. С. 134—191.

³ Там же. Т. 2. С. V.

⁴ См.: *Гец Файвель*. Некоторые воспоминания об отношении В. С. Соловьева к евреям // *Восход*. 1990. 13 авг., № 63. С. 30.

⁵ Здесь должны быть названы следующие главные «соловьевские» публикации Геца (Ф. Г.): *Ф. Г. Об отношении В. С. Соловьева к еврейскому вопросу* // *Вопросы философии и психологии*. 1901. Кн. 1 (56). С. 159—198 (отд. изд.: 1901 г.; второе издание, с приложением: М., 1902). Эта же статья перепечатана в сборнике «еврейских» статей Соловьева, выпущенном в 1925 г. берлинским издательством «Заря». См. выполненный Гецом перевод этой статьи на немецкий язык (с минимальными изменениями): *Goetz Faywel: Der Philosoph W. Solowioff und das Judentum / Mit d. Portrait u. Autogramm von W. Solowioff und autograph. Brief des Philosophen Fürst S. Trubezkoi*. Riga: Selbstverlag, 1927; Письма В. С. Соловьева Ф. Б. Гецу. СПб.: Типография т-ва «Общественная польза», 1909. (В 1909 же году письма Соловьева к Гецу были обнародованы в собрании писем Соловьева, изданных Э. Радловым и С. Лукьяновым). См. также «гецовскую» линию в публикации: *Соловьев В. С. Еврейский вопрос — христианский вопрос* (Собрание статей). Варшава: Правда, 1906. Кроме того, Гец постоянно ссылается на Соловьева как в своих многочисленных брошюрах, посвященных внутриеврейским проблемам (на пример: *М. Б. В свете правды*. М., 1908. С. 61), так и в своей обширной переписке. Все до сих пор известные письма Геца Соловьеву и Соловьева Гецу войдут в подготовленную Н. В. Котрелевым книгу «Владимир Соловьев. О еврействе», которая вскоре должна выйти из печати.

⁶ *Гец Ф.* Некоторые воспоминания ... С. 31.

⁷ *Ф. Г. Слово подсудимому!* С письмами графа Л. Н. Толстого, Б. Н. Чичерина, Владимира Сергеевича Соловьева и В. Г. Короленко. СПб.: Типография газеты «Новости», 1891 (репринт: Тель-Авив, 1971).

встреча с «Другим» в лице Геца была встречей с еврейством как таковым. В провинциальном ровеснике он нашел: а) наставника на «интеллектуально-бытовом» уровне постижения еврейства (многолетние уроки древнееврейского, совместное чтение Торы, Пророков и ряда основных трактатов Талмуда (Авот, Авода Зира, Шаббат и др.);⁸ знакомство с правилами кошрута и даже открывшаяся возможность шуточно обыгрывать тему кошерного вина в обществе православных священников;⁹ б) важнейшего объекта реализации его, Соловьева, индивидуального «Не могу молчать!» (активное участие Геца в составленном Соловьевым «Протесте против антисемитического движения в печати»¹⁰); в) носителя близкого ему типа религиозности.

В письмах Ф. Б. Геца к Э. Л. Радлову Соловьев «присутствует» фактически в каждом письме. Помню обсуждения проблем, связанных с изданием писем философа, Гец постоянно ссылается на авторитет покойного друга и его суждения, высказывает свое отношение к соловьевские начала вска, и прежде всего к работам Е. Н. Трубицкого¹¹ и самого Э. Л. Радлова¹² о Соловьеве. В посланиях Радлову Гец ведет речь о многочисленных письмах В. С. Соловьева, передать которые Радлову для публикации он не смог, так как они были потеряны одним из лидеров российского сионизма, И. А. Гольдбергом, которому Гец отдал их на хранение.¹³ Это упоминание многочисленных доселе неизвестных писем Соловьева, само по себе сенсационное, весьма существенно для соловьевоведения, особенно в связи с выходящим новым российским Собранием сочинений Соловьева, которое будет включать и 5 томов писем.¹⁴

Другие направления писем Геца Радлову могут быть представлены следующими тематическими блоками: 1) Стремление Файвеля Геца представить Э. Л. Радлову, многолетнему редактору «Журнала Министерства народного просвещения» и крупнейшему российскому философу и историку философии,¹⁵ свои педагогические и философские труды;¹⁶ 2) Положение российского еврейства, реакция на антисемитские публикации в прессе;¹⁷ 3) Обсуждение общеполитических и богословских тем;¹⁸ 4) Просьбы о посредничестве, протекции родственникам, помощи;¹⁹

⁸ См. упомянутые статьи Геца о Соловьеве.

⁹ Соловьев В. С. Письма / Под ред. Э. Л. Радлова. СПб., 1909. Т. 2. С. 181. Переизданы: Соловьев В. С. Письма и приложение: Фототипическое издание. Брюссель, 1970.

¹⁰ О «Протесте» см. в прим. к письму 3.

¹¹ Письма 31—32.

¹² Основные «соловьевские» тексты Радлова упоминаются в примечаниях к ниже публикуемым письмам.

¹³ Подробно об этом см. письмо 17 и прим. к нему.

¹⁴ Соловьев В. Полное собрание сочинений и писем в двадцати томах. М., 2001. Вышло в свет 3 тома.

¹⁵ Можно назвать следующие основные труды Э. Л. Радлова: Введение в философию. Пг., 1919; К. Гельвеций и его влияние в России. Пг., 1917; Чарльз Диккенс. Берлин; Пг., 1922; Логика. СПб., 1880; Несколько замечаний о философии Н. Н. Стрехова. СПб., 1890; Отношение Вольтера к Руссо. М., 1890; Очерк истории русской философии. Пг., 1920; Владимир Соловьев. Жизнь и учение. СПб., 1913; Учение Владимира Соловьева о свободе воли. СПб., 1911; Философский словарь. Логика, психология, этика, эстетика и история философии. СПб., 1909; Характер творчества Владимира Соловьева. СПб., 1909; Этика. Пг., 1921.

¹⁶ Письма 1, 3—5, 9, 17, 24, 40, 43, 44.

¹⁷ Письма 12, 13, 17, 18, 20, 23, 33, 45.

¹⁸ Письма 4, 20, 27, 39, 40.

¹⁹ Как правило, речь шла о протекции ему, Гецу, либо о сложностях, возникавших у родственников Геца в связи с российским ограничительным законодательством в от-

5) Другая информация личного характера, в частности, сообщение о смерти супруги Геца.²⁰

Файвель Гец был не единственным, с кем Э. Л. Радлов обсуждал тему «Соловьев и еврейство». В фонде Э. Л. Радлова содержатся письма к нему философа и журналиста С. О. Грузенберга, занятого составлением обстоятельной статьи о Владимире Соловьеве для многотомной «Еврейской энциклопедии»²¹ и обращавшегося к Радлову с просьбами предоставить недоступные ему сочинения Соловьева.²²

На основании писем Геца представляется достаточно сложным реконструировать отношение Радлова к теме «Соловьев и еврейство». Судя по реакции Геца, мы имеем дело с лаконичными корректными и конкретными ответами Радлова на вопросы его корреспондента. Но Э. Л. Радлов прямо высказывается по этому поводу в книге «Владимир Соловьев. Жизнь и учение»: «...борьба Владимира Соловьева против национализма естественно должна была привлечь к Соловьеву все элементы, которые так или иначе страдали от националистической политики; это в особенности относится к полякам и евреям. На евреев Соловьев смотрел глазами верующего христианина, т. е. он не забывал о том, что это народ избранный и предназначенный для богорождения. К числу евреев, с которыми философ поддерживал близкие отношения, следует отнести семью барона О. Гинцбурга; в особенности — гебраиста бар. Давида Горацевича Гинцбурга. Еврейскому языку Соловьев учился у Файвиль Бенциловича Геца (см. Письма Соловьева к Гецу; том 2-ой), который после смерти философа напечатал о нем несколько статей в „Вопросах философии“ и „СПб. Ведомостях“. Соловьев несколько не старался прикрывать неприятные черты еврейского народа; он сам неоднократно страдал от них и, конечно, в гораздо большей степени, чем те лица, которые в печати стремятся объяснять все беды России „засильем“ евреев... Еврейских и польских друзей Вл. Соловьева можно назвать политиками по преимуществу, ибо сближение их с философом первоначально происходило на почве политической; к этой же группе следует отнести и русских либералов, которые ценили философа как талантливую защитника свободы совести и слова».²³ Последний пассаж, даже несмотря на его явно негативную тональность в отношении «политиков», можно считать актуальным, поскольку именно этот, политический (или религиозно-политический) аспект публицистики Соловьева (в частности, его «еврейских» статей) выделяется в сегодняшнем соловьевоведении.²⁴

ношении евреев (главным образом, в том, что касается приема в высшие учебные заведения). Письма 21—23, 28, 42, 46. Заметим, что с подобными просьбами обращались к Э. Л. Радлову и намного более влиятельные фигуры, чем Гец, в частности, барон Д. Г. Гинцбург, хлопотавший о восстановлении права на образование «барышни Рапорт» и мотивировавший свое обращение к Радлову следующим образом: «...1) Вы — добрый человек; 2) девица — умна, честна и трудолюбива...» (РО ИРЛИ, ф. 252, оп. 2, № 375, л. 8 — письмо Д. Г. Гинцбурга к Э. Л. Радлову от 7 марта 1908 г.).

²⁰ Письмо 35.

²¹ *Грузенберг С. О.* Соловьев Владимир Сергеевич // *Еврейская энциклопедия*. СПб., 1912. Т. 14. С. 445—447.

²² РО ИРЛИ, ф. 252, оп. 2, № 444, л. 15, 26—26 об. и др. (письма С. О. Грузенберга к Э. Л. Радлову).

²³ *Радлов Э. Л.* Владимир Соловьев... С. 26—27.

²⁴ См., к примеру: *Gaut G.* Can a Christian be a Nationalist? *Vladimir Solov'ev's Critique of Nationalism // Slavic Review*. 1998. Vol. 57, № 1. P. 77—94; *Halperin J.* Vladimir Soloviev Listens to Israel: The Christian Question // *Immanuel*. 1994. № 26/27. P. 198—210; *Kornblatt J. D., Rosenshield G.* Vladimir Solovyov: Confronting Dostoevsky on the Jewish and Christian Questions // *Journal of the American Academy of Religion*. 2000. Vol. 68, № 1. P. 69—98; *Bar-Yosef H.* The Jewish Reception of Vladimir Solov'ev // *Vladimir Solov'ev*:

И Гец, и Радлов (непосредственно участвовавший под началом Соловьева в подготовке философских статей для Словаря Брокгауза и Ефрона) находились под сильным воздействием личности и учения В. С. Соловьева, и сходились в необходимости почитания памяти покойного философа и подчеркивания его роли в российском интеллектуальном дискурсе. Э. Л. Радлов говорил о том, что Соловьев обладал «тем, что единственно ценно в мире, т. е. доброю волею, доброю сердцем».²⁵ Ф. Б. Гец конкретизировал эту комплиментарность и писал, что «мы не будем иметь полного и верного представления об идеальной личности этого выдающегося мыслителя, этого вдохновенного публициста и этого нравственного подвижника, если упустим из виду его отношение к евреям и еврейству».²⁶ Можно спорить о том, как воспринял бы подобные оценки сам объект этой комплиментарности, Владимир Сергеевич Соловьев. Очевидно, однако, что он стал центром притяжения для ряда интеллектуалов начала XX в., «группировавшихся» по принципу принадлежности к «соловьёвству». И гецовские письма Радлову — важный элемент этого «соловьёвства».

Файвель Гец не был, как многие русские и еврейские интеллектуалы конца XIX в., в той или иной степени озабочен политической реализацией проблем национального; национальный мессенизм с последующим глубоким разочарованием в нем не был основным «нарративом» Геца (как это было в случае Соловьева). Гец просто искал возможности сохранить близкую ему гармонию еврейской религиозной жизни и пытался, главным образом благодаря общению с «незабвенным другом», сделать маленькую интеллектуальную карьеру в России. В Геце отнюдь не было нравственного и психологического надлома Альберта Ковнера, еврейского корреспондента Федора Достоевского, а потом и Василия Розанова.²⁷ Но гецовский опыт «гармонизаторства» был драматичен. Появившись на горизонте Владимира Соловьева, Файвель Гец помог христианскому мыслителю прояснить для себя основания еврейства, не только нуждавшегося в поддержке российской общественности, но именно талмудического нудизма как религиозной системы. Эту соловьевскую зетафету Гец стремился продолжить в письмах к Э. Л. Радлову, но уже в совсем ином интеллектуальном и политическом контексте.

Необходимо сделать одно замечание формального порядка. Файвель Гец, для которого русский язык не был родным, практически безошибочно изъяснялся и писал на нем. Неточности (прежде всего стилистические) в его письмах, однако, встречаются. В целях сохранения аутентичности стиля оригинала я решил не «корректировать» тексты, ограничившись лишь пометкой «так» в случаях, когда речь идет о подобных ошибках и неточностях. Орфография и пунктуация писем приведены в соответствие с современными нормами.

Reconciler and Polemicist / Ed. by W. van den Bercken, M. de Courten and E. van der Zweerde. Leuven; Paris; Sterling, Virginia, 2000. P. 363—393 (Eastern Christian Studies; 2); *Белкин Д.* «Еврейский вопрос» как «христианский вопрос»: к интерпретации одной формулы В. С. Соловьева // Соловьёвский сборник / Под ред. И. В. Борисовой и А. П. Козырева. М., 2001. С. 467—474.

²⁵ Радлов Э. Л. В. С. Соловьев. Биографический очерк // Соловьев В. С. Собрание сочинений. Брюссель, 1966. Т. 10. С. XVIII. — Репринт.

²⁶ Гец Ф. Б. Об отношении Вл. С. Соловьева к еврейскому вопросу // Вл. Соловьев. Pro et Contra. СПб., 2002. С. 695.

²⁷ Гроссман Л. Исповедь одного еврея. М.; Л., 1924. Перезданные: 2001.

21 января (3 февраля) 1909 г. Вильна

Вильна, Тамбовская 6.
21.1.09.

Многоуважаемый Эрнест Львович!

Душою рад хоть косвенно содействовать Вам в осуществлении предпринятого Вами весьма ценного издания, которое и по сути своей и по своей цели мне в высшей степени симпатично. К глубочайшему моему прискорбию, вследствие несчастного случая, заставившего меня отдать значительное количество писем незабвенного друга на хранение, тех именно писем, которые по своему содержанию боялся держать у себя, эти письма пока пропали, и у меня осталось их всего 33, из коих 3 личного характера, а остальные 30 препровождаю при сем с покорнейшею просьбою: те имена и места, которые я отметил карандашом, не печатать. Посылаю Вам также одно напечатанное уже в очень мало распространенной брошюре, изданной книгоиздательством «Правда» 1906, письмо ко мне, о перепечатании которого я Вас убедительнейше прошу в интересах еврейства, в пользу которого покойный друг и написал его.¹ Прилагаю и письмо Вл. С. Сол. Майкову,² которое, по его желанию, я не передал последнему. Об этом же письме упоминается несколько раз в письмах ко мне. Единственное условие, которое я ставлю — немедленно, по снятии копий возвратить мне все письма заказным и изготовить 100 оттисков на мой счет. За присылку отпечатанного тома я буду Вам очень обязанным.

С глубочайшим почтением

Ф. Гец.

¹ Речь идет о письме-предисловии Соловьева к книге «Слово подсудимому!». См. письмо 2 и прим. 2 к нему.

² Имеется в виду письмо Аполлону Николаевичу Майкову (1821—1897), в котором Соловьев рекомендует Геца как человека с «выдающимися способностями» и «прекрасными нравственными качествами», и «в теории, и в жизни» держащегося «консервативного, строго-религиозного направления», искренне желающего «сближения еврейства с христианством в области высших духовных интересов». Все это делает Геца способным «с успехом и пользой вести дело издания еврейского журнала» (см.: *Соловьев В. С. Письма / Под ред. Э. Л. Радлова. СПб., 1909. Т. 2. С. 156. Далее: Письма*). В напечатанном перед ним письме Соловьева от 23 февраля 1888 г. последний рекомендует Гецу «лучше не ходить» к Майкову, так как «он и прежде меня не долюблял, а теперь (после статьи в „Вестнике Европы“), должно быть, совсем сердит. К тому же он крайний юдофоб» (Письма. С. 155).

25 января (7 февраля) 1909 г. Вильна

Вильна, Тамбовская 6.
25.01.09.

Глубокоуважаемый Эрнест Львович!

Брошюра, из которой я вырезал письмо В. С. Соловьева ко мне, озаглавлена: Владимир Сергеевич Соловьев. Еврейский вопрос — Христианский вопрос. Собрание статей. Книга издательство (так. — Д. Б.) «Правда» 1906.¹ Означенное письмо появилось впервые в конфискованной моей книжке: Слово подсудимому. С письмами Л. Н. Толстого, Б. Н. Чичерина, В. С. Соловьева и В. Г. Короленко, Ф. Г. С. Петербург. Типография Новости 1891 г. Письмо В. С. Соловьева появилось «(Вместо предисловия)».²

Второпях я не успел сортировать письма хронологически и снабдить их некоторыми замечаниями, которые я готов сделать, если Вы соблаговолите прислать мне корректуру в гранках.³

Одновременно с сим я посылаю Вам «заказной бандеролью» свою брошюру «В свете правды» «М. Б.»⁴ В интересе дела (так. — Д. Б.), для которого она написана, позволяю себе покорнейше Вас просить, не найдете ли Вы возможным поместить о ней отзыв в издаваемом Вами журнале. Брошюра предназначена для учащейся молодежи по преимуществу и, помимо своей публицистической тенденции, она заключает в себе кое-что строго научное, в особенности о началах права собственности по иудаизму, причем мною высказано нечто в литературе совершенно новое, и посему я полагал бы, что отзыв о ней в «Ж<урнале> М<инистерства> н<ародного> пр<освещения>» был бы весьма уместен. П. Безобразов посвятил ей обширную передовую статью в «С<анкт>-П<етербургских> вед<омостях>» и как мне передали, и кн. Е. Трубецкий в своем «Моск<овском> еженед<ельнике>».⁵ Нечего сказать, что Вы отзывом о названной моей брошюре, каков он ни был, оказали бы мне лично великую услугу, за которую я был бы Вам очень и очень благодарен.

Убедительнейше прошу любезно соблаговолить заказать 200 экз. отписков писем В. С.⁶ ко мне на мой счет.

За присылку I тома писем⁷ я наперед скажу Вам сердечное спасибо.

С глубочайшим почтением и душевной преданностью

Ф. Гец.

¹ Соловьёв В. С. Еврейский вопрос — христианский вопрос (Собрание статей). Варшава: Правда, 1906.

² Речь идет об упомянутой во вступительной статье запрещенной цензурой книге Геца «Слово подсудимому!», первая часть которой содержит письма Л. Н. Толстого, В. Г. Короленко, В. С. Соловьева. Обстоятельное письмо Соловьева к Гецу (с. XV—XXVII) было напечатано последним в списке писем и снабжено примечанием «Вместо предисловия». Письмо было опубликовано Э. Л. Радловым во втором томе «Писем» В. С. Соловьева (СПб., 1909. С. 163—172). Последняя публикация осуществлена

Н. В. Котрелевым в издании: *Соловьев В. С. Сочинения: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 296—304.* В другом письме (от 21 марта 1891 г.) Соловьев дает Гецу совет по поводу названия данной книги — «Слово подсудиному, с неизданными письмами гр. Л. Н. Толстого, В. С. Соловьева и В. Г. Короленко» (Письма. С. 162), что и было осуществлено автором, только после слова «подсудиному» следовал восклицательный знак, вместо «с неизданными письмами» было напечатано «с письмами», а имя Соловьева «Владимир Сергеевич» было написано полностью. Книга Геца была запрещена цензурой. Запрет был аргументирован следующим образом: «...Сторонники евреев, которые также привлечены в начале как протест против борьбы с семитизмом, уже не скрываясь под маскою христианской любви громят христианство у нас в России» (далее речь идет о статьях Толстого и Соловьева). «Основной чертой сочинения» цензор В. Ребров называет «уверенность автора-еврея в преимуществе семитов... подкрепленную авторитетом русской прессы...». Цензор полагает, что «вредная защита еврейства на счет христианства и русской народности» делает опубликование книги невозможным (Российский государственный исторический архив, ф. 777, оп. 4, № 52: Дело С.-Петербургского Цензурного Комитета 1891 г. о бесцензурной книге «Слово подсудиному». Началось 20 марта 1891 г., л. 4—6 об.). После запрещения книги цензурой тираж был уничтожен. С одного из сохранившихся экземпляров была снята фотокопия и перездана в Тель-Авиве в 1971 г. Книга Геца цитируется здесь именно по этому изданию.

³ 35 писем Соловьева Гецу, автобиография философа, написанная для его друга, и статья Соловьева «Грехи России» были опубликованы Радловым в уже упомянутом здесь втором томе «Писем» Соловьева (с. 134—191). Переписка Геца и Соловьева, включающая письма обоих, готовится к печати Н. В. Котрелевым.

⁴ М. Б. В свете правды. М., 1908. — Авт.: Ф. Гец.

⁵ Научный сотрудник Санкт-Петербургского Института иуданки Анатолий Ильич Хаеиш просмотрел по моей просьбе «С.-Петербургские ведомости» за 1908 и 1909 г. В № 207 за 1908 г. им была обнаружена статья П. Безобразова «Вопросы дня», посвященная трудностям получения высшего образования женщинами. Ссылки на брошюру Геца или упоминания его имени в статье нет. Можно предположить, что Гец, чья брошюра «В свете правды» посвящена, в частности, проблемам учащейся молодежи, имеет в виду именно эту статью Безобразова. Рецензия в «Московском еженедельнике», издававшемся Е. Н. Трубецким до осени 1910 г., не обнаружена. А. И. Хаеиш просмотрел статьи о высшей школе (составляющие большинство публикаций Трубецкого в «Московском еженедельнике»), но статьи, посвященной брошюре Геца, не обнаружил.

⁶ Владимира Соловьева. В дальнейшем сокращения Геца «В. С.», «В. С. С.», «Вл. С. С.» расшифровываться не будут.

⁷ Имеется в виду первый том «Писем» В. С. Соловьева под редакцией Радлова (СПб., 1908).

№ 3

28 января (10 февраля) 1909 г. Вильна

Вильна, Тамбовская 6. 28.1.9.

Глубокоуважаемый Эрнест Львович!

В письмах Вл. Соловьева ко мне упоминается о статье «Грехи России» и о подписях под «Протест против антисемитического движения» (так. — Д. Б.). По разным причинам эти его статьи не могли появиться в свое время, и я поместил первую в № 37, 1905 г. «Рассвета» кн. Эсп. Э. Ухтомского,¹ а последнюю в II изд<ании> моей брошюры «Об отношении Вл. С. Соловьева к еврейскому вопросу» 1902.² Но как № 37 «Рассвета», так и распроданная моя брошюра в

настоящее время не доступна публике, и посему, я полагал бы, было бы уместно поместить их в II т. «Писем» сейчас за его письмами ко мне и снабдить ст<атью> «Грехи России» заметкою ко мне, написанной В. С. синим карандашом на обратной стороне последней. Прилагаю при сем как рукопись названной статьи, так и напечатанный как «приложение» протест, и в интересах дела я бы Вас очень и очень просил бы напечатать их в II т.³

Мую брошюру «В свете правды» Вы, надеюсь, уже получили. Позволю обратиться Ваше внимание на гл. V «Идейная беспочвенность классово́й борьбы в еврействе».⁴

Сердечное спасибо за присылку I т. «Писем» Вл. С. С.

С глубочайшим почтением и душевной преданностью

Ф. Гец.

¹ *Ухтомский Эспер Эсперович* (1864—1921) — почитатель творчества В. Соловьева. Долгие годы редактировал «Санкт-Петербургские ведомости», был близок в начале 1890-х годов будущему императору Николаю II, которого сопровождал в его путешествии на Восток, о чем написал обстоятельные записки (Путешествие на Восток его императорского высочества государя наследника цесаревича. 1890—1891. СПб.; Лейпциг, 1893—1897. Ч. 1—6). Во многом определял внешнеполитическую линию правительства С. Ю. Витте. Об Ухтомском в связи с В. С. Соловьевым см.: *Межуев Б.* Вл. Соловьев и петербургское общество 1890-х годов // Соловьёвский сборник / Под ред. И. В. Борисовой и А. П. Козырева. М., 2001. С. 409—418; Материалы к биографии Вл. Соловьева (Из архива С. М. Лукьянова) / Публ. А. Н. Шахнова // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. М., 1992. Т. 2—3. С. 391—402.

² *Гец Ф.* Об отношении В. С. Соловьева к еврейскому вопросу. Второе издание, с приложением. М., 1902. Как и в первом отдельном издании 1901 г., здесь воспроизводится одноименная статья Геца, впервые помещенная в «Вопросах философии и психологии» (1901. Кн. 56, № 1. С. 159—198).

³ Обе просьбы Геца были удовлетворены. Составленный Соловьевым в мае 1890 г., подписанный представителями либеральной общественности российских столиц и запрещенный к публикации в России «Протест против антисемитического движения в печати» был напечатан после письма Соловьева Гецу, написанного в мае 1890 г., в котором Соловьев сообщает о найденных им новых подписантах (Письма. С. 159—161). Перепечатан в двухтомнике сочинений Соловьева, изданном в 1990 г. (с. 281). Статья «Грехи России» во 2-м томе «Писем» (с. 187—191), в издании 1990 г. — с. 207—211.

⁴ Основной тезис Геца заключался в том, что у евреев в России напрочь отсутствует «антагонизм между еврейской массой и остальными классами еврейского населения, который подпольная организация во что бы то ни стало желает вызвать». См.: *М. Б. В свете правды.* М., 1908. С. 17. — Авт.: Ф. Гец.

№ 4

1 (14) февраля 1909 г. Вильна

Вильна, Тамбовская б.
1.2.9.

Высокоуважаемый Эрнест Львович!

Задумавшее Вас спасибо за предстоящий отзыв о моей брошюре, я сожалею только о том, что Вы не взяли себе труд прочесть V главу

моей брошюры,¹ Вы бы тогда убедились, что она не исключительно политического характера, что она имеет и некоторую строго научную ценность, внося в теорию о началах частной собственности нечто совершенно новое. Ваше мнение по этой части было бы для меня в высшей степени ценно, именно потому, что мною в V гл. выказанное принадлежит мне и теорию частной собственности и аграрного закона в древней Иудее (так. — Д. Б., правильно: Judäa — Иудея) я в настоящее время разрабатываю в обстоятельной монографии. Первые контуры моей теории я набросал в моей брошюре «О характере и значении еврейской этики», в 1882 г.,² которая в свое время была одобрена Н. Б. (так. — Д. Б., правильно: Б. Н.) Чичериным и Вл. С. Соловьевым. Суть моей теории заключается в том, что иудаизм старался примирить видовое равенство с индивидуальным различием людей, руководствуясь при этом *principium rationis*,³ другими словами, иудаизм старался установить разумный компромисс, или найти аппроксимативный³ эквивалент между разнородными величинами, заключающимися, с одной стороны, в равных их претензиях на удел в высшем мире, как равных существ, как людей, не могущих существовать без пользования «полезностями» окружающего мира и превращения их в «ценности», а с другой стороны, в их индивидуальных неравных силах как «неделимых» в деле разработки, или превращений «полезностей» в «ценности». Отсюда явилась ограниченная разными законами частная собственность, имеющая свое начало в справедливости и разуме, а не в силе захвата, в *jus belli*⁶ Римлян. На этом же начале жидется (так. — Д. Б.) и аграрный закон древней Иудеи, равно как и право государства наказывать за нарушение неприкосновенности личности и личной свободы или обуславливаемой частной собственностью, которое служит как бы залогом, обеспечивающим их нерушимость и неприкосновенность, в чем и заключается общность гражданского и уголовного права, равно как и права и нравственности, *leges cogentes* и *leges incogentes*.⁶ — Основа у них всех один и тот же принципиум рационалистическим способом вывести из него эти, на первый лишь взгляд, столь различные дисциплины и формы дозволенного и недозволенного. Зная, что имею пред собою дисциплинированный и опытный ум многостороннего философа, я ограничиваюсь лишь намеками, в полной уверенности, что Вы меня поймете. Простите великодушно неразборчивость письма и нескладность изложения, я тороплюсь отъездом в Москву на несколько дней.

Печатные статьи мне не нужны и в их возвращении мне нет надобности. Примечаний сделаю весьма мало и скато: я главным образом желал бы привести письма в хронологический порядок, и по сему мне весьма желательно было бы получить набор в гранках. Если III т. «Писем» В. С. С. еще не скоро выйдет, тогда я надеюсь доставить Вам для него те письма В. С., которые я по особым обстоятельствам дал на хранение одному лицу, которое ныне пребы-

¹ разумным, рациональным принципом (*лат.*).

⁶ право войны (*лат.*).

³ законы принудительные и законы непринудительные (*лат.*).

вает за границую. Я нашел у себя отрывок большого письма В. С. ко мне, хотя и личного содержания, но не без литературного интереса, но для понимания его потребуется обстоятельного объяснения (так. — Д. Б.). Доставить ли его Вам? С искреннейшим почтением.

Ф. Гец.

¹ Название главы брошюры Геца «В свете правды»: «Идея частной собственности по юданizmu, ее состояние». Обсуждаются следующие темы: «индивидуализм и индивидуальное различие людей, равенство человеческого рода и равноправие, справедливость» (с. 36).

² Гец Ф. О характере и значении еврейской этики. [Б. м.], 1882.

³ От новолатинского «*carrochimare*» — «постепенно приближаться»: сближающий, делающий возможным сближение.

№ 5

7 (20) февраля 1909 г. Вильна

Вильна, Тамбовская 6.
7.2.9.

Глубокоуважаемый Эрнест Львович!

Препровождаю при сем копию отрывка письма Вл. С. ко мне, снабженную примечанием, необходимым для понимания содержания отрывка.

Прочитав сегодня письмо Вл. С. ко мне, напечатанное вместо предисловия к моей книжке «Слово подсудимому», я заметил, что оно более обширно, чем в вырванных страницах из брошюры, изданной книгоиздательством «Правда», которую я Вам послал. Ввиду этого я отправил Вам названную книжку «ценной посылкою», чтобы Вы сумели сличить тексты этого письма. У меня имеется почти готовая статья, строго научная, о талмудической педагогике и школьном строе. Не найдете ли возможным поместить в «Журнале» М<инистерства> н<ародного> пр<освещения>. Для того чтобы Вы могли познакомиться с моими педагогическими взглядами, я позволяю себе одновременно с сим отправить Вам 3 педаг<огических> доклада, изданные Обществом «Семья и школа» и удостоившиеся благодарности М<инистерства> Н<ародного> пр<освещения>.¹

Задушевное спасибо за присылку моих писем. За исключением одной недостающей карточки В. С., я все письма получил в хорошем состоянии.

Постараюсь, елико возможно, достать остальные письма В. С. ко мне, среди которых имеются весьма ценные.

С совершеннейшим почтением и задушевной преданностью

Ф. Гец.

¹ Речь идет, видимо, о брошюрах: Доклад Ф. Б. Геца «О национализации школы», читанный на общем собрании общества «Семья и школа» 30 апреля 1906 г. Вильна, 1906; Ф. Г. Необходимые исправления в хедере. СПб., 1902. — Авт.: Ф. Гец.

№ 6

22 февраля (7 марта) 1909 г. Вильна

Вильна, Тамбовская 6.
22.II.9.

Глубокоуважаемый Эрнест Львович!

Роясь в своих бумагах, я натолкнулся на письмо Вл. С. Соловьева, которое при сем препровождаю вместе с отрывком одного письма исключительно личного характера (за исключением сего отрывка). По снятии копии с письма (копию с отрывки я Вам послал уже) прошу почтительнейше мне возвратить его вместе с отрывком по сличении последнего с копией.

Заваленный служебными поручениями, я еще не успел закончить свою статью «Талмудическую педагогику».

С совершеннейшим почтением и душевной преданностью

Ф. Гец.

№ 7

26 февраля (11 марта) 1909 г. Вильна

Вильна, Тамбовская 6.
26.II.9.

Глубокоуважаемый Эрнест Львович!

Визитную карточку Вл. С. Соловьева, как и его два письма, я получил. Ожидаю с нетерпением корректуры в гранках. Если Вы уже успели сличить письмо В. С. ко мне, изданное в брошюре «Еврейско-христианский вопрос» изд. «Правдой», с тем же письмом в моей книжке «Слово подсудимому», я бы Вас попросил возвратить мне последнюю. Этот (так. — Д. Б.) единственный экземпляр, который мне удалось спасти от конфискации.

Простите великодушно, если позволяю себе утруждать Вас покорнейшею просьбою сообразоволи выслать мне несколько оттисков с отзыва о моей книжке «В свете правды», который Вы любезно поручили составить для «Жур<нала> М<инистерства> Н<ародно-го> просвещ<ения>». Вы меня этим весьма и весьма обяжете.

Надеюсь на днях Вам доставить юмористическое стихотворение В. С. Соловьева, направленное против известного кн. Мещерского, которое, насколько мне известно, нигде еще не появилось.¹ В. С. подарил мне это стихотворение, а у меня взял последнее знакомый петербуржец, чтобы снять копию. Я написал этому лицу и уверен, что получу если не подлинник с данного стихотворения, то, по крайней мере, копию с него.

С совершенным почтением и искренней преданностью

Ф. Гец.

¹ Редактору ультраконсервативной газеты «Гражданин» кн. В. П. Мещерскому (1839—1914) Соловьев адресовал шуточное стихотворение «Знаменитому гражданину», написанное 19 апреля 1887 г. в Воробьевке, имени А. А. Фета. Стихотворение помещено в «Собрании сочинений» В. С. Соловьева (Брюссель, 1970. Т. 12. С. 128); печатается там по 7-му изданию его стихотворений (М., 1921):

О ты, средь неевского содома
Хранящий сердце в чистоте!
Твоею мудростью блюдома
Русь шествует к своей мечте.

И скоро, скоро заблужденья
Она отраву изблюет
И на руинах просвещенья
Благонамеренно заснет.

И если сон сей величавый
И посетят еще мечты, —
О, не страшись: в сияньи славы
Ей будешь сниться только ты.

Также известна эпиграмма «Гимн», написанная в августе 1887 г.:

Содома князь и гражданин Гоморры
Идет на Русь с «газетой большой».
О боже! Суд свой праведный и скорый
Яви, как встарь, над гнусностью такой.

Напечатано в 6-м издании «Стихотворений» В. С. Соловьева (М., 1915. С. 275).
Издано З. Г. Минц в книге: *Соловьев В. С. Стихотворения и шуточные пьесы*. Л., 1974. С. 148. Как станет ясно из комментариев к следующему письму, Гец имеет в виду другие эпиграммы Соловьева.

№ 8

2 (15) марта 1909 г. Вильна

Вильна, Тамбовская б.
2.III.9.

Многоуважаемый Эрнест Львович!

Препровождаю при сем юмористическую эпиграмму Вл. С. Соловьева, о которой я Вам сообщил в своем последнем письме. Как мне пишет г. Каплан из Петербурга, который взял у меня эпиграмму, чтобы списать копию, он опубликовал ее в № 508 от 23 сентября 1908 г. в «России» Амфитеатрова.¹

С совершеннейшим почтением

Ф. Гец.

¹ *Амфитеатров Александр Валентинович* (1862—1938) являлся одно время сотрудником «Нового времени», в чем потом публично покаялся. С 1899 г. издавал газету «Россия», придерживавшуюся общественно-критического направления. Автор воспо-

минаний о Соловьеве: В. С. Соловьев. Некролог. Две встречи // Литературный альбом. СПб., 1904. С. 267—296. Об Амфитеатрове см.: Русские писатели. 1800—1917: Энциклопедический словарь. М., 1989. Т. 1. С. 60—61. В 1908 г. редактором-издателем «России» был не Амфитеатров, а Г. П. Сазонов. В № 508 «России» были напечатаны «Две эпиграммы, приписываемые Вл. С. Соловьеву (сообщено г. Капланом)»:

- 1) Израиля ведя стезей чудесной,
Господь зараз два чуда совершил:
Отверз уста ослице бессловесной
И говорить пророку запретил.

Далекое грядущее таилось
В сей повести первоначальных дней,
И ныне казнь Моава совершилась —
Увы!.. над бедной родиной моей.

Гонима, Русь, ты беспощадным роком,
Как некогда неверный Билеам;
Заграждены уста твоим пророкам,
И слово вольное дано твоим ослам.

- 2) Каюсь, древняя ослица, я тебя обидел дерзко:
Ведь меж нашими ослиами говорит и князь Венгерский;
Говорит такие речи, что, внимая им, от срама
Покраснела бы в Шеоле тень ослицы Билеама.

Тексты эпиграмм из «России» любезно предоставил мне А. И. Хасш, которому выражаю сердечную благодарность. Приведенные здесь эпиграммы напечатаны З. Г. Минц в вышеупомянутом сборнике «Стихотворения и шуточные пьесы» В. С. Соловьева (с. 146). В сборнике 1974 г. текст первой эпиграммы не разбит на строфы и печатается под названием «Современное воспоминание» с небольшими отличиями от варианта Гецца, опубликованного Капланом: *Израиля ведя стезей чудесной, Господь зараз два дива сотворил: Отверз уста ослице бессловесной И говорить пророку запретил. Далекое грядущее таилось В сих чудесах первоначальных дней, И ныне казнь Моава совершилась — Увы! Над бедной родиной моей. Гонима, Русь, ты беспощадным роком, Хотя за грех шой, чем Билеам, Заграждены уста твоим пророкам И слово вольное дано твоим ослам.* Как следует из комментария З. Г. Минц, эта эпиграмма посвящена не кн. Мешерскому, а К. П. Победоносцеву, и фигурирует в письме Соловьева к Е. М. Феокистову под названием «Еврейские мотивы». Под «пророком» скорее всего имеется в виду Л. Н. Толстой, с «Поучением» о «ерессучении» которого в 1887 г. (когда и была написана эпиграмма) выступил архиепископ Никанор. В сборнике 1974 г. ошибочно указана дата публикации — «Россия», 1900 г., 23 апреля (Стихотворения и шуточные пьесы. С. 313—314).

Вторая эпиграмма, с ее главным героем «князем Венгерским», действительно, посвящена редактору «Гражданина». Вот текст, опубликованный З. Г. Минц: *Каюсь, древняя ослица, я тебя обидел дерзко. Ведь меж нашими ослиами говорит и князь Мецгерский. Говорит такие речи, что, услышав их, от срама Покраснела бы в Шеоле тень ослицы Билеама* (с. 146).

№ 9

15 (28) марта 1909 г. Вильна

Вильна, Тамбовская б.
15.III.9.

Глубокоуважаемый Эрнест Львович!

Свою книжку я получил и великое Вам спасибо. С нетерпением ожидаю отзыва о моей брошюре «В свете правды». Простите великодушно, что позволяю себе напомнить Вам об отзыве. Не переувеличиваю (так. — Д. Б.), если Вам скажу, что от сказанного отзыва зависит успех всего издания. Мне обещано, что в случае благоприятного отзыва все издание будет <при>¹обретено для раздачи по учебным за<ве>дениям, что в данный момент бы<ло бы> для меня чрезвычайно важно.

С совершенным почт<ением> и задушевной предан<ностью>
Ф. Гец.

P. S. На случай, если мой первый э<кземпляр> затерялся, отправляю Вам др<угой> экз. своей брошюры.

¹ В ломаных скобках обозначены восстановленные фрагменты утраченного (оборванного по краю) текста.

№ 10

1 (14) мая 1909 г. Вильна

Вильна, Тамбовская б. I.V.9.

Глубокоуважаемый Эрнест Львович!

Одновременно с сим отправил гранки писем Вл. С. Соловьева ко мне по Вашему адресу заказн<ой> бандеролью. Заваленный служебными поручениями и не желая задержать корректуры, я не успел тщательно корректировать, а расположил письма лишь в хронологическом порядке. Примечания я сделаю очень немногие.¹

С совершеннейшим почтением и задушевной преданностью
Ф. Гец.

¹ Гец действительно сделал всего 12 коротких примечаний. Еще 2 примечания сделаны редактором издания «Писем» Э. Л. Радловым.

№ 11

3 (16) мая 1909 г. Вильна

Вильна, Тамбовская 6.
3.V.9.

Многоуважаемый Эрнест Львович!

После отправки корректуры я припоминаю, что в еврейских цитатах я заметил крупные опечатки, которые второпях не исправил. Если еще не поздно, я бы попросил Вас соблаговолить сделать распоряжение о немедленной высылке мне корректурных листов. Пользуюсь случаем почтительнейше просить Вас заказать в типографии не 200, а 500 оттисков писем Вл. С. С. ко мне на мой счет.

С совершенным почтением

Ф. Гец.

№ 12

10 (23) мая 1909 г. Вильна

Вильна, Тамбовская 6. 10.V.9.

Глубокоуважаемый Эрнест Львович!

Простите великодушно, что опять позволяю себе беспокоить Вас просьбою о присылке мне вторично корректуры писем Вл. С. С. Вы, по-видимому, не получили моего письма, в котором я сообщил, что в еврейских цитатах я второпях не успел исправить несколько ошибок. Если не поздно, почтительнейше прошу Вас сделать распоряжение в типографии о высылке мне корректуры.

В предположении, что мое означенное письмо Вас не постигло (так. — Д. Б.), я позволяю себе повторить свою просьбу об изготовлении на мой счет 500 оттисков вышеозначенных писем, которые я намерен раздать даром среди лиц, которые умеют уважать мнение Вл. С. С. по еврейскому вопросу, для каких лиц, в сущности, некоторые из писем и статей Вл. С. ко мне и были написаны. Даровая раздача оттисков означенных писем, я уверен, не будет в ущерб продаже издания, и посему, я надеюсь, Вы в моей вышеозначенной просьбе не откажете. Лицо, которому я дал на хранение письма В. С. С. политического содержания, вернулось из-за границы, и я надеюсь в скором времени получить их обратно и вручить их Л. А. Саккетти,¹ когда он вернется из Вены через Вильна (так. — Д. Б.), для передачи Вам в собственные руки, так как я крайне неохотно доверял бы их почте.

С совершеннейшим почтением и задушевной преданностью

Ф. Гец.

¹ *Саккетти Ливерий Антонович* (1852—1916) — музыковед, профессор Петербургской консерватории, знакомый Вл. Соловьева и Ф. Геца.

15 (28) мая 1909 г. Вильна

Вильна, Тамбовская 6. 15.V.9.

Глубокочитимый Эрнест Львович!

Простите, великодушно, что я по причине еврейских праздников¹ несколько опоздал ответом на Ваши последние два письма. По той же самой причине я до сих пор не мог исправить корректуры, которую я одновременно с сим возвращаю, заказной бандеролью, направленной. Относительно заглавия над письмом к А. Н. Майкову Вы совершенно правы,² точно так же и насчет чисел над письмами, которые я по возможности исправил и то по памяти только. Не могу скрывать от Вас, что я очень обижен Вашим предположением, что я способен пустить в продажу оттиски писем Вл. С. С. ко мне и тем вредить Вашему изданию. Память моего незабвенного друга мне слишком дорога и свята, чтобы корыстно использовать или вернее злоупотреблять его письмами ко мне. Как я Вам точно и ясно писал, я имею намерение исключительно даром раздать означенные оттиски лицам, которые придают большое значение отношению Вл. С. С. к евреям. И если Вы находите, что и даровая раздача оттисков может вредно отзываться на продаже Вашего издания, то я готов отложить раздачу до зимы и после. Так как протест против антисемитического движения в печати, составленный Вл. С. С., упоминается в его письмах ко мне и появился лишь как приложение ко 2-ому изданию моей брошюры: «Об отношении Вл. С. С. к еврейскому вопросу», которая уже давно распродана, и к тому занимает всего одну страницу,³ я бы очень и очень Вас просил его поместить в II т. в приложении к письму № 24 стр. 159.⁴ Надеюсь, что письмо № 26 поместите также в III т., хотя оно и появилось в моей конфискованной книжке.⁵ Я считаю это письмо весьма важным в деле защиты моего гонимого народа и особенно дорожу возможным его распространением. Покорнейше прошу соблагovolить уведомить меня, сколько обойдется 500 оттисков и кому выслать деньги.

С совершеннейшим почтением и душевной преданностью

Ф. Гец.

P. S. Так как я плохой корректор, то и не могу взять на себя ответственность за 3 кор<ректур> тоже.

¹ Имеется в виду еврейская Пасха (Песах) 1909 г.

² Очевидно, Гец изначально планировал сопроводить письмо Соловьева Майкову каким-либо заглавием, а Радлов предложил опубликовать письмо без этого последнего, что и было сделано (Письма. С. 156).

³ Над строкой написано: «нет и там».

⁴ Что и было сделано. «Протест» опубликован на с. 160—161.

⁵ Речь идет, разумеется, о письме № 25 от 5 марта 1891 г., действительно, напечатанном в запрещенной книге Геца «Слово подсудимому!» и начинающемся словами: «Любезный друг, вы желаете, чтобы я еще раз высказался о еврейском вопросе по поводу вашей книжки...» (Письма. С. 163). Под номером 26 напечатано другое письмо

(от 28 марта 1891 г.), в котором Соловьев высказывается в том духе, что он отнюдь не разделяет оптимизма Геца и Нотовича (в типографии которого была напечатана книга) по поводу перспектив опубликования «Слова...» (Письма. С. 173).

№ 14

16 (29) мая 1909 г. Вильна

Вильна, Тамбовская 6, 16.V.9.

Глубокоуважаемый Эрнест Львович!

Не желая задерживать полученные мною сегодня корректурные листы, я в надежде, что Вы уже получили отправленные мною вчера первый экз<емпляр> корректуры листов, по возможности мною исправленные, сделал в них лишь очень немного поправок. Если возможно текст «протеста» стр. 185 поместить в примечание к письму № 24 (23) (стр. 159), то смысл последнего был бы более понятен. Примечание к сему письму я написал на корректурном листе стр. 159, вчера Вам возвращенном.

Так как я собираюсь уехать за границу (так. — Д. Б.) на два месяца, я бы Вас очень и очень просил сообразоваться сделать распоряжение о высылке мне хоть несколько экз<емпляров> оттисков писем Вл. С. С. сейчас по изготовлении их. Само собою разумеется, что Ваше желание насчет отзывов в печати будет свято мною исполнено.

Я очень Вам благодарен за отзыв о моей брошюре в июньской кн<иге> «Ж<урнала> М<инистерства> н<ародного> пр<освещения>» и, если Вас не затрудняет, я бы очень Вас просил о немедленной высылке мне несколько оттисков последнего, чем Вы меня весьма обязали бы.

С совершенным почтением и душевною преданностью

Ф. Гец.

№ 15

27 мая (9 июня) 1909 г. Вильна

Вильна, Тамбовская 17. 27.V.9.

Глубокоуважаемый Эрнест Львович!

Вчера я Вам отправил 3 корректуру, мало исправленную мною в расчете, что Вы уже получили 2 корректуру, отосланную мною 15 с<его> м<есяца>. К сожалению, я не мог получить квит<анцию?>, и я пустил (так. — Д. Б.) как письмо, так и корректуру, в ящик. Надеюсь, что Вы все-таки получите и то, и другое. Повторяю свою просьбу, если возможно, любезно распорядиться о высылке мне, чем скорее, несколько экземпляров отзыва о моей брошюре и столько же, если больше, тем лучше, экз<емпляров> оттисков писем

Вл. С. Соловьева ко мне, так как я собираюсь уехать в 2 месячный отпуск за границу.

С совершеннейшим почтением и душевной преданностью
Ф. Гец.

№ 16

1 (14) июня 1909 г. Вильна

Вильна, Тамбовская 6.
1.VI.9.

Глубокоуважаемый Эрнест Львович!

Полагаясь на Ваше обещание, я ждал обещанных оттисков писем Вл. С. Соловьева ко мне в течение мая, которые я обязался не распространять до зимы, чтобы не повредить продаже предпринятого Вами издания. Так как я собираюсь на днях уехать на 2 месяца в заграничный отпуск, я почтительнейше прошу сделать надлежащее распоряжение о высылке мне оттисков, хотя бы лишь несколько экземпляров, вместе со счетом, чем Вы меня весьма обяжете.

С совершеннейшим почтением и душевной преданностью
Ф. Гец.

№ 17

2 (15) сентября 1909 г. Вильна

Вильна, Тамбовская 6. 2.IX.9.

Глубокоуважаемый Эрнест Львович!

Сегодня мне удалось получить июньскую книгу «Ж<урнала> М<инистерства> н<ародного> пр<освещения>» и прочесть отзыв г. К. М. о моей книжке, и спешу выразить Вам свою искреннейшую благодарность за помещение последнего, хотя он далеко не удовлетворил меня.¹ А не удовлетворил меня, главным образом, потому, что автор отзыва приписал мне мнения и взгляды, которые я никогда не высказывал. Я нигде в своей книжке не сказал, что «русский народ нетерпим к еврейской религии», я говорил вообще о господствующей вражде к евреям и указал как на причину на вековые предрассудки и на невежество темных народных масс, против чего можно бороться не революционным путем, — а неуклонной усиленной культурной эволюцией, и евреи, как наиболее заинтересованные в культурном прогрессе русского народа, должны прежде всего содействовать этому. И я нигде и не говорил вовсе о сохранении еврейской «национальности». Как нация еврейство уже давно перестало существовать.² Лишенные главных атрибутов нации, территории, политической самостоятельности и народного языка, оно сохранилось

лишь как вероисповедание, как религиозная конгрегация. Еврей, принявший христианство или мусульманство, уже перестает быть евреем и в национальном отношении, хотя отдельные этнические качества в нем еще остались. Но ни религия еврейская, ни этнические его свойства не мешали евреям, где только ограничительные законы им не препятствовали, как в Испании, Португалии и Италии и мусульманском востоке в средние века, и в новейшее время почти во всех культурных странах, принимать деятельное участие в умственном движении окружающих их народов и заметно содействовать в экономическом и духовном росте этих же народов, о чем свидетельствует замечательный двухтомный труд Когута «Berühmte israelitische Männer u. Frauen».³ Различные этнические свойства и качества русского и еврейского народов может (так. — Д. Б.) лишь при их мирном взаимном отношении друг к другу разнообразить и увеличить культурные богатства России, на что я указал на стр. 60—63 моей книжки и более подробно в моей брошюре «Что такое еврейство?» 1885 г.

Благодарю и за изготовление оттисков, которые я уже получил.

Не знаю, как добиться моих остальных писем В. С. Соловьева. Я отдал их на хранение небезызвестному вождю русских сионистов И. А. Гольдбергу.⁴ Он не отрицает, что письма у него имелись, но не может припомнить, где он их спрятал, и все обещает их отыскать и не исполняет, и толку не могу добиться. Он уверяет, что они не потерялись, что они найдутся, но когда именно, не обещает. Просто беда. Не знаю, что делать.

С совершеннейшим почтением и душевной преданностью

Ф. Гец.

¹ К. М. М. Б. В свете правды [Рец.] // Журнал Министерства народного просвещения. 1909. № 6. С. 227—229. Неудовлетворенность Геца была вызвана, главным образом, общей тональностью рецензии, в которой его взгляды были названы позицией «еврейского консерватора», подтверждающего лишний раз собственным примером, что вражда русского и еврейского национальных начал потому так сильна, «что она инстинктивна, а не навязана извне и потому-то так труден и мучителен еврейский вопрос для всякого русского националиста, который хотел бы снять даже тень укора в несправедливости с совести своего народа, но в то же время всегда готов отдать ему предпочтение при столкновении интересов». Выход из этого тупика рецензент видел только один: «...или нужно обеим сторонам отказаться от национальной культуры и перейти к космополитизму, или наши национальные интересы будут неизбежно приходить в столкновение?» (с. 228—229).

² Здесь, как и в ниже упомянутой брошюре «Что такое еврейство?», Гец явно грешит эклектизмом. Только сейчас, в пылу самооправдывающей полемики, он говорит о том, что еврейство не является нацией. А за 24 года до этого в брошюре «Что такое еврейство?» (СПб., 1885) он исходил из обратного, а именно, подразумевая, что еврейство есть «нация», пытался сформулировать его «миссию». В связи с тем, что Гец затруднялся определить «существенные признаки» нации, перечисляя «территорию», «общее происхождение», «язык», «религию» и пр., не выделяя приоритетных, он был подвергнут жесткой критике историком и публицистом С. М. Дубновым, написавшим, что Гец напоминает ему ребенка, «который на вопрос: кого он больше любит: папу или маму, — отвечает: обоих больше». См.: *Критикус*. Среди крайностей // *Восход*. 1885. № 12. С. 26. — Авт.: С. М. Дубнов.

³ *Kohut A. Berühmte israelitische Männer und Frauen in der Kulturgeschichte der Menschheit*. Leipzig, 1901. Bd 1—2. В 1902—1903 гг. А. Френом был осуществлен пере-

вод книги на русский язык: *Козум А.* Знаменитые мужчины и женщины евреев в истории культуры человечества. Одесса, 1902—1903. Т. 1—2.

⁴ В этом письме Гец впервые называет имя человека, которому он, по его собственной версии, передал часть писем Соловьева. Упоминания «одного лица», которому он передал письма, встречаются как в предыдущих посланиях Радлову, так и в хранящихся в Российском государственном архиве литературы и искусства письмах Геца философу и публицисту С. О. Грузенбергу (1875—1936). Здесь, перечисляя свои «соловьевские» публикации, Гец пишет: «...37 писем В. С. ко мне напечатаны в II т. „Письма В. С. Соловьева“ изд. Э. Л. Радловым, еще 43 письма я дал на хранение надежному лицу, который их так хорошо спрятал, что он их отыскать не может» (РГАЛИ, ф. 151, оп. 1, № 36, л. 25 об.—26 — письмо от 10 апреля 1909 г.). *Ицхак Лейб Гольдберг* (1860—1935) — сионистский деятель, брат Борнса Гольдберга, одного из лидеров российского сионистского движения. На I-м Сионистском конгрессе (1897 г., Базель) представлял виленскую организацию. (Данные из «Краткой еврейской энциклопедии», изданной в Иерусалиме в 1992, с. 158). В фонде Гольдбергов в Центральном Сионистском Архиве (Central Zionist Archives) (Иерусалим) (Фонды А-6 и А-7) писем Соловьева Гецу не обнаружено. На хранящемся в Иерусалимской Национальной библиотеке экземпляре I-го издания брошюры Геца «Об отношении В. С. Соловьева к еврейскому вопросу» (1901) есть посвящение: «Публицисту Б. А. Гольдбергу на добрую память от автора».

№ 18

27 декабря 1909 г. (9 января 1910 г.). Вильна

Вильна, Тамбовская 6. 27.12.9.

Глубокоуважаемый Эрнест Львович!

Редакционная Комиссия Киевского «Общ~~е~~ства для распространения верных сведений о евреях и еврействе» обратилась ко мне разрешить ей издавать мою брошюру «Отношение Вл. С. Соловьева к еврейскому вопросу» с приложением некоторых писем Вл. С. С. ко мне.¹ Сочувствуя гуманной тенденции названного общества, я дал ему разрешение на издание указанной моей брошюры, что же до приложения к ней некоторых писем Вл. С. С., я бы хотел прежде всего узнать у Вас, не полагаете ли Вы, что предполагаемое издание «некоторых писем В. С. С.» может причинить ущерб Вашему изданному писем Вл. С. С.? Считаю нужным прибавить, что вышеупомянутое Киевское Общество не преследует никаких коммерческих целей и имеет единственное благое намерение косвенно бороться против антисемитизма в печати распространением «верных сведений и правильных воззрений на евреев и еврейство», что совершенно в духе незабвенного борца за правду и справедливость Вл. С. С.

Скорым Вашим ответом Вы весьма обяжете искренне преданного Вам и глубоко Вас почитающего

Ф. Геца.

¹ Речь идет о киевском филиале «Общества распространения правильных сведений о евреях и еврействе», основанного в 1906 г. в Москве. Брошюра Геца не была издана «Обществом».

№ 19

30 декабря 1909 г. (12 января 1910 г.). Вильна

Вильна, Тамбовская 6. 30.12.9.

Многоуважаемый Эрнест Львович!

Задуманно благодарю за Вашу прекрасную брошюру «Характер творчества Вл. С. Соловьева»,¹ которую сейчас прочел с истинным удовольствием. Я нахожусь еще под сильным впечатлением только что прочитанного и не могу еще вполне сознательно и отчетливо к нему относиться, но чувствую чем-то удовлетворенным и вместе с тем потребность еще раз прочесть и проверить свое первое впечатление.

Примите мое сердечное поздравление с новым годом.

Искренне преданный Вам и глубоко Вас почитающий

Ф. Гец.

¹ Первое издание брошюры Э. Л. Радлова «Характер творчества Вл. С. Соловьева» (СПб., 1909) (2-е изд. вышло в 1913 г.). В качестве статьи опубликовано: Журнал Министерства народного просвещения. 1909. № 10. С. 182—198.

№ 20

26 апреля (9 мая) 1910 г. Вильна

Вильна, Тамбовская 6.
26.IV.10.

Глубокоуважаемый Эрнест Львович!

Задуманно спасибо за Ваше сочувственное отношение к моей последней брошюре. К сожалению, я слишком торопился ответить на возмутительные выходки Маркова II¹, поэтому не успел отыскать многих других отзывов христианских ученых о Талмуде и Шульхан-арухе,² которые теперь у меня налицо. Надеюсь ими воспользоваться при 2-ом издании названной брошюры.³

Я медлил этим ответом в надежде получить от Гольдберга письма Вл. С. Соловьева, которые я дал ему на хранение. К сожалению, он все еще отсутствует, и не знаю даже, когда он вернется. Пред своим отъездом он обнадеежил доставить их мне, чего он, к сожалению, не исполнил. Имеется у меня довольно значительное количество надписей В. С. Соловьева на его сочинениях и оттисков журнальных статей, которые он мне подарил, равно и его телеграммы. Если Вы полагаете, что этот материал может иметь интерес, я готов его Вам выслать немедленно.

С совершенным почтением и душевной преданностью

Ф. Гец.

¹ Имеется в виду Н. Е. Марков (1866—1945), политический деятель, основатель «Партии народного порядка», позднее влившейся в «Союз русского народа», с 1909 г. лидер последнего, депутат 3-й (1907) и 4-й (1912) Государственной Думы, крайний антисемит. О Маркове см.: *Кирьянов Ю.* Марков Н. Е. // *Отечественная история* / Ред. В. Янин. М., 2000. Т. 3. С. 491.

² «Шульхан-арух» (букв. «Накрытый стол») — основной по сей день кодекс религиозно-практических предписаний иудаизма. Составлен жившим в Палестине Иосифом Каро (1488—1575).

³ Не совсем понятно, о какой брошюре Геца идет речь. Во всяком случае, брошюра, в которой бы Ф. Б. Гец собрал мнения христианских ученых о Талмуде, мне неизвестна.

№ 21

18 (31) июля 1910 г. Либава

Временно в Либаве. 18/7.10.

Многоуважаемый Эрнест Львович!

Зная Вашу испытанную любезность, я позволяю себе обратиться к Вам с нижеследующей просьбою.

Предъявительница сего девица Г. Замуель, моя невестка, окончила курс науки в Эдинбургском Университете со степенью «Master of Arts», т. е. магистр изящных наук, и намерена теперь поступить на Бестужевские курсы,¹ но как еврейка, она несомненно встретит затруднения. Между тем как она отличается необычайными умственными дарованиями и огромной трудоспособностью, и можно от ней (так. — Д. Б.) ожидать многого для науки, тем более, что она еще очень молода, всего 20 лет, и не знает никаких других увлечений, кроме занятий науками. Ввиду изложенного я позволяю себе почтительнейше Вас спросить, не найдете ли возможным содействовать моей невестке в приеме в число слушательниц Бестужевских курсов, чем Вы весьма обяжете задушевно преданного Вам и искренно Вас почитающего

Ф. Геца.

¹ Невестка Геца планировала поступить на знаменитые Бестужевские Высшие женские курсы, работавшие в Петербурге с 1878 г. Это — вторые в России женские курсы после курсов В. И. Герье, открытых в 1872 г. В 1887 г. Министерство народного просвещения в циркулярах на имя попечителей учебных округов установило норму для приема евреев в средние и высшие учебные заведения в размере 10% в черте оседлости, 5% вне черты и 3% в обеих столицах — ко всему числу вновь поступающих. С 1892 г. эта норма распространялась и на петербургские Высшие женские курсы. Циркуляры 1887 г. были узаконены высочайшим повелениями в 1908 и 1909 гг. (с наступлением реакции в России) и закреплены в соответствующих статьях и параграфах «Свода Законов».

№ 22

4 (17) сентября 1910 г. Вильна

Вильна, Тамбовская 6. 4/9-10.

Глубокоуважаемый Эрнест Львович!

Очень Вам благодарен за любезный прием моей невестки и за благожелательное письмо, которое Вы ей дали к профессору Пергаменту.¹

Что касается писем незабвенного Вл. С. Соловьева, то, к глубочайшему моему сожалению, до сих пор не получил их от г. Гольдберга, и все мои старания добиться возвращения мне означенных писем оказались тщетными. По-видимому, они затерялись у него.

С искренним почтением и душевной преданностью

Ф. Гец.

¹ *Пергамент Михаил Яковлевич* (1866—1932) — юрист, с 1900 г. профессор гражданского права в Юрьеве, с 1906 г. — в Петербурге. С 1912 г. состоял деканом первого и юридического факультета Высших женских курсов в Петербурге. О нем см.: *С. Ш.* Пергамент Михаил Яковлевич // Еврейская энциклопедия. СПб., [1908]. Т. 12. С. 372.

№ 23

31 января (13 февраля) 1912 г. Вильна

Вильна, Тамбовская 8а.
31/1-12.

Глубокоуважаемый Эрнест Львович!

Не решаясь лишний раз Вас беспокоить, я не был у Вас пред отъездом, чтобы Вам сообщить о благих результатах Ваших рекомендаций к кн. А. Д. Оболенскому и г. Лук(ь)янову.¹ О кн. Об<оленском> я имел возможность Вам сообщить; но я Вам не успел рассказать о результатах последнего. Князь видался с архиеп. Антонием Вольнским², и сей последний выразил готовность принять меня и назначил мне час приема. На приеме архиепископ был в высшей степени любезен и внимателен ко мне, подарил мне несколько из своих брошюр, но наотрез отказал мне выступить экспертом по разным причинам; но зато он меня направил к проф. И. Г. Троицкому,³ дал мне симпатичную рекомендацию к нему и обещал видеться с ним по означенному делу. К тому проявил готовность, в случае необходимости, заступиться за евреев. Проф. Троицкий с своей стороны не замедлил обещать выступить экспертом, если не встретит затруднений в получении отпуска. Что касается Т. С. (так. — *Д. Б.*) Лукьянова, то он меня хорошо принял, внимательно выслушал и обещал видеться с кн. А. Д. Об<оленским>, на случай, если архиеп. Антоний отклонит мое ходатайство. И т<аким> о<бразом> Ваши рекомендации имели полный успех, и я Вам бесконечно благодарен.

Благодарен я Вам глубоко и искренне и за Ваши трактаты о моем незабвенном друге, которые я читал с живейшим интересом и сосредоточенным вниманием. Как жаль, что эти в высшей степени интересные и поучительные трактаты, которые способны сделать философию Вл. С. Соловьева более доступной большой, образованной публике, сами, вследствие своего появления в официальных журналах, так мало доступны. Как хорошо было бы, если бы Вы собрали все Ваши статьи о Вл. С. Соловьеве и издали бы отдельной книгой вместе с обстоятельной биографией, которую только Вы один могли бы писать.¹ Мне кажется, что из всех знавших личность и философию Вл. С. Соловьева, нет ни одного, который так близко его знал и так глубоко и верно его понимал, как именно Вы, и только Вы.

К глубочайшему моему сожалению, я статьи Вл. С. «Евреи, их вероучение и нравоучение»² никогда не видал и даже не подозревал ее существования, что меня очень удивляет, так как покойный друг мой всегда посылал отгиски своих статей и в особенности, что касается еврейства; я и не знаю, где искать означенную статью, когда и где она появилась. Тем не менее постараюсь, елико возможно, отыскать ее, не ругаясь, однако, за результат.

Примите еще раз мою горячую благодарность за Ваше столь гуманное сочувствие и содействие мне в моих ходатайствах и будьте уверены в моей постоянной готовности к Вашим услугам и душевной Вам преданности.

С искренним почтением

Ф. Гец.

¹ *Оболенский Алексей Дмитриевич* (1857—?), князь — товарищ министра внутренних дел, товарищ министра финансов, с апреля 1905 г. — член Государственного Совета, с октября 1905 г. — обер-прокурор Св. Синода (до 1906 г.). Либерал, западник, христианский гуманист, поклонник творчества Соловьева. Племянник философа и его биограф, С. М. Соловьев, писал, что Оболенский «разделял все взгляды Соловьева и принимал его без критики, сочувствуя и его идее соединения церкви, которая была для большинства русских друзей Соловьева камнем преткновения» (*Соловьев С. М. Владимир Соловьев. Жизнь и творческая эволюция.* М., 1977. С. 296).

Под Лукьяновым, ниже «Т.С.Л.», видимо, подразумевается *Сергей Михайлович Лукьянов* (1855—1935), с 1905 г. временно возглавлявший Министерство народного просвещения, с 1906 г. — член Государственного Совета, в 1909—1911 гг. — обер-прокурор Св. Синода, автор многочисленных сочинений, в том числе «О Вл. С. Соловьеве в его молодые годы» (т. 1—3; переиздано А. Носовым в 1990 г.). Лукьянов — автор многочисленных статей о Соловьеве в «Журнале Министерства народного просвещения». См. прим. 1 к письму 3.

² Речь идет об архиепископе *Антони Волынском* (в миру Алексее Павловиче Храповицком) (1863—1936), церковном и политическом деятеле, богослове. С 1902 г. — архиепископ Волынский, с 1914 г. — Харьковский. В 1906—1907 гг. — член Государственного Совета. Носитель шовинистических взглядов, активно поддерживал «Союз русского народа». Один из кандидатов в патриархи на Всероссийском поместном соборе 1917 г. С 1917 г. — в эмиграции, под его руководством проходил Карловацкий церковный собор, избравший его председателем российского заграничного Синода. В 1908 г. выступил в «Волыньских епархиальных ведомостях» (№ 8) с жестко-критической статьей «Ложный пророк», направленной против Соловьева.

³ *Троицкий Иван Гаврилович* (1858—?) — профессор еврейского языка Петербургской духовной академии. Автор многочисленных трудов по еврейской и христианской истории и богословию. Автор «Грамматики еврейского языка» (1897). О каком «деле» идет речь, не ясно.

⁴ Опубликованные по преимуществу в редактируемом им «Журнале Министерства народного просвещения» статьи Э. Л. Радлова о Соловьеве (1909—1912 гг.) составили обстоятельный сборник «Владимир Соловьев. Жизнь и учение» (СПб., 1913), действительно содержащий, помимо статей, биографический очерк Радлова о Соловьеве (с. 5—53).

⁵ Гец не был знаком с напечатанной в № 8 за 1891 г. (с. 86—91) разгромной рецензией Соловьева на книгу С. Я. Диминского «Евреи, их вероучение и нравоучение» (СПб., 1891), имевшей, как это обычно случалось у Соловьева, характер полемиического ироничного эссе. Почему рецензия не была переслана Соловьевым Гецу — неизвестно.

№ 24

23 января (5 февраля) 1913 г. Вильна

Вильно, Тамбовская 8а. 23.I.13.

Глубокоуважаемый Эрнест Львович!

По совету окружного инспектора Виленского учебного округа Зенко и уверенный в Вашей испытанной гуманности я позволяю себе обратиться к Вам с нижеследующей просьбою. С 1891 г. я состою ученым евреем¹ при Виленском учебном округе и с 1894 г. причислен к М<инистерству> н<ародного> пр<освещения> и откомандирован в распоряжение попечителя Вил<енского> округа и внесен в ежегодной смете М<инистерства> н<ародного> пр<освещения>, из которой я в настоящий год исключен, и посему выдача мне жалования прекращена. Канцелярия Учеб<ного> округа обратила на это внимание Министерства, но неизвестно, когда получит ответ. Тем временем я сижу без жалования. Ввиду своего весьма стесненного положения я осмеливаюсь почтительнейше Вас просить, не найдете ли возможным по телефону спросить в Министерстве по принадлежности о причине исключения меня из сметы и из каких источников и когда я отныне получу жалование, и о результате сей Вашей справки сообразовалите уведомить меня, чем Вы бесконечно меня обяжете.

Занятый опровержением агитаторов по кровавому навету: Лютостанского, Пранайтиса и Зальского,² я, к глубокому моему сожалению, не мог до сих пор выполнить Вашего любезного поручения, а именно: составить очерк о школьном обучении у евреев для редактируемого Вами «Журн<ала> М<инистерства> н<ародного> пр<освещения>». Статья эта давно мною начата и почти уже окончена и, надеюсь, через несколько времени доставить ее Вам. Надеюсь, что она Вам понравится. Я собрал для ней солидный и до сих пор мало использованный педагогически интересный и поучительный материал.³

Мои брошюры против Лютостанского, Пранайтиса и Зальского,⁴ надеюсь, Вы уже получили.

В надежде, что вы не откажете мне в моей просьбе, я сим выражаю Вам свою искреннюю благодарность и остаюсь душевно Вам преданный и глубоко Вас почитающий

Ф. Гец.⁵

¹ Должность установлена законом от 13 ноября 1844 г. Само понятие «ученый еврей» — своего рода реакция как правительства, так и российского еврейства на факт отсутствия у евреев духовенства в христианском смысле этого слова: раввин по статусу и по самой этимологии этого слова тоже является «ученым». Должность учреждалась при министре народного просвещения, при почетителях учебных округов (именно при одном из таких округов служил Гец) и при генерал-губернаторах в черте оседлости. Она предполагала своего рода посредничество между еврейским и русским мирами, а значит — знание всех особенностей еврейской жизни и способность «перевода» этих особенностей в российский контекст.

² Речь идет о книгах и брошюрах, выпущенных в связи с «делом Бейлиса» (1911—1913). Первые два из названных Гецем авторов являлись активными проводниками в общественное сознание тезиса о ритуальном характере убийства Андрея Ющинского. (О третьем авторе, Зальском, мне неизвестно.) Можно назвать следующие работы *Лютостанского Ипполита Иосифовича* (1835—1915), вызвавшие активный резонанс как в русской, так и в русско-еврейской прессе: Вопрос об употреблении евреями-сектарами христианской крови в связи с вопросом об отношении еврейства и христианства вообще. М., 1876 (и многочисленные последующие переиздания); Талмуд и евреи. Компильция из различных талмудов и комментариев члена-сотрудника императорского православного Палестинского общества И. Лютостанского. СПб., 1902; Жиды и ритуальные убийства христианских младенцев. Ученое богословско-юридическое исследование И. Лютостанского. СПб., 1911; Жидовский праздник «пурим шпиль». СПб., 1911; Покаянное письмо Ипполита Лютостанского, автора книги «Об употреблении евреями христианской крови». Киев, 1911.

Трапайтис Иустин Бонавентура (?—1917) — ксендз в Ташкенте, преподаватель древнееврейского языка. Во время процесса Бейлиса выступил на суде в качестве главного специалиста по ритуальным убийствам. Доказывал, будто еврейской традиции свойственно использовать кровь христианских младенцев для приготовления мацы. Известен книгой «Тайна крови у евреев: Дело о ритуальном убийстве Андриюши Ющинского» (СПб., 1913).

³ Статья Геца «Школьное обучение у русских евреев» была напечатана в октябрьской книжке «Журнала Министерства народного просвещения» за 1913 г. (с. 226—250) и вышла в 1913—1914 гг. отдельным изданием в Санкт-Петербурге.

⁴ Об этих брошюрах мне ничего не известно. Известно, однако, что во время процесса Бейлиса Гец написал обстоятельное письмо защитнику Бейлиса, О. О. Грузенбергу (от 8 октября 1913 г.), в котором высказывался о ходе процесса и о ряде свидетельских показаний на нем. См.: Дело Менделя Бейлиса. Материалы Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства о судебном процессе 1913 г. по обвинению в ритуальном убийстве. СПб., 1999. С. 108, 119, 125, 184, 200, 225, 232, 236, 287, 295, 334, 339.

⁵ Под подписью чьей-то рукой дописано: «прямым жидом» (?).

№ 25

9 (22) февраля 1913 г. Вильна

Вильно, Тамбовская 8а. 9 / II.13.

Глубокочитимый Эрнест Львович!

Ваша необычайная любезность и доброта меня глубоко тронули, и не нахожу слов, чтобы выразить Вам свою благодарность за успокоение, которое Вы доставили мне справку.

Искренне Вам благодарный и глубоко Вас почитающий

Ф. Гец.

16 (29) марта 1913 г. Вильна

Вильно, Тамбовская 8а. 16 / III.13.

Глубокочтимый Эрнест Львович!

Вернувшись домой, я застал столько неотложных поручений, что лишь сегодня я мог взяться за чтение Вашего прекрасного труда о Вл. Соловьеве и спешу выразить Вам свое задушевное спасибо за духовное наслаждение, которое я испытываю при чтении последнего. У меня имеется большинство сочинений В. С., которые он лично мне подарил с подписями, но полного собрания его сочинений у меня нет, и я здесь даже не видел этого издания. И посему Ваш биографический очерк я впервые читал теперь¹ и нахожу его хотя очень кратким и сжатым, но весьма удачным.² С особым интересом я читал главу III, в которой Вы даете общую характеристику душевного склада Соловьева. Помимо того, что она написана с глубоким знанием душевного уклада незабвенного мыслителя и с тонким пониманием этой в высшей степени сложной натуры, последняя изображена Вами художественно, с редким мастерством. Во II главе биографического очерка я бы пополнил и иллюстрировал хоть некоторыми данными из его жизни, которые характеризуют необычайную доброту Вл. С., его чуткую отзывчивость к нуждам ближнего и т. п., а таких данных очень много. Кое-какие и я сообщил в своих воспоминаниях о нем. Не совсем точно освещена история с письмом В. С. С. к Ал<ександру> III, которое было вызвано циркулярным запрещением Главного Управ<ления> по д<елам> печати печатать составленный В. С. протест против антисемитического движения в печати за подписью виднейших московских и с.-петербургских литературных, ученых и общественных деятелей. Я как раз присутствовал при составлении означенного письма и я был первый, которому В. С. прочел это письмо, которое он впоследствии, по настояниям ныне покойного Стасюлевича, переделал.³ Главу «Характер творчества и поэзии Вл. С.» я вторично читал с неослабным интересом. Я нахожу эту характеристику поразительно верной. Но еще больше мне понравилась следующая за ней глава «Об источниках философии и пр.»⁴ Эта глава написана с большим талантом и исчерпывающим знанием всех сочинений Вл. С. и вообще с обширным знанием предмета. Я не знаю другого, который мог бы написать эту главу, разве сам В. С. Пока я остановился на этой главе. Но и судя по тому, что я успел прочесть из Вашей книги, я должен сказать, что не только все друзья и почитатели Вл. С., но и все искренние любители русской философии, да и философии вообще, должны быть Вам благодарны за Ваш неоценимый труд. Появилась ли уже где-нибудь рецензия о последнем?

С задушевым приветом и искренней благодарностью

Ф. Гец.

¹ То есть Гец не был знаком с очерком Радлова «В. С. Соловьев. Биографический очерк», помещенном изначально в 9-м (дополнительном) томе 1-го Собрания сочинений Соловьева, подготовленного М. С. Соловьевым (братом философа) и опубликованном в 1907 г. (с. I—LV). Позже этот же очерк был опубликован в 10-м томе изданного Э. Л. Радловым и С. М. Соловьевым (племянником философа) Собрания сочинений Соловьева, вышедшего в 1911—1913 гг.

² Гец ведет речь о вышедшей в 1913 г. в Санкт-Петербурге книге Радлова «Владимир Соловьев. Жизнь и учение».

³ Датированное 14 ноября 1890 г. письмо Соловьева к императору Александру III опубликовано Н. В. Котрелевым во втором томе сочинений Соловьева (1989. С. 283—285). Можно предположить, что редактор «Вестника Европы» М. М. Стасюлевич предложил Соловьеву смягчить тон письма. Во всяком случае Соловьев упоминает в окончательной версии письма об административном взыскании (так называемом «первом предупреждении»), которому подвергся «Вестник Европы» после публикации его статей по «общественным и историческим вопросам» (имеются в виду «Очерки из истории русского сознания»). О «Протесте» см. прим. 3 к письму 3.

⁴ Полное название главы «Об источниках философии и о некоторых изменениях во взглядах Владимира Соловьева» (с. 77—92).

№ 27

14 (27) мая 1913 г. Вильна¹

Вильно, Тамбовская 8а. 14/V-13.

Глубокоуважаемый Эрнест Львович!

Одновременно с сим послал Вам первую часть своей статьи «Система обучения у русских евреев»,² трактующую о специально еврейской системе школьного обучения. Вследствие чрезмерного накопления срочных поручений я в настоящее время лишен возможности закончить вторую часть означенной статьи, трактующую о еврейских общеобразовательных учебных заведениях, окончание которой я вынужден отложить на каникулярное время. Пользуюсь случаем, чтобы еще раз выразить Вам свою искреннюю благодарность за Ваш весьма ценный труд о незабвенном друге. Вы поставили ему достойный и неразрушимый памятник и в значительной степени содействовали популяризации его философии. Ваш труд служит как бы введением к последней. Прочитав его, мне казалось, как будто повторил и освежил в памяти все сочинения бессмертного мыслителя. Особенно, мне кажется, Вам удалось изображение его гносеологии и этических и эстетических его взглядов. Последняя глава — это настоящая художественная мозаика, мастерски составленная из отдельных драгоценных камушек (так. — *Д. Б.*), разброшенных (так. — *Д. Б.*) по разным произведениям Вл. С.³ Менее меня удовлетворили главы: «Теологические и метафизические взгляды Вл. С.».⁴ Они на меня произвели впечатление чего-то недосказанного. Вы удовлетволялись точным и строго объективным изложением и воздержались от всякой критики и оценки. Между тем как Вы, на мой взгляд, единственный призванный критически освещать учение Вл. С. По-моему, философия Вл. С. всегда останется поучительной, интересной и достойной изучения, но она вряд ли способна создать школу и приобретать (так. — *Д. Б.*) много приверженцев. При всей ее диалектичес-

кой глубине высокого полета (так. — Д. Б.) ее фантазии, она не внушает доверия и мало убедительна именно вследствие ее фантастичности, утопичности и мистицизма, который, как бы ни старались умозрительно, тончайшими диалектическими соображениями оправдать и обосновать его, остается слишком индивидуальным и субъективным, чтобы заставить признать его. Я нахожу, что в Вашем мастерском изложении слабые стороны философии Вл. С. выступают более рельефно, чем в его сочинениях. Понятие о свободе осталось невыясненным и по-прежнему находится в резком противоречии со всеведением Бога и с законом причинности (Causaepexus),^а а философское толкование исторического догмата Св. троицы, как оно ни остроумно и гениально по своему всеобъемлющему синтезу, все же произвольно и малодоказательно и несколько не устранило внутреннего *contradictio in adjecto*^б «богочеловека», наследственного греха и искупительной смерти. Может быть, мое еврейское мировоззрение мне мешает постичь религиозной философии Вл. (Соловьева. — Д. Б.), но я всегда в ней строго различал путь и цель: первый всегда мне казался весьма интересным, но цель осталась для меня недоступной и неубедительной. Простите великодушно мою смелость и откровенность. Вы сами предложили мне сообщить Вам вынесенные мною из чтения Вашей книги впечатления, что и сделал. Может быть, виновата моя неспособность усвоить ход отвлеченных рассуждений Вл. С. Кстати, гостившая у меня пасхи (так, видимо, имеется в виду «на пасху» — Д. Б.) моя дочь, студентка Глазговского Университета, сообщила мне, что в Англии стали интересоваться философией Вл. С., да и им самим. Редактор одного серьезного журнала предложил ей перевести наиболее интересные очерки или отрывки из его сочинений,⁵ и она просила меня указать ей, какие самые подходящие для перевода статьи Вл. С. Я ей обещал обратиться к Вам по этому делу за указанием и советовал ей прежде всего изучить Вашу книгу основательно.

С совершенным почтением и душевной преданностью

Ф. Гец.

¹ Листы данного письма в архиве оказались разрозненными (л. 37—38 об., 70).

² См. прим. 3 к письму 24.

³ Имеется в виду глава «Эстетика Владимира Соловьева» (с. 213—261). См. прим. 2 к письму 26; прим. 4 к письму 23.

⁴ Главы «Теологические взгляды Соловьева» (с. 91—102) и «Метафизические взгляды Соловьева» (с. 103—127).

⁵ См. эту же тему в письме 30.

^а причинная связь (*лат.*).

^б противоречие в определении (*лат.*).

25 мая (7 июня) 1913 г. Вильна

Вильно, Тамбовская 8а. 25/V-13.

Глубокоуважаемый Эрнест Львович!

Ваша испытанная доброта и любезность дают мне смелость обратиться к Вам с нижеследующей просьбою.

Строгое проведение процентной нормы в средних учебных заведениях ставит в безвыходное положение очень многих родителей-евреев, лишая их возможности дать своим детям образование. Желая прийти навстречу созревшей потребности в открытии мужской гимназии для детей евреев в г. Вильно (существующая здесь гимназия Кагана переполнена), попечитель обещал мне свое содействие в открытии мужской гимназии для детей евреев с правами для учащихся и советовал мне прежде всего позондировать почву в Мин<истерстве> н<ародного> пр<освещения>, так как, по известным соображениям, он не желает взять на себя инициативу данного ходатайства. К сожалению, ввиду происходящих в настоящее время экзаменов, на которых я обязательно должен присутствовать, я лишен возможности поехать теперь в Петербург с означенною целью. Между тем в последних числах с<его> м<есяца>, т. е. четверг или пятницу 30 или 31 мая, должно состояться последнее заседание попечительского совета, к какому сроку я должен доставить сведения об отношении М<инистерст>ва по предполагаемому моему ходатайству.

Ввиду вышеизложенного я позволяю себе почтительнейше обратиться к Вам с убедительнейшею просьбою, не найдете ли возможным осведомиться, насколько я могу рассчитывать в данном деле на М<инистерст>во. Я бы никогда себе не позволил тревожить Вас подобною просьбою, если бы это было только мое лично дело, но это дело общественное и просветительное в лучшем смысле.

Сочинения кн. Е. Трубецкого я еще не читал,¹ но видел в кн<ижном> магазине. Хотел было приобрести I т., но без II не продают. Но мне обещали одолжить его, как только собственник прочтет его. Это, по-видимому, не скоро будет, книга такая объемистая, а читатель такой ленивый. Как только получу книгу, я возьмусь за чтение, не замедлю делиться с Вами впечатлениями. Написал я заметку о Вашей книге, которая теперь переписывается, и думаю отправить ее в «С<анкт>-П<етербургские> ведомости».² Конец моей статьи я завтра вышлю Вам.

Вы меня бесконечно обяжете, если Вы добитые Вами сведения из Министерства сообщите депешей. Все расходы не замедлю вернуть Вам с благодарностью.

С задушевным приветом и искренней благодарностью сердечно преданный Вам

Ф. Гец.

¹ Речь идет о двухтомном труде Е. Н. Трубецкого «Мирозерцание Вл. С. Соловьева» (М., 1913). Работа переиздана в 1995 г.

№ 29

7 (20) июня 1913 г. Вильна

Вильно, Тамбовская 8. 7/6.

Глубокочитимый Эрнест Львович!

Задуманное спасибо за Ваше письмо от 4 июня. Вследствие отъезда попечителя мое ходатайство отложено до августа.

Удивляюсь, что князь Ухтомский¹ до сих пор не напечатал моей заметки о Вашей книге. Я его на днях просил, на случай, если он не настроен поместить ее, вернуть мне ее, я тогда отправлю ее в другую газету.

С душевным приветом, сердечно Вам преданный
Ф. Гец.

¹ Об Э. Э. Ухтомском см. прим. 1 к письму 3.

№ 30

3 августа (п. ст.) 1913 г. Вильдбад

Wildbad (in Württemberg), Haus Fehleisen. 3/8-13.

Глубокоуважаемый Эрнест Львович!

Гостившая у меня, в Киссингене, моя старшая дочь, студентка Глазговского Университета и сотрудница английских журналов, сообщила мне, что в последнее время стали в Англии интересоваться Вл. С. Соловьевым и что она получила поручение от редакции одного серьезного журнала составить для сего последнего очерк о Вл. С. Солов<ье>е и вместе с тем перевести некоторые из наиболее характерных и оригинальных статей последнего. Я обещал своей дочери и ее мужу, приват-доценту Глазговского Университета по части философии, обратиться к Вам за указаниями: какие из менее объемистых статей Вл. С. Соловьева наиболее характерны для его философии и наиболее подходят для ознакомления с ними английской публики. В то же время я предложил моей дочери использовать Ваш труд о Вл. С. С. для очерка о нем, разумеется, с указанием источника.¹

Ввиду изложенного я позволяю себе почтительнейше Вас просить соблаговолить любезно выслать мне сюда для моей дочери экземпляр Вашего названного труда вместе с вышеозначенными указаниями, чем Вы меня весьма обяжете. Моя дочь намерена составить очерк в виде очерка о Вл. С., составленного на французском языке J. B. Séverac в издании «Les Grands Philosophes Français et Étrangers»².

Стоимость экз<емпляра> Вашего труда и пересылки я с благодарностью Вам возвращу при скором, надеюсь, свидании в С<анкт>-П<етер>б<урге>.

С совершенным почтением и задушевным приветом
искренне преданный Вам

Ф. Гец.

Р. С. Князь Э. Э. Ухтомский уведомил меня, что мой отзыв о Вашем труде не мог быть помещен им в «С<анкт>-П<етербургских> вед<омостях>».

¹ О появлении в Англии очерка дочери Геца мне ничего не известно.

² См.: Vladimir Soloviev / Introduction et choix de textes traduits pour la première fois par J. B. Séverac. Paris, 1910 (Les Grands philosophes français et étrangers; 14). Более ранняя публикация: Séverac J. B. Vladimir Soloviev et la philosophie en Russie // La vie contemporaine. 1908. № 2. P. 112—117.

№ 31

4 (17) августа 1913 г. Вильна

Вильно, Тамбовская 8а. 4/8-13.

Глубокочитимый Эрнест Львович!

Задушевное спасибо за Ваши полезные указания, которыми я пользуюсь. Когда я просил Вас о высылке мне Вашей книги о Вл. С. Соловьеве, я был в Вильдбаде, где последней никак нельзя было получить, здесь, надеюсь, ее достать. Впрочем, на днях я буду в С.-Петербурге, и оттуда пошлю ее моей дочери вместе с письмами Вл. С. Соловьева. Книги кн. Е. Трубецкого я все еще не читал. За границей ее никак нельзя было достать, а сюда я только недавно приехал, 1-го с<его> м<есяца>. Как только справлюсь со срочным поручением, я возьмусь за чтение (так! — Д. Б.) означенной книги, не замедля поделиться с Вами вынесенным впечатлением.

С задушевным приветом и совершенным почтением
искренне преданный Вам Ф. Гец.

№ 32

13 (26) октября 1913 г. Вильна

Вильно, Тамбовская 8а.
13 / X-13.

Глубокоуважаемый Эрнест Львович!

Задушевное спасибо за присылку пробного оттиска моей статьи. На вопрос: какое количество экзем<пляров> отпечатать и на какой

бумаге, прошу отпечатать 500 экз<емпляров> и на бумаге и с обложками «Журн<ала> М<инистерства> н<ародного> пр<освещения>».¹

Вторую статью об общеобразовательных еврейских учебных заведениях я отправлю Вам в конце настоящего или в начале будущего месяца.

Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить Вас за духовное наслаждение, испытанное мною от чтения Вашего прекрасного разбора сочинения кн. Е. Трубецкого, который в то же время составляет убедительную защиту сочинений незабвенного Вл. С. Соловьева.² Я испытываю почти физическую боль, когда я замечаю непочтительное отношение к покойному другу и его трудам. И если на него набрасывается Розанов из «Нов<ого> времени»,³ то его можно игнорировать, но другое дело кн. Е. Трубецкой. Его сочинения против Вл. С. я все еще не успел читать. Я все время завален работой неотложной. Но из Вашей рецензии нетрудно узнать, насколько Вы правы Вашим отзывом.⁴ Кстати, относительно антиномии или апории между понятиями о Вездесущем Боге и миром. Каббалисты усматривают исход в созданной ими «Сойд гацимцум», т. е. «Таинство самочувствования Бога», т. е. Бог, как Всемогущий, может сузить Свою вездесущность, чтобы оставить место для созданного Им мира, чтобы дать ему возможность самостоятельного существования.⁵ Однако в конце концов и «сойд гацимцум» не спасет нас от апории, или от того положения, в котором находился Виктор Папинг (?).⁶ Steinheim⁷ усматривает в указанной антиномии, как и в апории, между *causa sui*⁸ Бога и законом причинности доказательство необходимости веры, так как человеческий разум оказывается недостаточным справиться с неустрашимыми основными антиномиями. Но в таком случае невольно приходится согласиться с Вл. С., что вся наша мыслительная способность годится только для объяснения догматов веры, чтобы сблизить их нашему пониманию (так. — Д. Б.), но логически обосновать их мы не в силах.

С задушевным приветом и глубочайшим почтением

Ф. Гец.

¹ Речь идет об уже упоминавшейся статье «Школьное обучение у русских евреев».

² См. прим. 4 к данному письму.

³ Отношения В. С. Соловьева и В. В. Розанова не были гладкими при жизни философа, неоднозначной и противоречивой была оценка Розановым личности Соловьева после смерти последнего (систематический разбор идейных взаимоотношений обоих мыслителей см.: *Голдберг Э. Владимир Соловьев и Розанов // Стрелец*. СПб., 1922. Сб. 3. С. 124—143). Однако нельзя согласиться с Гецем в том, что Розанов «набрасывался» на Соловьева. Скорее можно говорить об эстетическом неприятии Розановым Соловьева, который «ко всем великим запутанностям психологии человеческой — они же суть и запутанности человеческой истории — подошел слишком просто... как судебный пристав с исполнительным листом» (*Розанов В. В. Размолвка между Достоевским и Соловьевым // Наше наследие*. 1991. № 6. С. 71). Признание за Соловьевым роли «хорошего работника русской земли», для которого нужен не так «разбор трудов и литературное прославление», «как простая зауспокойная литургия» (*Розанов В. В. На панихиде по В. С. Соловьеву // Розанов В. В. Несовместимые кон-*

⁴ причина самого себя, первопричина (*лат.*).

трасты жития. М., 1989. С. 367), обусловлено не столько «розовщиной» (термин А. Ф. Лосева), сколько сутью «серебряного века», сторонившегося гармонизаторства, или того, что почиталось таковым. Для Геца Розанов был человеком Суворина, мракобесом и антисемитом (актуальными были статьи и высказывания Розанова во время «процесса Бейлиса»). См. сборник «Розанов и евреи», содержащий монографии Е. Курганова и Г. Мондри, посвященные этой теме (СПб., 2000). Ближайшей хронологически ко времени данного письма Радлову из розановских работ о Соловьеве была глава «Прослойки содомии у Владимира Соловьева» в книге Розанова «Люди лунного света. Мегафизика христианства» (СПб., 1911. С. 112—114) (репринт в 1913 г.).

⁴ Отзыв Радлова на книгу Е. Трубецкого о Соловьеве был помещен в сентябрьской книжке «Журнала Министерства народного просвещения» за 1913 г. (с. 177—185) и вызвал интересную полемику философов на страницах «Русской мысли». Е. Трубецкой инкриминировал Радлову в своем ответе стремление к гармонизаторству образа Соловьева и невнимание к катастрофам современной русской жизни (русско-японская война и революция 1905 г.), предвестником которых, по мнению Трубецкого, был Соловьев. Своим «имманентным подходом» к воззрениям и личности Соловьева Трубецкой стремился продемонстрировать легитимность критического осмысления наследия философа в радикально иную эпоху, тогда как Радлов считал это «уменьшением памяти» покойного (*Трубецкой Е. Э. Л. Радлов о В. С. Соловьеве // Русская мысль. 1913. № 11. С. 43—52*). Э. Л. Радлов выступил с коротким, но необычайно жестким «Письмом в редакцию» на имя П. Б. Струве. Он писал, в частности, о невозможности продолжать полемику с Е. Трубецким, который свел все его, Радлова, тезисы к тому, что «я черносотенный чиновник, тогда как его книга имеет в виду просвещенных и ученых читателей...». И далее: «...беспощадная критика покойного друга и приписывание низменных мотивов своему ближнему» не являются «надлежащим средством» для упреждения «всякой тяжести земной» (*Радлов Э. Письмо в редакцию // Русская мысль. 1913. № 12. С. 110*).

⁵ В обстоятельной статье «Каббала», написанной для «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Эфрона, Соловьев писал об этом феномене следующее: «Умозрительное учение каббалы исходит из идеи сокровенного, неизреченного Божества, которое, будучи выше всякого определения, как ограничения, может быть названо только *ен-соф*, т. е. ничто или Бесконечное. Чтобы дать в себе место конечному существованию, энсоф должен сам себя ограничить. Отсюда „тайна стягиваний“ (*cod Цицури*) — так называются в каббале эти самоограничения или самоопределения абсолютного, дающие в нем место мирам. Эти самоограничения не изменяют неизреченного в нем самом, но дают ему возможность проявляться, т. е. быть и для другого» (цит. по изданию: Философский словарь Владимира Соловьева. Ростов-на-Дону, 1997. С. 153).

⁶ О нем у меня нет никакой информации.

⁷ *Steinheim Salomo (Salomon Ludwig) Levi* (1789—1866) — врач и философ. Автор знаменитого произведения «Откровение в учении иудаизма», которое, видимо, и имеет в виду Гец. Последнее переиздание части произведения в англоязычной книге: *Haberman Joshua O. Steinheim S. L. Philosopher of revelation. Philadelphia, 1989.*

№ 33

21 октября (3 ноября) 1913 г. Вильна

Вильно, Тамбовская 8а.
21 / X-13.

Глубокоуважаемый Эрнест Львович!

Препровождая при сем вырезку из вильенской газеты «Наша копейка» от настоящего числа, которая перепечатана из «Русское слово» от 19/ X с <его> г <ода>, позволяю себе обратиться Ваше вни-

мание на подчеркнутое красным карандашом предложение, в котором я усматриваю гнусную клевету на незабвенного друга. Вы подерживали с Вл. С. близкие отношения почти до его кончины и несомненно знаете, что он не переменял своего отношения к еврейству. Думаю, что если произошло в нем подобное изменение, то наверное об этом знал его покойный друг князь С. Н. Трубецкой, на руках которого он скончался, и тогда последний, зная мои отношения к моему народу, не обратился бы ко мне с предложением написать для «Вопросов философии и психологии» статью об отношении Вл. С. С. к еврейскому вопросу. Но я, как еврей, не могу выступить с опровержением. Может быть, Вы бы нашли возможным замолвить слово об этом деле.

Сотрудник «Русского С<лова>» обратился ко мне по этому вопросу с уплоченным ответом. Я ограничивался кратким указанием на статью Вл. С. о Талмуде¹ и на мою вышеозначенную статью в «Вопросах философии и психологии»² и на то, что ближайшие друзья философа, продолжавшие с ним сношения до его кончины, знают его неизменившиеся убеждения относительно еврейства. Но думаю, что это недостаточно.

С задуманным приветом и глубочайшим почтением
сердечно Вам преданный Ф. Гец.³

¹ Имеется в виду впервые напечатанная в 6-м номере «Русского обозрения» за 1886 г. статья Соловьева «Талмуд и новейшая полемическая литература о нем в Австрии и Германии».

² Уже упоминавшаяся статья Геца: Об отношении Вл. С. Соловьева к еврейскому вопросу // Вопросы философии и психологии. 1901. Кн. 56, № 1. С. 159—198.

³ К письму приложена газетная вырезка «Еще о Пранайтисе»: «Ксендз Пранайтис рассказал одному из своих друзей историю своего появления в деле Бейлиса так:

— Меня открыл союз объединенного дворянства, наголкунувшийся в архивах на мою брошюру о Талмуде и христианах, лежавшую под спудом 21 год, и министерство юстиции вызвало меня в Петербург через нашего митрополита. Здесь я пять месяцев копался в библиотеках, разыскивая нужные источники. Я отказывался от этой миссии, но мне говорили: „Вы один у нас в России“.

Пранайтис уверял часто, что он был близко знаком с Вл. Соловьевым и вел с ним переписку, и будто бы под конец жизни Вл. Соловьев, всегда протестовавший против обвещения евреев в ритуальных убийствах, был убежден доводами Пранайтиса.

Чтобы судить об этой „правде Пранайтиса“ достаточно напомнить, что Вл. Соловьев умер с молитвой за еврейский народ на устах» (РО ИРЛИ, ф. 252, оп. 2, № 370, л. 48). Выделенный курсивом текст в оригинале подчеркнут красным карандашом.

№ 34

11 (24) октября 1913 г. Вильна

Вильно, Тамбовская 8а.
11 / X- 13.

Глубокочитимый Эрнест Львович!

Простите великодушно мою неаккуратность. Конец моей статьи лежит почти готовый уже месяц,¹ и я не могу закончить его не только по недостатку досуга, а, главное, по болезни своей лично и моей

жены, за которой я должен ухаживать. С тех пор как я вернулся из Киссингена, я не имел ни одного дня, в который я был бы пощажен от забот и хлопот по больным в моей семье, что меня разоряет в прах, хуже всего, что это отнимает у меня всякую способность к труду, я не в силах сосредоточить свое внимание и умственно заниматься, и еле в состоянии справиться со служебными обязанностями. Я поэтому и боюсь назначить Вам срок, когда я сумею доставить Вам конец моей статьи. Если Вы тем не менее могли бы выслать мне гонорар за напечатанную часть вышеозначенной статьи, Вы бы меня весьма обязали. Во всяком случае, если, как я надеюсь, до рождественских каникул моя жена поправится, я уверен, что тогда закончу статью и она может появиться в январской книжке Вашего жур<нала>.

С задушевным приветом и искренним почтением

Ф. Гец.

¹ См. прим. 1 к письму 32; прим. 3 к письму 24; письма 35—36.

№ 35

13 (26) февраля 1914 г. Вильна

Вильно, Тамбовская 8а.
13/ II- 14.

Глубокоуважаемый Эрнест Львович!

Одновременно с сим посылаю Вам обещанную 2 статью.¹ Простите великодушно невольное замедление. Я все время, по возвращении из заграницы, был преследуем жестокой судьбою. Сначала я болел, потом мои дети одно (так. — Д. Б.) за другим и, наконец, заболела моя жена и после продолжительной трехмесячной болезни она скончалась к беспредельному моему горю. Она была благороднейшей, чистейшей и даровитейшей женщиной, которую я когда-либо знал, и с этой чудной женщиной я прожил в счастливейшем браке 22 года. Наша идеальная семейная жизнь была для меня неисчерпаемым источником счастья и блаженства. Несмотря на весьма скромные средства и сверх-сильное обременение служебными обязанностями, я был, б<ыть> м<ожет>, счастливейшим человеком в мире, сознавая, что вполне счастлив в семейном отношении. Моя семья была для меня всем миром и воплощением счастья. Это счастье ныне лежит предо мною разбито в дребезгах (так. — Д. Б.), и я сам разбит, и я молился бы о скорейшей смерти моей, если бы не получил в наследство священную обязанность воспитать моих осиротевших детей. Я должен жить по-неволе, а сил во мне нет. Я вдруг постарел и одряхлел и стою над гробом моей молодой еще жены (ей было только 45 л.) беспомощным, дряхлым стариком, а дети у меня еще малолетние...

Простите, что позволил себе писать Вам о моем великом несчастье. Я теперь сам не свой.

С задушевным приветом и глубочайшим почтением

Ф. Гец.

¹ См. письмо 36 и прим. 1 к нему.

№ 36

26 марта (8 апреля) 1914 г. Вильна

Вильно, Тамбовская 8а.
26/III.14.

Глубокоуважаемый Эрнест Львович!

Ввиду предстоящего скорого продолжительного отпуска моего (вследствие расстроенного здоровья), Вы бы очень меня обязали, если любезно распорядились о скорейшей доставке мне корректуры моей статьи,¹ с тем, чтобы я до отпуска мог прочесть, исправить и вернуть Вам. Отзыв о книге «Евреи в общей школе»² доставлю Вам еще до отъезда моего.

С совершенным почтением и задушевным приветом Ф. Гец.³

¹ Речь идет о второй части статьи Геца «Школьное обучение у русских евреев» (Журнал Министерства народного просвещения. 1914. № 5, Отд. нар. образования. С. 1—29). Вышло также отд. изд.

² Имеется в виду книга С. В. Познера «Евреи в общей школе (К истории законодательства и правительственной политики в области еврейского вопроса)» (СПб., 1914).

³ В левом нижнем углу той же рукой, что и слова «прямым жидом» в письме 24, колонки цифр: 24

48

192

96

1052

№ 37

5 (18) июня 1914 г. Вильна¹

Вильно, Тамбовская 8. 5/6.

Глубокочитимый Эрнест Львович!

Из газет я сейчас узнал о торжестве Вашего юбилея² и спешу выразить Вам свое невольное запоздалое поздравление. Из глубины души я Вам желаю дожить в радости и преуспейнии в Ваших научных изысканиях до настоящего, т. е. пятидесятилетнего юбилея Вашей столь плодотворной научной деятельности.

По Талмуду: «Настоящие ученые, „тамидэ-хахамим“ — „чем больше они стареют, тем более их ум просветляет». Твердо веря в это изречение, я надеюсь, что Ваши наиболее достойные Ваших необычайных умственных дарований философские труды еще впереди и прежде всего «история философии» в свойственном Вам ясном до прозрачности и вполне самостоятельном изложении, в которой рус-

ская письменность столь сильно нуждается. По моему глубокому убеждению, Вы единственный в России, который призван по своей обширной философской эрудиции и по мастерству изложения для такой задачи. Незабвенный наш друг Влад. Сергеевич был слишком субъективен для передачи чужих философских мыслей, он невольно всюду внес бы свое личное и трудно было бы вылавливать объективное учение трактуемых им философов. Вы же умеете одинаково объективно воспринять, как и изложить, самые сложные и глубоко-мысленные философские комбинации, что для историка философских учений в высшей степени важно. Таким трудом Вы обессмертите себя. Дай Бог нам дожить до этого.

С задушевным приветом Вам и Вашей гостеприимной и обаятельной дочери остаюсь сердечно Вам преданный и глубоко Вас почитающий

Ф. Гец.

Р. S. Мою статью взялся пристроить А. И. Бройдо.³

¹ Год устанавливается весьма условно на основании содержания.

² По всей вероятности, речь идет о 30-летнем юбилее научной деятельности Э. Л. Радлова, который мог отмечаться в мае 1914 г. Отсчет идет от 1884 г. — перевод на русский язык «Этики» Аристотеля. См.: Радлов Э. Этика Аристотеля (перевод с греческого) // Журнал Министерства народного просвещения. 1884. № 4, Отд. классич. филологии. С. 67—87; № 5. С. 1—15.

³ Не ясно, о какой статье идет речь. А. И. Бройдо — лицо неустановленное.

№ 38

5 (18) января 1915 г. Вильна

Вильно, Тамбовская 8а. 5/ I—15.

Досточтимый Эрнест Львович!

Зная Вашу испытанную доброту, я позволяю себе обратиться к Вам с нижеследующей просьбою.

Кажется, я в прошлом году в сжатом виде изложил Вам свой опыт по отысканию верховного начала права и нравственности в связи с экономическим строем человеческого общежития. Этот опыт, который я набросал более 30 лет тому назад и с которым я познакомил незабвенного Вл. С. Соловьева, я теперь разработал в виде этико-философского этюда и посылаю Вам одновременно с покорнейшею просьбою соблаговолить внимательно прочесть его и высказать мне Ваше мнение о нем,¹ которым я, разумеется, очень дорожу. Смеею уверить Вас, что это с моей стороны не пустое тщеславие, а любознательность. Мне хотелось бы знать, имеет ли мой опыт некоторую ценность, или нет, а это я лучше и вернее всего могу узнать от Вас. Если вы признаете за моим опытом некоторую ценность, я бы Вас убедительнейше просил бы советовать мне куда его поместить.²

С совершенным почтением и задушевным приветом искренне
Вам преданный

Ф. Гец.

¹ Над словами «мнение о нем» соответственно стоят цифры 2 и 1, свидетельствующие, вероятно, о их перестановке.

² О публикации данного труда Геца мне ничего не известно. См. письма 40, 41.

№ 39

5 (18) февраля 1915 г. Вильна

Вильно, Тамбовская 8а. 5/II 15.

Глубокоуважаемый Эрнест Львович!

Прибыв сегодня из Петрограда, где дела меня задержали до вчера вечером, спешу исполнить Ваше поручение и присылаю Вам при сем желательные Вам циркуляры и цитату из «Морэ-небухим» (Путеводитель блуждающих) Маймонида.¹ Последняя гласит в немецком переводе Fürstenthal: «Glaube aber nicht, daß diese wichtigen Geheimnisse (der Theologie) auch nur einem Einzigem von uns bis auf ihren äußersten Endpunkt aufgedeckt sind. Keineswegs! Viel mehr schimmert uns zuweilen ein Strahl der Wahrheit durch, so daß wir uns in einer Tageshelle glauben, verschwindet aber bald darauf durch Einwirkung unserer Natur und Gewohnheiten, so daß wir in eine finstere Nacht zurückfallen, die der ähnlich ist, worin wir uns früher befanden. Es ergeht uns in dieser Hinsicht, wie Jemandem, dem in einer finsternen Nacht mehrere Blitze hintereinander herabschiessen. Nun schiessen manchem diese Blitze in geringen Interwallen herab, so daß er in einer ununterbrochenen Helle sich zu befinden und die Nacht sich ihm in Tag zu verwandeln scheint».²

С задушевным приветом и искренним почтением
сердечно Вам преданный Ф. Гец.

¹ «Путеводитель блуждающих» или «Путеводитель растерянных» Моше бен Маймона (Маймонида) (1138—1204) — центральное произведение еврейской средневековой философии, решающим образом повлиявшее на всю последующую еврейскую религиозную традицию и философскую мысль. Труд Маймонида оказал существенное влияние и на европейскую религиозно-философскую традицию (Фома Аквинский, Мейстер Экхзарг, Спиноза). Книга была написана на арабском языке, посвящена проблемам интерпретации Писания и является своеобразным диалогом между фило-

² «Но не думай, что эти важные тайны (богословия) открываются в их основаниях хоть одному из нас. Никоим образом! Скорее истина вспыхивает для нас время от времени молнией, так что нам кажется, что мы видим свет дня. Но вскоре после этого, под воздействием нашей природы и привычек, истина исчезает, так что мы опять проваливаемся в темную ночь, которая походит на ту, в которой мы находились ранее. В этом смысле наше положение напоминает положение человека, который в темной ночи освещен многими вспышками молний. Некоторых эти молнии освещают в короткие интервалы, так что кажется, что эти люди находятся в непрерывном свете и что ночь превращается для них в день» (перевод Д. Б.).

софией и религиозной традицией. Первый русский перевод «Морэ...», выполненный М. А. Шнейдером, был опубликован в 2000 г. под названием «Путеводитель растерянных». Гец ссылается на перевод: *Fürstenthal R. I. Moreh Nebukim (Doctor Perplexorum... von Rabbi Moses Maimonides. Krotschin, 1839.* (Фюрстенталь, как и М. А. Шнейдер 160 лет спустя, перевел первую часть труда Маймонида. Перевод выполнен по знаменитому переводу Самюэля ибн Тиббона на древнееврейский (конец XV в.)).

№ 40

10 (23) февраля 1915 г. Вильна

Вильно, Тамбовская 8а. 10/II.15.

Досточтимый Эрнест Львович!

Наша последняя религиозная беседа напомнила мне об изречении Goethe: «Der Glaube ist nicht der Anfang, sondern das Ende alles Wissens. Das schöne Glück des denkenden Menschen ist — das Erforschliche zu wissen und das Unerforschliche ruhig zu verehren».¹ Помнится мне следующая цитата из Geibel:

«Studiere und raste nie,
Du kommst nicht weit mit deinen Schlüßen,
Das ist das Ende der Philosophie,
Zu wissen, daß wir glauben müssen».²

Об этом же имеется прекрасное место в «Allgemeine Paedagogik» von Th. Waitz, pg. 283.³ Если у Вас нет этой книги, я охотно спишу Вам это место, если это Вам желательно. Но эти сообщения не составляют цели моего настоящего письма. К последнему меня побуждает следующая покорнейшая просьба. Так как я с теперешними редакторами «Вопр<осов> психологии и филос<офии>» совершенно не знаком, не найдете ли возможным со свойственной Вам исключительной любезностью передать им мою известную Вам статью⁴ с некоторыми сопроводительными словами. Если Вы почему-либо не найдете это для себя удобным, то Вы меня весьма обяжете, если любезно отправите мою статью в тот журнал, о котором Вы мне сказали, что он вместо гонорара дает оттиски, но еще лучше было бы в «Ж<урнал> М<инистерства> н<ародного> пр<освещения>». Простите, великодушно, что позволяю себе беспокоить Вас личным делом.

Некоторые возражения кн. Ал. Дмитриевича Оболенского⁵ побудили меня несколько пополнить свою статью, которую одновременно с сим посылаю Вам для отправки ее дальше на случай Вашего согласия.

Выражая Вам вперед свою искреннюю благодарность за оказанное мне одолжение, остаюсь душевно Вам преданным и глубоко Вас почитающим

Ф. Гец.

¹ «Вера — не начало, а конец всякого знания. Прекрасное счастье думающего человека — знать познаваемое и спокойно преклоняться перед непознаваемым» (перевод Д. Б.). Гец цитирует знаменитые «Maxime und Reflexionen» («Максимы и размышления») позднего Гете, оставшиеся частично неопубликованными при жизни писателя и напечатанные впоследствии в разделе «Aus dem Nachlass» («Из наследия»). См., к примеру: *Goethe. Werke: in zehn Bänden. Hamburg, 1957. Bd 9. S. 380.*

² Цитата приведена не совсем верно. Первая строка звучит: «Studiere nur und raste nie...» («Только учись и никогда не делай привал, ты не уйдешь далеко с твоими выводами. Конец философии — это знать, что мы должны верить») (подстрочный перевод Д. Б.). *Geibel Emanuel* (1815—1884) — немецкий поэт, автор стилизованной под народные песни лирики, патристических стихотворений и драм. Относился к «мюнхенскому кругу поэтов». Гец цитирует 7-е стихотворение из поэтического цикла позднего Гейбеля «Изречения» — «Sprüche», состоящего из 75 коротких поэтических сентенций на религиозно-этические темы. См.: *Geibel Emanuel. Werke. Vier Teile in einem Bande / Ausgewählt und herausgegeben v. Dr. K. Schacht. Leipzig, 1915. S. 291.* Я благодарю профессора Людольфа Мюллера (Тюбинген, Германия) за помощь в прочтении этих фрагментов, а также немецкоязычной версии отрывка из «Морэ-небухим», приведенного Гецем.

³ Гец ведет речь о книге: *Waitz Theodor. Allgemeine Pädagogik. Braunschweig, 1852.* Имеется в виду следующий пассаж, опубликованный на с. 283: «...Volle Ruhe und dauernden Frieden kann das Gemüth des Menschen nur in einer Gesamtansicht der Welt finden, die ihm den Sinn und die Bedeutung des Ganzen aufschliesst dessen Glied er ist und die allgemeinen Gesetze die es beherrschen in Übereinstimmung zeigt mit seinen eigenen wesentlichen Interessen. Eine solche Gesamtansicht ist aber notwendig Sache des Glaubens, weil die Wissenschaft mit ihren Beweisen nicht bis an dieses Gebiet hinausreicht» («...Человеческая душа может найти полный покой и продолжительный внутренний мир только в целостной картине мира, открывающей ему смысл и значение Целого, частью которого он является, и общие законы, постижение которых находится в соответствии с его (человека) сущностными интересами. Но такая целостная картина непременно является делом веры, так как наука с ее доказательствами не может достичь этой области») (перевод Д. Б.).

⁴ См. письмо 38.

⁵ См. прим. 1 к письму 23.

№ 41

10 (23) марта 1915 г. Вильна

Вильно, Тамбовская 8а.
10/ III—15.

Досточтимый Эрнест Львович!

Простите великодушно, что позволяю себе беспокоить Вас просьбою соблаговолить уведомить меня о судьбе моей статьи «Опыты новой теории о начале этики права и социального строя»,¹ чем Вы меня весьма обяжете.

В предположении, что Вас может интересовать результат известного Вам циркуляра Попечителя В<иленского> у<чебного> о<круга> посылаю Вам одновременно с сим I и II «Приложение к Циркуляру В<иленского> у<чебного> о<круга>».

С совершенным почтением и душевной преданностью

Ф. Гец.

¹ См. письма 38, 40.

№ 42

31 августа (13 сентября) 1915 г. Могилев¹

Глубокочитимый Эрнест Львович!

Простите великодушно, что позволяю себе беспокоить Вас личной просьбою. Предъявительница сего моя младшая дочь, Мариам, чувствует сильное влечение к медицине и добивается приема в Петрогр<адский> ж<енский> м<едицинский> институт. На основании нового циркуляра М<инистерства> н<ародного> пр<освещения> она, как дочь чиновника сего Министерства, должна быть принята вне процентной нормы, но по заявлению, сделанному ученым секретарем названного института моей дочери, будет принята та, у которой окажется больше протекции, и посему она нуждается в последней. Вы меня бесконечно обяжете, если Вы сообразоволивите доставить ей требуемую протекцию. Чистой совестью могу удостоверить, что отличается образцовым благонаравием и редкой добро-совестностью. Вы, т<аким> о<бразом>, можете смело ее рекомендовать, чем вы, повторяю, бесконечно меня обяжете.

С совершенным почтением и задушевной преданностью
Ф. Гец.

Могилев губ., Маковецкий пер., д. № 7.
31 августа 1915.

¹ Переезд Ф. Геца в Могилев, вероятно, обусловлен развернувшимся в начале августа германским наступлением в районе г. Вильно. В результате этого наступления немцы овладели Ковно (Каунас) и реально угрожали Вильно.

№ 43

20 декабря 1915 г. (2 января 1916 г.). Могилев

Могилев губ., Маковецкий пер. 7. 20.12.15.

Глубокочитимый Эрнест Львович!

Испытанная Ваша доброта внушает мне смелость беспокоить Вас почтительнейшею просьбою сообразоволивить взять на себя труд просмотреть отправленный мною одновременно с сим мой новый опус «О сущности истины, красоты и добра»,¹ с которым я Вас когда-то слегка познакомил. Нечего говорить, что Ваше авторитетное о сем предмете мнение мне чрезвычайно дорого и всякое Ваше указание или возражение будет принято мною с искренней благодарностью. Зная, как Вы обременены Вашими тяжелыми обязанностями, я бы не смел Вас тревожить подобной просьбою, если бы я знал другого, столь же компетентного в данной области мыслителя в России, к которому я мог бы обратиться. В кратких чертах я изложил содержание настоящего моего опыта глубокочитимому Александру Дмит-

риевичу², которой выразил свое одобрение в теплых словах и поощрял меня к разработке его. Если по прочтении Вами сказанного моего опыта и снабжении его Вашими замечаниями Вы сообразоволяете при встрече с князем передать ему мою рукопись, я буду Вам весьма благодарным.

Пользуюсь случаем, чтобы принести Вам свое глубоко искреннее извинение за невольное нарушение мною правил гостеприимства, когда я в последний раз был у Вас. Болезненное расстройство заставило меня быть бестактным. Простите великодушно!

С сердечным пожеланием светлых праздников³ и задушевным приветом остаюсь глубоко Вас почитающий

Ф. Гец.

¹ О публикации этот «опуса» мне ничего не известно.

² А. Д. Оболенский.

³ Гец поздравляет Радлова с наступающим Рождеством.

№ 44

12 (25) января 1916 г. Могилев

Могилев губ., Маковецкий пер. 7. 12.1.16.

Досточтимый Эрнест Львович!

Вчера я отправил кн. А. Д. Оболенскому, живо интересующемуся вопросами философии религии, свой новый очерк: «О сущности монотеистических религий» с почтительнейшею просьбою, по прочтении сего последнего, любезно переслать его Вам. Твердо придерживаясь мнения Вл. С. Соловьева о Вас, как о самом компетентном по вопросам философии лице в России, не раз им высказанного мне, я придаю Вашему отзыву о моем настоящем, как о предшествовавшем ему очерке: «Опыт о сущности истины, красоты и добра», который я несколько времени тому назад послал Вам «заказной бандеролью», решающее значение. Вы мне поэтому окажете великое одолжение, если Вы, со свойственной Вам доброю, сообразоволяете взять на себя труд прочесть означенные очерки и написать мне Ваше мнение о них. Если Вы хоть в общих чертах одобрите их, как Вы одобрили мой очерк «О верховном начале этики, права и социального строя», я намерен издать эти три очерка в отдельной книжке.¹ Побуждает меня к этому заметно пошатнувшееся здоровье и мысль о скорой смерти, которая в последнее время стала усиленно меня преследовать. Не скрываю от Вас, что я лично ввиду оригинальности и новизны мыслей, высказанных в названных очерках, которых нигде в истории философии не встретишь, я склонен приписать им некоторое значение; но, может быть, это ослепленное авторское самолюбие, и посему на себя в данном случае полагаться не решаюсь, не столько ради расходов на издание, сколько из опасения не скомпрометировать себя. Обращаюсь поэтому к испытанной Вашей доброте не отказать мне в вышеупомянутой просьбе. С основной идеей пос-

ледного очерка я Вас познакомил и, насколько мне кажется, Вы ее одобрили.

С жгучим нетерпением ожидаю Вашего скорого ответа. За всякое Ваше указание и замечания Вам буду бесконечно благодарен.

С совершенным почтением и сердечной преданностью

Ф. Гец.

¹ Не исключено, что Гец издал эти очерки мизерным тиражом, однако в доступных мне каталогах и библиографиях они не значатся.

№ 45

2 (15) октября 1916 г. Могилев

Могилев губ., Маковецкий 7. 2.10.16.

Глубокочитимый Эрнест Львович!

В прошлую неделю я Вам послал свою брошюру, озаглавленную «Еврейство и ассимиляция».¹ Она направлена против, на мой взгляд, крайне нежелательной в педагогическом и гражданском отношениях пропаганды «идишистов», стремящихся к водворению еврейского жаргона в еврейскую школу в качестве языка преподавания и предмета особого изучения, несмотря на полную его негодность для педагогических и дидактических целей. Между тем эта пропаганда, пользуясь законами 1-го июля 1914 года, к глубочайшему прискорбию всех благоволящих евреям, делает громадные успехи во вред жизненным интересам еврейства.² Я поэтому считаю своим патристическим долгом выступить против этой пропаганды, не обращая внимания на небывалую доселе дороговизну печати и бумаги. Вы меня весьма обяжали бы, если Вы дали бы о ней отзыв в редактируемом Вами почтенном журнале и тем в значительной степени содействовали бы распространению означенной брошюры и, косвенно, достижению преследуемой мною цели: вытеснению жаргона из школы, который педагогически изнуряет учащихся и ведет к крайне нежелательному сепаратизму.

С совершенным почтением и задушевным приветом

Ф. Гец.

¹ Издана под псевдонимом Ф. Эллинов в 1917 г. в Петрограде.

² Гец поднимает одну из центральных проблем русско-еврейской жизни начала XX в. После знаменитой Черновицкой конференции 1908 г., большинство на которой составляли представители российского еврейства, самосознание «идишистов» достигло кульминации. Тогда как сионисты и традиционалисты горячо выступали за иврит как основной язык еврейства, автономисты и бундовцы являлись сторонниками языка масс — идиш. В 1913 г. Д. Хохберг опубликовал книгу «Проблемы школ на идиш», а в 1914 г. подготовил азбуку «Ди найе шул» — «Новая школа». Июльскими законами 1914 г., о которых пишет Гец, разрешалось преподавание на языках национальных меньшинств. Тут же стали возникать многочисленные школы с преподаванием на идиш. Подробнее об этом см.: Краткая еврейская энциклопедия. М., 1996. Т. 7. С. 376--377.

18 (31) декабря 1916 г. Могилев

Могилев губ., Маковецкий 7. 18.12.16.

Глубокочтимый Эрнест Львович!

Зная Вашу испытанную доброту, я позволяю себе обратиться к Вам с нижеследующей просьбою.

В бытности моей в Петрограде я Вам рассказал о моем ходатайстве о разрешении мне открыть гимназию для евреев в г. Витебске. Благодаря предстательству кн. Оболенского пред гр. Игнат<евым>¹ моему ходатайству дано было успешное движение, и в настоящее время все зависит от благоусмотрения генерала Зуева,² военачальника Витебского или Минского Военного Округа. По совету моего ближайшего начальника, Н. Д. Чечулина,³ я поехал в Витебск спросить у ген<ерала> Зуева о согласии на предоставление мне учебным начальством разрешения открыть гимназию и узнал, что для окончательного успеха моего ходатайства крайне необходимо получить письмо от Н. Д. Чечулина к генералу Зуеву, из которого можно было бы усмотреть, что он, Н. Д., находит открытие гимназии в г. Витебске весьма желательным, только в таком случае можно ожидать благоприятный исход моего ходатайства.

Ввиду сего, зная Ваши близкие отношения к Н. Д. Чечулину, я позволяю себе, опираясь на Вашу испытанную любезность, почтительно просить Вас не отказать мне видеться с Н. Д., который в настоящее время в Петрограде, с целью добиться желанного письма к ген<ералу> Зуеву для меня. Вы мне этим окажете неоценимое благодеяние. Считаю нужным заметить, что дело это не терпит отлагательства.

С совершенным почтением и задушевной преданностью

Ф. Гец.

Адрес Н. Д. Чечулина в Петрограде: Загородный пр., д. № 7.

¹ *Игнатьев Павел Николаевич* (1870—1945) — государственный деятель; в 1915—1916 гг. министр народного просвещения. Будучи на этом посту предпринял попытку либеральных реформ в области среднего образования. См. о нем: *Шилов Д. Н.* Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802—1817: Библиогр. справочник. СПб., 2002. С. 298—300.

² *Зуев* — лицо неустановленное. Согласно «Памятной книжке на 1916 год» (СПб., [1916]), Витебского и Минского военного округов в этот период не существовало.

³ *Чечулин Николай Дмитриевич* (1863—1927) — историк. На 1916 г. он являлся попечителем Виленского учебного округа. См.: *Памятная книжка на 1916 год.* Пг., [1916]. С. 520.

№ 47

22 декабря 1916 г. (4 января 1917 г.). Могилев

22.12.16.

Могилев губ., Маковецкий 7.

Глубокочтимый Эрнест Львович!

Спешу Вас уведомить, что разрешение мне открыть гимназию уже последовало и посему нет надобности Вам беспокоиться и просить Н. Д. Чечулина о письме к генералу Зуеву.

С задушевным приветом и глубочайшим почтением
Ф. Гец.

Е. Г. ЛУНДБЕРГ

І. АВТОБИОГРАФИЯ. ІІ. ПИСЬМА К А. М. РЕМИЗОВУ

Публикация Е. Р. Обатиной

Прозаик, критик, издатель Евгений Германович Лундберг (1883—1965) прожил долгую жизнь в литературе. Он начинал свою творческую карьеру среди писателей-модернистов в журнале «Новый путь», буквально сразу оказавшись на авансцене русской культуры начала XX века. Его первая встреча с А. М. Ремизовым (1877—1957) состоялась в 1905 г. благодаря дружескому посредничеству философа Льва Шестова. Однако эмоциональный и интеллектуальный контакт между двумя начинающими литераторами установился не сразу. Шестов, который был для Е. Лундберга не только учителем, но и заботливым покровителем, чутко уловил диссонанс, возникший между его молодым воспитанником и Ремизовым во время первой встречи. «Лундберг, — делился он с А. Ремизовым в письме от 28 февраля 1905 г., — видно, Вам не по вкусу пришелся — это жаль. Он интересный. А Вы ему понравились. Он, между прочим, писал мне, что Вы единственный человек, который понимает меня».¹ Думается, что возникшая тогда психологическая дистанция, закрепилась на долгие годы по определенной причине. Бывший ссыльный Ремизов довольно скептически смотрел на все общественные движения, стремясь найти свой собственный, *игровой* выход из мира так называемого «подполья».² Лундберг воспринимал окружающую реальность исключительно всерьез (временами даже трагически) и, постоянно перемещаясь из одного «подполья» в другое, отождествлял себя то с революционно-демократическими настроениями и религиозными исканиями, то непосредственно с революционным подпольем и с сектантством, то с толстовством, а то и с аскетическим православием. Несовпадение общественных темпераментов было настолько очевидным, что даже полтора десятилетия деловых связей, по существу, так и не могли видоизменить характер их личных отношений.

К 1910 г. Ремизов уже пользовался заслуженной популярностью у читателей, поэтому Лундберг, чей стремительный литературный дебют в 1909 г. вряд ли можно назвать ярким и нашедшим отклик у публики, в общении с новым знакомым принял на себя роль «подмастерья». В позднейшей перспективе, когда первоначальные разли-

¹ Переписка Л. И. Шестова с А. М. Ремизовым / Вступ. заметка, подгот. текста и прим. И. Ф. Даниловой и А. А. Данилевского // Русская литература. 1992. № 2. С. 136.

² Подробнее см.: *Обащина Е. Царь Асыка и его подданные: Обезьянья Великая и Вольная Палата А. М. Ремизова в лицах и документах*. СПб., 2001. С. 30—35.

чия уже не будут считаться столь принципиальными, Ремизов в свойственной ему пролической манере объединит себя и Лундберга общим отношением к Льву Шестову, о котором «еще в Петербурге <...> пущен был слух, как о забулдыге — горькой пьянице. А на самом-то деле, — поднеси рюмку, хлопнет и сейчас же песни петь! — трезвейший человек, но во всех делах — оттого и молва пошла — как выпивши. <...> А настоящие люди — ума юридического — отдавая Шестову должно, как книжнику и философу, в одном корили, что водится, деликатно выражаясь, со всякой сволочью, куда первыми входили мы с Лундбергом, и все приписывалось „запойному часу“ и „по пьяному делу“».³

Эпистолярный диалог начался с довольно редких писем как раз в то время, когда, не без помощи Л. Шестова, Лундберг очутился в Швейцарии, а чуть позже в Германии и посвятил себя религиозно-философским штудиям. Личные отношения между двумя корреспондентами выстраивались постепенно, на основе взаимной выручки и поддержки. Позже, когда Лундберг вернулся в Россию, Ремизов нередко пользовался его профессиональными услугами как постоянного автора или редактора известных журналов («Заветы», «Современник», «Ежемесячный журнал»). В свою очередь и Лундберг, часто находившийся в разъездах и путешествиях, полагался на содействие Ремизова в устройстве собственных текстов. Нередко его рукописи кочевали по редакциям, но так и оставались ненапечатанными (сегодня большая часть невостребованных редакциями, а позже зачастую утраченных статей и рассказов практически не поддается выявлению).

Тем не менее по прошествии лет Лундберг характеризовал свое положение в литературе той поры в мажорных тонах: «...я — выходец из военной среды, в пятнадцать лет порвавший все связи с нею, позор для родичей в генеральских мундирах, сплошь в течение ряда лет поголадовавший бродяга, литературный удачник, изменявший литературе ради длительных пробегов по России от Крыма до Петербурга, от Пскова до Ясной Поляны...»⁴ Однако, вопреки известным амбициям, его литературная судьба складывалась далеко не гладко. Вспоминая в 1948 г. своего давнего знакомого, Ремизов оценивал его творческий потенциал весьма сдержанно: «...Лундберг писал рассказы и статьи, да неудачно и распылился, а даровитый и начитанный».⁵ Сохранившиеся письма к Ремизову и другим корреспондентам (в частности, к Ан. Н. Чеботаревской, Ф. Сологубу, А. А. Измайлову, К. А. Сюннербергу и В. С. Миролубову) красноречиво свидетельствуют о том, что прозаические и критические сочинения Лундберга с большим трудом находили свое место в повременной печати. Даже выход в свет в 1909 г. двух сборников рассказов, в отличие от громкого успеха ремизовских «Крестовых сестер», не вызвал особого интереса критики.

Вместе с тем содержание публикуемых ниже писем позволяет заметить, что чем больше Лундберг начинал связывать персональные творческие задачи с деятельностью критических отделов литературных периодических изданий, тем острее в его интонации проявлялись тенденции к профессиональному самоутверждению и поучающему ригоризму. Уже в 1912 г. он счел уместным взять на себя миссию авторитетного критика и ходатайствовать за Ремизова перед одним из редакторов нового журнала «Заветы». Письмо к В. С. Миролубову содержало следующий пассаж: «Если Вы не позволите в „Заветы“ Ремизова и если Разумник⁶ убедит Вас сделать это, я буду очень

³ Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2002. Т. 7. Ахру. С. 13.

⁴ Лундберг Е. Записки писателя: 1920—1924. Л., 1930. Т. 2. С. 76.

⁵ На вечерней заре. Перепишка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло / Подгот. текста и коммент. А. д'Амелия // *Europa Orientalis*. 1990. Vol. 9. P. 462.

⁶ *Иванов Разумник Васильевич* (лит. псевд. Иванов-Разумник; 1878—1946) — историк общественной мысли, литературный критик; в 1912—1914 гг. заведующий литературно-художественным отделом журнала «Заветы».

радоваться и за журнал, и за Ремизова. При большом числе сравнит^{ельных} неудач, Ремизов — самый сейчас интересный и сложный писатель и — помня Ваши слова о „масках“ в литературе — пытается говорить о самом для себя важном. Я очень верю в ту новую, жестокую работу, кот^{орую} он пишет <как> „обвинительный акт России“.⁷ Хотя по существу эти обвинительные акты самое мерзкое российское безделье — но он художеств^{енно} может это безделье превозмочь и сделать его делом».⁸

Много занимаясь переводами немецких авторов на русский язык, пробуя себя в журналистской публицистике, в эссенстике и беллетристике, Лундберг стремился более полно реализовать свою творческую потребность в анализе современных литературных явлений. Именно с этой интенцией были связаны его планы написать монографию, посвященную Ремизову. Намерения молодого литератора поддерживал Л. Шестов, который к тому же предлагал С. А. Венгеру пригласить Лундберга как возможного автора биографии писателя для одного из томов «Русской литературы XX века». В письме к Ремизову философ без колебаний утверждал: «...по мне, Л<ундберг>г мог бы и о Мережковском, и о тебе хорошо написать».⁹ По-видимому, исходный замысел исследования творчества Ремизова возник в 1913 г. как контрверза вышедшей книге «Заметки о сочинениях Алексея Ремизова» профессора А. В. Рыстенко. Лундберг писал в своей рецензии, что автору удалось всего лишь составить «толковый словарь к произведениям Ремизова, со всеми недостатками такого рода путеводителей». Завершая отзыв, молодой литератор заявлял: «Вся книга проникнута большой любовью к творчеству анализируемого писателя, и тем больше приходится пожалеть, что исследователь лишен критического чутья, и что задачи Ремизова ему не по плечу».¹⁰

Ремизов, безусловно, ценил колорит и оригинальность личности Евгения Лундберга и даже запечатлел экстравагантный образ своего молодого приятеля в рассказе «Исаич» (1915). Эта и другие повеллы, объединенные позднее в цикл «Среди мурья и неурядицы» (1917), характеризуются непринужденным введением в художественную ткань бытовых подробностей и особенностей дружеского общения с избранными знаковыми писателя: здесь встречаются реальные прозвища, которыми Ремизов награждал археолога И. А. Рязановского и критика В. Н. Княжнина («На птичьих правах»); незначай упоминается рассказ Вяч. Шишкова «Помолились» («Божий человек»); автор свободно цитирует строки из подлинного письма Иванова-Разумника («Чайничек»); в образе учителя Василия Васильевича вполне узнаваем философ В. В. Розанов («Пупочек») и т. д. Рассказ «Исаич», посвященный бытовому эпизоду, произошедшему в семье З. И. Гржебина, начинался с раздумчивого выбора главного предмета повествования: «Рассказать ли вам о страннике Евгении, ходившем по Петербургу под видом немого, и как заговорил он чудесным образом, или о Зиновии Исаевиче, добром и неизменном соседе нашем? Нет, лучше я расскажу вам про Зиновию Исаевича».¹¹ Будто случайно касаясь некой «чудесной» истории «о страннике Евгении», Ремизов всего лишь придавал черты мистификации реальному факту биографии Лундберга, который в то время действительно «наложил на себя зарок молчания».¹²

⁷ Подразумевается повесть Ремизова «Пятая язва» (1912).

⁸ РО ИРЛИ, ф. 185, оп. 1, № 739, л. 19—19 об.

⁹ Переписка Л. И. Шестова с А. М. Ремизовым // Русская литература. 1992. № 4. С. 102.

¹⁰ Лундберг Е. Проф. А. В. Рыстенко. Заметки о сочинениях Алексея Ремизова. Одесса. 1913 г. // Заветы. 1914. № 3. Отд. III. С. 61.

¹¹ Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2000. Т. 4. Оказион. С. 315.

¹² Об этом факте свидетельствует К. А. Суннерберг в «Примечаниях мемуарного характера к собранию писем из архива Конст. Эрберга» (РО ИРЛИ, ф. 474, № 53,

В заключительной части рассказа автор вновь возвращался к интригующему зачину:

«Странник Евгений, о котором я поминал уж, ходивший по Петербургу под видом немого, как раз об эту пору жил с нами.

Бывало и самый простой разговор с ним сушая мука, ходил он с блокнотом, спросишь о чем, и сейчас за карандаш, скоренько на блокноте напишет и обязательно тебе еще вопрос какой, и так без конца. И только потому, что я любил его, я без всякого сердца терпел его затею — не отвечать по-человечки, а писать будто немой.

С постной ли пищи, либо еще отчего это бывает, весь Филиппов пост он постился, а в сочельник до звезды и ничего не ел, а как звезда показалась, грибок там какой-го откусил перед кутьей, его и сдавило, да так, хоть в дугу согнись».¹³

Судя по письмам к Ремизову, Лундберг прочел рассказ, впервые опубликованный в газете «Речь», с двойственным чувством. С одной стороны, он отметил искренность писателя: «Полноты нет! Но вместо полноты мягкость чрезвычайная — даже удивительная». С другой — ремизовский «документализм» ему явно не импонировал: «Я отнюдь не „сожалею“, что Вы не „подробно“ написали о „страннике Евгении“ — совершенно напротив, так что и отдельный рассказ о нем — вряд ли доставит жертве рассказа большое удовольствие».¹⁴

В дальнейшем Ремизов, хотя и не написал «отдельный рассказ», посвященный Лундбергу, зато включил его в члены знаменитой Обезьяней Великой и Вольной Палаты, в игровом пространстве которой осуществлялась идея дружеского союза творческих индивидуальностей, построенного на независимости и самоценности каждого художественного таланта. Согласно обезьяней грамоте П. Е. Щеголева, к январю 1917 г. Лундберг числился «кандидатом в кавалеры обезьяньего знака»,¹⁵ а несколько лет спустя он уже был возведен в «старейшие кавалеры» Обезвельволпала. Собирая в первый год своей эмиграции книгу «Россия в письменах» для берлинского издательства «Геликон», Ремизов внес необходимые коррективы в рассказы, написанные еще в 1913—1914 гг. Описывая подарок Лундберга («Краковскую Библию» 1574 г.), он печатно зафиксировал и его новый обезьяний статус — «старейшего кавалера обезьяньего знака, странника Евгения Злодиевского от варяг».¹⁶ По всей вероятности, мифологический образ Лундберга во многом определялся его неутомимой страстью к путешествиям. Интересно, что на протяжении многих лет свои очерки и рассказы, описывающие перемещения по России и за ее пределы, Лундберг печатал под одним и тем же названием — «Из скитаний». В книге «Кукха. Розановы письма» (1923) Ремизов воспроизводит свою дневниковую запись, относя ее к 8 декабря 1905 г.: «Приходил Е. Г. Лундберг: ходит он, как птица. Так птицей прошел весь юг России от Каспийского моря до Черного и все Балканские государства, вдоль и поперек».¹⁷ Ко-

л. 73). Очевидно, что в своем рассказе Ремизов не привел куда более эпатажные детали поведения Лундберга тех лет. Е. К. Герцык, например, запомнилось, как «хмурый юноша Лундберг, производивший над собой злые эксперименты: проникнув в лепрозорий, ел с одной посуды с прокаженными, потом в течение месяцев симулировал немоту, терпя все вытекающие отсюда неудобства и унижения» (*Герцык Е. Воспоминания*. М., 1996. С. 106).

¹³ Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 4. Оказион. С. 323—324.

¹⁴ См. публикуемые письма 34 и 35.

¹⁵ См.: *Обатица Е.* Царь Асыка и его подданные. С. 14—15.

¹⁶ Ремизов А. Россия в письменах / Предисл. О. Раевской-Хьюз. Нью-Йорк, 1982. Т. 1. С. 17. См. также подлинную подпись Лундберга в глаголическом списке членов Обезвельволпала, составленном Ремизовым в Берлине в 1921—1922 гг. (*Обатица Е.* Царь Асыка и его подданные. С. 231).

¹⁷ Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 7. Ахру. С. 57.

печно же, по хронологии объективных событий эта запись могла возникнуть только после 1909 г., когда Лундберг совершил свое знаменитое авантюрное путешествие на Балканский полуостров.

Принципиальные расхождения между Ремизовым и Лундбергом обозначились лишь в конце 1917 г., после того, как Ремизов опубликовал знаменитое «Слово о гибели Русской Земли»,¹⁸ которое прозвучало скорбным плачем по погрнытым революционной толпой святыням и нравственным ценностям многовекового уклада жизни, потерявшим в одиночаше свой смысл. Появившийся в Петрограде в ноябре 1917 г. после длительного отсутствия Лундберг выступил с нападками на Ремизова в левозсеровской газете «Знамя труда»: «Выкрики уличного торговца ветошью и проповедника истины, воркотня голодной мещанки и шелканье словесного бича победительного демократа — всякая молитва, всякий привет и крик стали не те, что были вчера. В выкриках старьевщика есть что-то заячье, звериное. И то же заячье, звериное, слышится неожиданно в высокой и глубокой прозе писателя А. М. Ремизова. Проповедники истины, по голосу судя, бредят победой циркового борца. <...> хочется стыдливо отвернуться, когда они слагают сейчас, в эти трудные дни, панихидные плачи по России, эти слезницы неведомому мстителю, когда говорят о ненависти, о страхе что-нибудь забыть из современного, — бояться страхом выживших из сердца, нечутких мещанок? И кому они собираются мстить? Себе, своему народу, своему прошлому, общим заблуждениям, темным, неисповедимым глубинам стихии народной! Как бедно, как трусливо! И где найти слова для облегчения этих плакальщиков и лицемеров мало-го строительства».¹⁹

В последний раз судьба свела Ремизова и Лундберга в эмигрантском Берлине. В конце 1921 г. Лундберг, возглавлявший издательство «Скифы», поразил соотечественников уничтожением первоначально им же опубликованной брошюры Льва Шестова «Что такое большевизм».²⁰ Окончательно определившись в качестве «советского чиновника»,²¹ он вел себя и в Берлине, и после возвращения в советскую Россию соответствующим образом: для него намного более важным, чем собственная литературная и человеческая репутация, было желание оправдать себя перед большевистской властью. На этот скандал Ремизов откликнулся анонимными ироническими заметками (авторство которых не составляло особого секрета). В одной из них на вопрос, якобы заданный неким корреспондентом Андрею Белому: «как вы думаете провести ваш эмигрантский досуг?», последовал ответ: «единственная мечта устроить евразийскую поездку по Европе, Азии, Франции, Италии, вместе с Е. Г. Лундбергом и истребить все книги, какие только есть на белом свете».²² В другой заметке, помещенной у рубрики «Издатели», сообщалось: «В Берлине основывается кавказское книгоиздательство „Кура-Тифлис“, субсидируемое женевским инженером Я. С. Шрейбером. <...> Предполагаются к изданию грузинские сказки (так! — Е. О.) А. М. Ремизова на грузинском

¹⁸ Впервые текст был опубликован под названием «Слово о гибели земли русской» в литературном приложении к газете правых эсеров «Воля народа» «Россия в слове» (1917. 28 нояб., № 1. С. 2), выходявшем под редакцией М. М. Пришвина. Вторая публикация состоялась в альманахе «Скифы» (Пг., 1918. Сб. 2. С. 194—200).

¹⁹ Лундберг Е. Под знаком зодиака. Слово и дело // Знамя труда. 1917. 29 дек., № 106. С. 2.

²⁰ Подробнее см.: *Обатшина Е. Р.* Лундберг versus И. Гессен: малоизвестные подробности несостоявшегося третейского суда // Зарубежная Россия. 1917—1939. Сборник статей. СПб., 2003. Кн. 2. С. 271—277.

²¹ Ср.: «...в советских чиновниках я состою с Октября...» (Лундберг Е. История одной книги (Письмо в редакцию) // Новый мир. 1921. 25 дек., № 277. С. 6).

²² Бюллетени Дома Искусств. Берлин, 1922. 17 фев., № 1—2. С. 35—36.

и армянском языках. Рукопись тщательно скрывается от Е. Г. Лундберга. Ввиду его близости к этому издательству, опасаются, как бы в припадке любви и боли Е. Г. Лундберг эту рукопись не сжег». ²³ Возможно, поэтому в своих позднейших мемуарах Лундберг отводит Ремизову роль мистификатора, в проделках которого «что ни год все больше тайной, терпкой, жалкой и печальной злости». Мало пригляден и нарисованный здесь портрет писателя-эмигранта: «в сладостном утомлении» он «закутывается в платок, неизменно согревающий его плечи» в то время, как «красный ротик его становится еще ярче», и «кривенький смехок бежит по зеленобледной щеке». ²⁴

Спустя десятилетия Ремизов выразит куда более добрые чувства в короткой характеристике своего старого знакомого: «Евгений Германович Лундберг, сын пастора, ученик Льва Шестова, искреннейший и правдивейший, писал рассказы, но почему-то их всегда возвращали. Мне его было очень жально, неудачная доля — я всегда чувствую перед такими в чем-то виноватым. А стал известен в революцию, когда в Берлине <в> 1922 году сжег книгу Шестова, щадя учителя». ²⁵

Настоящая публикация состоит из двух частей. В первой части воспроизводится автобиография Е. Лундберга (РО ИРЛИ, ф. 377, оп. 7, № 2218), ²⁶ написанная по заказу С. А. Венгерова для второго (неосуществленного) издания «Критико-биографического словаря русских писателей и ученых». В начале текста, сверху, имеется авторская помета: «Прошу сократить и уничтожить целый ряд ненужных мелочей». Обращенная к Лундбергу анкета датирована отправителем от руки 24 января 1913 г., на конверте — штемпель с датой получения «18.3.13». Вторая часть содержит письма Е. Г. Лундберга к А. М. Ремизову (1910—1918), которые публикуются по автографам: № 1—6 (Отдел рукописей Российской национальной библиотеки, ф. 654, оп. 1, № 141); № 7—52 (РО ИРЛИ, ф. 256, оп. 3, № 150). Орфография и пунктуация приведены в соответствие с современными правилами. Ответные письма Ремизова к Лундбергу не сохранились.

I. АВТОБИОГРАФИЯ

Евгений Германович Лундберг родился 31 августа 1883 г. в м<естечке> Таурогене, Ковенской губ<ернии>. Отец — офицер Пограничной стражи, шведского происхождения; мать — полька. — Лютеранин по крещению; после отказа от с<вятого> Таинства вряд ли числюсь в к<акой>-ниб<удь> лютеранской общине. — Род наш шведского происхождения. В семье много священников и моряков. Были ли выдающиеся люди? По женской линии — да. Врач (придв<орный> врач саксонского короля) пр<офессор> Эрдманн был, сколько я знаю, выдающимся ученым (см<отри> старое изд<ание> Brockhaus'a).¹ Затем — существуют родственные связи (по женск<ой> линии) с адмиралом Крузенштерном, основат<елем> морск<ого> корпуса и (должно быть) первым русским кругосветным плавателем.² Двоюродн<ый> брат моего отца инженер-генерал Эдгар Лундберг — способный педагог немецко-(капральской) склад-

²³ Там же.

²⁴ Лундберг Е. Записки писателя: 1920—1924. Л., 1930. Т. 2. С. 300.

²⁵ Ремизов А. Новые материалы / Вступ. заметка и публ. А. Грачевой // Алексей Ремизов: Исследования и материалы. СПб., 1994. С. 226.

²⁶ Краткое описание документа см. также: Русская интеллигенция. Автобиографии и библиографические документы в собрании С. А. Венгерова. Аннотированный указатель: В 2 т. / Под ред. В. А. Мыслякова. СПб., 2001. Т. 1: А—Л. С. 612.

ки: сейчас он не то инспектор, не то директор I кадетск<ого> корпуса в П<етер>б<у>рг<е>.³ Был профессором строительного искусства в Инженерной Академии и Пажеском Корпусе. — Образование я получил в Виленском реальном училище (от 1892—до 1900). Был недолго в Высшей Вольной Парижской Школе.⁴ Затем (по недостатку средств и из-за кочевого образа жизни) долгий перерыв; с 1911 года — I семестр в Женевском университете⁵ и 3 семестра в Йенском. Слушаю литературу, теологию, философию и историю искусства у профессоров Н. Weinela,⁶ Lietzmann'a,⁶ R. Oeukena⁷,⁷ Bauch'a⁸ и др<угих>. Влияния: в детстве отвращение родителей к военной среде; сочувствие к угнетенным полякам (мать — полька); в Вильно — тяжкие, порою слишком тяжкие, впечатления от националистически настроенных учителей (особенно резкие в С<еверо>зап<адном> крае). В 17—18 лет первые касания <к> революционной среде. Тогда же впервые познакомился с книгами Льва Шестова — и с тех пор мне этот философ исключительно близок. В 14—16 лет повышенная религиозность, тогда же отказ от конфирмации. Несогласия с родственниками (началось и тяготение к радикально настроенным кругам) — лет с 15. Родителей, брата и сестру потерял очень рано (до 14 лет всех) — с 15—16 самостоятелен. В 18 лет впервые пошел пешком по России из Крыма в П<етер>б<у>рг. По дороге впервые узнал тюрьму. Затем ходил не раз — исходил северо-запад, юго-запад, Болгарию и Сербию. Сближения с сектантами. Позже — с революционерами. Партийным работником никогда не был. Заключен в тюрьме бывал часто — последний раз около полугода в сумме — в Киеве, в Петр<опавловской> крепости и в Д<оме> Пред<варительного> Заключ<ения>.

Стихи начал писать очень рано. Лет в 16 напечатал в виленской газете первые статьи о... культуре Китая — по... Шелгунову⁹ и кое-каким (кажется) др<угим> источникам. Лет в 18 первые очерки — в «Крымском курьере». Лет в 19 послал «Стихотворения» в прозе» Н. К. Михайловскому¹⁰ и получил от него жестокий ответ (уничтожающий), за кот<орый> очень ему благодарен: подняло энергию. В 1903 — первые рассказы в «Новом пути»¹¹ и рецензии о Утопии С. (так! — Е. О.) Мережковского,¹² о Штирнере¹³ и прочее. Статья о «Senelia» Тургенева¹⁴ и кое-какие мелочи.¹⁵ Влияние (в обработке произведений), советы, поправки З. Н. Гиппиус; многим в этом смысле ей обязан) идеи «Н<ового> пути» не оказали. В 1904 году — рассказы в «Нов<ом> пути»¹⁶ и в «Журнале для всех».¹⁷ Нищенствовал в П<етер>б<у>рге — поддержка В. С. Миролюбова с чудесной деликатностью и нежностью, свойственными этому редкому человеку.¹⁸ В 1905 году написано мало — мешает необеспеченность, революция,¹⁹ болезни, кратковременные заключения. (Забыл сказать раньше: от воинск<ой> повинности отказался «без мотивов» — был заключен на 2 недели, жребий мне вынули (не я) близкий — но освобожден в чистую... «по болезни» без всяких усилий с моей стороны — помогла верно «весна» Святополк-Мирского²⁰). Рассказы печатались в «Вопросах жизни»,²¹ «Русской мысли»,²² «Ж<урнале> для всех»,²³ «Перевале»,²⁴ «Товарище», «Речи»,²⁵ «Киевских откликах» и др<угих>. №№ — и годов не помню — приб<лизительно> с 1904 года (оттисков тоже не сохранилось, к сожалению, не могу ис-

полнить пун<к>та В точно²⁶). Статьи: о Сологубе — «Р<усская> мысль»,²⁷ о Гиппиус — «Р<усская> мысль»,²⁸ о Тургеневе — «Новый путь»,²⁹ о Гиппиус — «Заветы»,³⁰ о письмах Шопенгауэра (вернее — о нем самом) — «Заветы»;³¹ о Шестове, Бердяеве — «Речь»,³² о Врубеле — «Киевские отклики». ³³ Письма из Болгарии и Сербии — в «Речи». ³⁴ Статья о Мережковском — I-ая в «Заветах» (кажется, пойдет). ³⁵ II-ая в «Ист<ории> литер<атуры>» под редак<цией> С. А. Венгерова «Мир» изд<ательство>. ³⁶ Книги рассказов I и II издания в 1909 году у Кульженко,³⁷ Киев in 8°, по 6 — и 7 печатн<ых> лист<ов>. III книга — не издана за отсутств<ием> издателя. Не издан труд «Г. Гейне, его жизнь и творчество» — по той же причине. ³⁸ Войдет как составн<ая> часть в 2-томную работу «Геге, Гейне и романтика», над кот<орой> сейчас работаю.³⁹ Монография о Лютере (10 печ<атных> лист<ов>) — читал часть ее в Московском религиозно-философском обществе в марте 1912 г., не издана по той же причине. ⁴⁰ Перевод труда пр<офессора> Вельфлина «Renaissance und Barokko» сейчас издает «Грядущий День» (П<етер>б<у>рг). ⁴¹ I том «Die klassische Kunst»,⁴² и III <том> «Die Kunst Alb<recht> Dürers»⁴³ этого превосходного автора тоже переведены мною — но не изданы по тем же, что и выше, причинам. Сюда же следует отнести и книгу статей критических «Окольными дорогами». ⁴⁴ Переводил часть работы пр<офессора> Гримма о Микель-Анджело (изд<ательство> «Гряд<ущий> День»). ⁴⁵ Пьесу Клейста (перевел для Сологуба) — «Der Zerschlagene Krug». ⁴⁶ На немецкий язык перевел: часть сочинения проф<ессора> Булгакова «Философия хозяйства» — печатается в Archiv пр<офессора> Sombart'a и Werner'a (март)⁴⁷ и несколько статей Шестова. Лекции читал. В Киеве: о Мережковском,⁴⁸ о Гейне и др<угие>. В Москве: о Лютере. В Берлине: о Мережковском, о задачах критики. В Йене (по-немецки — в теолог<ическом> обществе) о Льве Толстом.⁴⁹ Много статей пропущено — не стоят упоминания. Отзывы были в разн<ых> журн<алах> и газетах. «Р<усская> мысль»,⁵⁰ «Аполлон»,⁵¹ киевские газеты (различные) и пр<очие> — когда и №№ не помню. Биографические сведения — в словаре Граната, новое издание (Б — «биография»). ⁵² Редкое счастье — читал собств<енные> некрологи (в высшей степени лживые, хотя и лестные — основаны были на фантастич<еских> данных составителей — ибо ведь «оттуда» не приходят обычно). Повод: телеграмма консульства, введенного в заблужд<ение> слухами о том, что я убит в горах (Балканы). ⁵³ В меня, действ<ительно>, стреляли — грабители. ⁵⁴ О портретах — ничего не знаю. Псевдонимы: Л. Муринский, Е. Рошин и др<угие>. ⁵⁵ Статьи и книги будут присланы глубокоуважаемому Семену Афанасьевичу Венгеру — после их издания. Карточку прилагаю. Извиняюсь за небрежность писания — пишу больной.

Евгений Лундберг.

Р. С. Забыл упомянуть не напечатанные нигде и не изданные статьи:

1. О посмертн<ых> произв<едениях> Льва Толстого.
2. О Брюсове.

3. Несколько черт Лютера — отступника и реформатора.

4. Раскол в протестантизме.

Напечатано. 5. Неск<олько> не стоящих упоминания статей и рассказ<ов> в «Запросах жизни».⁵⁶

Часть напечатано, *все* не издано. 6. Небольшая книжка «Фрагментов» (часть напечатана в Альм<анахе> «Белые ночи»)⁵⁷

Сам их считаю лучшим из всего написанного, но печатать их не хотят нигде — обошли все русские редакции. Сейчас перевожу их на немецкий язык.

¹ Имеется в виду «Энциклопедический словарь», издававшийся Ф. А. Брокгаузом (Лейпциг) и И. А. Ефроном (С.-Петербург). С 1890 по 1907 г. под редакцией И. Е. Андреевского вышло 82 основных тома и 4 дополнительных. Следующее издание словаря («Новый энциклопедический словарь»), осуществлявшееся в 1911—1916 гг. под общей редакцией К. К. Арсеньева, было значительно сокращено (всего 29 томов). В словаре 1890—1907 гг. действительно, имеются сведения о *Эрдмане Иоганне-Фридрихе* (Erdmann; 1778—1846), докторе медицины, уроженце Виттенберга. В 1817 г. он получил кафедру терапии и клинику в Дерпте, а в 1822 г. был назначен лейб-медиком саксонского короля. Почетный член Казанского университета.

² *Крузенштерн Иван Федорович* (Адам Иоганн, 1770—1846) — адмирал; в 1803—1806 гг. руководил первой русской кругосветной экспедицией. В 1827 г. назначен директором Морского кадетского корпуса.

³ *Лундберг Эдгар Юльевич* (1860—?) — в 1900-е гг. полковник Военно-инженерного полка, читал лекции в Николаевской инженерной академии по санитарно-строительному делу; в 1910-е гг. генерал-майор, инспектор классов Пажеского кадетского корпуса.

⁴ Подразумевается Русская высшая школа общественных наук, которая была основана в Париже видным социологом, юристом и историком М. М. Ковалевским (совместно с Е. В. Де-Роберти) в 1901—1905 гг. В этом учебном заведении преподавали некоторые опальные русские ученые и представители русских социалистических партий. Одной из выпускниц школы была А. Н. Чеботаревская. См.: *Чеботаревская Анаст.* В парижской школе // Биржевые ведомости. 1916. 25 марта, № 15462. С. 3.

⁵ *Weinell Heinrich* (1874—1936) — профессор теологии, в Йенском университете читал курс «Новой Завет».

⁶ Вероятно, *Lietzmann Hans* (1875—1942) — историк, профессор теологического факультета Йенского университета, который преподавал историю церкви. Профессор Йенского университета был также германист *Albert Lietzmann* (1867—1950).

⁷ *Eucken Rudolf* (1846—1926) — профессор философии Йенского университета.

⁸ *Bauch Bruno* (1877—1942) — профессор философии Йенского университета.

⁹ Среди многочисленных сочинений публициста Николая Васильевича Шелгунова (1824—1891), описывающих историко-экономическое развитие европейских стран, лишь одна посвящена Китаю — «Цивилизация Китая». См.: *Шелгунов Н. В.* Собр. соч. СПб., 1895. Т. 1. С. 111—166.

¹⁰ *Михайловский Николай Константинович* (1842—1904) — публицист, социолог, литературный критик, общественный деятель. По-видимому, свои первые опыты Лундберг отправил на адрес редакции журнала «Русское богатство», в котором Михайловский занимал положение неофициального главного редактора и до 1903 г. вел раздел «Литература и жизнь». В архиве Михайловского сохранилось письмо начинающего литератора, отправленное из Петербурга 16 ноября <1903 г.>:

Поощрение столь же необходимо «гениальному» писателю, сколь необходима каннифоль смычку виртуоза.

«Плоды просвещения» Козьмы Прутко<ва>. М<илостивый> Г<осударь>.

Велик и благороден Ваш труд, как истолкователя и руководителя общественных взглядов и настроений. Быть может, поэтому Вам покажется слишком незначительной,

не стоящей внимания и получаса труда, просьба одного маленького человека — взглянуть, просмотреть «плоды» его «творчества» и либо, с возможной резкостью, даже грубостью, разрушить все его розовые мечты, либо своим одобрением дать надежду, дать цель, дать смысл его жизни.

Мне 20 лет, я не образован, вернее, со средним образованием и тою почитанностью, что позволяет поддержать разговор в обществе, а в душе разрушает все и вся, не создав ничего взамен, вследствие постоянного шатания мысли. Сколько себя помню, люблю мир красоты и идеи, презираю труд ради хлеба насущного. Сколько себя помню — у меня изредка является повышенная деятельность воображения и просится рука к перу, перо к бумаге, и я пишу, пишу прозой, чтобы через полчаса презирать, ненавидеть себя, смеяться над собой, мучиться стыдом и горечью за свою бездарность, свое бессилие.

Беда — нет самооценки, и вот я решил обратиться к Вам. Прилагаю три-четыре крохотных вещицы (большими повеселился мучить Вас), думаю, если есть во мне искра, Вы с Вашей чуткостью увидите ее в одной строке. Мне смешно: у меня искра! А в то же время шевелится: «а вдруг?»

Буду ждать, с нетерпением и мукой буду ждать ответа. И надеюсь, Вы ответите. Ведь стоит же минуты вниманья жизнь, всякая судьба, чья бы она ни была? Жду, жду, жду.

Мой адрес: С<анкт->П<етер>б<ург>. Лесное. II-ой Мурунский просп., д. 49, кв. 17.

Глубоко уважающий Вас,
Евгений Лундберг

(РО ИРЛИ, ф. 181, оп. 1, № 400, л. 1—2).

¹¹ См. цикл «Степные встречи»: «Я шел», «Обещание», «Человек с шарманкой», «Песня» (№ 7. С. 131—144); цикл «В степи»: «Земля», «Чабаны» (№ 10. С. 37—47); рассказ «Под липами (Из истории одного пастората)» (№ 12. С. 1—26).

¹² Имеется в виду рецензия на книгу Константина Мережковского «Рай земной или Сон в зимнюю ночь: Сказка-утопия XVII века» (Берлин, 1903), которая была опубликована под криптонимом «Е. Л.» (Новый путь. 1903. № 4. С. 177—179).

¹³ Рецензия на книгу В. Саводника «Нищезаец 40-х годов: М. Штирнер и его философия эгоизма» (М., 1902) была опубликована под криптонимом «Е. Л.» (Новый путь. 1903. № 5. С. 172—178).

¹⁴ См.: *Е. Л. Тургеневские «Senelia» // Новый путь. 1903. № 10. С. 184—189.*

¹⁵ Подробнее см.: Журналы «Новый путь» и «Вопросы жизни». 1903—1905 гг.: Указатель содержания. СПб., 1996.

¹⁶ См.: «Грех неделанья» (№ 2. С. 176—182); «Уже не люди», «Во льдах», «Лес виноват» (№ 5. С. 41—52); «Мои скитания» (№ 8. С. 184—213; № 9. С. 256—267).

¹⁷ См.: «Однажды вечером» (№ 8. С. 456—459).

¹⁸ Сотрудничество Лундберга с издателем-редактором «Журнала для всех» (1899—1906) *Виктором Сергеевичем Миролюбовым* (1860—1939) продолжалось и позднее в редактируемых Миролюбовым периодических изданиях «Современник» (1911—1915), «Заветы» (1912—1913), «Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни» (1914—1917). Письма Лундберга к В. С. Миролюбову см.: РО ИРЛИ, ф. 185, оп. 1, № 739.

¹⁹ В 1905 г. Лундберг сблизился с революционно-анархическим обществом «Христианское Братство Борьбы» и участвовал в распространении его политических воззваний. См.: *Светицкий В. П. Предсмертные письма / Публ. Р. Крепса // Минувшее: Исторический альманах. М., 1990. Сб. 1. С. 294—295.*

²⁰ *Святополк-Мирский Петр Давидович*, князь (1857—1914) — в начале 1900-х губернатор Пензы, 26 августа 1904 г. был назначен министром внутренних дел. 16 сентября при вступлении в должность он выступил с речью, где провозгласил курс на установление «взаимного доверия между правительством и сословными учреждениями». Именно этот поворот правительства к политическим свободам, произошедший ранней осенью 1904 г., получил устойчивое название «весна Святополк-Мирского». Для многих политических заключенных и ссыльных эти события в действительности стали неожиданной «весной» ожидаемых перемен. В частности, Ремизов, освобожденный из политической ссылки еще весной 1903 г., не имел права проживать в Москве и Петербурге в течение пяти последующих лет, и только благодаря Святополк-

Мирскому (с которым ему довелось столкнуться еще в Пензе) этот запрет был снят в начале 1905 г. Ср. с высказыванием о нем в автобиографическом романе Ремизова «Иверень»: «Губернатор П. Д. Святополк-Мирский, будущая „весна“ (1905 г.), отец нашего английского историка литературы Дмитрия Петровича...» (*Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 8. Подстриженными глазами. Иверень. М., 2000. С. 326*). См. также: На вечерней заре. Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло / Подгот. текста и коммент. А. д'Амелия // *Eurogra Orientalis. 1987. Vol. 6. P. 276*.

²¹ См.: «Идиот» (№ 2. С. 52—60); «Около смерти» (№ 6. С. 69—81).

²² Ко времени написания автобиографии (1913) в журнале «Русская мысль» был опубликован один рассказ Лундберга «Старухи» (1909. № 6. С. 46—53).

²³ См. рассказ «Однажды вечером» (1904. № 8. С. 456—459), а также цикл «Из скитаний»: «Деревня», «В волости» (1905. № 8. С. 473—476); «Смутное», «Полесье» (№ 9. С. 534—538).

²⁴ В 1907 г. в журнале «Перевал» было опубликовано три рассказа Лундберга: «Царевич» (№ 3. С. 36); «Люди и лошади» (№ 6. С. 21—23); «Гусеница» (№ 10. С. 31—37).

²⁵ Ко времени написания автобиографии в газете «Речь» было опубликовано три рассказа Лундберга: «Омут» (1911. 29 июня, № 175. С. 2; 30 июня, № 176. С. 2); «Ночь» (1911. 18 окт., № 286. С. 2); «Коза» (1912. 22 янв., № 21. С. 3).

²⁶ Имеется в виду один из подпунктов анкеты С. А. Венгерова, в котором опрашиваемого просили сообщить подробные сведения о библиографии его журнальных или газетных публикаций с указанием года, номера и названия периодического издания, где эти публикации появились. См.: РО ИРЛИ, ф. 377, оп. 7, № 2218, л. 5.

²⁷ См.: Лирика Федора Сологуба // *Русская мысль. 1912. № 4. С. 57—82*.

²⁸ См.: Поэзия З. Н. Гиппиус // *Русская мысль. 1912. № 12. С. 55—66*.

²⁹ См. прим. 14.

³⁰ См.: Проза и поэзия З. Гиппиус // *Заветы. 1913. № 1. Январь, Отд. II. С. 68—79*.

³¹ См.: Шопенгауэр и его письма // *Заветы. 1912. № 8. Ноябрь, Отд. II. С. 187—191*.

³² См.: Заметки читателя. О Льве Шестове // *Речь. 1911. 31 июля, № 207. С. 2—3*; Заметки читателя. О Николае Бердяеве // *Речь. 1911. 1 дек., № 330. С. 2*.

³³ Подразумевается статья «М. А. Врубель», написанная на смерть художника. См.: *Киевские вести. 1910. 3 апр., № 92. С. 2*. В 1903—1907 гг. газета называлась «Киевские отклики».

³⁴ Летом 1909 г., путешествуя по югу России, Болгарии и Сербии, Лундберг присылал в газету «Речь» очерки, объединенные общим названием «Из скитаний»: «1. Легенды» (1 июня, № 147. С. 2); «2. Одесса. 3. По Дунаю. 4. От Галаца до Силистрии. 5. Русские в Болгарии» (21 июня, № 167. С. 2); «6. От Оджи-Кюй до Рушук. 7. Menschen und Seidenschoften» (16 июля, № 192. С. 2); «Рушук. Болгарская школа — и немецкая школа. Зной» (2 авг., № 269. С. 2; очерк датирован: «13 июля. Горный Студень»).

³⁵ Оговорка «кажется пойдет», по-видимому, связана с конфликтом, который произошел между Лундбергом и Ивановым-Разумником, возглавлявшим в «Заветах» отдел «Литература и общественность». О ссоре упоминается в письме Шестова к Ремизову от 31 января 1913 г. (*Русская литература. 1992. № 4. С. 109*). Статья так и не увидела свет, несмотря на то, что Лундберг продолжал печататься в «Заветах» и в 1913 г.

³⁶ Первоначально С. А. Венгеров заказал очерк о Мережковском у Л. Шестова, который в свою очередь предложил кандидатуру Лундберга (См.: *Баранова-Шестова Н. Жизнь Льва Шестова. Paris, 1983. Т. 1. С. 115*). Тем не менее статья Лундберга так и не была напечатана, а автором очерка о Мережковском стал А. Долинин (См.: *Русская литература XX века. 1890—1910. М., 1914. Т. 1. Кн. 3/4. С. 295—356*). В архиве Венгерова сохранился автограф статьи Лундберга «Д. С. Мережковский» (РО ИРЛИ, ф. 377, оп. 6, № 140). Тексты не увидевших свет статей о Д. С. Мережковском, в том числе и статья «Laterna magica (К идеям Мережковского о христианстве)», не принятая редакцией журнала «Русская мысль» в конце 1913 г. (см. РО ИРЛИ, ф. 264, № 41, л. 200 — «Книга для записей поступивших в редакцию рукописей»; регистрационный № 397 от 30 ноября 1913 г.), легли в основу исследования Лундберга «Мережковский и его новое христианство» (СПб., 1914).

³⁷ Имеется в виду типография С. В. Кульженко, в которой в 1909 г. вышли в свет книги Лундберга «Рассказы» и «Мои скитания».

³⁸ В словарной статье о Лундберге историко-критическое исследование «Генрих Гейне и его время» (1911) указывается как опубликованное, однако очевидно, что данные сведения были преждевременно сообщены самим автором, поскольку в конечном итоге данная публикация так и не состоялась. См.: Лундберг Евгений Германович // Энциклопедический словарь русского библиографического института «Гранат». СПб., [1912]. Т. 11. С. 68.

³⁹ Очевидно, речь идет о работе, первоначально написанной в качестве докторской диссертация в Йенском университете. Ср. с письмом Лундберга к В. С. Миролюбову, относящемуся к 1911 г.: «Сейчас много и не без радости работаю над своей диссертацией докторской и открываю у Гете и романтиков такие уголки, за которые верно достанется от немцев на орехи впоследствии» (РО ИРЛИ, ф. 185, оп. 1, № 739, л. 20).

⁴⁰ В указанном в прим. 39 недатированном письме к В. С. Миролюбову Лундберг упоминает также о начальном этапе своей работы: «Много работаю и над изумительным Лютером — впоследствии будет книга, сейчас статью первую обещал напечатать Струве. Лютер — предтеча Нитче и Толстого, хитрый саксонский мужик и великий мистик — вечно помнивший о земле и реализме земного бытия» (РО ИРЛИ, ф. 185, оп. 1, № 739, л. 20). В «Русской мысли» статья о Лютере не публиковалась. О печальной судьбе этой и других рукописей, оставленных во время Гражданской войны на Кавказе, Лундберг упомянул в своих мемуарах: «Месяц тому назад (июнь 1918 г. — *Е. О.*) я узнал, что рукописи привезет Л. Прошли недели — Л. не было. Сегодня известили — возвратился в Кримицу, в Ростове был обстрелян его поезд, погибли вещи, погиб и мой чемодан с бумагами. Почти шесть лет труда. Кроме законченного, йенские и берлинские наброски о Лютере, отдельные главы о Гейне, рукописный словарь к Рабле, и груды заметок, которыми писатель дорожит иногда больше, чем законченными книгами. Я прочел письмо и ждал. Ничего не шевельнулось в груди, сердце билось ровно. Жизнь так полна и тревожна, что в ней нет места сожалениям» (*Лундберг Е.* Записки писателя: 1917—1920. Т. 1. С. 152).

⁴¹ См.: *Вёльфли Г.* Ренессанс и барокко. Исследование о сущности и происхождении стиля барокко в Италии / Под ред. А. Л. Вольнского. СПб.: Грядущий День, 1913. *Вёльфли Генрих* (1864—1945) — швейцарский искусствовед.

⁴² Труд остался неопубликованным. Русский перевод исследования «Die klassische Kunst» («Классическое искусство. Введение в изучение итальянского Возрождения») с предисловием Ф. Ф. Зелинского, в переводе А. А. Константиновой и В. М. Небезиной) был издан в Петербурге в 1912 г.

⁴³ Перевод не был опубликован.

⁴⁴ Проект не был реализован.

⁴⁵ Имеется в виду основное произведение берлинского профессора истории искусств, писателя и поэта *Германа Гримма* (1828—1901) «Das Leben Michelangelos» (Berlin; Stuttgart, 1900. Bd 1—2). Перевод первого тома этого сочинения см.: *Гримм Г.* Микельанджело Буонаротти / Пер. В. Г. Малахеевой-Мирович; Ред. А. Л. Вольнский. СПб.: Грядущий День, 1913—1914. Т. 1. Вып. 1—5.

⁴⁶ Подразумевается комедия Генриха фон Клейста (1777—1811), более известная под названием «Zerbrochener Krug» («Разбитый кувшин»; 1808), русский перевод которой Лундберг готовил по просьбе А. Н. Чеботаревской для предполагаемого в издательстве К. Ф. Некрасова выпуска собрания сочинений Г. фон Клейста. В 1914 г. переговоры с издательством вел Ф. К. Сологуб. Свой перевод Лундберг выслал Чеботаревской из Берлина в декабре 1912 г. (См.: *Сологуб Ф.* Письма к Анастасии Чеботаревской / Публ. и коммент. А. В. Лаврова // *Неизданный Федор Сологуб* / Под ред. М. М. Павловой и А. В. Лаврова. М., 1997. С. 322—323). Готовящееся издание в 1914 г. не осуществилось. Собрание сочинений Г. фон Клейста с переводами Ф. К. Сологуба и А. Н. Чеботаревской увидело свет только в 1923 г., но уже без участия Лундберга.

⁴⁷ Речь идет об издании «Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik in Verbindung mit Werner Sombart und Max Weber. Herausgegeben von Edgar Jaffé» (Tübingen, 1913. Bd 36), в котором была напечатана (без указания переводчика) статья С. Н. Булгакова «Die naturphilosophischen Grundlagen der Wirtschaftstheorie» с авторским примечанием на немецком языке, указывающим, что данная статья является «экстрактом» из второй и третьей главы русской работы философа «Философия хозяйства» (S. 359—393).

⁴⁸ Ср.: «В Киеве Е. Г. появлялся прошлой зимой (1908 г. — Е. О.) в качестве лектора с рефератом о Мережковском, с которым покойный находился в оживленной переписке, хотя и был его противником» (Трагическая кончина Е. Г. Лундберга // Киевская мысль. 1909. 31 июля, № 209. С. 3). См. прим. 54.

⁴⁹ Ср.: «...будучи студентом Иенского университета, мне пришлось прочитать в факультетской аудитории доклад о Льебе Толстом. Темою доклада я взял Толстого — общественного реформатора, а не художника. Раздраженный уравновешенной, склонной к отвлеченностям, немецкой аудиторией, я выдвинул на первый план не спасительные рецепты толстовского учения, а его саркастическую критику современного общества» (Лундберг Е. Записки писателя: 1920—1924. Т. 2. С. 55).

⁵⁰ Подразумевается рецензия В. Малахивея-Мирович «Е. Лундберг. Рассказы. Киев, 1909. — Е. Лундберг. Мои скитания. Киев, 1909» (Русская мысль. 1909. № 11. Отд. III. С. 260—262).

⁵¹ В. Кривич в обзоре «Заметки о русской беллетристике», анализируя настроения, бытовавшие в современной литературе, в целом критически оценил рассказы Лундберга: «Этот — любит жизнь. <...> в „Моих скитаниях“ есть немало милых и поэтических страниц. Но ведь все-таки это записная книжка, и только записная книжка, и зарисовывалось в ней только то, что мог уместить дорожный карандаш, а когда Лундберг с этой же книжечкой и этим же карандашом подошел к рассказам, то оказалось, что этого мало, ему или нечего сказать, или хочется сказать больше, чем он может. Одни „Старухи“ останавливают внимание в книге его рассказов» (Аполлон. 1909. № 2. Ноябрь. С. 14).

⁵² Имеется в виду биографическая статья в одиннадцатом томе Энциклопедического словаря братьев А. и И. Гранат.

⁵³ Ср.: «В Киеве получено известие о смерти, при крайне загадочной обстановке, молодого беллетриста Евгения Германовича Лундберга. Судя по сообщению, он убит близ Рушук. Трудно, по-видимому, допустить в этом убийстве корыстные мотивы. По сведениям, которые нам удалось собрать от лиц, близко знавших покойного, денег при себе не имел, во всяком случае в такой сумме, которая могла бы соблазнить разбойников. Более вероятным является предположение, что покойный пал жертвою какого-нибудь рокового столкновения, тем более, что в одном из последних писем, посланных при переходе из Сербии в Черногорию, он пишет, что его волнуют серьезные опасения за свою жизнь. — „Боюсь, пишет он, как бы в Черногории меня не убили“. Очевидно, он имел какие-то основания опасаться. К сожалению, опасения сбылись. Покойный происходил из старой шведской фамилии Лундбергов. Отец его был пастором в одном из прибалтийских городов. По окончании реального училища, он не пошел по обычной дороге: он стал последователем Руссо. Его глубоко волновали религиозные вопросы, и дебаты на темы о богоборчестве и богостроительстве в одно время, задолго до превращения их в модные, боевые словечки, составляли его любимейшие беседы. В его натуре были задатки типичного русского богоносца, вечно гонимого какими-то смутными порывами, вечно странствующего от алтаря к алтарю, с места на место — из одного конца России в другой. Одетый в косоворотку, с небольшой дубинкой в руках, он исколесил пешком почти весь юг России. Последние несколько лет Е. Г. Лундберг провел под Киевом, за Зверинцем, и его образ жизни служил предметом удивления не только для окрестных жителей, но и для полиции, которая однажды, в зимнюю ночь, произвела обыск в его обиталище» (Трагическая кончина Е. Г. Лундберга // Киевская мысль. 1909. 31 июля, № 209. С. 3).

⁵⁴ Сведения о гибели Лундберга появились в целом ряде киевских газет, в связи с чем непосредственный «виновник» события был вынужден направить в газету «Киевская мысль» следующую «Письмо в редакцию»: «М. г., г. редактор! Из хроники „Киевских вестей“ и некролога „Киевской мысли“ я узнал о своей трагической кончине. Спешу рассказать вам, как возникла ошибочная уверенность в моей смерти. Уходя из Рушук, я сообщил русскому консульству свой маршрут, по пути в Сербию, в Белград. Кроме того, обещал писать в Сербию одному из видных болгарских общественных деятелей, доктору Б. Вблизи Плевны в меня стреляли — неудачно, но тем не менее я известил доктора Б. и консульство. Затем, увлекшись Балканами и Сербской Шумадией — не давал им с месяц вестей о себе. Прихожу в Софию, являюсь в русское посольство. Встречают с распростертыми объятиями. — Вы живы? — Жив. — А мы здесь уже подняли тревогу... — В чем дело? Оказалось, долгое отсутствие вестей взволновало Доктора Б. и консульство. В то же время на Балканах нашли труп человека, изъеден-

ный зверями. — Это Лундберг — решили в консульстве. Было разослано с полсотни телеграмм болгарским властям на моем пути. И, несмотря на то, что в каждом городе у меня были знакомые среди местной интеллигенции — и что я беседовал с крестьянами, власти не нашли моих следов на протяжении нескольких сот километров. Еще раз послали телеграммы. Ответ — тот же. Твердо решили, что я погиб, передали переписку в русское посольство, предполагая потребовать судебного следствия. Секретарь рущукского консульства дал знать моим киевским друзьям, от них услышали вы, и... напечатали некролог. Прошу газеты, перепечатавшие известие о моей смерти, поместить и это письмо „с того света“» (Киевская мысль. 1909. 3 авг., № 212. С. 3; письмо датировано 31 июля). «Речь» также поместила короткое опровержение: «Беллистрист Е. Лундберг, слухи о трагической кончине которого оказались несколько преувеличенными, находятся в настоящее время в России и готовит к печати путевые очерки по Балканам» (1909. 17 авг., № 224. С. 3). См. также упоминание об этом приключении в воспоминаниях Лундберга: «Однажды на Балканах в меня стреляли в упор. Стало весело от свиста картечины, весело было схватиться за ружье, и велико было огорчение, когда противник скрылся» (Лундберг Е. Записки писателя. 1917—1920. Т. 1. С. 22).

⁵⁵ Кроме того, согласно «Словарию псевдонимов» И. Ф. Масанова, Лундберг использовал следующие псевдонимы: Е. Л. («Новый путь»), Евг. Л. («Современник»), В. Берсенева («Утро России»), Берсенева («Русские ведомости»), Е. Л-рг («Современник»).

⁵⁶ Подразумевается рассказ «Счастье» (1912. № 4. С. 247—252).

⁵⁷ Речь идет о лирических эссе, объединенных общим названием «Ночные». См.: Белые ночи. Петербургский альманах. СПб., 1907. С. 165—171.

II. ПИСЬМА К А. М. РЕМИЗОВУ

1

Конец ноября 1910 г. Копне¹

Дорогой мой А<лексей> М<ихайлович>, не писал Вам долго,² не потому, что вестей от Вас не было, а во 1-х, были Вы на каком-то острове, Бог знает где,³ во 2, гремели так в мире,⁴ что подойти боязно было, в 3, похварывал, в 4, в смятении всяческом жил и т<ак> д<алее>. Прочел сейчас Ваше письмо ко Льву Ис<ааковичу>.⁵ Да, Толстого нет.⁶ И говорить о нем — нельзя. От всех речей, манифестаций — всего у меня злоба такая (отчего?), что в письмах Варв<ар>у Григ<орьевн>у⁷ и др<угих> близких, верно, обидел бранью — и в такой неподходящий час. Не могу вынести, что все на своем месте. Знаю, что хорошо, что — не явно, а тайно все в мире лучшее, а здесь — нетерпение, не могу. А будни идут своим чередом — шли и когда умирал старец. Мы плакали — а ужинали. Говорили: призыв, касание тайн — и затыкали уши верой в веру. Говорили: о красоте ухода, о величии его смерти. Да, красота, величие, какого не было, выше Сократа — но — *что было в нем?*⁸ И к<а>к можно о «красоте»? Так извне! — Ну, будет... —

О другом лучше.

Я за границей.⁹ В Россию нельзя — тоскую очень. Демьяныча¹⁰ — в Кемь на 3 года ни за что. Я хвораю немного, и много волнуюсь: во 1-х, от *заграницы* ясно понял, что мне жить не в книгах, не в универ<ситете>, не в Европе — в русскому ситиу. И очень мучаюсь тем, что не в лесу. Каждое утро (буквально) хочу уехать — каждый день остаюсь. Тут и со Льв<ом> Ис<ааковичем> борьба — и чувств: на острие. Или в Европу — т<а>к за труд и за литературу.

Или — в лес — там родина моя. Но вспомню Грецию, старух — к «Европе» тоже не тянет — к мировому. Иногда решаюсь — уеду сейчас, уйду, замолчу. И колеблюсь. Знаю, никто тут помочь не может и посоветовать. Со Льв<ом> Ис<аак>овичем об этом и говорить нельзя — он сердится, все «вправляет» меня в жизнь. Вот час, когда непоправимо одинок — и т<а>к страшно решать, «действия» предпринимать — на всю жизнь. От этого и от тюрьмы¹¹ (я до сих пор весь в ней) и от границы хожу полусумасшедший (буквально), а сны — хуже Вашей «Бедовой Доли».¹²

Работаю. Замыслы прекр<асными> кажутся — а литературы, выполнения не могу вынести.

Если бы моя воля, поехал бы в Кемь, помочь Демьянычу. Ему трудно. И мать его умерла... Там Белое море. — Но боязно в Россию: боюсь зимой бессмыслицы, она возможна — предупреждали.

Льва Ис<аак>овича вижу каждый день и все больше люблю его. Он уходит сейчас опять далеко — ввысь или вперед, или в землю врывается — уж не знаю. Но иногда т<а>к далек от всего и — прекрасен. Чувствую, редкие т<а>к далеко заходят.

Ну, Ал<ексей> Мих<айло>ич, можно о «Сестрах»¹³ писать? Конечно, это замечат<ельная> вещь, и я рад и ей, и Вашему устройению литерат<урному>, и Вашей «славе». Но чего-то и печально: точно было лучше, когда Вы мучились без спичек и электричества, когда ни Разумник,¹⁴ ни Чуковский не гремели о Вас. Чего в этом жалко — не знаю. Смутно. Знаю, что Вы все тот же, но видно для таких Ваших «друзей», к<а>к я — безызвестность Ваша чем-то мила.

А «Сестры» мне понравились, что все приподнято над землю — виси в воздухе — справляйся! Нравится повторение: «одному нужно убит, другому и т<ак> д<алее>»¹⁵ — повторение — ибо эти *уверенности* не всегда с человеком, а уходят и приходят вновь, т<а>к, к<а>к у Вас показано. Хотя последние страницы не нравятся, слишком «сделаны» — но крепко и хорошо показано, что Маракulina выбрасывает из окна — наплыв радости, жизнерадост<ности> — его *первоначальной*. Это очень значительно. Генеральша — невыносимо груба (не сердитесь?) и все портит, не хороша и Верочка — та безумная. И что-то в «Пруде»,¹⁶ столь мало совершенном, ближе сердцу было, чем это почти совершенное произведение. Здесь перегружено бытом, деталями (конечно, они мастерские), но они портят рисунок (в «Пруде» к<а>к раз рисунок рвался) — *замедляют*. Досада при чтении, задыхаешься (но не «по-хорошему задыхаешься») от них. Кое-кто из моих друзей, живущих за границей сейчас, знающих, что я Вас люблю и знаю, прислали мне отзывы — все радостные и настоящие. Ну, будет об этом. М<ожет> б<ыть>, и не следовало писать. Пора: спешить надо в Женеву — с Верой Фигнер¹⁷ знакомиться и слушать ее доклад.

Вышло Вам свои новые работы. Особенно — через месяц — драму «Четвертый Ключ»¹⁸ (тема Пушкина — «в степи мирской три ключа»¹⁹). Всего лучшего. Скоро ли увидимся. Боже, какая тоска по России — и обида, к<а>к раз в эту минуту не быть в России. Сер<афиме> Павл<овне>²⁰ сердечн<ый> привет. Адр<ес> мой: Corpet, poste restorte, мне.

Ваш Евг. Лундберг.

Мне Сер<афима> Павл<овна> собирается написать?

¹ Письмо датируется по содержанию.

² Предшествующие письма не сохранились.

³ Ср.: «А. М. Ремизов, проведя некоторое время в течение этого лета в Финляндии, поселился на небольшом пустынном острове Вандрок (в группе Аландских островов) в нанятом доме, в семействе г. Иванова-Разумника. Остров совершенно безлюдный, жителей — один рыбак. Густой лес, скалы и песок. Много грибов и брусники и... ни следа цивилизации. Нет ни почты, ни лавок, ни аптеки, ни врачей. Провизию добывали с мимо идущих пароходов. За лето А. М. Ремизов написал большую повесть „Крестовые сестры“, которая пойдет в ближайшем альманахе „Шиповника“» (Утро России. 1910. 5 сент., № 242. С. 4). На острове Вандрок Ремизовы находились с 30 июля по 20 августа.

⁴ Публикация повести Ремизова «Крестовые сестры» в тринадцатом альманахе издательства «Шиповник» (СПб., 1910. С. 159—297) вызвала целый ряд восторженных отзывов. Первым откликнулся Иванов-Разумник рецензией «Бурков двор (О новой повести Алексея Ремизова: „Крестовые сестры“)» (Русские ведомости. 1910. 17 сент., № 213. С. 2—3). В следующем отклике, вышедшем под заголовком «„Крестовые сестры“». Статья Иванова-Разумника», критик писал, что новое произведение А. Ремизова должно быть признано «одним из самых выдающихся произведений последнего времени» (Киевские вести. 1910. 21 сент., № 253. С. 2). Вскоре Иванов-Разумник посылит целую статью анализу ремизовского творчества. См.: Между «Святой Русью» и обезьяной (Творчество Алексея Ремизова) // Речь. 1910. 11 окт., № 279. С. 2—3. Другие положительные рецензии, последовавшие непосредственно за публикацией повести, см. также: Чуковский К. Для чего мы живем («Крестовые сестры», повесть Алексея Ремизова, Альманах «Шиповника» кн. XIII) // Речь. 1910. 26 сент., № 264. С. 3; Крашфельд Вл. Литературные отклики. В подполье // Современный мир. 1910. № 11. С. 97; Буракин А. Новая специальность // Новое время. 1910. 29 окт., № 12440. С. 4.

⁵ Шестов Лев Исаакович (наст. фам. Шварцман; 1866—1938) — философ, близкий друг Ремизова. Лундберг, познакомившийся с Шестовым в Киеве в 1905 г., испытывал к нему «чувство „ученика“ в старинном смысле слова» (Лундберг Е. Записки писателя: 1920—1924. Л., 1930. Т. 2. С. 75). В свою очередь, Шестов относился к молодому литератору с искренней заботой и вниманием. В своем эпистолярном общении Ремизов и Шестов часто касались дел Лундберга. См.: Переписка Л. И. Шестова с А. М. Ремизовым / Вступ. заметка, подгот. текста и прим. И. Ф. Даниловой и А. А. Данилевского // Русская литература. 1992. № 2. С. 133—169; № 3. С. 157—197; № 4. С. 92—133 (далее: Русская литература). Упомянутое письмо Ремизова не сохранилось. См. также: Данилевский А. А. А. М. Ремизов и Лев Шестов (Статья первая) // Ученые записки Тартуского университета. Тарту, 1990. Вып. 883. С. 139—156.

⁶ Л. Н. Толстой скончался 20 ноября 1910 г. Позже Лундберг вспоминал общение с Шестовым в Швейцарии в те вечера, когда все «ждали телеграммы о Льве Толстом, покинувшем ночью дом свой. „Так и я когда-нибудь уйду“, — сказал Шестов, постукивая палкой по асфальту Лозанского шоссе» (Лундберг Е. Записки писателя. Т. 2. С. 76).

⁷ Писательница, поэтесса, литературный критик *Варвара Григорьевна Малахеева-Мирович* (1869—?) в конце 1900-х заведовала беллетристическим отделом журнала «Русская мысль» и входила в ближайшее дружеское окружение Л. Шестова.

⁸ Здесь и далее подчеркнутые в тексте писем слова выделяются курсивом.

⁹ Лундберг приехал в Швейцарию, в Коппе, по приглашению Шестова 10 июля 1910 г. О его прибытии Шестов сообщил в письме к Ремизову от 11 июля 1910 г.: «Вчера сюда Евгений Германович приехал. Побывал и в Турции, и в Греции, и в Италии, теперь здесь посидит основательно. Под<ь>е<с>тся, подлечится. <...> Ему газеты поручили писать, так что кой-какие доходишки будут» (Русская литература. 1992. № 3. С. 197).

¹⁰ Лицо неуставленное.

¹¹ Шестов упоминает об аресте Лундберга в письме к Ремизову из Киева от 2 ноября 1909 г., а также в следующем письме от 4 декабря: «...Ев<с>гения» Гер<мановича> с месяцем тому назад арестовали. Ни за что ни про что: политикой он не занимался. Но, представь — не выпускают. Хуже того: отвезли на днях в П<етербург>» (Русская

литература. 1992. № 3. С. 192—193). Ср. с воспоминаниями Лундберга: «Девятьсот девятый год. Петропавловская крепость. Он <Шестов> подымает на ноги всех кого можно, чтобы извлечь меня — и извлекает. Ясно вперед, что меня засадят еще раз. Он вызывает меня в Швейцарию» (*Лундберг Е. Записки писателя*. Т. 2. С. 76). См. также тюремные записки Лундберга, опубликованные под названием «Монастырь» в газете «Русские ведомости» (1911. 6 янв., № 4. С. 4; 9 апр., № 81. С. 3; 15 апр., № 85. С. 4).

¹² Речь идет о цикле миниатюр-сновидений «Бедовая доля. Ночные приключения», который впервые увидел свет в майской книге журнала «Русская мысль» за 1909 г. Вскоре цикл, пополненный новыми текстами и разделенный на две части, с посвящением Л. Шестову, был включен Ремизовым в состав «Рассказов» (СПб., 1910), а еще год спустя самая полная редакция «Бедовой доли» была представлена в третьем томе собрания сочинений писателя (СПб.: Шиповник, [1911]).

¹³ Подразумевается повесть «Крестовые сестры».

¹⁴ Р. В. Иванов-Разумник. См. о нем вступ. статью, прим. 6.

¹⁵ Ср.: «Одному надо *предать*, чтобы через предательство свое душу свою раскрыть и уж быть на свете самим собою, другому надо *убить*, чтобы через убийство свое душу свою раскрыть и уж, по крайней мере, умереть самим собою...» (*Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2001. Т. 4. Плачужная канава*. С. 109. См. также: С. 145, 192).

¹⁶ Роман «Пруд» был впервые напечатан с редакционными сокращениями в журнале «Вопросы жизни» (1905. № 4/5—11); второе (книжное) издание вышло в ноябре 1907 г.

¹⁷ *Фигнер Вера Николаевна* (1852—1942) — активный член партии «Народная воля», основатель фонда помощи политкаторжанам в Париже (1910) и других многочисленных общественных комитетов. В ноябре 1910 г. она поселилась в Женеве у народолюбца А. Н. Баха. В своих воспоминаниях Фигнер, упоминая несколько прошедших в Женеве митингов, а также доклад о тюрьмах Европейской и Азиатской России, относила эти события к октябрю 1911 г. См.: *Фигнер В.* Полн. собр. соч.: В 6 т. М., 1929. Т. 3. С. 404—405.

¹⁸ Пьеса осталась неопубликованной.

¹⁹ Подразумевается стихотворение А. С. Пушкина «В степи мирской печальной и безбрежной...» (1827).

²⁰ *Ремизова-Довгелю Серафима Павловна* (1876—1943) — жена А. М. Ремизова.

2

Вторая половина июня 1911 г. Женева¹

Дорогой Алексей Михайлович,

Если бы Вы знали, сколько удовольствия доставляют Ваши маленькие записочки, Вы бы чаще их присылали. Рад за Вас и особенно за Серафиму Павловну, что узнали и полюбили Париж.² Он хороший и вправду легкий. Мне там хорошо жилось, буйно и весело.

А Швейцария... Приехал сюда, чтобы жить поближе ко Льву Ис<ааковичу>. Проболев почти всю зиму — его редко видел. А Швейцария идиотское гнездо (капкан), населенное швейцарскою, иностранною — в частности, русскою св... (так! — *Е. О.*). Я — к<а>к на необит<аемом> острове — без очарования необитаемого острова. Как собака, сходящая с ума оттого, что нет прохожих. Кружусь и грызу собственный хвост. Продал, продал себя немцам за покой — и более пустой, подлой и тяжелой зимы за все 28 лет жизни не припомню. К концу же весною ледяные ветры, сменявшие жаркую погоду, наградили меня плевритом — перешедшим в «начало» туберкулезного процесса — вот уже 1½ месяца лежу большею частью в жару, жду русского золота, чтобы уехать в Италию или Грецию за-

лизываться. Не думайте, что упадок духа или печаль от болезни — напротив: дрожит все в груди от натуги <жизненной — зчрки.>, и жадности — когда не оставляют физич<еские> силы — впр<очем>, это уж отличительная черта легочных заболеваний.

Тоскую без литературы, без музыки, без русских людей, без доброго женского общества. Без Варв<ары> Григ<орьевны>, Форш³ — без Ремизовых — без молодых моих друзей, и если бы Вы знали, как тоскую. Да, да, продал себя немцам — и за что?

Скучно Вам от письма — не сердитесь. Спасибо, что поминаете. Пишите. Вот сейчас пришлите мне вид какой-<нибудь> — картинку — в красках. Хорошо, Серафима Павловна? Не сердитесь — не пишу Вам отдельно, зараз Вам и Ал<ексею> Михайл<овичу>.

Одно спасало — книги. Полюбил древнегерм<анскую> литературу и греческих трагиков. Далеко же современникам до них. Миф, миф, говорят — а там миф лишь великий фон для человека. И — после бессильной, такой несвободной, такой не сыновней книги Бердяева о «Свободе»⁴ — так отраднo обратиться к Тристану⁵ или Одину,⁶ к рыцарям, исландским принцессам или вечно изменяющимся богам.

Вот что, Алексей Михайл<ович>. Отчего бы на обр<атном> пути не наведать Вам нас, «швейцарцев». Я живу в «собств<енной> квартире» — комната (не злодиевская⁷), кровати (настоящие), без «шкурок»⁸) и обед (в 3 блюда) к Вашим услугам. Нить не буду — хоть и поводить Вас не придется по окрестностям. Льва Ис<аак>овича увидите (до него 1/2 часа пути). А рад буду очень — обнять не обниму, чтоб не заразить — но что-ниб<удь> необыкновенное выкину. Приезжайте.⁹ Это был бы большой, хороший подарок. Горы издали увидите. Дорога очень хороша. От Парижа сюда прямой поезд 8 час<ов> пути. А отсюда и на Берлин, и в Италию, и всюду прямые пути. Не написали, зачем и надолго ли в Париж, откуда куда?¹⁰

Пишите. Еще раз — приезжайте.
Всего Вам лучшего.

Ваш Евг. Лунд<берг>.

Адрес: Genève, rue de Carouge, д<ом> 3.

¹ Письмо датируется по содержанию.

² Впервые Ремизовы посетили Францию в 1911 г.; в Париже и Версале они находились с 22 апреля по 4 июля. См. итинерарий Ремизова 1905—1912 гг. (РНБ, ф. 634, оп. 1, № 3, л. 15).

³ Форш Ольга Дмитриевна (1873—1961) — писательница. В архиве О. Форш сохранились письма Лундберга 1944—1961 гг. (РО ИРЛИ, ф. 732, № 328).

⁴ Книга Н. А. Бердяева «Философия свободы» вышла в свет в московском издательстве «Путь» в феврале 1911 г. См. также статью Лундберга «Заметки писателя. О Николае Бердяеве» (Речь. 1911. 1 дек., № 330. С. 2).

⁵ Герой западноевропейской средневековой легенды «Тристан и Изольда». Ремизов обратился к этому древнему сюжету, восходящему к ирландским сагам, в одной из своих последних книг. См.: Ремизов А. Тристан и Изольда. Бова Королевич. Париж, 1957.

⁶ Верховный бог скандинавской мифологии, герой «Старшей» и «Младшей Эдды».

⁷ Летом 1909 г. Лундберг жил в Киевской губернии на хуторе Злодиевка.

⁸ Неизменный атрибут казенного российского быта, упоминаемый также в самом начале статьи Иванова-Разумника, посвященной деятельности петербургского Религиозно-философского общества: «Кто странствовал по глухой проселочной России, ночевал в земских избах или грязных номерах захоластных гостиниц, — тот знает, что такое „клопные шкурки“. Изголодавшиеся, высохшие, сухие клопы, от которых одно только спасение — встать, одеться и терпеливо ждать рассвета, или уйти на вольную волю, на свежий воздух» (*Иванов-Разумник*. Клопные шкурки // *Заветки*. 1913. № 2. С. 105).

⁹ В июле 1911 г. Ремизовы посетили Женеву и Коппе и несколько дней гостили у Лундберга. См. письмо Ремизова к А. Блоку от 11 июля, отправленное из Женевы (Переписка с Ремизовым / Вступ. статья З. Г. Минц; Публ. и коммент. А. П. Юловой // Александр Блок. Новые материалы и исследования. М., 1981. Кн. 2. С. 96 (Литературное наследство; Т. 92)).

¹⁰ Обратный путь Ремизовых в Россию проходил через Женеву, Нюрнберг и Берлин. См. итинерарий Ремизова 1905—1912 гг. (РНБ, ф. 634, оп. 1, № 3, л. 15).

3

Октябрь—ноябрь 1911 г. Йена¹

Милые Ремизовы — здравствуйте. Вы, Серафима Павловна, верно, получили мое письмо. Неприятно было, что послал его, написанное в дурную минуту — но из песни слова не выкинешь, бывают и такие дни.²

Борюсь с нервами прогулками, душами, а больше всего работой, работа крепит и бодрит. Подчас ее слишком много, едва справляюсь, но нравится мне, что немцы требовательные учителя.³ Много у них лишнего, и педантизма, и бескрылости, и бездарности — но школа хорошая. Трудно здесь то, что Петербург и Москва манят издали к<a>к «настоящая жизнь» — и все забываешь, что без багажа, без высиженного в глуши и одиночестве нечего туда являться, ибо там только твориться можно, а не накапливать. Не пристало мне о накоплении говорить — нечего и не к чему, но тут дело только в слове. М<ожет> б<ыть>, не копить, а подобратсья.

Счастлив я, что разделался со Швейцарией. Гнуснее страны нет, верно, на свете — убогая, глупая и торгашеская. Гора с плеч и то, что разрешен приезд в Россию. Надеюсь, что предательства тут не будет никакого. Я в большой тревоге о Демьяныче — вот уже 3 месяца нет о нем вестей — это плохо, что-ниб<удь> случилось: лишь бы не самое худшее — а то либо болезнь, либо переехал куда-нибудь подальше. Гадок человек: поминаю его, и приходит покой и прочность какая-то: ты там, а я здесь, в Германии, и прежняя готовность поменяться тает. —

Что работы Ал<ексея> Мих<айловича> — пишет ли он сейчас новое и большое? Так давно не был в П<етер>б<у>рге, что и голоса забыл — Зин<аиды> Ник<олаевны>⁴ и др<угих>, и манеру спорить, и темы. Приехал ли Сологуб из-за границы?⁵ Коли не трудно, напишите об этом два слова. В их отсутствии была там оставлена статья моя⁶ — и боюсь опять глупого положения: я жду, и статья ждет. Надеюсь, Чеботаревская⁷ ответит мне? Смертельно надоели эти ожидания, вопросы и пр<очая> дребедень. Дописываю свою III кн<игу> рассказов⁸ — и думаю, что лучше бы ей не дописываться: от всего

этого огорчения и досады кухонного свойства — а сама «литература» где-то там в поднебесьи гуляет.

Ну, будет. Всего лучшего. Буду ждать вестей от Вас. Здоров ли Ал<ексей> Мих<айлович> — что его язва, неужели до сих пор все кофе да овсянка на столе?

Поклонитесь Зин<аиде> Ник<олаевне> — все собираюсь написать ей, да трудно это. Из Берлина мне писали,⁹ что Вы приедете на Рожд<ество> — правда ли это и насколько осуществимо?

До свидания.

Евг. Лундберг.

Если случ<айно> узнаете от Чеботаревской, что статья где-ниб<удь> устроена, пусть пришлют по телеграфу аванс (телегр<аф> — банком через Crédit Lyonnais). Адрес мой на вечные времена: Jena, poste rest, Eugene von Lundberg.

Не смейтесь над моим наследствен<ным> фоном больше, чем я над ним смеюсь: он открывает здесь все двери.

¹ Письмо датируется по содержанию.

² Ср. с письмом Иванова-Разумника к Ремизову от 1 ноября 1911 г.: «Что у Вас с Лундбергом? Шестов писал, что кошка пробежала. Быть может пробежала и уже убежала?» (Письма Р. В. Иванова-Разумника к А. М. Ремизову (1908—1944) / Публ. Е. Обатниной, В. Г. Белоуса и Ж. Шерона; Вступ. заметка Е. Обатниной и В. Г. Белоуса // Иванов-Разумник. Личность. Творчество. Роль в культуре: Публикации и исследования. СПб., 1998. Вып. 2. С. 58).

³ В октябре 1911 г. Лундберг переехал в Германию. В письме от 28 октября Шестов сообщал Ремизову: «Евгений Германович теперь в Йене. Записался в студенты, учится» (Русская литература. 1992. № 4. С. 105).

⁴ С поэтессой, драматургом, литературным критиком *Зинаидой Николаевной Гиппиус* (1869—1945) Лундберг познакомился в 1903 г., в редакции журнала «Новый путь». Спустя двадцать лет Гиппиус напишет в своих воспоминаниях: «Лундберг — называл себя моим „крестником“. Мне принадлежит... заслуга? спасения его первой рукописи от редакторского камня. Двери нашего тогдашнего журнала следовало, по моему убеждению, широко открыть начинающим. <...> Рукопись Лундберга показалась мне не блестящей, но возможной. Вызываю неизвестного автора. И вскоре он становится частым посетителем как редакции, так и моего дома. Большеголовый, большещипый, бледный юноша в синей рубашке. Дикий неврастеник. Любит длинные, надрывные разговоры. И мало-помалу я убеждаюсь, что этот человек, не лишенный, может быть, способностей, но обреченный на „личную негодность“: его точит и ест червяк безнадёжного честолюбия слабых. Слабняк, если он не глуп, начинает в этом случае с потери равновесия. И Лундберг особенно охотно говорит — о самоубийстве. Не всегда можно полагаться на правило: „не убьёт себя тот, кто о самоубийстве говорит“. И потому оставить Лундберга уклониться от бесконечных разговоров мне не хотелось. Они, впрочем, не давали ему помощи: внутренний червяк тщеславия, сосредоточенное, болезненное саможаление заслоняли его от всех спасительных интересов — к искусству, к философии, к вопросам общественным. Особенно безразличен, даже враждебен он был к последним. Но то обстоятельство, что он очутился в литературном кругу в связи с людьми, в которых он хотел вызывать к себе участие, — пожалуй, ему и помогло. Из Киева, куда он уехал, он продолжал писать мне. С удивлением мы узнали, что он сделался „учеником“ и даже „любимым“, Л. Шестова. Мимолетная встреча в Киеве показала мне того же Лундберга, ноющего, скорченного от внутренней, мелкой боли, ничем, кроме нее, не интересующегося; вернее — все берущего, как средство для ее невозможного утоления. Как в письмах своих — он был уныло и злобно льстив... <...> В Петербурге, когда Лундберг туда снова переехал, мы уже не встретились. Нужды в нас больше не было. Сделавшись заправским литератором (при посредстве ли одного своего „учителя“ или других наивных людей — не знаю) он даже писал какие-то особенно злостные против нас статьи» (*Крайний А. Лундберг, Антонин, Есенин // Послед-*

ние новости. 1922. 6 июля, № 680. С. 2—3). См. также: *Гиппиус З. Н.* Мечты и кошмар: В 3 т. СПб., 2002. Т. 1. С. 266.

⁵ В октябре—ноябре 1911 г. поэт, прозаик *Федор Сологуб* (наст. фам. и имя — Федор Кузьмич Тетерников; 1863—1927) с женой путешествовали по Европе. См. письмо Ан. Н. Чеботаревской к сестре Александре: РО ИРЛИ, ф. 189, № 173.

⁶ Речь идет о статье «Лирика Федора Сологуба», которая готовилась для сборника «О Федоре Сологубе» (СПб., 1911), составляемого Ан. Н. Чеботаревской. Статья Лундберга не была принята, однако позднее вышла в «Русской мысли» (1912. № 4. Отд. II. С. 57—86). Ср. с письмом Лундберга к Ан. Чеботаревской из Иены от 24 декабря 1911 г.: «Спасибо за письмо <...> и за отзыв Федора Кузьмича. Читая его, так досадно было на себя, — что глядел-глядел, но не доглядел. Что до „деловой“ стороны Вашего письма — мне так важно, чтобы статья была напечатана, что я принужден просить Вас передать ее в „Аполлон“, хотя у меня очень мало надежд, чтобы ее там напечатали. Если это удобно, я просил бы редакцию „Аполлона“ <...> не уничтожить статью в случае отказа, а переслать ее П. Б. Струве для „Русской мысли“» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 5, № 153, л. 3). В архиве Ф. Сологуба сохранилась машинопись этой статьи с авторской правкой и датировкой «Соррет (Швейцария), октябрь» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 7, № 140). Лундберг продолжал работу над статьей и в 1912 г., предполагая перевести ее к концу года на немецкий язык, о чем сообщал в письме к Ан. Чеботаревской от 12 августа 1912 г. (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 5, № 153, л. 9).

⁷ *Чеботаревская Анастасия Николаевна* (1876—1921) — критик, переводчица.

⁸ Первые два сборника рассказов были изданы в Киеве в 1909 г. под названиями «Мои скитанья» и «Рассказы»: третья книга так и не увидела свет.

⁹ Очевидно, источником этих сведений были берлинские друзья Шестова — Я. С. и Ф. Л. Шрейберы.

4

Начало марта 1912 г. Москва¹

Дорогой Алексей Михайл<ович>,

Будьте добрым, пошлите к<уда>-ниб<удь> прилаг<аемое> письмо² — я не знаю, куда его направить. Есть ли у Вас что-ниб<удь> о «Тринадцатом»?³ Сижу без денег, были бы кстати даже гроши к<акие>-нибудь.

Скоро увидимся — оттого и пишу т<а>к коротко. 13-го читаю о Гиппиус,⁴ скоро и о Лютере,⁵ нужно еще поработать над этими чтениями.

В России трудно: уж очень безотрадны впечатл<ения>. Я с легкостью ворушчусь опять за границу, хотя и тосковать буду по-прежнему. Нельзя человеку надеяться на внешнее, хотя бы на «родину» и «близких» — надо, приходится только в себе искать силы, этому трудно научиться — и вряд ли оно возможно вообще. Привет Сер<афиме> Павл<овне>. До свидания скорого. Напишите же! Адр<ес>: Моск<овский> центр<альный> почт<амт>, до востр<ебования>.

Ваш Евг. Лундберг.

Если есть возможность легкая добыть рубл<ей> 25, пришлите: 13-го верну, ибо получу 150 за лекцию!

Напишите открытку — сегодня же, д<орогой> А<лексей> М<ихайлович> — беспокоюсь.⁶

¹ Письмо датируется по содержанию.

² Упомянутое письмо не сохранилось.

³ Очевидно, речь идет об одном из рассказов Лундберга, безуспешные хлопоты по публикации которого взял на себя Ремизов. Ср. с письмом Шестова к Ремизову от 5 сентября 1911 г. «Теперь насчет Лундберга. С ним плохо: опять температура 38. Конечно падает духом. Уже постарайся что можно сделать. Кому ты сдал его „Тринадцатого“?» (Русская литература. 1992. № 4. С. 104); а также с письмом Пришвина к Ремизову от 18 сентября: «...я потому не ответил Вам, что дожидался своих вещей из Белева, в которых находится и рукопись Лундберга. Сейчас я их получил и сегодня же отправлю Лундбергу его рукопись» (Письма М. М. Пришвина к А. М. Ремизову / Вступ. статья, подгот. текста и прим. Е. Р. Обатниной // Русская литература. 1995. № 3. С. 185).

⁴ По-видимому, лекция, посвященная поэтическому творчеству З. Н. Гиппиус, была прочитана неделей позже. О том, что в Литературно-художественном кружке в 9 часов вечера состоится «литературное собеседование (выступление Е. Г. Лундберга на тему „Религия и лирика несвободной души“)», московская газета «Утро России» извещала читателей 20 марта в рубрике «Сегодня» (1912. № 66. С. 6). Очевидно, именно на основе этого доклада Лундберг написал статью «Проза и поэзия З. Гиппиус», которую опубликовал в журнале «Заветы» (1913. № 1. Отд. II. С. 68—79) с авторским примечанием, где указывалось, что «настоящая статья является отдельной частью более подробной, которая будет напечатана полностью под заголовкой „Религия и лирика несвободной души“ в сборнике критических статей автора, подготовленном к печати» (С. 68). См. также статью Лундберга «Поэзия З. Н. Гиппиус» (Русская мысль. 1912. № 12. С. 55—66).

⁵ Отчет о выступлении Лундберга в московском Религиозно-философском обществе был помещен в газете «Утро России»: «В воскресенье, 11 марта, в квартире М. К. Морозовой состоялось закрытое заседание общества, на котором Е. Г. Лундберг прочел доклад на тему „Религиозный индивидуализм и католическая реакция (О спасении делами и спасении верой)“. В центре своего доклада Е. Г. Лундберг поставил Лютера, его страстное богоскательство, мучительную борьбу с самим собой и „отступничество“ от католической церкви, которая в свою очередь горячо ополчилась на реформатора, между прочим, в лице доминиканца Динифле, обвинявшего Лютера в извращении взгляда на брак, в лжи и клевете на задачи церкви и личной слабости, невежестве и распушенности. Докладчик, выясняя разнь между Лютером и лютерянством, сочувственно оттенил начала религиозного индивидуализма, руководившие великим германским проповедником и заставившие его покинуть католический монастырь для того, чтобы остаться „наедине с Богом и с собою“. Оппонентом Е. Г. Лундберга выступил С. Н. Булгаков, по словам которого дело Лютера явилось бунтом, отрицанием и как таковое не могло послужить основанием для новой церкви. С точки зрения С. Н. Булгакова, Лютер побежденным вышел из своей борьбы, хотя исторически он и признан победителем, ибо нельзя отрицанием наполнять жизнь. Кроме С. Н. Булгакова в беседе приняли участие несколько других членов общества, в том числе Андрей Белый. Как самый доклад, так все собеседование, затянувшееся довольно долго, касалось вопросов исключительно богословского характера» (1912. 13 марта, № 60. С. 4).

⁶ Приписка слева, по краю письма.

5

11 (24) января 1913 г. Берли.¹

Дорогой Алексей Михайлович,

Спасибо Вам за 8 том, сейчас читаю «Иуду, принца».²

При случае, коли захочется, напишите мне, какую роль играли во время работы греческие трагедии?³ Затем большая просьба: я готовлю для изд<ания> работу о Шестове,⁴ хотелось бы вставить Вашу рецензию на «Апофеоз», что была в отд<еле> частн<ой> пере-

писки в «Вопросах жизни», не то в «Новом пути».⁵ Если не трудно, пришлите, возвращу. Сердечный привет Вам и Серафиме Павловне.

Ваш Евг. Лундберг.

Адр<ес>: Wilmersdorf bei Berlin, Nassauizcke str. 6 parterre.
Eugen<е> v<он> Lundberg.

¹ Открытое письмо; датируется по почтовому штемпелю.

² Речь идет о восьмом томе «Сочинений» (СПб.: Сирин, [1912]) Ремизова, в состав которого, наряду с другими драматическими произведениями писателя, вошла и «Трагедия о Иуде принце Искаротском», впервые опубликованная в журнале «Золотое Руно» (1909. № 11—12. С. 15—46).

³ В основу «Трагедии о Иуде» была положена комбинация апокрифических сюжетов об Иуде-предателе (список источников Ремизов приводит в авторских комментариях к восьмому тому своих «Сочинений»), а также один из сюжетов мифа о Эдипе (Эдип и его родители). Подробнее см.: Герасимов Ю. К. Театр Алексея Ремизова // Алексей Ремизов: Исследования и материалы. С. 187; Климова М. Н. «Трагедия о Иуде, принце Искаротском» А. М. Ремизова и ее древнерусский источник // Роль традиции в литературной жизни эпохи: Сюжеты и мотивы. Новосибирск, 1985. С. 89—100.

⁴ Несостоявшийся проект, в основу которого, по-видимому, была положена статья «Заметки читателя. О Льве Шестове» (Речь. 1911. 31 июля, № 207. С. 2—3), а также еще две статьи (неопубликованные и несохранившиеся), над которыми Лундберг работал в августе 1911 г., предполагая поместить их в газете «Речь». См. упоминание об этом в письме Шестова к Ремизову от 8 августа 1911 г.: «Я порадовался за Лундберга. Статья действительно прекрасно написана. Теперь Лундберг пишет вторую статью критическую. Если ее „Речь“ напечатает и если она к тому же окажется так же хорошо написанной, он пошлет третью» (Русская литература. 1992. № 4. С. 100).

⁵ Рецензия Ремизова на книгу «Апофеоз беспочвенности. Опыт адогматического мышления» (1905) была опубликована в журнале «Вопросы жизни» (1905. № 7. С. 204) в разделе «Из частной переписки» под названием «По поводу книги Л. Шестова „Апофеоз беспочвенности“».

6

27 марта (9 апреля) 1913 г. Москва¹

Дорогой Алексей Михайлович — спасибо Вам за письмо, указания и вырезку. К Новикову пока не пойду: работы много и не хотел ходить.² Поселился в 15 верст<ах> от Москвы в Лосином Острове, в лесу. Хорошо, что не слышно кругом и не видно ни авто, ни немцев, ни готики берлинской. По всему видно, что застряну в России на все лето. — Поклонитесь Сологубам. Скажите, что не зашел, т<а>к к<а>к думал, их нет в П<етер>б<урге>. — Заграничная газета «Заграничные отклики» просит В<ашего> разрешения перепечатывать изредка из газет В<аши> сказочки или рассказы (гонорары не платит, издается в Берлине 5000 экз<емпляров>), расходуется по всей Германии, Швейц<арии> и франц<узским> курортам, беспартийна и прилична).³ Если есть что и хотите дать, пришлите мне. Сердечный привет Сер<афиме> Павл<овне>; рад, что повидался с В<ами> обоими. Дела т<а>к запутыв<аются>, что боюсь, чтобы Универс<итет> не пропал.

Адр<ес>: Москва, почтamt, до востребования.

¹ Открытое письмо; датируется по почтовому штемпелю.

² Возможно, Ремизов посоветовал Лундбергу связаться с издательством К. Ф. Некрасова через писателя *Ивана Алексеевича Новикова* (1877—1959), который вошел в круг петербургских символистов благодаря знакомству с Ремизовым. В архиве Ремизова сохранились три письма И. А. Новикова к Ремизову, относящиеся к 1912 г. (РНБ, ф. 634, № 164), а также восемь писем 1916—1917 гг. (РО ИРЛИ, ф. 256, оп. 3, № 143).

³ «Заграничные отклики» — общественная, политическая, литературная и экономическая газета, выходившая в 1913—1914 гг.; факт публикации произведений Ремизова в этой газете неизвестен.

7

Январь 1914 г. Петербург¹

Дорогой Алексей Михайлович,

Сверил ошибки по корректурам — 1-я и 2-ая по моей вине, а третья — пропуск типографии уже после того, как была дана подпись к печати.²

Сейчас произошли перемены в моей работе — корректором я остаюсь, в конторе уже не сижу.³

Кланяется В<ам> Лев Исаакович. Он в Берлине сейчас.⁴ Адр<ес> Шрейберов⁵ (по-русски — для и т. д.).

Сердечный Вам и Серафиме Павловне привет.

Ваш Евг. Лундберг.

2 № 1 Вам посланы.

¹ Письмо датируется по содержанию.

² Речь идет о рассказах Ремизова из цикла «Весеннее порошье» («Заветные сказки», «Бочоночек», «Бабинька»), опубликованных в «Ежемесячном журнале» (1914. № 1. С. 41—44).

³ Имеется в виду работа в конторе «Ежемесячного журнала». Ср. с недатированным письмом к главному редактору журнала В. С. Миролюбову, в котором Лундберг пытался обговорить свое положение в редакции: «Сидеть у Вас в конторе и видеть как *Вы* читаете корректуру, хотя и без того заваленный работой чтения рукописей и организацией журнала — *я не могу*. <...> Делать и корректуру и остальное — не могу. Выход такой: 1) мне делать одну только корректуру <...> и буду в 2 часа приходиться делать все существенное до 3, а письма пишет и мелочи всякие пусть чужой, конторщик — что ли. <...> Уменьшите мне жалованье, как хотите — лишь бы все эти треклятые письма, счета и пр<очее> делала чужая рука» (РО ИРЛИ, ф. 185, оп. 1, № 739, л. 8—9).

⁴ Ср. с письмом Шестова к Ремизову от 1 февраля 1914 г.: «В Берлине без малого 3 недели проторчал...» (Русская литература. 1992. № 4. С. 115).

⁵ Речь идет о Фриде Лазаревне и Якове Самойловиче Шрейберах, у которых летом 1914 г. Ремизовы останавливались в Берлине, возвращаясь в Россию из Италии. См. также письмо Я. Шрейбера к Ремизову (РО ИРЛИ, ф. 256, оп. 3, № 235).

8

17 (30) ноября 1914 г. Берлигардовка¹

Дорогой Алексей Михайлович, есть у меня книга моего йенского профессора,² большого знатока Визант<ии>, «Византийские легенды». Я Вам ее привезу. Отчего бы Вам не перевести ее, дополнив и

отдела по своему вкусу и своим знаниям. Так сэкономите труд, а заплатить сможем рублей 100 с лишком (если меня не обманыва^{ет} размер).³ Книгу привезу на днях — все не соберусь в П^{етер}-б^ург.⁴ Поэтому погодите пока писать сказочки.

До свидания.

Ваш Евг. Лундберг.

¹ Почтовая карточка с грифом редакции журнала «Современник»; датируется по почтовому штемпелю. С середины 1914 г. Лундберг возглавлял литературный отдел «Современника».

² Вероятно, речь идет о византологе Генрикусе Гельцере (Henricus Gelzer).

³ Очевидно, Лундберг предполагал издать перевод книги в журнале «Современник». Проект не был реализован.

⁴ В то время Лундберг проживал в поселке Бернгардовка под Петроградом.

9

3 (16) декабря 1914 г. Бернгардовка

СПб., 3 декабря 1914 г.
Бернгардовка.¹

Дорогой Алексей Михайлович,

Мне ужасно совестно перед Вами. Все откладываю да откладываю к Вам визит — то по недосугу, то по нездоровью. Вот окончится работа над декабрьской книжкой, возьму отпуск² (и поеду в Москву) — перед отъездом будет свободное время.

Пожалуйста, Алексей Михайлович, пришлите что-нибудь для января — все, что угодно, кроме писем³ и детских сказок, вроде городского и деревенского вора.⁴ Если лист — так чтобы можно было разделить раза на 2. Если 1½ — на 3. Если нет ничего такого, дайте 4—5 страниц. Гонорар обещаю натянуть как только можно — и будет заплачен к 1 января точно. Надоела дрянь, кот^{орую} приходится печатать. Нужен мне и Пришвин, писал ему, но он считает хорошим тоном извест^{ного} писателя не отвечать на письма.⁵ Ну, Бог с ним.

Что Серафима Павловна? Здоровы ли? Ответ адресуйте так: Ириновской жел^{езной} дор^{оги} ст^{анция} Бернгардовка, мне. А рукопись на редакцию, чем скорее, тем л^{учше}. Сейчас же пойдут в набор.

Ваш Евг. Лундберг.

¹ Письмо на бланке редакции журнала «Современник».

² В письме, отправленном 4 ноября 1914 г. (дата устанавливается по почтовому штемпелю), Лундберг делился с К. А. Сюннербергом, отправляясь в отпуск: «У меня чувство прекрасного освобождения от ухода из „Современника“». Все-таки эдеки не „мои“ люди, и сейчас дивлюсь, как выдержал так долго» (РО ИРЛИ, ф. 474, № 183, л. 31).

³ Начиная с 1913 г. в творчестве Ремизова обозначилось новое направление, в основу которого была положена репрезентация традиционной русской эпистолярной (бытовой и деловой) культуры. Рассказы, впоследствии объединенные общим названием «Россия в письменах» (1922), характеризовались использованием документов де-

лопроизводства конца XVII, XVIII и XIX в., различных надписей на печатях, фрагментов календарей и пр., а также прямым введением в текст имен не только безвестных реальных лиц, имеющих отношение к сохранившемуся «памятнику» письменности, но и настоящих имен многих знакомых Ремизова.

⁴ Очевидно, речь идет о сказках, вошедших в раздел «Воры» сборника «Докука и балагурье: Народные сказки» (СПб.: Сирин, 1914), в основу которых был положен пересказ фольклорных источников.

⁵ Осенью 1914 г. *Михаил Михайлович Пришвин* (1873—1954) находился на фронте в Галиции (Западная Украина). См.: *Пришвин М. М. Дневники. 1914—1917. М., 1991. С. 90—112.* В «Современнике» был опубликован его рассказ «Медвежья шуба» (1914. Кн. 6. Март. С. 7—12).

10

10 (23) декабря 1914 г. Всеволодск¹

Дорогой Алексей Михайлович,

Корректурa Ваша будет после Рождества.²

Деньги (пока 25 р<ублей>) во вторник доставлю Вам, — либо Вас попрошу, если не буду здоров, прислать за ними кого-нибудь. Привет Вам и С<ерафиме> Павл<овне>.

Ваш Е<вг. Лундберг>.

¹ Открытое письмо с грифом редакции журнала «Современник»; датируется по почтовому штампу.

² Очевидно, речь идет о публикации в журнале «Современник» ремизовских сказок «Нужда», «Праведный судья», «Награда» под общим названием «Докука. Народные сказки» (1915. № 1. С. 30—37).

11

12 (25) мая 1915 г. Киев

Киев. 12 мая.

Дорогой Алексей Михайлович —

Вот уже 2 недели в отъезде, а пока ни отдыха, ни покоя — люди, люди и люди. Пишу к Вам по делам: посылаю небольшой, очень простой рассказ более $\frac{1}{2}$ листа — м<ожет> б<ыть>, Влад<имир> Ник<олаевич>,¹ к<а>к мы сговаривались, пристроит его в «Ниве»² возможно дороже — гонорар по возможности скорее, и если будет пересылаться, то хот<ь> телеграфом. Надеюсь на удачу и телеграфность, сами знаете, очень важна. 2) Подтвердите письменно В<аше> желание и согласие дать автобиографию³ и *примечания* свои (о сказке и апокрифе⁴) к моей книжке о Ремизове — наметил материал, выходит около 7 листов, надо будет к осени издать отдельно, поэтому важно знать вперед.⁵ 3) Пришлите самую коротенькую из В<аших> сказочек на листке почтовой бумаги.⁶

Как здоровье? Что Сер<афима> Павл<овна>? Какие планы на лето? Очень прошу с рассказом не медлить, очень и очень мне это важно.

Привет С<ерафиме> П<авловне> и Вам. Адрес на обороте.⁷

Ваш Евг. Лундберг.

¹ *Гордиш Владимир Николаевич* (1882—после 1926) — прозаик, журналист, сотрудник журнала «Нива». Примечательно, что и сам Ремизов 12 августа 1915 г. обращался к Гордишу с просьбой проследить судьбу отданного в редакцию «Нивы» рассказа «Чайничек»: «Прошу Вас о „Ниве“ попомнить. Сговоритесь о цене и, если увидите, что уступить надо, уступите, принимая во внимание гонорар мой за рассказ о Корявке, который был напечатан в „Ниве“» (РНБ, ф. 124, № 3614, л. 17).

² В журнале «Нива» за 1915 г. не было публикаций сочинений Лундберга.

³ Лундберг предполагал использовать текст автобиографий Ремизова, написанных писателем в 1912 и 1913 гг. по заказу С. А. Венгерова. Первая была написана для одного из неосуществившихся томов издания «Русская литература XX века» (М.: Мир), а вторая предназначалась для готовившегося критико-биографического «Словаря русских писателей». См. публикацию этих текстов в приложении к статье А. М. Грачевой «Революционер Алексей Ремизов: миф и реальность» (Лица: Биографический альманах. М.; СПб., 1993. Вып. 3. С. 437—447).

⁴ Свою концепцию обработки фольклорного и апокрифического материала в художественных произведениях Ремизов впервые изложил в «Письме в редакцию», опубликованном в связи с обвинениями в плагиате (Русские ведомости. 1909. 6 сент., № 205. С. 5). Глубоко научное знание текстов-источников, оформленное в виде примечаний к сборникам сказок и легенд, писатель продемонстрировал в авторских комментариях к т. VI («Сказки») и т. VII («Отреченные повести»), изданным в «Шиповнике» и «Сирине» в 1911—1912 гг.

⁵ Один из многочисленных незавершенных проектов Лундберга. Несмотря на многократные намерения опубликовать критическое исследование о Ремизове, фактически единственным печатным выступлением критика по поводу творчества писателя стала рецензия на книгу профессора А. В. Рыстенко «Заметки о сочинениях Алексея Ремизова» (Одесса, 1913) в журнале «Заветы» (1914. № 3. Отд. III. С. 61).

⁶ Возможно, Лундберг предполагал факсимильно воспроизвести каллиграфическую рукопись Ремизова по примеру того, как это было сделано в альбоме (приложении к журналу «Новый журнал для всех») «Галерея современных писателей» (СПб., 1910. С. 19).

⁷ На обороте приписано: «Киев, Сретенская ул., д. 17, кв. 10 (у Е. М. Кузмина)».

12

15 (28) июля 1915 г. Киев¹

Дорогой Алексей Михайлович,

Не знаю (получил Ваше письмо), какие у меня основания сердиться на Вас? По-моему, все по-хорошему. Рассказ вам послан — ах, если бы его можно было реализовать не в недели, а в дни, да по телеграфу — ведь Киев так гадок. Автобиограф<афию> наново писать не стоит, по-моему. Я думал, как Вы предлагали, использовать ту, что у Венгерова. Работа о Ремизове набросана уже в главных частях — если разрастется, раньше поздней осени не закончу. Коли доживем, поговорим о ней в П<етер>б<у>рге. Привет С<ерафиме> П<авловне> и Вам. Тяжкий какой год.

Ваш Евг. Лундберг.

¹ Открытое письмо; датируется по почтовому штемпелю.

13

24 июня (7 июля) 1915 г. Новгород-Северск¹

Дорогой Алексей Михайлович,

Будьте добрым, претерпите мои частые на этот раз посылки: послан был рассказ, а сегодня статья небольшая — сделайте *все что угодно*, только бы поскорее реализовать — страшно все это нужно. Если уезжаете — напишите, если не удастся уладить, тоже напишите. Местом не стесняйтесь... Адр<ес> мой: Новгород-Северск, Черниговской губ<ернии>, до востребования. Либо отк<рыткой>, либо заказным. Если что-либо денежное будет реализовано, туда же. Простите. Привет С<ерафиме> П<авловне> и В<ам>.

¹ Почтовая карточка, датируется по штемпелю.

14

9 (22) июля 1915 г. Новгород-Северск¹

Дорогой Алексей Михайлович,

Приехал в Новгород-Северск и очень тревожусь о делах: если нет, напишите — нет, да — да, тревожно без известий. А Вы-то сами где и как? В Новгороде (чудесный городок и за границей таких не видал) и Вам было бы очень интересно — старина.

Адр<ес>: Новгород-Северск, Черниговской губ<ернии>, до востребования.

Ваш Евг. Лун<дберг>.

Получили ли вторую рукопись (статью)?

¹ Открытое письмо; датируется по почтовому штемпелю.

15

17 (30) июля 1915 г. Новгород-Северск¹

Дорогой Алексей Михайлович,

Спасибо за открытку — я уж приходил в отчаяние от неопределенности. Конечно, отдайте рассказ в «Лукоморье»² — мне все равно. М<ожет> б<ыть>, и статью туда же? Главное — реализовать скоро. Если что удастся, по-прежнему просьба — перевод телеграфом. Адрес прежний: Новгород-Северск, Черниговской губ<ернии>, до востреб<ования>. На днях вышло еще один рассказ — если никуда не пойдет, перешлите его, будьте добрым, в «Русскую мысль» просто бандеролью. — В Новгороде тихо и старина — это успокаи-

вает и дает работать. Чудесные окрестности. Пока застряну здесь. Лето неудачное — на душе, как у всех, тяжело. Начал работать на<д> большою беллетристич<еской> вещью — что-то из всего этого выйдет. Привет Вам и Сер<афиме> Павл<овне>. Чуть что, напишите 2 слова на открытке, и главное, главное — реализовать что-нибудь. До свидания. Не сердитесь за хлопоты.

¹ Открытое письмо; датируется по почтовому штемпелю.

² Еженедельный литературно-художественный и сатирический журнал, издававшийся в 1914—1917 гг.; редактор — А. М. Селитренников (А. Ренников; 1882—1957), издатель — М. А. Суворин.

16

23 июля (5 августа) 1915 г. Новгород-Северск¹

Дорогой Алексей Михайлович.

Если Вы знаете хоть что-ниб<удь> точное о призыве ратников ополчения II-го разряда (когда, какие сроки, за сколько лет),² не поленитесь, напишите мне 2 слова. — И затем, если можно, реализуйте мои рукописи — ибо боюсь застрять здесь и призываться в глуши — а тронуться сейчас др<угих> возможностей нет. Если что удастся — телеграфом, телеграфом, а то я погрязая здесь все глубже. Ведь вся литература пойдет, коли призыв больше 10 лет, и Ив<анов>-Раз<умник>, и Сухан<ов>,³ и др. А Вы как? Вряд ли доброе из нас выйдет воинство.

Евг. Лундберг.

Новгород-Северск, Черниговской губ<ернии>, до востребования.

¹ Почтовая карточка; датируется по штемпелю.

² В середине июля 1915 г. был обнародован высочайший указ о призыве новобранцев, родившихся в 1896 г. Мобилизация была назначена на 7 августа. Высочайший указ о призыве ратников ополчения I и II разрядов вышел спустя год — 7 июля 1916 г.

³ Суханов Николай Николаевич (наст. фам. Гиммер; 1882—1940) — публицист, один из редакторов журнала «Современник».

17

28 июля (10 августа) 1915 г. Новгород-Северск¹

Дорогой Алексей Михайлович,

Спасибо за открытку. II-ой рассказ небольшой на днях пришлю. Но главное, если это возможно, реализуйте присланное. До зарезу нужны деньги — боюсь: со дня на день мобилизация II разряда моих сроков, а попасть в мобилиз<ацию> в глуши — жутко и неприятно*. Сабашникова нет в Москве,² и контора его чинит мне препятствия с деньгами — одна надежда на Ваше «Лукоморье». Попадаю туда (если Вы меня проведете) вполне сознательно: мне надоело то, что «Речь», «День», «Русск<ие> вед<омости>» и др. вечно указывают

на дверь. — Вот не знаю только, как в «Русск<ой> мысли» будет. Т<ак> к<ак> рассказ большой вышел, я его послал непосредственно туда.³ Давно (6 лет) так легко не писалось, как сейчас — и я возвращаюсь к беллетристике с радостью и легким сердцем. Покажу Вам, коли захотите, в П<етер>б<у>р<г>е большие по размерам вещи. Перестал себя стыдиться в письме — и это очень помогло.

Получил от Льва Ис<аак>иевича письмо — с передачей от Разумн<ика> Вас<ильевича> приглашения в его новый журнал.⁴ Удивило это меня искренно: во 1, Р<азумник> В<асильевич> знает мой адрес или может знать, во 2, не затем я ушел из «Заветов», чтобы входить в новые «Заветы».⁵ В 3, он знает, что я вошел бы только на началах полной автономии — «мой лист» в книге и до него никому дела нет — а на такие условия он не пойдет. Верю ему и ценю как человека, но не верю и не люблю как редактора.⁶ И чего он еще Льва Ис<аак>иевича, столь чужого всякой левизне, хочет впутать в свое литерат<урное> предприятие.⁷ Хотя бы из дружбы к нему не затевал этого курьеза. Ох, уж эти писатели. —

Теперь приезжать в Новг<ород>-Сев<ерск> поздно. Нахлынули беженцы. Кругом сотни и сотни детей и женщин. Все занято, квартир нет. Поезда переполнены. Я приехал к друзьям детства — это семья одного превосходительства и тайного советника — и тем не менее надо складывать вещи и уезжать. Чуть получу от «Лукоморья» золото, немедленно выеду в Петербург — и там, если это Вам пододег, предложу Вам одну комбинацию уединенного осеннего житья в лесу, недорогого и удобного. Уезжать из П<етер>б<у>р<г>а далеко сейчас неблагоприятно. Немцы прут с настойчивостью необыкновенною. Очень м<ожет> б<ыть>, что скоро и П<етер>б<у>р<г> будет под угрозой. Лучше сидеть на месте, и уж если ехать, то ехать на Урал, в Самару, в Вятку, в Пензу — хотя и там беженцы и пленные и военная разруха (колонистов выселяют и разоряют беспощадно).

Прилагаю доверенность.⁸

Дорогой Алексей Мих<айлович> — на этот раз *сделайте сейчас же что можно*. Пусть чертово «Лукоморье» возьмет и рассказ («Учитель»⁹), и статью¹⁰ и пришлет мне *телеграфом*, непременно *телеграфом* — ну — сто рублей, а то я в капкане и не знаю, как выбраться. Главное — скоро — *как можно скорее*, каж<дый> день бегаю на почту и каждый день тоска и скука от этих «нет», «нет». До свидания.

* Это значит попасть в пехие солдаты, в городовые, в кашевары, несмотря на больные ноги, и не иметь возможности выбраться — из солдат не переводят.¹¹

¹ Письмо датируется по тексту доверенности (см. прим. 8).

² Летом и осенью 1915 г. Михаил Васильевич Сабашников (1871—1943) — московский купец, меценат, совладелец и фактический руководитель «Издательства М. и С. Сабашниковых» (1890—1930) — находился на фронте, возглавляя Сибирский медико-санитарный отряд. Подробнее см.: Сабашников М. В. Воспоминания. М., 1988. С. 379—380.

³ Публикация рассказа Лундберга в «Русской мысли» не состоялась.

⁴ Планы были связаны с созданием нового журнала с тем же самым кругом редакторов и авторов, который сложился в «Заветах», прекративших существование в соответствии с правительственным запрещением в августе 1914 г. после вступления России в войну. Ср. также с письмом Иванова-Разумника к К. А. Слонимбергу от 17 мая 1915 г.: «Поздней осенью надеемся воскреснуть» (РО ИРЛИ, ф. 474, № 145). Позднее Иванов-Разумник предпринимал усилия по изданию сборника «Скифы», первая книга которого (редактируемая А. И. Иванчиным-Писаревым, Р. В. Ивановым-Разумником и С. Д. Мстиславским) увидела свет только в августе 1917 г. Лундберг в «Скифах» участия не принимал.

⁵ Очевидно, Лундберг разорвал отношения с «Заветами» в результате конфликта, разгоревшегося между ним и Ивановым-Разумником в середине января 1913 г. Ср. с письмом Шестова к Ремизову от 21 января 1913 г.: «Вчера и я получил отк<рытку> от Лун<д>б<ерга>, в которой он меня извещает, что поссорился с Ив<ановым>-Раз<умником>? Глупейшая вышла история! И, главное, еще недолго тому назад Л<унд>б<ерг> жаловался мне, что Р<азумник> В<асильевич> не отвечает ему на письма и телеграммы. Я тогда же ответил ему, что тут должно быть недоразумение. Оно так, по-видимому, и вышло, судя по открытке Лун<д>б<ерга>: Р<азумник> В<асильевич> не получил какого-то его письма. Нечего и говорить, что скандала делать не следовало, и что Л<унд>б<ерг> поступил нехорошо. Я ему в ответ и написал, что самое лучшее теперь прямо и открыто признаться, что поступил нехорошо. Не знаю, послушается ли. <...> Нужно сделать все, чтобы эту историю как-нибудь „погушить“. В оправдание Л<унд>берга или, точнее, не в оправдание, а в объяснение его поступков, можно привести только его болезненное состояние и вечную денежную запутанность. Нервы у него взвинчены, а человек он крайне непрактичный. Пошлет статью, ему кажется, что деньги должны чуть ли не по беспроцентному телеграфу придти. А того не знает, что, может, у Р<азумника> В<асильевича> и денег нет, и времени нет, и что у него не один, а 50 сотрудников и сотни дел. <...> Ты как-нибудь постарайся уладить, если можно, и так устроить, чтоб „Зав<еты>“ все-таки его напечатали. Из „Речи“ его уже выперли, в „Р<усской> мысли“ тоже не распечатается, „Зап<р>сы“ жизни“ прикрылись, если из „За<ветов>“ уйдет, куда ему деваться» (Русская литература. 1992. № 4. С. 109—110).

⁶ Ср. с развернутой характеристикой Иванова-Разумника, которую Лундберг дает в датированном (вероятно, май 1912 г.) письме из Иены к В. С. Миролобову: «Вы спрашиваете об Иванове-Разумнике. Охотно исполню Ваше желание, хотя знаю ли я его т<а>к, чтобы мои слова Вам могли быть интересны? Разумникова лучшая добродетель — прямота и безукоризненная внутр<енняя> честность, затем он всегда знает, чего хочет. Самый большой его порок — недостаток дарования и гибкости. Для журнала он очень полезный человек — наверное. Точностью, вкусом, очень хорошим знанием и трудоспособностью он может уберечь „Заветы“ от ненужных мелких словесных резкостей, из-за которых, напр<имер>, была конфискована 1 книга. Он больше всего — полезный в литературе человек, без красноречия Овс<янико>-Куликовского, и без самодурства (но и без дарования) Чуковского. Больших проблем он ставить не умеет (для этого он слишком „математик“ — по образ<ованию> и по вкусам), но около них ходит уверенно, и бывает проницателен. Я ему никогда не прощу его книги о Шестове — но Ремизова и Пришвина он оценил, как никто из критиков. Производил он на меня впечатление человека упорного в своих правилах и проведении их — но ведь это лучше, чем слабость. Но повторяю, лучшее в нем после интриганской сумятицы декадентских кружков (Бр<юсова> и Мереж<ковского>) — прямота и чистота писателя старой школы. Темперамента у него нет, мечты нет, говоря о трагическом и личном элементе, он охотно тащит его на огонек или на ледок исторического — впр<очем>, все это уже о книгах, а не о нем» (РО ИРЛИ, ф. 185, оп. 1, № 739, л. 19—19 об.).

⁷ В первом сборнике «Скифов» (Пг., 1917) была опубликована датированная 1916 г. статья Льва Шестова «Музыка и призраки» (С. 213—232), которая позже вошла в его книгу «Potestas Clavium» (1923).

⁸ К письму на отдельном листе был приложен текст доверенности: «Дорогой Алексей Михайлович, Доверяю Вам ведение переговоров с петроградскими журналами о печатании моих произведений, сдачу рукописей, определение условий и получение гонораров. Евгений Лундберг. Новгород-Северск. Черниговской губ<ернии>. 28 июля 1915 г.».

⁹ В «Лукоморье» рассказ не был опубликован. Следующую попытку напечатать «Учителя» Лундберг предпринял в начале 1916 г., когда отправил рукопись в журнал «Русская мысль». См. регистрационную запись № 19 от 20 января в учетной книге для записей рукописей, поступивших в редакцию в 1916 г. Однако и этот журнал не принял рассказ к публикации, и 5 марта рукопись была отправлена обратно автору (РО ИР-ЛИ, ф. 264, № 44, л. 11).

¹⁰ Речь идет о статье «У черты», которая была опубликована в журнале «Лукоморье» (1915. 29 авг., № 35. С. 14—15).

¹¹ Приписка с левого края страницы.

18

2 (15) августа 1915 г. Новгород-Северск¹

Дорогой Алексей Михайлович,

Спасибо за услугу большую, чуть аванс придет, выеду в Пе<тер>б<у>рг — возможно, что ехать придется в объезд, беженцев т<а>к много, что поезда и пароходы переполнены. Жаль, что Вам нельзя проехаться по местам Гомель—Витебск, поговорить с людьми, идущими пешком по 300 верст — это больше всяких боев, от Ветхов Завета нечто. — Еще раз спасибо, привет Сер<афиме> Павл<овне>, до свидания.

Ваш Евг. Лундберг.

Рассказ высылаю.

¹ Почтовая карточка; датируется по почтовому штемпелю.

19

4 (17) августа 1915 г. Новгород-Северск¹

Дорогой Алексей Михайлович,

Сейчас получил перевод — спасибо большое. Теперь начинается новая морока — ожидание поезда, на кот<ором> можно выехать. Беженцев тысячи. М<ожет> б<ыть>, придется на Москву. М<ожет> б<ыть>, до Брянска на пароходе.

До свидания — на днях как-нибудь да выеду, выручили.

Ваш Евг. Лундберг.

¹ Почтовая карточка; датируется по почтовому штемпелю.

20

Начало августа 1915 г. Новгород-Северск¹

Дорогой Алексей Михайлович,

Ваша откр<ытка> о доверенностях странно запоздала: послана 30 VII, получил 7 VIII. Надеюсь, недораз<умений> никаких не вы-

шло. Деньги пришли к<а>к раз вовремя — спасибо, а на перевод телег<рафом> В<ам> и не следовало тратиться. Выехать отсюда просто нет возмож<ости>. Пришлось собрать 9—10 человек, едущих в Москву, послать посыльного в Киев (12 часов езды) и заказать 2 купе, оплатив от Киева — да и то только на 13 число. Выезжаю через Москву — там не остановлюсь — т<а>к что числа 15—16 буду у Вас. Если у Вас от «Лукоморья» что-ниб<удь> соберется к тому времени, будет очень кстати.

Привет С<ерафиме> Павловне и Вам.

Ваш Евг. Лундберг.

¹ Датируется приблизительно по содержанию.

21

22 августа (4 сентября) 1915 г. Петроград¹

Дорогой Алексей Михайлович,

Приехав, дважды звонился к Вам, да дозвониться не мог² — сегодня еду в свой деревенский домик и, возвратившись, рассчитываю застать записку от Вас, когда быть можно — между вторником и пятницей, в любой удобный Вам день и час.

Петербург невыносим и количеством слухов и тревог.

Вам и Серафиме Павловне всего лучш<его>. У Льва Ис<аакиевича> убит сын — если станете ему писать, не упоминайте о сыне.³ Когда я был в Москве, Бутова была очень плоха, едва ли протянет.⁴

Ваш Евг. Лундберг.

¹ Почтовая карточка; датируется по почтовому штемпелю. Кроме того, имеется помета рукой А. М. Ремизова: «29 VIII 1915». На открытке петербургский адрес Ремизова (Таврическая, 7, кв. 23) исправлен на адрес: Ессентуки. Санатория Зернова, 338.

² С 9 августа по 8 сентября 1915 г. Ремизовы отдыхали в санатории Ессентуков.

³ Речь идет о внебрачном сыне Л. Шестова — Сергее. В книге дочери Шестова указаны предположительный год его рождения (1892) и приблизительноное время гибели — весна 1917 г. См.: *Баранова-Шестова Н. Жизнь Льва Шестова*. Paris, 1983. Т. 1. С. 21. По свидетельству Е. Герцык, известие о гибели Сергея пришло зимой 1916/1917 г. (*Герцык Е. Воспоминания*. М., 1996. С. 112). Упоминание о сыне Шестова встречается в письме Лундберга к К. А. Сюннербергу, отправленном 4 мая 1915 г. из Киева: «...вернусь в Москву к Шестову <...> Трудное у всех лето. Шестов в III-й раз провожает сына на войну» (РО ИРЛИ, ф. 474, № 183, л. 36).

⁴ Актриса Московского Художественного театра *Надежда Сергеевна Бутова* (1878—1921) с 1890-х гг. поддерживала с Шестовым дружеские отношения. Современники отмечали в ряду ее артистических достижений роль юродивой в спектакле МХТ^а «Николай Ставрогин» по роману «Бесы» Ф. М. Достоевского, поставленном в 1913 г. (см.: *Герцык Е. Воспоминания*. С. 106). Сохранилось три письма Бутовой к Ремизову, относящиеся к марту и июлю 1916 г. (РО ИРЛИ, ф. 256, оп. 3, № 38).

Конец августа 1915 г. Петроград¹

Пет<роградская> ст<орона>,
Широкая ул., д. 38, кв. 31.

Дорогой Алексей Михайлович,

Приехал из деревни, записочки от Вас не застал, звонил дважды, и опять ответ: «звонки не звонят».²

Посему сегодня очень Вашим молчанием обеспокоен. Как водится, две причины беспокойства. Не знаешь, здоровы ли, и где Вы, и во 2-х, собственные дела.

А дела вот какие. 1. В статье оказалось до огорчения много опечаток. Можно ли у «Л<укоморья>» просить корректуру рассказа? (Статья вообще оказалась очень неудачной — путанная, неясная).³

2. Хотел посоветоваться с Вами о теме след<ующей> статьи. 3. Хотел передать небольшой рассказ для «Л<укоморья>». 4. Хотел спросить, можно ли с ними считаться — остаток взять за рассказ и за статью и можно ли это сделать по телефону и через посыльного, и главное — 5. Стоит ли предложить «Л<укоморью>» издать рассказы около 12—15 печ<атных> листов, и на каких условиях они могли бы это сделать?⁴

Если не в труд, ответьте. Если с Вами удобно повидаться, назначьте, дорогой Алексей Михайлович, день и час. Если не удобно, сделайте указания письменно. До среды сижу в городе. — Если «Л<укоморье>» издаст, м<ожет> б<ыть>, оно согласилось бы издать — по 5 листов две книжечки 1) о Ремизове, 2) о Чехове.⁵ И около 15 — «Война в изобр<ажении> Льва Толстого».⁶ Хотел бы кроме этого узнать, что у Вас и Сер<афимы> Пав<ловны>.

Привет сердечный. Евг. Лундберг.

¹ Письмо датируется по содержанию.

² См. прим. 2 к письму 21.

³ См. прим. 10 к письму 17.

⁴ В данном случае речь идет о петроградском издательстве «Лукоморье», которое в 1916 г. выпустило книгу Ремизова «Укрепя. Слово к русской земле о земле родной, тайностях земных и судьбе».

⁵ Неосуществленный проект.

⁶ Возможно, подразумевается статья «На конце меча. Наполеон и Каратаев», опубликованная в журнале «Современник» (1915. № 1. С. 108—125), которая являлась фрагментом предполагаемой книги.

8 (21) сентября 1915 г. Бернгардовка¹

Бернгардовка.

Дорогой Алексей Михайлович — отчего люди разбегаются — об этом очень верно сказано в одном афоризме в «Крест<овых> сестрах» и в самом начале «Серебрян<ых> ложек».² Так всегда было

и так будет. Сидя у В<ас>, я знал, что с квартирой будут трудности, подумал, не предложить ли свои услуги, а потом — думаю, «практически Федор Иванович Ремизовым привычнее и ближе,³ он это лучше сделает», а Федор Иванович о ком-нибудь так же подумал, и т. д. и т. д. Единственная возможность обходить эти печальные камни, иметь людей, которым прямо и просто сказать можно: сделай то и то. Таких не много — обыкновенно те, кому можешь сказать, не умеют делать, а кто умеет и может, тому не скажешь. Так вот все и выходит. Я думаю, что мне всегда сказать можно, что надо сделать, и сделаю, вопрос так ли, как надо. Коли что, вызовите отсюда — только имейте в виду, что письмо (1 сл. нрзб. — *Е. О.*) идет. Не хворайте. Посылаю пакет — вряд ли очень вовремя. Привет.

¹ Почтовая карточка; датируется по почтовому штемпелю.

² Лейтмотив повести «Крестовые сестры» «человек человеку волк» («homo homini lupus est»), являющийся краткой формулой жестокого закона человеческого бытия — соотносится Лундбергом с началом рассказа «Серебряные ложки»: «Уж эти мне городишки, теплые да сытные с кулебякой, когда благополучно все, и трусливые, такие гадкие, когда беда стряется. С голоду подохнешь на мостовой, под забором, — палец об палец никто не стукнет» (Факелы. СПб., 1906. Кн. 1. С. 167).

³ Речь идет о близком друге Ремизова *Федоре Ивановиче Щеколдине* (1870—1919) — революционере, литераторе, с которым писатель познакомился в усть-сысольской ссылке в 1901 г. См.: *Дворникова Л. Я.* Из истории прототипов книги А. Ремизова «Иверень» (Ф. И. Щеколдин) // Алексей Ремизов: Исследования и материалы. С. 231—242.

24

24 сентября (7 октября) 1915 г. Петроград¹

Дорогой Алексей Михайлович,

Я приготовил рассказ и две статьи для «Лукоморья»² и, не зная Вашего адреса, не решаюсь Вам их послать — ведь к 23 Вы должны были применить квартиру.³ Если ответа от Вас не будет, пошлю по старому адр<есу> заказным. Здоровы ли? Привет.

Ваш Евг. Лундберг.

Адр<ес> для ответа: ст<анция> Бернгардовка, Ириновской жел<езной> дор<оги>.

¹ Почтовая карточка; дата и место отправления устанавливаются по почтовому штемпелю.

² Публикации произведений Лундберга в журнале «Лукоморье» не были осуществлены.

³ На новую квартиру, по адресу Песочная, д. 8, кв. 3, Ремизовы переехали 27 сентября 1915 г. См. составленную Ремизовым ежемесячную роспись адресов и поездок за 1913—1919 гг. (РО ИРЛИ, ф. 256, оп. 2, № 6, л. 3).

4 (17) октября 1915 г. Петроград¹

Дорогой Алексей Михайлович — вчера послал заказн<ой> банд<еролью> заметку, сегодня высылаю заметку и рассказ «Ведьма»,² завтра еще небольшой рассказ — м<ожет> б<ыть>, можно еще куда-нибудь. Сажу в своей келье, болит нога, грызет тревога — зачислили меня на средний курс Психоневрологич<еского> института,³ удача большая, а если не реализую своих рассказов, изгонят за «невзнос». Беспокоит меня очень, что не идет рассказ в «Лукоморье» — не случилась ли беда какая с ним? Сейчас кончат буду большую сравнит<ельно> вещь — пошлю в «Вест<ник> Евр<опы>» — придется послать под псевдонимом.⁴ Простите за кухню всякую, что у Вас, и до лучших дней.

Ваш Е<вгений> Л<ундберг>.

¹ Почтовая карточка; датируется по почтовому штемпелю.

² Публикация рассказа не установлена.

³ Психоневрологический институт был основан в Петербурге в 1907 г. и действовал на правах частного учебного заведения, готовившего преподавателей, юристов и врачей на соответствующих этим специальностям факультетах. В архиве Психоневрологического института (Центральный исторический архив СПб.) студенческое дело Лундберга не сохранилось.

⁴ В 1915 и 1916 гг. произведения Лундберга в журнале «Вестник Европы» не публиковались.

6 (19) октября 1915 г. Петроград¹

Все тот же дождичек деловых писем, дорогой Алексей Михайлович. О Моравской получили верно уже.² II пакет о мерзавце Когане тоже, верно, получили,³ рассказ получите завтра. Можно ли сделать, чтобы за мною остались (кто-ниб<удь> др<угой> не написал бы?!) о 3 биографиях Ромэна Роллана (Бетховен, Микель-Анджело и Толстой) и о Каролине Павловой в изд<ательстве> Некрасова.⁴ Пришлю на днях, конечно. Болит нога, тем способнее работать. Кажется, придется решиться на новую операцию. Надеюсь, и Вы, и Сер<афима> Павл<овна> здоровы. Привет.

Евг. Лундберг.

Можно ли рассчитывать на издание рассказов?

¹ Почтовая карточка; датируется по почтовому штемпелю.

² Подразумевается рецензия «О поэтической пище и нишей поэзии» на сборник стихов «Золушка думает» (Пг., 1915) Марии (Магдалины Франчески) Людвиговны Моравской (1889—1947), которую Лундберг опубликовал в петроградской газете «Голос» (1915. 2 дек., № 32. С. 3).

³ Лундберг имеет в виду свою статью «Критика некстати и несплощад» (Голос. 1915. 12 нояб., № 12. С. 3), в саркастических тонах представлявшую книгу историка литературы Петра Семеновича Когана (1872—1932) «Пролог. Мысли о литературе и жизни», вышедшую в Петрограде в сентябре 1915 г. Ср.: «После четырнадцати или

пятнадцать томов компиляций и очерков по истории литературы П. С. Коган разрешил себе критическую вольность — книгу афоризмов „Пролог“, иначе „Мысли о литературе и жизни“». См. также: *Горцфельд А.* Пошлость и гениальность // Русские ведомости. 1915. 28 окт., № 247. С. 6.

⁴ Речь идет о намерении Лундберга написать для газеты «Голос» рецензии на три книги Р. Роллана, вышедшие в издательстве М. И. Семеева: «Жизнь Бетховена» (Пер. с 3-го франц. изд. С. Тарасова. СПб., 1912); «Жизнь Толстого» (Пер. с франц. И. Гольденберга. Пг., 1915); «Микель Анджело» (Пер. А. Закржевской; Под ред. П. Юшкевича. Пг., 1915), а также на полное собрание сочинений в 2-х томах К. Павловой (Ред. и вступ. ст. В. Брюсова. М.: Изд. К. Ф. Некрасова, 1915). Однако в данном случае Лундберга опередил постоянный рецензент газеты «Голос» Н. Д. Носков, который опубликовал отзывы на эти книги под псевдонимами «Н-в» и «Ник. Н-в». См.: Голос. 1915. 3 нояб., № 3. С. 6; 1915. 1 дек., № 31. С. 6.

27

15 (28) октября 1915 г. Петроград¹

15/X. 1915.

Дорогой Алексей Михайлович, открытку В<ашу> получил, спасибо — письма ходят аккуратно, а все печатное и писанное в бандер<олях> запаздывает, верно, есть читатели. Я В<ам> послал еще о «Критике» Когана² — если не в труд, м<ожет> б<ыть>, прочтете. Боюсь, неприлично. Послал рассказ и Павлову:³ высылаю о войне и 2 рассказа — делайте, что хотите. Работая, сколько хватает сил, повесть посылаю на «Вест<ник> Евр<опы>», большой рассказ в «Р<усскую> мысль».⁴ Кроме чувства, что «не у дел», «в забросе» и желанья изменить это чувство, хочу удержаться в Психоневрологическом, и затем — стыдно сказать 32-летнему литератору — не в чем приехать в город. Я-то мирюсь с этим легко. Здесь собаки, да ели, да белки — но все-таки не без конца же. — Если у Вас нет дров, м<ожет> б<ыть>, попытаться отсюда прислать. Здесь по 9 рубл<ей> (были, не знаю, как сейчас) сажень смешанных, береза и ель, не худых, хотя «не 1-ый сорт» (так изъяснялся помещик). Если перевозка не станет очень дорого (можно узнать) и если погрузить на дрова капусту, картофель и пр<очую> дрянь, кот<орая> в 4 раза дешевле, чем в городе (если у Вас есть где хранить), м<ожет> б<ыть>, стоило бы это сделать. Подумайте и напишите. — Се-раф<има> Павл<овна>, верно, хохочет сейчас над моею хозяйственностью. Ну, не хворайте и не поминайте лихом.

В<аш> Евг. Лун<дберг>.

¹ Почтовая карточка; место отправления устанавливается по почтовому штемпелю. По-видимому, Лундберг в это время находился во Всеволожске.

² Речь идет о статье, так и не появившейся в печати.

³ Очевидно, рецензия (см.: п. 26, прим. 4), которая не была опубликована.

⁴ По-видимому, речь идет о рукописи рассказа «Разными дорогами», которую редакция журнала «Русская мысль» получила 19 октября 1915 г. В книге для записей поступивших в редакцию рукописей за 1915 г. рукопись зарегистрирована за № 308 (РО ИРЛИ, ф. 264, № 41, л. 168). Публикация не состоялась.

23 октября (5 ноября) 1915 г. Всеволожск¹

Дорогой Алексей Михайлович,

Ваша последняя открытка очень порадовала меня — я думал, что «Учитель» затерян. Гранок до сегодня еще не получил (пятница) — оттого и пишу на всякий случай. Отчего бы «Лукоморью» не закрепить за мною порядок 2 раза в месяц по статье — спокойно бы писал! По газетам знаю, что у Вас тьма и туман, здесь солнце было. Надеюсь, здоровы. Привет.

Ваш Евг. Лун<дберг>.

¹ Почтовая карточка; дата и место отправления устанавливаются по почтовому штемпелю.

30 октября (12 ноября) 1915 г. Всеволожск¹

Дорогой Алексей Михайлович,

прочел сейчас в «Дне» письмо Лукоморцев.² Бог с ним, с журналом — тошно и не хочу закрывать себе двери в др<угие> места. Послал письмо в «День».³ На неделе снова буду у Вас.

Ваш Евг. Лундберг.

Рассказ «Учитель» погасит *весь* аванс — осталось 150 рублей. Пусть сейчас же вернут статьи. Написать?

¹ Почтовая карточка; дата и место отправления устанавливаются по почтовому штемпелю.

² Подразумевается «Письмо в редакцию», подписанное С. Ауслендером, М. Долиновым, Г. Ивановым, Н. Киселевым, Н. Кузнецовым, М. Кузминым, В. Модзалевским, А. Рославлевым, Б. Садовским, Ю. Слезкиным и Ф. Сологубом, о прекращении сотрудничества с журналом «Лукоморье» в связи с сближением ряда его сотрудников с реакционным «Новым временем» (День. 1915. 30 окт., № 299. С. 3). См. также: *Нотуцикус*. Экс-лукоморцы // День. 1915. 31 окт., № 300. С. 3.

³ Ср.: «М. г., г. редактор. Прошу вас присоединить мою подпись ко списку лиц, вышедших из состава редакции журнала „Лукоморье“. К сожалению, я лишен возможности помешать появлению в журнале посланных ранее настоящего заявления заметок и рассказа» (Лундберг Е. Письмо в редакцию // День. 1915. 1 нояб., № 301. С. 5). Ср. также с письмом Лундберга к К. А. Сюннербергу от 19 октября: «...меня тревожит моя работа в „Лукоморье“, я сам знаю, что пошел туда по гадости своей, но хотел бы слышать и В<аш> приговор — так уж ли это непроходимо мерзко. Иначе я поступить не мог. Закончил целый ряд рассказов, рассылаю по редакциям без надежды большой на коммерческую удачу» (РО ИРЛИ, ф. 474, № 183, л. 48).

31 октября (13 ноября) 1915 г. Всеволоджск¹

Дорогой Алексей Михайлович,

Гранок сегодня (пятница) еще нет. Чуть придут, исправлю и возвращу. В начале след<ующей> недели во втор<ник> или в среду приеду в П<етер>б<у>рг и, конечно, созвонившись, буду у Вас. Хотелось бы, чтобы в вечер, когда у Вас никого не будет, ибо... внешность моя немножко неподходящая. — Мне очень хочется избавиться Вас поскорее от посреднической роли между «Лук<оморьем>» и мною — это скучно, и беспокойно, поговорим, к<a>к это сделать. Привезу с собою ряд рассказов, а Вы скажете, куда их. Лежит у меня на столе книга рассказов Никандрова² (грубоватая), если бы получить книгу рассказов Добронравова,³ написал бы о них двоих. Если «Лук<оморье>» будет очень откладывать печатание статей о литературе, она (так! — Е. О.) потеряет смысл. О мерзавце Когане следовало сейчас после статьи Батюшкова в «Речи».⁴ До свидания. Спасибо за хлопоты. Привет С<ерафиме> П<авловне>. Итак, во вторник или в среду звонюсь к Вам, сюда уже не пишете.

Ваш Евг. Лундберг.

¹ Почтовая карточка; дата и место отправления устанавливаются по почтовому штампу.

² Подразумевается сборник рассказов «Береговой ветер» (СПб., 1915) Николая Никандровича Никандрова (наст. фам. Шевцов; 1878—1964). Анонимный отзыв на этот сборник был опубликован в разделе рецензий журнала «Русские записки» (1915. № 11. С. 312—315).

³ Возможно, речь идет о предполагавшейся (но несостоявшейся) публикации сборника рассказов Леонида Михайловича Добнорава (1887—1926), известность которому принес роман «Новая бурса», первоначально опубликованный в журнале «Заветы» и напечатанный отдельным изданием в 1913 г. Очевидно, что упоминание этого автора объясняется личным знакомством Ремизова с Добноравом. См.: Ремизов А. Встречи. Петербургский буерак. Париж, 1981. С. 259, 262. См. также письма Добнорава к Ремизову, относящиеся к 1913—1915 гг. (РО ИРЛИ, ф. 256, оп. 3, № 69).

⁴ Подразумевается статья Ф. Батюшкова «О критических очерках Д. С. Мережковского и „критическом“ манифесте П. С. Когана» (Речь. 1915. 14 окт., № 283. С. 2), где, в частности, опровергается основная идея брошюры Когана «Пролог. Мысли о литературе и жизни» — так называемое «упразднение личности писателя», согласно которой «поэтические образы и литературные произведения возникают как-то из среды читателей, причем лишь случайным выразителем их является тот или иной автор».

12 (25) ноября 1915 г. Петроград¹

Дорогой Алек<сей> Мих<айлович>,

1. Не откладывая, очень прошу, освободите статьи мои² и рассказ — очень нужны, ведь это дело 3 минут по телефону. Нужны сегодня, завтра — а там будет поздно.

2. Сообщите мне точно: как устраиваются В<аши> дела в ближайшем будущем. Если надо что-нибудь устроить, сейчас есть возможности. Вы понимаете, что запрос этот я к Вам направляю *не зря*. — Рукописи мои, рукописи!! Адр<ес>: Широкая ул., д. 38, кв. 31. По телефону (можно вызвать, обождав, пока позовут) 563-32.

¹ Почтовая карточка; датируется по почтовому штемпелю.

² Вероятно, одна из этих статей под названием «Параллели», посвященная сравнительному анализу литературной жизни Петрограда и Москвы, была некоторое время спустя опубликована в газете «Голос» (1915. 26 нояб., № 26. С. 3). Ср.: «Да, строго говоря, Москва и Петроград сейчас как-то странно умерли для поэзии, заменили дар песни — ремеслом. В противоположность им деревня запела так умно, глубоко, смело. <...> Поэзия книжная, главным образом, „петроградская“, стремится сейчас погасить в сознании общества все идеи, все настроения, которыми оно когда бы то ни было жило; она проявляет в этом и слабость чувства, и недальновидность, ибо стремится не к углублению эмоций и их отражению, а к упрощению».

32

5 (18) декабря 1915 г. Петроград¹

Дорогой Алексей Михайлович,

не звонился и не приехал к Вам — заболел инфлуэнцей (так! — Е. О.). Только что получил корректуру Лукоморскую² — шла больше месяца. Чуть оправлюсь, позвонюсь. Надеюсь, и Вы и Сер<афи-ма> Павл<овна> здоровы.

Ваш Евг. Лундберг.

Широкая, 38, кв. 31.

¹ Почтовая карточка; датируется по почтовому штемпелю.

² Неизвестный текст, который так и не был опубликован в журнале.

33

23 декабря (5 января 1916) 1915 г. Бернгардовка¹

23/ХІІ. Бернгардовка.

Дорогой Алексей Михайлович,

выпала «большая» зима, вот уж вторую неделю хвораю тяжелой ангиной и бронхитом. Оттого и у Вас не был. — Добрых Вам праздников, Вам и Серафиме Павловне. Если будут вкусные бабы рождеств<енские>, I ломоть сохраните для меня между окон.

Ваш Евг. Лундберг.

В «Русск<ую> мысль» приняты повесть и рассказ.²

¹ Почтовая карточка; год устанавливается по почтовому штемпелю.

² Возможно, речь идет о повести «Вражьи силы», которая была напечатана в журнале «Русская мысль» (1916. Кн. 8. С. 100—140), а также о неизвестном рассказе, оставшемся неопубликованным.

34

30 декабря (12 января 1916) 1915 г. Петроград¹

Дорогой Алексей Михайлович,

Видел «Речь»² — как это Вы полотеров, зайцев и банку брусничного варенья на окне забыли? Полноты нет! Но вместо полноты мягкость чрезвычайная — даже удивительная. Напишите о себе — есть ли вести из Москвы?³ Я пока похварываю, но лучше уже мне. Около 10/1 уеду, через Москву и, м<ожет> б<ыть>, удастся говорить там о существенном. Привет, поздравления и пр<очее>.

Ваш Евг. Лундберг.

¹ Почтовая карточка; датируется по почтовому штемпелю.

² Подразумевается публикация ремизовского рассказа «Исанч» в рождественском номере газеты «Речь» (1915. 25 дек., № 355. С. 6—7).

³ Очевидно, источником известий был Шестов, который с октября 1914 г. поселился в Москве. Вместе с М. О. Гершензоном Шестов старался устроить в издательстве Сабашниковых том сочинений Ремизова. См. письма Шестова к Ремизову от 14 и 22 декабря 1916 г. (Русская литература. 1992. № 4. С. 121—122), а также письмо М. О. Гершензона к С. П. Ремизовой-Довгелло от 4 декабря 1916 г. (РО ИРЛИ, ф. 256, оп. 3, № 51, л. 4). Издание не осуществилось.

35

14 (27) января 1916 г. Бернгардовка¹

Дорогой Алексей Михайлович,

в пятницу я опять и довольно сильно захворал, едва сегодня (13/1) встал, а выехать из Берн<гардовки> удастся не так скоро; очень ослабел. Напишите, какое дело? — Поездку из-за болезни также пришлось отложить. Я отнюдь не «сожалею», что Вы не «подробно» написали о «страннике Евгении» — совершенно напротив, так что и отдельный рассказ о нем — вряд ли доставит жертве рассказа большое удовольствие.² — Что «Скарб» — так долго не появляется?³

До свиданья, — вероятно, буду в конце следующей недели. Кстати, напишите, если не секрет сейчас же, сколько Вам платила «Русск<ая> мысль», и надо ли с ними торговаться. Привет Сер<афиме> Павл<овне> и Вам.

Ваш Е. Л<ундберг>.

¹ Почтовая карточка; датируется по почтовому штемпелю.

² Подразумевается рассказ «Исанч». См. прим. 2 к письму 34, а также преамбулу к следующей публикации.

³ Инициатива этого, так и не осуществленного, издания принадлежала А. М. Ремизову и С. М. Городецкому. В ответ на предложение Ремизова участвовать в сбор-

нике литератор В. Н. Унковский писал 3 мая 1915 г.: «Конечно, я согласен, чтобы мой рассказ был напечатан в сборнике „Скарб“. В издании, редактируемом Вами, мне выступить очень лестно. Цель сборника глубоко симпатичная — я охотно внесу свою лепту в пользу разоренных поляков. Я объездил в нынешнем году Польшу и насмотрелся таких ужасов, которых не забуду всю жизнь. Мы все должны помогать им — нашим братьям по крови, волею судьбы столько претерпевшим» (РО ИРЛИ, ф. 256, оп. 3, № 214, л. 4). Представление о предполагаемом составе участников сборника дает и письмо Городецкого к Ф. Сологубу от 10 января 1916 г.: «В „Скарб“, для которого мы с Алексеем Михайловичем Ремизовым просим у Вас стихотворение (или рассказ — что пожелаете), прислали свои вещи: из поэтов: Бальмонт, Балтрушайтис, Блок, Ахматова, ее муж <Н. Гумилев>, Вячеслав <Иванов>, Рукавишников, Верхоустинский, Есенин, Клюев, Верховский, Пяст, Тэффи и др., а из прозаиков, главным образом, школы Ремизова (Замятин, Соколов, Щеколдин, Шишков, Михайлов, Унковский); кроме меня: Будищев, Добронравов, Крачковский, Лазаревский, Садовской и др. Куприн и Брюсов — обещали и до сих пор нет. Я чрезвычайно прошу и Вас присоединиться. За одним исключением, все вещи появятся в сборнике впервые. Кроме того, что Вы пришлете, я прошу Вас указать мне, что у Вас было напечатано на польские темы и разрешить мне перепечатать» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 198, л. 20—21). См. также упоминания об этом сборнике в письмах к Ремизову А. И. Тинякова, относящихся к ноябрю 1915 и февралю 1916 гг. (РО ИРЛИ, ф. 256, оп. 3, № 207), И. А. Новикова, который интересовался этим изданием до ноября 1916 г. (РО ИРЛИ, ф. 256, оп. 3, № 143), а также в недатированном письме И. С. Рукавишникова (РО ИРЛИ, ф. 256, оп. 3, № 175, л. 13).

36

25 февраля (10 марта) 1916 г. Всеволодо-Вильва¹

Дорогой Алексей Михайлович,

хоть Вы и не очень любите, когда Вас тревожишь своими делами, но никак не могу сейчас иначе поступить: мне очень нужна корректура Фрагментов² из «Скарба», и нужна скоро. Предполагается в Москве издание рассказов, и кое-что из фрагментов³ хочу внести в книгу. Если Вы не можете этого сделать, сообщите, б<удьте> д<обры>, адрес Городецкого,³ но *все-таки* ответьте, не откладывая, как в др<угие> разы. Надеюсь, и Вы, и Сер<афима> Павл<овна> здоровы. Всего Вам лучшего.

Ваш Евг. Лундберг.

Адр<ес>: ст<анция> Всеволодо-Вильва Пермской жел<езной> дор<оги>. Вообще, когда выйдет «Скарб»?

¹ Почтовая карточка; датируется по почтовому штампу. С января 1916 г. Лундберг отправился на несколько месяцев «в объезд России». На Урале он прожил почти два месяца. См. прим. 3 к письму 38.

² Возможно, речь идет о лирико-философских миниатюрах из книги «Фрагменты», частично опубликованных в книге «Белые ночи. Петербургский альманах» (1907).

³ Поэт и прозаик Сергей Митрофанович Городецкий (1884—1967), по-видимому, впервые познакомился с творчеством Лундберга осенью 1909 г., когда получил от Ремизова сборник его рассказов «Мои скитания». 26 сентября Городецкий писал Ремизову: «Спасибо за Лундберга. Скитания мне нравятся, и я непременно дам отзыв!» (РНБ, ф. 634, № 95, л. 9). Однако это намерение так и не было исполнено.

2 (15) марта 1916 г. Всеволодо-Вильва¹

Адр<ес>: ст<анция> Всеволодо-Вильва
Пермской ж<елезной> д<ороги>.

Дорогой Алексей Михайлович,

Если хотите статей об «Укреп<е>»,² пришлите книгу. (Я связался с «Утром России»³ и «Пермской жизнью»⁴ — просят статей). Так же хочу книгу Замятина, чтобы написать.⁵ И В<ашу>, и Замятина, если нет авторских, пусть какой-ниб<удь> магазин вышлет наложен<ным> платежом — но *немедленно*, много времени уходит на пересылку.

Ваш Евг. Лундберг.

¹ Почтовая карточка; датируется по почтовому штемпелю.

² Сборник рассказов Ремизова «Укрепка. Слово к русской земле о земле родной, тайностях земных и судьбе» (Пг.: Лукоморье, 1916).

³ «Утро России» — московская общественная, политическая и литературная газета, которая выходила в 1907 г. и с 1909 по 1918 г. Редакторы: И. Ф. Родионов, В. К. Садков.

⁴ «Пермская жизнь» — ежедневная политическая и общественно-литературная газета, выходившая в 1915—1916 гг. Весной 1916 г. под псевдонимом Свен Лундберг опубликовал здесь цикл небольших очерков — «Заметки». В частности, см.: 5 марта, № 85. С. 3; 13 марта, № 92. С. 3.

⁵ Свой отзыв на первый сборник произведений *Евгения Ивановича Замятина* (1884—1937) «Уездное. Повести и рассказы» (Пг., 1916) Лундберг включил в обзорную статью «О молодых», посвященную новому поколению литераторов, которая была напечатана под псевдонимом В. Берсенева в газете «Утро России» (1916. 9 апр., № 100. С. 3).

6 (19) марта 1916 г. Всеволодо-Вильва¹

Дорогой А<лексей> М<ихайлович>. Спасибо за скорый ответ. Если Городецкий замедлит, я знаю теперь адрес, сам ему напишу. Рассказ для сборника² я могу прислать сейчас же, но рядом со словом рассказ у В<ас> есть определение — прилагательное, кот<орое> я не могу прочитать — не то «весенний», не то «лишний», не то «легкий». — Сейчас я пишу о деньгах в Москву, м<ожет> б<ыть>, удастся, наконец, добыть их. Но Бога ради не говорите об этом никому, а то опять выйдет вздор. Ведь знаете, отчего перед отъездом я не был у Вас? Создалось такое: «Л<ундбе>рг достанет мне 500 р<ублей>» — с одной стороны, *анекдот*. А с другой, у меня собралось на столе 4 или 5 В<аших> открыток и в каждой после подписи Р. С. «А 500 р<ублей> я еще не получил» — точно я их родить могу. Я тогда очень на Вас рассердился: с одной стороны, для москвичей вид, что я чужими руками жар загребая («Лундберг достает»!), с др<угой>, Вы точно вините меня в том, что я неудачно «посредничаю». И в итоге вышло, что в прошлом году для человека без имени

легко добыли около семисот, в этом году для другого — что-то в этом же роде (я для себя там не беру), а для Вас ничего. Итак...

Привет С<ерафиме> Павл<овне>, — чуть будет ответ, сообщу.

Ваш Евг. Лундберг.

*Если видите с Измайловым, поддержите меня в «Б<иржевых> ведомостях».*³

¹ Почтовая карточка; датируется по почтовому штемпелю.

² Очевидно, речь идет о сборнике «Пряник осиротевшим детям» (Пг., 1916) в пользу убежища общества Детская Помощь, собранном В. Н. Гординым и изданном А. Д. Барановской. При активном содействии Ремизова к участию в сборнике были приглашены многие петербургские поэты, однако произведения Лундберга в сборнике не появились. Ремизов поместил в «Прянике осиротевшим детям» два рассказа: «Сестра усердная» (С. 11—18) и «Оракул. Письмо географическое» из цикла «Россия в письменах» (С. 149—153).

³ В газете «Биржевые ведомости» литературный критик, поэт и прозаик Александр Алексеевич Измайлов (1873—1921) занимал одну из ключевых позиций, заведя литературно-критическим отделом с 1898 по 1916 г. 1 февраля 1916 г. Лундберг обратился к Измайлову с письменным предложением: «Милостивый государь Александр Алексеевич, хотя и не имею чести знать Вас лично, позволю себе к Вам обратиться по делу. В январе я отправился на несколько месяцев в объезд России (поехал сам, никем не командирован), буду на Урале, м<ожет> б<ыть>, в Сибири и наверное на Кавказе. Придется повстречаться с представителями различных сект. Буду на заводах, где работают военнопленные и китайцы. Мне бы хотелось, не обязываясь сроками, дать ряд корреспонденций о духовной жизни окраин во время войны. Часто писать я не могу, — раз, два в месяц. Быть может, „Биржевые ведомости“ согласятся печатать такого рода очерки? В каком масштабе и на каких условиях?» (РО ИРЛИ, ф. 115, оп. 3, № 185, л. 3—4 об.). 26 марта Лундберг сообщал Измайлову: «Послал на имя М. М. Горелова несколько статей. На днях посылаю еще две-три, о „полъеме промышленности“ и о вопиющем тайном алкоголизировании деревни. <...> Посылаю статью для Пасх<ального> № и о Шекспире — к юбилею» (РО ИРЛИ, ф. 115, оп. 3, № 185, л. 5). Весной 1916 г. в «Биржевых ведомостях» под псевдонимом Свен появились три очерка Лундберга с повторяющимся названием «Из скитаний», которые были посвящены жизни населения на Урале (26 марта, № 15464. С. 2; 31 марта, № 15474. С. 3; 3 апр., № 15480. С. 4). Неизвестный текст, предназначенный для пасхального номера, а также статья о Шекспире — «Чудо святого Вильяма», название которой просняется из письма к Измайлову от 4 апреля 1916 г. (РО ИРЛИ, ф. 115, оп. 3, № 185, л. 3), остались неопубликованными.

39

30 марта (12 апреля) 1916 г. Всеволодо-Вильва¹

Дорогой А<лексей> М<ихайлович> — не хочу зря обнадеживать Вас, но, кажется, дело с «оньими» уладится.² Пожалуйста, напишите мне *или-отчество* Измайлова. Жду В<аши> книги и Замятина — время уходит, не запоздать бы. Рассказ для сборника прислать не поспею — времени мало. Привет С<ерафиме> П<авловне>.

Ваш Л<ундберг>.

¹ Почтовая карточка; датируется по почтовому штемпелю.

² Ср. с письмом Лундберга к А. Н. Чеботаревской, отправленным из Финляндии 5 сентября 1913 г.: «...верно, завтра придут „оньы“. Совсем не входило в мои намерения

После 10 апреля 1916 г. Тихие Горы¹

Мой новый адрес:
Тихие Горы Вятской губ<ернии>,
Директору заводов Т<овариществ>ва Ушаковых
инженеру Л. Я. Карпову²
для Е. Г. Лундберга.

Дорогой Алексей Михайлович,

Положения наши, вероятно, одинаковы. Как я не получил ни «Укрепь», ни Замятина (хотя просил хотя бы налож<енным> плат<ежом> заказать), ни корректур, так и Вы, видимо, не получили денег. Все понемногу нуждаются в чужих услугах, и все взаимно тяготеют друг другом. Так и вышло, что ни Вы, ни Высотские,³ ни третье лицо, кот<орое> я назвать не в праве, не сделали нужного шага. Кстати, во избежание Ваших нареканий (буде деньги Вами не будут вообще получены) должен сказать, что как в ноябре, так и теперь, инициатива не *от меня* исходила, а от лица, написавшего мне (в ноябре): «если дела Ремизовых плохи, сообщите немедленно, можно заблаговременно кое-что устроить».

(В прошлом году это «кое-что» для писателя З.⁴ дало около 700 р<ублей>). Вот как обстоят дела.

Сообщаю Вам новый адрес, ибо с первым пароходом уеду вниз по Каме от Старой Чердыни. Дела мои, кажется, пошли в гору. Видели уже под псевдонимами и увидите в печати довольно много вещей.⁵ Закончил повесть.⁶ Заканчиваю сказки для «Р<усской> мысли»⁷ и т. д.

Рад был бы знать о Вас все, что делается. Надеюсь, здоровы и, надеюсь, сейчас Вам не очень худо (видел Ваши рассказы).⁸ Что думаете предпринять на лето. В Тихих Горах я пробуду недолго, числа 10 мая уеду на Кавказ.

Привет Серафиме Павловне и Вам. Будьте здоровы и бодры.

Ваш Евг. Лундберг.

¹ Письмо написано на бланке «Канторы имения и Уральских заводов ее превосходительства Зинаиды Григорьевны Резвой»; датируется предположительно по содержанию.

² Ученый-химик Л. Я. Карпов упоминается в «Записках писателя. 1917—1920» (Л., 1930. Т. I. С. 123).

³ Неустановленные лица.

⁴ Очевидно, Е. И. Замятин.

⁵ Подразумевается статья «О молодых» под псевдонимом Берсенов (см.: прим. 5 к письму 37), который Лундберг активно использовал в 1911 г., когда посылал из Швейцарии в газету «Русские ведомости» свои корреспонденции. См.: *Берсенов*. Спортивная выставка в Женеве // Русские ведомости. 1911. 25 июля, № 145. С. 3; *он же*.

Авиационный митинг в Женеве // Там же. 1911. 2 авг., № 177. С. 4; *он же*. Первая жертва авиации в Швейцарии // Там же. 1911. 9 окт., № 232. С. 6.

⁶ Произведение не установлено.

⁷ Произведения Лундберга в жанре сказок в журнале «Русская мысль» не публиковались.

⁸ Подразумеваются рассказы Ремизова, опубликованные сразу в двух центральных газетах 10 апреля 1916 г.: «Перчатки» и «Свет нерукотворенный» из цикла «Среди мурья и неурядицы» — в «Биржевых ведомостях» (№ 15493. С. 2), «Днесь весна благоухает» — в «Речи» (№ 99. С. 4).

41

2 (15) мая 1916 г. Тихие Горы¹

Дорогой Ал<ексей> Мих<айлович>, — Вы, видимо, обиделись немного за мое письмо. Это — ошибочно, т<ак> к<ак> я только указал общую картину общего неделания — и она верна. Сейчас статьи псевдонимной² у меня нет, к<а>к буду у места, на Кавказе, разыщу в бумагах и пришлю. Если «Укреп» есть на вокзалах, добуду в пути. Весьма обяжете, если поговорите с Измайловым и если попросите его спасти в Б<ернгардо>вке мои рукописи. Газета мне нужна *очень*.³ А издатель уже не нужен: гора с плеч. Мой приятель — изобретатель зимою организует для меня издательство и в первую голову будут изданы шесть книжек моих, так что работать, коли не околею голодною смертью, могу спокойно. № 4 пойдет книжка о Ремизове.⁴ Так что даже беру обратно от московского издат<ельств>ва («Труд»⁵) все рукописи.

Привет Вам и Сер<афиме> Павл<овне>. 3/У уезжаю, кавказский адр<ес> пришлю.

Ваш Евг. Лундберг.

Весь день рядом горит огромное село. Вотяки Кереметя⁶ молят.

¹ Почтовая карточка; датируется по штемпелю.

² Неустановленная публикация.

³ Речь идет о заинтересованности Лундберга в сотрудничестве с «Биржевыми ведомостями». В письме А. А. Измайлову от 7 мая 1916 г. он уклончиво упоминал о своей просьбе: «Ремизов хотел с В<ами> поговорить о моем сотрудничестве» (РО ИРЛИ, ф. 115, оп. 3, № 185, л. 14 об.).

⁴ Несостоявшийся проект.

⁵ Книгоиздательство «Труд», располагавшееся по адресу Тверской бульвар, д. 26, специализировалось на издании литературы по вопросам политической экономики, социологии и философии.

⁶ Языческий бог Керемет в вотяцкой (удмуртской) мифологии — злой дух, способный навредить днем, в отличие от другого представителя нечистой силы (Акташа), который напускается на человека после захода солнца. При каждой деревне Керемету строились специальные молельни, непременно располагавшиеся среди деревьев, в рощах и лесах. Ремизов, который упоминает Керемета в рассказе «Царевна Мымра» (1908), черпал сведения об этой мифологии из исследования Г. Верещагина «Вотяки Сосновского края» (Записки императорского Русского географического общества по Отделению этнографии. СПб., 1886. Т. 14, вып. 2).

2 (15) мая 1916 г. Тихие Горы¹

Сейчас послал Вам, д<орогой> А<лексей> М<ихайлович>, открытку, посылаю вслед. В Б<ернгардо>вке у меня до 2¹/₂ строк материалу, затем посланы Измайлову книга и рукопись статьи, его интерес<овавшие> — неужели все это пропадет.² Материал такого характера, что м<ожет> б<ыть> напечатан и в «Р<усской> мысли».³ = Дело с издательством, кот<орое> буду редактировать, поставлено прочно, хотя и скромно. Деньги вносятся в Банк на нейтральное имя. Я успокоился от этой затеи очень, ибо могу работать, что хочу и как хочу, своя рука владыка. Ради этих дел придется уже раннею осенью бросить Кавказ и приехать в П<етер>б<у>рг — т<ак> к<ак> зиму я проведу опять на Урале за большой работой. Здесь и тише и жизнь не стоит, и охота, и лошади, и книги есть. Адрес кавказ<ский> сообщу.

Ваш Евг. Лундберг.

¹ Почтовая карточка; датируется по штемпелю.

² Неустановленные тексты.

³ Первоначально написано и зачеркнуто: «в Б<иржевых> ве<домостях>».

8 (21) мая 1916 г. Самара—Саратов¹

Самара—Саратов, на пароходе. 8 мая.

На Самарской пристани нашел «Укрепу». Когда пришлю кавказск<ий> адр<ес>, м<ожет> б<ыть>, напишете о переменах в «Бирж<евке>», и <как> изменяется «Петр<оградский> листок» со вкладом Измайлова.² На Волге тихо и просторно, давно такого покоя не видел.

Ваш Е<вгений> Л<ундберг>.

¹ Открытое письмо.

² Весной 1916 г. А. А. Измайлов ушел из газеты «Биржевые ведомости», в которой почти двадцать лет вел еженедельную рубрику «Литературное обозрение» и стал главным редактором газеты «Петроградский листок». Его уход из «Биржевых ведомостей» был связан со значительными изменениями в составе редакторов газеты и финансовым положением издания. «Книжная летопись» сообщала: «Право на издание перешло Т-ву на Паях С. М. Проппера — „Биржевые Ведомости“ в лице С. М. Проппера, В. А. Бонди, М. М. Горелова и М. М. Серова. Редакторские обязанности приняли на себя С. М. Проппер, В. А. Бонди, П. А. Васильев, Р. О. Висмонт, М. М. Горелов и Д. Ф. Розанов» (1916. 7 мая, № 18). В редакционную коллегию вечернего выпуска газеты вошел также И. И. Ясинский. Серию заметок, связанных с преобразованиями в «Биржевых ведомостях», см. также: Новая газета // Речь. 1916. 28 апр., № 115. С. 3; Проппер С. Письмо в редакцию // Речь. 1916. 29 мая, № 146. С. 5; Новые газеты // Речь. 1916. 28 мая, № 145. С. 4. Появление Измайлова в «Петроградском листке», известном своими бульварными интересами, значительно изменило программу этой газеты, которая скоро преобразовалась «в живой, интересный и опрятный по направлению литературный орган» (Кауфман А. Некролог // Вестник литературы. 1921. № 3. С. 13).

16 (29) мая 1916 г. Архипо-Осиповка¹

Дорогой Алексей Михайлович,

Мой адрес: станица Архипо-Осиповка, Черноморской губ<ернии>, Туапсинского округа, Старицкая ул., дача Юначки.

Место чудесное по тишине и уединенности: мой дом у самого моря, возле мельницы.

Привет Вам и Сер<афиме> Павл<овне>.

Ваш Евг. Лундберг.

Писать сюда следует либо откр<ыткой>, либо заказн<ым>.

¹ Почтовая карточка; датируется по штемпелю.

14 (27) 1916 г. Архипо-Осиповка¹

Дорогой Алексей Михайлович,

с нашими письмами вечно выходит путаница. Ваше в Тихие Горы уже не застало меня, и получил его только сегодня, 14 июня. Конечно, послал бы рассказ для Китовраса,² да ведь теперь поздно, и Вас, к<а>к слышно, нет в П<етер>б<у>рге.

Я «блаженствую» у моря, тихо, дико, тепло. Когда тронусь дальше, не знаю. До осени пройду большую часть Кавказа. Когда возвращусь, напишите, что у Вас слышно.

Привет Сер<афиме> Павл<овне>.

Ваш Евг. Лундберг.

Станица Архипо-Осиповка, Черноморской губ., Туапсинского округа, Старицкая ул., дача Юначки.

¹ Почтовая карточка; датируется по содержанию.

² Вероятно, название несостоявшегося сборника, который упоминается также под названием «Легион» в письме Ремизова к Шестову от 3 мая 1916 г. (Русская литература. 1992. № 4. С. 118). Наименование «Китоврас», несомненно, принадлежало Ремизову и восходило к древнерусской повести «О Соломоне царе и о Китоврасе басни и кошуны». С этим апокрифическим сюжетом писатель связывал и собственные творческие планы. Начало большой работы, растянувшейся до конца 1920-х гг., относится к весне 1912 г., когда «Ремизов <...> просил И. А. <Шляпкина> указать ему литературу о Китоврасе», о чем свидетельствует запись от 12 мая 1912 г. Е. П. Казанович во второй тетради «Записки о виденном и слышанном» (РНБ. ф. 362. № 18, л. 63). О творческой истории неопубликованной мистерии о Соломоне и Китоврасе см.: Грачева А. М. Скифство в интерпретации Алексея Ремизова. Мистерия «Соломон и Китоврас» // Иванов-Разумник. Личность. Творчество. Роль в культуре. СПб., 1996. С. 89–95. В 1931 г. в парижской газете «Последние новости» писатель опубликовал легенду «Соломон и Сфинкс (Легенда о Китоврасе)» (19 апр., № 3679. С. 3).

Конец июля 1916 г. Архипо-Осиновка¹

Дорогой Алексей Михайлович,

Нам с Вами никак не удается списаться — письма расходятся. Ваше о сборнике уже не застало меня в Тихих Горах, было переслано сюда — стало быть, поздно пересылать рукопись.²

Книг не получил ни я, ни Карповы,³ вероятно, с ними очередное «недоразумение».

Напишите, к<a>к прожили в Черниговской губернии и где проведете др<угую> часть лета.⁴ Я очень доволен своей Архиповкой — глушь, тишина, тепло и чудесный пляж. Приехала сюда ко мне и Анна Елизаровна⁵ с детьми, м<ожет> б<ыть>, позже приедет и Лев Исаакович. Жизнь ведем здесь природную — иначе нельзя: солнце обжигает, море расслабляет.

Был бы рад, если бы Вы написали из П<етер>б<у>рга, что́ делает в «Листке» Измайлов и как реформируется газета.⁶ Я опять без работы — хотя сейчас это и легче здесь переносить, но к осени грозит осложнениями. Писали ли в деревне? Какие литературные новости? Я всех потерял из виду.

Привет Серафиме Павловне, как ее здоровье?

Ваш Евг. Лундберг.

P. S. Вопрос с издательством совсем налажен. Осень проведу здесь, зиму хочу на Урале, а в промежутке заеду недели на 1½ посмотреть за печатаньем. Взял из «Труда» принятые туда 2 книжки.

Отчего бы Вам свое не предложить «Труду»? У них есть бумага.

¹ Датируется по содержанию. На письме имеется помета Ремизова о получении письма: «14 VII». На обратной стороне письма — письмо Ф. Шеколкина, который помогал Ремизовым в поисках новой квартиры: «29/VI—<19>16. Дорогой Алексей Михайлович, посылаю Вам это письмо уже по новому адресу; а вчера еще какое-то отправил по старому. „Речь“ выписана до 1го августа тоже туда — к<a>к Вы распорядились. Ваше письмо получил. С инструкцией теперь будет определеннее; но мне все что-то еще не можется. — Особенно при переменах погоды. — В июле попробую ходить по „Новому времени“; объявления еще попадают, только все не на Песках. Больше — за Б<ольшим> Просп<ектом> и на В<асильевском> О<строве>. — Думаю сперва уже вырешить со своим жилищем. — Да, ужасно все лень и с этим возгнаться. Скучно очень — вообще скучно. Кланяйтесь Серафиме Павловне. Будьте здоровы и веселы. Ваш Ф. Шеколкин».

² См. прим. 2 к письму 45.

³ Семья Л. Я. Карпова, см. прим. 2 к письму 40.

⁴ С 12 по 24 апреля Ремизовы находились в Берестовце Черниговской губернии, навещая свою дочь Наташу, которая тогда жила у родственников С. П. Ремизовой-Довгелло. С 12 августа по 10 сентября писатель с женой отдыхали в Эссентуках.

⁵ Жена Л. Шестова, в девичестве Березовская.

⁶ Речь идет о газете «Петроградский листок». См. прим. 2 к письму 43.

7 (20) февраля 1917 г. Криницы¹

Кр<иницы>. 7/II.

Дорогой Алексей Михайлович, спасибо за весть, за привет, рад, что свободны.² А я жду своих сроков совсем на днях. Воображаю, как Вы извелись, и Вы, и Сер<афима> Павл<овна>. Рассказ (плохой)³ Вам перешлют в П<етер>б<у>рг. Если надо и можно, исправьте — вообще делайте, что найдете нужным. Если есть куда, сообщайте, пришлю рукописи, но пишите всегда, что надо, статью или рассказ, все равно какое или «получше».

Кровное. — Родился я 31 августа 1883 года. Что за заметка такая!⁴ — Раз у Вас телефон, запросите о рассказе Елену Порфирьевну,⁵ телеф<он> д<окто>ра Холшевникова (Порф<ирия> Ник<олаевича>) — так скорее будет, чем письмами — спрос<ить> в 7—8 вечера.

Привет Вам и Сер<афиме> Павл<овне>. А я совсем одичал и жестоко тоскую в столь неподход<ящем> месте, к<а>к Кр<иницы>.⁶

Ваш Евг. Лундберг.

¹ На почтовой карточке помета Ремизова: «12 II 1917».

² Речь идет об освобождении Ремизова от воинской обязанности. Ср. с письмом его к А. Блоку от 10 января 1917 г.: «Освобожден я по ст. 65А (Хронич. гастрит, хронич. колит) и по ст. 37 (острота зрения 0,02 при 11 диоптриях)» (Переписка с А. М. Ремизовым // Александр Блок: Новые материалы и исследования. М., 1981. Кн. 2. С. 122 (Литературное наследство; Т. 92, кн. 2)). Билет, временно освобождающий Ремизова от военной службы, был ему выдан 28 декабря 1916 г. (см.: РО ИРЛИ, ф. 256, оп. 2, № 6, л. 4, 9, 16 — Помесячная роспись адресов и поездок Ремизова за 1913—1916 гг.).

³ Очевидно, речь идет о рассказе «Нечаянный грех», сохранившемся в архиве К. А. Сюннерберга (РО ИРЛИ, ф. 474, № 353). В конце рукописи Лундберг указал свой тогдашний адрес «П<очтовое>отд<еление> Береговое Черномор<ской> губ<ернии>, в Криницу». Кроме того, на первом листе имеется надпись рукой Ремизова. Сверху красными чернилами: «Евгений Лундберг»; вокруг названия — черными чернилами: «Ольге Димитриевне Форш / рукопись Лундберга / писанная им в кофейной Филиппова в / ожидании Ольги Димитриевны. / которая сидела в / той же кофейной / в соседней комнате, / ожидая Лундберга. / Назначено было / свидание (любовное) / Алексей Ремизов / 16 VII 1921». Очевидно, вторая надпись приписана с целью мистификации обстоятельств, времени и места создания этого произведения.

⁴ Публикация не установлена.

⁵ Вторая жена Е. Г. Лундберга.

⁶ Черноморское село Криницы (между Туапсе и Сочи). Об истории поселения см.: Лундберг Е. Записки писателя. 1917—1920. Т. 1. С. 7—10.

8 (21) февраля 1917 г. Береговое¹

Дорогой Алексей Михайлович, послал Вам открытку вчера и забыл написать: если Вам перешлют рассказ и если найдете нуж<ным> в нем что-ниб<удь> выбросить или исправить — Ваша воля. Рассказ

плохой и исправлять некогда, спешу с переводами, ибо сроки совсем близки и денег, конечно, нет. Что со «Скарбом»? Видно, Городецкий окончит его к след<ующей> войне.² Посылаю Вам и статью «Криницы», для полки, читать не стоит, вранье.³ А снимков мало — места здесь чудесно хороши. Звать Вас к нам на лето с Серафимой Павловой жариться на солнышке?

Будьте здоровы.

Ваш Евг. Лундберг.

Если возникают к<акие>-ниб<удь> издания, помните обо мне.

¹ Почтовая карточка; датируется по почтовому штемпелю. «Береговое — село, в двух верстах от Криницы и от моря» (*Лундберг Е.* Записки писателя. 1917—1920. Т. 1. С. 7).

² По-видимому, замысел сборника «Скарб» потерял актуальность уже весной 1916 г., когда С. Городецкий уехал на Кавказ, где находился несколько лет.

³ Очевидно, речь идет о рецензии на книгу «Четверть века „Криницы“» (Киев: Изд. кооперативного журнала «Наше Дело», 1913; с илл. и предисл. М. И. Туган-Барановского), опубликованной под криптонимом «А. И.» в апрельской книжке журнала «Заветы» за 1913 г., автор которой подробно останавливается на истории этого поселения, возникшего в семидесятые годы XIX в. как «религиозно-коммунистическая община» благодаря идеям активистов петербургского «литературно-художественного кружка Серова» (С. 197—198).

49

31 декабря (13 января 1918) 1917 г. Петроград¹

31/XII.

Дорогой Алексей Михайлович,

Поздравляю Вас и Сер<афиму> Мих<айловну> (так! — Е. О.) с праздниками — так занят это время, что никуда ни шагу. На днях позвонюсь, чтобы договориться о свидании. Если удобно будет, позвоните тогда и Мих<аила> Мих<айловича> — у нас спор еще не кончен.²

Ваш Евг. Лундберг.

¹ Датируется по почтовому штемпелю. На почтовой карточке помета Ремизова о получении: «2.I.1918».

² Ср. с записью в дневнике Ремизова от 10 декабря 1917 г.: «Вчера были (1 нрзб.), Приш<вин>, Лунд<берг> и (1 нрзб.). Принесли папиросы. Спорить так не годится. Спор у нас одно оскорбление. „Не хитри в деле сем“» (*Ремизов А.* Дневник 1917—1921 / Подгот. текста А. М. Грачевой и Е. Д. Резникова; Вступ. заметка и коммент. А. М. Грачевой // *Минувшее: Исторический альманах.* М.; СПб., 1994. Сб. 16. С. 472). Очевидно, предметом споров стали, с одной стороны, радикальные убеждения Лундберга, с другой — консервативная политическая позиция М. М. Пришвина, обусловившая его участие в правозсеровской газете «Воля народа». Ср. также с записью писателя в дневнике (октябрь 1917): «Одно из сит демократии — „Воля народа“, в которой я теперь по недоразумению пребываю, исповедует чистую наивную веру в русскую демократию. Это самый невинный орган и чистый от искательства „демонов“» (*Пришвин М. М.* Дневники. 1914—1917. М., 1991. С. 375).

Около 28 января (10 февраля) 1918 г. Петроград¹

Верейская ул., 2, кв. 9.

Дорогой Алексей Михайлович,

Вы знаете, что я далеко от партий, литературн<ых> дрязг и пр<очего> и, м<ожет> б<ыть>, в силу этого по-хорошему воспримите мой совет, кот<орый> я вправе дать, во 1-х, по долгому нашему знакомству, во 2-х, потому, что люблю Вас.

Всякая литерат<урная> — и иная — борьба хороша, когда она ведется умными и честными руками. Сегодня я прочел в «Воле народа» статью об Иванове-Разумнике.² Вы знаете, к<а>к во многом расходимся мы с Ив<ановым>-Раз<умником> — не меньше, чем с Вами расходимся. Бранить одного, обелять другого у меня нет ни желания, ни причин.

Но ясно одно: 1) Статья «Воли народа» оскорбительна для Вас, ибо Вы трактуетесь как дурачок в ней. 2) Статья лично-озлобленная. 3) Злоба в ней дурная — и глупая, и пошлая, и пошло выраженная; эту статью не мог по тону и по словам написать порядочный человек. 4) Всем известно Ваше влияние на бедного запугавшегося Мих<аила> Мих<айловича> Пришвина. 5) Всем известны Ваши личные связи, сердечные и деловые, с Ив<ановым>-Раз<умником>.

Это, с одной стороны.

С другой — Разумник делает свое литерат<урное> дело и умно и чисто.

Ну-ка, сопоставьте. Вы понимаете, в каком положении оказываетесь Вы, если Вас будет защищать пошлым тоном какой-то (вероятно, по стилю коллективный), между нами будь сказано, дурак? (Статья непроходимо глупа и мерзка.) Ведь это же марают Вас? Неужели Вы этого не видите? Марает и Пришвина. Если не Вы, то Серафима Павловна должна это видеть.

Что бы ни было впереди, Вы не должны смешиваться с мелкими и пошлыми защитниками. Вы должны, как писатель, отмежеваться. Если Вы сами или чужие руки поведут борьбу литерат<урную> умно, зло, яростно — все будет хорошо. Если глупо, мерзко и пошло, это на Вас же упадет.

Мой привет Вам и Серафиме Павловне. Вытащите Вы Пришвина из газетной сутолоки: загубит свой талант, измается, жалко. И себя поберегите.

Ваш сердечно Евг. Лундберг.

¹ Сверху имеется помета Ремизова о получении: «28.1». Письмо датируется по помете Ремизова.

² Имеется в виду статья «Подкальватель», подписанная псевдонимом Ип. Трилев, которая была напечатана в газете правых эсеров «Воля страны» (первоначальное название — «Воля народа»). Статья носила «разоблачительный» характер по отношению к редактору «Скифов» Иванову-Разумнику, который во второй книге альманаха поместил по соседству ремизовское «Слово» и собственную статью «Две России». Признавая высокие художественные достоинства произведения Ремизова, критик вместе с тем охарактеризовал общественную позицию писателя как реакционную. Факт одно-

временной публикации «Слова» и статьи, содержащей резкую критику, в контексте бурных политических событий был расценен как провокация и донос: «Ив.-Разумник упрямил Ремизова напечатать „Слово“, как прекрасную, сильную вещь и в своем „чисто-литературном“ сборнике „Скифы“ (заманил в уголок). Действительно, напечатал. Сполна. Но тут же, после Ремизова, напечатал и свой... доносик на Ремизова. Именно доносик, если не целый доносище (подколол). Назвать иначе статью Разумника о Ремизове и его „Слове“ — нельзя. Весь сопроводительный арсенал литературных красот, все библейские и евангельские цитаты, кощунственно (и невежественно) вывертываемые наизнанку — лишь гурманство подкальвателя, утончение шила, чтобы поглубже вошло. А суть в доносе. И доносит Разумник — следующее: Ремизов защищает „самодержавие, православие и народность“. Ремизову ненавистна всякая революция» (1918. 24 янв., № 8. С. 1—2).

51

Около 26 (13) февраля 1918 г. Петроград¹

Верейская ул., д. 2, кв. 9.

Дорогой Алексей Михайлович,

готов на всякие услуги, но говорить с Разумником после «подкальвателя» надо Вам непосредственно, а не через посредников. Дело «Скифами» В<аших> я не знаю, о Вас бесед не вел — но думаю, что вряд ли «Скифам» удобно Вас печатать после «заманул — подколол».

Я Вам своевременно писал об этом — но Вы мне на письмо, конечно, не ответили. Самое большее, что можно сделать без Вашего участия, это попросить Разумника телефонировать Вам для переговоров по делу — это я сделаю в первое же свидание с ним.

Всего доброго Вам и Серафиме Павловне.

Ваш Евг. Лундберг.

¹ Сверху имеется помета Ремизова о получении: «26/13.И». Письмо датируется по помете Ремизова.

52

Апрель 1918 г. Москва¹

Дорогой Алексей Михайлович,

не знаю, дошло ли до Вашего сведения, что я заменяю Раз<умника> Вас<ильевича> в «Зн<амени> труда».² В настоящее время, чтобы освободить литерат<урный> отдел от воздействия политики, я организовал при «Знамени труда» еженедельник литерат<уры> и искусства.³

Я рад был бы, если бы Вы, Мих<аил> Мих<айлович>, Замятин и др. приняли участие в Еженедельнике⁴ — желательны рассказы и заметки до 450 строк, *вне* политики, чистые художественно, чистая литература.

Если мое предложение Вам подходит, соберите материал у себя и у других и пришлите его спешно через артель на Николаевском вокзале — по почте дольше, вместе с согласием внести Вас в списки сотрудников.⁵ Нужны стихи, статьи, рассказы, очерки, рецензии, хроника. Желательны — все без изъятия.

Ответьте, пожалуйста, немедленно и других просите ответить.

Ваш Евг. Лундберг.

Адрес мой: Пречистенка, Левшинский пер., д. 9/11, кв. 4 (Ив. С. Егорова), мне.

¹ Сверху помета Ремизова с датой получения: «15/2. IV. 1918». Письмо датируется по содержанию. В середине марта Лундберг переехал в Москву, где служил в качестве сотрудника Наркомпроса. Ср. с реакцией Ремизова на это известие: «В Бресте подписан мир с немцами. <...> Вчера сбрасывали с аэропланов бомбы на Фонтанке. — Задавит, — говорят, — нас немец! И называют число — 23-ье марта: — 23-го марта немцы займут Петербург! Разбегаются: кто в Москву, кто куда. Улетел и Лундберг, чудак!» (*Ремизов А. М.* Собр. соч. М., 2000. Т. 5. Взвихренная Русь. С. 195).

² Подразумевается политическая и литературная газета «Знамя труда» — центральный орган партии социалистов-революционеров, — выходившая под редакцией Р. В. Иванова-Разумника, Б. Камкова, В. Кареллина, И. Штейнберга, В. Трутовского, Д. Магеровского, С. Мстиславского, Е. Лундберга и В. Левина, издание которой с марта 1918 г. осуществлялось в Москве. Лундберг выполнял в газете обязанности заместителя руководителя литературного отдела и публиковал статьи под общим заглавием «Под знаком зодиака».

³ Имеется в виду временник литературы, искусств и политики «Знамя труда», два выпуска которого вышли в Москве, в издательстве «Революционный социализм» под редакцией Иванова-Разумника, В. А. Карелина и Е. Г. Лундберга (1918. № 1. Июнь; 1918. № 2. Июль). В первом выпуске Лундберг опубликовал статью «„Апокалипсис“ В. В. Розанова» (С. 25—27).

⁴ Никто из перечисленных авторов во временнике «Знамя труда» не печатался.

⁵ Списки сотрудников в «Знамени труда» не публиковались.

ПИСЬМА С. Л. ФРАНКА К А. П. ТАТАРИНОВОЙ

Публикация А. А. Гапоненкова

Сохранившиеся десять писем философа Семена Людвиговича Франка секретарю редакции журнала «Русская мысль»¹ Александре Павловне Татариновой приоткрывают лишь краткие эпизоды их тесных внутриредакционных отношений, которые возникли в форме эпистолярного диалога скорее как исключение. По обыкновению деловое общение этих двух лиц происходило в Петрограде, в помещении редакции журнала по адресу: Нюстадская ул. (Лесной проспект), 6. Многие из публикуемых корреспонденций были получены там же, а отправлены С. Л. Франком из разных мест: Мюнхена, где он находился в научной командировке от Петербургского университета; Новгородской, Тверской губерний, Финляндии, где семья философа в разные годы снимала на лето дачи; Саратова, в котором Франк-профессор занимал кафедру философии в университете с сентября 1917 г. Позднее он вспоминал: «С самого начала редактирования П<етром> Б<ернгардовичем> <Струве>², „Русской мысли“ я был его ближайшим сотрудником и советчиком (в неполитической части журнала). Вскоре П. Б. поручил мне читать рукописи философского и научного содержания, а с осени 1914 года <...> я читал все рукописи неполитического содержания, включая беллет-

¹ Журнал «Русская мысль» (М.; СПб., 1880—1918; София, 1921; Прага; Берлин, 1922—1923; Париж, 1927) — ежемесячное литературно-политическое издание, одно из значительных явлений научной, философской, общественной и культурной жизни России и русского зарубежья. С 1907 г. в период редакторства П. Б. Струве журнал неизменно следовал своей программе, «твердо проводя идею национальной русской культуры и уделяя всего больше места вопросам и темам, связанным с высшими стремлениями и непостоянством человеческого духа» (Русская мысль. 1918. Кн. 3—6. С. 1; далее: РМ). О журнале см.: Брюсов В. Я. Письма к П. Б. Струве / Публ. А. Н. Михайловой // Литературный архив. М.; Л., 1960. С. 257—345; Никитина М. А. «Русская мысль» // Русская литература и журналистика начала XX века, 1905—1917: Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1984. С. 26—47; Гапоненков А. А. П. Б. Струве — редактор журнала «Русская мысль» (1907—1918) // Cahiers du Monde russe. Paris, 1996. № 37 (4). С. 505—514. Библиогр.: Гапоненков А. А., Клейменова С. В., Попкова Н. А. Русская мысль: ежемесячное литературно-политическое издание: Указатель содержания за 1907—1918 гг. М., 2003.

² Струве Петр Бернгардович (1870—1944) — политик, экономист, историк, философ, журналист, издатель; академик (1917); член ЦК партии кадетов (1906—июнь 1915), депутат 2-й Государственной Думы; соредактор «Русской мысли» (1907—август 1910), редактор-издатель (1910—1927).

ристику и стихотворения. Наряду со мной ближайшим членом редакции — по политическому отделу — был А. С. Изгоев. Мы втроем, при участии А. П. Татаринновой как секретаря, составляли номера журнала, съезжаясь для этого еженедельно в помещении редакции».³

А. П. Татариннова при составлении журнальных книжек, в работе с рукописями и корректурами, редакционной переписке с авторами, сношениях с московской типографией И. Н. Кушнерева, в которой печатался журнал, была больше, чем правой рукой П. Б. Струве. Она была хранителем традиций еще прежней «Русской мысли» В. А. Гольцева и В. М. Лаврова, по образному выражению, «камертона русского либерализма» (1885—1906). В краткий период соредакторства П. Б. Струве и Л. А. Кизеветтера (1907—1910) Татариннова осуществляла весьма трудную связь между ними, проживавшими в разных городах — Петербурге и Москве, смягчала споры и разрешала недоразумения. Она же согласилась переехать из Москвы в Петербург, когда Струве переехал туда в августе 1912 г. главную контору журнала и редакцию. Ее человеческий облик как нельзя лучше характеризуют слова самого Франка из «Воспоминаний о П. Б. Струве»: «Бесслесным секретарем редакции — с начала 90-х годов XIX века и вплоть до закрытия в 1918 году — была милейшая и достойнейшая женщина, всю свою жизнь посвятившая журналу, Александра Павловна Татариннова (в юности бывшая подругой жизни рано умершего блестящего московского философа Н. Я. Грота)».⁴ Неповторимо привлекательный образ А. П. Татаринновой запечатлел В. Я. Брюсов в стихотворении «Портрет» (РМ. 1913. Кн. 10. С. 1), позднее озаглавленном автором «Женский портрет»:

Она смеяться может, как дитя,
Но тотчас поглядит лицом беглянки,
Застигнутой погоней; миг спустя
Она опять бесстрастно правит гранки.

И, что-то важное, святое скрыв
На самом дне души, как некий идол,
Она, как лань пуглива, чтоб порыв
Случайный тайны дорогой не выдал.

В «Русской мысли» периода редакторства Струве Франк поместил 31 статью и более 50 своих рецензий, несколько переводов. Масштаб его журнальной деятельности в то время поражает: работы эти отличаются необыкновенной исследовательской глубиной и ясностью мысли, системным философским дискурсом. П. Б. Струве — человек жесткой редакторской воли, склонный к принуждению ближайших сотрудников к своей точке зрения, доверял Франку как своему единомышленнику. Спокойная рассудительность, созерцательность природы философа между тем заметно отличались от активного, деятельного характера Струве, который был политическим борцом.

Журнал стал центром религиозной мысли, прибежищем светских религиозных мыслителей, философов: Д. С. Мережковского, Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, Л. Шестова, Л. Галича (Габриловича), Волжского (А. Гиники), И. И. Лапина, В. И. Иванова, В. А. Свенцицкого, В. Ф. Эрн, И. А. Ильина, Ф. А. Степуна, Д. В. Болдырева... Сотрудничество одних было кратковременным, других — постоянным. Публикации «Русской мысли» отражали русский и западноевропейский философский процесс, религиозные искания, политические идеи: история и судьба русского

³ Франк С. Непрочитанное...: Статьи, письма, воспоминания / Сост. и предисл. А. А. Гапоненкова, Ю. П. Сенокосова. М., 2001. С. 445.

⁴ Там же. С. 443.

либерального консерватизма, «новое религиозное сознание», психология русской революции, анархизм и аскетизм, проблемы государственности, культуры, цивилизации, споры о прагматизме, национализме, интуитивизме в философии, кризис христианства в протестантизме, католический модернизм, религиозный смысл войны и империализм... Франк тщательно отслеживал новые течения в философии, давая свои журнальные рецензии на выходившие работы западных философов и психологов, их русские переводы. Речь шла о Э. Махе, Р. Авенариусе, Г. Риккертe, Г. Зиммеле, И. Петцольде, В. Джемсе, Т. Липпсе, А. Мессере, А. Гейслере, К. Форлендере, К. Штумпфе, Ф. Дильтея, А. Бергсоне, Г. Гомперце, В. Штеккеле, Э. Кассирере, В. Вундте, В. Шuppe, Г. Когене, В. Виндельбанде, Э. Карпентере, О. Кюльпе и др. Многие из этих авторов поднимали специальные вопросы анализа ощущений, субстанции и функции, критики чистого опыта, самосознания, интуиции, теории познания, учений логики, психологии народов, философии истории, религии, борьбы за «мировоззрение» в немецкой мысли и др. Франк делал их понятными и близкими широкой читательской публике, различая задачи специального научного издания и «Русской мысли».⁵

Идейная позиция журнала объединяла авторов разнообразных умственных направлений и духовных типов и поэтому была лишена «направленства» и «партийности». Струве внимательно следил за этим и старался, чтобы «Русская мысль» беспрепятственно «служила выработке идей и культуры». В области политики он отстаивал в своих статьях позицию «либерального консерватизма», которой придерживался и Франк. «Веховские» идеи вдохновляли их журнальную деятельность: и критика «отщепенства» интеллигенции от религии и государства, и идеал положительного сближения полюсов свободы и власти, и религиозная метафизика русской революции.

Суждения Франка о поэзии были пронизаны систематической мыслью и выразились ясным и точным понятийным языком. Он пытался уловить «предметное чувство» поэта, постигал *духовный опыт* поэтов-мыслителей в единстве их эмпирической биографии и творчества (поэт — это *духовная личность*), восходя вместе с ними к высотам мистических и религиозных откровений. Пребывая в «чужой» поэтической стихии, Франк тонко исследовал идейный смысл художественных творений («бесконечность целого»), руководствуясь философско-эстетическим принципом *единства содержания*

⁵ В связи с отклоненной статьей Райнова о Золя и Бергсоне он высказал принципиальное суждение: «Редакция остается при мнении, что проводимое автором сближение Золя и Бергсона по существу неудачно и не содействует уяснению умственного облика того и другого. Никакой тенденции или цензуры направления редакция своим отклонением не преследовала. Но „Русская мысль“, не будучи специальным философским журналом и будучи в состоянии помещать лишь немногие статьи по философским вопросам, естественно может предоставлять на своих страницах место лишь наиболее объективным и, по суждению редакции, удачным характеристикам философских направлений...» (РО ИРЛИ, ф. 264, оп. 1, № 26, л. 190; далее указывается только лист этой ед. хр.). Например, работа И. А. Ильина «Философия как духовное делание» вызвала положительный отзыв Франка: «Очень интересная и умная статья, безусловно заслуживающая принятия» (Л. 191). Знаменитая характеристика Л. Шестова «Вячеслав Великолепный» поступила лично к Франку: «Статья живая, интересная, во многих отношениях меткая. Безусловно должна быть принята, о чем я уже уведомил автора» (Л. 284). Франк призывал к большей строгости и ответственности в выражении мысли. Получив работу В. Чудовского «Жизнь и энтропия духа», он не сдержался во внутренней рецензии: «Статья интересна по замыслу и содержит любопытные размышления, с большинством которых, однако, трудно согласиться. Но мысли эти изложены — или даже продуманы — таким развязным, напыщенным, нагло-фельетонным стилем, который совершенно не соответствует теме и производит отгалкивающее впечатление. Из-за этого статья должна быть безусловно отвергнута — на страницах „РМ“ его нельзя терпеть!» (Л. 210).

и формы. Свои методологические взгляды по поводу этого принципа он подробно изложил в статье «Космическое чувство в поэзии Тютчева» (см. письмо 1).

В отличие от своих предшественников по беллетристическому отделу «Русской мысли» — Ю. И. Айхенвальда, Д. С. Мережковского, В. Я. Брюсова, Л. Я. Гуревича — С. Л. Франк занимал гораздо более консервативную эстетическую позицию, не разделяя вместе со Струве «рискованного новаторства» в литературе и придавая литературной критике скорее объективно научный вид, нежели по-хорошему субъективно-пристрастный. Это можно видеть по письмам, строгим и вместе с тем глубоко ироничным внутренним отзывам⁶ о тех произведениях, которые были прочитаны, рекомендованы или отклонены Франком. В журнале печатались поэты А. Блок, В. Брюсов, Ф. Сологуб, В. Иванов, Н. Гумилев; прозаики А. Кондратьев, А. Толстой, В. Лидин, Б. Пильняк, Е. Замятин, Б. Зайцев, Г. Чулков, А. Крандиевская; литературные критики Е. Колтоновская, А. Дерман, Б. Эйхенбаум, Б. Грифцов, В. Жирмульский, Н. Недоброво, А. Долинин и многие другие литераторы. Сотрудничество их с «Русской мыслью» и Франком — предмет последующих публикаций.

Письма С. Л. Франка А. П. Татариновой публикуются по автографам, хранящимся в Рукописном отделе Пушкинского Дома (ф. 264, оп. 1, № 288, 289).

⁶ Приведем некоторые из них: «В. Ходасевич. „Жизнь и лирика гр. Ростопчиной“. Немного манерный и местами многословный очерк, в общем не лишенный интереса и приемлемый. Полагаю, следует принять с правом редакционных сокращений. С. Франк» (РО ИРЛИ, ф. 246, оп. 1, № 26, л. 13); «Рюрик Ивнев. „Простая смерть“ и „Тетушка Лубэ“. Рассказы с претензией на нарочитый символизм, оба на тему нынешней войны. Кажется, в авторе есть признаки дарования, но помещать такие вычурные вещи с несомненным „ломанием“ на такую тему не следует. Полагаю отклонить. С. Франк» (Л. 29); «Замятин. „Африка“. Вычурный, изломанный по содержанию и стилю рассказ. Ремизовщина второго сорта. Не чувствуется настоящей жизненной правды. Полагаю отклонить. С. Франк» (Л. 30); «Юркун. „Дурная компания“. Кажется, в авторе повести есть признаки дарования, но написана она явно в каком-то надуманном, вычурном стиле, с подражанием не то Гофману, не то Диккенсу и вместе с тем чему-то плохому в современной беллетристике. Тема простая — ряд лиц, увлекающихся авантюристкой и мошенницей, — но замысел автора и художественный смысл повести понять трудно. Тут есть какие-то претензии, на мой взгляд, неосуществленные. Полагаю, что следует отвергнуть. С. Франк» (Л. 35); «Дерман. „В. Г. Короленко“. Значение Короленко как художника, мне кажется, сильно преувеличено автором. Но его критический этюд написан умело, хорошим языком, и в основной своей мысли убедительно. По-моему, следует принять. С. Франк» (Л. 146); «Сологуб. „Наблюдения и мечты о театре“. Обычные достоинства и недостатки сологубовских рассуждений. Много интересного, и вместе с тем противная смесь декадентства с нарочитым демократизмом. Следует все же принять; может быть, нужна редакционная оговорка. С. Франк» (Л. 166); «Б. Пильняк. Целая жизнь. Рассказ с оригинальной темой: жизнь птиц — чета сов. Написан недурно, с настроением, и с чувством природы. Заслуживает внимания. Некоторые подробности должны быть выпущены. Решить по состоянию портфеля. С. Франк» (Л. 381).

20 сентября (3 октября) 1913 г. Мюнхен

München,¹ Clemensstr<asse> 53.
3 окт<ября> 1913.
20 сент<ября>

Многоуважаемая Александра Павловна!

При сем посылаю отзывы о присланных мне рукописях №№ 215, 222, 240, 246, 265, 278, 291 и 224.² Рукописи следуют заказной бандеролью.

Одновременно посылаю в редакцию свою собственную рукопись: «Космическое чувство в поэзии Тютчева».³

Покорнейше прошу выслать мне журнал по моему постоянному адресу: Германия, München, Clemensstr<asse> 53. Я не получил еще доселе августовской книжки.⁴

С совершенным уважением
С. Франк.

¹ С мая 1913 г. по август 1914 г. С. Л. Франк с семьей находился в научной командировке в Германии для написания магистерской диссертации «Предмет знания». Лето он провел в Марбурге, а осенью переехал в Мюнхен, оповестив редакцию о своем новом адресе.

² Имеется в виду книга для записей поступивших в редакцию рукописей за 1913 год (РО ИРЛИ, ф. 264, оп. 1, № 41). Франк читал рукописи философского содержания, продолжая участвовать в редакционных делах.

³ См.: РМ. 1913. Кн. 11. С. 1—13.

⁴ Контора «Русской мысли» бесплатно посылала ближайшим и многим постоянным сотрудникам текущие книжки журнала.

13 (26) июня 1914 г. Хершинг

Herrsching,¹ 26/13 VI 1914.

Многоуважаемая Александра Павловна!

Насколько я помню, статья Рочко действительно вторично попадает в редакцию.² Я, по крайней мере, помню, что была какая-то статья Рочко, отвергнутая редакцией, и что была какая-то критика Бергсона.³ Но принадлежала ли эта критика именно Рочко, т. е. была сея отвергнутая статья Рочко именно статьей о Бергсоне — этого я с уверенностью не могу сказать, хотя, кажется, что это было так.

Уважающий Вас С. Франк.

¹ Предместье Мюнхена, где Франк с семьей жил весной и летом 1914 г. до отъезда в Россию.

² О какой статье речь идет в письме, неизвестно. В «Русской мысли» появилась всего лишь одна публикация Г. Рочко — философская статья «Чаяние свободы» (1913).

Кн. 7. С. 33—36) о новой книге К. Эрберга «Цель творчества. Опыт по теории творчества и эстетике» (М.: Русская мысль, 1913).

³ *Бергсон Анри* (1859—1941) — французский философ, представитель интуитивизма и «философии жизни». В 1913—1914 гг. выходило его собрание сочинений в переводе на русский язык (СПб. Т. 1—5). О Бергсоне Франк писал в статье «О философской интуиции» (РМ. 1912. Кн. 3. С. 31—35).

3

16 (29) августа 1915 г. Боровичи

Боровичи.¹
16. Авг<уст> 1915 г.

Многоуважаемая Александра Павловна!

Ввиду спешности отзыва о статье Дарского² и т<ак> к<ак> я не всегда могу отсылать отсюда заказные отправления, посылаю Вам отзыв о его статье (на след<ующей> странице). Статью пришло, в случае надобности, или привезу с собою.

Книгу Дарского о Тютчеве я готов рецензировать.³ Но помнится мне, эта книга была послана мне еще в Германию.⁴ Если я не ошибаюсь, то в таком случае она осталась в Германии вместе со всеми моими книгами,⁵ и я мог бы рецензировать ее, только если бы автор или издатель прислал еще один экземпляр. Если же я ошибаюсь и она у меня в Петрограде, то я напишу рецензию по приезду в город. М<ожет> б<ыть>, Вы вспомните, когда она была послана мне?

Всего лучшего. Ваш С. Франк.

Дарский. «Маленькие драмы Пушкина»

Статья написана интересно, довольно тонко, хотя и с некоторым преувеличением в модную теперь сторону сближения Пушкина с Достоевским. Полагаю, что статью следует принять. Однако необходимы некоторые сокращения, чтобы довести статью размером до 2—2¼ листов (теперь в ней более 3-х). Существенные сокращения (длинные цитаты из Достоевского etc.) следует сделать в «Введении», и мелкие — в разборе драм. Если автор на это согласен, то, повторяю, статью следует принять: она написана хорошо и в ней есть интересные мысли.⁶

С. Франк.

¹ Боровичи — уездный город Новгородской губернии на реке Мста, благодаря удобному железнодорожному сообщению место дачного летнего отдыха жителей Петрограда, в том числе и семьи Франка.

² *Дарский Дмитрий Сергеевич* (1883—1957) — литературный критик, литературовед, автор работ о Тютчеве, Пушкине, Фете, Достоевском. См.: *Викторович В. А.* Дарский Дмитрий Сергеевич // *Русские писатели. 1800—1917: Биограф. словарь.* М., 1992. Т. 2. С. 87—89.

³ В 1913 г. Дарский пытался опубликовать в «Русской мысли» исследование о Тютчеве, рекомендованное В. Я. Брюсовым, однако оно было отклонено редакцией по причине готовившейся к публикации аналогичной статьи Франка (см. прим. 3 к письму 1). Работа Дарского вышла отдельным изданием: *Чудесные вымыслы. О кос-*

мическом сознании в лирике Тютчева. М., 1913. Франк написал на нее рецензию (РМ. 1915. Кн. 9. С. 2—3), в которой отметил «лирический стиль» книги, «имеющий целью заразить читателя поэтическим настроением исследуемого автора».

⁴ См. прим. 1 к письму 1.

⁵ Франк имеет в виду свой поспешный отъезд из Германии в связи с началом войны в августе 1914 г.

⁶ Статья Дарского так и не появилась в «Русской мысли» и была напечатана отдельной книгой: *Дарский Д. С. Маленькие трагедии Пушкина*. М., 1915. Рецензировал ее в журнале Б. М. Эйхенбаум: «Вообще, лучше всего Дарскому удалась глава о „Скупом рыцаре“ — дальше в его анализе пропадает стройность и ясная глубина. Он как будто не совсем владеет собственной темой, не совсем сознает всю ее значительность. Путь к Пушкину через Достоевского как особого рода метод для освещения пушкинской демонологии должен многое открыть, но и это нужно делать серьезнее, систематичнее и тоньше, чем у Дарского. Настоящей оригинальности или, лучше сказать, самобытности, в его работе нет — он многое впитал в себя, в его стиле школа Мерзжковского скрещивается с школой Айхенвальда и придает ему несколько эклектический характер» (РМ. 1916. Кн. 4. С. 2).

4

Начало июня 1916 г.¹ Быково

Коптево, им<ение> Быково.²

Многоуважаемая Александра Павловна!

Посылаю Вам, вслед с затребованными рукописями Книжника³ и Эльснера,⁴ также рукописи Димича,⁵ Копыловой,⁶ П. Карпова⁷ и Марговского,⁸ с отзывами. Остальные пришлю вскоре. — Перевод Черемисиновой,⁹ при ближайшем рассмотрении, оказался *шкунда не годным*. Я пишу на рукописи почти новый перевод, но и этим не достигну, конечно, хорошего перевода. Ежедневно, вот уже неделю, трачу на это 2 ч. в день; через несколько дней пришлю Вам порцию на август.¹⁰

Всего хорошего. Преданный Вам
С. Франк.

¹ Письмо датируется на основании писем 5 и 6.

² Коптево — почтовая станция в Тверской губернии рядом с имением Быково, где Франк с семьей проводил лето, снимая дачу.

³ *Книжник Иван Сергеевич* (псевд. Ветров И. С., наст. фам. Бланк Израиль Самойлович) (1876—1965) — журналист, историк и библиограф, рецензент новых книг по истории и политике в Критическом обозрении «Русской мысли». Упомянутая рукопись не установлена.

⁴ *Эльснер Владимир Юрьевич* (1886—1964) — поэт, переводчик. В «Русской мысли» периода редакторства П. Струве не печатался.

⁵ Лицо не установлено. В «Русской мысли» не публиковался.

⁶ *Копылова Любовь Федоровна* (1885—1936) — поэтесса, прозаик. Речь идет о рукописи, отклоненной редакцией: «Рассказ Копыловой „Великая Книгиня“, рекомендуемый В. Ивановым, производит на меня двойственное впечатление. Он написан недурно, содержит сильные места, и вместе с тем по теме и выполнению носит характер чего-то выдуманного, неправдивого. Не берусь сам выносить решение. Прошу П<етра> Б<сригардовича> самого прочитать рассказ. С. Франк. Отклонить. П. Струве» (РО ИРЛИ, ф. 264, оп. 1, № 26, л. 61).

⁷ Карпов Пимен Иванович (1887—1963) — поэт, прозаик. Во внутреннем журнальном отзыве Б. М. Эйхенбаум писал: «П. Карпов „Марина“. Вещь очень искусственная, с тенденцией, нецельная. Самый стиль — дробный, смесь модернизма со сказочно-народным языком. Но есть талантливые места. Что-то надо автору с собой делать, чтобы стать благороднее, проще» (РО ИРЛИ, ф. 264, оп. 1, № 32, л. 45). В «Русской мысли» не публиковался.

⁸ Мартовский Василий Алексеевич (1879—?) — прозаик. В «Русской мысли» напечатал рассказы и повесть: На горе и под горой. Повесть в двух частях // РМ. 1914. Кн. 10. С. 5—47; Кн. 11. С. 3—32; Кн. 12. С. 91—147. Последняя публикация В. Мартовского в издании: Боголюбская. Рассказ // РМ. 1915. Кн. 10. С. 73—92. По-видимому, неизвестная рукопись, о которой идет речь в письме, была отклонена.

⁹ См.: Келлер Готфрид. Правитель Грейфензе / Пер. с нем. Е. Н. Черемисиновой // РМ. 1916. Кн. 8. С. 170—203; Кн. 9. С. 36—79.

¹⁰ См. письмо 6.

5

7 (20) июня 1916 г. Быково

Быково, 7 июня 1916.

Многоуважаемая Александра Павловна!

Прежде всего каюсь перед Вами в невнимательном отношении к Вашему извещению:¹ несмотря на вполне ясный текст Вашей открытки, почему-то я понял его так, что все рукописи Книжника отклонены,² и потому отослал их без отзыва и непрочитанными, и лишь отослав, убедился в своей ошибке. М<ожет> б<ыть>, П<етр> Б<ернгардович> сам при случае проглядит рецензии? — Сегодня получил пакет рукописей и Ваше письмо. Постараюсь сделать все скоро; это было бы не трудно, если бы не угнетал и не отнимал время ужасный перевод Черемисиновой.³ — Пока сообщаю краткий отзыв о прочитанных уже двух драмах: драма Зайцева⁴ не замечательна, только прилична, но вполне приемлема; драма Новикова⁵ гораздо значительнее; как и в «Коричневом яблоке»,⁶ в ней слабовата, несколько наивно мелодраматична общая композиция, но чувствуется большая сила и глубина психологии в обрисовке лиц.

По-моему, следует принять *обе драмы* — Новикова, п<отому> ч<то> она хороша, Зайцева (при условии скромного гонорара) за имя. — Из рукописей присылайте, пожалуйста, то, что не может ждать.

Преданный Вам С. Франк.

¹ А. П. Татаринова извещала С. Л. Франка о необходимости экстраординарной пересылки отклоненных, по-видимому, П. Струве или А. Изгоевым рукописей (Книжника и Эльснера — см. письмо 4).

² Примечательно, что с этого момента И. Книжник перестал сотрудничать с «Русской мыслью».

³ См. прим. 9 к письму 4.

⁴ Зайцев Борис Константинович (1881—1972) — прозаик, драматург. См.: Зайцев Б. Ариадна // РМ. 1916. Кн. 12. С. 3—42. В журнале «Русская мысль» писатель напечатал также пьесу «Любовь» (1907. Кн. 9) и рассказы «Петербургская драма» (1915. Кн. 5), «Правитель» (1927. Кн. 1). Его творчество вызвало в разные периоды целый спектр

оценок ведущих критиков журнала: Ю. Айхенвальда, Ф. Арнольда, Л. Гуревич, В. Малахеевой-Мирович, Е. Колтоновской. См.: *Гапошиков А. А. Зайцев на страницах журнала «Русская мысль» // Проблемы изучения жизни и творчества Б. К. Зайцева: Вторые Международные Зайцевские чтения.* Калуга, 2000. С. 148—154.

⁵ *Новиков Иван Алексеевич (1877—1959) — поэт, прозаик, драматург. См.: Новиков И. Горсть пепла. Пьеса в 4-х действиях // РМ. 1916. Кн. 11. С. 5—56. В этой журнальной книге опубликованы также его стихи: «Как голову седую Лира...», «Ущерб и солнца, и тепла...» (С. 88).*

⁶ См.: *Новиков И. Из повести о коричневом яблоке // РМ. 1916. Кн. 5. С. 107—150.*

6

10 (23) июня 1916 г. Быково

Быково, 10 июня 1916.

Многоуважаемая Александра Павловна!

Вчера я отослал Вам порцию перевода Черемисиновой¹ на август с соответств<ующей> порцией оригинала и драмы Зайцева и Новикова,² отзыв о которых я дал накануне (в открытом письме³ — я советую их принять обе). При такой правке, которую я произвел над переводом Черемис<иновой>, придется еще тщательно сглаживать его в корректуре. Т<ак> к<ак> П<етра> Б<ернгардовича> не будет,⁴ то придется, вероятно, мне взять на себя и эту работу.

Сейчас посылаю все остальное из последнего, присланного Вами пакета, именно поэма Столицы,⁵ рассказ и стихи Глобы,⁶ статьи Ветринского,⁷ стихи и реценз<ия> Эйхенбаума⁸ и стихи Зоргенфрея,⁹ с отзывами.

Оставшиеся рукописи пришлю вскоре.

С. Франк.

¹ См. прим. 9 к письму 4.

² См. прим. 4 и 5 к письму 5.

³ Имеется в виду открытое письмо в редакцию.

⁴ П. Б. Струве.

⁵ *Столица (урожд. Ериова) Любовь Никитична (1884—1939) — поэтесса, драматург. Имеется в виду, скорее всего, роман в стихах «Елена Деева» (М., 1916). Поэма была отклонена. В «Русской мысли» печатались стихи Л. Столицы: 1. Надежда; 2. К Сафо; 3. Безумие // РМ. 1916. Кн. 1. С. 82—84.*

⁶ Известно, что из произведений прозаика и поэта Андрея Глобы было помещено редакцией одно стихотворение: Газзла // РМ. 1916. Кн. 8. С. 57. До этого в журнале печатались цикл стихов А. Глобы «Из поэмы „Уот Тайлер“» (РМ. 1915. Кн. 6. С. 72—82). Б. Эйхенбаум характеризовал его во внутреннем отзыве: «Мне кажется, что этот автор достоин внимания. Из присланного им мне правится больше всего „Ють-Уян-тай“ — думаю, что следовало бы напечатать. Из стихотворений мне больше других нравятся стихи „Из поэмы Уот Тайлер“ — „Песенка про Джека Соломинку“, „Песенка Джени о Джоне“, „Хартия“. В других <стихах> («Газзель») много недостатков, но автор несомненно талантливый человек» (РО ИРЛИ, ф. 264, оп. 1. № 32, л. 56).

⁷ Вероятно, речь идет о *Чешихине (псевд. Ветринский) Василии Евграфовиче (1866—1923)*, историке русской литературы, публицисте и журналисте.

⁸ *Эйхенбаум Борис Михайлович (1886—1959) — литературовед, историк литературы, текстолог. Активно сотрудничал с «Русской мыслью» в 1913—1916 гг., печатая рецензии в Критическом обозрении (приглашен в журнал Л. Я. Гуревич). Был близок*

редакции, рецензируя текущие рукописи литературно-критического отдела. Отзыв Франка об упомянутых в письме текстах сохранился: «Эйхенбаум. Стихи и рецензия на книгу Дарского. Из стихов Эйхенбаума» можно принять к напечатанию отмеченные три стихотворения». — Рецензию принять (я ее несколько сократил). С. Франк. Принять 1 и 5 стихотворения (рукою П. Струве. — А. Г.). Уведомлен 15.VII.1916». Имеется в виду книга Д. С. Дарского «Радость Земли. Исследование лирики Фета» (М., 1916) и рецензия на нее Эйхенбаума (РМ. 1916. Кн. 9. С. 1—2). О Дарском см. прим. 2 к письму 3. В основу книги была положена его статья «О Фете» в «Русской мысли» (см.: РМ. 1915. № 8. С. 14—49), сокращенная редакцией. Эйхенбаум писал об этом исследовании еще и внутриредакционный отзыв, который вызвал несогласие Франка: «Дарский о Фете. Я не смогу разделить категорически отрицательного отзыва Эйхенбаума. Отмеченные им недостатки в статье действительно есть, но отчасти <...> могут быть без ущерба устранены простым сокращением, отчасти возмещаются достоинством статьи. Статья неглубокая и не очень оригинальная, но основные мысли ее верны и, при недостаточной еще оцененности Фета, полезные» (РО ИРЛИ, ф. 264, оп. 1, № 26, л. 410). Стихи Эйхенбаума не были опубликованы в «Русской мысли».

⁹ *Зоргефрей Вильгельм Александрович* (1882—1938) — поэт, переводчик. В «Русской мысли» было напечатано его стихотворение «Горестней сердца прибой и бессильные мысли короче...» (1917. Кн. 7-8. С. 51).

7

4 (17) июня 1917 г.

4 июня 1917.

Александра Павловна, я приеду в среду к 1 часу дня.¹ Попрошите Петра Бернгардовича по возможности среду уделить редакционным делам, так как четверг он днем, я знаю, занят, а в пятницу Нина Александровна² хочет увезти его на дачу.³ — Позвоните, пожалуйста, Губеру⁴ (тел. 71-81) и попросите его доставить статью к среде — четвергу (если, по Вашим расчетам, нам нужна статья для № 8,⁵ я думаю, полезно иметь ее, для возможности более свободного составления книжки).

Если увидите М. А. Тимашеву,⁶ попросите ее позвонить мне в среду в редакцию.

До свидания. Всего лучшего.
С. Франк.

¹ Местонахождение автора письма неизвестно.

² *Струве (урожд. Герд) Нина Александровна* (1868—1943) — жена П. Б. Струве, «самоотверженная спутница» (Н. А. Струве) всей его жизни.

³ См. прим. 13 к письму 8.

⁴ *Губер Петр Константинович* (1886—1940) — публицист, прозаик; в журнале «Русская мысль» постоянный рецензент книг по философии, истории, религии; автор рассказов «Кормщик» (РМ. 1914. Кн. 5. С. 83—107), «Саллюстий Кесаревич Голубкини» (РМ. 1915. Кн. 4. С. 81—96).

⁵ Речь идет о № 8 «Русской свободы», который начал печатанием 13 июня 1917 г. Статьи П. Губера в нем нет. «Русская свобода» (Петроград, 1917) — политический еженедельник, издаваемый редакцией журнала «Русская мысль» при участии Н. Н. Львова, В. А. Маклакова, В. В. Шульгина, Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, И. М. Гревса, А. С. Изгоева, С. А. Котляревского, В. Н. Муравьева, П. И. Новгородцева, С. Ф. Ольденбурга, М. И. Ростовцева, кн. Е. Н. Трубецкого, кн. Гр. Н. Трубецкого, П. Б. Струве, С. Л. Франка. Официально издателями «Русской свободы» были Н. Н. Львов,

В. А. Маклаков, П. Б. Струве; редактором — П. Б. Струве. С 1 мая 1917 г. адрес редакции и конторы «Русской мысли» и «Русской свободы» переместился на Таврическую ул., д. 29. «„Русская свобода“ была еженедельным альманахом политических статей его (П. Б. Струве. — А. Г.) единомышленников; она была целиком посвящена обличению разлагающихся тенденций революции» (Франк С. Непрочитанное...: Статьи, письма, воспоминания. М., 2001. С. 484). Из-за политической занятости П. Струве всей редакционной технической работой ведал Франк.

⁶ *Тимашева М. А.* — тетка жены Франка Татьяны Сергеевны.

8

24 июля (7 июля) 1917 г.

24.VI.17.¹

Многоуважаемая Александра Павловна!

При сем — установленный П<етром> Б<ернгардовичем> текст циркулярного обращения.² П<етр> Б<ернгардович> считает нужным отпечатать его и разослать в открытых конвертах подписчикам. — Кроме того, мы пришли к решению давать раз в 2 недели только 2 листа, а не 3 (об этом нужно сказать в типографии³), и цену № назначить в 50 коп.⁴ Состав ближайшего № 10-11,⁵ думаю, должен быть такой: Бердяев «Контрреволюция»,⁶ Изгоев,⁷ Левин,⁸ Муравьев⁹ и затем статья, которая подойдет по размерам, из остающихся (лучше всего Губер,¹⁰ если он будет). В моей статье, т<аким> обр<азом>, надобности нет.¹¹ Бердяеву будьте добры написать, чтобы он отдохнул месяц и затем давал лишь 2 статьи в месяц.¹²

Я уезжаю сегодня,¹³ и на месяц мои обязанности в отнош<ении> текущих дел будет исполнять Ал<ександр> Сол<омонович>.¹⁴ Рукопись «Русск<ой> мысли» по мере надобности, пожалуйста, посылайте мне или с Нин<ой> Ал<ександровной>,¹⁵ или с Мих<аилом> Ми<хайловичем> Исаевым,¹⁶ Фонтанка 24, т. 538-42, который едет в имение еженедельно по субботам утром. Ватсон¹⁷ и Ломакина¹⁸ взял с собою.

В тексте циркуляра сознательно не упомянуто о лицах, подписавшихся *после* объявления с обещанием бесплатной рассылки «Р<усской> св<ободы>». П<етр> Б<ернгардович> находит, что им надо молчаливо продолжить бесплатную высылку «Р<усской> своб<оды>», но принимать деньги, буде они пожелают их прислать.¹⁹

С. Франк.

¹ Местонахождение отправителя неизвестно. Скорее всего, это Сосновка, где располагался Петроградский политехнический институт, в казенной квартире которого жил П. Б. Струве с 1916 г.

² Циркулярное обращение редактора «Русской свободы» П. Б. Струве о невозможности далее обеспечить бесплатную ее рассылку новым подписчикам «Русской мысли» было вызвано возросшими расходами на издание еженедельника, повышением цены номера и изменением его структуры. В уведомлении «К читателям», открывающем седьмой № 10-11 «Русской свободы», редакция сослалась на собрание представителей петроградских журналов, решившего «признать единственно возможным вы-

ходом из создавшегося положения временное сокращение обычного объема издания и соединение двух или более последовательных номеров в один» (С. 2).

³ «Русская свобода» печаталась в типографии «Правды» на Разъезжей улице, д. 16—18.

⁴ Цена № 9 была 40 копеек.

⁵ № 10-11 «Русской свободы» был начат печатанием 28 июня 1917 г. в таком составе: Н. Бердяев «Контрреволюция», А. С. Изгоев «Подпольная работа», И. О. Левин «Австрийские условия мира», П. Парфяняк «К украинскому вопросу», В. Шульгин «Этап», В. Калантров «Политические параллели».

⁶ Бердяев Николай Александрович (1874—1948) — философ, публицист, литературный критик, ближайший сотрудник «Русской мысли» с 1907 г.

⁷ Изгоев (Ланде) Александр Соломонович (1872—1935) — публицист, член редакции (1907—1918), заведующий политическим отделом «Русской мысли», постоянный автор рубрики «На перевале». Состоял в ЦК партии кадетов.

⁸ Левин Исаак Осипович (1876—?) — публицист, экономист.

⁹ Муравьев Валериан Николаевич (1885—1931) — философ, публицист, дипломат, ближайший сотрудник «Русской мысли» (апрель 1917—1918). Статья В. Н. Муравьева «Необходимая встреча» вышла в № 12-13 «Русской свободы».

¹⁰ См. прим. 4 к письму 7.

¹¹ В «Русской свободе» Франком опубликованы четыре статьи: «Демократия на распутье» (№ 1. С. 14—17), «Нравственный водораздел в русской революции» (№ 2. С. 34—39), «О благодетельстве и низости в политике» (№ 3. С. 26—31), «Мертвые молчат» (№ 7. С. 13—18).

¹² Н. Бердяев писал в каждый номер «Русской свободы» без исключения.

¹³ Семья Франка и Струве летом 1917 г. жили вместе в имении Пейпола недалеко от станции Усикирко в Финляндии, в двух часах езды от Петрограда. «П<етр> Б<ернгардович> только по временам на короткий срок наезжал туда, проводя остальное время в Петербурге. Я постоянно ездил в Петербург по делам редактирования „Русской мысли“ и „Русской свободы“» (Франк С. Непрочитанное... М., 2001. С. 486).

¹⁴ А. С. Изгоев. См. прим. 7.

¹⁵ См. прим. 2 к письму 7.

¹⁶ Лицо не установлено.

¹⁷ Ватсон Мария Валентиновна (1848—1932) — переводчица, поэтесса. Имеется в виду рукопись перевода. См.: *Бласко Ибаньес Винсенто*. Четыре всадника Апокалипсиса / Пер. с исп. М. Ватсон // РМ. 1917. Кн. 7-8. С. 115—172; Кн. 9-10. С. 112—170. Публикация не была закончена.

¹⁸ Ломакин Игнатий — прозаик, опубликовавший в «Русской мысли» две повести: «Тени» (1916. Кн. 9. С. 80—132), «Моя приятельница» (1918. Кн. 1-2. С. 1—40). О какой рукописи идет речь, неизвестно.

¹⁹ Через некоторое время пришлось пересмотреть и это решение: «Ввиду непомерной тяжести типографских расходов, редакция „Русской мысли“ вынуждена впредь прекратить бесплатную высылку „Русской свободы“ своим подписчикам. Подписчики „Русской мысли“, желающие получить до конца года „Русскую свободу“, благоволят прислать в контору „Русской свободы“ четыре рубля» (Русская свобода. 1917. 8 авг., № 18-19).

9

25 июня (8 июля) 1917 г. Усикирко

Усикирко, им<ение> Пейпола.¹
25 июня 1917.

Многоуважаемая Александра Павловна!

Нина Алекс<андровна>² должна была передать Вам мое письмо.³ — Будьте добры надписать адрес (я его забыл) на прилагаемом

письме Гревсу⁴ и отправить его. — Рукописи и все нужное для меня посылайте мне, пожалуйста, с Ниной Алекс<андровной>: будьте добры напоминать ей также о почте на мое имя, которая приходит в контору.⁵ Можно также все это посылать с Мих<аилом> Мих<айловичем> Исаевым, который аккурат по субботам утром едет сюда. Ему можно посылать все нужное в пятницу на квартиру (Фонтанка 24, кв. 16) в пакете с надписью о просьбе отвезти мне.

Перед Вашим отъездом, заповедуйте, пожалуйста, то же Вашей заместительнице Мар<ии> Моис<еевне>.⁶

Всего лучшего.
Ваш С. Франк.

¹ См. прим. 13 к письму 8.

² Н. А. Струве. См. прим. 2 к письму 7.

³ См. предыдущее письмо 8.

⁴ Гревс Иван Михайлович (1860—1941) — историк, профессор Петербургского университета, ближайший сотрудник «Русской мысли» (1907—1918), в 1917 г. — председатель министерской комиссии по устройству новых факультетов в университетах.

⁵ Контора журнала «Русская мысль». См. прим. 5 к письму 7.

⁶ Сотрудница редакции.

10

2 (15) января 1918 г. Саратов

Саратов,¹ 2 янв<аря> 1918.

Многоуважаемая Александра Павловна!

Посылаю Вам с оказией — братом Тат<ьяны> Серг<еевны>² — прочитанные рукописи, полученные через Лучинкина³ (за исключением стихов). Вот отзывы от них: М. Волганов⁴ «О тип радуется» и «Димин», «Мама веселится» — совершенно ничтожные, абсолютно негодные вещи. Рассказ В. Тим «В стороне» — сортом чуть повыше, с некоторыми литературными данными, но крайне груб и по содержанию, и по форме, и не интересен. Наконец, драма Добровольского «Лилия» — довольно ловко состряпанная фантастически-сказочная драма, но тоже без настоящего дарования и не интересная. Общий итог: все 4 вещи следует отклонить.

Остается статья Мечниковой «Мотивы преступления и наказания в русск<ой> и западн<ой> литературе» — работа, написанная старательно, с кое-какими идеями, но очень наивно, неумело и с литературн<ой> стороны серо. Если у нас пусто в портфеле, то можно было бы на крайний случай принять под условием сокращения, но целесообразнее и ее отклонить.

Очень прошу Вас прилагаемое письмо и книгу отослать с мальчиком в Академию Наук С. Ф. Ольденбургу⁵ (но не почтой, которой, кажется, теперь нельзя доверять).

Мы живем пока с внешней стороны сносно; хлеб на исходе и начались повальные обыски квартир для розыска муки. Самое скверное у нас — длительная (начиная с начала декабря) почтово-

телеграфн<ая> забастовка, конец которой не предвидится. До нас еще иногда доходят, как-то просачиваясь, письма (несколько чиновников оказались штрейбрехерами), но отсюда нельзя послать ни письма, ни телеграммы. Заказные письма, правда, принимают те же штрейбрехеры, но куда их не отправляя, а сваливая тут же в почтамте.⁶ Вне okazji мы совершенно отрезаны от мира, а okazji становятся все реже, т<ак> к<ак> ездить по жел<езной> дор<оге> — значит теперь часто рисковать жизнью.⁷

Внутренне так тяжело, что можно жить, только забываясь и погружаясь в какие-нибудь мелкие текущие дела.

Будьте здоровы. Привет всем членам нашей редакционной семьи. Благодарю Вас за Ваше письмо.

Т<атьяна> С<ергеевна> шлет привет.

Ваш С. Франк.

Р. S. Пришлите мне как-нибудь с оказией последние номера «Р<усской> св<ободы>» начиная с 18-19.⁸ У меня комплект кончается 16-17 №.

¹ В сентябре 1917 г. Франк по предложению министра народного просвещения С. Ф. Ольденбурга, товарища министра по делам высшей школы В. И. Вернадского стал ординарным профессором Саратовского университета, первым деканом историко-филологического факультета, заведующим кафедрой философии. «Перспектив на возможность мирного научного труда в Петербурге при тогдашней разрухе оставалось мало; продовольственные трудности ставили вопрос о возможности прокормления детей в Петербурге. П<етр> Б<ернгардович> усердно советовал мне принять предложение, несмотря на мои колебания покинуть столицу; он говорил, что в Петербурге делать нечего, и, кроме того, находил, что предложенная мне должность может мне послужить „хорошим трамплином“. Я принял предложение <...> Я не думал тогда, что расстанусь с ним на целых пять лет и что нам суждено свидеться только в эмиграции» (Франк С. Непрочитанное... М., 2001. С. 488). Первое время Франк с женой и тремя детьми (Виктором, Натальей и Алексеем) жил в Саратове в доме тещы на ул. Никольской (ныне Радищева) против здания государственного банка. Еще в 1908 г. Франк женился на Татьяне Сергеевне Барцевой, дочери управляющего Саратовским отделением волжского пароходного общества «Восточное».

К концу 1918—началу 1919 г. обстановка в городе резко обострилась: «Прошлой зимой и еще летом (1918 г. — А. Г.) мы многое посылали в Петрогр<ад> знакомым, теперь же сами внезапно оказались в положении голодающих среди богатого края — по причине строжайшей социализации» (Франк С. Л. Из писем М. О. Гершензону (5 октября 1918 г.) // De visu. 1994. № 3/4. С. 29. Публ. М. А. Колерова). Саратов был прифронтовым городом и центром голодающего района. Осенью 1919 г. Франк вывез семью на жительство в село Зельман (Ровное). Ему была поручена организация у немцев Поволжья педагогического института. В 1920 г. родился четвертый ребенок супругов — Василий. Саратовский период биографии Франка длился по сентябрь 1921 г. В непродолжительное, но интеллектуально насыщенное время жизни в Москве философ был деканом Вольной Академии духовной культуры и профессором Московского университета. Арест и насильственная высылка его из Советской России в Германию состоялись в августе 1922 г.

² Франк (урожд. Барцева) Татьяна Сергеевна (1886—1984) — жена С. Л. Франка. Родилась в Москве, женскую гимназию закончила в Саратове; поступив на медицинский факультет Парижского университета, затем бросила занятия медициной и вернулась в Россию. Продолжила образование в Петербурге на Высших женских вечерних историко-филологических курсах при гимназии М. Н. Стоюпиной, где и познакомилась в 1907 г. с преподававшим там С. Л. Франком. Они пережили вместе войну и революцию в России, высылку в Германию и восхождение к власти Гитлера, скрывались от гестапо в Гренобльских горах во Франции, а последние пять лет жизни

С. Л. Франка провели в доме дочери в Лондоне. Татьяна Сергеевна занималась архивом мужа, публикацией его трудов, была составителем «Сборника памяти С. Л. Франка» (Мюнхен, 1954). В письме имеется в виду ее брат Николай Сергеевич Барцев, экономист.

³ Один из саратовских знакомых Франков—Барцевых.

⁴ Сведения об этом и упоминаемых ниже в письме авторах не найдены.

⁵ *Ольденбург Сергей Федорович* (1863—1934) — востоковед, основатель русской индологии, академик, член Государственного Совета, министр народного просвещения Временного правительства в июле—сентябре 1917 г.

⁶ Имеется в виду новое здание почтамта в Саратове, построенное в 1916 г. на углу Ильинской (Чапаева) и Московской улиц.

⁷ Ср.: «Недавно в поездке в Москву и Саратов мне пришлось все видеть воочию, и больше я не хотел бы видеть.

Я видел, как серые толпы с гиканьем и гнусной руганью бьют стекла в поездах, видел, как бьют людей. Видел разрушенные и обгоревшие дома в Москве... тупые и зверские лица...» (М. А. Булгаков — Н. А. Булгаковой-Земской. 31 декабря 1917 г. // Булгаков М. А. Собр. соч.: В 5 т. М., 1992. Т. 5. С. 390).

⁸ См. прим. 5 к письму 7 и прим. 19 к письму 8. № 16-17 «Русской свободы» начат печатанием 8 августа 1917 г., № 18-19 — 30 августа, № 20-21 — 18 сентября. Последний номер «Русской свободы» (№ 20-21) поступил в библиотеку Саратовского университета 20 октября 1917 г.

Л. Н. ЛУНЦ
I. ПОСМЕРТНАЯ ЛИТЕРАТУРА О БЛОКЕ.
II. НОВЫЕ ПОЭТЫ

Публикация Т. А. Кукушкиной

Творческая деятельность Льва Натановича Лунца (1901—1924),¹ талантливого драматурга, прозаика, критика начала 1920-х гг., была недолгой, но необычайно разнообразной. За отведенные судьбой четыре творческих года он написал несколько десятков произведений, выступил в печати с собственной концепцией создания новой литературы, вместе с друзьями организовал литературную группу «Серрапионовы братья» и стал ее идейным вдохновителем. Современники неизменно отмечали необычайную одаренность, образованность, ум, природную независимость и смелость мысли, веселость и ясность его характера.² Доброжелательная критика прочила ему большое будущее, Горький считал его «серьезным и большим писателем»,³ обладающим «беспорным талантом драматурга»,⁴ официальная же пресса называла «злобным обывателем»,⁵ а его творчество — «внеоктябрьским».⁶

¹ В статье «Почему мы „Серрапионовы братья“» сам Лунц годом своего рождения называл 1902 г. В машинописной копии метрического свидетельства, выданной равнином г. Кронштадта 8 января 1910 г., также указан 1902 год рождения (цифрами и прописью). См. студенческое дело Лунца: Центральный государственный архив Санкт-Петербурга, ф. 7240, оп. 5, № 2562, л. 4; далее — ЦГА СПб. По свидетельству исследователя В. Шрика, в метрике, полученной родителями Лунца в 1902 г. и хранящейся в его архиве в Йельском университете, указан 1901 г. (*Шрик В.* Его душа будет завязана в узле жизни // Лунц Л. Завещание царя: Неопубликованный киносценарий. Рассказы. Статьи. Рецензии. Некрологи / Сост. и предисл. В. Шрика. Мюнхен, 1983. С. 31). Подробнее о Лунце см. в литературе, указанной в прим. 20, 21.

² См.: *Замытин Е.* Серрапионовы братья. [Рец.] // Литературные записки. 1922. № 1. С. 7; *Горький М.* Памяти Л. Лунца // Беседа. Берлин, 1924. № 5. С. 62; *Тынянов Ю.* Льву Лунцу // Ленинград. 1925. № 22, 20 июня. С. 13; *Горький М.* Призвание писателя и русская литература нашего времени / Подгот. текста и прим. Е. Г. Коляды // Горький и его эпоха: Исследования и материалы. М., 1989. Вып. 2. С. 13; *Шварц Е.* Живу беспокойно... Из дневников. Л., 1990. С. 287, 309.

³ Из письма Горького В. А. Каверину от 25 ноября 1923 г.: Горький и советские писатели. М., 1963. С. 177 (Литературное наследство; Т. 70).

⁴ *Горький М.* Памяти Л. Лунца. С. 61.

⁵ См. в письме наркома просвещения А. В. Луначарского руководителю Малого театра А. И. Южину от 16 июля 1923 г.: А. В. Луначарский. Непзданные материалы. М., 1970. С. 377 (Литературное наследство; Т. 82).

⁶ См. в статье Л. Троицкого «Внеоктябрьская литература: Литературные попутчики революции. Серрапионовы братья. Всеволод Иванов» (Правда. 1922. 5 окт., № 224. С. 2—3).

Луниц словно спешил жить, спешил работать. В 1919 г., окончив первый курс историко-филологического факультета Петроградского университета, он сдал экстерном экзамены за три курса и перешел на последний, четвертый. Осенью того же года поступил на факультет новых языков Педагогического института при университете.⁷ Он рано включился в литературно-общественную жизнь Петрограда. С декабря 1918 г. (с семнадцати лет) по декабрь 1919 г. он — секретарь Научно-теоретической секции Центрального отдела Наркомпроса, с 1919 г. — член Дома Искусств, Дома Литераторов, участник литературной студии Дома Искусств, с июня 1920 г. — член-соревнователь Вольной философской ассоциации, с июня 1921 г. — член Всероссийского союза писателей, в 1922 г. — сотрудник издательства «Всемирная литература»,⁸ корреспондент газеты «Известия ВЦИК».⁹ Восемнадцатилетним юношей он опубликовал первые театроведческие статьи,¹⁰ затрагивающие и теоретические проблемы понимания искусства, написал пьесу «Вне закона»,¹¹ в которой, вслед за своим учителем Е. И. Замятиным, пытался осмыслить механизм перерождения власти и революции; в двадцать, будучи студентом, был принят на работу в Российский институт истории искусств (РИИИ, позже — ГИИИ) научным сотрудником второй категории по разряду (факультету) истории словесных искусств;¹² в двадцать один, по окончании университета, оставлен для научной работы на кафедре романо-германской филологии университета.¹³ Его пьесы «Вне закона» и «Бертрам де Борн», включенные в репертуар ведущих театров Петрограда, были объявлены идеологически контрреволюционными и сняты с репертуара, когда автору едва исполнилось двадцать два года.¹⁴ «Он не вошел,

⁷ См. свидетельство о сдаче экзаменов и переводе на четвертый курс от 25 августа 1919 г. и заявление Лунца о зачислении на факультет новых языков от 30 октября 1919 г. в его личном деле: ЦГА СПб., ф. 7240, оп. 5, № 2562, л. 12, 2.

⁸ Осенью 1922 г. Луниц переводил с немецкого сборник К. Штернгейма «Четыре повеленья», составлял хронiku литературной жизни для журнала «Современный Запад». См. об этом запись о выполненных для издательства работах: Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга, ф. 46, № 53, л. 380 об., 474—475, 493; далее — ЦГАЛИ СПб. Сборник новелл Штернгейма вышел в 1923 г. в переводе В. А. Зоргенфрея под редакцией Е. И. Замятина.

⁹ См. об этом запись в дневнике К. И. Чуковского от 19 июля 1922 г.: *Чуковский К. И. Дневник. 1901—1929. М., 1997. С. 213.*

¹⁰ Об инсценировке сатирических романов // Жизнь искусства. 1919. 4—5 нояб., № 284—285. С. 1; Детский смех // Там же. 29—30 нояб., № 305—306. С. 2; Творчество режиссера // Там же. 1920. 8—9 янв., № 337—338. С. 1; Театр Ремизова // Там же. 15 янв., № 343. С. 2; Мариводаж // Там же. 16 янв., № 344. С. 1; 19 янв., № 345—347. С. 2; 21 янв., № 348. С. 1.

¹¹ Луниц начал писать пьесу в 1919 г., закончил в 1920 г. Опубл.: Беседа. Берлин, 1923. № 1. С. 43—125.

¹² Луниц числился в списках научных сотрудников РИИИ уже в конце 1921 г. (см. «Список научных сотрудников по разряду История словесных искусств»: ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 1, № 93, л. 56), но, согласно приказу, он был утвержден в штате «как выдержавший конкурс на звание научного сотрудника 2-го разряда» с 1 января 1922 г. (см. «Журнал заседания Президиума РИИИ» от 23 января 1922 г.: Там же, № 114, л. 2).

¹³ Луниц окончил университет в начале 1922 г., выпускное свидетельство об окончании этнолого-лингвистического отделения факультета общественных наук получил весной 1923 г. Копия свидетельства хранится в его студенческом деле (ЦГА СПб., ф. 7240, оп. 5, № 2562, л. 8).

¹⁴ Пьеса «Бертрам де Борн» напечатана в сборнике «Город» (1923. № 1. С. 9—48). О сценической судьбе обеих пьес см. в исследовании Б. Я. Фрезинского «Заколдованные сочинения Льва Лунца: Грустная история в документах и письмах» (Звезда. 1997. № 12. С. 153—156). Контрреволюционной назвал пьесу «Вне закона» А. В. Луначарский в

а стремительно влетел в литературу, легко перешагнув порог распахнувшейся двери. Он испытывал беспрестанное чувство счастья от самого факта существования литературы», — вспоминал о своем друге В. А. Каверин.¹⁵

Напряженная творческая работа, полуголодное существование в сырой комнате Дома Искусств, куда Лунц переселился в 1921 г. после отъезда родителей за границу, травматическое повреждение позвоночника стали причиной серьезного заболевания. В июне 1923 г., получив разрешение на научную командировку в Испанию, он покинул Россию, но сумел добраться лишь до своих родных в Гамбурге. Последние месяцы жизни провел в санатории под Франкфуртом и в больнице Гамбурга. Скончался 9 мая 1924 г. Елизавета Григорьевна Полонская, единственная «серапионова сестра», упоминаемая в одной из автобиографий о своей принадлежности к этой группе, с горечью писала: «Лучшим из них был Лунц. Он умер недавно. Этому еще невозможно поверить. Когдаходишь в подвальное помещение бывшего „Дома Искусств“, в темный и сырой, устланный каменными плитками коридор, где была его комната, кажется, что из-за закрытой двери услышишь его голос и смех. Он был еврейский мальчик, сентиментальный, иронический и бесконечно талантливый. В 20 лет он окончил Университет, знал 7 или восемь языков, написал три трагедии, роман, несколько рассказов, статей, сделал литературное исследование. Он чувствовал тяжесть и вкус слова. Вместе с ним мы собирались переводить Бальзака „Contes drolatiques“.¹⁶ „Увы! — говорил он мне, — что мы будем делать, Елизавета Григорьевна?! В русском языке нет легких неприличных слов. Все грубые!“ Над своей сентиментальностью он постоянно подшучивал, преувеличивал ее, раздувал ее, забавляясь ею и забавляя нас. В годы блокады, когда мы все собирались в узкой, как гроб, комнате Слонимского, он один умел поддерживать в нас веселье. Как бы мы прожили те годы без Левушки Лунца? Пусть будет о нем последнее слово в этой моей автобиографии».¹⁷

Произведения Лунца, напечатанные в двадцатые годы в малотиражных советских изданиях и берлинском журнале «Беседа», впоследствии не переиздавались. Имя его, популярное в литературных кругах 1920-х гг., долгое время оставалось однозным и

письме А. И. Южину от 16 июля 1923 г. (см.: А. В. Луначарский. Неизданные материалы. С. 375) и председатель Главреперткома И. П. Трайнин в письме Гублитгам СССР от 10 марта 1924 г. (см.: Фрезинский Б. Заколдованные сочинения Льва Лунца. С. 155).

¹⁵ Каверин В. А. В старом доме: Воспоминания // Звезда. 1971. № 9. С. 195—196.

¹⁶ Речь идет о сборнике «Озорные рассказы». См.: *Balzac O., de. Contes drolatiques. Paris, 1832, 1833, 1837.* Перевод на русский язык двух рассказов из тридцати («Прекрасная Империя», «Прекрасная Империя в замужестве») впервые выполнен Ф. Сологубом. См.: *Бальзак О., де. Озорные сказки / Пер. и предисл. Ф. Сологуба. Пб.: Полярная звезда, 1922.*

¹⁷ Из автобиографического письма Е. Г. Полонской П. Н. Медведеву от 9 июня 1924 г. См.: «Серапионовы братья» в собраниях Пушкинского Дома: Материалы. Исследования. Публикации / Авт.-сост. Т. А. Кукушкина, Е. Р. Обатинова. СПб., 1998. С. 76). *Е. Г. Полонская (1890—1969)* — поэтесса, очеркист, переводчик, врач. По окончании в 1914 г. Высшей медицинской школы в Сорбонне добровольно ушла на фронт, работала врачом во Франции, затем в России, на Юго-Западном фронте. В 1917 г. вернулась в Петроград. Первые стихи опубликованы под псевдонимом Елизавета Бертрам в парижском журнале «Вечера: Ежемесячник стихов» (1914. № 2. Июнь. С. 8—11), издававшемся под редакцией В. Немирова и И. Эренбурга. В 1930-е гг. писала очерки на производственные темы, занималась переводами, работала врачом. Ее воспоминания о Лунце опубликованы Б. Я. Фрезинским в журнале «Вопросы литературы» (1995. № 4. С. 311—320). Цитируемый фрагмент автобиографического письма Полонской с разночтениями был вписан ею в рабочую тетрадь 1924 г. и опубликован Б. Я. Фрезинским (Там же. С. 311).

упоминалось в отечественных справочниках и обзорах литературы как символ «враждебности к пролетарской идеологии»,¹⁸ «гнилого аполитизма, мещанства и пошлости». ¹⁹ Первые исследования, публикации произведений и писем появились в зарубежном литературоведении через сорок с лишним лет после смерти писателя,²⁰ работы отечественных историков литературы, освещающие его короткую биографию и литературное творчество, воспоминания современников — в 1980-е—1990-е гг.²¹ Единственный небольшой сборник произведений, перепечатанный с Иерусалимского издания 1981 г., вышел в 1994 г. сыном «серапионова брата» М. Л. Слонимского С. М. Слонимским.²²

В Пушкинском Доме хранятся несколько неопубликованных работ Лунца: реферат «Дети и детский вопрос у Достоевского» и контрреферат к докладу А. Л. Векслер «О композиции у Достоевского»,²³ прочитанные в конце 1918 г. в университетском семинарии С. А. Венгерова «Мир Достоевского»; реферат «Путешествие Гулливера (Формальный анализ)»,²⁴ подготовленный в 1919 г. в период занятий в литературной студии издательства «Всемирная литература»; публикуемые ныне обзорные статьи

¹⁸ *Майзель М.* Лунц Лев Натанович // Литературная энциклопедия. М., 1932. Т. 6. С. 636.

¹⁹ Доклад т. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград». Сокращенная и обработанная стенограмма докладов т. Жданова на собрании партийного актива и на собрании писателей в Ленинграде. М., 1946. С. 10. См. также: История русской советской литературы: В 3 т. / Под ред. А. Г. Дементьева. М., 1958. Т. 1. С. 44—45; История русской советской литературы. 1917—1940 / Под ред. А. Метченко. М., 1975. С. 55—57.

²⁰ *Лунц Л.* Восстание вещей / Публ. Г. Керна // Новый журнал. Нью-Йорк, 1965. № 79. С. 44—79; Последняя статья Льва Лунца / Публ. Г. Керна // Там же. № 81. С. 99—103; Лев Лунц и «Серапионовы братья» / Публ. и коммент. Г. Керна // Там же. 1966. № 82. С. 136—192; № 83. С. 132—184; *Лунц Л.* Путешествие на больничной койке / Публ. Г. Керна // Там же. 1968. № 90. С. 39—57; *Шрик В.* Его душа будет завязана в узле жизни. С. 9—40.

²¹ *Горбунов А. П.* Серапионовы братья и К. Федин. Иркутск, 1976. С. 24—40, 88—95; *Евстигнеева А. Л.* «Серапионовы братья» и их младший брат Скоморох (Об архиве Л. Н. Лунца) // Встречи с прошлым. М., 1982. Вып. 4. С. 204—223; *Лунц Л. Н.* Рассказ о скопце / Публ., вступ. ст. и коммент. Д. А. Благова // Из творческого наследия советских писателей. Л., 1991. С. 285—295; Из далеких двадцатых... (Лев Лунц — «Серапионовым братьям»). 1923—1924 / Публ. Н. Фединой; Вступ., послесл. и коммент. А. Старкова // Вопросы литературы. 1993. № 4. С. 236—261; Письмо А. М. Горького Л. Н. Лунцу и письма Лунца Горькому / Предисл. М. О. Чудаковой; Подгот. текста и прим. Е. Г. Коляды // Незвестный Горький. М., 1994. С. 133—161; Переписка Л. Н. Лунца с М. Горьким / Предисл., публ. и прим. А. Л. Евстигнеевой // Лица: Биографический альманах. М.; СПб., 1994. [Вып.] 5. С. 329—373; Международная конференция «Литературная группа „Серапионовы братья“. Истоки, поиски, традиции, международный контекст»: Тезисы докладов. СПб., 1995; *Фрезинский Б.* Заколдованные сочинения Льва Лунца. С. 149—171; *Кукушкина Т. А.* Л. Н. Лунц // Русские писатели. XX век: Библиографический словарь. М., 1998. С. 779—782; «Серапионовы братья» в собраниях Пушкинского Дома. СПб., 1998. По именному указателю; *Фрезинский Б. Я.* Судьбы Серапионов (Портреты и сюжеты). СПб., 2003.

²² *Лунц Л.* Вне закона: Пьесы. Рассказы. Статьи / Вступ. ст. С. М. Слонимского; Подгот. текста и прим. М. Вайнштейна. СПб.: Композитор, 1994.

²³ РО ИРЛИ, ф. 377, оп. 3, № 795. *Векслер Александра Лазаревна* (1901—после 1963) — в то время — студентка, в начале 1920-х гг. — член-соревнователь Вольфины, заведующая ее канцелярией. Эмигрировала в 1924 г.

²⁴ РО ИРЛИ, ф. 840 (Собрание М. С. Лесмана).

«Посмертная литература о Блоке» и «Новые поэты»). Они написаны для двух первых номеров неосуществленного литературного журнала «Ирида», подготовленных в 1922 г. под редакцией историка литературы и библиографа Александра Григорьевича Фомина (1887—1939) в издательстве «Наука и школа». Издательство, возглавляемое историком литературы, академиком, директором Пушкинского Дома Н. А. Котляревским и философом Л. П. Карсавиным (впоследствии — историком философии, исследователем античности С. А. Жебелевым, а с 1925 г. — сотрудником Пушкинского Дома И. А. Кубасовым), объединяло крупные научные силы Петрограда и выпускало книги по философии, истории литературы, научно-техническую литературу. Журнал был задуман как продолжение одноименной газеты издательства, один номер которой со статьями С. А. Венгерова, С. А. Жебелева, Н. А. Котляревского, Б. Л. Модзалевского, С. Ф. Ольденбурга вышел в июне 1918 г. Коллектив авторов ставил задачу ознакомления читателей с современными исследованиями по истории и теории литературы, искусства, науки и новинками книжной продукции. «Газета „Ирида“ составлена очень интересно, а с внешней стороны красиво, начиная с рисунка заглавия, напоминающего Пушкинскую Литературную газету», — отмечал рецензент «Вечерних новостей».²⁵ Содержание и академический характер статей, нарочитая традиционность оформления, выпадавшие из общей тональности злободневных публикаций послереволюционного времени, вызвали и ироничные, раздраженные отзывы: «Не газета, а Пантеон какой-то. Недаром у „Ириды“ такой величаво-спокойный, исполненный благолепия и торжественности тон. <...> Кажется, что в России нашей решительно ничего не произошло и даже наоборот».²⁶ Типографский кризис, повышение стоимости бумаги не позволили продолжить издание. Новый журнал создавался теми же авторами, имел ту же программу и был ориентирован на публикацию научных изысканий. «К участию в сборниках приглашены все лица, прикосновенные к Пушкинскому Дому при Академии Наук, и ряд других литераторов и ученых», — сообщалось в апрельском номере журнала «Новая русская книга».²⁷ Судя по содержанию статей, датировке некоторых из них, перечню событий, описываемых в разделах хроники, материалы первого номера собирались с апреля по июнь 1922 г., материалы второго — в июне—августе. Апрелем 1922 г. помечено и письмо А. Г. Фомина Э. Л. Радлову с приглашением к участию в журнале.²⁸ Очевидно, в конце лета первый номер был отредактирован, написано предисловие А. Г. Фомина, но из печати он так и не вышел. Причиной могли послужить как финансовые обстоятельства,²⁹ так и изменение политической ситуации в стране, усиление цензуры,³⁰ августовские аресты среди интелли-

²⁵ Новое предприятие (Еженедельник «Ирида») // Вечерние новости. 1918. 5 июня (23 мая), № 10. С. 4.

²⁶ Ховин В. Безответные вопросы // Книжный угол. 1918. № 2. С. 23—24.

²⁷ Новая русская книга. Берлин, 1922. № 4. С. 29.

²⁸ См.: Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ), ф. 1120, № 28. Радлов Эрнест Львович (1854—1928) — историк философии и литературы, переводчик. В этот период — директор Публичной библиотеки. Среди сохранившихся материалов журнала работы Радлова нет.

²⁹ На финансовые затруднения указывалось в предисловии А. Г. Фомина к первому номеру журнала: «Несмотря на чрезвычайно трудные финансовые условия, в которых находится в настоящее время наше книгоиздательство, выходит довольно много книг» (РО ИРЛИ, ф. 568, № 125, л. 4).

³⁰ В июле «ввиду вредного направления» закрыты петроградские журналы «Экономист», «Утренники», в августе — издаваемые Домом Литераторов «Литературные записки». См. письма Политотдела Главного управления Госиздата в Политотдел Петро-

генции и последовавшая высылка многих литераторов и ученых.³¹ Второй номер журнала остался неотредактированным.

Ко времени подготовки журнала (середина 1922 г.) Лунец — известный в литературных кругах беллетрист, научный сотрудник Российского института истории искусств и кафедры романо-германской филологии университета. О научных интересах Лунца известно не много. Сохранились сведения о прочитанном им в РИИИ в декабре 1921 г. на заседании ОПОЯЗ докладе «Время у Достоевского»,³² текст которого считается утраченным. По-видимому, его работа в РИИИ была связана и с исследованием западной литературы. Косвенным свидетельством является письмо А. Л. Слонимского³³ Лунцу в Германию. Информирова Лунца о его исключении из штата научных сотрудников Института, Слонимский писал: «... виной этой жестокости не кто иной, как злодейский Виктор Максимович. Тщетно я отстаивал Ваши права на это высокое звание, доказывая, что Вы на моих глазах в Сандомуче теряли на всех столах Бальзака, с остервенением сокращали Жакерию и даже писали к ней ученое предисловие (масса эрудиции: „Проспер Мериме родился в...“).»³⁴ Несомненно лишь, что свое будущее он связывал не только с литературной, но и с научной работой. «Целыми днями за книгой. Начал готовиться к магистерским экзаменам», — писал он родителям 30 января 1923 г.³⁵ Сотрудничеством с ведущими историками литературы он, безусловно, дорожил. Л. Б. Харитон, рассказывая в письмах Лунцу о наиболее важных и интересных для него событиях петроградской жизни, упоминала и о подготовке историко-литературных сборников под редакцией пушкинодомцев Б. Л. Модзалевского, Н. К. Пиксанова и Ю. Г. Оксмана.³⁶ Написанные для «Ириды» реферативные обзоры «Посмерт-

градского отделения Госиздата от 7 июля и 8 августа 1922 г. : ЦГАЛИ СПб., ф. 31, оп. 2, № 4, л. 40, 59.

³¹ 10 августа 1922 г. ВЦИК «в целях изоляции лиц, причастных к контрреволюционным выступлениям», принял постановление «Об административной высылке» (Петроградская правда. 1922. 18 авг., № 185. С. 2). 31 августа в «Правде» появилось официальное сообщение о состоявшихся арестах и высылке со значимым заголовком «Первое предостережение»: «Политиканствующие ученые-профессора на каждом шагу оказывают упорное сопротивление Советской власти. <...> Художественная литература, создававшаяся в этих кругах, была также антисоветской. <...> По постановлению Государственного политического управления наиболее активные контрреволюционные элементы из среды профессуры, врачей, агрономов, литераторов высылаются частью в северные губернии России, частью — за границу». Среди намеченных к высылке был и Л. П. Карсавин, один из руководителей издательства «Наука и школа».

³² Эти сведения приведены в заметке «Разработка поэтики в последние годы» (Летопись Дома Литераторов. 1921. № 4, 20 дек. С. 5).

³³ Слонимский Александр Леопидович (1881—1964) — историк литературы, брат «серапиона» М. Л. Слонимского. В начале 1920-х гг. — член ОПОЯЗ. См. его статью о Лунце «В поисках сюжета» (Книга и революция. 1923. № 1. С. 6).

³⁴ Из письма от 8 октября 1923 г.: Лев Лунец и «Серапионовы братья» // Новый журнал. 1966. № 82. С. 167. Лунец был уволен из Института в связи с отъездом за границу (см. протокол заседания Президиума Института от 28 сентября 1923 г.: ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 1, № 132, л. 9). Виктор Максимович — В. М. Жирмунский, в начале 1920-х — председатель разряда (факультета) истории словесных искусств РИИИ. Сандомуч — санаторий Дома ученых в Детском Селе, где Лунец проходил курс лечения в конце декабря 1922 г. — начале января 1923 г. Жакерия — пьеса Проспера Мериме «Жакерия. Сцены феодальных времен» о крестьянском восстании во Франции XIV в.

³⁵ Letters from Lev Lunts // Russian Literature Triquarterly. 1978. № 15. P. 353. Цит. по: Шрик В. Его душа будет завязана в узле жизни. С. 16.

³⁶ Письмо от 31 августа 1923 г.: Лев Лунец и «Серапионовы братья» // Новый журнал. 1966. № 82. С. 159. Харитон Лидия Борисовна (в замуж. Черненко; 1900—1975) —

ная литература о Блоке» и «Новые поэты» должны были стать его первой публикацией в серьезном научном журнале.

Обе работы не датированы. По-видимому, над обзором литературы о Блоке, предназначенном для первого номера журнала, Лунц работал в конце весны или в июне 1922 г., над обзором поэзии, помещенном редактором во второй номер, — в июле—августе. Обзор литературы о Блоке охватывает некрологи и воспоминания друзей поэта, отклики официальной прессы, исследовательские сборники и книги, появившиеся в конце 1921—начале 1922 гг. Это первая попытка осмысления восприятия творчества поэта, предпринятая современником и его несомненным почитателем. Лунц не входил в круг близких знакомых Блока. Достоверно известно лишь об одной их встрече 27 января 1919 г. на заседании Научно-теоретической секции Театрального отдела Наркомпроса, протокол которого вел Лунц.³⁷ Обращение к этой теме в значительной степени обусловлено литературно-общественной реальностью: спорами о послереволюционном творчестве Блока, его поэме «Двенадцать» и полемикой вокруг идеологической ориентации «Серапионовых братьев», развернувшейся весной 1922 г. Дискутируемый в печати вопрос — с кем должен быть писатель — в середине 1922 г. был предъявлен и «серапионам». В ответных статьях, написанных за короткий период, с марта по ноябрь 1922 г. («Письмо в редакцию (Ответ „Серапионовых братьев“ Сергею Городецкому)»,³⁸ «Почему мы „Серапионовы братья“»,³⁹ «Об идеологии и публицистике»,⁴⁰ «На Запад!»⁴¹), Лунц последовательно отстаивал свои взгляды на искусство, противоположные официальным. Понимая искусство как некую данность, развивающуюся по собственным, независимым от политических и общественных задач законам, сущность искусства он видел не в пропаганде социальных идей, не в отображении, а в изображении действительности. Возражая чиновникам, распоряжающимся «о чем» и «как» надо писать, Лунц заявлял: «Всякую тенденциозность „Серапионовы братья“ отвергают в принципе <...>. Искусству нужна идеология художественная, а не тенденциозная».⁴² Объявив «гениальным патроном» «Серапионовых братьев» не марксистскую идеологию, а пустытника Серапиона, «творца невероятного и неправдоподобного», он настойчиво утверждал, «что литературные химеры — особая реальность <...>. Искусство реально, как сама жизнь, оно без цели и без смысла: существует, потому что не может не существовать».⁴³ Конечно, Лунц не претендовал на создание новой теории искусства. Он понимал, что «это азбучные истины».⁴⁴ Его размышления об искусстве как особой, независимой данности созвучны идеям Блока о поэзии — безначальной стихии, «таящей в себе семена культуры» и «тайной свободе» творчества,

дочь Б. О. Харитона, журналиста, заведующего Домом Литераторов, редактора журналов «Летопись Дома Литераторов» и «Литературные записки». Одна из «серапионовских девиц», часто бывавшая на их собраниях.

³⁷ См. протокол заседания Секции от 27 января 1919 г.: Александр Блок. Новые материалы и исследования. М., 1993. Кн. 5. С. 200 (Литературное наследство; Т. 92).

³⁸ Жизнь искусства. 1922. 28 марта, № 13. С. 7. Подписанное всеми «серапионами», «Письмо», конечно, в значительной степени принадлежит перу Лунца.

³⁹ Литературные записки. 1922. № 3. С. 30—31. Статья прочитана в конце июня 1922 г. на заседании «Серапионовых братьев» по случаю 100-летия со дня смерти Э. Т. А. Гофмана. См. анонс в журнале «Книга и революция» (1922. № 6. Июль. С. 73). Опубликована в августе 1922 г.

⁴⁰ Новости. 1922. 23 окт., № 3. С. 3.

⁴¹ Беседа. Берлин, 1923. № 3. С. 259—274. Прочитана на собрании «Серапионовых братьев» 2 декабря 1922 г.

⁴² Письмо в редакцию (Ответ «Серапионовых братьев» Сергею Городецкому). С. 7.

⁴³ Лунц Л. Почему мы «Серапионовы братья». С. 31.

⁴⁴ Там же.

высказанным им в речи «О назначении поэта».⁴⁵ Возможно, и оформились его взгляды не без влияния этого выступления и, по сути дела, Лунц присоединяется к позиции Блока. Но в середине 1922 г. он единственный осмелился вступить в диалог с властью и потребовать от нее открытого признания своих притязаний на создание подконтрольной, управляемой литературы. В канву теоретических статей Лунца середины 1922 г. органично вписывается и обзор литературы о Блоке, созданный в этот же период. С позиции отрицания любой тенденциозности (идеологической, научной, личностной) в оценке художественного произведения Лунц подходит и к реферированию литературы о Блоке. Со свойственным ему полемическим задором он решительно отклоняет попытки критиков отыскать в последних произведениях поэта отражение идеологии революционной эпохи: «Первыми откликнулись на смерть Блока газеты. Революционер Блок или контрреволюционер? Что такое „Двенадцать“: апология революции или насмешка над революцией? В моем обзоре нет места этим некрологам». Обосновывая свои взгляды в декларативной статье «Почему мы „Серапионовы братья“», написанной, по-видимому, вслед за обзором, он возвращается и к дискуссиям о Блоке: «И нам все равно, с кем был Блок — поэт, автор „Двенадцати“, Бунин — писатель, автор „Господина из Сан-Франциско“».⁴⁶

В равной степени неприемлемы для Лунца и литературная и научная тенденциозность, в частности, стремление А. Белого проанализировать творчество Блока с позиции идеологии «скифства», и попытки исследователей проиллюстрировать на примере его поэзии собственные научные теории. В ироничных замечаниях в адрес А. Белого и Иванова-Разумника проявились и его расхождения с теориями «скифов». Членство его в Вольфиле, близкой умонастроениям «скифства», было скорее обусловлено общей тенденцией послереволюционных лет к объединениям и союзам и стремлением испробовать свои силы в ассоциации, объединившей ведущих литераторов и ученых, нежели разделением позиции некоторых ее руководителей. «У нас тут царит Иваново-Разумничанье самого дурного тона», — сетовал он в письме к Горькому.⁴⁷

Середина 1922 г. для Лунца — период переоценки устоявшихся критериев и конструирования новых идейно-эстетических координат. Вдохновленный идеей преобразования литературы, он усиленно искал новые образцы и ориентиры, ломающие традиционные представления. «Вещи его не напечатаны, потому что они не традиционны», — писал о нем В. Б. Шкловский.⁴⁸ В дискуссиях начала 1920-х гг. о развитии новой русской литературы Лунц занимал позицию, альтернативную господствующей в литературных кругах московской, «почвеннической» линии (Б. Пильняк, В. Лидин, А. Малышкин), восходящей к неонароднической традиции. «Я не хочу писать так, как пишут 9/10 русских беллетристов и как пишут, в конце концов, и Пильняк, и боль-

⁴⁵ Тексты выступлений А. А. Блока, А. Ф. Кони, В. Ф. Ходасевича на первых «Пушкинских поминках», организованных петроградским Домом Литераторов, опубл.: Пушкин. Достоевский. Пб.: Изд. Дома Литераторов, 1921.

⁴⁶ Литературные записки. 1922. № 3. С. 31. Упоминание имени Бунина, знакового в литературных дискуссиях об отношении интеллигенции к большевистской власти, — реплика Лунца на близкую ему позицию И. Эренбурга: «Я вполне понимаю, что иным близок Бунин и чужд Белый, но, любя в Бунине не публициста, а художника, они тем самым приближаются к цельному, неделимому сокровищу русской литературы и должны доработать, пусть далекий, но великим писателем Белым. Ибо нельзя, любя Толстого, жечь книги Достоевского» (*Эренбург И. Au—dessus de la melee // Русская книга. Берлин, 1921. № 7—8. Июль—август. С. 2*). См. также отклик на эту статью Б. О. Харитона «Две точки зрения» (Летопись Дома Литераторов. 1921. № 2, 15 нояб. С. 5).

⁴⁷ Из письма от 16 августа 1922 г.: Переписка Л. Н. Лунца с М. Горьким. С. 337.

⁴⁸ Шкловский В. Б. Современники и синхронисты // Русский современник. 1924. № 3. С. 232.

шинство „серапионов“. Я не хочу густого, областного языка, мелочного быта, пудной игры словами, пусть цветистой, пусть красивой. Я люблю большую идею и большой, увлекающий сюжет, меня тянет к длинным вещам, к трагедии, к роману, непременно сюжетному. А Ремизова, а Белого — не терплю», — сообщил он Горькому.⁴⁹ Убежденный западник, он считал прежнюю, «образцовую» литературу инертной, медлительной, перегруженной бытовым психологизмом и управляемой общечеловеческой, он пылко верил, что будущее литературы — за произведениями, созданными на основе остро сюжетной фабулы по образцу западноевропейского романа. В сентябре 1922 г., завершив работу над остро сюжетной пьесой «Бертран де Борн»,⁵⁰ в предисловии к ней Лунц излагает принципы обновления литературного процесса (в частности, драматургии), получившие развернутое обоснование в статье «На Запад!» (ноябрь).⁵¹ Одним из критериев в спорах о старой и новой литературе был тезис о фабульности. По мнению Лунца, освоение фабулы, насыщенной действием, пафосом, дающей простор фантазии, мыслям и чувствам, может оживить современную русскую литературу, ориентированную лишь на «отображение действительности, житейских взаимоотношений». «Но разве не знают русские народники, что в искусстве точное отображение эпохи, действительности невозможно? Искусство преобразует мир, а не срисовывает его. <...> Народничество — вот типичное уродливое порождение нашей антифабульной критики».⁵² Тезис Лунца об освоении русской литературой фабулы был глубинным образом связан с его постулатом об искусстве как особой реальности, свободной от тенденциозных установок, об искусстве, изображающем, а не отображающем. С позиции актуализированной проблемы сюжетосложения Лунц оценивал и все литературные новинки,⁵³ в особенности — произведения «серапионов»,⁵⁴ порицая их за традиционный «бытовизм» и забвение сюжетности, и — собственное творчество.⁵⁵

Обзорная статья «Новые поэты», одна из первых по времени написания работ Лунца, содержащая тезис о сюжетности произведений, построена на противопоставлении двух ответвлений гумилевской школы, заявивших о себе на рубеже 1921 -- 1922 гг. — постгумилевского «Цеха поэтов» и поэтических кружков «Островитяне» и «Звучащая раковина».⁵⁶ Творчество участников «Цеха поэтов», ориентированное на создание «правильных», «безошибочных» стихов, которые «нельзя ни хвалить, ни порицать», Лунц причислял к «образцовой» линии в современной ему поэзии. «После смерти Гумилева, — вспоминал Сергей Нельдихен, — в Цехе равнение пошло на Г. Иванова и Г. Адамовича, как на наиболее старших. Интерес к „исканиям“, „пово-

⁴⁹ Из письма от 16 августа 1922 г.: Переписка Л. Н. Лунца с М. Горьким. С. 336.

⁵⁰ Город: Литература. Искусство. Пб., 1923. [№] 1. Январь. С. 9—48.

⁵¹ Беседа. Берлин, 1923. № 3. С. 259—274.

⁵² Там же. С. 267—268.

⁵³ Лунц Л. Цех поэтов: Альманахи Цеха поэтов № 1-ый и 2-ой; Георгий Иванов: «Сады»; Н. Гумилев: «Огненный столп». [Рец.] // Книжный угол. 1922. № 8. С. 48—54; он же. Илья Эренбург. Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников. [Рец.] // Город: Литература. Искусство. Пб., 1923. [№] 1. С. 101—102.

⁵⁴ Лунц Л. Вс. Иванов. Седьмой берег. [Рец.] // Книга и революция. 1923. № 1. С. 55—56.

⁵⁵ Лунц Л. На Запад! // Беседа. Берлин, 1923. № 3. С. 259—274.

⁵⁶ О конкуренции «Островитяне» и «Цеха поэтов» см.: *Anemone A., Martynov I.* The Islanders Poetry and Polemics in Petrograd of the 1920 s. // Wiener Slavistischer Almanach. 1992. Bd 29. S. 111; *Дмитренко А. Л.* К истории содружества поэтов «Островитяне» (Машиннописный альманах) // Русская литература. 1995. № 3. С. 212.

му" в Цехе прошел, выдвинут был лозунг „возвращения к Пушкину“).⁵⁷ Свое отношение к этой неперспективной, «мертвой», по его мнению, линии развития гумилевской школы он высказал еще в начале 1922 г. в рецензии на альманахи «Цеха».⁵⁸

Противоположной «Цеху поэтов» была ориентация учеников Гумилева, членов созданного им объединения «Звучащая раковина», и его студийцев, объединившихся в 1921 г. в кружок «Островитяне». Творческая установка на внутреннюю свободу и развитие индивидуальности, «широкая беспартийность <...> взглядов», провозглашенная («Звучащей раковиной»)⁵⁹ и выдвинутая «Островитянами» задача «борьбы с духом академизма и цеха в поэзии, комнатного затворничества»,⁶⁰ были близки и к монашеским «Серапионовым братьям».⁶¹ Не случайно многие их участники входили одновременно в разные поэтические кружки и печатали свои стихотворения в альманахах и «Звучащей раковины», и «Островитян», и в абсолютно беспрограммном сборнике «Ушкуйники». Членами «Островитян» были «серапионы» Н. Тихонов и Е. Поллонская, в ряды «серапионов» пытался вступить и «островитянин» С. Колбасев, но не был принят.⁶² Объединение в содружества без уставов и программ, типичное для 1921—1922 гг., в значительной степени — естественная реакция на многочисленные запреты послереволюционного времени, «когда всем был дан один железный и скучный устав».⁶³ Нельзя все же исключить и влияния «серапионов» на развитие обоих поэтических содружеств. В начале 1922 г. члены «Звучащей раковины» и «Серапионовы братья» даже намеревались создать совместное издательство «Огненный столп», в программе которого был выпуск сборников «Звучащей раковины», альманахов «Литературные понедельники» и отдельных сборников молодых авторов.⁶⁴ В январе 1923 г. был выпущен сборник «Город», составленный из произведений участников «понеделников у Наппельбаумов» — членов «Звучащей раковины», «Островитян» и «Серапионовых братьев».⁶⁵ Авторам сборника предъявлялось лишь требование «достаточной культуры в своей области независимо от их художественных направлений».⁶⁶ Близкой «серапионам», и в первую очередь Лунцу, была и ориентация «Островитян» на поиск новых поэтических форм. Несомненно, такое содружество кружка прозаиков и кружков поэтов импонировало Лунцу и с этими поэтическими объединениями он связывал будущее поэзии.

⁵⁷ Нельдихен С. Общественно-литературная жизнь Петрограда // Накануне. Берлин, 1922. 17 нояб., № 188. С. 2.

⁵⁸ Лунц Л. Цех поэтов: Альманахи Цеха поэтов № 1-ый и 2-ой.

⁵⁹ В предисловии к альманаху «Звучащая раковина» (Пб., 1922) его участники заявляли, что беспартийностью своих взглядов и отсутствием поэтической платформы они обязаны «своему почетному синдикку Гумилеву».

⁶⁰ Из автобиографии Н. С. Тихонова 1923 г.: «Серапионовы братья» в собраниях Пушкинского Дома. С. 152.

⁶¹ На типологическую близость «Серапионовых братьев» и «Островитян» указывается в работах: *Анепоне А., Мартынов I.* The Islanders Poetry and Polemics in Petrograd of the 1920 s. S. 110; *Дмитренко А. Л.* К истории содружества поэтов «Островитяне». С. 211.

⁶² См.: *Тихонов Н.* Моя жизнь: Автобиография // Красная панорама. 1926. № 41, 8 окт. С. 7; *Чуковский Н.* Литературные воспоминания. М., 1989. С. 89.

⁶³ Лунц Л. Почему мы «Серапионовы братья». С. 30.

⁶⁴ См. заявление М. С. Наппельбаума в Государственное издательство от 11 января 1922 г. с отрицательной резолюцией Госиздата: ЦГАЛИ СПб., ф. 35, оп. 1, № 47, л. 42.

⁶⁵ От «серапионов» в сборнике участвовали Лунц (пьеса «Бертран де Борн» и рецензия на книгу И. Эренбурга «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников»), И. Груздев (рецензия) и Н. Тихонов (стихотворение).

⁶⁶ См. в редакционной статье к сборнику: Город: Литература. Искусство. С. [3].

Повторив в публикуемом обзоре, иногда дословно, негативные оценки замкнуто-цеховой поэзии Оцуца и Одосвцевой, данные им в рецензии на альманахи «Цеха»,⁶⁷ Лунц высказывает сочувственное отношение к несовершенным, но обладающим живой поэтичностью опытам участников сборников «Ушкуйники», «Звучащая раковина» (поиск) и приветствует героически-пафосные (составляющие фабулы) стихи Полонской и сюжетные — Тихонова. «Поэт, пишущий плохие стихи, может со временем окрепнуть, стать мастером. Поэт, пишущий стихи, как стихи — ничего не может», — поясняет он в рецензии на альманахи «Цеха».⁶⁸ Обе работы («Новые поэты» и обзорная рецензия на сочинения участников «Цеха»), корреспондируя и дополняя друг друга, составляют единое исследование поэтической школы Гумилева. Примечательно, что все теоретические, публицистические и критические статьи Лунца насыщены знаковыми символами-сцеплениями (повторы фраз и словосочетаний, одинаковая схема развития мысли). Так, статья «На Запад!» построена по той же схеме, что и публикуемый обзор поэзии: критика однообразной, скучной, задавленной общественностью предшествующей литературы, призыв «Серапионовых братьев» к подражательному освоению фабулы западноевропейского романа, поиску, обоснование принципа создания новой литературы на основе фабулы. Выстроенные по временной последовательности написания, все работы Лунца обнаруживают четкую методологическую последовательность развития ключевых идей его литературно-эстетической концепции.

Сведения о публикуемых ниже работах Лунца появились в зарубежном литературоведении в конце 1960-х гг.,⁶⁹ в отечественном — в конце 1990-х гг.⁷⁰ Обе статьи публикуются полностью по беловым автографам, хранящимся в фонде А. Г. Фомина (РО ИРЛИ, ф. 568. № 125, л. 76—85, 210—228), с сохранением индивидуального авторского написания и графических особенностей расположения текста, в отдельных случаях — пунктуации. Купюры, сделанные редактором в обзоре литературы о Блоке, заключены в квадратные скобки. Цифры сносок с круглыми скобками в этом же обзоре и постраничные примечания принадлежат Лунцу, следуемые за ними в некоторых случаях цифры сносок без скобок поставлены публикатором, комментарии помещены в конце публикуемого текста. Подчеркнутые в автографах слова выделены курсивом. Неточности, допущенные автором при цитировании стихотворений, исправлены по печатным источникам. Машинописные копии обоих обзоров хранятся в архиве Лунца в Российском государственном архиве литературы и искусства в Москве.⁷¹

I. ПОСМЕРТНАЯ¹ ЛИТЕРАТУРА О БЛОКЕ

Такова уж участь русского великого человека. Над ним смеются и издеваются; но, стоит ему умереть, как все враги [немедленно] становятся ревностными поклонниками.

⁶⁷ Лунц Л. Альманахи Цеха поэтов № 1-ый и 2-ой. С. 50, 51.

⁶⁸ Там же. С. 48.

⁶⁹ Kern G. Lev Luntz, Serapion Brother. Princeton, 1969; Вагинов К. Собрание стихотворений / Сост., послесл. и прим. Л. Черткова. Мюнхен, 1982. С. 129 (Arbeiten und Texte zur Slavistik); Шрик В. Его душа будет завязана в узле жизни. С. 40.

⁷⁰ «Серапионовы братья» в собраниях Пушкинского Дома. С. 67; Русские писатели. XX век. С. 781; Блок А. А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. М., 1999. Т. 5. С. 403.

⁷¹ РГАЛИ, ф. 2578, оп. 1, № 16 (обзор литературы о Блоке); № 17 (обзор новой поэзии).

Кто ценил Блока при его жизни? — Ничтожная кучка передовой интеллигенции. О толпе уж не говорю, но все наши литературные верхи, — профессора и писатели старой школы, — Блока не понимали. Сперва не понимали и — смеялись, потом не понимали и — молчали.² Помню, когда прошлой весной в Малом театре К. Чуковский дерзко назвал Блока «великим национальным поэтом», аудитория недоверчиво улыбалась: очередной парадокс острого критика!³

А теперь все — начиная с профессоров и кончая политическими обозревателями — все скорбят о «непоправимой утрате», наперебой называют покойного «великим», «гениальным» поэтом.

1

Первыми откликнулись на смерть Блока *газеты*. [И немедленно началось глумление, отвратительный «бой за тело героя».] Революционер Блок или контрреволюционер? Что такое «Двенадцать»: апология революции или насмешка над революцией?⁴

В моем обзоре нет места этим [поистине кощунственным] некрологам.⁵ Одинаково презренны статьи и эмигрантской⁶ и официозной печати, не понимающие и не желающие понять поэта. Потому что сам Блок презирал этих своих «критиков»:

«<...> те, кто видят в „Двенадцати“ политические стихи, или очень слепы к искусству, или сидят по уши в политической грязи, или одержимы большой злобой, — будь они враги, или друзья моей поэмы».^{1) 7}

Поэтому прав был Андрей Белый, открывая заседание Вольной Философской Ассоциации: «Раскромсывателям памяти Блока на части мы скажем: „руки прочь“! Наоборот: соединить воедино раскромсанные политическими партиями и литературными школами, — вот что мы должны сегодня сделать».²⁾

Но... но сам Белый. Он в своей блестящей и умной речи сделал Блока максималистом, «скифом».⁸ Разве это не та же литературная и, если хотите, политическая партийность? Чем лучше Белый П. Когана, который тоже, прикрываясь беспартийностью и наукой, выставил Блока величайшим [духовным] революционером,^{3) 9} [«plus révolutionnaire, que les révolutionnaires mêmes»].¹⁰ Это все тот же кощунственный «бой за тело героя»].

2

За некрологами политическими появились лирические. Блок не пользовался широкой популярностью. Но те, кто любили его, — любили по-настоящему. Смерть поэта потрясла их глубоко. Поэтому все лирические некрологи написаны с удивительной искренностью, с большим скорбным подъемом.

¹⁾ Неопубликованная записка А. Блока, найденная в его рукописях. «Памяти Александра Блока». Вольфила. Стр. 31.

²⁾ Там же. Стр. 7.

³⁾ «Печать и революция», № 2.

Не только друзья поэта, как А. Белый, Вл. Пяст,¹⁾ ¹¹ В. Зоргенфрей,²⁾ ¹² Р. В. Иванов-Разумник,³⁾ ¹³ и не только старые товарищи его по литературе — М. Кузмин,⁴⁾ ¹⁴ Евг. Замятин,⁵⁾ ¹⁵ — но и просто поклонники, знавшие только стихи, только творенья человека, — не могли молчать. Таков Конст. Федин, который всего дважды в своей жизни видел Блока, но который почувствовал, что он должен говорить о Блоке. И его статья — лучшая, самая лирическая, самая скорбная.

«Есть многое в сердце моем о Блоке. Но что это многое — не знаю. И если скажу словами, которыми дано мне говорить, кто поверит, что вижу я образ поэта?»⁶⁾ ¹⁶

У всех, кто по-настоящему любил Блока, есть это «многое в сердце». И никто не может излить «этого многого» — словами. Все лирические статьи бессодержательны, но глубоко искренни. Ни одна статья не передала всей боли, всего горя, но во всех статьях за бесильными словами чувствуется «это многое», искреннее.

И учрежденья, в которых работал покойный писатель, откликнулись. И они искренни, но у них слова звучат еще бессильнее. Вот я прочел в 4-ом номере «Записок мечтателей» скорбные строки от издательства «Алконост». Велико же было мое изумление, когда в статье Иванова-Разумника от имени «Вольной Философской Ассоциации» я нашел те же строки слово в слово.¹⁷ [Забудем, что они безграмотны («Первое чувство — молчание». Разве молчание — чувство?)], но неужели два учреждения не нашли разных слов [для своего горя]?

3

Надо иметь большое мужество, чтоб писать о Блоке ученые или критические статьи. Ведь сам поэт задолго до смерти с ужасом думал о своем будущем истолкователе:

Печальная участь: так сложно,
Так трудно и празднично жить,
И стать достояньем доцента,
И критиков новых плодить.¹⁸

Критик и доцент пришли, не побоялись. И, конечно, они правы. Ведь сам Блок был не только поэтом, но и критиком. За какие-нибудь два-три месяца ряд статей, больших и малых, целая толстая книга («Об Александре Блоке», издательство «Картонный домик»)¹⁹ отозвались на смерть Блока. Любовь к [великому] поэту победила даже типографскую неурядицу.

1) «Жизнь искусства».

2) «Записки мечтателей», № 5.

3) «Памяти Александра Блока», Вольфила.

4) «Жизнь искусства».

5) «Записки мечтателей», № 4.

6) «Книга и революция», № 1 (13).

Почти все статьи написаны *наспех*. И все они, в определенном смысле, похожи друг на друга. Все говорят о *пути* Блока, и все устанавливают одинаковые этапы этого пути: Прекрасная Дама — Незнакомка — Россия. Иначе: мир чистой мечты — нисхождение этой мечты в реальный мир — победа над реальностью, завершенная «Двенадцатью». Б. М. Энгельгардт, В. М. Жирмунский, Ю. Верховский,²⁰ и Андрей Белый,²¹ и К. Чуковский,²² и даже Львов-Рогачевский,²³ Бобров¹⁾ ²⁴ даже — все говорят по существу об одном и том же. Конечно, с вариациями, называя факты разными именами, но основной стержень у всех один.

Мало того: для большинства Блок не цель работы, а средство. У каждого есть готовая философская или историко-литературная схема, и Блок *служит* только ее иллюстрацией. Энгельгардт²⁾ говорит о пути Блока с точки зрения очень тонкой и своеобразной *своей* эстетики. Жирмунский³⁾ на примере Блока повторяет *свое* излюбленное противопоставление романтического и классического мироощущений. Ю. Верховскому⁴⁾ три этапа, пройденные Блоком, помогают развить *его* старую мысль о трех видах поэзии: песенной, пластической и ямбической. «Скиф» Белый, перепевая Иванова-Разумника, говорит о Востоке и Западе, о скифстве и максимализме. Быть может, все это и верно, и законно. Но, все-таки, грустно за Блока... иллюстрирующего теорию.

Разумеется, разделение творчества поэта на три периода справедливо. Но ведь это ясно каждому профану. Не есть ли это самый внешний, поверхностный взгляд? И зловеще звучат вслед за схемами Энгельгардта, Жирмунского и Верховского²⁵ слова Вл. Пяста о том, что самому Блоку эта мысль была так «тревожно-неприятна».⁵⁾ ²⁶

Гораздо интереснее другая мысль, проходящая уже решительно через все книги, статьи и заметки о Блоке: *трагическая* судьба поэта. Всюду поэт Блок назван «трагическим», «обреченным пророком», «в пути погибшим», все говорят о «трагической обреченности», о роке, о возмездии. И почти всюду поэма «Возмездие» является конечной целью, до которой поэт не дошел, «погиб в пути».

И опять же, каждый критик и ученый говорит об этой трагедии со своей точки зрения. То ли столкновение Блока и современности, то ли религиозная трагедия, трагедия поколения, трагедия символизма и т<ак> д<алее> и т<ак> д<алее>. И каждый говорит об этом в своем стиле: тяжелый «философский» синтаксис Энгельгардта, многословная профессорская ясность Жирмунского, истерические каламбуры Белого...

Лучшая статья о трагедии поэта — «Судьба Блока» Б. М. Эйхенбаума.²⁷ Простая, горькая и волнующая.

1) «Символист Блок», «Красная новь», № 5.

2) «В пути погибший», «Об Александре Блоке», сборник издательства «Картонный домик».

3) «Поэзия Александра Блока», там же.

4) «Восхождение», там же.

5) «О первом томе Блока», там же.

Книжка В. М. Жирмунского о Блоке (напечатанная ранее в виде статьи в сборной книге и «здательств»ва «Картонный домик»)²⁸ — единственная попытка дать строго научный анализ Блока. Остальные ученые, писавшие о поэте, от этой *строгой* научности отказались. «Еще не время говорить о нем с историко-литературной точки зрения», — начинает свою статью Б. М. Энгельгардт. Даже такой яркий приверженец «формального метода», — как Б. М. Эйхенбаум, — не решился говорить о композиции и стиле.

А В. М. Жирмунский решился. Но недостаток времени испортил и его интересную научную работу.

Раньше всего: она распадается на две совершенно неспаянных части. От романтического мироощущения ученый круто переходит к лингвистическому анализу стиля. Нет методологического единства.

А сам лингвистический анализ тоже сделан наспех, неполон. Жирмунский считает, что главной особенностью Блока служит метафора. Но уж будто одного только Блока? Конечно, у нашего поэта метафора получила широкое применение, но ведь это ясно каждому: [В. М. Жирмунский на протяжении 42 стр<аниц> ломится в открытую дверь]. И, вскользь упоминая, что Мандельштам и Маяковский «пошли еще дальше Блока», Жирмунский не объясняет, чем же их метафора отлична от метафоры Блока. А выделение «символа», как особого вида метафоры, с лингвистической точки зрения необоснованно.²⁹

За метафорой — интересная глава о ритме Блока и коротенькая заметка о рифме. В общем, ряд ценных разрозненных наблюдений, но никак не исследование.

5

О Львове-Рогачевском умолчу. В его брошюре¹⁾ нет ни одного свежего слова — одна вода, одно общее место.³⁰ Остается книга К. Чуковского.²⁾

Эту книгу мы ждали с особым нетерпением. Ведь Чуковский начал свою работу еще до смерти Блока. Книга написана не «по случаю».

Чуковский не ученый и не критик, а *беллетрист*. Его статьи — рассказы, тонко построенные, с сюжетом, с правильной композицией. Недаром том его статей так и был озаглавлен: «Критические рассказы».³¹

И в этом главное достоинство Чуковского. «Рассказы» его читаются с непрерывным интересом, написаны чистейшим русским языком. Никто никогда не требовал от них — научности.

Но Чуковский — *сатирик*, и только сатирик. Он, как никто, умеет осмеивать недостатки, «приканчивать» писателя. Незабываемы «рассказы» его о Бальмонте — Хлестакове, о Гаршине, о Вербицкой.

¹⁾ «Поэт-пророк», «Книгоиздательство писателей», Москва.

²⁾ «Книга об Александре Блоке», и «здательств»во «Эпоха».

А сатирик хвалить не умеет. Положительные типы ему не даны. Крушение второй части «Мертвых душ» — лучшее тому доказательство.

И по той же причине не удалась книга Чуковского о Блоке.

Сатирик считает Блока великим поэтом, но *доказать* этого не может.

В этой книге он отступил от всех своих традиций, оставил форму статьи—рассказа. Вместо эффектного сюжетного построения — логическое, хуже того, научное развитие статьи. Стремление к научности погубило сатирика.

Конечно, книга написана отличным языком. Блещет яркими местами и удачными сопоставлениями. Но нет прежней остроты и единства композиции. Потому что сатирик не умеет и не должен хвалить.

¹ Слово «Посмертная» написано карандашом рукой Лунца над первоначальным заглавием «Литература о Блоке».

² Свод работ о творчестве Блока см.: Блок в критике современников (Аннотированная библиографическая хроника. 1902—1921) / Сост. В. И. Якубович при участии Н. Г. Захаренко, В. В. Серебряновой, Л. С. Шепелевой // Александр Блок. Новые материалы и исследования. М., 1993. Кн. 5. С. 633—826 (Литературное наследство; Т. 92).

³ На вечере Блока в Большом драматическом театре (бывший Суворинский или Малый театр) 25 апреля 1921 г. Чуковский читал отрывки из своей книги о Блоке. В тот же вечер он записал в дневнике: «А вечером ужас — неуспех. Блок был ласков ко мне, как <к> больному. Актеры все окружили меня и стали говорить: „Наша публика не понимает“ и пр<очее>. <...> Блок <...> дал мне цветок из поднесенных ему и шел со мной домой — но я провалился» (*Чуковский К. Дневник. 1901—1929. М., 1997. С. 163*).

⁴ См., в частности: «Ушел в вечность классик революционной русской поэзии, родивший взволновавшие всех своей красотой и загадочностью <...> „Двенадцать“ и „Скифы“» (*Рубинштейн Д. Памяти А. А. Блока // Труд. М., 1921. 10 авг., № 132. С. 1*). См. также: *Адопц Г. <Памяти Блока> // Жизнь искусства. 1921. 9—14 авг., № 798—803. С. 2*; *Смерть поэта А. Блока // Петроградская правда. 1921. 9 авг., № 165. С. 1*; *Ионов Н. Александр Блок // Красная газета. 1921. 10 авг., № 164. С. 3*; *Родов С. Памяти А. Блока // Известия. 1921. 11 авг., № 176. С. 1*.

⁵ Ср. с мнением К. И. Чуковского, высказанным им в письме Е. И. Замятину: «Как-то вскрыли об Ал<ексandre> Ал<ександровиче> в „Правде“! Как будто умер Вася Князев или Демьян. Эх, хочется мне этих шуллеров отшельничать в статье о „Двенадц<ати>“. Но можно ли? Думаю, нельзя. Думаю, что вся статья о „Двенадц<ати>“ есть неслегкащщина» (*Е. И. Замятин и К. И. Чуковский. Переписка (1918—1928) / Вступ. ст., публ. и коммент. А. Ю. Галушкина // Евгений Замятин и культура XX века. Исследования и публикации. СПб., 2002. С. 211*).

⁶ Некрологи в эмигрантской прессе имели иную тональность. «Выдающийся русский писатель, родоначальник новой школы в русской поэзии, общероссийский наследник А. Пушкина. Могучий талант, блестящий мастер стиха, философ и ученый — он был одним из тех немногих, кем по праву Россия гордилась», — писал П. Н. Милоков в статье «Кончина поэта» (*Последние новости. Париж, 1921. 12 авг., № 405. С. 1*). См. также: *Литовцев. Александр Блок // Голос России. Берлин, 1921. 14 авг., № 736. С. 2*. — Авт.: Поляков С.; *Слоши М. Творческий путь Александра Блока // Воля России. Прага, 1921. 19 авг., № 283. С. 3—4*.

⁷ Лунц цитирует фрагмент записки Блока о поэме «Двенадцать» от 1 апреля 1920 г., впервые озвученной Андреем Белым на заседании Вольфила 28 августа 1921 г. В тот день выступили также Р. В. Иванов-Разумник, А. З. Штейнберг. Тексты их речей составили сборник «Памяти Александра Блока» (Пб.: Вольфила, 1922). Об этом заседании и воздействии эмоциональной речи Белого на слушателей см. в предисловии А. В. Лаврова к публикации С. С. Гречинкина и А. В. Лаврова «Речь Белого памяти Блока (1921)» (*Александр Блок. Новые материалы и исследования. М., 1987. Кн. 4. С. 760—762 (Литературное наследство; Т. 92)*). На независимость своего твор-

чества от политики Блок указывал и в заявлении заведующему Петроградским отделением Госиздата от 7 февраля 1921 г.: «Государственное издательство, насколько мне известно, издает преимущественно партийные и политические книги, вследствие чего партийная и политическая окраска сообщается и всем его изданиям; я же не принадлежу ни к какой партии, и стихи мои не служат политике; поэтому я не хотел бы издавать их в Государственном издательстве, о чем уже сообщал устно товарищу Белопольскому и в заявлении от 15 января. Прошу Петроградское отделение Государственного издательства разрешить мне выпустить III том моих стихотворений в издательстве „Алконост“, наиболее близком по духу к символической школе, к которой я всегда принадлежал. Ал. Блок» (РО ИРЛИ, ф. 291; машиноп. копия).

⁸ Эта же идея развивалась и в выступлении «скифов» в московском Политехническом музее 26 сентября 1921 г. «А. Белый характеризовал А. Блока как поэта народного (выразившего движение души народа) и в образной речи набросал его эволюцию от Прекрасной Дамы до „Двенадцати“. Мстиславский на примере Блока выявлял идеологию скифства», — сообщал журнал «Печать и революция» в хроникальной заметке «Скифы о Блоке» (1921. Кн. 2. С. 240—241).

⁹ Речь идет о статье П. С. Когана «Александр Блок и революция. Памяти поэта» (Печать и революция. 1921. Кн. 2. Август—октябрь. С. 3—7). «Он принял революцию целиком, без оговорок и звал других принять все жертвы и ужасы во имя очищающей силы ее и пламени», — утверждал автор. См. также его некролог «А. А. Блок» (Известия. 1921. 9 авг., № 174. С. 1).

¹⁰ «Более революционером, чем сами революционеры» (франц.).

¹¹ *Пьест Вл.* Умер Блок // Жизнь искусства. 1921. 16—21 авг., № 804. С. 5. В этом номере помещены отклики на смерть Блока Ю. П. Анненкова, М. А. Кузмина, А. Канкаровича, П. Сторичина, М. С. Шагинян.

¹² Статья В. А. Зоргенфрея «Блок» (Записки мечтателей. 1922. № 5. С. 23—27) проникнута благоговейным преклонением перед «величайшим поэтом современности», гением, чей «высокий и чистый дух» не подвластен смерти. Секретарь издательства «Всемирная литература» В. А. Сутугина, дружившая с Зоргенфреем, вспоминала о его отношении к Блоку: «Мы все любили и преклонялись перед Блоком. Но отношение Зоргенфрея к Блоку было исключительным. Как он сам говорил, разговор с Блоком „был как разговор с тем — с тою, может быть, кого любишь“. Он оставался верным этой дружбе и в то тяжелое для Блока время, когда были написаны „Двенадцать“, хотя, м<ожет> б<ыть>, не все в этой поэме было для него приемлемым. Но тем не менее он не отвернулся от него, как это сделал Гумилев, Пьест и м<ногие> другие» («Воспоминания о работе в издательстве „Всемирная литература“»: РО ИРЛИ, ф. 720, № 4, л. 7).

¹³ Имеется в виду речь Иванова-Разумника на заседании Вольфила 28 августа 1921 г., выступившего с воспоминаниями о деятельности Блока в Вольфиле. См.: Памяти Александра Блока. Пб.: Вольфила, 1922. С. 54—63.

¹⁴ *Кузмин М. А.* Блок // Жизнь искусства. 1921. 16—21 авг., № 804. С. 4.

¹⁵ В журнале «Записки мечтателей» (1921, № 4. С. 11) Замятин поместил некролог «Кончина Блока». В августе 1921 г. он написал «Воспоминания о Блоке», опубликованные с купюрами в 1924 г. (Русский современник. 1924. № 3. С. 187—194). Свод купюр опубликован А. Ю. Галушкиным (Юность. 1988. № 5. С. 73—77). Описание цензурных помет на наборной машинописи «Воспоминаний» см.: «Серапиевны братья» в собрании Пушкинского Дома: Материалы. Исследования. Публикации / Авт.-сост. Т. А. Кукушкина, Е. Р. Обатицина. СПб., 1998. С. 18—19. Речь Замятинна на вечере памяти Блока 15 ноября 1926 г. в Большом драматическом театре опубликована Е. Ю. Лигвин (Литературное наследство. М., 1993. Т. 92. Кн. 5. С. 584—588).

¹⁶ Называя статью Федина (Книга и революция. 1921. № 1. С. 23—25) «самою лирической, самою скорбною», Луцк все же отдавал дань верности «серапиевну братству», членом которого к тому времени (журнал вышел 1 декабря 1921 г.) был и Федин. В этом же номере помещена искренняя и скорбная статья Инн. Оксенова «Петербургский гений» (С. 25—26) и его же рецензия на книгу Блока «Катилина» (Пб., 1919) и пьесу «Рамзес: Сцены из жизни Древнего Египта» (Пб., 1921). Статья Федина, по-видимому, импонировала Луцку и своей стилистикой, нервной, сжатой, динамичной ритмикой фраз, эмоциональным нагнетанием эпизодов. О Блоке пробовал писать и «серапиевну брат» М. М. Зошенко. По свидетельству Е. Г. Полонской, реферативный обзор творчества поэта был подготовлен им в Литературной студии для семинара Чу-

ковского (*Полонская Е. Г. Из литературных воспоминаний 1920-х годов / Вступ. заметка, подгот. текста З. Г. Минц // Ученые записки Тартуского государственного университета. Тарту, 1963. Вып. 139. С. 383*). В архиве писателя сохранились несколько вариантов его статьи «Конец рыцаря печального образа: О поэзии Александра Блока» (РО ИРЛИ, ф. 501, оп. 1, № 485). Анализируя творчество поэта с точки зрения эволюции идеи любви, «характернейшей для поэзии Блока», автор считает поэму «Двенадцать» последней стадией, вырождением этой идеи «от Прекрасной Дамы до сомнительной Теклы и реальнейшей Катя» и — закономерным концом Блока. Символично, что один из черновиков был сначала озаглавлен «Конец Блока», а один из наиболее полных вариантов статьи датирован днем смерти поэта, год указан с отточением: «7 августа 19...». Этот вариант опубликован Ю. Томашевским (Прометей. 1987. Т. 14. С. 305—311).

¹⁷ От издательства «Алконост» (Записки мечтателей. 1921. № 4. С. 7) напечатан фрагмент речи Иванова-Разумника на заседании Вольфила 28 августа 1921 г.: «Горько сознание: поэт, первый поэт XX века, глубинный трагический художник ушел от всех нас навсегда. Нам, близким друзьям и сотрудникам его, суждена и иная горечь: ушел от нас человек, начинавший с нами общее дело, вдохновлявший на трудную работу, помогавший словом и делом, сочувствием и сотрудничеством» (см.: Памяти Александра Блока. С. 63).

¹⁸ Неточная цитата из стихотворения Блока 1908 г. «Друзьям».

¹⁹ В сборник «Об Александре Блоке» (Пб.: Картонный домик, 1921) включены статьи Н. Анциферова, Ю. Верховского, В. Жирмунского, Вл. Пяста, А. Слонимского, Ю. Тынянова, Б. Эйхенбаума, Б. Энгельгардта.

²⁰ Речь идет о статьях Б. М. Энгельгардта («В пути погибший»), В. М. Жирмунского («Поэзия Александра Блока»), Ю. А. Верховского («Восхождение») из сборника «Об Александре Блоке».

²¹ Имеется в виду речь А. Белого на заседании Вольфила 28 августа 1921 г.

²² *Чуковский К.* Книга об Александре Блоке. Пб.: Эпоха, 1922.

²³ *Львов-Рогачевский В. Л.* Поэт-пророк: Памяти А. А. Блока. М., 1921.

²⁴ *Бобров С.* Символист Блок // Красная повесть. 1922. № 1 (5). С. 244—250.

²⁵ Близкое Луначу мнение о сборнике высказал московский критик К. Г. Локс: «Надеялись увидеть живое лицо поэта. Этого нет: все в сборнике загромождено отвлеченными рассуждениями о поэзии вообще. <...> Энгельгардт и Верховский подкрепляют именем Блока общие положения теории символизма. Более по существу написана статья Жирмунского, подводящая итоги изучению поэтики Блока» (Печать и революция. 1922. Кн. 1. Январь—март. С. 289).

²⁶ *Пяст Вл.* О «первом томе» Блока // Об Александре Блоке. С. 214.

²⁷ *Эйхенбаум Б.* Судьба Блока // Там же. С. 39—63.

²⁸ *Жирмунский В.* Поэзия Александра Блока. Пб., 1922.

²⁹ Очевидно, Лунач не знал, что статья Жирмунского о Блоке является частью большой работы «Метафора в поэтике русских символистов», подготовленной им в июне 1921 г. для сборника «Записки факультета словесных искусств ГИИИ». На примере поэзии Блока, Брюсова, Белого, Бальмонта, Сологуба Жирмунский рассматривает метафору как средство мировосприятия символизма и дает теоретическое обоснование принципов поэтики символистов. Фрагмент о поэзии Блока, включивший многие положения статьи о метафоре, был выделен им специально для сборника «Об Александре Блоке», вся статья тогда осталась неопубликованной. См. об этом: *Жирмунская-Аствацатурова В. В., Светикова Е. Ю.* В. М. Жирмунский как исследователь поэтики символизма // Новое литературное обозрение. 1999. № 35. С. 215—221. Статья Жирмунского с прим. В. В. Жирмунской-Аствацатуровой и Е. Ю. Светиковой впервые опубли.: Там же. С. 22—249.

³⁰ Отрицательную оценку книги как поверхностной, содержащей грубые ошибки и натяжки, дал критик А. Цинговатов (Печать и революция. 1922. Кн. 6. Июль-август. С. 284—285). Автор иронизирует над поспешной эволюцией интерпретации Блока как «тихо грезящего поэта», данной Львовым-Рогачевским в изданной им годом ранее книге «Очерки по истории новейшей литературы (1881—1919)», до интерпретации творчества Блока — пророка великой революции.

³¹ В сборник К. Чуковского «Критические рассказы» (Пб.: Шиповник. 1911) включены статьи об А. А. Вербицкой, Ф. Сологубе, А. М. Ремизове, В. В. Розанове, М. Горьком, В. Г. Короленко, И. Е. Репине, А. Н. Бенуа, С. Н. Сергееве-Ценском.

II. НОВЫЕ ПОЭТЫ

Ник<олай> Оцуп: «Град»; Ирина Одоевцева: «Двор чудес»; Сергей Нельдихен: «Органное многоголосье».

«Ушкуйники», альманах; «Звучащая раковина», сборник стихов; «Островитяне», альманах стихов; Конст<антин> Вагинов: «Путешествие в хаос»; С<ергей> Колбасьев: «Открытое море».

Елиз<авета> Полонская: «Знаменья»; Николай Тихонов: «Орда».

1

Что легче писать — стихи или прозу — вопрос праздный. Хорошие стихи и хорошую прозу писать одинаково трудно.

Одно несомненно — плохие стихи писать легче, чем плохую прозу: и скорее и удобнее.

И потом, сейчас в России культура стиха достигла небывалой высоты. А чем выше эта культура, тем легче *строчить* гладко и безошибочно, и тем труднее *творить*.

Ведь все пути заняты. Все Америки открыты. Куда ни бросишься — всюду попадешь на протоптанную дорогу. Ну как писать теперь женщине лирические стихи, когда Ахматова завоевала все перепутья и обвиненья в Ахматовщине неукоснительно встречают появление новой поэтессы?

И молодые поэты мечутся в поисках нового, мучительно стараются перепрыгнуть Блока, Мандельштама, Клюева, Маяковского. Оригинальность во что бы то ни стало!

2

Это девиз Ник<олая> Оцупа.¹ Поэт суетится, бросается от одной формы к другой. От точного и спокойного письма Гумилева к нелепой фантастике. От фантастики — к классическим «глубокомысленным» строфам. И снова к хитроумным вывертам и фокусам.

И всюду Оцуп грамотен, [гладок, безошибочен], «цивилизован». Даже в бредовых стихах.

Трудней всего писать фантастические пьесы. Именно потому, что чересчур легко связывать бессвязное, отбрасывать логическую связь. Только большой поэт, вроде Эдгара По, заставляет нас верить самым невероятным причудам своей фантазии. А Оцуп не может убедить нас даже в том, что он сумасшедший:

Маленькая, ты не поверишь,
Что медведь я парижанин,
Царскосел, бергсонист, писатель,
И к тому же я сумасшедший.

Я не верю. Оцуп не сумасшедший — очень трезвый и умелый, но плохой поэт. Ведь он мог сделать себя с равным успехом и Юлием Цезарем, и стулом, и лошастью, и так дальше, без конца и края. Писать чепуху легко. Но надо сделать ее реальною.

А Оцуп, к тому же, мотивирует свою бессмыслицу *сном*. Ведь во сне все позволительно:

Но едва задремал я, бурно
Зазмеился песок, волнуем
Винтообразным ветром.
Длинноношею голову скрыл я,
И мою двугорбую спину
Охватило ветром свистящим
И от свиста стал я змеиться
И пополз удавом в долину
И проснулся вновь настоящим.

Что ж? — возражать нельзя: сон! И сон у Оцупа повсюду:

И в ту же ночь меня томил
Тяжелый бред...
Я приснился себе медведем.

И, конечно, язык у Оцупа нарочито развязный. Он вводит будничные, не «поэтические» интонации. Но получаются скучные прозаизмы, не больше.²

И, конечно, он пишет модным теперь свободным, прыгающим ритмом. Но ритм этот нисколько не мотивирован, режет ухо, и только.

И, конечно, как «новатор» Оцуп вводит неологизмы. Но с законами русского словообразования не считается, и мы имеем «длинноношею голову», совершенно неудобопроизносимое слово с тремя рядом стоящими гласными.

Да и вообще Оцуп русской грамматики не любит:

Будет он винить жару проклятую
И напрасно ждать ее одной (?)

3

Ирина Одоевцева,³ стремясь к оригинальности, избрала другой путь. Она вспомнила про английскую балладу.

Источник выигрышный. Русские поэты совершенно забыли про удивительную английскую поэзию XIX в. Уж не говорю про Саути и Кидса, но кто знает в России Теннисона или Браунинга?⁴

Одоевцева поступила правильно, обратившись к Англии. Но нельзя переносить чужие формы в родной язык без коренных изменений. В лучшем случае получится стилизация.

Поэтому хороши «Баллада об извозчике» и «Толченное стекло», где чуждая форма взята *иронически*: мелкий советский быт описан с торжественной жутью традиционной баллады.

А «Луна», поэма в 300 с лишним строк, про Графа, Виолетту, графиню de Saint-Arlatte и таинственную незнакомку, звучит как *перевод*. Разве не переводная строчка:

Граф, два слова сказать Вам надо мне.

Или из другого стихотворения:

Вот сейчас я сделаю прыжок.

Сюжет «Луны» не нов, и тянется поэма скучно и водянисто. А балладные приемы у Одоевцевой бедны, повторяются. Вечно у нее в стихах кошка, и всегда она прыгает на окошко:

Взъерошенная кошка
Вскочила на окошко.

Вот вхожу к тебе я рыжей кошкой,
Мягкою, пушистою, большой.
Вспрыгнула бесшумно на окошко.

И прыгнул в окошко черный кот.

Затем: нельзя писать такие «переводные» стихи прыгающим ритмом. Лучшим стихотворением Одоевцевой я считаю «Отрывок» потому только, что он написан твердым размером.

Стивен-Рой, у тебя красный пламенный рот,
Поцелуй же меня, Стивен-Рой!
Кровь рекой потечет, пламя замок сожжет,
И навеки я буду с тобой.

Лирические стихи Одоевцевой бледны и скучны.⁵ У них нет своего лица.

4

А у Нельдихена свое лицо есть. Нельдихен начал с бума.⁶ Но бум быстро приедается и раньше всего самым «шумящим» поэтам. Так шумели и отшумели футуристы, шумел и перестает шуметь имажинизм.

И вот: если за бумом нет ничего — поэт умирает. Если же за бумом кроется нечто — поэт восходит на Парнас и — правее. Кто заподозрит теперь академического Брюсова в бума? А бум был, и какой бум! И Маяковский уже поправел, правее имажинисты.

У Нельдихена есть *ничто*. Есть то, чего нет почти ни <у> одного современного поэта —

миросозерцание.

Законченное, цельное и оригинальное. Недаром все «Органное многоголосье» держится на *афоризме*. Афоризм Козьмы Прутков, но взят он не пародийно. Козьма Прутков — всерьез.

Я говорю это не в насмешку. Смеяться не над чем. И Нельдихен не смеется, когда говорит:

Поцелуй — это то же, что у собак обнюхиванье.

Любовная неудовлетворенность — первопричина
всякой грусти.

Строение стиха не ново. Оно взято у Уитмена и разжижено акмеизмом. Нельдихен обновил — матерьял. Его выигрышный прием — новая идеология: ограниченного человека, легкомысленного и глупого.⁷

И в этом апофеозе тупой праздности Нельдихен достигает совершенства.

Приидите ко мне все дерзающие,
Величественные, полнотелые, лицом прекрасные,
Свободные и простые,
Разгуливающие праздно по улицам,
Живущие только для того, чтобы жить!

Я не люблю смешивать личность поэта с его стихами. Я не хочу сказать, что сам Нельдихен ограниченный лентяй. Конечно, вся эта идеология — прием, не больше, но прием новый и прием мастера.⁸

Русская литература нашла нового *оригинального* поэта, а искатели идеологий в стихах — новую жертву.⁹ Какая лафа для рассуждений о растлении морали и о закате литературы. Сколько слез будет пролито старомодными ревнителями живого слова!

А плакать над русской поэзией из-за Нельдихена не следует. Надо радоваться и — удивляться.

5

Петербургские любители, посещавшие поэтические вечера в «Доме Искусств» и в «Доме Литераторов», уже давно знают Оцуца, Одоевцеву и Нельдихена. Это новый Парнас, «признанные» поэты.

Но вот вышли три сборника — «Ушкуйники»,¹⁰ «Звучащая раковина»,¹¹ «Островитяне»,¹² — объединяющие новичков, никому не известных.

Почти все — ученики Гумилева. Этот большой поэт и замечательный учитель оказал громадное влияние на всю петербургскую молодежь. Он, как никто, вытравлял из ученика все пошлое. Но никогда не навязывал ему *своего*. Он не был узким фанатиком, каким его любили выставлять представители других поэтических течений.

И никто из его учеников не подражает открыто. Но, по-моему, это не достоинство, а недостаток.

Начинающий поэт должен начать с подражания. Вся беда новой русской поэзии в том, что нет твердых традиций. С первых же стихов новичок хочет быть оригинальным, сознательно избегает влияний. И делается вычурным, фальшивым. Не оригинальность, а оригинальничанье!

Только два поэта не побоялись откровенного подражания. Это Ник<олай> Радищев¹³ и Томас Рагинский.¹⁴

В глухие месяцы разлуки
Я стану вспоминать, любя,
Костер, скамью, гитары звуки
И, ненаглядную, тебя.¹⁵

— ” —

Нам осень ранняя шумела
И в кружевной узор вплела,
Как ты плясала, как ты пела
И как ты милым назвала.¹⁶

Конечно, это упрощенный, наивный Фет. — Не более. И не беда, что сладкая сентиментальность Фета у Радищева местами приторна, а тонкая медитативность превращается в пустую, детскую риторику:

Чего ж тебе еще, что хочешь ты, что свищешь?
Пустая, — что шумишь? Надменная, — что ждешь?
Каких еще забот, каких тревог ты ищешь?
Кому еще верна? За кем еще идешь?¹⁷

На то Радищев начинает. Он еще выбьется на свою дорогу.

А Рагинский — еще смелее. Его традиция старинная, чуть ли не архаическая. И, разумеется, эстетсы придут в ужас от его стихов. Ведь он не боится самых избитых эпитетов: «мрачные скалы», «тяжелые крыла», «блещущий металл». И все-таки в его выпрєнных пейзажах бьется добрая старая торжественность:

Вершин зубчатых тень достигла.
Светила блещущий металл
За черноту угрюмых скал
Кровавые роняет иглы.¹⁸

— ” —

Взмахнув тяжелыми крылами,
В соленом воздухе сыром,
Гигантским траурным орлом
Ночь вознесется над горами.¹⁹

О других поэтах говорить — боюсь. Нина Берберова,²⁰ напр<имер>, напечатала в «Ушкунниках» тонкое и выдержанное стихотворение. Но как судить по одной пьесе? И то же приложимо ко всем новичкам. Слишком мало матерьяла.

6

Но на «островитянах» — Вагинове²¹ и Колбасеве²² — можно остановиться дольше. Они выпустили по отдельной книжке стихов. Обе брошюры несовершенные, ученические, но в обеих слышится живая поэтичность.

Вагинов идет за Мандельштамом. Он тоже отмечает логическое движенье стиха, заменяя его фонетическим:

Палец мой сияет звездой Вифлєсема,
В нем раскинулся сад, и ручей благовошный звенит,
И вошел Иисус, и под смоквой плакучею дремлет,
И на эллинской лире унылые песни твердит.²³

Вагинов тоже пытается управлять большими звуковыми массами, строить бессмысленное, но строгое фонетическое здание.

Для этого надо быть Мандельштамом. Вагинов же, сцепляя строки, довольствуется простыми звуковыми ассоциациями:

В нагорных горнах гул и гул, и гром,
Сквозь груды гор во Мцхетах свечи светят.²⁴

Тем не менее в каждой строке Вагинова чувствуется сырая, еще не нашедшая себя, но подлинная поэтическая острота:²⁵

Табун, табун ветров копытами затопчет
Мой малый дом, мой тихий Петербург.²⁶

Или:

Обошел осторожно я дом, обреченный падению,
Отошел на двенадцать неровных, негулких шагов.²⁷

Поэма Колбасьева «Открытое море» распадается на две части. Бой на море и гибель крейсера написаны сжато и сильно:

Покрыта хрустящей угольной грязью
Железная палуба корабля.

В двух строчках поэт сумел сгустить все описание крейсера. А после резкой картины боя жутко звучат простые слова:

Гладкая вода бежит навстречу,
И, беззвучно рассекая воду,
Сквозь густой туман меня проносит
Полубогоревший серый крейсер.

Но Колбасьев присоединил к этой главной теме избитый мотив туманного Петербурга:

Полным ходом трехтрубный крейсер
Идет через Петербург.

И тут же затасканный мотив двойника:

Это мои, мои глаза
Прямо в упор на меня взглянули.

Дешевый символизм испортил хорошую поэму.

7

Елизавету Полонскую²⁸ и Ник<олая> Тихонова²⁹ я считаю настоящими, большими поэтами.

Хотя бы потому, что оба касаются современных тем, смотрят в глаза Революции. Таких поэтов, особенно у нас, в Петербурге, нет.

А у Полонской есть к тому нечто старое, забытое — *пафос*! Ее голос — голос пророка, властный и горький:

На память о тяжелом годе
Установи себе, народ,
Семь дней на память о свободе
И передай из рода в род!

И с настоящей пророческой страстностью звучат ее обличенья:

Иль не стало в нашей стране
Сьпновьям нашим должного места,
Что мы отдали их войне
И дали им смерть в певесты?

Только сильный поэт может с такой страстью диктовать законы и обличать неправду. И с тем же горьким патетическим подъемом растут пророческие виденья:

Веселые и дерзкие года
Оставшимся достанутся на долю:
Разрушенные битвой города,
Окопами раскопанное поле.
Они увидят землю вдаль и вдаль,
И, наконец, доподлинно узнают,
Как черен хлеб, как солона печаль,
Как любят нас и как нас убивают.

А стихи Полонской об Иисусе с невиданной — опять же пророческой! — дерзостью восстают на христианскую мораль. И мне смешно, когда благонамеренная критика возмущается этими «кощунственными» стихами, проглядев в них библейский пафос цельного и непреклонного пророка.³⁰

8

Стихи Полонской построены, точно из одного камня, и, в лучшем смысле этого слова, однообразны. Их единое дыханье — пафос.

И вот рядом со «Знаменьями» — «Орда» Ник<олая> Тихонова кажется особенно разнообразной и многоликой. И у Тихонова есть пафос, но поэт никого не обличает и никому не приказывает. Он восторженно принимает и приветствует мир:

Праздничный, веселый, бесноватый,
С марсианской жаждою творить,
Вижу я, что небо небогато,
Но про землю стоит говорить.³¹

И он говорит о земле. Только о земле. Ничего о небе.

И все одинаково хорошо удается Тихонову. Он тоже берет английскую балладу, но переламинает ее по-своему, и звучит она не как перевод, а как новая форма, новая русская героическая баллада:

Спокойно трубку докурил до конца,
Спокойно улыбку стер с лица.
«Команда, во фронт! Офицеры, вперед!»
Сухими шагами командир идет.
И слова равняются в полный рост:

«С якоря в восемь. Курс — ост.
У кого жена, дети, брат —
Пишите, мы не придем назад.
— Зато будет знатный кегельбан».
И старший в ответ: «Есть, капитан!».
А самый дерзкий и молодой
Смотрел на солнце над водой.
«Не все ли равно, — сказал он, — где?
Еще спокойней лежать в воде».
Адмиральским ушам простукал рассвет:
«Приказ исполнен. Спасенных нет».
Гвозди б делать из этих людей:
Крепче б не было б в мире гвоздей.³²

А лирика, которая Полонской не дается ни в какой мере, у земного Тихонова звучит восторженно и ново.

Полюбила меня не любовью,
Как березу огонь — горячо,
Всеселее зари над становьем
Молодое блесгело плечо.³³

Самое замечательное в стихах Тихонова то, что все они сюжетны. *Фабурлой* пронизано все, даже лирика. И поэтому-то стихи его *интересны*, не приедаются.³⁴

И потом, Тихонов умеет *смеяться*. Все так же восторженно и громко.

Старый дьявол чистит ногти пемзой,
С меловых утесов вниз плюет,
И от каждого плевка над Темзой
Гулкий выплывает пароход.

— ” —

Из дубовых вырубать обрубков
Любит он при запертых дверях
Капитанов с компасом и трубкой
И купцов со счетами в руках.³⁵

Это старая Англия. И с той же величественной иронией смеется он над оккупацией японцами Сибири, над Свифтом, над Махно:

Понатешился батька посевом,
Дарит ветер он красным доломаном
И уходит обратно к королевцам,
К снпсусым молдавским банам.
Пусть москаль про его забавы
Королю по проволоке каркал,
Батька пляшет, налево и направо

Раздаст и швыряет подарки.
Пьет и бьет за чаркою чарку,
Снова зубы, как сабли, точит,
И, как угли, дымятся жарко
Завидушие батькины очи.³⁶

Размеры моей статьи не позволяют мне остановиться дольше на этом замечательном поэте. Отсылаю читателей к большой статье Ильи Груздева во втором номере «Новой России».³⁷ О Тихонове надо писать подробно. Ведь «Орда» — событие в русской поэзии.³⁸ Тихонов сумел найти новые тропы и новые рифмы, свежую, гибкую строфу, а земная восторженность его стихов говорит о здоровом вкусе и о твердой уверенности в своих силах.

Жизнь учила веслом и винтовкой,
Крепким ветром, по плечам моим
Узловой хлестала веревкой,
Чтобы стал я спокойным и ловким,
Как железные гвозди — простым.³⁹

Лев Лунц.

¹ *Оцун Николай Авдиевич* (1894—1958) — поэт, мемуарист, биограф Гумилева. «Град» (Пб.: Цех поэтов, 1921) — первый сборник его стихотворений. В конце 1922 г. Оцун был командирован в Берлин для согласования списка книг, намеченных издательством «Всемирная литература» к печати в Германии, откуда уехал в Париж. Подробнее о нем см.: *Аллен Л.* «С душой и талантом...»: Штрихи к портрету Николая Оцуна // Оцун Николай. Океан времени: Стихотворения. Дневник в стихах. Статьи и воспоминания о писателях. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С. 3—24.

² Ср. с высказыванием Лунца в его рецензии на альманахи «Цеха поэтов»: «У Оцуна <...> какой-то конгломерат скверных прозаизмов и художочной поэзии» (Книжный угол. 1922. № 8. С. 50).

³ *Одоевцева Ирина Владимировна* (псевд. Ирины Густавовны Гейнке; 1901—1990) — поэтесса, мемуарист. «Двор чудес: Стихи (1920—1921)» (Пг.: Мысль, 1922) — ее первая книжка стихотворений.

⁴ *Саули Роберт* (1774—1843), *Китс Джон* (1795—1821), *Теннисон Альфред* (1809—1892), *Браунинг Роберт* (1812—1889) — английские поэты.

⁵ Эта же оценка лирических стихов Одоевцевой дана Лунцем и в рецензии на альманахи «Цеха поэтов» (Книжный угол. 1922. № 8. С. 51). Противоположным было мнение анонимного рецензента, увидевшего в Одоевцевой несомненного поэта (Книга и революция. 1922. № 7 (19). С. 62).

⁶ *Нельдихен Сергей Евгеньевич* (наст. фам. Нельдихен-Ауслендер; 1891—1942) — поэт, критик. «Органное многоголосье» (Пб., 1922) — второй сборник его стихотворений. Его некролог на смерть Лунца см.: Россия. 1924. № 2. С. 207—208. Подробнее о нем см.: *Чертков Л., Никольская Т.* Стихи Сергея Нельдихена // *Neue Russische Literatur Almanach*. [Salzburg], 1978. S. 99—100; Неизвестные страницы русской поэзии XX века: Сергей Нельдихен. Мария Шкапская / Сост. и вступ. заметка В. Ю. Бобрцова // Русская литература. 1991. № 3. С. 209—210; *Дмитренко А. Л.* О воспоминаниях Сергея Нельдихена // *De Visu*. 1994. № 3/4. С. 69—72. Упомянув о буме, Лунц, очевидно, имеет в виду шокирующие публику выступления Нельдихена на поэтических вечерах Дома Искусств и Дома Литераторов. См., в частности, заметки М. Л. Слонимского, назвавшего поэзию Нельдихена «вздутожилой» (так! — Т. К.): *Слотинский М.* На вечере петроградских поэтов // Жизнь искусства. 1920. 3—5 янв. № 334. 336. С. 1; *он же.* Вздутожилая поэзия (На вечере поэтов) // Там же. 19 окт. № 586. С. 1.

⁷ Ср. с воспоминаниями Н. Оцупа: «Из поэтов, вскормленных революцией, мы знали Тихонова, знали Нельдихена. Куда исчез этот интереснейший Уог Уитмен в российском издании, которого Пяст считал гениальным, а Гумилев, любя, назвал апостолом глухоты?» (*Оцуп Н. Современники*. Париж, 1961. С. 164).

⁸ Ср. с его же оценкой стихотворений Нельдихена, напечатанных в альманахах «Цеха поэтов»: «Единственный интересный поэт из всей молодежи „Цеха“ Сергей Нельдихен. Хорош он тем, что пишет плохие стихи. Да это, собственно, и не стихи. Но и не проза. И не стихотворение в прозе. — Это проза в стихах. Стихи Нельдихена единственно плохие стихи в Альманахах, и этим они лучше всех других» (Книжный угод. 1922. № 8. С. 51—52).

⁹ Слова Луица оказались пророческими в буквальном смысле слова. В 1929 г. книга Нельдихена «С девятнадцатой страницы» квалифицирована критикой как «манифест классового врага в области поэзии» (*Македонов Адриан*. [Рец.] // На литературном посту. 1929. № 21—22. Ноябрь. С. 87). Вскоре он был исключен из Союза поэтов, в 1931 г. арестован и сослан в Среднюю Азию. В июне 1941 г. арестован вторично, скончался в заключении.

¹⁰ В сборнике «Ушкуйники» (Пб., 1922), изданном по инициативе и на средства прозаика, переводчика, мемуариста *Николая Корнеевича Чуковского* (псевд. Ник. Радищев; 1904—1965), поменские первые участники кружков «Звучащая раковина» и «Островитяне»: Н. Берберовой, К. Вагинова, П. Волкова, Н. Дмитриева, Иды и Фредерики Наппельбаум, Н. Радищева, А. Столярова, Н. Тихонова. Об истории его создания см. в кн.: *Чуковский Н. Литературные воспоминания*. М., 1989. С. 153—157. Критика, привыкшая к альманахам, традиционнно объединяющим членов одного кружка или направления, встретила сборник с удивлением: «Почему они объединились в этом альманахе с буйным названием „Ушкуйники“. — неизвестно. У них нет ни достаточного овладения формой, ни той яркости содержания, которая позволила бы сказать: „А вот у них что за душой“. <...> Лица своего нет ни у кого из участников сборника, кроме Тихонова» (*Павлов Мих.* [Павлович Н. А.]. [Рец.] // Книга и революция. 1922. № 7 (19). С. 64). См. также неопубликованную сочувственную рецензию Я. Торна (РО ИРЛИ, ф. 98, оп. 1, № 153).

¹¹ В сборник стихотворений «Звучащая раковина» (Пб., 1922), посвященный Н. С. Гумилеву, включены стихотворения участников одноименного поэтического кружка К. Вагинова, П. Волкова, Д. Горфинкеля, Н. Дмитриева, О. Зив, В. Лурье, В. Миллера, сестер Наппельбаум, Т. Рагилского-Карсейво, Н. Радищева, А. Столярова, Н. Суриной, А. Федоровой.

¹² В альманахе «Островитяне» (Пб., 1922) представлены стихотворения членов одноименного поэтического содружества, созданного в 1921 г. поэтами К. Вагиновым, П. Волковым, С. Колбасевым, Н. Тихоновым. В кружке принимали участие также В. И. Лурье, Е. Г. Полонская и Вс. А. Рождественский. По свидетельству Тихонова, программа кружка была изложена в манифесте, опубликованном И. Эренбургом в Праге. «Мы заявляли в нем, что самый простой рассказ, который должен быть сейчас рассказан, это рассказ о земле и человеке, и мы ставили себе скромную задачу приблизиться к этому простому и ясному рассказу» (*Тихонов Н.* Устная книга // Тихонов Н. С. Собр. соч.: В 7 т. М., 1986. Т. 6. С. 25). В издательстве с одноименным названием вышли также книги Н. Тихонова «Орда: Стихи 1920—1921» (Пб., 1922) и С. Колбасева «Открытое море: Петербургская поэма» (Пб., 1922). Первоначально альманах «Островитяне» и книга Тихонова «Орда» планировались к выходу в издательстве «Наши дни». См. об этом в заявлении журналистов Д. Д. Скворцова и С. С. Касперович в Государственное издательство от 28 января 1922 г. с просьбой о регистрации издательства и отрицательной резолюцией Госиздата: ЦГАЛИ СПб., ф. 35, оп. 1, № 47, л. 36—37. См. сочувственные отзывы об альманахе: *Выгодский Д.* Островитяне // Жизнь искусства. 1922. 23 мая, № 20 (843). С. 4; *В. Р.* [Рождественский Вс. А.]. [Рец.] // Книга и революция. 1922. № 7 (19). Август. С. 63—64. Подробнее о группе см.: *Anemone A., Martynov I.* The Islanders Poetry and Polemics in Petrograd of the 1920 s. // Wiener Slavistischer Almanach. 1992. Bd 29. S. 107—126; *Дмитренко А. Л.* К истории содружества поэтов «Островитяне»: Машиннописный альманах // Русская литература. 1995. № 3. С. 209—224.

¹³ В 1921—1922 гг. Н. К. Чуковский (Ник. Радищев) примыкал к группе «Серапионовы братья» как младший «серапион», в 1919—1921 гг. занимался в семинаре Гумилева в Литературной студии Дома Искусств. О его юношеских стихотворениях одоб-

ригательно отзывался М. Горький; В. Ходасевич считал его поэтом, подающим большие надежды. Единственный сборник стихотворений Н. Чуковского «Сквозь дикий рай» (Л.: ИПЛ, 1928), посвященный красоте природы, «жизни простому значению», оказался несозвучным времени социальных изменений. Критика отметила в нем «настроения внутренней эмиграции», поиски «забвения в мистических сферах», «махрово-реакционное мировоззрение автора» (*Кондаков А.* Махровая реакция // *Рост.* 1930. № 8/9. С. 42). Со второй половины 1920-х гг. писал повести и романы, стилистически тяготеющие к традициям классической литературы.

¹⁴ *Рагинский-Карейво Томас Георгиевич* — поэт, член кружка «Звучащая раковина». Работал статистиком. В сентябре 1921 г. Всероссийский союз писателей (Петроградское отделение), ходатайствовавший перед Губчека о возвращении рукописей Гумилева, изъятых при аресте, поручил Рагинскому их получение в Губчека (см. письмо правления Союза в Петрогубчека от 5 сентября 1921 г.: РО ИРЛИ, ф. 291). С 1923 г. жил в Ялте. Крестный отец дочери Вс. Иванова. См. об этом в письме Н. Тихонова Л. Луницю, написанном в октябре 1923 г.: Лев Луниця и «Серапионовы братья» / Публ. и коммент. Г. Керна // *Новый журнал.* 1966. № 82. С. 174. См. также примечания А. Л. Дмитренко к публикации: *Грудцова О.* «Довольно, я больше не играю...»: Повесть о моей жизни // *Минувшее: Исторический альманах.* М.; СПб., 1996. [Вып.] 19. С. 121.

¹⁵ Фрагмент стихотворения Н. Чуковского из сборника «Звучащая раковина» (Пб., 1922).

¹⁶ Там же.

¹⁷ Фрагмент стихотворения Н. Чуковского «К душе» из сборника «Ушкуйинки» (Пб., 1922).

¹⁸ Фрагмент стихотворения Рагинского из сборника «Звучащая раковина».

¹⁹ Там же.

²⁰ *Берберова Нина Николаевна* (1901—1993) — поэтесса, мемуарист. Член кружка «Звучащая раковина». В 1921—1922 гг. часто бывала на «литературных субботках» «Серапионовых братьев». Особенно была дружна с «младшим серапионом» Н. К. Чуковским (см. об этом: *Чуковский Н.* Литературные воспоминания. С. 118—121). В июне 1922 г. вместе с В. Ф. Ходасевичем уехала за границу. Ее некролог на смерть Луниця см.: *Дни.* Берлин, 1924. 1 июня. С. 7—8. На вечере памяти Луниця 9 апреля 1924 г. в Париже выступала с воспоминаниями о нем. См. об этом в письме В. С. Познера А. М. Ремизову: «Серапионовы братья» в собраниях Пушкинского Дома: Материалы. Исследования. Публикации / Авт.-сост. Т. А. Кукушкина, Е. Р. Обатнина. СПб., 1998. С. 177. Впоследствии опубликовала воспоминания о «серапионах» и письма к ней Луниця (*Берберова Н.* Из петербургских воспоминаний: Три дружбы // *Опыты.* Нью-Йорк, 1953. Кн. 1. С. 169—180).

²¹ *Вагинов Константин Константинович* (наст. фам. Вагенгейм; 1899—1934) — поэт, прозаик. В 1920-е гг. — член разных поэтических объединений: «Цех поэтов», «Звучащая раковина», «Аббатство Гаеров», «Кольцо поэтов имени К. М. Фофанова», «Островитяне», «Обэриу» (1927). «Путешествие в хаос» (Пб.: Изд. Кольца поэтов, 1921) — его первая книга стихотворений. Подробнее см. о нем: *Никольская Т. Л.* О творчестве Вагинова // *Материалы XXII научной студенческой конференции.* Тарту, 1967. Ч. 1. С. 94—100; *Чертков Л.* Поэзия Константина Вагинова // *Вагинов К. К.* Собрание стихотворений. Мюнхен, 1982. С. 213—230; *Никольская Т. Л.* К. К. Вагинов: Канва биографии и творчества. Библиография // *Четвертые Тынтяновские чтения.* Рига, 1988. С. 67—88; *она же.* Трагедия судакос // *Вагинов Константин.* Колзяная песнь. Труды и дни Свисгонова. Бамбочада. М., 1989. С. 5—18.

²² *Колбасьев Сергей Адамович* (1898—1937?) — поэт, прозаик. «Открытое море» — его первая книга стихотворений. См. о нем: *Кондрищенко Э.* «...Ветер отвечает кораблю» // *Литературное обозрение.* 1987. № 10. С. 108—109; *Колбасьева Г. С.* Сергей Колбасьев // *Жизнь Николая Гумилева.* Л., 1991. С. 315—317.

²³ Фрагмент стихотворения из сборника «Звучащая раковина».

²⁴ Фрагмент стихотворения из сборника «Островитяне».

²⁵ Ближкое мнение о поэзии Вагинова высказывал и Вс. Рождественский: «Логические несообразности Вагинов часто оправдывает верностью своего звукового рисунка — редкий пример фонетического воображения. На этом построена дикая книжка „Путешествие в хаос“, книжка очень юная, плохого вкуса, но живая несомненно» (*Книга и революция.* 1922. № 7 (19). Август. С. 63).

²⁶ Фрагмент стихотворения из сборника «Звучащая раковина».

²⁷ Там же.

²⁸ Об истории издания первой книги Полонской «Знаменья: Стихотворения» (Пб.: Эрато, 1921) см.: *Полонская Е.* Начало двадцатых годов // Простор. 1964. № 6. С. 110—119. В оценке этого сборника с Лунцем был солидарен и Б. Эйхенбаум: «Стихи Полонской выделяются своей экспрессией: в них чувствуется мускульное напряжение, в них есть сильные речевые жесты» (Книжный угол. 1921. № 7. С. 40—42). Иннокентий Оксенос называл стихи Полонской «подлинным подвигом» (Книга и революция. 1921. № 1 (13). С. 61—62). Иного мнения придерживался П. К. Губер, прозаик, критик, сотрудник дореволюционных газет «Русская мысль», «Речь»: «Когда поэтов много, то случается, что поэзией, следуя инстинкту подражания, начинают заниматься люди, у которых нет для того ни малейших данных и которым гораздо лучше было бы изучить какое-нибудь полезное ремесло» (*Губер П.* Новые сборники стихов // Летопись Дома Литераторов. 1921. № 3. С. 9). О Е. Г. Полонской см. также в прим. 17 к предисловию.

²⁹ Первая книга стихотворений *Николая Семеновича Тихонова* (1896—1979) «Орда: Стихи 1920—1921» (Пб.: Островитяне, 1922) вышла с посвящением Вс. А. Рождественскому. Об истории ее издания Тихонов рассказывал: «В 1922 г. вместе с С. Колбасьевым он издает на свои средства (2 пары белья и 2 седла) книгу стихов 1-ю — „Орда“. Издание сначала не покупается вовсе, потом расходится без остатка. В книгу вошло 30 стихотворений из 500, написанных за эти годы» (*Тихонов Н.* Моя жизнь: Автобиография // Красная панорама. 1926. № 41, 8 окт. С. 7; автобиография написана от третьего лица). Во второй номер журнала «Ирида» была включена и одобрительная рецензия Н. П. Каткова на книгу «Орда» (РО ИРЛИ, ф. 568, № 125, л. 294—296).

³⁰ Н. А. Павлович, в частности, отмечала неблагоприятный тон стихов Полонской об Иисусе, злобный, истеричный характер ее гнева (Летопись Дома Литераторов. 1922. № 8/9. С. 9).

³¹ Фрагмент стихотворения из книги «Орда».

³² Фрагмент «Баллады о гвоздях», впервые опубликованной в его книге «Брага: Вторая книга стихов. 1921—1922» (М.; Пг.: Круг, 1922).

³³ Фрагмент стихотворения из книги «Орда».

³⁴ Ср. с мнением Я. Торна о стихотворениях Тихонова из сборника «Ушкуйники»: «На стихах Ник<олая> Тихонова хочется остановиться. Они крепки, цельны и обнаруживают черты собственного поэтического мироощущения. Даже прямая зависимость от Гумилева не мешает их суровому своеобразию. Экзотики (так! — Т. К.) и сюжетность — вот, очевидно, задания, поставленные поэтом. <...> Так или иначе, пустых строчек у него не будет и строфа всегда явит истинную стремительность взволнованного рассказа. Тон стихов — героически-приподнятый» (РО ИРЛИ, ф. 98, оп. 1, № 153, л. 2).

³⁵ Фрагмент стихотворения «Англия» из книги «Орда».

³⁶ Фрагмент стихотворения «Махно» из альманаха «Серрапионовы братья: Заграничный альманах» (Берлин, 1922).

³⁷ В журнале «Новая Россия» статья «серрапиона» *Ильи Александровича Груздева* (1892—1960) не появилась. После выхода второго номера журнал был закрыт, с августа 1922 г. выходил под названием «Россия». Лунц, вероятно, читал статью, планировавшуюся для этого номера, в рукописи. обстоятельная обзорная работа Груздева «Русская поэзия в 1918—1923 гг. (К эволюции поэтических школ)» о закономерностях развития поэзии, судьбах символизма, акмеизма, футуризма напечатана в журнале «Книга и революция» (1923. № 3 (27). С. 31—38). Творчеству Тихонова посвящен небольшой абзац.

³⁸ Восторженное мнение о стихах Тихонова Лунц высказывал и в письме Горькому от 9 ноября 1922 г.: «Жаль, что Вы не успели познакомиться с Ник<олаем> Тихоновым. Это неординарный, интереснейший человек, а стихи его я считаю событием в нашей поэзии. Совершенно необыкновенный напор, пафос, сила!» (Переписка Л. Н. Лунца с М. Горьким / Предисл., публ. и прим. А. Л. Евстигнеевой // Лица: Биографический альманах. М.; СПб., 1994. [Вып.] 5. С. 343).

³⁹ Фрагмент стихотворения из книги «Орда».

НИНА ГАРИНА. ВОСПОМИНАНИЯ О ЛЕОНИДЕ АНДРЕЕВЕ

Публикация Л. Н. Ивановой

Воспоминания принадлежат Нине Михайловне Гариной, жене прозаика, драматурга, публициста, профессионального революционера Сергея Александровича Гарина (настоящая фамилия Гарфильд; 1873—1927). Сведения о Гарине, — сменившем учебу в духовном училище и семинарии в Москве на петербургское мореходное училище, затем посвятившем себя общественной и политической деятельности и занимавшем весьма скромное место в современном ему литературном процессе, — довольно скудны.¹ О самой же Нине Михайловне не удалось отыскать почти ничего: нет даже дат ее жизни, девической фамилии. Упоминания об этой семье не встречаются и в воспоминаниях современников. А между тем стараниями хозяйки, московская и петроградская квартиры Гариных временами превращались в «домашний салон» с характерными для него атрибутами: авторскими чтеньями литераторов, музицированием, дружескими застольями. Что было в духе времени. Так же, как и «домашние альбомы». В доме Гариных бывало немало известных и знаменитых людей. Возникла потребность зафиксировать памятные встречи. Для этой цели был приобретен большой альбом, открывающийся надписью: «Моему верному, честному спутнику на жизненном пути — Нине Михайловне Гариной, в день ее рождения от горячо любящего Сергея Гарина. Москва. Октябрь 1913 года». В течение 20 лет страницы альбома заполнялись прозаическими и стихотворными записями, полами, рисунками, фотографиями писателей, художников, актеров, музыкантов (1904—1933).² Среди наиболее известных имен (а их — около двухсот): Л. Н. Андреев, М. П. Арцыбашев, И. А. Бунин, А. М. Васнецов, А. К. Глазунов, С. М. Городецкий, М. Горький, Б. К. Зайцев, Н. А. Клюев, В. Г. Короленко, А. И. Куприн, С. И. Мамонтов, А. С. Серафимович, Н. Д. Телешов, Н. Н. Ходотов, Е. Н. Чириков, В. Я. Шишков, И. С. Шмелев, С. С. Юшкевич и др. Уже перечисление имен дает представление о необыкновенном окружении семьи Гариных, фотографии которых также присутствуют на страницах альбома.

¹ См.: *Хитрово Л. К.* Гарин Сергей Александрович // Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь. М., 1989. Т. 1. С. 526—527; Автобиография в собрании С. А. Венгерова (РО ИРЛИ, ф. 377, оп. 7, № 1010, л. 1—1 об.); *Азадовский К.* Последняя ночь // Звезда. 1995. № 9. С. 128.

² РО ИРЛИ, ф. 736 (С. А. Гарин), № 57. Следует отметить, что в альбом вклеивались материалы, оказавшиеся в семье Гариных и до 1913 г.

В 1933 г. Нина Михайловна принесла альбом в Пушкинский Дом. Трудно сказать, что могло заставить ее расстаться с уникальной коллекцией: желание сделать ее достоянием многих или тяжелые жизненные обстоятельства. Однако лишь благодаря этому шагу и сохраненному домашнему архиву имя Нины Михайловны Гарниной не вполне затерялось в водовороте времени.

Будучи страстно увлеченной литературой, людьми, к ней причастными, сама Нина Гарина никогда не делала попыток сочинять. «<...> среди многих писателей, — признавалась она, — существовало упорное мнение, <...> что „я пишу вместе с мужем моим“. <...> Я никогда ничего, кроме „пишем родственникам о присылке мне денег“, не писала, и в литературной работе мужа моя роль состояла лишь в том, что я оберегала его здоровье... <...> И была лишь вернейшим другом его и советчиком, но никогда не соавтором».³

Тем не менее в начале 1930-х годов Гарина задумала написать книгу воспоминаний. Замысел не был осуществлен. Сохранились лишь наброски и отдельные главы, в которых, к сожалению, заметно отсутствие литературного навыка. Однако только из этих воспоминаний или их фрагментов, набросков и удастся восстановить хоть какие-то биографические сведения об их авторе. Начиная оставшееся в черновиках «Вступление», Гарина обращается к своим будущим читателям: «Читая мои мемуары, — первое впечатление и первый вопрос, который может возникнуть, таков: почему я о себе пишу ничуть не меньше, чем о любом из писателей? Оспаривать это возможное впечатление я и не собираюсь, — наоборот, я подчеркиваю, что это не простая случайность, ибо весь мой материал, в главном и основном, создавался только лишь на фоне личных моих переживаний и наблюдений, в тесном моем контакте с жизнью писателей... Я совсем почти не описываю тех моментов из жизни писателей, о которых я слышала, — я описываю лишь те моменты, свидетельницей или участницей в которых была я сама...». На самом деле «присутствие» Гарниной на страницах мемуаров ограничивается главным образом «личными переживаниями и наблюдениями». «Возможно, — продолжает она, — что некоторые из писателей, оставшиеся в живых, не согласны будут с некоторыми данными мною характеристиками их собратьев по перу, но, надеюсь, что это будет в весьма редких случаях, ибо я описываю лишь только то, что я сама видела... Что сама слышала... Что сама переживала... И описываю так, как мною все происходящее вокруг воспринималось...».⁴ Далее Гарина говорит о своей «врожденной наблюдательности», «долготерпении» и «товарищеском отношении» к писателям, их «нуждам и горестям».

Признавая себя «лишенной всяких талантов», Гарина пытается объяснить свое тяготение к кругу, как она называет, «богемы». Лишь для этого, единственный раз, она осторожно приоткрывает завесу над своим прошлым, но, к сожалению, и здесь избегает конкретностей: «Рожденная в высококультурной и образованной семье, но со всеми условностями далекого прошлого... Окруженная гувернантками и боннами... Воспитываемая в „хорошем тоне“ и „изяжных манерах“, — я, единственная в семье своей, была тем именно, как говорится, „уродом“, к которому не прививались никакие „приличия“ и никакие „изяжные манеры“... Я была отчаянной, беспечной, бесшабашной девчонкой — была богемой, в настоящем, полном смысле этого слова... Вот почему этот мир — мир писателей, художников <...> был мне ближе всего <...> моей атмосферой... Моим воздухом... Частицей моего „я“...»⁵

³ РО ИРЛИ, ф. 736, № 68, л. 44. Пьеса С. Гарина «Рыцарь бедный» (М., 1912) вышла с посвящением: «Дорогому другу на жизненном пути --- Нине Михайловне, с которой мы вместе работали над этим трудом. --- посвящаю. Сергей Гарин. Москва, весна 1912».

⁴ РО ИРЛИ, ф. 736, № 69, л. 1 («Вступление» к воспоминаниям Н. М. Гарниной).

⁵ Там же, л. 1 об.

Сведения о гимназическом прошлом ограничиваются рассказами о собственных шалостях, непослушании: однажды, например, ее исключили за то, что не подошла к руке митрополита, но, по ходатайству классной дамы, вернули. Лишь в одной из глав случайный штрих: бежит в гимназию по Варшаве. За несколько месяцев до окончания гимназии Гарина⁶ неожиданно для всех вышла замуж. «Так весело начался мой первый брак», — пишет она, рассказывая о своем несколько скандальном венчании. По непонятной причине не называя своего первого мужа, представляет его весьма объективно: «Выдающийся лингвист, первый муж мой — этот талантливый человек — к глубочайшему огорчению моему, оказался прототипом героя романа Ф. Соллогуба (так! — Л. И.) „Мелкий бес“⁷... Четырнадцать невероятно тяжелых лет я все же прожила с этим тяжело больным человеком, но в конце концов испытания этого не выдержала и с тремя детьми⁸ бежала „в пространство“, так как возврата в семью „бежавшей от мужа“, по тем варварским временам, уже не было...». Далее Нина Михайловна признается, что долгие годы суровой жизни закалили ее и что только второй муж, С. А. Гарфильд,⁹ с которым было прожито «безоблачно» двадцать два

⁶ Вынужденное употребление единственной известной нам фамилии мемуаристки.

⁷ Это, разумеется, образное сравнение супруга Нины Гаринной с главным персонажем романа Ф. Соллогуба «Мелкий бес» (1902), гимназическим учителем Ардалионом Борисовичем Передоновым, ставшим именем нарицательным, вобравшим такие качества, как косность, тупоумие, злоба, рабский страх.

⁸ В письме к А.И. Куприну от 14 февраля 1938 г., вскоре после его возвращения в Россию, Н. Гарина сообщает о давней кончине мужа и напоминает о своих детях: Зоя, Алеша и Коля (РО ИРЛИ, ф. 242, оп. 1, № 103, л. 1). В альбоме Гаринной помещена открытка Куприна от 13 марта 1914 г., адресованная «ЕВБ Николаю Сергеевичу Гарину» с шуточным стихотворением:

Милый Коля Гарин,
Очень благодарен.
Не письмо — подарок!
Даже без помарок.
Слог великолепен
И довольно ярок.
Передай же, свет,
Маме мой привет.

А. Куприн.
(РО ИРЛИ, ф. 736, № 57, л. 10 об.)

Здесь же (л. 2 об.) — автограф «Сонета» Куприна, посвященного Алексею Гарину (10 марта 1917 г.). В альбоме же, под недатированной фотографией надпись: «Артистка Вольного Моск-овского Театра З. С. Гарина. Артист того же театра Николай Гарин» (л. 5 об.).

⁹ К сожалению, не удалось установить, когда выбранный в 1910 г. псевдоним Сергей Гарин заменил фамилию писателя. Во всяком случае, если до 1917 г. он нередко подписывал свои письма фамилией Гарфильд, то позднее к псевдониму прибавилось отчество. Даже в таких официальных документах, какими являются анкеты для членов Всероссийского союза писателей (1925 и 1926 гг.), Гарфильд не упоминается (РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1; без шифра). Можно предположить, что в какой-то момент писатель, а заодно его семья, решили избавиться от неблагозвучной и «неудобной» в России фамилии. В своей автобиографии он пояснял: «Оба родителя православные. Фамилия Гарфильдов происходит из шотландцев, и один из них, эмигрировавший в Америку, был после там президентом (Джеймс Гарфильд)» (РО ИРЛИ, ф. 377, оп. 7, № 1010, л. 1). В известных нам документах Нина Михайловна не только сама пользовалась исключи-

года (то есть 1905—1927), дал «возможность забыть о кошмаре прошлой жизни и уже окончательно окунул меня в столь близкую существу моему атмосферу богемы...». Впрочем, Нина Михайловна не рассказывает и об этом, любимом, муже ничего существенного, отмечает лишь его остроумие, литературный талант. Приводя незначительные эпизоды из семейной жизни, Гарина подытоживает: «Тяжелую, в общем, но действительную прекрасную жизнь я прожила с этим лучшим из людей...».¹⁰

Воспоминания писались в Ленинграде, в 1932—1939 гг. Законченные главы посвящены Л. Н. Андрееву, М. П. Арцыбашеву, И. А. Бунину, А. К. Глазунову, С. А. Есенину и Г. Ф. Устинову,¹¹ Н. А. Клюеву, А. И. Куприну, Ф. И. Шаляпину.¹² Очевидно, это те, кто оставил самый яркий след в жизни и памяти мемуаристки. Перечисленные имена наводят также на мысль о важной особенности сохранившейся части книги: несмотря на то, что Гарина почти не касалась политических тем, требовалось определенное мужество, чтобы в годы сталинских репрессий, особенно усилившихся в Ленинграде после убийства Кирова (1 декабря 1934 г.), рассказывать о тех, кто не принял советскую власть, кто не был ей идеологически созвучен, о тех, кто эмигрировал, и даже об осужденном и находящемся в ссылке Н. А. Клюеве.¹³

Предметом особого преклонения мемуаристки, по ее собственному признанию, был Леонид Андреев: «С первых же шагов литературной деятельности Леонида Андреева... С момента первого его брака — я зорко следила за ним... Его личной жизнью... Его гворчеством...»

Следила до последних дней его жизни... Он этого не знал. Не знал, что в моем лице у него была одна из самых верных и надежных его поклонниц, которая, несмотря на дальность расставания, все о нем знала... Все с ним вместе переживала, неустанно следя и за мечущимся духом его...»

Ошибочно полагая, что «в вышедших уже многих воспоминаниях» об Андрееве «очень мало упоминается о личной жизни писателя и его семейных взаимоотношениях», Гарина именно этому уделила основное внимание. На самом деле приводимые

только фамилией Гарина, но называла так и своих детей от первого брака (см., например, подписи под их фотографиями в ее альбоме: РО ИРЛИ, ф. 736, № 57, по внутренней описи). Примечательно, что Гариными стали и дети писателя от первого брака (с М. Г. Тимушко), рожденные задолго до возникновения псевдонима. См. воспоминания его дочери Веры Сергеевны (1898—1990) «По стопам отца. (Из дневника военкома Санупра времен гражданской войны)» (1971), где на вопрос о причине двойной фамилии, заданный в 1919 г., она ответила: «По отцу я Гарина, а фамилия мужа — Воробьев» (РО ИРЛИ, ф. 736, № 79, л. 5). Во втором браке Вера Сергеевна стала Гаринной-Кузнецовой. (Благодарю приемного сына Веры Сергеевны, В. М. Кузнецова, за некоторые сведения о матери.)

¹⁰ РО ИРЛИ, ф. 736, № 69, л. 8 об.—10 об. В этом же фонде см. также ее воспоминания: «Юбилей С. А. Гарина. (Из писем Н. М. Гаринной)» (1925) (№ 58) и «Кончина С. А. Гарина» (1927) (№ 44).

¹¹ Спустя много лет эта глава появилась в печати: *Гарина Н.* Воспоминания о С. А. Есенине и Г. Ф. Устинове / Публ. и примеч. К. Азадовского // *Звезда*. 1995. № 9. С. 139—149.

¹² В виде белых и черновых рукописей, авторизованной машинописи с правкой и вставками автора воспоминания поступили в Пушкинский Дом в 1974 г. от Веры Сергеевны Гаринной-Кузнецовой, в составе архива ее отца: РО ИРЛИ, ф. 736, № 59—70.

¹³ Н. А. Клюев, арестованный 2 февраля 1934 г., расстрелян в октябре 1937 г. К. М. Азадовский цитирует воспоминания Гаринной 1935 г. о Клюеве, относящиеся к осени 1912 г., когда поэт жил 2,5 месяца у Гаринных в Москве, публикует его рисунок того же периода. Фотографию 1913 г. (Гарин и Клюев) и запись 1922 г. в альбоме Нины Михайловны: *Азадовский К.* Николай Клюев: Путь поэта. Л., 1990. С. 7—8, 94, 101, 122, 128, 132, 135, 245.

факты и события в большинстве своем были уже известны из автобиографии Андреева¹⁴ и воспоминаний его близких друзей и родственников.¹⁵ Ни к тем, ни к другим Гарина, как мы знаем, не принадлежала. Однако думается, в данном случае речь не идет о плагиате: мемуаристка была знакома с некоторыми членами семьи Андреева, в частности, с его сестрой Риммой и братом Андреем. В ряде случаев именно на их рассказы она прямо ссылается в тексте. Кроме того, были и другие источники: это и общий литературно-артистический круг, и периодика, всегда уделявшая повышенное внимание к личности Андреева.¹⁶

Действительно, воспоминания Гариной носят «камерный» характер: в них почти совсем не говорится о литературном, театральном окружении писателя (исключение — эпизод с Куприным¹⁷), о его творчестве. Можно предположить, что описанными двумя встречами и исчерпывается близкое, вне многолюдных собраний, общение Гариных с Андреевым. Нина Михайловна сообщает о настоятельном приглашении писателя приехать с детьми и погостить у него в Финляндии, но вряд ли это удалось осуществить, иначе мы бы непременно, с большими подробностями, прочли обо всем в ее воспоминаниях.

Пересказывая биографию Андреева, Гарина пытается следовать хронологии, но почти не называет дат, не сообщает и об обстоятельствах знакомства с писателем, за которым всегда «следила». Почти документальная подробность изложения появляется лишь в сюжете, связанном с ее мужем: случайная встреча с Андреевым в Севастополе летом 1910 г. и незамедлительно последовавшее его содействие в публикации Гарина в «Русском богатстве».¹⁸

Весной 1910 г., во время отдыха в Крыму, Андреев встречался с В. Г. Короленко. Виделись они и в июне, во время очередного приезда Короленко из Полтавы в Петербург, по делам, связанным с «Русским богатством». 22 июня 1910 г. Короленко благодарит Андреева за присланный рассказ Гарфильда «Как они умерли»: «Он действительно интересен и написан хорошо». По совету Андреева 27 июля 1910 г. Гарфильд сам написал Короленко и получил краткий деловой ответ, датированный 2 августа того же года.¹⁹ Уже в сентябрьской книжке «Русского богатства» рассказ был опубликован.²⁰

¹⁴ См.: Первые литературные шаги: Автобиографии современных русских писателей / Собрал Ф. Ф. Фидлер. М., 1911. С. 27—32.

¹⁵ Речь идет об опубликованных к тому времени воспоминаниях Павла Николаевича (Литературная мысль. Л., 1925. Кн. 3. С. 140—207), Андрея Николаевича (Красная повесть. 1926. № 9. С. 209—223) и Риммы Николаевны Андреевых (Россия. 1925. № 4 (13). С. 238—241). Сюда же необходимо отнести следующие издания: Книга о Леониде Андрееве: Воспоминания. Пг.; Берлин: Изд. 3. И. Гржебина, 1922; *Фатов Н. Н.* Молодые годы Леонида Андреева: По неизданным письмам, воспоминаниям и документам. М.: Земля и фабрика, 1924; Реквием: Сборник памяти Леонида Андреева / Под ред. Д. Л. Андреева и В. Е. Беклемишевой. С предисл. В. И. Невского. М.: Федерация, 1930.

¹⁶ См.: Леонид Николаевич Андреев: Библиография. Вып. 2: Литература (1900—1919) / Сост. В. Н. Чуваков. М.: Наследие, 1998; Леонид Николаевич Андреев: Библиография. Вып. 2А: Аннотированный каталог собрания рецензий Славянской библиотеки Хельсинкского университета / Сост. М. В. Козьменко. М.: ИМЛИ РАН, 2002.

¹⁷ См. главу 8 в данной публикации.

¹⁸ См. главы 9—10 в данной публикации.

¹⁹ См.: *Желвакова И. А.* Письма В. Г. Короленко разным лицам // Новое и забытое. М.: Наука, 1966. <Сб.>. 1. С. 126.

²⁰ *Гарин С.* Как они умерли. (Из летописи минувшей войны) // Русское богатство. 1910. № 9. С. 11—58.

Желая продолжить сотрудничество в солидном журнале, Гарфильд продолжал посылать свои рукописи Короленко, получая в ответ доброжелательную критику, а иногда — отказы: «Рассказ Ваш „Обреченные“ я прочитал. <...> Рассказ — нечего говорить — совершенно литературен, но нам не подходит» (19 июля 1911 г.).²¹

Тем не менее, благодаря Андрееву, знакомство семьи Гариных с Короленко состоялось. Оценив доброе отношение маститого писателя, в трудный момент с отчаянным письмом (10 сентября 1911 г.) к нему обратилась Нина Михайловна. Она подробно рассказала о серьезной болезни мужа, полном безденежье семьи (заложена даже пишущая машинка). Короленко незамедлительно (13 сентября) адресовался в Литературный фонд: «Сейчас получил письмо из Москвы: Сергей Александрович Гарфильд (Гарин) находится в очень тяжелом положении. <...> Некоторые его рассказы уже приняты „Знаем“ и „Современником“, но появятся еще не скоро, а врачи настоятельно требуют временного клинического режима, т. е. полного прекращения этой распродажи нервов в розницу и — лечения. Так как у него семья — жена и 3-е детей — то ему нужно рублей 250—300. Ценз у него настоящий. Он печатается у нас и в других (кажется) журналах. Рассказ его „Как они умирали“ вызвал горячие рекомендации Л. Н. Андреева и обратил вообще внимание критики. Это — кроме газетной работы. <...> Мне кажется, что Гарин очень заслуживает помощи. <...> Сам Гарфильд мне не писал ничего: человек очень застенчивый и скромный. Писал общи́й знакомый, которого от отчаянном положении семьи сообщила жена Гарфильда».²²

По совету Короленко Гарфильд обратился в Литературный фонд (23 сентября 1911 г.).²³ В результате столь весомого ходатайства²⁴ ему было назначено денежное пособие на два месяца и дано направление на санаторное лечение. Однако за два месяца здоровье поправить не удалось, и новое прошение Гарфильда в Литературный фонд (11 января 1912 г.) также было поддержано письмом Короленко от 15 января 1912 г.: «<...> положение Гарина-Гарфильда очень серьезно, и помощь Фонда может его спасти, т. е. завершить то, что уже для него сделано. Прибавлю еще, что даже и во время болезни Сергей Александрович занят большой работой, которая, как видно из переписки его со мною, подвигается вперед».²⁵

Одно из писем адресовано жене писателя: «Многоуважаемая Нина Михайловна. Извиняюсь: мне принесли Вашу открыточку с адресом. Я нездоров, и до вчерашнего дня эта открытка лежала в Редакции, куда я не ходил. Теперь уже наверно все исполнено, и перевод по телеграфу получен. Вчера же я послал Серге<ю> Ал<ександрови>чу длинное письмо об его рукописи. Все, надеюсь, будет хорошо. Жму руку. Вл<адимир> Короленко. 23 дек<абря> 1911, Пб. Кирочная, 29-11».²⁶ В подробном письме от 22 декабря 1911 г. Короленко высказывает замечания об очерках Гарфильда «Гладиаторы», позднее отклоненных редакцией журнала.²⁷ В 1912 г. состоялась еще

²¹ См.: Желвакова И. А. Письма В. Г. Короленко разным лицам. С. 128.

²² На самом деле письмо Н. М. Гариной было адресовано и обращено к Короленко. См.: РО ИРЛИ, ф. 155, Журнал № 24 заседания комитета общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым («Литературный фонд»). 26 сентября 1911 г., л. 23—24, 26—27.

²³ См. прошение С. А. Гарфильда: там же, л. 22.

²⁴ Почти десять лет назад, в июне 1903 г., на прошение в Литературный фонд и Постоянную комиссию для пособия нуждающимся ученым, литераторам и публицистам при императорской Академии наук о ссуде на лечение С. А. Гарфильду было отказано. См. его письмо об этом и прошение: РО ИРЛИ, ф. 540, оп. 2, № 1049, л. 2—3.

²⁵ РО ИРЛИ, ф. 155, Журнал № 24, л. 24, 26. Вероятно, речь идет об очерках Гарина из флотской жизни «Гладиаторы».

²⁶ РО ИРЛИ, ф. 736, № 57, л. 30 об.

²⁷ Желвакова И. А. Письма В. Г. Короленко разным лицам. С. 128—129.

одна, последняя, публикация Гарфильда в «Русском богатстве»: роман «У дальнего моря» (№ 8—9). Однако Короленко и в дальнейшем старался помочь семье писателя материально. См., например, его письмо от 11 июня 1913 г. в контору «Русского богатства» (Л. В. Костроковой) с просьбой о высылке аванса Гарфильду, который «оказался в отчаянном положении».²⁸

По-видимому, Гарфильд побывал у Короленко в Полтаве, во всяком случае, альбом Нины Михайловны пополнился фотографией с надписью: «Сергею Александровичу Гарину на память о Полтаве. Вл. Короленко. 20 марта 1913».²⁹

«Этот маленький факт, — пишет в публикуемых воспоминаниях Гарина, имея в виду историю первой публикации мужа в „Русском богатстве“, — ярко и бесспорно, рисует Леонида Андреева с лучшей стороны». Разумеется, это очевидное проявление товарищества, нечастое среди собратьев по перу, еще более возвысило личность Андреева в глазах Гариной. Возможно, именно благодаря Андрееву Гарфильд под псевдонимом Сергей Гарин в 1910 г. сотрудничал в качестве фельетониста в московской газете «Утро России», редактором которой был первый муж Р. Н. Андреевой Аркадий Павлович Алексеевский (1871—1943).

Не станем упрекать автора публикуемых ниже мемуаров, Нину Михайловну Гарину, в поверхностности, в непонимании личности и творчества избранного ею «героя». Тем более, что она как бы предупреждает об этом в первых же строках, называя свои воспоминания «маленькими», но о «большом, мятежном Леониде Андрееве». Может быть, в данном случае ценнее любящий, всепрощающий взгляд, пропозывающий все повествование. О единственном замеченном «клизьяне» (о котором нельзя было умолчать) — присущей Андрееву в молодости «русской болезни» — говорится не с осуждением, а с сочувствием к его страданиям. Важно и то, что воспоминания выявляют новый для нас писательский контакт Леонида Андреева: в литературе о нем до сих пор не встречались имена Нины и Сергея Гариных. Уже поэтому они, безусловно, заслуживают нашего внимания и достойны занять свое место в мемуаристике, посвященной Андрееву. Кроме того, они содержат неизвестные ранее биографические эпизоды, а также дополнительные детали к рассказанному другими мемуаристами.

Воспоминания публикуются по авторизованному машинописному экземпляру, в котором имеется незначительная правка и вставки автора: РО ИРЛИ, ф. 736, № 60, л. 1—68.

АНДРЕЕВ ЛЕОНИД НИКОЛАЕВИЧ

Маленькие мои воспоминания о большом, мятежном Леониде Андрееве и о глубоко трогательном в величии своем образе матери его — навеяли на меня воспоминания далекого прошлого, полсотни лет тому назад прочитанного мною и оставившего неизгладимый след на детской психике моей.

К знаменитому английскому ученому на банкете, устроенном в честь его, подошла какая-то придворная дама и спросила:

«Скажите, правда ли, что Вы недавно, в разговоре о смерти, высказали желание, чтобы Ваша мать умерла раньше Вас?»

«Да, это правда!» — холодно ответил ученый.

²⁸ РО ИРЛИ, ф. 266, оп. 3, № 74, л. 1.

²⁹ РО ИРЛИ, ф. 736, № 57, л. 6 об.

«Как?!» — воскликнула она. — И это сказали Вы, о котором говорит вся наша страна и говорит не только как об ученом, но и о той безграничной любви, которая существует между Вами и Вашей матерью?!..»

«Вот, во имя этой, именно, великой любви я и хочу, чтобы моя мать умерла раньше меня, дабы ей не пришлось переживать моей смерти», — закончил, не дрогнув, ученый.

1

Леонид Андреев — сын землемера.¹

Родился в Орле.

В высшей степени культурный. Интересный. С одухотворенным лицом мыслителя. Большими, глубокими и вдумчивыми глазами — Леонид Николаевич Андреев, не только как писатель, но и как мужчина, с обаятельной внешностью своей, был большим соперником многим и многим из писателей...

В особенности одному из них, который никак пережить этого не мог, о чем я пишу в дальнейших воспоминаниях своих...

Я любила Леонида Николаевича не только как писателя...

Я любила его за ту исключительную любовь, преданность и привязанность его к матери, которые он до последних минут жизни своей проявлял в отношении ее...

Проявлял и в отношении остальных, многочисленных членов семьи своей, заменяя им отца после его смерти и не изменив отношения этого к ним и в расцвете славы своей и богатства, оставаясь неизменно вернейшим их другом. Опекуном и советчиком...

Вот в этой именно плоскости я и хочу дать ряд воспоминаний о Леониде Андрееве, тем более, что в вышедших уже многих воспоминаниях о нем очень мало упоминается о личной жизни писателя и его семейных взаимоотношениях.

Я пишу о матери и сыне...

«Я твой Ромео!.. Ты моя Джульетта!»² — пишет Леонид Андреев как-то матери.

В другом письме: «Рыжик!» Так иногда он называл свою мать,³ — «в нескольких строчках твоего письма — больше смысла, чем в любом большом романе»⁴...

Глубоко уважая свою мать, Леонид Андреев всегда и во всем советовался с нею...

Считался с нею и с ее мнением...

Считался даже в вопросах своего творчества...

Иногда, во время читки нового какого-либо его произведения, вдруг раздавался нежный, любящий тревожный ее голос:

«Коточка!»⁵ Мне это место что-то не нравится!»

В ответ обычно раздавалась его фраза:

«Мать! Ты ничего не понимаешь!»

И чтение продолжалось.

Но, уходя, — Леонид Андреев обдумывал слова, сказанные ему мудрой, чуткой его матерью — совершенно необразованной, полуграмотной женщиной.⁶

И не стыдился этого... Наоборот — гордился ею...

Живя в Москве около какого-то согнувшегося от старости моста, Леонид Андреев прозвал мать свою «Соломоном с горбatego моста».⁷

И чем больше входил Леонид Андреев в славу — тем сильнее росло и крепло его чувство к той, которая так тонко и чутко умела подойти к его таланту... Его переживаниям....

Умела лелеять и ценить его...

Это были два друга, готовые в любую минуту отдать и жизнь один за другого...

Всю силу такой величайшей любви Леонид Андреев с изумительной четкостью передал в исключительном по силе рассказе своем «О семи повешенных», в сцене в тюрьме — сцене последнего прощания матери с ее приговоренным к смерти сыном, Сергеем Головиным, за несколько часов до его казни...

Передал в одной единственной фразе:

«Тут было то, чего нельзя и не надо рассказывать...».⁸

2

Семья Леонида Андреева, оставшаяся на его попечении после смерти отца, состояла, кроме него самого, из шести человек: матери, трех братьев — Всеволода, Павла и Андрея и двух сестер — Риммы и Зинаиды, которая умерла вскоре, двадцати одного года.⁹

Распродав в Орле все до нитки и расплатившись со всеми долгами, — Леонид Андреев, кроме двух учившихся в Орловской гимназии братьев, — остальных перевез к себе в Москву, где он был студентом университета.¹⁰

В вагоне, во время переезда в Москву, Леонид Андреев «зверски» пил, ему, по-видимому, тяжело было расставаться с памятью об отце.

С маленьким их домиком...

С садом, в котором каждый куст носил свое название... Расставаться и со своими сверстниками.

С ними перебирался в Москву и любимый мопс его, которого накануне сильно искусила чья-то собака... И тут, несмотря на свое невменяемое состояние, — Леонид Андреев в пути, на каждой остановке, выскакивал и набирал воду для ее компрессов.

3

Первое, самое прочное и единственное знакомство в Москве, завязалось у Андреевых с одним из московских учреждений, а именно... с ломбардом.

Этим учреждением «заведовала» у них только бойкая и весьма неглупая — Римма — сестра Леонида Андреева...

Она сносила в ломбард остатки привезенного ими из Орла скарба, выражавшегося только в единственных четырех предметах, а именно: в подушках, зеркальце,¹¹ новых, ее же, ботинках и... серебряной ризе с иконы, которая вскоре там и пропала как невыкупленная «роскошь» домашнего обихода...

За ботинки Риммы давали полтинник...

Чаще всего в ломбарде «отдыхали» — эти самые детские ботиночки и зеркальце...

Оценщик прекрасно знал уже девочку и закладываемые ею вещи, дневавшие и ночевавшие там.

Как-то, «не вытерпев», он решил состричь:

«Барышня! Сноса не будет вашим ботиночкам! Вырастете, а они все еще будут новенькие»...

Задал однажды ей и чисто «отеческий» вопрос:

«Скажите, барышня, во что же вы смотрите, когда ваше зеркальце находится у нас?!»

Маленькая Римма чистосердечно и добродушно ответила:

«Мне зеркальце пока не нужно!.. Я еще маленькая! А вот братья мои бегают на Кузнецкий и там смотрятся!.. В... стеклах витрин», — прибавила она.

4

Годы тягчайших лишений... Нищеты и настоящего голода начала испытывать семья с переездом в Москву, пока ее первенец — Леонид Андреев — заканчивал свое образование...

Эти тяжкие материальные условия переносились всей семьей весьма стойко и героически, причем все, как бы сговорившись, скрывали от старшего брата все лишения и нехватки, жестоко удручавшие и мучившие его.

Отдавая ему последний кусок, — они никогда не давали ему почувствовать, что сами они голодны.

Он, в свою очередь, обедая в студенческих столовых, довольствовался лишь супами, относя вторую половину обеда своего, даже, если это бывала селедка, матери своей.¹²

Это был самый тяжелый материальный период времени в жизни Леонида Андреева и его семьи, в особенности в доме Крейзмана, в Москве...

В стенах, залитых сыростью. В холоде и голоде... Сдавая две комнаты и сами живя в третьей и на кухне, имея одну лишь кровать, один стол и несколько простых деревянных стульев, — они укладывали на единственную кровать эту своего кормильца, несмотря на самые энергичные его протесты и возмущение, а мать с остальными детьми ложились на пол, дабы дать возможность любимому своему Леониду спокойно отдохнуть и продолжать учение...

Однажды я спросила сестру Леонида Андреева, Римму Николаевну, чем вызвано было такое исключительно бережное отношение их всех к Леониду Николаевичу, доходившее до настоящих самопожертвований...

И она просто ответила:

«Совсем ясно на этот вопрос я вам ответить не могу!.. Скажу лишь вам, что мы все как-то подсознательно, но безгранично верили и ему... И — в него!..»

Затем помолчала и закончила:

«Бывали моменты, когда после буйного его припадка, после излишне выпитого — на полу у нас лежали обломки всей нашей убо-

гой, по несколько раз уже чиненной мебели и посуды, и мать умоляла нас не убирать ничего, дабы он сам, протрезвившись, увидел, что он сотворил...

Но на утро, когда мы, обиженные, входили к нему, — не ему следовало просить у нас прощения, а нам хотелось припасть к нему... Обнять его... Поклясться, что ничего не произошло, — до того скорбное... взывающее о прощении... убитое горем лицо бывало у него...»¹³

.....
Жизнь Андреевых в этом доме Крейзмана — была целой жуткой эпопеей...

В этом доме сильно заболела, истощенная голодом, сестра Леонида Андреева — Зинаида.

Вторая сестра его, такая же маленькая Римма, побежала моментально в ближайший дом, за врачом, зная прекрасно, что визита врача оплатить нечем...

Прибывший врач, прежде всего, никак не мог уяснить себе, как помещение, в котором обитала семья эта, — жилое помещение...

Не менее ошеломляющее впечатление на него произвела и вся окружающая обстановка, главное — бытовые условия больной...

Уходя, он предложил прислать за лекарством к нему на квартиру. И снабдив пришедшую к нему Римму медикаментами, — он вскоре прислал Андреевым большой баул со всевозможной провизией. А на другой день — воз дров.¹⁴

В этом доме сестра Андреева — подросток, не раз тайком от всех, просила милостыню на улице, дабы поддержать семью...

В этом доме Леонид Андреев начал писать и случайные портреты, получая за них по пяти рублей.¹⁵

В этом доме, кроме всех несчастий, — Леонид Андреев переживал и свою личную, большую драму — неудачную, глубокую любовь к девушке, которая два раза ему отказывала, — ему, нищему студенту.¹⁶

В этом доме Леонид Андреев и пил жутко...

Не раз сильно буйствовал...

В этом доме он, схватив даже как-то близ лежащий топор, кинул его в сестру свою Римму, загородившую ему собой выход, не выпустившую его в таком виде на улицу...

И только безумный крик матери — крик ужаса — мгновенно привел Леонида Андреева к сознанию...

Он сразу как-то протрезвел.

Посмотрел на мать и сестру широко открытыми, полными отчаяния глазами... Согнулся, как бы от непосильной ноши... И со скорбным, полным муки лицом, тихо и безмолвно вышел.

В этом доме Леонид Андреев покушался на самоубийство.

В этом доме зародилась у Леонида Андреева и тема для гремевшей впоследствии пьесы его «Дни нашей жизни» — кошмарный сюжет которой он целиком взял из соседней, сдаваемой ими комнаты, где мать — пьяница — торговала телом единственной дочери своей Ольги, — скромной, прекрасной, запуганной и забитой ею — «Оль-Оль», как прозвал ее Леонид Андреев...¹⁷

В этом доме — всю тяжесть и беспросветность этих лишений переносили на плечах своих, главным образом, мать и дочь Римма.

Они, голодные и холодные, брались за всевозможные работы, дабы облегчить жизнь семьи... Не покладая рук, хватались за все, чтобы главным образом Леонид Андреев не замечал беспросветности этой жизни...

В конце концов, на безвыходное положение семьи обратила внимание какая-то «община»... Какое-то «попечительство»... Сделали обследование, после которого ежедневно семье Леонида Андреева выдавали — мясо, сахар и хлеб...

Многое пережито Леонидом Андреевым и его семьей в этом доме...

Много лет спустя имя Крейзмана часто еще упоминалось в семье Андреевых, как нечто невероятное...

Пугающее...

И когда, в период полной материальной обеспеченности и Леонида Андреева и всей опекаемой им семьи, кто-либо из домашних выражал недовольство, — достаточно было Леониду Андрееву спокойно спросить:

«А к Крейзману хотите?!» — как все несчастья сразу же улетучивались и настоящая жизнь казалась — сплошным раем¹⁸...

Все было в прошлом...

Когда Леонид Андреев стал уже известным писателем и обладателем крупного состояния, — отвергшая его большую любовь девушка вдруг «спохватилась» и вдруг сама «воспылала» к нему «безумной любовью».

Леонид Андреев, по ее просьбе, встретился с нею, решив проверить свое чувство... Но, к великому ее изумлению, на сей раз он оказался безответным.

Узнав тут же, в конце разговора, что она сильно бедствует и больна, — Леонид Андреев, не встречаясь с нею больше никогда, — долгое время поддерживал ее материально, пока в конце концов она не пропала бесследно¹⁹...

5²⁰

По окончании университета Леонид Андреев, в качестве помощника присяжного поверенного, стал вести поручаемые ему судебные дела, но как он сам, смеясь, рассказывал, «систематически проваливал их».

Вскоре он бросил совсем это занятие и перешел на амплу судебного хроникера, давая тонкие, психологические отчеты, вернее, очерки, в московские газеты.²¹

Там же он начал печатать и свои маленькие рассказы, мечтая о славе художника, но не писателя...

Стал и пить значительно меньше...

Литературная карьера Леонида Андреева началась очень быстро — с момента появления одного из первых же его рассказов, «Бергамот и Гераська»,²² обратившего на себя внимание и критики и читающей публики...

По выходе в свет первого тома его произведений — Леонид Андреев становится уже известностью и входит в ряды крупных русских писателей.²³

Его многочисленные последующие рассказы, в особенности — «Рассказ о семи повешенных», о котором писали, что рассказ этот: «одно из более потрясающих созданий русской литературы» — все более и более укрепляли за ним его славу и имя, ставя его уже в ряды русских классиков и крупных европейских писателей.

Бесчисленное количество гремевших пьес его: «Анатэма», «Жизнь человека», «Черные маски», «Тот, кто получает пощечины»²⁴ и т. д., и т. п. — не сходили с репертуара театров России. В Москве же они шли преимущественно в постановке Художественного театра.

Изю всех произведений Леонида Андреева, кроме «Бездны»²⁵ и «Красного смеха»,²⁶ на меня ошеломляющее впечатление производил рассказ его «Христиане».

Описывая настоящих дикарей — судебный персонал — дикарей, приводящих на суде в «христианство» проститутку Караулову, — не обвиняемую даже, а простую свидетельницу — Проститутку, стоящую морально неизмеримо выше своих судей — Леонид Андреев тонко, но с несокрушимой силой заставляет читателей своих глубоко призадуматься над следующим моментом рассказа этого, в котором проститутка обращается к «спасителям» своим:

«Вы говорите тут: „молиться“... Да о чем молиться-то?! Того света я не боюсь — хуже не будет, а на этом свете молитвою много не сделаешь... Молилась я, чтобы не рожать, — родила... Молилась, чтобы ребенок при мне жил, — а пришлось в воспитательный отдать. Молилась, чтоб хоть там пожил, — а он взял да и помер... Мало ли о чем молилась»...

И заканчивает рассказ свой Леонид Андреев:

«Караулова вздохнула, слегка качнула головой, блеснув золотыми обручами серег, и просто добавила:

— Двугривенный я тут уронила — поднять можно?!»

Ни зал суда... Ни громогласно объявленная всем присутствующим ее профессия... Ничто не смутило Караулову... Ее смутил лишь потерянный ею... двугривенный...

В этой последней фразе Леонид Андреев дает кошмарную картину того беспросветного тупика, в который безвозвратно зашла уже проститутка, окончательно умерщвленная «христианами» вроде ее «судей».²⁷

6

С первых же шагов литературной деятельности Леонида Андреева... С момента первого его брака — я зорко следила за ним... Его личной жизнью... Его творчеством...

Следила до последних дней его жизни... Он этого не знал. Не знал, что в моем лице у него была одна из самых верных и надежнейших его поклонниц, которая, несмотря на дальность расстояния, все о нем знала... Все с ним вместе переживала, неустанно следя и за мечущимся духом его...

Третий тяжелый удар, который пришлось Леониду Андрееву пережить, после смерти отца и отказа любимой девушки — была смерть — нелепейшая и несправедливейшая смерть его Шурочки — первой его жены, Александры Михайловны, трагически погибшей за границей от заражения крови, после родов...²⁸

Смерть эту Леонид Андреев переживал тяжело и мучительно, и я лично думаю, что она, несомненно, наложила определенный отпечаток на всю его психику... На всю его впечатлительную и восприимчивую натуру... На все его дальнейшее творчество...

Александра Михайловна — вернейший и бескорыстнейший друг Леонида Андреева — беззаветно отдавала всю себя для поддержки его, тонко понимая и чувствуя, что в лице Леонида Андреева — с нею незаурядная, большая фигура человека-писателя, к которому она и подохла с глубочайшим уважением... Нежностью. И преданностью, бережно и самоотверженно охраняя его...

В результате, при ней Леонид Андреев и пить стал меньше.

Вот почему Андреев и впал, после ее смерти, в безысходную тоску...

Запил...

Зашел как бы в тупик...

Он чувствовал, что другого такого друга ему не найти, что впоследствии и оправдалось...

7

Сейчас передо мной лежит фотографическая карточка Леонида Андреева, подаренная им сестре своей, Римме Николаевне, в 1915 году.

Он заснят сидящим в кресле и смотрящим пытливым, серьезным, умным взглядом далеко куда-то вдаль, с изумительно скробным выражением лица...

И под карточкой этой, характерным его, будто печатным, почерком следующая надпись:

«Так смотрю я<, > Рыммискин<, > на жизнь.

Для тебя и улыбнулся бы, да не выходит.

Твой Леонид».²⁹

Эта жуткая надпись вылилась у него в тот момент, когда у ног его была уже и слава... И имя... И головокружительный успех... И неиссякаемые средства...

Когда с ним были все здравствующие, любимые им и близкие его сердцу.

Когда и сам он был полон сил... Здоровья... И энергии...

В нем была несомненно какая-то «трещина», которая не давала ему ни жить... Ни творить... Ни смотреть на мир спокойно...

«Трещина», которая жгла его сердце, разум... И мысли...

Он несколько раз покушался на самоубийство...

Искал забвение в спорте... Живописи... Природе...

В вине... Но и здесь его не находил...
Он все искал чего-то, но так и не нашел³⁰...

Впоследствии Леонид Андреев страдал запоем.

В такие моменты он обычно уходил в свой кабинет. Запирался там наглухо. И не пропускал к себе никого.

Единственная мать, караулившая его дни и ночи, как-то умела проскальзывать к нему, когда он выходил из кабинета... Умела незаметно сносить ему и еду, но все это делалось ею, хотя и скорбно, но безмолвно... Безо всяких укоров, советов и наставлений...

Она, эта полуграмотная и некультурная, казалось, женщина, — каким-то высшим чутьем и пониманием умела воспринимать и такое даже душевное состояние сына.

Но бывали и другие случаи в период запоя Леонида Андреева — он исчезал, и исчезал надолго.

Тут уже ничто не помогало — никакие поиски, так как Леонид Андреев систематически менял свои «убежища», для того именно, чтобы его не находили...

Такие исчезновения сына всякий раз бывали для матери смертельными ударами, но все это мгновенно ею забывалось, когда «ее» писатель возвращался домой и возвращался целым и невредимым.

Много лет тому назад Лев Толстой по поводу какого-то произведения Леонида Андреева, кажется, его пьесы «Черные маски», написал:

«Он меня пугает, но я его не боюсь»³¹...

В творчестве своем Леонид Андреев был наиболее ярким изобразителем своей эпохи... Мистиком. Писателем, терявшимся в исканиях. Полным разлада с самим собою. Не верящим ни в кого и ни во что... Бунтовщиком...

Писателем, мучительно переживавшим и сам все в творчестве своем...

Мучившим не только себя, но и читателей своих...

Каким-то невольным садистом, но он был человеком безусловно честным во всем, даже в своих заблуждениях...

8

Много злостных слухов и легенд ходило и про Арцыбашева³² и про Куприна, в особенности...

Не забывали и Леонида Андреева... Но о нем злословили значительно меньше, так как он внушал к себе неоспоримое уважение товарищей, ничем не подрывая своего авторитета...

Среди писателей говорили и не раз о его запое, но в большинстве всегда с глубоким сожалением, но много говорили о его порядочности, радушии и гостеприимстве, а главное — о его внимательном, чутком и бережном отношении к товарищам своим по перу...

Но однажды заговорили все и надолго...

Заговорила и печать...

Это был случай, произошедший на квартире артиста Н. Н. Ходотова³³ в Петербурге, в одну из обычных его вечеринок, на которой

среди присутствующих писателей и артистов был и Леонид Андреев и Куприн....

И вдруг, в самом разгаре «бала» — произошла драка между Андреевым и Куприным...

Самый факт драки был весьма несложен. Хотя и весьма оригинален: Куприн сидел на диване и, когда Леонид Андреев проходил мимо, — Куприн выставил вперед свою «ножку»... И выставил ее так, что не заметивший этого «красивого жеста» Леонид Андреев... споткнулся. И упал...

Казалось бы — и этого достаточно...

Но Куприну так не казалось...

Он — Куприн — автор таких рассказов, как: «Суламифь», «Гранатовый браслет» и множества других... Рассказов, полных нежности, изыскания и красоты... Вызывавших не раз и слезы на глазах читателей, — он — Куприн, в мгновение ока, как дикий зверь, учувший добычу, сорвался с места... Набросился на упавшего Леонида Андреева...

И начал наносить ему удары...

Начал душить...

Андреев поднялся и ответил Куприну тем же...

Получилось «побоище»...

Присутствующие моментально разделились на два «враждебных» лагеря — поклонников Андреева и поклонников Куприна — и бросились разнимать «воюющие» стороны, здесь же «кстати», сводя и свои личные, старинные счеты...

Это побоище было побоищем не «простых смертных», а людей отменных «перстом божим» — людей литературы и искусства...

По рассказам участников — «побежденных» не оказалось — были одни лишь «победители», несмотря на явные кровоподтеки и ссадины...

Эта история до жуткости напоминает мне моего маленького и щедедушного когда-то сына, который, возвращаясь из школы домой, часто весь избитый и помятый, на мои истерические выкрики, что «вновь моего сыночка побили», — еле дыша, но все же весьма гордо, смотрел на меня и каждый раз, не дрогнув, кидал мне:

«Не плачь! Я их всех разбросал во все стороны!..»

И вот это неизменное: «разбросал во все стороны» сразу осушало мои слезы обиды за малыша, и я начинала истерически хохотать от наглости и хвастовства побитого...

А побитый, еле передвигая ноги, также гордо и с сознанием собственного достоинства — выползал из комнаты... Шел к себе в детскую... Укладывал свое помятое маленькое тельце под кровать, в самый темный угол ее...

И там, в тиши, темноте и одиночестве, заливаясь крупными и безмолвными, но «гордыми» слезами, переживал «сладость» и «славу» своих «побед»...

Так было и в данном инциденте...

Печать того времени, широко оповещавшая все читающее население России об этом «из ряда вон выходящем в истории литературы» случае — ради увеличения тиража, — всюду раздувала этот оскорбительный, для обоих писателей, момент³⁴...

Но достаточно было и самого этого факта, чтобы глубоко над ним призадуматься и уяснить себе настоящую его причину и подоплеку...

Общее мнение о канве происшедшего было так же, как и само происшествие, весьма просто и весьма несложно:

«Куприн был сильно выпивши».

«Куприн был зачинщиком».

«Куприн завидовал славе и успехам Леонида Андреева»...

Что Куприн был «зачинщиком» — об этом догадывались даже дети...

Что Куприн был сильно выпивши, не было тайной и для взрослых.

Но что причиной драки была: «зависть Куприна к литературным успехам Леонида Андреева» — тут уж я, самым категорическим образом, протестовала. Такого чувства — чувства зависти к чужому таланту — у Куприна никогда не существовало...

Наоборот, в нем было одно из редчайших качеств в писателе: радость, поклонение и восхищение чужим, настоящим дарованием, в подтверждение чего и привожу неопровержимые доказательства, в своих воспоминаниях о Куприне³⁵...

Кроме того, считаю, что и у Леонида Андреева, и у Куприна было вполне равноценное имя среди читающей их публики — я бы сказала, что у Куприна оно было даже более популярным, чем у Леонида Андреева, — так как творчество Куприна было более доступным и более понятным широким массам...

Вот почему я, самым решительным образом, и протестовала тогда, в той именно части обвинений, где весь этот инцидент объясняли лишь Куприновской (так! — *Л. И.*) завистью к литературным успехам собратьев по перу, считая, что в этом печальном и неестественном инциденте должна лежать какая-то другая причина, что впоследствии и подтвердилось при ближайшем тесном общении моем с Куприным, что я и описываю детально в воспоминаниях моих о Куприне.³⁶

На Леонида Андреева инцидент этот подействовал весьма удручающее (так! — *Л. И.*), вернее ошеломляющее впечатление, и он очень долгое время не пил³⁷...

Куприн также угнетен был произошедшим³⁸ и также очень долгое время... опохмелялся...

Но драка — была... Факт оставался фактом... Слова из песни не выкинешь.

9

В десятом году, в Севастополе, где мы всей семьей проводили лето, — Леонид Андреев оказался соседом нашим по гостинице.

Узнали мы о его приезде случайно и весьма оригинально — один из наших знакомых, зайдя к нам как-то днем, сообщил, что сейчас в витрине окна одного из магазинов готового платья выставлена

записочка следующего содержания: «Здесь сегодня купил пальто Леонид Андреев».

Мы искренно посмеялись, но, конечно, не поверили, высмеивая шутку нашего приятеля.

Он очень обиделся и предложил кому-либо из нас пройти с ним и проверить.

И хотя весь Севастополь с горсточку, — все же идти по безумной жаре никому из нас не хотелось, и муж мой решил анекдот этот проверить остроумнее — он начал звонить по телефону по всем гостиницам Севастополя и наводить справки.

И вдруг, в одной из них, именно по соседству с нами, он услышал утвердительный ответ, а вслед за тем и голос самого Леонида Андреева, вызванного мужем, тут же, к телефону.

Андреев очень обрадовался звонку и тотчас начал звать к себе... Сообщил также, что «в Севастополе он пробыл лишь сутки и через два часа уезжает обратно, к себе»...

Я иди к Леониду Андрееву, к глубокому моему сожалению, не могла, так как мой старший десятилетний сын,³⁹ не тот, которого «били», а тот, который сам всех избивал, — лежал в Морском госпитале, с попаренным негашеной известью лицом, в особенности глазами, попаренными во дворе нашего дома одним из рабочих, который сам же, привлеченный полицией к ответственности, на суде заявил, что: «попарил за то, что мальчишка приставал к нему с бесконечными вопросами»...

Я дежурила в госпитале и дни, и ночи, сменяемая лишь на два часа в сутки сестрой милосердия, дабы иметь возможность забежать домой.

Андреев очень тепло и радушно встретил мужа. Безудержно смеялся, когда муж рассказал ему об «анонсе», выставленном в витрине магазина, так «оригинально» извещавшем о его приезде...

Взяв слово, прощаясь, что мы приедем к нему в Финляндию, с детьми, погостить...

И уехал.

.....
Тут я должна описать и один небезынтересный и характерный для Леонида Андреева момент: в гостинице, когда зашел разговор о литературных перспективах обоих, — мой муж рассказал Леониду Андрееву, что «сейчас» им «закончена новая повесть „Как они умирали“»...

Леонид Андреев в ответ не отделался обычными товарищескими фразами, а предложил дать ему рукопись эту с собой, для прочтения. Кроме того, он сам предложил заехать за нею к нам домой, вместе с провожавшим его на вокзал мужем.

10

С поразительной быстротой — не прошло и десяти дней, как с севера на юг пришло коротенькое письмо Леонида Андреева, со вложенным в него письмом и от В. Г. Короленко:

«Многоуважаемый
Сергей Александрович.

С радостью посылаю Вам письмо Короленко. За карточку спасибо, посылаю свою. Не могу писать много, чувствую себя нездоровым.

От души жму руку и желаю дальнейшего успеха.

Ваш
Леонид Андреев.

Финляндия. 24 июля 1910 г.»⁴⁰

И со вложенной в это же письмо прекрасной его фотографической карточкой, со следующей надписью:

«Сергею Александровичу Гарину
с сердечной приязнью

Леонид Андреев.

Финляндия. Черная речка.
1910 г.»⁴¹

Через несколько дней пришло второе письмо Леонида Андреева,⁴² более обстоятельное, в котором он сообщал мужу все подробности: по прочтении им повести «Как они умирали» он решил отдать ее в сборник «Знание», но гостивший у него в это время В. Г. Короленко, также читавший ее, предложил Андрееву отдать повесть эту ему, для напечатания в его журнале «Русское богатство», где Короленко был тогда редактором.

Заканчивая это письмо, Андреев спрашивал мужа, «как поступить в данном случае», давая тут же свой искренний, товарищеский совет «отдать рукопись эту Владимиру Галактионовичу Короленко», объясняя тут же, что он лично считает появление повести в журнале «Русское богатство» более ценным и важным, чем появление ее в сборнике «Знание»...

Мой муж тотчас же ответил Андрееву телеграммой, полной благодарности за внимание, а также и согласием.⁴³

Вскоре пришло второе письмо и от В. Г. Короленко, с подтверждением желания приобрести эту рукопись.⁴⁴

Так повесть «Как они умирали», выхваченная из быта и жизни русско-японской войны, и появилась вскоре в журнале «Русское богатство».⁴⁵

Этот маленький факт, ярко и бесспорно, рисует Леонида Андреева с лучшей стороны — и как человека, в высшей степени доброжелательно относившегося к своим собратьям по перу, и как человека, имевшего одно из самых редких качеств среди представителей литературной братии, — он был человеком слова...

11

Яркая и характерная встреча моя с Леонидом Андреевым была следующая.

Как-то, приблизительно в тринадцатом году, Леонид Андреев приехал в Москву и сообщил по телефону, что заедет к нам...

Ни для кого в мире, кроме семьи моей, я не убирала и не терла никогда так усердно мебели и всего домашнего скарба своего, как к приходу Леонида Андреева... И вдруг... замерла.

Бросив моментально всю эту ненужную уже сейчас уборку, я села слушать звонок...

И когда он раздался — я быстро кинулась к двери и, не подавая руку стоявшему передо мной на площадке лестницы Леониду Андрееву, — прекрасно и приветливо улыбающемуся — красная, как пион, растерянно сказала:

«Ради Бога, Леонид Николаевич, простите!.. Впопыхах я забыла сказать Вам, что у детей моих корь и в довольно сильной степени...<...> А у вас... дети!..» — закончила я.

Андреев улыбнулся, как бы не придавая значения этому, но все же как-то нерешительно спросил:

«Может быть, это не так уж и страшно?!»

Несмотря на все мое желание посидеть с ним и побеседовать, — я не могла взять на себя подобной ответственности и, ничего на вопрос Андреева не отвечая, продолжала стоять на площадке...

Андреев подробно расспросил о всех нас.

О литературных делах мужа... Взял с меня слово, что как только дети поправятся, мы все приедем к нему в Финляндию, погостить...

И вдруг сказал:

«За последнее время я многое о вас узнал!..»

«Воображаю! — рассмеялась я и резко добавила. — Делать им всем нечего!»

«Вы предполагаете, очевидно, что я узнал о вас что-либо плохое?!» — спросил Андреев.

«Не предполагаю, Леонид Николаевич, а прекрасно знаю!..» — уверенно ответила я. «Я знаю все гадости, которые говорятся и про меня!.. И про вас!.. И про всех остальных, то есть друг про друга!..»

«Значит, вы не верите в дружбу?!» — пытливо смотря на меня, спросил Андреев.

«Нет! Нет! Не верю!.. То есть, почти не верю! — поправилась я. — И знаете что, Леонид Николаевич, это мое неверие „в друзей“ очень облегчает мне жизнь, так как у меня меньше убийственных разочарований».

Совершенно случайно я попала в точку.

«Да, это великое дело уметь, именно — уметь не обращать внимания на предательство друзей! — медленно сказал Андреев. — А вот я... не умею!» — и, подчеркивая эти слова, он развел руками.

И вдруг замолчал... Задумался... Осунулся даже как-то и кинул, но уже не мне, а в пространство:

«Предательство друзей!»

Я поразились.

В этот момент для Андреева никто не существовал.

Он думал о себе... О том, как много говорят и пишут о нем...

Как безобразно и беззастенчиво не раз говорят и пишут о нем люди, завидовавшие его таланту... Его успехам... Его имени... Травившие его систематически, прикрываясь иногда и псевдонимами, но продолжая, они же, тут же, посещать его и пользоваться его до-

верием, гостеприимством и дружбой, что не раз, когда он узнавал, — убивало его... Выводило на долгое время «из строя»...

Эта наша пауза, хотя и мгновенная, произвела на меня удручающее впечатление, но надо было не показать и вида, что я догадываюсь о столь тяжком и несомненно навязчивом его переживании и, переведя быстро на другую тему разговор наш, который уже не клеился, — мы расстались...

Я вошла в квартиру растерянной — так сильно и больно поразил меня в Леониде Андрееве этот молниеносный переход от бодрости, жизнерадостности и улыбки — к мрачности, подавленности и упадку...

.....
Зависть к литературным успехам... Славе... И благополучию Леонида Андреева нередко, действительно, не давали покоя многим из писателей и проявлялись весьма и весьма пошло, цинично и мелко даже в печати...

Бульварная пресса вообще и всегда цепко «хваталась» за «материалы» о писателях, не забывая и никогда никого не задевавшего Леонида Андреева, имея и о нем всегда, во всех случаях его жизни, «ценные сведения»⁴⁶...

Привожу маленький пример.

Когда после премьеры одной из пьес Леонида Андреева критика («приятели») обрушилась на него, одна из «газеток» напечатала следующее:

«Близкие прячут от Леонида Андреева газеты»... (понимай, как хочешь!).

Сидя за столом, в кругу домашних, Андреев нашел эту заметку и громко прочел ее следующим образом:

«Близкие прячут от Леонида Андреева газеты, а также... ножи и вилки!»

Затем посмотрел на сервированный к обеду стол и прибавил:

«Уберите и... огурцы!»⁴⁷

.....
Для спокойствия домашних Леонид Андреев даже острил, читая подобные «шедевры», но в глубине души своей, он переживал все это весьма болезненно⁴⁸...

Как-то мне пришлось быть свидетельницей любопытной сценки: мы сидели небольшой компанией у нас...

Был и Арцыбашев.

Заговорили о Леониде Андрееве.

Сидевший с нами, один из ярых и верных поклонников Арцыбашева, Владимир Ленский,⁴⁹ бравурно и с умышленной иронией кинул:

«Андреев окончательно погряз уже в своем грандиозном замке! Скоро погрязнет и в своем грандиозном творчестве!..»

Семен Юшкевич,⁵⁰ сидевший тут же, вскочил и, багрово-красный, крикнул:

«Не волнуйтесь за Андреева!.. Ему — ничто не грозит! А вот нам с вами надо серьезно над собою призадуматься!..»

Юшкевич в защиту Андреева даже самого себя впутал в компанию Ленского.

В этой главе я хочу дать ряд моментов, которые, хотя, может быть, и немного, но все же дадут картину взаимоотношений в семье Леонида Андреева.

В расцвете славы — семья его состояла уже не из шести, а из двадцати с лишним человек старого и молодого поколения.

Леонид Андреев по-прежнему продолжал баловать, опекать и поддерживать всех их, без исключения, до конца жизни своей, с обычной теплотой, вниманием и чуткостью, равно относясь и к новым, входившим в его семью родственникам своим, независимо от степени их родства, не переставая быть и им — первым утешителем в их житейских горестях... И справедливейшим и мудрым судьей в их маленьких семейных неурядицах...

Он пользовался в семье своей громадным авторитетом, которого он никогда не уронил.

По натуре своей, Леонид Андреев был очень остроумен. Любил подшучивать, в особенности же любил всех «разыгрывать».

Больше всего всегда «попадало» матери...

Очень часто, играя в шахматы, братья «хулиганили», придумывая проигравшему умышленно какой-то головокружительный акробатический «трюк».

Зная об этом мать, всегда зорко следила, чтобы «трюк» не выпадал на долю ее любимца «Коточки»... И если Леонид Николаевич иногда проигрывал, — он принципиально, тут же, свой номер всегда и выполнял, причем мать, стоявшая рядом, чуть ли не со слезами на глазах, под ласковый и дружеский смех сыновей, умоляла:

«Да перестаньте! Довольно уже!.. Ведь Коточка писатель!.. Ему можно и не выполнять!..»

Однажды на долю проигравшего партию Леонида Андреева выпал исключительно вероломный, «эквилибристический» «номер» — ползти под пятью стульями...

Леонид Андреев, сам же этот ехидный номер и придумавший, честно взялся, под громкий смех братьев, за его выполнение, все же лукаво, из-под стульев, поглядывая на мать...

Мать, начав свое обычное «наблюдение» со слов «Коточка — писатель», — уже со второго стула начала взволнованно пришептывать:

«Павлуша! Андрюша! Да ведь Коточка прополз уже два стула!.. Довольно!.. Больше нельзя!..»

«Пусть ползет!» — раздался в ответ умышленно серьезный голос одного из братьев...

«Как это „пусть ползет“?! Да нет же, так нельзя! Ведь это писатель!.. С него и этого хватит!..»

Леонид Андреев «исполнение номера» на время таких переговоров обычно приостанавливал и выжидал — кто победит?! Но братья бывали обычно «несокрушимы», почему и на сей раз вновь раздался грозный голос одного из шахматных «гроссмейстеров»:

«Писатель — не писатель, а проиграл!.. Пусть ползет дальше!..»

Но было поздно — замечательная мать эта, так оберегавшая и опекавшая «своего» писателя, — в мгновение ока, под общий хохот, — разбросала уже аккуратно составленные в длину стулья, помогая «спасенному» сыну своему подняться с пола...

* * *

В выборе женихов сестры своей Риммы Николаевны — Леонид Андреев также принимал деятельное участие...

По окончании университета Леонид Андреев, как я писала выше, мечтал о славе художника и, будучи уже знаменитым писателем, он все же не бросал кисти и красок, создавая постепенно свою собственную картинную галерею...

Из виденных мною произведений его кисти мне более всего нравилась бесподобно написанная им пародия на икону «Святой Исая»...

Вся фигура «святого», мастерски изображенная Леонидом Андреевым, — была сплошным «кощунством»...

Глаза «святого» были — глаза перворазрядного жулика... Нос — «горчайшего пьяницы»...

Лицо — отъявленного развратника... И к довершению всей «святости» — рога.

И вот, этой самой «иконой». Этим самым «святым» — Леонид Андреев торжественно благословил на брак сестру свою, Римму Николаевну, давая тут же ей совет: «убрать эту икону подальше, дабы святой не развращал своим видом молодоженов...»⁵¹

* * *

От своих поклонников и поклонниц Леонид Андреев получал громадную корреспонденцию.

На серьезные письма, касавшиеся литературы, он обычно отвечал...

Так завязалась у него переписка и с одной из многочисленных его провинциальных читательниц, которая однажды, в одном из писем, совершенно неожиданно, вместо литературы, разоткровенничалась и преподнесла Андрееву, что «любит его безумно!»... «Жить без него не может!»... И что он: ее «орел!» Она — его «орлица!»...

На это послание Леонид Андреев не ответил...

Вслед за первым «откровенным» письмом вскоре пришло и второе, не менее «откровенное», но уже не от «орлицы», а от ее мужа — отставного орла, в котором последний сообщал, что «орлица покидает его навеки и выезжает к Андрееву, в Финляндию».

Андреев растерялся... Но «придя в себя», он послал бывшему орлу срочный ответ, полный клятв и уверений, что «у него есть уже и орлица и орлята»... И что: «нового гнезда он пока вить и не собирается»...

Как-то, уехав один за границу, Леонид Андреев сильно заскучал без матери и выписал ее к себе, в Швейцарию...

Несмотря на полное незнание иностранных языков... Несмотря на боязнь, в ее годы, далеких путешествий... Несмотря ни на что — эта мать в мгновение ока, легко и радостно, собралась в неведомые края, к своему верному, испытанному «Ромео».

Провожавшие сильно волновались за мать, но, ко всеобщей радости, в вагоне рядом случайно оказалась одна из знакомых, ехавшая также за границу, но только до Берлина. Условились, что в Берлине знакомая придет в вагон к Андреевой и сама пересадит ее в швейцарский поезд.

Снабдив старуху собственным, составленным семьею, специальным путеводителем — немецких слов и наименований — русскими буквами, они тут же отправили телеграмму Леониду Андрееву о выезде матери...

Когда кондуктор крикнул «Берлин», — старуха мать, не дожидаясь помощи своей «опекунши», схватив свой маленький багаж, стремительно выскочила из вагона и затерялась в толпе.

Берлин имеет несколько остановок — она выскочила на первой, на которой ей и не следовало выходить...

Когда мать Леонида Андреева спохватилась, — поезд с «опекуншей» уже тронулся...

Среди чужих и чуждых ей людей, не найдя сына, старуха-мать бросалась растерянно во все стороны, всех останавливая, всех так же растерянно спрашивая:

«Как мне найти моего сына — писателя?!» «Да Леонида!» «Да, Андреева!?!» «Что же вы все не знаете?!» — волновалась и убивалась она, но в ответ все были безмолвны — никто ничего не понимал...

И только когда случайно подошла какая-то девушка, оказавшаяся русской курсисткой, — она приняла в Андреевой деятельное участие и усадила ее, убитую горем, в швейцарский поезд, дав ей точные указания и разъяснения, где и когда выйти.

Но это — не конец...

Когда поезд тронулся, — в проходящем мимо, встречном — опечаленная мать, из окна вагона, случайно увидела своего «Коточку», мчавшегося уже на ее поиски...

Он ее также увидел и на ее крики — крикнул ей, чтобы она ехала дальше, не выходя из вагона, до последней остановки...

Но она решила иначе и слезла вновь, на первой же остановке, чтобы скорее повидать своего любимца.

Но «любимца» и здесь не оказалось.

И вновь она бросалась во все стороны... Вновь всех останавливала, всех спрашивала... Но на сей раз русских не оказалось, и только начальник станции, подойдя к ней, заливавшейся слезами, ласково уговорил ее, на ломаном русском языке, пройти к нему и подождать сына, который, как он объяснил, разослал уже на все остановки телеграммы, с просьбой приютить до его приезда его старуху-мать⁵²...

Не «признавая» многих букв в русском алфавите, — мать Леонида Андреева никак примириться не могла, что слово «бабка» пишется с буквой «а», а не «о», вследствие чего, подписывая письма свои — у нее выходила всегда «бобка», вместо «бабка».

Леонид Андреев решил однажды и здесь посмеяться и разыграть свою мать, и в отправляемом ей как-то письме он приписал:

«Мы все ждем тебя, нашу мать, Моть и бобку»...

Сделавшись заправским фотографом-любителем, Леонид Андреев своим «фото-жертвам» придумывал обычно всевозможнейшие, остроумные и юмористические позы и положения...

Так, однажды он заявил матери, что хочет заснять ее «Королевой», и для этой цели предложил ей сделать и соответствующее этому высокому «посту» выражение лица...

Старуха мать подчинилась... Перестала улыбаться и... нахмурилась...

В роскошном кабинете сына... В стильном кресле... В ситцевом клетчатом платье — она для большей королевской осанки и руки свои положила на животе...

Леонид Андреев опытным глазом фотографа посмотрел на нее и, еле сдерживая смех, радостно поощрил ее позу.

Затем справа поставил брата своего Павла, вооруженного ружьем, ножом и тому подобное... Стал слева сам, вооружившись с ног до головы «кинжалами, винтовками и другими рыцарскими доспехами»...

Сестру Римму и жену свою поставил за спинкой кресла, удекорировав и их и кресло матери лентами и бумажными гирляндами...

Дал им в руки громадный столовый абажур, который заставил их держать над головой матери, вместо королевской короны...

У ног ее усадил маленького «пажа» — ее внука...

И так и заснял весь этот «именитый королевский двор», над изображением которого — я много впоследствии посмеялась.³³

13

Горячо любя семью свою, Леонид Андреев, как я пишу выше, не менее любил и «разыгрывать» их всех...

В особенности мать свою...

Обычно она искренно радовалась, что ее Коточка «балуется».

Но иногда это баловство кончалось и слезами...

Так, однажды, во главе с Леонидом Андреевым, участие в розыгрыше матери приняла и вся семья...

Леонид усадил ее и преподнес:

«Мать, а ты знаешь, что сегодня, обсудив на семейном совещании все вопросы, — мы поняли, что мы не твои дети... А ты — не наша мать!»

Мать начала смеяться, но, по мере дальнейших слов сына, — лицо ее начало понемногу подергиваться и вытягиваться... Он продолжал:

«Так, например, — ты мало уважаешь и ценишь меня — писателя!.. Мало уважаешь и ценишь Андрюшу — репортеришку!.. Не уважаешь и не ценишь Римму, выдав ее замуж не за генерала, а за какого-то архитекторишку!.. Да и вообще, ты относишься ко всем к нам отвратительно!.. И все это только потому, что мы не родные дети твои, а подкидыши!..»

Говорил все это Андреев так артистически серьезно и так мастерски подыгрывали ему и остальные члены семьи, что мать вдруг приняла все это всерьез, и, заливаясь горчайшими слезами, начала уверять их всех, что это — не так!.. Клясться, что они — родные ее дети!.. Вспоминать и даты их рождений!.. И крестных их отцов и матерей!.. И тому подобное...

И только общий громкий хохот заставил ее понять, что это шутка...

Очередная, коварная шутка ее любимца⁵⁴...

Но когда мать эта заболела, — он садился у ее изголовья и мир переставал существовать для него... Он не мог в такие минуты ни писать... Ни работать... Ни думать...

Переставал и пить... И... жить...

* * *

В Москве к нам часто заходил и младший брат Леонида Андреева — Андрей Николаевич.

Культурный... Скромный... Тихий, но с большими наклонностями к путешествиям и приключениям. Наружно он немного и похож был на старшего брата...

Работал Андрей Николаевич в московских газетах, обладая скромными литературными способностями.⁵⁵

Главной темой наших разговоров был Леонид Николаевич, причем младший брат весьма красочно и умело рассказывал нам всевозможные эпизоды из жизни брата своего — писателя, рассказывал тепло и с большой любовью...

Просиживали мы обычно далеко за полночь, частенько заливаясь искренним смехом над тонким юмором Леонида Андреева.

Больше всего мне понравилась история, произошедшая с Леонидом Андреевым в Финляндии, на митинге, в 1906 году.

К моменту выступления Леонида Андреева — у него в руках оказался зонтик, с которого ручьями лилась вода... Одна из присутствующих на митинге девушек подошла к нему и предложила дать ей зонт этот подержать на время его выступления...

Андреев, приятно польщенный подобным вниманием, зонт отдал.

Когда митинг закончился и Андреев, после шумной овации, устроенной ему аудиторией, стал уходить, — девушка, охранявшая зонт, подошла к нему и, крепко прижимая мокрый зонт к сердцу, попросила Андреева «подарить ей его на память»...

Андреев любезно согласился, но, отойдя несколько шагов, вдруг остановился, как вкопанный...

Остановились и идущие с ним...

«Вы знаете, что произошло?! Зонт-то я подарить — подарил, но не свой, а... гувернантки!»

Все расхохотались.

Он постоял еще немного, растерянный и смущенный, и добавил: «Ради Бога, не рассказывайте ей этого никогда!»⁵⁶

Рассказал Андрей Николаевич и следующие моменты, которые запечатлелись в моей памяти.

Изю всех анекдотов, которые когда-либо пришлось Леониду Андрееву слышать, он чаще всего вспоминал не тот, который вызывал на устах улыбку, а тот, который приводил его в тяжелое уныние:

В одном из английских городов стоит памятник поэту Роберту Бернсу, безо всякой надписи...

Кто-то из пугешественников, не зная, кому воздвигнут этот памятник, спросил близ стоявшего мальчика:

«Не знаешь ли ты — кому поставлен этот памятник!?»

«Роберту Бернсу!» — последовал ответ.

«А за что?»

«За то, что он... умер!» — невозмутимо пояснил мальчуган.⁵⁷

Леонид Андреев очень критически относился к своему творчеству (весьма редкое явление среди писателей) и еще чаще бывал недоволен и собою и своими произведениями. Это было не показным, а настоящим его мучением... Горением и самобичеванием...

Как-то, после шумного и вполне заслуженного успеха известной его пьесы «Дни нашей жизни», — брат его Андрей с грустью сказал:

«Как жаль, что отец не дожил...»

Но Леонид Андреев не дал брату продолжить мысль и закончил ее собственной:

«Ты знаешь, что сказал бы отец: „Только-то и вышло из Леонида?! Я ожидал большего!..“».⁵⁸

14

Вернувшись в двадцать первом году из заграницы,⁵⁹ я узнала от сестры Леонида Андреева — Риммы Николаевны — все подробности столь неожиданной и горестной смерти ее талантливейшего брата⁶⁰...

Когда нагрянула революция, — Леонид Андреев, находившийся в Финляндии, не поверил в нее...

И отрезал себе все пути возврата в Россию...

Постоянно находившиеся при нем средства иссякали...

Он начал бедствовать...

И, в конце концов, ему пришлось покинуть и любимое детище свое — свою виллу, которую он уже ни отопить, ни обогреть не был в состоянии. Пришлось перекочевать на квартиру друга своего и большого верного поклонника, Ф. Н. Ф-ского,⁶¹ где он вскоре и умер от разрыва сердца.

Умер в расцвете силы... Славы... И таланта — сорока восьми лет. Накануне своего отъезда в Америку, куда он приглашен был читать лекции о русской литературе⁶²...

Последний «гвоздь», которым Андреев хотел «заколотить последний ящик своего жизненного багажа», — бытия своего в России — так неудачно и недальновидно «вбиваемый» им, «прошел мимо» и вонзился в его трепетавшее сердце...

Трепетавшее от разлуки с близкими...

Со всем своим прошлым...
С горячо любимой им... родиной...
Такой непосильной и тяжелой нагрузки его сердце не выдержало...

15

Похоронили Леонида Андреева там же, в Финляндии... В склепе⁶³...
И все разъехались. Осталась с ним одна-единственная лишь мать
его — старуха-мать...

Осталась у праха сына, после неудачной попытки лишить себя
жизни, два дня спустя после его смерти⁶⁴...

Всю жизнь она боялась шторма... Парусных и катерных лодок...
Шальной езды... Автомобилей...

Но если сын отправлялся в такое путешествие, — она бесстрашно
садилась рядом, так как считала, что он один погибнуть не может
и не должен...

Только вместе с нею...

Только... вдвоем.

Но смерть вопрос этот разрешила иначе и жестоко «подшутила»
над нею...

.....
С рассветом старуха мать, изо дня в день, шла к гробу безгра-
нично любимого ею сына и, оставаясь с ним до глубоких сумерек, —
она рассказывала ему, как живому, обо всем происходящем вокруг...

В бурю... Грозу... Проливной дождь... Стужу — она шла к нему,
ничего не замечая и никого, кроме него, не осознавая...

Когда в последующие после смерти Леонида Андреева дни со
всех сторон Европы начали приходиться телеграммы с выражением
соболезнования семье по поводу его смерти, — старуха мать носила
телеграммы эти к его гробу... Садилась у его изголовья... И вслух
читала ему текст их, заранее переведенный ей с иностранных языков
на русский кем-либо из соседей...

В солнечные дни она переживала свое невыразимое горе еще
сильней, и горсточка друзей Леонида Андреева, следившая за его
матерью после ее попытки на самоубийство, не раз видели ее бредя-
щей далеко куда-то, в лес... Неустанно повторявшую:

«Солнце! Кому же ты светишь?! Ведь Коточки уже нет!»...

.....
Не прошло и года, как ее нашли мертвой, с признаками удушья...

Было ли это самоубийство?! Было ли это убийство, — так фин-
ским следственным властям установить и не удалось⁶⁵...

Н. Гарина.

Начато: 7.10.34 г.

Закончено: 8.12.35 г.

Ленинград.

¹ По воспоминаниям близкой родственницы писателя С. Д. Пановой, его отец, Николай Иванович Андреев (1847—1889), «был сыном какого-то помещика Карпова и крепостной крестьянки», «служил в банке и был землемером» (*Фатов Н. Н.* Молодые

годы Леонида Андреева: По неизданным письмам, воспоминаниям и документам. М., 1924. С. 197—198).

² Ср. в письме Андреева к матери от 15 марта <1918>: «Милая моя маточка! Я уж давно называл нас с тобою Ромео и Джульеттою, известными всему миру лицами своей влюбленностью и горячей перепиской» (Леонид Андреев. С. О. С.: Дневник (1914—1919). Письма (1917—1919). Статьи и интервью (1919); Воспоминания современников (1918—1919) / Вступ. статья, сост. и прим. Р. Дэвиса и Б. Хеллмана. М.; СПб.: Atheneum; Феникс, 1994. С. 219). Мать писателя — Анастасия Николаевна Андреева (урожд. Пацковская; 1851—1920).

³ Брат писателя, Павел Николаевич Андреев, вспоминал, что семейные прозвища матери «к концу ее жизни достигли громадного числа». Перечислив некоторые из них, он писал: «Обычно же мы ее звали „Рыжиком“ или „Рыжим дьяволом“, ласкательно: „Рыжичек“, хотя цвет ее волос никогда не был рыжим, она была шатенка. Причем она отзывалась на все прозвища» (*Андреев П. Н. Воспоминания о Леониде Андрееве // Литературная мысль. Л., 1925. Кн. 3. С. 180.*)

⁴ Возможно, Н. Гарина по памяти цитирует письмо Андреева к матери от <6 февраля 1912>: «Светлейший мой рыжикончик! Твои письма — образец вместительности. При полном отсутствии знаков препинания слог твой краток, силен и в то же время богат подробностями и чисто стилистическими украшениями. Минутами ты напоминаешь Шекспира в лучшие его минуты, но чаще уподобляешься Гомеру в его величавом эпическом спокойствии. По содержанию же — каждое письмо твое неисчерпаемо и разнообразно, как энциклопедический словарь Эфрона» (*Андреев Леонид. Письма // Русский современник. 1924. № 4. С. 133.*)

⁵ Леонид Андреев, совсем еще малышом, не будучи в состоянии полностью выговорить название любимой книги своей «Кот в сапогах», прозвал книгу «Когочкой»... Так за ним самим это имя и упрочилось. (Примечание Н. М. Гарниной).

⁶ П. Н. Андреев так писал о матери: «А была она человек чуткий, по природе умный и талантливый. Леонид никогда не прочитывал без нее ни одного своего рассказа, повести или драмы. Она делала такие ценные замечания, что Леонид часто, под влиянием ее указаний, исправлял то или другое место в рассказе, драме, а то и все переделывал заново» (*Андреев П. Н. Воспоминания о Леониде Андрееве. С. 181.*)

⁷ В письме к родственникам в Орел осенью 1899 г. Андреев называл свой московский адрес: «Горбатый мост, Продольный пер., д. Глеб-Кошанского, мне, кв. № 1» (*Фатов Н. Н. Молодые годы Леонида Андреева. С. 177*), а о матери, в привычно шутовском тоне, сообщал: «Официально ее наименование, недавно утвержденное Сенатом, „Соломон с Горбатого моста“» (Там же. С. 175).

⁸ Точная цитата из «Рассказа о семи повешенных» (1908): «Тут было то, о чем нельзя и не надо рассказывать...» (*Андреев Л. Н. Собрание сочинений: В 13 т. СПб.: Просвещение, 1911. Т. 8. С. 50.*)

⁹ Братья и сестры Леонида Андреева: Всеволод (1873—1916), Павел (1878—1923), Андрей (1885—1920), Римма (в 1-м браке Алексеевская, во 2-м Оль, в 3-м Верещагина; 1881—1941), Зинаида (в замуж. Трофимовна; 1884—1905).

¹⁰ Некоторая неточность мемуаристки. По окончании Орловской классической гимназии, в 1891 г., Андреев поступил на юридический факультет Петербургского университета, откуда в 1893 г. был исключен за неуплату и перевелся на юридический факультет Московского университета. Мать писателя рассуждала его секретарю и биографу — В. В. Брусянину: «Жил и только мечтал о Петербурге. <...> Поступил он на юридический, поголодал и решил перекочевать в Москву... Попроще была Москва — да и поближе... А потом уже и я поднялась с насильственного места, продала домик и переехала в Москву» (*Брусянин В. В. Леонид Андреев: Жизнь и творчество. М., 1912. С. 44—45.*)

¹¹ «Нас спасали тогда зеркало и подушки. — вспоминал Павел Андреев, — которые мы постоянно носили то в сумдную кассу, то обратно к себе домой, почему спали большей частью без подушек» (*Андреев П. Н. Воспоминания о Леониде Андрееве. С. 168.*)

¹² «Это было самое голодное время в нашей жизни. Леонид оставался в студенческой столовой, откуда иногда украдкой таскал нам хлеб. Случалось, что нам нечего было есть, и тогда сестры к закрытию магазинов шли в булочную Филиппова, где и подавали им хлеба. Не знаю только, знал ли тогда об этом Леонид, или нет». «Часто

отказывался от обеда и не ходил в столовую: он не хотел быть сытым, когда мы все были голодны» (Там же. С. 168, 175).

¹³ Подобным образом характеризовал тяжелый порок брата и Павел Андреев: «...я не знаю человека, у которого такое состояние переживалось бы так бурно и так мучительно». «Матери, мне и старшей сестре пришлось принять на себя все тяжелые моменты его пьянства. Но более всего, конечно, мучился он сам. После таких припадков, он по целым дням, а иногда и неделям, не выходя пролеживал у себя в комнате за книгой. Чувство угрызения совести, стыда не позволяли ему даже нам показываться на глаза, и после того стоило всегда большого труда снова вернуть его к жизни» (Там же. С. 151—152).

¹⁴ Когда Леонид Андреев «стал на ноги», он и вся семья его начали разыскивать врача — «друга людей»... Но долгие и упорные поиски эти оказались, к глубокому сожалению Андреевых, бесплодными — врач покинул Москву, по-видимому, совсем. (Примечание Н. М. Гарниной). У А. И. Куприна есть рассказ с похожим сюжетом: «Чудесный доктор».

¹⁵ Сам Андреев писал об этом в одной из своих автобиографий: «...рисовал на заказ портреты, по 3 и 5 р. штука. Усовершенствовавшись, я стал получать за портреты по 10 и даже по 12 руб.» (цитируется по изд.: *Брусилин В. В.* Леонид Андреев: Жизнь и творчество. С. 49).

¹⁶ Возможно, речь идет о драматичных взаимоотношениях Андреева с Зинаидой Николаевной Сибилевой (в замуж. Паутовой). См. о ней, а также о трагических настроениях молодого писателя, приводивших его к попыткам уйти из жизни, в публикациях Н. П. Генераловой: «Дневник» Леонида Андреева // Литературный архив: Материалы по истории русской литературы и общественной мысли. СПб., 1994. С. 247—294; Леонид Андреев. Дневник 1891—1892 гг. // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 год. СПб., 1994. С. 81—141. По предположению большого знатока биографии Андреева Л. В. Ивановой (Орел), героиней «большой драмы» могла быть и Надежда Александровна Антонова (в 1-м браке Фохт, во 2-м Чукмалдина; 1877—1947).

¹⁷ О том, что события, положенные в основу сюжета пьесы «Дни нашей жизни» (первоначальное название «Любовь студента»; 1908), происходили в доме, принадлежащем Крейзману, на Пречистенском бульваре, вспоминал также брат писателя Павел (*Андреев П. Н.* Воспоминания о Леониде Андрееве. С. 168—169). Другие же мемуаристы — орловская родственница Л. Андреева С. Д. Панова, его товарищ по орловской гимназии, а затем и московской студенческой поры И. Н. Севастьянов — указывают в связи с этой пьесой «номера» в доме Фальц-Фейна на Тверской (*Фатов Н. Н.* Молодые годы Леонида Андреева. С. 89—90, 205—206, 227—229).

¹⁸ Одним из подтверждений этого может служить письмо Л. Андреева к брату Андрею от 24 июня 1916 г. Сообщая о том, что он «вошел в члены редакции новой, большой и очень богатой петроградской газеты» (имеется в виду «Русская воля»), писатель не скрывает, что в первую очередь его заинтересовали обнадёживающие материальные перспективы. «Надо помнить, — как бы оправдывается Андреев, — что я человек, однажды и навсегда ушибленный крейзмановщиной, сиречь бедностью, которую столь остро мы переживали; и страх перед нею прочно сидит в моем бессознательном» (Русский современник. 1924. № 4. С. 149).

¹⁹ О какой «большой любви» идет речь в данном случае, установить не удалось.

²⁰ Очевидно, во время перепечатки текста Н. Гарина ошиблась в нумерации глав: за 4-й снова следует 3-я, а потом и вторая 4-я. Начиная с этой главы, нумерация исправлена нами.

²¹ С октября 1897 г. Л. Андреев служил помощником присяжного поверенного, с 1897 по 1902 г. выступал в суде в качестве защитника. В одной из своих автобиографий он писал: «В 1897 г. я получил диплом и записался в помощники присяжного поверенного, но с самого начала сбился с правильного пути: мне предложили давать судебные отчеты в газету „Курьер“, только что возникшую. Практики юридической мне за недосугом приобрести не удалось: было у меня всего-навсего одно гражданское дело, которое я проиграл во всех инстанциях, и несколько уголовных бесплатных защит» (цитируется по изд.: *Бойцовский В. Ф.* Леонид Андреев: Критико-биографический этюд, с портретом и факсимиле Л. Н. Андреева. СПб., 1903. С. 64).

²² Правильно: «Баргамот и Гараська» (Курьер. 1898. 5 апр., № 94. С. 1).

²³ Первая книга Л. Андреева: Рассказы. СПб.: Изд. т-ва «Знание», 1901.

²⁴ Н. М. Гарина перечисляет пьесы Л. Андреева: «Анатэма» (1908), «Жизнь человека» (1907), «Черные маски» (1908), «Тот, кто получает пощечины» (1916).

²⁵ Андреев Л. Бездна: [Рассказ] // Курьер. 1902. 10 янв., № 10. С. 2—3.

²⁶ Один из писателей сообщил мне недавно небезынтересный, но лично мне совершенно неизвестный факт, что на «Конгрессе мира, в Германии, один из участников Конгресса предложил собранию прочесть рассказ Леонида Андреева „Красный смех“, в котором писатель дает жуткую, беспросветную картину всех ужасов войны...» (Примечание Н. М. Гариной).

Рассказы Л. Андреева «Бездна» и «Красный смех: Отрывки из найденной рукописи» (Сборник товарищества «Знание» за 1904. СПб., 1905. Кн. 3. С. 268—348) вызвали широкое обсуждение и полемику в прессе. См.: Леонид Николаевич Андреев: Библиография. Вып. 2: Литература (1900—1919) / Сост. В. Н. Чуваков. М., 1998 (указатель).

²⁷ Потрясший Гарину рассказ Андреева «Христиане» был опубликован сначала в Штутгарте (1905), а затем в «Журнале для всех» (1906. № 1). Для Гариной, явно придерживавшейся атеистических взглядов, вполне органично понимание сюжета как противостояния женщины из народных низов (запешедшей в «беспросветный тупик»), не одурманенной религиозным «опиумом», стоящей «морально неизмеримо выше своих судей» и «дикарей», считавших себя христианами. Об источниках замысла рассказа, находящегося «в эпицентре событий русской жизни рубежа веков, вызванных кризисом веры», см.: *Иезуитова Л. А.* Рассказ Леонида Андреева «Христиане»: репортаж? — пародия? — притча? // Леонид Андреев: Материалы и исследования. М.: Наследие, 2000. С. 195—228.

²⁸ Андреева (урожд. Велигорская) Александра Михайловна (1881—1906) — первая жена Л. Андреева, мать Вадима и Даниила.

²⁹ Эта надпись произвела впечатление и на другую мемуаристку. В. Б. Катонина, познакомившаяся с Л. Андреевым в 1915 г., так же, как и Нина Гарина, хорошо знала Римму Николаевну и также использовала ее рассказы в своих воспоминаниях. «На одной из своих фотографических карточек, — пишет она, — Леонид Николаевич делает надпись сестре: „— Так смотрю я, Римиська, на жизнь, для тебя и улыбнулся бы, да не выйдет. Твой Леонид!“» (*Катонина В. Б.* Мои воспоминания о Леониде Андрееве // Красный студент. 1923. № 7-8. С. 21). Вполне возможно, что обе мемуаристки видели эту фотографию в семейном архиве Р. Н. Андреевой, одержимой идеей создания музея, посвященного брату. Ср. также строки из воспоминаний Риммы Николаевны, посетившей спустя четыре года после кончины писателя его дом в Ваммельсуу: «У стола высокое кресло, на спине которого мать повесила портрет сына и любящей рукой украсила его венком. Печально смотрели на меня глаза брата, как бы говоря: „что, Римма, грустно?“» (*Андреева Р.* На могиле Леонида Андреева // Последние новости. 1923. 5 нояб., № 47).

³⁰ Эту особенность личности Андреева отмечали и другие его современники, в первую очередь, друзья. Г. И. Чулков назвал это «двойной жизнью»: «С одной стороны, большая семья, много знакомых, издатели, критики, актеры и какие-то бесконечные случайные посетители: тут было много забот и суеты. С другой стороны, та внутренняя и мучительная тревога, слепая и угрюмая, которая его терзала: тут одиноко сторула его душа» (*Чулков Г.* Годы странствий: Леонид Андреев // Чулков Г. Годы странствий / Вступ. статья, сост., подгот. текста, коммент. М. В. Михайловой. М., 1999. С. 134).

³¹ Отрицательный отзыв Л. Н. Толстого относился не к пьесе «Черные маски» (1908), а к рассказу «Бездна» (1902). Ошибка мемуаристки состоит и в неточно переданной фразе Толстого, стараниями журналистов превращенной в афоризм: «Он пугает, а мне не страшно». См. об этом: *Иванова Л. Н.* Иванов-Разумник и Леонид Андреев // Иванов-Разумник: Личность. Творчество. Роль в культуре: Публикации и исследования. СПб., 1998. Вып. 2. С. 134—135.

³² *Арцыбашев Михаил Петрович* (1878—1927) — прозаик, драматург.

³³ *Ходотов Николай Николаевич* (1878—1932) — актер и писатель, автор книги воспоминаний «Близкое — далекое». (Л.; М., 1962).

³⁴ Указания на статьи об описываемом инциденте см.: Леонид Николаевич Андреев: Библиография. Вып. 2. С. 385—389.

³⁵ См.: РО ИРЛИ, ф. 736. № 68.

³⁶ «Другая причина», по мнению Гариной: «... Куприн был болен редчайшей „болезнью“, по-видимому, и неизлечимой — он завидовал интересной внешности мужчин» (РО ИРЛИ, ф. 736, № 68, л. 53). Закончив воспоминания о Куприне, Гарина поделилась своими предположениями о «подкладке драки» с Н. Н. Ходотовым. «Ходотов изумился, опешил даже как-то, и вдруг, подумав, сказал: „А знаете что?! Весьма и весьма возможно! Ведь бабье буквально не давало прохода Леониду Андрееву, и Куприну, обычно, приходилось стужеветаться! А он ведь мстительный!..“ Я и до прихода Ходотова понимала, что в тот злополучный вечер, несомненно, Андреев пользовался большим успехом у „бабья“, чем Куприн, почему Куприн и решил унижить „соперника“, поставив его в неловкое положение, а затем ударами „стеречь“ его вообще с лица земли...» (Там же, л. 54). Нескoлько иначе описала это событие жена Куприна. См.: *Куприна-Иорданская М. К.* Годы молодости. 2-е изд. М., 1966. С. 305—306.

³⁷ В беседе с братом Андреем о собственном алкоголизме Леонид Николаевич произнес: «И это я еще вовремя и счастливо вырвался, а иначе погубил бы точно так же, как погубает Куприн и другие». «Насколько я знаю, — пояснил Андрей Николаевич, — Леонид не пьет уже около двух лет, после истории с Куприным». И тут же делает сноску: «Ошибаюсь: он пил в последнюю поездку за границу, именно тогда, когда случайно остался один» (*Андреев А.* Из воспоминаний о Л. Андрееве // Красная новь. 1926. № 9. С. 216).

³⁸ Сам Н. Н. Ходотов в книге воспоминаний, не входя в подробности скандального происшествия и не давая ему оценки, лишь упомянул о нем, с сочувствием к Куприну: «Инцидент, происшедший у меня на квартире между Куприным и Леонидом Андреевым, после которого все товарищи предали Куприна остракизму, принес много терзаний самолюбивому, но и глубоко чуткому автору „Гранатового браслета“ и „Суламифи“. В Куприне уживались жестокость и нежность, но жестокость его была наигранной» (*Ходотов Н. Н.* Близкое — далекое. С. 174).

³⁹ Возможно, «старший сын» — Алексей Гарин: на одной из фотографий в альбоме, датированной 1911 г., ему 10 лет (РО ИРЛИ, ф. 736, № 57, л. 33). А под рисунком с датой 12 января 1917 г. надпись хозяйки альбома: «Рисунок А. Гарина, ученика Финской Академии, сына Н. М. Гариной» (Там же, л. 35).

⁴⁰ В оригинале более похоже на «24 июня 1910», что логичней, так как Андреев посылает Гарину только что полученное письмо Короленко от 22 июня.

⁴¹ Оригинал письма Андреева и его фотопортрет с надписью подклеены в альбоме Н. М. Гариной: РО ИРЛИ, ф. 736, № 57, л. 47 об. и 10 об. Показательна «ошибка» мемуаристки в воспроизведении надписи на фотографии, которая в оригинале выглядит так: «Сергею Александровичу Гарфильду с сердечной признью Леонид Андреев 1910».

⁴² Остальные письма Леонида Андреева сданы мною в Музей, с письмами остальных писателей. (Примечание Н. М. Гариной). О каком музее идет речь, осталось неясным. Никаких других писем Леонида Андреева в семью Гариных выявить не удалось. Сохранилось официальное письмо к Гариной директора Государственного литературного музея В. Д. Бонч-Бруевича от 28 февраля 1938 г., с просьбой о материале. Слова «мемуары и всякие воспоминания» подчеркнуты Гариной (о чем она сама пишет на полях) (РО ИРЛИ, ф. 736, № 72). Помимо пушкинского музея, фонды С. Гарина имеются в Российском государственном архиве литературы и искусства (ф. 146) и в Рукописном отделе Института мировой литературы (ф. 471).

⁴³ Ни упоминаемое второе письмо Андреева С. А. Гарфильду, ни его ответную телеграмму обнаружить не удалось.

⁴⁴ Возможно, речь идет о присланном Гарфильду письме В. Г. Короленко от 22 июня 1910 г., адресованном Андрееву. Короленко положительно оценивает рукопись, спрашивает об адресе автора (для высылки гонорара), предлагает сменить заглавие и псевдоним «Глаголь», уже используемый двумя писателями (см.: *Желвакова И. А.* Письма В. Г. Короленко разным лицам // Новое и забытое. М.: Наука, 1966. <Сб.> 1. С. 126). 27 июля 1910 г. Гарфильд сам написал Короленко и получил краткий деловой ответ, датированный 2 августа того же года (Там же, С. 126).

⁴⁵ *Гарин С.* Как они умирали. (Из летописи минувшей войны) // Русское богатство. 1910, № 9. С. 11—58.

⁴⁶ Прижизненная пресса также отмечала эту несправедливость: «Беседу с Леонидом Андреевым нужно начинать с опровержения целого ряда клевет и лезвостей, измышленных о нем досужими сочинителями». Далее автор статьи-интервью, перечис-

лив и, с помощью самого писателя, опровергнув лишь некоторые из «небылиц-обвинений в огромном большинстве случаев с оттенком злобности и клеветничества», замечает, подобно Н. М. Гариной: «Зависть — родная сестра славы, а клевета — двоюродная. Таких терний славы у Андреева слишком много.

— Каждый день, — рассказывает Л. Н., — я получаю кучу печатных сообщений и статеок к себе из бюро вырезок. Это почти сплошь брань или вымысел. Я давно уже усвоил принцип не выступать с опровержениями и никогда не изменял себе за единственным исключением, когда кто-то написал, что я сумасшедший, а кто-то стал читать лекцию обо мне, рассматривая меня под этим углом зрения. Это уж мне показалось очень обидным, — улыбается Л. Н. — С какой же стати? Большие я никогда ни на что не возражал. «В критических отзывах о себе. — а об Андрееве теперь пишут без всякого сомнения больше, чем о ком-либо в России <...>, его внимание останавливает отсутствие серьезных попыток считаться с целым его писательским обликом. Почти нет статей, есть лишь фельдетонные наброски. Каждый раз пишут только о последней вещи. Вовсе отсутствует попытка поставить ее в связь с написанным ранее» (Аякс [Измайлов А. А.]. У Леонида Андреева // Биржевые ведомости. (Веч. вып.). 1907. 27 нояб., № 10225).

⁴⁷ Скорее всего, — это изложение одного из устных рассказов брата писателя — Андрея Николаевича. Ср. его воспоминания: «Когда так называемый „провал“ „Екатерины Ивановны“ завершился, „Биржевые Ведомости“ поместили заметку, что Л. Андреев крайне угнетен неудачей. По словам газеты, близкие и родные писателя скрывают от него все, что пишется по этому поводу, все журналы и газеты. Заметку эту Леонид прочел за обедом. Прочитал он вслух ее так... „родные прячут от него газеты, а также ножи и вилки“. Оглядев стол, он посоветовал матери убрать еще что-то, например, огурцы.

— На всякий случай. Мало ли, подавиться можно» (Андреев А. Из воспоминаний о Л. Андрееве // Красная повесть. 1926. № 9. С. 212—213). Речь идет о статье: П. Л. Андреев и «Екатерина Ивановна» // Биржевые ведомости. (Веч. вып.). 1912. 20 дек., № 13309. Автор сообщает о провале премьеры пьесы, поставленной Вл. И. Мемпловичем-Данченко в Московском Художественном театре в декабре 1912 г.

⁴⁸ Андрей Андреев иначе отзывался о реакции брата на эту и подобные бранные статьи: «Странно, но это так: в момент наибольшей ругани Леонид чувствовал себя необычайно крепко и весело. Чувствовал ли он прелесть боя или так крепко верил в значительность пьесы, не знаю. Но весел был все время, и прочитанная заметка вызвала его на ряд чудесных острот. Только одно плохо: работать не мог» (Андреев А. Из воспоминаний о Л. Андрееве. С. 213).

⁴⁹ *Ленский (наст. фам. Абрамович) Владимир Яковлевич (1847—1937)* — прозаик, поэт.

⁵⁰ О Семене Юшкевиче у меня есть отдельные воспоминания. (Примечания Н. М. Гариной). В фонде С. А. Гарина в РО ИРЛИ этот материал отсутствует. Юшкевич Семён Соломонович (1868—1927) — писатель-«знаниевид».

⁵¹ Подобную трактовку изображенного Андреевым образа мы находим и в близких по времени мемуарах литературного секретаря издательства «Шиповник» Веры Евгеньевны Беклемишевой (1881—1944): «Ко дню венчания Риммы Николаевны с А. Олем Леонид Николаевич нарисовал и подарил им изображение святого Исайи Ликуй. У святого развращенное, красное от пьянства лицо пропощы-монаха. Он хитро подмигивает глазом, а пальцы, сложенные для благословения, отвратительно жирны. На лбу святого рожки. В сопроводительной записке совет: „А на ночь поворачивайте Исайку к стенке“» (Беклемишева В. <Воспоминания о Л. Андрееве> // Реквием: Сборник памяти Леонида Андреева / Под ред. Д. Л. Андреева и В. Е. Беклемишевой; С предисл. В. И. Невского. М.: Федерация, 1930. С. 216). *Ольга Андрей Андреевич (1883—1958)* — второй муж Р. Н. Андреевой, архитектор, автор проекта дачи Л. Андреева в Ваммельсуу.

В дни, когда Нина Гарина заканчивала свои воспоминания об Андрееве, его сестра, Римма Николаевна, передала эту работу писателя в Государственный литературный музей, сделав на обороте следующую надпись: «Эта картина нарисована моим братом Леонидом Андреевым. Она является карикатурой на св. Исайю, и брат благословил меня в 1913 г., когда я выходила замуж. Р. Верещагина. 1935 г. 4 августа» (Петрова Н. И. Рисунок и живопись русских писателей. (Из фондов Гослитмузея) // Новое и забытое. М., 1966. <Сб.> I. С. 35). По воспоминаниям В. Е. Беклемишевой,

Римма Николаевна и А. А. Оль поженились осенью 1908 г. (*Беклемишева В.* <Воспоминания о Л. Андрееве>. С. 203). 1 (14) ноября 1910 г. у них родилась дочь Галина. А в 1913 г. состоялось венчание. В неопубликованном письме от 4 ноября (6. г.) к сестре и А. А. Олю об их предстоящей свадьбе Андреев пишет об этой же картине (Орловский государственный литературный музей И. С. Тургенева, ф. 12, оп. 1, № 32 (КП 895 оф)). Приношу сердечную благодарность хранителям ГЛМ И. М. Гореховой и Т. В. Соколовой, а также Л. Д. Затуловской и Л. В. Ивановой (Орел) за предоставленные сведения.

В Русском архиве в Лидсе (Великобритания), в фонде Леонида Андреева, хранится недатированный карандашный рисунок писателя, также изображающий св. Исайю (об этом говорит подпись автора). Вероятно, это набросок той самой пастели (LRA MS. 606/G.1.vii.a). Благодарю директора архива — Ричарда Дэвиса — за возможность ознакомиться с копией рисунка. Подробнее об этом сюжете см.: *Иванова Л. Н.* По страницам воспоминаний о Леониде Андрееве (в печати).

⁵² Этот эпизод ранее в литературе об Андрееве не упоминался. Судя по всему, речь идет о марте—апреле 1906 г., когда писатель с первой женой, А. М. Андреевой, и старшим сыном Вадимом (1902—1976) жили в Глионе (Швейцария). 8 марта 1906 г. Л. Андреев писал оттуда в Россию, брату Павлу: «Будь друг, обдумай вопрос о матери, ехал ли ей сюда или в Крым. Мне бы очень хотелось ее сюда, но побаиваюсь дороги. Не растерялась бы она; нам и то временами приходилось беспокоиться. Доехать она, конечно, доседет, но только тогда нужно будет основательно настроичить ее» (Неопубликованное письмо Леонида Андреева / Публ. И. Андреевой-Рыжковой и А. Богданова // *Вопросы литературы.* 1990. № 4. С. 277—278; благодарю Л. Н. Кен за указание цитаты). О том, что Анастасия Николаевна хоть и «растерялась», но все же добралась до места, свидетельствует письмо Андреева к тому же адресату от 22 марта (4 апреля) 1906 г.: «Мать здорова и настроение ничего; згорчается только, что нет писем» (Леонид Андреев. Письма к Павлу Николаевичу и Анне Ивановне Андреевым / Публ. Л. Н. Ивановой и Л. Н. Кен // *Русская литература.* 2003. № 1. С. 158).

⁵³ Местонахождение описанной фотографии установить не удалось. Известен подобный «постановочный» снимок писателя, возможно, из этой же «серии», сделанный в его доме в Ваммельсу: сидящая в кресле мать (также в клетчатом платье), с фигурками, очевидно заменяющими скриптер и державу, и стоящие по бокам вооруженные Леонид и Андрей Андреевы. Опубликован в альбоме: *Photographs by a russian writer Leonid Andreyev. An undiscovered portrait of Pre-Revolutionary Russia / Edited and Introduced by Richard Davies; With a Foreword by Olga Andreyev Carlisle.* London: Thames and Hudson Ltd, 1989. P. 239. В правой руке А. Н. Андреева держит медную китайскую курильницу XVIII в., хранящуюся ныне, так же как и кресло, в Литературном музее ИРЛИ.

⁵⁴ Павел Андреев в воспоминаниях о брате рассказывает о похожем розыгрыше детьми дочерничвой Анастасии Николаевны: было решено путем голосования избрать новую мать. «В день выборов мать очень волновалась, и какова же была ее радость, когда единогласно, без одного воздержавшегося (в голосовании принимали участие только мы, ее дети) провели ее в наши матери, — уже не по назначению, а по выбору. А вечером ужин, после чего граммофон, танцы. Но более радовалась она сама, видя всех нас веселыми и счастливыми» (*Андреев П. Н.* Воспоминания о Леониде Андрееве. С. 180).

⁵⁵ А. Н. Андреев писал стихи, работал в качестве хроникера в газете «Утро России» (1907, 1909—1917), где печатался под псевдонимом А. Болховской.

⁵⁶ Похожий рассказ см. в воспоминаниях Е. И. Замятина: *Книга о Леониде Андрееве.* Пг.; Берлин: Изд. З. И. Гржебина, 1922. С. 107—109.

⁵⁷ Эту же историю, только более подробно, Андреев с грустью рассказывал Горькому: *Воспоминания Горького об Андрееве / Предисл. и прим. А. И. Наумовой // Горький и Леонид Андреев: Неизданная переписка. М., 1965. С. 371—372 (Литературное наследство; Т. 72).*

⁵⁸ В опубликованных воспоминаниях брата нет речи о «самобичевании» писателя. На слова Андрея «Как мне обидно за отцов, которые умерли, когда их сыновья — будущие писатели — еще дети. <...> Как жалко, что наш отец умер так рано. Леонид ответил так: Не совсем так. Отец будущность мою предвидел настолько, что я считаю его первым поклонником своего таланта. Не могу сказать, в чем это выражалось явно, но отец как-то выделял меня среди других, и не только одною любовью. <...> И если

бы он сейчас воскрес и увидел бы, что есть, он нисколько не удивился бы. Скорее даже, что отнесся бы так: только то? — я ожидал большего» (*Андреев А.* Из воспоминаний о Л. Андрееве. С. 211).

⁵⁹ В 1918—1919 гг. С. Гарин был морским агентом и полпредом в Дании по делам военнопленных. По воспоминаниям В. С. Гариной-Кузнецовой, он вернулся в Россию в конце марта 1919 г., «с ним приехала его вторая семья и мой муж» (РО ИРЛИ, ф. 736, № 79, л. 104). В альбоме Н. М. Гариной есть семейные фотографии, сделанные в Копенгагене.

⁶⁰ Римма Николаевна и сама не только не присутствовала при кончине брата (въезд в Финляндию был закрыт), но и узнала об этом с опозданием. Они не виделись с 1917 г., с 1918 г. прекратилась и переписка. О «подробностях» она прочла позднее в письмах убитой горем матери. См. об этом: *Андреева Р.* Мать Леонида Андреева // Россия. 1925. № 4. С. 238—241.

⁶¹ Ф. Н. Фальковский (для редакции). (Примечание Н.М. Гариной). *Фальковский Федор Николаевич* (1874—1942) — писатель, драматург, директор петербургского Нового драматического театра, близкий приятель Л. Андреева. В его доме в Нейвола (Мустаямки) писатель провел свои последние дни и скончался 12 сентября 1919 г. См. два мемуарных очерка Фальковского, с разными оценками последнего, мучительного периода жизни Андреева: «О них должно быть сказано всё» (1920) и «Предсмертная трагедия Леонида Андреева. (Из воспоминаний)» (1923) (Леонид Андреев. S. O. S. С. 388—393, 401—411).

⁶² В 1919 г., когда Андреев понял, что не удастся воплотить его план — развернуть и возглавить антибольшевистскую деятельность в России, — принял решение поехать в Америку для выступления с лекциями о положении дел на родине и для того, чтобы выжить, зарабатывая литературным трудом. «<...> денег у меня нет, — писал Андреев В. Л. Бурцеву 19 августа 1919 г., — живу я кредитом и не знаю, как пройдет завтрашний день, что, при наличии семьи и плохом здоровье, очень скверная штука» (Леонид Андреев. S. O. S. С. 309).

⁶³ Сначала запаянный гроб писателя находился в часовне на даче А. П. Горбик в Нейволе, в 1924 г. был перевезен на кладбище Картавцева в селе Мсяцяюля, а в 1956 г. перезахоронен на Литераторских мостках Волкова кладбища.

⁶⁴ См. в воспоминаниях Риммы, уверенной, что мать не переживет потери своего любимца: «И, действительно, в эту же ночь она покушалась на самоубийство, она повесилась на кровати у изголовья умершего сына, ее сняли уже посиневшую и стали следить за ней». Сама Анастасия Николаевна так писала об этом: «Дорогие мои дети, знайте, что я осталась жить ради вас. Совесть меня замучила, что я не повидаю вас. Мое горе не поддается никаким словам. Нет его, нет. Я искала смерти, но неудачно. <...> нет света, нет радости, все потеряно. Я страшно одинока. <...> боюсь, что ослепну от слез и не увижу вас» (*Андреева Р.* Мать Леонида Андреева. С. 238—239). Так, к их общему горю, и произошло. Римма Николаевна смогла попасть в Финляндию лишь зимой 1923 г. и посетить две дорогие ей могилы.

⁶⁵ Анастасия Николаевна ненадолго пережила сына и скончалась 2 декабря 1920 г. «По заявлению врача, она скончалась от разрыва сердца в 5 часов. Только непонятно, почему на шею были следы, как будто ее душили, может быть, она сама боролась с удушьем, хватала себя за горло. Бог знает...» (Там же. С. 241).

ПИСЬМА И. И. ТОЛСТОГО К В. Я. ПРОППУ

Публикация А. Н. Мартыновой

Пять писем И. И. Толстого к В. Я. Проппу, хранящиеся в его фонде (№ 721) Рукописного отдела Института русской литературы, несомненно представляют научный интерес. Иван Иванович Толстой (1880—1954) — филолог-классик, академик по Отделению литературы и языка (с 1946 г.), заслуги которого в исследовании древнегреческой литературы, античной культуры значительны и разнообразны. Важным методологическим достижением И. И. Толстого в изучении античной литературы явилось привлечение фольклора, в том числе русского, позволившего вскрыть во многих античных сюжетах фольклорные источники. Можно предположить, что знакомство ученых началось не позднее 1920-х годов. И. И. Толстой закончил Петербургский университет в 1903 г. (на 15 лет раньше В. Я. Проппа), а с 1908 г. началась его преподавательская деятельность. Весьма вероятно, что Владимир Яковлевич слушал его курс классической античной литературы. Но что несомненно — это их совместная работа в Сказочной комиссии Географического общества. Автору этих строк Владимир Яковлевич говорил: «Это была настоящая сказочная комиссия! И работал в ней прекрасный, замечательный человек — Иван Иванович Толстой!» В. Я. Пропп с большим уважением и любовью относился к своему старшему коллеге. 15 марта 1965 г. он записал в своем дневнике: «Какое наслаждение читать И. И. Толстого. Это был один из немногих при моей жизни *настоящих* людей и крупных ученых. Против него все теперешние какая-то мелюзга. Они не имеют нутра и нутряного отношения к своему делу».¹

В 1965 г. В. Я. Пропп начал готовить к изданию книгу И. И. Толстого «Статьи о фольклоре»² и сопроводил ее интересной и глубокой статьей, в которой анализирует установленные в работах И. И. Толстого связи античной культуры с фольклором, народным бытом и историей. Подчеркивая то новое, что внес И. И. Толстой в методологию исследования античной культуры, он пишет, что его работы раскрыли важное для понимания античной культуры положение: «народная традиция, для античной культуры никем не записанная и не зафиксированная, оказывается тем невидимым, как бы подземным живым родником, который питает величественную античную культуру».

¹ *Протт В. Я.* Дневник старости. 1962—196... // Неизвестный В. Я. Пропп / Предисловие, составление А. Н. Мартыновой. СПб., 2002. С. 308.

² Книга вышла в свет в издательстве «Наука» (М.; Л.) в 1966 г.

туру в ее зримых памятниках».³ Работал Владимир Яковлевич над этой книгой очень интенсивно. 13 января 1965 г. он записал в дневнике: «...подобрать и заказать в П<убличной> Б<иблитеке> все, относящееся к Толстому...»,⁴ а 15 марта намечает: «Заключить всю работу о Т<олстом>». 4 мая того же года он пишет: «Я люблю И<вана> И<вановича> Толстого, хочу поставить ему памятник».⁵

Письма И. И. Толстого свидетельствуют о том, как много для него значило мнение В. Я. Проппа о его работах, а также говорят не только об общности их научной методологии, но и общности их взглядов на окружающую действительность.

Три письма И. И. Толстого отправлены В. Я. Проппу из Казани в Саратов: в этих городах находились ученые, в 1942 г. эвакуированные из блокадного Ленинграда. Четвертое письмо датировано 11 апреля 1945 г. и отправлено из Казани в Ленинград, куда возвратился в конце войны В. Я. Пропп. Последнее (не датированное) письмо-приглашение написано И. И. Толстым после возвращения его в Ленинград.

Письма печатаются по автографам, хранящимся в фонде В. Я. Проппа в Рукописном отделе ИРЛИ (Пушкинском Доме) РАН (ф. 721, оп. 1, № 438). В ломаных скобках раскрыты сокращения слов.

1

10 сентября 1943 г. Казань

Дорогой Владимир Яковлевич!

Получил от Вас через любезное посредство Татьяны Николаевны¹ Ваше письмо, за которое глубоко благодарю Вас. Я давно хотел получить от Вас весточку, письмо от Вас, а не о Вас: о Вас я справлялся и знал, что Вы в Саратове; значит, представлял себе хорошо внешние условия Вашей жизни. Вы рассказали мне в нескольких строках Вашего письма Вашу внутреннюю жизнь, и за Ваше доверие ко мне позвольте выразить Вам глубочайшую признательность. Я был всегда, даже последнее время, т. е. уже в преклонных годах, оптимистом, верил в жизнь и любил ее, ценил самый феномен жизни и то хорошее, что жизнь несет в себе каждому, ею пользующемуся. Но несчастья, горе невозвратимых утрат, смерть жены,² неизвестность о судьбе сына, от которого я так до сих пор не имею известий, сломили мою жизненную устойчивость. Я попробовал описать Вам бездну своего горя и разорвал письмо: вышла пошлятина. Не выразишь своего состояния. Вспоминается фраза Вертера, которого однажды летом, на даче, я как-то читал вслух жене: «Ach, was ich weiß, kann jeder wissen — mein Herz hab'ich allein».³

Не вижу кругом ничего отрадного: ужас бессмысленной, дикой бойни, а ближайшее быгговое зрелище то же, какое разворачивается и перед Вами в Саратове — картина циничного, наглого воровства. Господи! как воруют! Какой беспредельный цинизм воровства!

³ *Протт В. Я. Труды академика Ив. Ив. Толстого по фольклору // И. И. Толстой. Статьи о фольклоре / Сост. и отв. ред. В. Я. Пропп. М.: Л., 1966. С. 17.*

⁴ Дневник старости. С. 293.

⁵ Там же. С. 311.

В душе тоска, неизбывная, страшная, доводящая порой до какого-то безумия.

Как и Вы, пробую работать. Нет, не пробую, а работаю. Пишу небольшую монографию об античной сказке. Ведь и Вы работаете над эпосом и контаминациями. В связи с этой работой написал по приглашению Академии доклад, который должен читать на Сессии в Отделении. Тема доклада общая: «Античный миф и русская сказка». Собираюсь выдвинуть некоторые общие положения:

1) Сказки как жанр в античности существовали еще до гомеровского эпоса.

2) Стержневые персонажи мифа изменчивы по вариантам, и сюжет как таковой стоит вне зависимости от сакрального содержания тех фигур, которые в нем выступают.

3) Религиозный обряд не единств<енный> поэтому источник мифа, сюжет которого часто восходит к явлениям древнейшего социального быта. Тут, как и во многом, впрочем, другом, мы с Вами сходимся.

4) Примитивный сюжет есть продукт примитивного мышления, и зарождение древнейших форм сказа (то есть примитивная группировка образов, приводимых средствами слова и жеста в определенную взаимную связь) синхронично глоттогоническому⁴ процессу.

Я все больше прихожу к убеждению, что главное в сюжете — схема. «Мотивы» ничего общего не имеют с сюжетом: сюжет — это формула образов, а не мотивов. Ваша трудночитаемая магистерская диссертация подлежит вновь и вновь изучению.⁵

Сюжетные схемы, число которых, по всей вероятности, ограничено, как число грамматических форм, интерпретируют представления о героях и простых людях, вбирая образы последних в себя, подобно тому, как мысль, для ее выражения в слове, вбирается в предложение, подчиняясь законам синтаксиса.

На последнем заседании Института Литературы⁶ я читал доклад жены, почти ровно через год после ее смерти, был рупором, передатчиком ее живой мысли. Я как бы слышал ее, эту мысль, мысль автора. В докладе своем и для меня самого, и для слушателей автор оставался живым. Хотелось задать автору ряд вопросов. Самая тема доклада заинтересовала бы и Вас: «Отрицательное сравнение» (Опыт сравнительной морфологии) — один из кардинальных вопросов исторической поэтики. С большими фольклорными иллюстрациями. Институт обещал мне напечатать эту работу! Вообразите всю меру моей радости и внутреннего удовлетворения, конечно, все это пока *in spe*.⁷ Плоткин⁷ хлопочет в Москве об издании «Ученых трудов»⁸ Института Литературы.

Спасибо Вам еще раз за Ваше доброе, хорошее письмо, и Вашу добрую память и о живом, и о мертвой.

Ваш Ив. Толстой.

⁴ в будущем (лат.).

Крепко жму Вам руку и прошу Вас передать мой искренний привет Вашей жене,⁹ если она меня еще помнит.

Казань, ул. Комлева 9, комната 11.
10 сентября 1943 г.

¹ Неустановленное лицо.

² *Меликова-Толстая Софья Венедиктовна* (1885—1942) — кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии Ленинградского государственного университета.

³ «Ведь то, что я знаю, узнать может всякий, а сердце такое лишь у меня». См.: *Гете И. Страдания юного Вертера* // И. Гете. Стихотворения. Страдания юного Вертера. Эгмонд. Фауст / Пер. Н. Касаткиной. М., 1973. С. 29.

⁴ Глоттогонический — языковой (*лат.*).

⁵ И. И. Толстой имеет в виду книгу В. Я. Проппа «Морфология сказки», изданную в 1928 г., за которую ему без защиты была присвоена степень кандидата филологических наук.

⁶ С 1949 г. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР. Во время Великой Отечественной войны находился в эвакуации в Казани.

⁷ *Плоткин Лев (Лейб) Абрамович* (1905—1978) — литературовед и критик, доктор филологических наук. В 1941—1948 гг. — заместитель директора, в 1948—1949 гг. — временно и. о. директора Пушкинского Дома.

⁸ Издание не состоялось.

⁹ *Ашшипова Елизавета Яковлевна* (1905—1979) — старший преподаватель кафедры фонетики и методики преподавания иностранных языков, преподаватель английского языка.

2

10 ноября 1943 г. Казань

Казань. 10 ноября 1943 г.
Ул. Комлева 9, комн. 11.

Дорогой Владимир Яковлевич!

Давно стремлюсь ответить Вам на Ваше второе письмо, за которое душевно Вас благодарю, от 11 октября. Страшно хочется мне поделиться с Вами своими мыслями, проверить себя в Вашей критике: мы близки друг к другу по направлению наших мыслей, и Вашим мнением я дорожу, может быть, более, чем мнением кого-либо другого. Говорю совершенно искренно и думаю, что клятвы здесь не нужно. Вы сами прекрасно знаете, что это именно так. Доклад мой на сессии¹ сошел благополучно: он, видимо, заинтересовал. Я удостоился даже одобрения со стороны акад. Орлова,² а Крачковский³ в частной беседе (человек скупой на любезности) отмочил мне такой комплимент, который мне и говорить совестно. Но не было среди моих слушателей такого, действительно компетентного лица, каким являетесь в таком случае Вы. Инст<итут> Лит<ературы> просит меня повторить доклад в Институте, что я и сделаю на днях, если буду жив и здоров. Может быть, удастся его напечатать в I выпуске Трудов Инст<итута> Лит<ературы>, с идеей издания которых носится теперь Плоткин. В тот же первый выпуск представил я

к напечатанью и работу моей жены «Отрицательные сравнения», о чем Вам уже, помнится, сообщал. Но улита едет, когда-то будет: хочу поэтому послать вам теперь же тезисы своего доклада. Если хватит энергии и если улучу свободную минутку, пришлю Вам выписку из своего доклада в обоснование главного мною защищаемого тезиса: уж очень хочется знать Ваше о нем суждение. Теперь же, в качестве предисловия, скажу лишь одно: выводить сюжет мифа исключительно из сакральной природы бога или героя, являющегося действующим лицом мифа, принципиально, на мой взгляд, неправильно. Попытки такого рода, в сущности, близки к установкам старой классической филологии середины XIX столетия, искавшей раскрыть источники мифологии путем реконструкции содержания тех представлений, какие предположительно должны были связываться античными греками с фигурами их божеств.

На этом пока кончаю.

Конечно, Вы правы: ключ всего в этнографии. Это, безусловно, так. К сожалению, я этим ключом очень плохо владею, но отдаю себе ясный отчет в его огромной, исключительной, большой научной ценности. Тем большую важность приобретают в моих глазах Ваши занятия по изучению примитивных сказочных текстов. Татьяна Николаевна говорила мне о том, какой интересный доклад сделали Вы им в Саратове; к сожалению, она не могла пересказать мне на память его конкретное содержание.

В Саратов я не приеду: не в состоянии буду приехать. Дорога трудная, а ко мне неделю тому назад неожиданно вернулись мои злосчастные желудочные боли. Боюсь стать вновь инвалидом и не решаюсь поэтому рисковать. Что делать! Нельзя. В Москву решил не переезжать, и в бытность свою на сессии заручился у своего патрона и тезки, Ив<ана> Ив<ановича> Мещанинова,⁴ разрешением зимовать в Казани. В Казани можно работать. Кроме того, акад<емик> Мещанинов назначил меня приказом «уполномоченным по казанской группе ИЯМ'а».⁵ Я числюсь теперь в составе ИЯМ'а, хотя работаю (бесплатно) в Институте Литературы. В качестве официального лингвиста обязался дать к весне очерк общей картины гомеровского языка. Очерк этот увязывается мною естественно с литературной стороной явления т<ак> наз<ываемого> «гомеровского диалекта» и с вопросами сложения и бытования античного эпоса. Никаких открытий делать не собираюсь, а просто хочу сообщить товарищам, что нам известно и что принадлежит к безбрежной области предположений. Ведь и такая работа может оказаться, по-моему, полезной. Как вы думаете?

Крепко жму руку. Ваш Ив. Толстой.

Копия тезисов,
написанная к моему
сессионному докладу
на Отделении в Москве.

Тезисы

к докладу члена-корреспондента Академии Наук СССР

И. И. Толстого

«АНТИЧНЫЙ МИФ И РУССКИЕ СКАЗКИ».

1. Сказка в античном обществе бытовала как особый, самостоятельный жанр.

2. До нас дошли реликты античных сказочных формул и характерные стиглевые фигуры сказочной речи.

3. Появление сказочного жанра у древних греков предшествовало созданию гомеровского эпоса.

4. Ближайшие аналогии повествовательной форме русских и западноевропейских сказок даст ареталогический⁶ жанр эллинистической эпохи.

5. Стадиально более примитивный, русский сказочный материал часто содействует раскрытию смысла иных из деталей хронологически более древнего, античного мифологического сюжета.

6. В основе поэмы Александрийского поэта Каллимаха⁷ «Гекала» лежит сказочный эпизод, адекватный эпизоду, закономерному для композиции схемы одной из русских сказок.

7. Стержневые персонажи мифологического сюжета изменчивы по отдельным его вариантам, и сюжет, как таковой, стоит вне зависимости от сакрального характера тех фигур, которые в нем действуют.

8. Обряды религиозного культа не единственный источник мифа.

9. Наблюдаются случаи использования сказочной схемы сакральными мифами древней Греции.

10. Сюжет мифа нередко восходит к реальным явлениям древнейшего социального быта.

11. Для сказочного сюжета типична кольцевидная схема образов.

12. Примитивный сюжет есть продукт примитивного мышления, и зародыши древнейших форм сказа (то есть примитивная группировка образов, приводимых средствами слова и жеста в определенную взаимную связь) синхроничны глоттогоническому процессу.

¹ Имеется в виду сессия Академии наук, проходившая в Москве, куда выезжал И. И. Толстой.

² Орлов Александр Сергеевич (1871—1947) — литературовед, историк русской литературы, академик по Отделению общественных наук с 1921 г.

³ Крачковский Игнатий Юлианович (1883—1951) — арабист, профессор многих учебных заведений СССР, член ряда зарубежных академий. Академик АН СССР с 1921 г.

⁴ *Мецианинов Иван Иванович* (1883—1967) — языковед, археолог, этнограф. Академик по Отделению общественных наук с 1932 г., директор Института языка и мышления (1935—1950).

⁵ ИЯМ — Институт языка и мышления АН СССР.

⁶ Ареталогический — от *α'ρετη* (*греч.*) — «чудо»; термин «ареталогия» прилагается к жанру легенд, повествующих о чудесах.

⁷ *Каллимах* — греческий поэт (310 г. до н. э.), представитель александрийской поэзии, создатель нового литературного жанра — поэзии малых форм. Поэма «Гекала» — сборник небольших повествований, элегий, где разработаны редкие легенды, объясняющие возникновение различных обрядов, праздников и т. д. См. статью И. И. Толстого «„Гекала“ Каллимаха и русская сказка о бабе-яге» (Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та. 1941. № 63. Сер. филол. наук. Вып. 7. С. 7—19).

3

17 ноября 1943 г. Казань

Казань, ул. Комлева 9, комната 116.
17 ноября 1943 г.

Дорогой Владимир Яковлевич!

Искать свободной минуты бесполезно. А потому бросаю все и, выполняя заветное свое желание представить Вашему вниманию то основное, что я в своем докладе Академии старался сказать, делаю выписку из текста своего черновика.

«Конечно, складывание мифа на почве религии, точнее говоря — на почве культового обряда — общеизвестно. Примеры „священных повествований“, храмовых, жреческих или фольклорных *ἱεροῖ χῶροι*,^а поясняющих, например, удержавшийся от далекого прошлого, непонятный обряд, бесчисленны.* Ограничивать, однако же, исторический процесс сюжетосложения одними только религиозными факторами равнозначно было бы отрицанию возможности появления вообще сказа в эпоху дорелигиозного мышления.

Зародыши древнейшего сказа или группировки образов, приводимых человеческой мыслью средствами слова и жеста в определенную взаимную связь, без сомнения, восходят к древнейшим же историческим стадиям человеческого мышления: по всей вероятности, он синхроничен процессу самой глоттогонии.

Всякий, даже простейший, сюжет основан на той или иной повествовательной схеме, обычно дающей фигуру замкнутого кольца. Образуется сюжет не механическим сочетанием мотивов, а путем сознательной синтактики образов, взятых в их движении. Сказка о журавле и цапле построена не на мотиве сватовства, а на симметричном сочетании образов, связанных с актом сватовства. Сватовство журавля само по себе еще не дает сюжета. Сюжет образуется сочетанием образов тех движений, какими характеризуются действия персонажей:

^а священные повествования (*греч.*).

* Примечание, обращенное к Вам: с диссертацией Вашей я согласен. Я, кажется, Вам не противоречу: план волшебной сказки, как Вы это доказываете, может быть, возник, действительно, на почве инициации.¹ Но 1) я говорю не о плане, не о фабуле, а об элементах сказа, и 2) самый этот план вырос из реальных данных быта, практически творившегося обычая.

журавль посватался, цапля отказала; тогда посваталась цапля, а журавль ей отказал. Сюжет образуется здесь лишь благодаря сочетанию второго члена синтагмы с первым. Человек прицелился в птицу, птица просила человека в нее не стрелять, а взять ее с собою домой и кормить. Человек принес птицу домой, откормил, и благодаря ему птица унесла человека в далекую землю. И здесь опять схема сюжета имеет форму замкнутого кольца. На древнейших стадиях человеческой культуры идеология примитивных схем, внутреннее их содержание коренилась, конечно, в условиях совершенно нам чуждого быта, вырастала на почве рефлексов и ассоциаций, от нас чрезвычайно далеких, построилась на принципах умозаключений, разумеется, мало наминавших начала нашей, нам современной, логики. Генетика их, очевидно, связана с их палеонтологией. Каталоги сюжетов имеются, и они служат величайшим научным подспорьем: эти каталоги — величайшее научное завоевание в области изучения сказочного фольклора. Но сами по себе сюжетные схемы до сих пор еще недостаточно научно исследованы. А между тем, именно они-то, должно быть, и представляют основные, так сказать, начатки сюжетосложения. Продукт примитивного мышления, примитивный сюжет, возникал, очевидно, как одна из реакций человеческой мысли на окружавшие человека многообразные явления жизни, формуя простейшие схемы сказа, постепенно утверждавшиеся затем в практике нарождавшегося художественного мастерства речи. По вопросу о том, что считать примарным,² миф или сказку, старая точка зрения, выдвинутая в свое время Вильгельмом Гриммом,³ решительно утверждавшая примарность именно мифа, вряд ли можно (так! — *А. М.*) считаться сейчас правильной. Скорее следует предполагать обратное: в основе древних сказаний о богах и героях должна, несомненно, лежать во многих случаях схема древнейших фольклорных сказов. Бывает, разумеется, и другое: в новогреческом, скажем, фольклоре нередки случаи возникновения как раз сказок на фоне популярных античных мифов. Это явление вполне естественно, но это, конечно, явление совсем иного порядка».

Ошибаюсь я или прав?

Фольклорная секция Института Литературы в Казани совсем многочисленна: *А. М. Астахова*⁴ и вернувшаяся теперь в Казань и проживающая теперь здесь вместе со своими маленькими детьми *Поля Ширяева*.⁵ *Анна Михайловна* вплотную работает над своей докторской диссертацией по поэтике русских былин.⁶ На очередных заседаниях Института, которые происходят часто, уже прочла ряд глав из своей диссертации, очень солидных и интересных. Слабое место, по которому, чувствуется, ее будут бить, это — ее чрезмерное, может быть, увлечение сюжетами новых, современных былин и сказок и поэтикой и самой личностью новых, современных сказителей. Но материалом она владеет огромным и в совершенстве знает старую литературу. *Евгеньева*⁷ тоже пишет докторскую диссертацию, о языке былин *Кирши Данилова*. Тоже хороший, солидный работник и, притом, основательно образованная лингвистка.

Простите, что злоупотребляю терпением Вашим и отнимаю у Вас Ваше время. Крепко жму Вашу руку.

Ваш Ив. Толстой.

¹ Имеется в виду докторская диссертация В. Я. Проппа «Исторические корни волшебной сказки», защищенная им в Ленинградском университете 15 июня 1939 г. Официальные оппоненты: И. И. Толстой и Д. К. Зеленин. Опубликовано в 1946 г.

² примарный — первичный (*лат.*).

³ *Гримм Вильгельм* (1785—1863) — немецкий филолог, основоположник мифологической школы в фольклористике, профессор Геттингенского университета, член Прусской Академии наук.

⁴ *Астахова Аиша Михайловна* (1886—1971) — фольклорист, сотрудник Пушкинского Дома.

⁵ *Ширяева Пелагея Григорьевна* (1903—1986) — фольклорист, сотрудник Пушкинского Дома.

⁶ Докторскую диссертацию «Северный период в истории русской былины» А. М. Астахова защитила в 1944 г. Одним из оппонентов на защите был В. Я. Пропп. Опубликовано: Русский былинный эпос на Севере. Петрозаводск, 1948.

⁷ *Евгельева Анастасия Петровна* (1899—1985) — русист, лингвист, лексиколог, лексикограф, диалектолог. Докторская диссертация А. П. Евгеньевой «Очерки по языку русской устной поэзии» опубликована в 1963 г.

4

11 апреля 1945 г. Казань

11 апреля.
1945 г.

Дорогой Владимир Яковлевич!

Очень обрадовался Вашему письму, за которое горячо благодарю Вас. Надеюсь уже скоро теперь свидеться с Вами: собираемся возвращаться летом, а сейчас — не знаю, как у Вас в Ленинграде, а у нас в Казани — весна. Бурно несутся по улицам вешние воды. Думаю о Ленинграде, стараюсь закончить свои казанские работы, чтобы привезти в Ленинград что-то более или менее готовое. Ваше сообщение о новой надежде на появление Вашей книги¹ в печати страшно меня обрадовало. Сколько раз в студенческой аудитории я ее цитировал с кафедрами! Ее выход в свет будет для меня, уверяю Вас, не меньшим праздником, чем для Вас самих.

Мне сообщали уже о Вашем блестящем выступлении на защите докторской диссертации А. М. Астаховой.² Ваша речь, видимо, заставила говорить о себе: те, кто не знал Вас раньше, были — я это ясно чувствую — поражены.

В Казани сильно чувствуется провинция, одиночество, особенно теперь, когда вся московская и ленинградская <...>³

В марте защитила кандидатскую диссертацию при Казанском университете хорошо знакомая Вам Н. М. Элиаш,⁴ «О русской колыбельной». Она надеялась иметь своим оппонентом Вас, но Вы тогда уже покидали Саратов, и волею судеб главным оппонентом ее пришлось быть мне! Вторым — был сам декан филфака, проф. Вознесенский, Александр Николаевич.⁵

Может быть, из всех русских работ, какие я в свою бытность в Казани читал, особенно понравилась мне научностью подхода и ши-

ротой поставленных молодым автором перед собою задач диссертация Колесницкой⁶ — она дала мне возможность внимательно прочитать ее работу, когда приезжала в Казань. Хорошая работа — о загадках. Видна хорошая школа. Думается, в первую голову — Ваша. Верно? Но автор еще очень молод и может легко свою школу забыть, подпасть под новые влияния и испортиться, что было бы жаль. Мне особенно понравился здоровый уклон в сторону этнографии и порыв (так! — *А. Н.*) с эстетизмом.

Потрясен смертями: Щерба,⁷ мой университетский товарищ, крупнейший из наших лингвистов; потом безвременная кончина талантливейшего языковеда, еще молодого ученого — Рифтина,⁸ а вчера в «Известиях» читаю о смерти Балухатого.⁹ Ужас! Какие утраты! Какая жалость! Если не трудно, напишите мне какие-нибудь подробности: я ничего не знаю. Крепко жму Вам руку.

Ваш Ив. Толстой.

¹ И. И. Толстой имел в виду книгу В. Я. Проппа «Исторические корни волшебной сказки», вышедшую в свет в 1946 г.

² Защита докторской диссертации А. М. Астаховой состоялась 14 декабря 1944 г. в Ленинграде, куда фольклористка вернулась из эвакуации из Саратова в мае того же года.

³ Середина письма отсутствует.

⁴ *Элиаш Надежда Михайловна* — филолог, фольклорист. Диссертация Н. М. Элиаш «Русские народные колыбельные песни. Опыт классификации фольклорного жанра» в машинописном варианте хранится в Российской государственной библиотеке. На обложке обозначено: «Сызрань. 1944».

⁵ *Вознесенский Александр Николаевич* (1888—1966) — профессор Казанского университета, первый заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы на филологическом отделении, восстановленном незадолго до начала Великой Отечественной войны (1940). Специалист по белорусской литературе. См.: Казанский университет. 1804—1979. Очерки истории. Казань, 1979. С. 250.

⁶ *Колесницкая Ирина Михайловна* (1917—1994) — фольклорист, литературовед. Во время войны она находилась вместе с Ленинградским университетом в Саратове, где и защитила кандидатскую диссертацию о загадке.

⁷ *Щерба Лев Владимирович* (1880—1944) — языковед, специалист в области русистики, славистики, лексикографии, фонетики, академик по Отделению литературы и языка с 1943 г.

⁸ *Рифтин Александр Павлович* (1900—1945) — лингвист, профессор кафедры общего языкознания, заведующий кафедрой общего языкознания (1943—1945) Ленинградского государственного университета.

⁹ *Балухатый Сергей Дмитриевич* (1893—1945) — литературовед: член-корреспондент АН СССР (с 1943 г.).

5

Между 1945 и 1950 г. Ленинград

Дорогой Владимир Яковлевич!

Шлю сердечнейший Вам привет и глубоко благодарю Вас за Вашу записку, любезно переданную мне Г. А. Стратановским.¹

Всматриваясь в программу Ваших свободных и Ваших занятых дней и часов, прихожу к заключению, что наиболее удобные для Вас дни, это вторник и пятница. Поскольку же вторники часто бывают

у меня заняты ИЯМ'ом, хочу просить Вас навестить меня в пятницу 26-го вечером, часов в 8 или в половине девятого. В случае, если 26-го Вы почему-либо ко мне не приедете, разрешите ждать Вас тогда в понедельник 29-го, в те же часы. Пожертвуйте вечером! Буду глубоко благодарен Вам. Знаю, как труден городской транспорт, а потому вдвойне ценю Вашу дружбу!

Крепко жму Вашу руку.

Ваш Ив. Толстой.

P. S. Стратановский был у меня позавчера, или вернее — два дня тому назад, 15-го.

¹ *Стратановский Георгий Андреевич* (1901—1986) — филолог-классик, доцент Ленинградского государственного университета в 1937—1953 гг.

ХРОНИКА. ИНФОРМАЦИЯ

МАЙКОВ ЛЕОНИД НИКОЛАЕВИЧ

Фонд 166

Леонид Николаевич Майков (1839—1900) — историк литературы, этнограф, фольклорист; сын академика живописи Николая Аполлоновича Майкова и писательницы Евгении Петровны Майковой (урожд. Гусятниковой), младший брат поэта Аполлона, литературного критика Валериана и прозаика, переводчика, издателя Владимира Николаевичей Майковых.

В 1856 г. окончил Вторую Петербургскую гимназию, а в 1860 — историко-филологический факультет Петербургского университета. В 1863 г. защитил магистерскую диссертацию «О былинах Владимиров цикла» — первую специальную работу об исторической основе былинного эпоса.

Начал службу в Центральном статистическом комитете (1864—1885). С 1863 г. стал помощником редактора, а с 1882 по 1890 г. — редактором «Журнала Министерства народного просвещения». Одновременно с 1882 г. Майков был помощником директора Публичной библиотеки. Оставил этот пост в 1893 г. в связи с избранием его вице-президентом Академии наук и, согласно должности, возглавил Постоянную комиссию для пособия нуждающимся ученым, литераторам и публицистам, работавшую при Академии наук.

Л. Н. Майков состоял членом (или почетным членом) нескольких научных обществ, комитетов, комиссий. В 1864 г. он был избран в действительные члены Русского географического общества, а с 1871 г. стал председателем (председательствующим) Отделения этнографии этого Общества. С 1876 г. — член Археографической комиссии (с 1885 — правитель дел, а с 1889 — председатель Комиссии). В 1884 г. Л. Н. Майков был избран членом-корреспондентом Академии наук, в 1891 г. — академиком, а в 1899 г. почетным членом Чешской Академии словесности и искусства.

Свою научную деятельность Л. Н. Майков начал работами по русской фольклористике и этнографии. Кроме магистерской диссертации «О былинах Владимиров цикла», вышедшей отдельным изданием в 1863 г., в 1869 г. в «Записках имп. Русского географиче-

ского общества по Отделению этнографии» была опубликована его большая работа «Великорусские заклинания».

Из историко-литературных работ Л. Н. Майкова наиболее известными являются его труды о К. Н. Батюшкове и А. С. Пушкине. В 1887 г. под его редакцией было издано трехтомное собрание сочинений К. Н. Батюшкова, в 1-м томе которого помещена его исследовательская работа монографического характера «Батюшков, его жизнь и сочинения» (с небольшими изменениями в этом же году исследование вышло отдельной книгой). За эту работу Л. Н. Майков в 1888 г. отмечен полной Пушкинской премией Академии наук. В 1899 г. вышли его труды «Пушкин. Биографические материалы и историко-литературные очерки» и 1-й том сочинений А. С. Пушкина издания Академии наук под его редакцией и с его примечаниями. Обе работы Л. Н. Майкова явились значительным вкладом в пушкиноведение.

В октябре 1863 г. Л. Н. Майков женился на Александре Алексеевне Трескиной (1841—?), дочери генерал-лейтенанта морской службы Алексея Михайловича Трескина. Александра Алексеевна воспитывалась в Смольном институте. Детей в браке не было. Большое участие Майковы принимали в воспитании сыновей брата Владимира — Валериана и Владимира.

Скончался Л. Н. Майков 7 апреля 1900 г. в Санкт-Петербурге. Похоронен на кладбище Новодевичьего монастыря.

Список трудов см.: Памяти Леонида Николаевича Майкова. СПб., 1902.

Фонд Л. Н. Майкова создан из поступлений разных лет. Первые материалы были получены в середине 1920-х годов от свояченицы ученого Ольги Алексеевны Трескиной и по существующим в то время правилам были обработаны и учтены в инвентарной книге № 4 под № 8867—8941 (76 ед. хр.). Основная часть архива — 1561 ед. хр. — поступила в 1931 г. из Библиотеки Академии наук. Сведения, от кого и когда были приняты материалы в БАН, отсутствуют. Скорее всего, они были переданы вдовой академика А. А. Майковой в начале XX в. Прием осуществлялся по карточной описи, составленной сотрудником БАН, которая до настоящей научно-технической обработки фонда служила учетным документом для данной части материалов. Последующие дополнения к архиву (после 1931 г.) учитывались в Разряде I (опись 17 «Материалы на букву М»).

В 2001—2002 гг. была проведена техническая обработка фонда согласно действующим правилам, в результате чего все материалы, относящиеся к фонду, независимо от перечисленных форм учета, объединены в личный фонд Л. Н. Майкова. Так как некоторые документы архива использовались исследователями до переработки (с прежними шифрами), опись предваряет переводная таблица.

Архив Л. Н. Майкова обширен по объему (2081 ед. хр.) и разнообразен по составу документов, охватывающих период времени с 1518 по 1909 г. Помимо трудов ученого, материалов к его биографии и о деятельности, переписки, в нем отложились материалы родственников и других лиц, среди которых отметим небольшие архивы А. И. Артемьева, П. Н. Батюшкова, Д. А. Ровинского, В. А. Соло-

нищина, И. П. Шульгина, а также коллекцию документов исторического характера.

Материалы фонда сформированы в 6 описей.

Труды фондообразователя и материалы к ним (опись 1; 132 ед. хр.; 1711—1900) представлены работами разных жанров: монографией о К. Н. Батюшкове и А. С. Пушкине; историко-литературные очерки «Симеон Полоцкий», «Княжна Мария Кантемирова», «Молодость Тредьяковского» и др.; статьи и заметки «Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом», «Записи иностранцев о России в XVIII столетии», «Русская театральная публика во времена Сумарокова», «Теория русского правописания, предложенная Тредьяковским», «Княгиня Авдотья Ивановна Голицына» и др.; отзывы «О работе А. А. Фомина по составлению указателя и словаря к изданию „Онежские былины“», «Издание А. В. Звенигородского „Византийские эмали“»; воспоминания об Аполлоне Николаевиче Майкове и Владимире Андреевиче Солоницыне; публикации «Первый перевод Слова о полку Игореве на современный русский язык», «Гораций Верне в России», «Письма С. Т., К. С. и И. С. Аксаковых к И. С. Тургеневу» и др. К перечисленным работам ученым собраны исторические документы (в подлинниках и копиях). Среди них переписка, документы имущественного характера, воспоминания, упоминания, отзывы о писателях, исторических лицах, творчество или биография которых являлись предметом исследования. К значительной части работ исследователем были составлены библиографии. Кроме того, сохранились подготовительные и библиографические материалы к работам, отсутствующим в фонде (о В. П. Боткине, Н. И. Гнедиче, В. В. Капнисте).

Материалы к биографии Л. Н. Майкова и по его деятельности составляют значительный пласт фонда (опись № 2; 248 ед. хр.; 1850—1900).

В материалах к биографии представлены личные документы (подлинники): дипломы магистра словесности, действительного члена обществ Археологического, Географического, Исторического Нестора летописца; документы о должностных назначениях; уведомления об избрании членом-корреспондентом Академии наук, действительным членом Чешской Академии словесности и искусства; свидетельство о награждении орденами и о присуждении в 1892 г. Малой золотой медали Археологического общества за разбор сочинения Д. Н. Анучина «Сани, ладья, кони, как принадлежности похоронного обряда». Здесь же имеются: послужной список в документах при назначении пенсии; автобиография (на фр. яз.), ответы на вопросы анкет; пригласительные билеты на торжественные заседания, обеды, «почетные билеты» для входа в зал Дворянского собрания, в Зимний, Аничков и др. дворцы; уведомления о приеме императором Александром III; отзывы О. Ф. Миллера, А. М. Скабичевского, П. М. Устиновича о трехтомнике «Сочинения К. Н. Батюшкова», вышедшем под редакцией Л. Н. Майкова, и о монографии «Батюшков. Его жизнь и сочинения»; отзывы К. Н. Бестужева-Рюмина, М. А. Веневитинова, Б. В. Никольского о его работах, посвященных А. С. Пушкину. Заключают документы библиографического

характера извещение Академии наук о смерти Л. Н. Майкова и некрологи. Всего сформировано 38 ед. хр. за 1850—1900 гг.

В материалах по деятельности Л. Н. Майкова отражена служба его в Академии наук (вице-президент) и в Отделении этнографии Русского географического общества (председатель).

По Академии наук в архиве нашли свое место такие документы, как «Краткий очерк истории Академии наук», «Проект устава Императорской Академии наук», проект «Положения об Отделении русского языка и словесности ...» со вставками, замечаниями и правкой Л. Н. Майкова; выписки из протоколов заседаний Правления Академии и Отделения русского языка и словесности. Сохранились в фонде материалы Комиссии по пересмотру Устава Академии в виде докладных записок и писем заведующих лабораториями, кабинетами, музеями — академиком, выдающихся ученых — Н. Н. Бекетова, Б. Б. Голицына, А. О. Ковалевского, А. А. Куника, Ф. В. Овсянникова, В. В. Радлова, А. С. Фаминцына, Ф. Б. Шмидта и др.

В служебной переписке по делам Академии кроме переписки Л. Н. Майкова находится и переписка президента — вел. кн. Константина Константиновича, оказавшаяся в архиве в связи с их тесными отношениями по службе. Адресаты вел. кн. Константина Константиновича министры: Императорского Двора И. И. Воронцов-Дашков, финансов С. Ю. Витге, народного просвещения И. Д. Делянов, внутренних дел И. Н. Дурново. Корреспонденты: перечисленные министры, академики Н. П. Кондаков, Ф. Д. Плеске, Н. Я. Сонин, М. И. Сухомлинов. Адресаты Л. Н. Майкова: И. Д. Делянов, непременный секретарь Академии наук Н. Ф. Дубровин, редактор киевских «Университетских известий» В. С. Иконников. Корреспонденты: академик К. С. Веселовский, вице-президент Департамента народного просвещения Н. Г. Дебольский, И. Д. Делянов, Н. Ф. Дубровин, историк литературы В. И. Срезневский, археолог П. Н. Тихонов, графиня П. С. Уварова (урожд. Щербатова), драматург В. Э. Форселлес. Основные темы переписки — увеличение финансирования Академии, должностные назначения и перемещения, материальная помощь ученым в издании трудов.

К столетию со дня рождения А. С. Пушкина при Академии наук была создана Комиссия по устройству чествования поэта. В фонде отложились программы празднования юбилея, пригласительные билеты на заседания и обеды, проекты уставов литературных обществ в память об А. С. Пушкине, поздравительные адреса, письма и телеграммы научных учреждений, высших учебных заведений, редакций журналов и газет, отдельных ученых, писателей, государственных и общественных деятелей; материалы выставки, посвященной этой дате; печатная продукция, выпущенная к юбилею (конверты, бумага для писем).

Всего по деятельности Л. Н. Майкова в Академии наук сформировано 115 ед. хр. за 1888—1901 г.

По деятельности ученого в Отделении этнографии Русского географического общества имеются: журналы (протоколы) заседаний Комиссии, избранной для присуждения медалей за лучшую работу; материалы пятого Археологического съезда (1881 г., Тбилиси), документы о создании Этнографического отдела имени императора

Александра III в Русском музее. Здесь же: сведения о древних памятниках; этнографические описания отдельных уездов, областей России по народонаселению; рисунки и фотографии предметов, найденных в курганах; фольклорные записи; отзывы о работах этнографов, археологов, фольклористов, присланные в Отделение С. Валихановым, Я. Ф. Головацким, Г. Е. Грум-Гржимайло, Н. В. Качаловым, О. Ф. Миллером, Г. Н. Потаниным, Е. Т. Соловьевым, В. И. Чернявским, Д. И. Чубиным и др. Интересна переписка Л. Н. Майкова как председателя Отделения этнографии РГО. Приводим имена некоторых адресатов и корреспондентов. Письма Л. Н. Майкова: И. В. Болдыреву, И. А. Износкову, Ф. Р. Остен-Сакену, И. Т. Савенкову, И. Я. Слоvcову, К. Н. Тихонравову и др. Письма к нему: А. Н. Афанасьева, А. Н. Виноградова, П. С. Ефименко, Г. С. Лыткина, М. В. Малахова, С. П. Микуцкого, Н. А. Попова, Е. Т. Соловьева, Н. С. Щукина и др.

Всего по деятельности в Отделении этнографии сформировано 83 ед. хр. за 1866—1900 г.

Помимо этого в фонде отложились материалы по деятельности Л. Н. Майкова в других обществах, комитетах, комиссиях: уставы обществ Гегевского, немецкого Шекспировского; извещения об избрании членом, почетным членом обществ; письма; повестки на заседания Общества любителей древней письменности, Общества деятелей печатного дела, Союза ревнителей русского слова и др. В архиве имеются письма Л. Н. Майкову Международного Статистического института, Казанского университета, Министерства народного просвещения, Парижского национального общества благотворительности.

Всего по деятельности Л. Н. Майкова в разных Обществах сформировано 12 ед. хр. за 1864—1899 гг.

Переписка Л. Н. Майкова составила опись 3 (1178 ед. хр.; 1852—1900). В архиве отложились письма Л. Н. Майкова (всего 63 адресата за 1857—1900 гг.) и письма к нему (всего 1084 корреспондента; 1115 ед. хр. за 1852—1900 гг.).

Значительный пласт документов в фонде Л. Н. Майкова составляют материалы его родственников — жены, родителей, братьев (опись 4; 118 ед. хр.; конец 1820-х—1909).

Майкова (урожд. Трескина) Александра Алексеевна (1841—?), жена. Письма к ней: П. И. Бартенева, Я. К. Грога, Е. Е. Замысловского, Д. А. Корсакова, А. А. Майкова, вел. кн. Николая Михайловича, П. Н. Полеваго, Н. Н. Страхова, М. И. Сухомлинова, И. П. Хрущева, письма и телеграммы А. С. Будиловича, М. А. Веневитинова, С. Д. Шереметева и др. с выражением соболезнования в связи со смертью Л. Н. Майкова. Всего 24 ед. хр. за 1868—1909 гг.

Майков Николай Аполлонович (1797—1873), академик живописи, отец. Письма к нему: И. А. Гончарова, С. С. Дудышкина, Валериана Н. Майкова, А. А. Монферана, П. П. Свиньина, В. А. Солоницына (некоторые из них обращены также и к Е. П. Майковой). Всего 12 ед. хр. за 1834—1865 гг.

Майкова (урожд. Гусятникова) Евгения Петровна (1803—1880), писательница, мать. Письма к ней: В. Г. Бенедиктова, Г. П. Данилевского, Ф. М. Достоевского, И. И. Лажечникова, Владимира

Н. Майкова, В. А. Солоницына, П. М. Цейдлера и др. Стихотворения В. Г. Бенедиктова, посвященные Е. П. и Н. А. Майкову, и др. Всего 24 ед. хр. за 1831—1875 гг.

Майков Аполлон Николаевич (1821—1897), поэт, брат. Наброски и черновики стихотворений. Письма его: П. Н. Батюшкову, П. А. Карагеоргиевичу, Валериану Н., Владимиру Н., А. А., Н. А. и Е. П. Майковым. Письма к нему: Ф. Н. Берга, М. Ф. Владимирского-Буданова, А. Ф. Гильфердинга, Я. К. Грота, В. И. Ламанского, А. А. Майкова, А. М. Раковского, А. Н. Серова, И. С. Тургенева, Ф. И. Тютчева. Всего 31 ед. хр. за конец 1820-х—1899 гг.

Майков Валериан Николаевич (1823—1847), критик, публицист, брат. Стихотворения, записки дневникового характера, «Рукописи Валериана Майкова 1846 и 1847 гг.» — 47 статей его (в переплете). Письмо его И. М. Гедеонову и письмо к нему В. А. Солоницына. Всего 8 ед. хр. за 1834—1847 гг.

Майков Владимир Николаевич (1826—1885), писатель, издатель, журналист, брат и его дети Валериан, Владимир и Евгения Владимировичи. Письмо Владимира Н. Майкова В. А. Майковой. Письма Владимиру В. Майкову: Валериана В. Майкова, А. И. Станиславского, С. Д. Шереметева; письма и телеграммы Н. Д. Чечулина, Е. Ф. Шмурло, Г. В. Юдина и др. с выражением соболезнования в связи со смертью Л. Н. Майкова. Письма к Е. В. Майковой И. А. Гончарова. Всего 19 ед. хр. за 1859—1900 гг.

Материалы других лиц (опись 5; 319 ед. хр.; 1578—нач. 1900-х гг.) составляют небольшие архивы ранее перечисленных лиц: отдельные произведения разных жанров и комплексы писем. Ниже характеризуются архивы разных лиц.

Артемьев Александр Иванович (1820—1874), археолог, этнограф, статистик, географ, действительный член Русского географического общества и член-корреспондент Русского археологического общества. С Л. Н. Майковым был в тесных отношениях как по совместной работе в Центральном статистическом комитете Министерства внутренних дел, так и по деятельности в обществах Географическом и Археологическом. В его архиве отложились: монография «Казанские гимназии в XVIII столетии»; документы к работе по истории Войска Донского (указы Петра I, Елизаветы, приказы по войску, документы денежного и вещевого снабжения в подлинниках и копиях и др.); сведения (описания) о городищах, курганах, церквях, иконах, книгах древнего письма, монетах, могильных надписях и др. в Рязанской, Самарской, Тульской губерниях, в окрестностях города Полоцка, на реке Печоре и т. п., собранные и пересланные в Археологическое общество Д. Г. Гедеоновым, К. А. Говорским, С. Е. Мельниковым, А. И. Пискаревым и др. Имеются также письма А. И. Артемьеву Н. К. Зейдлица, В. И. Ламанского, Н. С. Щукина. Отдельный комплекс составляют материалы Риттиха Александра Фридриховича, картографа, члена Военно-ученого совета Военного министерства, связанного с А. И. Артемьевым общей работой над «Списком населенных мест Российской империи». Здесь же: письмо А. Ф. Риттиха В. А. Дашкову с изложением программы «по созданию Русской этнографической галереи». Всего 31 ед. хр. за 1723—1878 гг.

Батюшков Полиций Николаевич (1811—1892), брат поэта Батюшкова Константина Николаевича и издатель собрания его сочинений, которые выходили под редакцией Л. Н. Майкова. П. Н. Батюшков помогал Л. Н. Майкову в поисках и сборе документов к биографии поэта. В фонде Л. Н. Майкова находятся «От издателя» к 4-му и 5-му собраниям сочинений К. Н. Батюшкова; списки лиц, содействовавших 5-му изданию; письмо П. Н. Батюшкова М. И. Семевскому; письма к нему П. А. Арапова, Н. П. Барсукова, П. А. Бессонова, Н. К. Богушевского, В. М. Каченовского, А. В. Олсуфьева, Д. Ф. Самарина, Е. Е. Сталя, Д. Е. Шевича, М. А. фон Шретер (урожд. Дитрих, дочь врача А. Д. Дитриха, лечившего К. Н. Батюшкова), М. В. Юзефович. Всего 22 ед. хр. за 1881—1892 гг.

Ровинский Дмитрий Александрович (1824—1895), сенатор, искусствовед, библиограф, почетный член Академии наук. В фонде имеются письмо Д. А. Ровинского Вл. В. Стасову; вступительное слово вел. кн. Константина Константиновича на собрании Академии наук, посвященном памяти Д. А. Ровинского; статьи о деятельности Д. А. Ровинского А. Ф. Кони, И. И. Толстого; воспоминания о нем Вл. В. Стасова, И. Е. Забелина и др., вошедшие в издание «Публичное собрание Императорской Академии наук в память ее почетного члена Дмитрия Александровича Ровинского. 10 декабря 1895 года. СПб., 1896». Всего 7 ед. хр. за 1880—1895 гг.

Солоницын Владимир Андреевич (1804—1844), поэт, помощник редактора журнала «Библиотека для чтения» (1841, 1842), редактором которого в это время был писатель и журналист Осип Иванович Сенковский. Из материалов фонда Л. Н. Майкова следует, что В. А. Солоницын для его отца Николая Аполлоновича являлся добрым и разумным советником, мнение которого имело значение высокого авторитета. Он принял на себя руководство образованием двух старших братьев Л. Н. Майкова, и под его наблюдением они были подготовлены дома к поступлению в университет. Л. Н. Майкову было пять лет, когда не стало Солоницына. В фонде находятся следующие документы: условие (договор) между О. И. Сенковским, В. А. Солоницыным и П. Г. Волковым об издании журнала «Библиотека для чтения»; расчеты по изданию журнала; письма В. А. Солоницына И. А. Гончарову, О. И. Сенковскому, письма к нему П. Г. Волкова, Ю. П. Кашкаровой (урожд. Гусятниковой), Н. В. Кукольника, Е. П. Майковой, О. И. Сенковского. Всего 14 ед. хр. за 1831—1844 гг.

Шульгин Иван Петрович (1795—1869), историк, профессор и ректор Санкт-Петербургского университета (1833—1838), член-корреспондент Академии наук, член Общества антиквариев в Копенгагене. В фонде имеются отзывы о книге А. И. Михайловского-Данилевского «Записки о походе 1813 года»; о работе Фридриха Лоренца «Дерптские летописи об литературе, статистике и искусствах преимущественно в России»; речь «Исторический взгляд на начало и постепенное возрастание С.-Петербургского университета». Какие-либо наброски, отрывки, главы его больших трудов по истории России «Изображение характера и содержания истории трех последних веков» (1832) и «Изображение характера и содержания первых девяти веков новой истории» (1845) отсутствуют. Но собран-

ные Шульгиным к этим работам исторические документы представлены довольно полно (в подлинниках и копиях): текст договора между Сигизмундом, королем Польским, и Василием, князем Московским; документы, относящиеся к царствованию Петра I, П. П. Семенова-Тянь-Шанского; статья Д. А. Толстого «Иосиф, митрополит Литовский и воссоединение униатов с Православной церковью в 1839 году» и др. Всего 43 ед. хр. за 1782—1899 гг.

Имеются и материалы к биографиям и по деятельности других лиц: список произведений А. П. Беницкого (Бенитского); «аттестат» о службе, наградах, семейном положении А. Д. Галахова; «Список ученых трудов» Г. Ф. Симоненко; «Список напечатанных исследований и статей И. П. Хрущева»; биографические сведения о В. Н. Дмитриеве, Г. М. Князеве, Н. А. Мельгунове, Г. И. Новицком, С. И. Терпигорева, Ф. А. Хартахае, О. Херце. Всего 28 ед. хр. за 1840-е—1898 гг.

Значительный пласт документов составляет переписка других лиц, которая представлена в двух разрядах. К первому из них отнесены небольшие комплексы писем к одному и тому же лицу: А. И. Георгиевскому Ф. И. Буслаева, А. Ф. Бычкова и др.; письма В. И. Ламанского И. М. Минаеву и к нему Я. Ф. Головацкого, М. Р. Кояловича, И. П. Крауклиса, В. В. Микушевича; П. П. Семенову-Тянь-Шанскому Ф. П. Литке, А. С. Пругавина, П. П. Чубинского, П. В. Шейна; Е. М. Феокистова И. С. Тургеневу и письма ему Е. А. Белова, И. А. Бодуэна-де-Куртенэ, А. Г. Брикнера, Ф. И. Буслаева, В. Г. Васильевского, Я. Ф. Головацкого, Я. К. Грота, В. Ф. Миллера, В. И. Модестова, А. Н. Попова, Н. А. Попова. Второй раздел — собственно переписка других лиц: письма В. Г. Авсеенко Д. И. Иловайскому; И. А. Арапова А. А. Пушкину; Н. А. Барсова Ф. Р. Остен-Сакену; С. Н. Батюшковой Ф. Д. Батюшкову; К. Н. Бестужева-Рюмина А. Ф. Бычкову; Ф. И. Буслаева А. И. Тимофееву; Ф. А. Бюллера вел. кн. Сергею Александровичу; Александра Н. Веселовского И. М. Болдакову; А. С. Гацисского К. Н. Бестужеву-Рюмину; И. А. Гончарова М. А. Языкову; П. С. Ефименко П. П. Чубинскому; А. К. Жизневского Я. К. Гроту; А. А. Киреева И. Д. Делянову; Н. И. Костомарова А. Ф. Гильфердингу; А. А. Куника А. А. Чебышеву; Б. П. Мансурова И. Д. Делянову; Н. А. Попова В. В. Бошшичу; С. Л. Пгашицкого В. И. Срезневскому; Е. Т. Соловьева Н. В. Качалову; В. П. Титова А. И. Тимофееву; Т. И. Филиппова И. Д. Делянову; А. А. Шахматова С. А. Шереметева; И. А. Шляпкина А. Н. Пыпину. Всего 68 ед. хр. за 1851—1899 гг.

В фонде Л. Н. Майкова отложились также материалы (в основном копиями) по истории и литературе, собранные ученым в разные годы (опись 6; 86 ед. хр.; 1676—1883). Это творческие материалы научного и художественного характера: пьеса И. С. Аксакова «Присутственный день в уголовной палате»; рассказ гр. Бассанвиль о пребывании императора Николая I в Париже; стихотворение Д. В. Давыдова «Оранцам можно прочитать ту басню от Крылова...»; стихотворения И. Р. Короновского «Непризнанному наставнику», «Незабвенному Сервье» и др.; «Из записок генерала <А. И.> Михайловского-Данилевского о путешествии в 1816 году» и «Примечательные выписки из журнала, веденного в Турецкую войну» его

же; «Письма Ю. Самарина об Остзейском крае»; четверостишие Ф. И. Тютчева «И цепь порвав с юродствующим Римом...»; комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль» и «Черт на дрожжах»; очерк М. А. Фонвизина о царствовании Александра I; «Записки обер-прокурора Св. Синода Александра Алексеевича Яковлева (1803 года)». Всего 24 ед. хр. за 1781—1858 гг.

Материалы к биографиям: «Объяснение <И. С. Аксакова> с высочайшими отметками в связи с арестом 17 марта 1849 года»; документы А. Н. Долгорукова и его жены о разделе имущества между детьми, рядные записи (брачный обыск) при выдаче дочерей замуж, купчие грамоты и др.; дневники И. М. Снегирева, Д. И. Языкова. Всего 10 ед. хр. за 1778—1883 гг.

Материалы государственных и литературных деятелей: донесение Ф. Ф. Буксгевдена императору Александру I во время походов против Швеции; «Краткий журнал гоффурыера П. А. Гвоздева бывшего в свите их и <императорских> высочеств Павла Петровича и Марии Федоровны во время путешествия их за границу в 1781 и проч. годах»; «Мнение министра юстиции <И. И. Дмитриева> по части составления законов для Российской империи»; документы о служебной деятельности И. А. Каподистрии, о польском вопросе К. А. Поццо-ди-Борго; письма Е. Ф. Канкринна Н. Р. Малышеву об уральском песочном золоте, М. Т. Лорис-Меликова А. И. Титову с отказом в назначении на должность. Всего 15 ед. хр. за 1781—1861 гг.

Служебные документы ведомств и учреждений: «Журнал главного управления цензуры» за 1856 г.; материалы Медицинского департамента за 1676—1883 гг. (список членов Аптекарского приказа, договор боярский по судному делу, «вершенному гетманом» и др.); служебные письма департаментов Министерства внутренних дел — хозяйственного пермскому губернатору А. И. Титову, горных и соляных дел «горному начальнику Горноблагодатских заводов», таможенных сборов наместнику Кавказскому вел. кн. Михаилу Николаевичу, выписка из журнала Пермской межевой конторы от 29 сентября 1831 г. по поводу отрывков из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума», записанных землемером Кудрявцевым. Всего 10 ед. хр. за 1676—1865 гг.

Переписка: письма императора Александра I, Ф. Ф. Буксгевдена А. А. Аракчееву; А. И. Герцена и Н. П. Огарева П. В. Анненкову; Д. В. Дашкова В. А. Жуковскому; А. П. Ершова Н. Г. Устрялову; Н. М. Карамзина императору Александру I (об отношениях России с Польшей); И. Д. Нарышкина В. Н. Нарышкиной; «Письмо гр. <А. Г.> Орлова к Екатерине II из Ропши»; В. И. Панаева И. И. Дмитриеву и В. А. Жуковскому. Всего 27 ед. хр. за 1762—1867 гг.

Г. Г. Полякова

ДЕРЖАВИН КОНСТАНТИН НИКОЛАЕВИЧ

Фонд 859

Константин Николаевич Державин — видный литературовед-испанист, блестящий знаток литературы и драматургии Испании, Франции, Португалии, а также болгарской культуры и русского театра, — родился 23 января (5 февраля) 1903 г. в Батуми в семье Николая Севастьяновича Державина, педагога и научного работника, славяноведа, впоследствии академика.¹ Мать, Державина Мария Ивановна, была потомственной дворянкой.

Из Батуми семья Державиных переехала в Петроград. К. Н. Державин в 1919 г. закончил 6-ю гимназию, в 1919—1921 гг. служил секретарем театрального отдела Наркомпроса под руководством А. В. Луначарского, а в 1924 г. закончил факультет общественных наук Ленинградского университета (отделение языка и литературы, романо-германская филология), где занимался в семинариях у профессоров Д. К. Петрова, В. Ф. Шишмарева и Н. Я. Марра.

Интересуясь историей драмы, К. Н. Державин получил специальное театральное образование: закончил Курсы мастерства сценических постановок под руководством В. Э. Мейерхольда и после участия в постановке «Бориса Годунова» в театре Мейерхольда получил диплом режиссера. В 1924 г. поступил в аспирантуру при Научно-исследовательском институте сравнительного изучения литератур Запада и Востока, по окончании которой представил работу «Образ плутовского героя в испанской литературе 16—17 веков», в 1926 г. рекомендованную к печати.

В 1926—1930 гг. К. Н. Державин исполнял обязанности уполномоченного Общества культурных связей с заграницей в Ленинграде и познакомился со многими известными литераторами и общественными деятелями, побывавшими в СССР, — А. Барбюсом, Ф. Нансеном, Т. Драйзером и другими. В 1931—1933 гг. работал в Государственном институте истории искусств и преподавал в ленин-

¹ Личный фонд Н. С. Державина хранится в С.-Петербургском филиале Архива РАН (№ 827). Он содержит 2380 дел, объединенных в 6 описей. Среди них имеются и материалы К. Н. Державина.

градских вузах. С 1933 г. — зав. литчастью Академического театра драмы им. А. С. Пушкина (ныне Александринский театр). С 1936 г. стал помощником начальника Управления по делам искусств при Ленгорисполкоме; в этой должности К. Н. Державин занимался репертуаром театров и проведением пушкинских торжеств в 1937 г.

В 1939 г. К. Н. Державин был принят в члены Союза писателей СССР, а с 1940 г. до последних дней его жизнь была связана с Институтом литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, в котором он работал в секторе западно-европейских литератур, а по совместительству — и.о. профессора в Ленинградском университете. Во время Великой Отечественной войны К. Н. Державин вместе с другими писателями и учеными Ленинграда в составе специальных фронтовых бригад читал лекции о литературе, а затем в эвакуации заведовал кафедрой всеобщей литературы в Молотовском (Пермском) педагогическом институте.

Первую статью (о театре) К. Н. Державин написал в 16 лет. С 1920-х годов по 1950-е вышло в свет более 200 статей и монографий, среди которых наиболее значимые — капитальные научные исследования «Театр французской революции» (1932), «Сервантес и Дон Кихот» (1933), «Вольтер» (1946), «Болгарский театр» (1950); книги об А. Н. Островском и русском театре, вступительные статьи к изданиям Шекспира, Дидро, Корнеля, М. Твена, Ибсена и многих других.

По совокупности научных трудов К. Н. Державин два раза представлялся Ученым советом Института литературы к присвоению ученого звания доктора филологических наук без защиты докторской диссертации (до войны ученой степени у К. Н. Державина не было якобы из-за непредставления вовремя необходимых документов в ВАК, как ему объясняли). Несмотря на блестящие отзывы о его научных достижениях В. М. Жирмунского, Б. Г. Реизова, В. П. Адриановой-Перетц, А. А. Смирнова и ходатайство Института в Президиум Академии наук, ВАК не утвердил К. Н. Державина в этом звании. Впоследствии это обстоятельство отрицательно сказалось на его служебной карьере: ученый не мог занять должность, достойную его научной и педагогической деятельности.

В 1950 г. в связи с правительственным постановлением о борьбе с космополитизмом сектор западно-европейских литератур был упразднен, а его сотрудники уволены или переведены на службу в другие учреждения. К. Н. Державин вынужден был расстаться с семьей и переехать в Москву для работы в Институте славяноведения АН СССР. В 1953 г. в Пушкинском Доме был создан сектор взаимосвязей литератур, и К. Н. Державин, после долгожданного присвоения ему ученого звания старшего научного сотрудника, в 1955 г. приступил к работе в новом секторе ИРЛИ, но не проработал и года: сложная обстановка в Академии наук 50-х годов, а также смерть отца в 1953 г. отразились на здоровье Константина Николаевича, и после продолжительной болезни он скончался 2 ноября 1956 г.

Все документы и переписка К. Н. Державина после его смерти хранились у его жены, Нины Александровны Анисимовой (1910—1979), балерины Академического театра оперы и балета им. С. М. Кирова, ученицы А. Я. Вагановой, прославившейся ис-

полнением ведущих партий в балетах «Гаяне», «Пламя Парижа» и других. Н. А. Анисимова после смерти мужа и матери в 1956 г. проживала вместе со своей старшей сестрой Валентиной Александровной Чудаковой, которая служила диспетчером в Хореографическом училище им. А. Я. Вагановой. Первым ее мужем был Василий Дмитриевич Чудаков, актер киностудии «Ленфильм» (сохранились его письма со съемок фильма 30-х годов «Дубровский»). Второй муж В. А. Чудаковой, Михаил Ефимович Конторович, военный инженер, в конце 30-х годов был арестован по 39-й статье и сослан в лагерь, затем на поселение в Норильск для работы на военном предприятии. Архив семьи Анисимовых насчитывает более 300 писем, начиная с 1914 г., и представляет особый интерес: уникальны письма отца, Александра Анисимова, с Первой мировой войны; письма Нины Анисимовой сестре и матери с гастролей и после похорон А. Я. Вагановой; письма Михаила Конторовича жене из заключения.

Все эти материалы в совокупности с документами архива К. Н. Державина были переданы в Рукописный отдел Пушкинского Дома племянницей жены фондообразователя, Натальей Анатольевной Маковской, в 1995 г. (см. Книгу поступлений за 1995 г., № 32). Первоначально они были присоединены к Разряду I, однако в процессе научно-технической обработки оказалось возможным квалифицировать их как личный фонд. Решение об этом было принято на заседании экспертной комиссии Рукописного отдела 24 сентября 2001 г. (протокол № 4). Фонду был присвоен № 859. Учитывая характер фонда (наличие значительного комплекса материалов родственников), решено было также присоединить к нему письмо Николая Севастьяновича Державина, поступившее в Рукописный отдел ранее и находившееся в Разряде I (Р.1, опись 6, № 361). Научно-техническая обработка осуществлена в 2001 г. Е. В. Виноградовой.

В результате научно-технической обработки материалов личного архива К. Н. Державина сформировано 98 ед.хр. за 1907—1956 гг., которые объединены в одну опись и систематизированы по трем разделам.

В начале первого раздела расположены личные документы К. Н. Державина, затем, после трех единиц хранения с биографическими документами, в хронологическом порядке следуют материалы о фондообразователе, а также одиночные и групповые фотографии ученого.

Во втором разделе «Переписка К. Н. Державина» письма расположены в алфавите адресатов и корреспондентов. Среди корреспондентов фондообразователя были директор Государственного литературного музея В. Д. Бонч-Бруевич, переводчик Н. М. Любимов, писатель А. Б. Чаковский, литературоведы А. И. Хватов и А. В. Храбровицкий, театроведы М. Х. Франгопуло и С. С. Мокульский и др.

В третьем разделе «Материалы родственников К. Н. Державина» документы распределены по группам в соответствии со степенью родства и расположены согласно схеме систематизации личного фонда. Сначала следуют материалы жены, Н. А. Анисимовой, затем родителей, Н. С. и М. И. Державиных. Выделен также комплекс материалов В. А. Чудаковой (урожд. Анисимовой), свояченицы К. Н. Державина.

Е. В. Виноградова

КОТУЛЬСКИЙ АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ

Ф о н д 853

Александр Владимирович Котульский родился 12 мая 1920 г. в Томске. Его отец, Владимир Климентьевич Котульский, был геологом, впоследствии стал доктором геолого-минералогических наук, профессором Ленинградского горного института. Он работал в Ленинграде, Мончегорске, Норильске. Дважды подвергался аресту, в 1949 г. был репрессирован, реабилитирован посмертно. Мать, Надежда Климентьевна Котульская, закончила педагогические курсы иностранных языков в Ленинграде, постоянно нигде не работала, выполняла переводы научной литературы по геологии. С 1921 г. семья жила в Ленинграде.

Очень рано А. В. Котульский начал писать стихи. Первое стихотворение «Свирская ГЭС» было напечатано в газете «Свирьстрой» в 1930 г. В 1933 г. он участвовал в смотре-конкурсе детского творчества, проходившем в Ленинграде. В октябре 1933 г. С. Я. Маршак, руководивший литературной частью конкурса, два стихотворения пятнадцатилетнего А. Котульского — «Исаакиевский собор» и «Маяк» — наряду с поэтическими опытами других ленинградских детей и подростков опубликовал в журнале «Резец» (1933. № 19. С. 13). Вскоре в газете «Ленинские искры» (1934. 3 янв.) была напечатана поэма А. В. Котульского «Хибины». Стихи юного поэта (8 стихотворений и «Хибины») включены также в сборник «Стихи детей» (М.: Л., 1936. С. 119—134), созданный на материалах Дома детской литературы, художественным руководителем которого был С. Я. Маршак. После детских публикаций А. В. Котульский продолжал заниматься поэзией, но юношеские его стихи нигде не печатались.

В 1938 г. А. Котульский закончил с отличием школу и поступил учиться в Ленинградский горный институт на геолого-разведочный факультет. Еще во время учебы в школе он вместе с отцом неоднократно участвовал в работе геологических экспедиций на Кольском полуострове. Будучи студентом, А. Котульский был принят в члены Всесоюзного минералогического общества.

В июле 1941 г. А. В. Котульский вступил добровольцем в Народное ополчение. Получил тяжелые ранения в боях под Старым Петергофом; умер от ран 24 сентября 1941 г.

Рукописи молодого поэта были сохранены его матерью, которая скопировала большую часть стихотворений. После окончания Великой Отечественной войны отец А. В. Котульского хотел организовать издание книги своего сына, в которую намеревался включить детские и юношеские стихи и материалы его детского рукописного журнала «Кораблик». Издание задуманной книжки не состоялось, так как в 1949 г. профессор В. К. Котульский был арестован. С детским творчеством А. Котульского, как уже говорилось выше, был знаком С. Я. Маршак. Этот факт подтверждает и письмо Н. К. Котульской ученому хранителю Рукописного отдела М. И. Маловой (см. дело фонда). Высокую оценку юношеских стихов А. В. Котульского дал К. И. Чуковский (см. его письмо к В. И. Глоцеру — ф. 853, № 10). В 1963 г. В. И. Глоцер в журнале «Пионер» опубликовал статью об А. В. Котульском и его детском рукописном журнале «Кораблик» (№ 9. С. 67—72). В публикации приведены стихи и рисунки фондообразователя.

Большая часть материалов А. В. Котульского была передана в Рукописный отдел его матерью Н. К. Котульской 6 июля 1963 г. (см.: Книга поступлений 1963 г., № 31). На руках у нее остались рукописные экземпляры журнала «Кораблик», которые в Пушкинский Дом не поступили. 19 января 1964 г. Н. К. Котульская передала еще несколько документов из своего архива: указанное письмо К. И. Чуковского к В. И. Глоцеру, тетрадь со стихами сына 1935 г. и др. Материалы А. В. Котульского первоначально были присоединены к необработанной части коллекций отдельных поступлений Рукописного отдела (Разряд I). После их научно-технической обработки, выполненной в ноябре 2000 г., выяснилось, что характер и состав документов, при всей их малочисленности, отвечает требованиям, предъявляемым к личному фонду. В связи с этим на заседании Экспертной комиссии Рукописного отдела было решено сформировать личный фонд А. В. Котульского и присвоить ему № 853.

Фонд А. В. Котульского составляют 21 ед. хр. за период с начала 1920-х гг. по начало 1960-х гг., систематизированные в одной описи. Материал располагается в трех разделах: «Стихотворения и поэмы»; «Материалы к биографии»; «Переписка».

Т. Г. Иванова

ЗЫРЯНОВ ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ

Фонд 850

Иван Васильевич Зырянов родился 10 сентября 1928 г. в д. Романиха Красновишерского района Пермской области. В своих документах в графе «социальное происхождение» он писал «из рабочих». В 1936—1946 гг. И. В. Зырянов учился в Красновишерской средней школе. Затем в том же 1946 г. поступил на дневное отделение филологического факультета Молотовского (Пермского) педагогического института, но вскоре перевелся на заочное отделение. С января по декабрь 1948 г. он работал инструктором отдела культуры районного Исполнительного комитета депутатов трудящихся г. Красновишерска. С января 1949 по август 1950 г. опять учился в Молотове (Перми) как студент дневного отделения. С сентября 1950 по февраль 1951 г. — учитель средней школы рабочей молодежи г. Красновишерска. В 1952 г. И. В. Зырянов получил диплом об окончании филологического факультета Молотовского государственного педагогического института по заочному отделению.

И. В. Зырянов был человеком с ярко выраженным общественным темпераментом. В 1951 г. он перешел на комсомольскую работу. Сначала являлся вторым секретарем Красновишерского райкома ВЛКСМ, а с ноября 1952 по ноябрь 1954 г. — первым. В 1952 г. И. В. Зырянов избирался депутатом Красновишерского городского совета трудящихся; с 1953 по 1955 г. — членом Пермского областного комитета ВЛКСМ; с 1958 по 1960 г. — член исполкома г. Красновишерска. В апреле 1952 г. вступил в Коммунистическую партию Советского Союза.

С конца 1954 г. И. В. Зырянов занимался педагогической деятельностью в Красновишерске (учитель средней школы рабочей молодежи, завуч, директор, заведующий районо) — вплоть до ноября 1963 г., когда поступил учиться в аспирантуру Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР по специальности «фольклористика». После окончания аспирантуры И. В. Зырянов стал преподавателем Пермского пединститута (с марта 1967 г.), с которым будет связана вся его дальнейшая трудовая деятельность: с октября 1968 по май 1977 г. — доцент кафедры русской и зарубеж-

ной литературы; затем вплоть до своей кончины — заведующий кафедрой.

Кандидатская диссертация И. В. Зырянова, успешно им защищенная в Пушкинском Доме 13 апреля 1967 г. (оппоненты — маститый В. Я. Пропп и молодой в то время кандидат филологических наук А. М. Панченко), была посвящена частушке — «Поэтика русской частушки (вариативность, язык, стих)». В 1974 г. переработанный текст диссертации был издан в качестве учебного пособия для студентов (*Зырянов И. В. Поэтика русской частушки. Пермь, 1974*).

В 1970 г. И. В. Зырянов начал работу над докторской диссертацией на тему «Свадебная поэзия в системе жанров русского фольклора». В результате этой работы был создан и опубликован «Сюжетно-тематический указатель свадебной лирики Прикамья» (Пермь, 1975), а также написан ряд статей по свадебному обряду (Заговор и свадебная поэзия // *Фольклор и литература Урала. Пермь, 1975. Вып. 2*; Игровые хороводные песни в свадебном обряде // *Фольклор и литература Урала. Пермь, 1976. Вып. 3*; Сказка и свадьба // *Там же*; Типы свадебных причитаний // *Фольклор и литература Урала. Пермь, 1977. Вып. 4*; Причет и песня (вопросы взаимовлияния жанров) // *Там же, и др.*). 6 сентября 1977 г. диссертация И. В. Зырянова была обсуждена на заседании кафедры Пермского педагогического института и одобрена к защите. Однако при обсуждении диссертации на заседании сектора устного народного поэтического творчества Пушкинского Дома, в Ученом Совете которого предполагалась защита, было рекомендовано исследование доработать. В результате докторская диссертация И. В. Зыряновым защищена так и не была.

В историю отечественной гуманитарной науки И. В. Зырянов вошел прежде всего как собиратель и издатель русского фольклора. Устная поэзия русского народа привлекала его внимание еще с юношеских лет. В архиве отложились фольклорные записи И. В. Зырянова, относящиеся к концу 1940-х гг. В 1958 г. он выпустил в свет свой первый сборник фольклора (*Вишерские частушки / Собр. и сост. И. В. Зырянов; Ред. и вступ. статья Г. И. Бомштейна. Пермь, 1958*). Затем были сборники «Лирические народные песни» (Пермь, 1962); «Уральские частушки о любви» (Пермь, 1966; То же, 1967); «Чердынская свадьба» (Пермь, 1969; То же, 1970) «Уральская величальная: Советский фольклор народов Урала» (Пермь, 1972); «Прикамские посиделки» (Пермь, 1975); «Камская вольница: Исторический фольклор Прикамья» (Пермь, 1977); «Уральские хороводы: Хороводные песни о любви и о семейной жизни» (Пермь, 1980); «Старикова тайна: Сказки Прикамья» (Пермь, 1981). Уже после кончины ученого вышли в свет сборники «Скоморошины: Скоморошины, небылицы, прибаутки, присказки, побасенки, пародии» (Пермь, 1983) и «Величальная Ленину» (Пермь, 1984; Пермская Лениниана, т. 20). Сборники, подготовленные И. В. Зыряновым, имели большой читательский резонанс, так как большинство из них были изданы на высоком полиграфическом уровне художественными миниатюрными изданиями.

С ранней юности И. В. Зырянов писал стихи и публиковался как поэт. В 1971 г. он был принят в члены Союза писателей СССР.

Скончался И. В. Зырянов скоропостижно 30 июня 1982 г. Имя И. В. Зырянова оказалось не забытым его земляками. В 1990-е гг. было осуществлено несколько переизданий его фольклорных сборников: «Уральские хороводы» (Пермь, 1993); «Чердынская свадьба» (Пермь, 1993); «Прикамские посиделки» (Пермь, 1994). В 1998 г. в Перми прошла конференция, посвященная памяти фольклориста (см.: Иван Васильевич Зырянов и традиции пермской фольклористики: В память об ученом к семидесятилетию со дня рождения / Сост. И. А. Подюков, А. Ф. Старовойтов. Пермь, 1998). Библиографию фольклористических трудов И. В. Зырянова можно найти в томах отраслевого библиографического указателя «Русский фольклор» (см.: Русский фольклор: Библиографический указатель. 1945—1959 / Сост. М. Я. Мельц. Л., 1961; То же. 1960—1965. Л., 1967; То же. 1966—1975. Л., 1984—1985. Ч. 1—2; То же. 1976—1980 / Сост. Т. Г. Иванова. Л., 1987; То же. 1981—1985. СПб., 1993). См. литературу о И. В. Зырянове: Писатели Пермской области: Биобиблиографический справочник / Сост. А. Д. Крашенинников. Пермь, 1985. С. 50—51; *Домовитов Н. Одна, но пламенная страсть: К 50-летию И. В. Зырянова* // Звезда. Пермь, 1978. 21 окт., № 244; И. В. Зырянов [Некролог] // Звезда. 1982. 2 июля, № 153.

Архив И. В. Зырянова поступил в Пушкинский Дом из Перми 30 сентября 1987 г. от вдовы ученого Зыряновой Зинаиды Федоровны через сотрудника Института русской литературы А. Н. Розова (см.: Книга поступлений 1987, № 19). Помимо рукописных материалов, в составе архива были также 92 магнитофонные ленты с записями произведений устной народной поэзии. Звукозаписи в настоящее время хранятся в Фонограммархиве Пушкинского Дома. Первоначально архив И. В. Зырянова находился в Разряде V РО ИРЛИ, который в основном формируется как фонд фольклорных коллекций. Однако после фронтального просмотра материалов архива, когда в 1999 г. было начато научно-техническое описание материалов И. В. Зырянова, было решено квалифицировать данный архив как личный фонд, которому был присвоен номер 850. Научно-техническое описание личного фонда И. В. Зырянова было закончено в ноябре 2000 г.

В результате научно-технической обработки архива все рукописные документы И. В. Зырянова были сформированы в 405 ед. хр. Документы охватывают период с 1910-х по 1984 г. Весь материал систематизирован в четыре описи: 1) Научные труды, художественные произведения и подготовительные материалы к ним; 2) Материалы к биографии и по деятельности; 3) Переписка и материалы других лиц; 4) Коллекция фольклорных записей.

Опись 1 «Научные труды, художественные произведения и подготовительные материалы к ним» имеет два раздела: «Научные труды» и «Художественные произведения». В первом разделе, в свою очередь, сформированы 4 подраздела: 1.1 «Монографии, диссертации и сборники фольклорных текстов и подготовительные материалы к ним»; 1.2 «Статьи, доклады и статейные публикации фольклорных текстов и подготовительные материалы к ним»; 1.3 «Отзывы

И. В. Зырянова о трудах других лиц»; 1.4 «Лекции, учебные программы, планы учебных курсов, подготовительные материалы к ним».

Раздел 2 «Художественные произведения» включает в себя стихи и поэмы фондообразователя.

Опись 2 «Материалы к биографии и по деятельности» имеет два раздела: «Материалы к биографии» (включает в себя биографические документы и документы о фондообразователе) и «Материалы по деятельности» (по литературно-издательской деятельности; по деятельности в Пермском педагогическом институте; курсовые и дипломные работы студентов И. В. Зырянова).

Опись 3 «Переписка и труды других лиц» соответственно также делится на два раздела: «Переписка» и «Труды других лиц».

Опись 4 «Коллекция фольклорных записей» сосредоточивает в себе рукописные записи произведений устной поэзии, сделанные самим И. В. Зыряновым и его окружением. Опись имеет три раздела. В разделе 1 в хронологическом порядке даны фольклорные записи самого И. В. Зырянова в его автографах и машинописном виде. В разделе 2 даны записи студентов Пермского государственного педагогического института, сделанные ими во время летних фольклорных экспедиций, руководимых И. В. Зыряновым. В разделе 3 в алфавите фамилий собирателей даны фольклорные записи студентов, сделанные ими вне экспедиционных условий (как правило, это записи студентов-заочников), а также записи любителей устной поэзии (непрофессиональных фольклористов), оказавшиеся в распоряжении И. В. Зырянова.

Т. Г. Иванова

РУШЕВА НАДЕЖДА НИКОЛАЕВНА

Фонд 796

Надежда (Найдан) Рушева родилась 31 января 1952 г. в Улан-Баторе, столице Монгольской Народной Республики, в семье художника Николая Константиновича Рушева и Натальи Дойдаловны Ажикмаа, тувинки по национальности, бывшей балерины. Вскоре после рождения дочери молодая семья переехала в Москву. С 1959 г., с семи с половиной лет, Надя училась в общеобразовательной школе. Сначала (с первого по пятый класс) — в школе № 629, затем, в связи с переменой места жительства в Москве, — два года в школе № 653 и последние три года (8, 9, 10 классы) — в школе № 470. С пяти лет девочка пристрастилась к рисованию и изображала на бумаге все, что рождало ее воображение. С 10 лет она посещала занятия изостудии московского Дворца пионеров, которые проводила художница Л. А. Магницкая. Уже к 12 годам художница сделала 200 рисунков на темы: «Античность», «Сказки и легенды народов мира», «Современность», «Балет» и др. С 1963 г. началась большая творческая дружба Нади с народным художником РСФСР, академиком В. А. Ватагиным. Наблюдая за развитием необычайных способностей девочки, он писал, что ее рисунки выходят далеко за пределы детского творчества, и восхищался легкостью ее техники, врожденным чувством композиции. Особое внимание художник обратил на точность и пластическую завершенность рисунков Нади, которая рисовала без предварительных карандашных набросков.

В мае 1964 г. в редакции журнала «Юность» открылась первая персональная выставка юной художницы, позднее с ее творчеством познакомились не только москвичи, но и посетители художественных музеев во многих других городах нашей страны. В 1968 г. Надя представляла московских школьников на III Всесоюзном съезде пионеров в Артеке. К началу 1969 г. Н. Рушева создала более 10 тысяч работ, исполненных пером, тушью, фломастером, в технике офорта, монотипии и пастели на темы: «Война и мир» Л. Н. Толстого, «Пушкиниана», «Запад», «Восток», «История», «Мастер и Маргарита» М. А. Булгакова и др. В феврале 1969 г. на Ленинградской студии документальных фильмов с привлечением ее рисунков из пушкин-

ского цикла был снят фильм «Тебя, как первую любовь» (первоначальное название фильма «Рядом с Пушкиным»).

Наде было 17 лет, когда она внезапно скончалась от кровоизлияния в мозг. Это случилось 6 марта 1969 г.

Материалы личного архива Н. Н. Рушевой в Рукописный отдел Пушкинского Дома поступили от ее родителей 23 апреля 1976 г. (см.: Книга поступлений 1976 г., № 81). В нем содержались немногочисленные письма Нади, адресованные ее друзьям из Артека; ее ученические тетради, в которых имеются рисунки; каталоги, буклеты посмертных выставок юной художницы; воспоминания о дочери Н. К. Рушева и др. Рисунки Нади Рушевой (иллюстрации к произведениям Л. Н. Толстого, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя) 24 июня 1976 г. были переданы в Литературный музей Пушкинского Дома.

Документы фонда прошли научно-техническую обработку в соответствии с действующими требованиями в 2000 г. В фонде сформировано 19 единиц хранения за 1954—1975 гг.

Л. К. Хитрово

Н. А. ПРОЗОРОВА

**ОБЗОР АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ XIX —XX веков,
ПОСТУПИВШИХ В РУКОПИСНЫЙ ОТДЕЛ ИНСТИТУТА
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ) РАН
в 1996—1998 годах**

Рукописный отдел Института русской литературы выражает глубокую благодарность за принесение в дар архивных материалов О. Н. Адриановой, С. Н. Азбелеву, А. С. Алексеевой, О. Б. Алексеевой, Н. В. Андреевой, Н. Д. Архангельской (Ушаковой), В. Г. Бауману, О. А. Белобровой, В. И. Белову, А. Г. Боброву, Э. Бобровой (США), Е. Б. Валуйской, И. Г. Вишневецкому, З. И. Власовой, Н. К. Гринберг, Г. П. Гунькину, Р. Ю. Данилевскому, М. Г. Елачичу, Л. В. Иванову, Л. Н. Ивановой, Н. Иошказу (Япония), Б. Л. Канделю, И. (Г.) Н. Карклине (Латвия), Н. Г. Князевой, М. А. Косому, Е. Ф. Краузе, А. А. Кторовой (США), С. М. Куферштейн, Е. Г. Лавровой, В. В. Леонову, А. А. Лиханову, М. А. Лобанову, С. Б. Мантейфелю, В. Ф. Маркову (США), Т. Г. Мартинсон, Х. Мацубара (Япония), М. В. Меркуловой, В. В. Мицурову, Л. Н. Назаровой, Т. Л. Петерсон-Рахмановой, М. Н. Пестровской, А. С. Платоновой, В. М. Русакову, Н. В. Савельевой, В. И. Савченко, М. В. Ситниковой, В. А. Сно (Финляндия), Н. Б. Соколовой, Д. В. Соловьеву, М. А. Супонинной, М. В. Теплинскому, В. А. Тихомирову, В. В. Трубицыну, А. В. Флори, А. А. Хигрис, Д. И. Черашней, Ж. Шерону (США), К. В. Шилову, Г. Л. Шретер, сотрудникам библиотеки ИРЛИ, а также выражает признательность памяти дарителей А. Н. Алексеева-Гая, В. П. Астафьева, В. В. Бураческа, С. А. Воронина, В. Е. Гусева, В. Б. Кривулина, Д. С. Лихачева, Н. А. Никифоровской, М. М. Смирнова.

Смирнов Михаил Михайлович (1909—1998) — писатель, журналист. Фонд 858.¹

ДОПОЛНЕНИЯ К ФОНДАМ

Богословский Павел Степанович (1890—1966) — фольклорист, историк, литературовед, музеевед. Фонд 690.

Письма к З. И. Власовой А. Н. Богословской 10 (1972—1975), Б. П. Богословского 4 (1973—1979), Н. П. Богословского 3 (1966—1972), И. С. Богословского 3 (1973—1974). Письмо З. И. Власовой к А. Н. Богословской (1972).

Бурачок (Бурачек) Степан Анисимович (Онисимович) (1800—1876) — публицист, критик, издатель, кораблестроитель. Фонд 34.

Бурачек В. В. «Опыт генеалогического исследования рода Бурачков». Семейная хроника. В переплете. С дарственной надписью Рукописному отделу ИРЛИ. Машинопись (1995).

Гуро Елена Генриховна (1877—1913) — писательница, художница. Фонд 613.

Материалы международной конференции по русскому авангарду «Органика, Елена Гуро, выход в „и так далее“» (6—10 мая 1996, Хельсинки—Йоэнсуу—Новый Валаам, Финляндия): афиша, приглашительные билеты на конференцию и открытие выставки «По финляндской дороге» и др. Типограф. экз., ксерокопии (1996).

«Возврат к природе (Back to nature). Петербургские художники русского авангарда XX века. Живопись, графика». Каталог выставки. Музей изобразительного искусства Йоэнсуу. 7.5.—26.5.1996. Типограф. экз. [1996].

Эндер З. Б. «Влияние Елены Гуро на ее современников и на последующее поколение писателей и художников». Статья. Ксерокопия (журн. «Euroa orientalis», 13 (1994):1; с. 125—136) с дарственной надписью автора Рукописному отделу ИРЛИ (1994).

«Из рабочих дневников Бориса Эндера». Публикация и предисловие З. Б. Эндер. Оттиск (журн. «Euroa orientalis», 12 (1993):2; с. 317—347) с дарственной надписью публикатора Рукописному отделу ИРЛИ (1993; 1994).

Elena Guro. Selected Writings from the Archives / Editors: A. Ljunggren and N. Gourgianova. Stockholm, 1995. Типограф. экз. с дарственной надписью Н. Гурьяновой Т. С. Царьковой (1996).

Есенин Сергей Александрович (1895—1925) — поэт. Фонд 817.

Квитанция о получении денег от С. А. Есенина в уплату за продолжение пребывания в санатории с 11 по 26 января 1924 (1924).

Иванов Вячеслав Иванович (1866—1949) — поэт, филолог, переводчик. Фонд 607.

«Весна». «Вести (Соната)», «Печаль Полдня», «В алый час», «Лунная баллада», «Молчание» и др. Стихотворения (31). Черновой, белой автограф, рукой неустановленного лица, рукой Ал. Н. Чебогаревской (1916—1919; б. д.). «Лебединая память». Цикл стихотворений. Авторизованная машинопись (б. д.). «Ave Roma». Цикл стихотворений. Машинопись с правкой рукой неустановленного лица (1927; б. д.). «Меда-

¹ Информацию о фонде 858 М. М. Смирнова см. в следующем «Ежегоднике».

льопы». Цикл сонетов. Машинопись (б. д.). «Из Горация». Перевод В. Иванова. Автограф (б. д.). Заметки по античной мифологии (Дионис и дионисийство). Корректурa с пометами автора (б. д.). «Любовь-мираж». Пьеса. Фрагмент. Автограф (б. д.). «Человек». Мелопея. Отдельные главы, эпилог. Машинопись с незначительной правкой рукою неустановленного лица (1918—1919).

Паспорт В. И. Иванова. На франц. яз. Копия (б. д.). Удостоверение, выданное В. И. Иванову Наркомпросом в качестве охранной грамоты на библиотеку и квартиру в Москве (Большой Афанасьевский пер., д. 4, кв. 3). Подлинник (1920). Заявление В. И. Иванова на имя директора Театрального музея им. А. А. Бахрушина с просьбой о принятии на хранение библиотеки, рукописей, мебели и др. Машинопись (<1924>).

Письма его к Е. А. Миллиор 3 (1925). Письма к нему С. М. Алянского 2 (1918), С. А. Венгерова (1919), Г. Кнорре (1919), М. Сабашникова (1913).

Брачные документы Л. Д. Зиновьевой-Аннибал. На франц. яз. Копии (1899).

Денежно-хозяйственные документы М. М. Замятниной (домоуправительницы В. И. Иванова) (1901—1918).

Материалы Е. А. Миллиор. Рецензия ее на книгу К. М. Колобовой и Л. М. Глускиной «Очерки истории Древней Греции». Отгиск из журн. «Вестник древней истории», 1959, № 4. Заявление ее с просьбой дать отзыв о лекции на тему «Ранний палеолит, происхождение человека» и выписка из протокола № 3 заседания кафедры археологии Удмуртского педагогического института от 11 декабря 1954 г. с постановлением об утверждении отзыва о лекции доцента Е. А. Миллиор. Машинопись (1954). Приглашение Е. А. Миллиор на заседание Ученого совета Института языкознания АН СССР, посвященного 50-летию научной деятельности И. М. Тронского (1967). Письма Е. А. Миллиор к М. Б. Миллиор (1954), И. М. Тронскому (<1947>). Письма к Е. А. Миллиор В. Бианки (1956), Я. М. Боровского 45 (1946—1970), Т. А. Выгодской 2 (1952—1955), М. Я. Выгодского 5 (1946—1956), Л. М. и И. Д. Глускиных (1959), А. И. Доватура 30 (1947—1955), Л. Заболотской (б. д.), Л. В. Ивановой 43 (1924—1972), К. М. Колобовой 40 (1941—1972), М. и И. Ф. Куниных 9 (1968—1976), Е. В. Левинной (1946), Н. С. Лейтес (1960), С. Я. Лурье 2 (1951—1953), М. Б. Миллиор (1947), В. Е. Сенкевича (1944), И. И. Толстого 6 (1944—1946), И. М. Тронского 6 (1947—1965), М. Л. Тронского 6 (1954—1966). Портреты в группе Е. А. Миллиор и М. Б. Миллиор. Подлинники 5 (б. д.). Фотопортреты М. Б. Миллиор 3 (1908; б. д.). Фотопортрет Д. Б. Кабалева с дарственной надписью М. Б. Миллиор (1954).

Материалы других лиц. С. В. Троицкий. Стихотворения (30). Автограф (1924—1926; б. д.). Г. А. Хоразов. Стихотворения (5). Копии рукой Е. А. Миллиор (1922; б. д.). Письма Л. В. Ивановой к С. В. Троицкому (1925), И. и М. Куниных к Н. С. Лейтес (1961), И. И. Толстого к Н. А. Машину (1950).

Иванов-Разумник (наст. имя и фам. Разумник Васильевич Иванов) (1878—1946) — критик, публицист, журналист, историк русской и общественной мысли, мемуарист. Фонд 79.

Фотоснимки (5) его могилы на кладбище в Мюнхене; план кладбища (1997).

Константин Константинович (Романов; псевд. К. Р.; 1859—1915) — вел. князь, поэт, переводчик, драматург, президент Академии наук. Фонд 137.

Письмо к нему Е. К. Кристи (1913). Сопроводительное письмо к нему А. Е. Грузинского при посылке книги, посвященной 100-летию юбилею Общества российской словесности при императорском Московском университете (1911).

Лермонтов Михаил Юрьевич (1814—1841) — поэт. Фонд 524.

«Лермонтову». Сборник стихотворений, посвященных М. Ю. Лермонтову, поэтов XIX—XX вв. Составитель С. Иванов. Машинопись (<1949>).

Пушкин Александр Сергеевич (1799—1837) — поэт. Фонд 244.

Метрическая книга Крестовоздвиженской церкви 3-й Санкт-Петербургской гимназии за 1897—1905 гг. с записью о крещении правнучки А. С. Пушкина Н. С. Мезенцовой (в замуж. Шепелевой). Альбом Д. Н. Ушакова с видами Полотняного Завода и Спасского-Лутовинова (<нач. XX в.>). Гуковский Г. А. «Русские романтики и Пушкин». Монография. Машинопись с правкой автора (<сер. 1940-х>).

Ремизов Алексей Михайлович (1877—1957) — писатель. Фонд 256.

«Пляшущий демон. Танец и слово» (Париж, <1949>). Типограф. экз. с дарственной надписью автора В. Ф. Маркову (1953). «Мелюзина. Брунцвик» (Париж: Оплешник, 1952). Типограф. экз. с дарственной надписью автора В. Ф. Маркову (1955). «Тристан и Исольда. Бова Королевич» (Париж: Оплешник, 1957). Типограф. экз. с дарственной надписью В. Ф. Маркову (1957).

Письма Н. В. Резниковой к В. Ф. Маркову 3 (1957—1959).

ОТДЕЛЬНЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ

Алексеев-Гай (наст. фам. Алексеев) Александр Николаевич (1907—2001) — капитан дальнего плавания, поэт-моряк, автор воспоминаний.

«Чистая вода. Вторая книга стихов». Корректурa с правкой автора (1996). «В молодежных литгруппах Ленинграда (кон. 20-х—нач. 30-х гг.)». Статья. Машинопись с правкой автора (1997). Материалы к биографии: автобиографическая справка, заметки о нем из газет и журналов. Авторизованная машинопись, ксерокопии (1959—1997). Письма к нему С. И. Абрамовича-Блэка 6(1939), П. Г. Антокольского (1971; с приложением стихов А. Н. Алексеева-Гая с правкой П. Г. Антокольского и письмом П. Г. Антокольского к неустановленному лицу, 1976), Д. Д. Бурлюка 5 (1935—1959; с приложением репродукций его произведений и стихотворением, посвященным А. Н. Алексееву-Гаю), А. С. Елкина 2(1971; б. д.), В. М. Инбер (1942), С. В. Образцова 2 (б.д.), И. С. Поступальского (1971), В. А. Рождественского 2 (<1941>—1972), Е. А. Таратуты (1977), Н. С. Тихонова 3 (1972—1976), А. И. Цветаевой (1986), А. В. Эйслера (1979), И. Г. Эренбурга 2 (1963—1964), И. И. Эренбург (Лапиной) 2 (<1990>; б. д.).

М. И. Алигер. «О рукописи Александра Алексеева-Гая». Отзыв. Авторизованная машинопись (1981).

Аскольдов (наст. фам. Алексеев) Сергей Алексеевич (1871—1945) — философ, критик, публицист.

«Четыре разговора. (Отрывок из задуманного романа)». В тетради. Автограф (б. д.). «Повесть...» В тетради. Автограф, с предисловием Д. С. Лихачева (<1921—1922>; б. д.). «Мысленный образ Христа». Статья. В тетради. Автограф (б. д.).

Бурлюк Давид Давидович (1882—1967) — поэт, художник, литературный и художественный критик, издатель.

Журнал «Colog and Rhyme», посвященный Д. Д. Бурлюку. Типограф. экз. (№ 57, <1964>).

Буэро Вальехо Антонио (1916—2000) — испанский драматург.

«Приход богов». Пьеса. Перевод с испанского Б. Л. Канделя. Машинопись (1971—1972). Биографические сведения о А. Буэро Вальехо, статьи о нем разных авторов в переводе Б. Л. Канделя. Машинопись, машинопись с правкой Б. Л. Канделя (1962—1971; б. д.). Фотопортреты 7 (1969; б. д.). Отзывы о пьесе «Сон разума» в советских, немецких газетах и журналах, фотографии сцен из спектакля в театре «Volksteater Rostok» и др. Типограф. экз. (1971—1981). Письма к Б. Л. Канделю 56 (1968—1997).

Письмо Московского художественного театра им. Горького к Б. Л. Канделю о согласии на постановку пьесы А. Буэро Вальехо «Сон разума» и ответ Б. Л. Канделя (1970).

Жуковский Василий Андреевич (1783—1852) — поэт, переводчик, критик.

Письма к канцлеру Ф. фон Миюллеру. Ксерокопии 33 (1828—1842).

Зак (псевд. Россиянский) Лев (Леон) Васильевич (1892—1980) — поэт, художник.

Стихотворения для сборника «М. Россиянский. Утро внутри. Стихи 1913—1969». Автограф, ксерокопия (1920—1969). Статья «Le témoignage de l'artiste», стихотворения, биография, редакционная статья о Л. В. Заке. Ксерокопия из французского издания «Forms sacrées» (Trimestriel, 1966). Письма к В. Ф. Маркову 58 (1964—1980).

Courthion P. «Léon Zack». Издание парижского музея «Le musée de Poche» (Paris, 1961) с дарственной надписью Л. Зака В. Ф. Маркову (1966).

Марков В. Ф. «История этой поэзии необычна...». Статья. Машинопись с правкой автора (б. д.).

Раппит А. «Беседа с поэтом Россиянским». Ксерокопия (записана в 1971; опубл. «Русский альманах», 1981).

Терапиано А. Вырезка из неустановленного издания со статьей о сборнике «Утро внутри» (München, 1970).

Письмо И. Зак к В. Ф. Маркову (1980).

Зундель Лев — графолог-эксперт.

«Почерк как классовое явление». О почерке М. Горького. Авторизованная машинопись (1933).

Каркляня (Карклянь) Инга-Галина Николаевна (р. 1933) — искусствовед, писатель, художник.

«Страницы моего детства», «Автопортрет со свечой», «Встреча с автором „Золотой розы“» и др. Биографические очерки с приложением ксерокопий фотографий. Авторизованная машинопись (1987; б. д.). «Негасимый свет духовности. Рерих и Латвия», «Пакт мира через культуру в Латвии (Латвийское общество им. Н. Рериха 30-х годов. Художники и Н. Рерих)», «Катрина Драудзиня (Дочь Света)» и др. Очерки об истории Латвийского общества им. Н. К. Рериха и о «рериховцах». Машинопись, типограф. оттиски (1990—1995; б. д.). «Непознанный, неразгаданный». Очерк о И. А. Бунине. Авторизованная машинопись (б. д.).

Материалы к биографии и по деятельности (переписка, вырезки из газет со статьями о ней, буклет и др.). Типограф. экз., ксерокопии (1989—1995; б. д.). Фотографии 3 (1979—1990). Портреты, фотографии и репродукции с портретов с пояснениями к ним (<1932>—1990). Письма к Д. С. Лихачеву 2 (1996).

Комаров Борис Александрович (1846—1916) — тайный советник, управляющий акцизными сборами в Ревеле, Тамбове, Пскове, сын А. А. Комарова.

Письма к матери, брату, сестре, жене 169 (1871—1911). Письмо к П. И. Соколову (1910).

Картотека лиц, упоминаемых в письмах Б. А. Комарова за 1871—1910 гг., составленная В. Б. Комаровым (б. д.).

Пояснения к письмам Б. А. Комарова, сделанные В. Г. Бауманом. Авторизованная машинопись (1964; б. д.).

Родословная Комаровых (1748—1981), составленная В. Г. Бауманом. Ксерокопия (1981). Родословная Комаровых, Тютчевых, Остроумовых. Рукой В. Г. Баумана (б. д.).

Письмо В. Б. Комарова к родителям (1910).

Куферштейн Ефим Зусевич (1950—1994) — краевед, историк Петербурга.

Стихотворение «Юбилейное». Автограф, машинопись (б. д.). Запись дневникового характера. Машинопись (1980). Экслибрисы (2) и записные книжки 5 (1973; б. д.). «Государственный аппарат в допетровской России», «Что нужно знать о геральдике», «Великокняжеские усадьбы на Мойке» и др. Конспекты лекций и экскурсий по Петербургу (Ленинграду). Машинопись, автограф (1988—1990; б. д.).

Лесман Моисей Семенович (1902—1985) — пианист, библиофил, коллекционер.

Рукописные материалы деятелей русской истории, культуры и литературы XIX—XX вв.: творческие рукописи, переписка, авторские и дарительные надписи, иллюстративный материал и др. В их числе: А. А. Ахматова, Е. Я. Белицкий, М. А. Бекетова, П. Н. Берков, Н. Я. Берковский, А. А. Блок, Л. Д. Блок, Я. Н. Блох, В. Я. Брюсов, Ю. Н. Верховский, А. А. Голубев, З. И. Гржебин, Д. В. Григорович, С. А. Есенин, Е. П. Иванов, М. Е. Иванова, С. Г. Каплун, К. Е. Костенко, А. А. Кублицкая-Пиотух, А. М. Лесман, Д. С. Лихачев, И. Б. Мандельштам, А. Н. Морев, Е. Г. Полонская, В. В. Пруссак, Г. С. Семенов, Ф. Сологуб, К. А. Сюпнерберг, Е. В. Тарле, Л. Н. Толстой, В. Р. Ховин, Ал. Н. Чеботаревская, Ан. Н. Чеботаревская, Т. Н. Черносивтова, К. И. Чуковский, А. А. Шахматов, Г. Б. Шмерельсон и др. Среди материалов — беловые и черновые автографы, авторизованная машинопись, машинопись, наборные рукописи и др.²

Лиханов Альберт Анатольевич (р. 1935) — писатель.

«Мужская школа». Роман. Часть I. «Дрянные мальчишки». Часть II. «Мерзкий возраст». Часть III. «Другой счет». Черновой автограф (б. д.).

Малкина Екатерина Романовна (1899—1945) — филолог, литературный критик, переводчик.

«Инокентий Анненский». Статья. Автограф (б. д.). Фотопортреты 2 (б. д.). Письмо к Е. Р. и Г. Малкиным неустановленного лица (1934).

Фотографии одиночные и в группе членов семьи Острогорских: Я. Острогорского, А. Я. Острогорской, Л. С. Острогорской, Н. С. Острогорской, А. Я. Острогорского, Р. М. Острогорской, Т. Е. Острогорской. Подлинники и переснимки 16 (1873—1882; б. д.).

Гумилев Н. С. «Расписание лекций». Расписание занятий Литературной студии при Доме Искусств. Рукой Н. С. Гумилева (б. д.).

² Материалы коллекции М. С. Лесмана находятся в научно-технической обработке и будут доступны исследователям после завершения комплектования коллекции и ее научного описания.

Нельдихен (Ауслендер) С. Е. Заявление в Комитет Дома Искусств. Автограф (1922).

Пяст В. А. Заявление в Комитет Дома Искусств. Автограф (1922).

Тиняков А. И. Письмо-заявление в Совет Дома Искусств на имя А. Л. Волинского (Флексера). Автограф (1922).

Тихонов Н. С. Стихотворения (4). Автограф (б. д.). Заявление в Совет Дома Искусств. Автограф (1922).

Чудовский В. А. Извещение на имя В. А. Чудовского о собрании Второго Цеха Поэтов и членский билет Дома Искусств на его имя. Фотокопия (1917).

Визитная карточка Г. И. Чулкова.

Марков Владимир Федорович (р. 1920) — литературовед.

Письма к нему В. Е. Набоковой 5 (1965—1967; с приложенным стихотворением В. Набокова «Каким бы полотном...» и «Какое сделал я дурное дело...» в переводе автора на английский язык). Письма к нему Е. Л. Миллер (Лозинской) 2 (1961), Ф. А. Степуна (б. д.).

Назарова Людмила Николаевна (р. 1910) — историк литературы, тургеневед.

Письма к ней Т. А. и А. Я. Звигильских 26 (1979—1992).

Никифоровская Надежда Алексеевна (1921—2003) — филолог, библиограф, исследователь творчества В. Шекспира.

«Переводы Шекспира Бориса Пастернака». Монография. Автограф (1998).

Пильник (наст. фам. Вогау) Борис Андреевич (1894—1938) — писатель.

«Едва мы увиделись...». Стихотворение. Автограф (1910).

Письма к Д. К. Богомильскому (1923), З. Быстрицкой (<1911>), З. А. Венгеровой (1923), В. В. Иванову (1924), Д. А. Лутохину (1923), Н. Н. Никитину (1923), М. О. Ольшеву (1924), А. М. Ремизову (1923), Г. А. Савинину (<1924>), Солнцеву (Соцеву) и Ювенскому (1923).

Полюянов Иван Дмитриевич (р. 1926) — писатель.

«Икона инокни Ольги». Очерк. Машинопись с правкой автора (<1990-е>).

Равич Любовь Моисеевна — библиограф.

«Евгений Иванович Якушкин (1826—1905). Жизнь и труды». Монография. Машинопись с правкой автора, с отзывом Н. Я. Эйдельмана. (<1970-е>; 1978). Письмо к Д. С. Лихачеву с приложением фотокопий с портретов и фотографий семьи Якушкиных (1841—1909; б. д.).

Скалдин Алексей Дмитриевич (1889—1943) — писатель.

«Улика». Повесть. Автограф (1928). «Хорошие хозяев». Повесть. Окончание отсутствует. Автограф (б. д.). «Затемненный лик (по поводу книги В. В. Розанова „Метафизика Христианства“»». Статья. Машинопись с правкой автора (1912). «Осенний вечер», «Путник», «Август», «На погосте», «Пряха», «В снегу», «Лунной ночью», «Ильин день», «Бессонница», «Вечерняя звезда» и др. Стихотворения. Машинопись (1910-е).

Автобиографические заметки. Автограф (1934—1941). Удостоверение Государственного музейного фонда, данное А. Д. Скалдину в том, что он присутствовал при передаче дел хранителем дома-музея Юсупова и подписал акты передачи (1924).

Письма его к Е. Д. Скалдиной (в замуж. Чегиринец), сестре 19 (1925—1941). Визитные карточки (2).

Материалы родственников А. Д. Скалдина. Письмо М. Р. Вальтер к М. Гангоевой (1945). Письмо А. Н. Скалдиной к Е. Д. Скалдиной (1931). Могила А. Д. Скалдиной. Рисунок Ю. Д. Скалдина. Акварель (б. д.).

Спо Валерия Анатольевна (р. 1916) — литератор, автор повестей и воспоминаний. «Блудный сын». Повесть. В тетради. Рукой неустановленного лица (1951). «Блудный сын». Фрагмент повести. Ксерокопия с автографа (<1951>). «Сожженная Земля». Повесть. В тетради. Автограф (1952). «Круг моей жизни». Воспоминания о жизни в эмиграции (Финляндия) с пояснительным письмом к В. Ю. Чернову. Принтерный вывод (б. д.).

Соловьев Владимир Сергеевич (1853—1900) — философ, богослов, поэт, критик, публицист.

Материалы к летописи жизни и творчества Вл. Соловьева: выписки из писем, дневников, воспоминаний, публикаций разных лиц, собранные Д. В. Соловьевым. Машинописные копии (1853—1901; б. д.). Фотографии (6) и открытки (2) с портретом Вл. Соловьева. Переснимки (б. д.).

Сомов Константин Андреевич (1869—1939) — живописец и график.

Фотопортреты его 6 (1935—1936). Письма его к В. Т. Животовскому (1926), К. М. Животовской 28 (1925—1938), Е. Сомову (1934).

Письма Т. Чернавиной к К. М. Животовской 5 (1935—1939).

Теплинский Марк Вениаминович (р. 1924) — литературовед, некрасовед.

Письма к нему Ю. Г. Буртина (1984), Б. В. Егорова 2 (1983—1992), В. Катаева (1987), Л. М. Лотман (1991), Д. П. Николаева (1989), Г. М. Фрилендера 2 (1974—1976), А. В. Храбровицкого (1987), И. Г. Ямпольского (1976) и неустановленных лиц 2 (1976—1991).

Толстой Лев Николаевич (1828—1910) — писатель.

«Крейцера соната». Список рукой неустановленного лица (1890). С дарственной надписью Н. Ф. Киселеву от П. Витольского (б. д.). С пояснительной запиской Н. С. Коковина (1997).

Тютчев Федор Федорович (1860—1916) — полковник, писатель.

Записная книжка со стихотворениями (1880). Личные документы: справка о рождении, удостоверение (г. р. 1860; 1906; 1893). Вырезка с некрологом о Ф. Ф. Тютчеве из журн. «Военный сборник» (1916. № 2). Типограф. экз.

Вырезка из журн. «Нива» (1898. № 30) со статьей неустановленного автора о Ф. И. Тютчеве с фотографией могилы Ф. И. Тютчева. Типограф. экз.

Материалы семьи Ф. Ф. Тютчева. Свидетельство о рождении Е. Ф. Тютчевой (г. р. 1884; 1944); свидетельство о ее смерти (1962). Письма Союза писателей РСФСР и Литературного фонда РСФСР о захоронении Е. Ф. Тютчевой на Литераторских мостках 2 (1962). Свидетельство о рождении Н. Ф. Тютчевой (г. р. 1886; 1894); свидетельство о ее смерти (1968). Письма к Н. Ф. Тютчевой А. Н. Толстого (1938), Государственного литературного музея за подписью В. Д. Бонч-Бруевича (1939). Письмо музея-усадьбы «Мураново» в Ленинградское отделение Союза писателей СССР Д. А. Гранину с просьбой о содействии в установке ограды на могиле Н. Ф. Тютчевой (1968).

Федоров Владимир Михайлович.

Удостоверение на имя студента Санкт-Петербургского университета В. М. Федорова о назначении ему Комиссией по народному образованию единовременного пособия (1900). Письмо к нему неустановленного лица (1925).

Флоря Александр Владимирович (р. 1963) — филолог, лингвист, переводчик.

Переводы пьес В. Шекспира «Ромео и Джульетта», «Отелло», «Тимон Афинский», «Цимбелин», «Кориолан». Машинопись (1991—1995).

Чешихин (псевд. Ветринский) Всеволод Евграфович (1865—1934) — писатель, музыкальный критик, историк музыки.

«Тургенев. Биография». Статья для Русского биографического словаря. Корректурa с правкой автора (1916).

Шишков Вячеслав Яковлевич (1873—1945) — писатель.

Письмо К. М. Шишковой о судьбе довоенного архива В. Я. Шишкова к З. И. Власовой (1973).

Штейнер (урожд. Бенуа) Ольга Леонтьевна (1882—1973) — автор воспоминаний, дочь Л. Н. Бенуа.

«Мои воспоминания». Машинопись (1960). Примечания, составленные <А. П. Банниковым>. Машинопись (не ранее 1995). Фотографии членов семьи Л. Н. Бенуа. Подлинники и копии 11 (1886— 1960-е).

Ян (наст. фам. Янчевецкий) Василий Григорьевич (1874/1875—1954) — писатель.

Ян Е. В. «Мой отец». Воспоминания о В. Г. Яне. Машинопись (б. д.). С дарственной надписью В. Г. Яна неустановленному лицу (1944).

Императорские жалованные грамоты и указ.

Царская грамота императрицы Елизаветы Петровны, данная князю Никите Долгорукову о пожаловании ему чина капитана флота. За подписью императрицы Елизаветы Петровны. Подлинник (1743).

Указ императрицы Елизаветы Петровны об отставке от службы князя Сергея Никитича Долгорукова «за болезнями его». Подлинник (1759).

Царская грамота императрицы Екатерины II, данная князю Никите Долгорукову о переводе его из вахмистров в корнеты. За подписью императрицы Екатерины II. Подлинник (1793).

Царская грамота императора Александра I о переводе эстандарт-юнкера Николая Титова в корнеты. Подлинник (1818).

Пояснительное письмо Т. Г. Мартинсон о хранении царского указа и жалованных грамот в семье Г. Г. Мартинсона (1998).

Собрание древнерусских рукописей и старопечатных книг.

Дневник северодвинского крестьянина Н. И. Заборского (XX в.). Сборники 2 (XIX, нач. XX вв.).

Коллекция А. Г. Боброва.

Сборники, псалтыри, каноники, трезвоны и др. (XV—XX вв.).

ГАЛИНА ГРИГОРЬЕВНА ПОЛЯКОВА
(1926—2002)

Некролог

В архивном деле всегда были и будут люди, чьи имена мало известны широкой научной общественности. Эти люди не стремятся к званиям и регалиям, редко публикуют собственные работы. Их предназначение в ином — они прокладывают путь другим исследователям. Это обработчики архивных фондов. К таким скромным труженикам науки принадлежала и ушедшая из жизни 24 августа 2002 г. Галина Григорьевна Полякова.

Г. Г. Полякова родилась 11 октября 1926 г. в крестьянской семье в д. Черняево Тарского района Омской области. Ее трудовая деятельность началась в 1943 г. в качестве машинистки в пограничных войсках Казахского округа. Шла Великая Отечественная война, и девушка стремилась на фронт. В действующую армию ее не взяли, но по настоятельной просьбе призвали в пограничные войска. С 1946 г., после демобилизации, она жила в Алма-Ате и работала на той же должности машинистки в Казахском радиокомитете, а затем, с 1947 по 1950 г., в издательстве Академии наук Казахской ССР. В 1950 г., выйдя замуж, Г. Г. Полякова переехала в Ленинград, где поступила учиться на русское отделение филологического факультета Ленинградского государственного университета (1952—1957). Как и многие из ее поколения, сформировавшегося в «сороковые, фронтовые», заветное высшее образование она получила уже отнюдь не в юношеские годы.

12 сентября 1961 г. Г. Г. Полякова была принята на работу в Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР на должность заведующей канцелярией. Через несколько лет, когда в 1964 г. тогдашний директор Института В. Г. Базанов, оценивший четкость и собранность Г. Г. Поляковой в работе, разрешил ей перейти в любой на выбор отдел Пушкинского Дома, она избрала Рукописный отдел. Именно в этом отделе Г. Г. Полякова по справедливости видела сердце Пушкинского Дома. Это был осознанный выбор, о котором она никогда не жалела.

Очень скоро Г. Г. Полякова освоила в Рукописном отделе все сферы его работы: хранилище, читальный зал, учетный сектор, организация выставок. И главное, она получила вкус к очень кропотливому и трудоемкому делу — к научно-техническому описанию архивных фондов — и постепенно стала квалифицированным обработчиком. В ее руках, прежде чем стать доступными для исследователей, побывали тысячи документов. И каждый из них надо было грамотно описать, при необходимости — атрибутировать и датировать. И очень часто — бережно очистить от грязи и пыли, развернуть и разгладить. При научно-техническом описании фондов материалы надо правильно систематизировать, чтобы читатель, взявший в руки опись, мог быстро найти необходимую ему информацию. Все это и составляло кропотливый и такой незаметный для глаза сторонних исследователей труд Г. Г. Поляковой.

За годы работы в Рукописном отделе через руки Г. Г. Поляковой прошли архивы поэта «серебряного» века М. А. Волошина (ф. 562; 2763 ед. хр.); выдающегося писателя XX столетия М. А. Булгакова (ф. 369; 579 ед. хр.); его современника, писателя и редактора журнала «Залп», одного из руководителей Литературного объединения Красной Армии и Флота А. М. Дмитриева (ф. 715; 202 ед. хр.); видного поэта советского времени А. А. Прокофьева (ф. 726; 2079 ед. хр.); художниц В. П. и А. П. Шнейдер (ф. 340; 423 ед. хр.); секретаря издательства «Всемирная литература» В. А. Сутугиной (ф. 720; 122 ед. хр.); театрального критика А. Р. Кугеля (ф. 686; 604 ед. хр.); историка литературы Е. В. Петухова (ф. 669; 488 ед. хр.); фольклориста и литературоведа В. Г. Базанова (ф. 825; 470 ед. хр.). Г. Г. Поляковой довелось завершить обработку обширного фонда выдающегося библиографа и историка русской литературы С. А. Венгерова (ф. 377; 8841 ед. хр.). Ею коренным образом переработаны фонды Н. А. Добролюбова (ф. 97; 252 ед. хр.) и Н. А. Некрасова (ф. 202; 580 ед. хр.). А помимо этого — обработка дополнений к уже описанным фондам Е. А. Ляцкого, А. Л. Вольнского (Флексера), Ф. К. Сологуба и т. д.

Перу Г. Г. Поляковой принадлежат скромные публикации, вытекшие из ее архивной работы: Выставка, посвященная А. Н. Островскому // Русская литература. 1973. № 3. С. 252—254 (в соавт. с Р. Г. Куриленко и А. П. Холиной); Архив А. М. Дмитриева // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1972 год. Л., 1974. С. 49—54; Архив А. А. Прокофьева // Русская литература. 1976. № 2. С. 167—170; Из писем о Л. Н. Толстом. Письмо С. А. Толстой к Е. Ф. Юнге // Русская литература. 1978. № 3. С. 152—153. Г. Г. Полякова подготовила к печати также письма А. Н. Островского к жене М. В. Островской (см.: Островский А. Н. Полн. собр. соч. М., 1979—1980. Т. 11—12). Г. Г. Полякова — один из составителей аннотированного указателя «Личные фонды Рукописного отдела Пушкинского Дома» (СПб., 1999).

Самым последним из дел, выполненных Г. Г. Поляковой в Рукописном отделе, было описание фондов академика, историка литературы Л. Н. Майкова (ф. 166; 2081 ед. хр.) и его племянника филолога-классика В. В. Майкова (ф. 570; 46 ед. хр.). Над этими фондами Г. Г. Полякова работала, когда болезнь уже подтачивала ее силы,

но описание все-таки было завершено. В этом выпуске «Ежегодника Рукописного отдела» печатается краткий обзор фонда Л. Н. Майкова, подготовленный Г. Г. Поляковой.

Для нынешнего поколения сотрудников Рукописного отдела Г. Г. Полякова была наставником — знающим, опытным, всегда готовым оказать консультацию и помощь. И еще она была хранителем преданий Пушкинского Дома. В ее устах академические фигуры В. Г. Базанова, К. Д. Муратовой, А. Д. Алексева обрели плоть и человечность. Живой и человеческой она останется и в памяти пушкинодомцев. А читатели, беря в руки очередную опись фондов Рукописного отдела, пусть взглянут в ее предисловие: нет ли там подписи Галины Григорьевны Поляковой. И если найдут ее имя, помянут добрым словом благодарности.

Т. Г. Иванова

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

- А. Бь. 102
А. И. см. Туган-Барановский М. И.
А. К. 93
А Р... 106
А. Х. 111
А. Я. 36
Абамелек А. Д. 123
Абамелек С. Д. 123
Абамелек-Лазарев С. С. 193
Аббадон см. Амфитеатров А. В.
Абрамова М. М. 110, 111
Абрамович В. Я. см. Ленский В. Я.
Абрамович С. Л. 214
Абрамович-Блэк С. И. 484
Августин, архимандрит (Никитин) 152
Авенариус Р. 370
Авсенко В. Г. 468
Адамович Г. В. 391
Адонц Г. 398
Адрианова О. Н. 481
Адрианова-Перетц В. П. 471
Ажикмаа Н. Д. 479
Азадовский К. М. 229, 413, 416
Азадовский М. К. 229
Лзбелев С. Н. 481
Айзман Д. Я. 254
Айхенвальд Ю. И. 371, 374, 376
Аксаков А. Н. 75
Аксаков И. С. 463, 468, 469
Аксаков К. С. 463
Аксаков С. Т. 136, 463
Аксененко Е. М. 76
Александр I, император 469, 489
Александр II, император 35, 62, 74, 145, 146, 171
Александр III, император 81, 149, 163, 210, 242, 294, 295, 463, 465
Александра Иосифовна, вел. кн. 50, 247
Александра Федоровна, императрица 157
Александров В. см. Крылов В. А.
Александрович Е. 63
Алексеев А. Д. 78, 492
Алексеев А. Н. см. Алексеев-Гаїі А. Н.
Алексеев С. А. см. Аскольдов С. А.
Алексеева А. С. 481
Алексеева Е. Ф. 96
Алексеева К. Н. 234
Алексеева О. Б. 481
Алексеева Э. Е. 130
Алексеев-Гаїі (наст. фам. Алексеев) А. Н. 481, 484
Алексеевская Р. Н. см. Андреева Р. Н.
Алексеевский А. П. 419
Алексей Михайлович, царь 183
Ален Л. 409
Алигер М. И. 484
Алянский С. М. 483
Амати 7
Амфитеатров (псевд. Old Gentleman) А. В. 239—266, 279, 280
Амфитеатров Д. А. 239
Амфитеатров М. А. 254
Амфитеатров Р. А. 254
Амфитеатрова (урожд. Соколова; сцен. псевд. Райская) И. В. 248, 249, 251, 256, 257, 259, 262—264
Амфитеатровы 255, 261, 265
Ап. см. Ремезв М. Н.
Анастасий, перомонах см. Модзалевский А. Н.
Андреев А. 114
Андреев А. Н. 417, 421, 434, 438, 439, 441, 442, 444—447
Андреев В. Л. 443, 446

* Составила Л. Д. Зародова.

- Андреев В. Н. 421, 441
 Андреев Д. Л. 417, 443, 445
 Андреев Л. Н. 259, 413—447
 Андреев Н. И. 440
 Андреев П. Н. 421, 434, 437, 441, 442, 446
 Андреева А. И. 446
 Андреева (урожд. Велигорская) А. М. 426, 443, 446
 Андреева (урожд. Пацковская) А. Н. 419—441, 446, 447
 Андреева (в замуж. Тройнова) З. Н. 421, 423, 441
 Андреева Н. В. 481
 Андреева (в 1-м браке Алексеевская, во 2-м Оль, в 3-м Верещагина) Р. Н. 417, 419, 421—424, 426, 435, 437, 438, 439, 441, 443, 445—447
 Андреева-Рыжкова И. 446
 Андреевский И. Е. 322
 Андреевы 421, 423, 424, 442
 Анисимов А. 472
 Анисимова В. А. см. Чудакова В. А.
 Анисимова Н. А. 471—472
 Анисимовы 472
 Анничков Е. В. 253, 257, 264
 Анненков П. В. 469
 Анненков Ю. П. 399
 Анненский И. Ф. 486
 Анненский Н. Ф. 242, 262, 263
 Антипов В. И. 116, 117, 119
 Антипова Е. Я. 451
 Антокольский П. Г. 484
 Антоний, архиепископ Волинский (Храповицкий А. П.) 290, 291
 Антоний, архимандрит, затем епископ Уфимский 170
 Антоний, митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский (Вадковский) 148, 260
 Антонин, священнослужитель 333
 Антонов В. В. 132
 Антонова (в 1-м браке Фохт, во 2-м Чукармадина) Н. А. 442
 Апушин Д. Н. 463
 Анциферов Н. П. 400
 Аракчеев А. А. 469
 Арапов И. А. 468
 Арапов П. А. 467
 Аристотель 305
 Арнольд Ф. 376
 Арсенний, перомонах 158—161
 Арсеньев К. К. 322
 Артемьев А. И. 462, 466
 Архангельская (Ушакова) Н. Д. 481
 Арцыбашев М. П. 413, 416, 427, 433, 443
 Асафьев Б. В. 118
 Аскольдов (наст. фам. Алексеев) С. А. 484
 Асланов Г. Д. 123
 Астафьев В. П. 481
 Астахова А. М. 455—457
 Ауслендер С. Е. см. Нельдихен С. Е.
 Афанасьев А. Н. 202, 203, 465
 Ахматов М. Н. 110
 Ахматова А. А. 355, 401, 486
 Лякс см. Измайлов А. А.
 Бабичев Н. Т. 128
 Багаев А. А. 214
 Базанов В. Г. 490—492
 Байрон Д. 210, 212, 214, 240, 246, 248, 253, 255—258
 Баклер-Фогт М. Г. 204, 205
 Балакирев М. А. 74
 Балтрушайтис Ю. К. 355
 Балухатый С. Д. 457
 Бальзак О. 385, 388
 Бальмонт К. Д. 355, 397, 400
 Банников А. П. 489
 Баранова-Шестова Н. Л. 324, 346
 Барановская А. Д. 357
 Баратынские см. Боратынские
 Барбюс А. 470
 Баренбаум И. Е. 236
 Барсов Н. А. 468
 Барсуков Н. П. 33, 66, 467
 Бартенева П. И. 234, 465
 Бартоломео Ф. 27
 Барцев Н. С. 382
 Барцева Т. С. см. Франк Т. С.
 Баскаков В. Н. 241
 Батюшков К. Н. 136, 462, 463, 467
 Батюшков П. Н. 462, 466, 467
 Батюшков Ф. Д. 77, 93, 352, 468
 Батюшкова С. Н. 468
 Бауман В. Г. 481, 486
 Бах А. Н. 330
 Бах А. М. 25, 31, 32
 Бах В. Ф. 25
 Бах И. К. 6
 Бах И. М. 6
 Бах И. С. 5—8, 14—21, 25, 27—29, 31, 32, 181
 Бах К. Ф. Э. 5, 16
 Бахрушин А. А. 483
 Бедный Д. (наст. имя. и фам. Е. А. Придворов) 398
 Безобразов П. В. 273, 274
 Бейлис М. 293, 302
 Бекетов Н. Н. 464
 Бекетова М. А. 486
 Беклемишева В. Е. 417, 445, 446
 Белинский В. Г. 123, 136, 239, 240, 242, 244, 245, 247, 253, 260, 261

- Белицкий Е. Я. 486
 Белкин Д. 267, 271
 Белл Д. 32
 Белоброва О. А. 481
 Белов В. И. 481
 Белов Е. А. 468
 Белодубровский Е. Б. 94
 Белопольский А. А. 235, 236
 Белопольский И. Р. 235, 236, 399
 Белоус В. Г. 333
 Белоцветов Н. А. 188
 Бельй А. (наст. имя и фам. Б. Н. Бугаев)
 335, 390, 391, 394—396, 398—400
 Бельчиков Н. Ф. 195
 Беляев М. Д. 94, 95, 184, 185, 192, 193
 Белякава-Казанская Л. В. 7
 Бенедиктов В. Г. 465, 466
 Беницкий (Бенитский) А. А. 468
 Бенау А. Н. 400
 Бенау Л. Н. 489
 Бенау О. Л. см. Штейнер О. Л.
 Беранже Ж. П. 7
 Берберова Н. Н. 236, 405, 410, 411
 Берг Ф. Н. 466
 Бергсон А. 370, 372, 373
 Бердяев Н. А. 250, 321, 324, 331, 369, 377—
 379
 Бережков Е. И. 134
 Березовская А. Е. см. Шестова А. Е.
 Берков П. Н. 486
 Берковский Н. Я. 486
 Бернс Р. 439
 Берсенева В. см. Луидберг Е. Г.
 Бессараб М. Я. 34, 41
 Бессонов П. А. 467
 Бестужев-Рюмин К. Н. 229, 463, 468
 Бетховен Л. 7, 14, 181, 349, 350
 Бианки В. В. 483
 Благов Д. А. 386
 Бланк И. С. см. Книжник И. С.
 Бласко И. В. 379
 Блок А. А. 133, 182, 332, 355, 363, 371 383,
 387, 389, 390, 393—401, 486
 Блок Л. Д. 486
 Блох Я. Н. 486
 Блумингтон 240, 241, 243
 Боборыкин П. Д. 100, 241
 Бобрешов В. Ю. 409
 Бобров А. Г. 481, 489
 Бобров С. 396, 400
 Боброва Э. 481
 Богаевская К. П. 185, 210
 Богданова А. 446
 Богомилский Д. К. 487
 Богомолов Н. А. 182
 Богословская А. Н. 482
 Богословский Б. П. 482
 Богословский И. С. 482
 Богословский Н. П. 482
 Богословский П. С. 482
 Богушевский Н. К. 467
 Бодуэн-де-Куртенэ И. А. 468
 Бойль Р. И. 247
 Болдаков И. М. 468
 Болдырев Д. В. 369
 Болдырев И. В. 465
 Болховской А. см. Андреев А. Н.
 Большаков Н. И. 160
 Бошгейн Г. И. 476
 Бонди В. А. 360
 Бонди С. М. 228, 229
 Бонч-Бруевич В. Д. 102, 444, 472, 488
 Боратынская Е. Н. 208
 Боратынская (в замуж. Алексеева) К. Н.
 208
 Боратынская (урожд. Салтыкова, в 1-м
 браке Дельвиг) С. М. 234
 Боратынский А. Н. 208, 234
 Боратынский (Баратынский) Е. А. 183,
 186, 190, 196, 206—208, 210—212, 214,
 216—222, 233, 234
 Боратынские 208
 Борисенко М. 106, 107
 Борисова И. В. 271, 275
 Боровский Я. М. 128
 Боровский Я. М. 483
 Боткин В. П. 463
 Боцяновский В. Ф. 101, 254, 442
 Бошшич В. В. 468
 Бриц 110
 Брандес Г. 256
 Браунинг Р. 402, 409
 Бренко А. А. 102
 Бреслин А. 106, 107
 Брикнер А. Г. 468
 Бройдо А. И. 305
 Брокгауз Ф. А. 36, 48, 243, 244, 248, 253,
 255, 263, 271, 301, 319, 322
 Брусенин В. В. 441, 442
 Брюллов А. П. 221
 Брюль Х. М. 8
 Брюсов В. Я. 133, 146, 197, 247, 321, 344,
 355, 368, 369 371, 373, 400, 402, 486
 Брянский Н. 247
 Буало Н. 229
 Будилевич А. С. 465
 Будишев 355
 Буксгевден Ф. Ф. 469
 Булгаков М. Л. 382, 479, 491
 Булгаков С. Н. 321, 325, 335, 369, 377
 Булгакова-Земская Н. А. 382
 Бунин И. А. 390, 413, 416, 485

- Бурачек В. В. 481, 482
 Бурачки 482
 Бурачок (Бурачек) С. А. (О.) 482
 Бурдин Ф. А. 92
 Бурлок Д. Д. 484
 Бурнакин А. 329
 Буртин Ю. Г. 488
 Бурцев А. Е. 77
 Бурцев В. Л. 447
 Буслаев Ф. И. 468
 Бугова Н. С. 346
 Бухгейм Л. Э. 231, 234, 235
 Буше Ф. 7
 Буэро Вальехо А. 485
 Быков П. В. 247, 263
 Быстрицкая З. 487
 Бычков А. Ф. 467
 Бычков С. 149
 Бюллер Ф. А. 468
- В.** Г. 81, 106
 В. Ш. 112
 В. Ю. Б. 100, 112
 Вавин Н. 134
 Ваганова А. Я. 471, 472
 Вагинов (наст. фам. Вагенгейм) К. К. 393,
 401, 405, 406, 410, 411
 Вагнер Р. 8
 Вадковский см. Антоний, митрополит
 Вайнштейн М. 386
 Ваксель П. Л. 123
 Валихонов В. 465
 Валуйская Е. Б. 481
 Валькард, прозвище неустановленного ли-
 ца 238
 Вальтер М. Р. 488
 Вас-ий Л. 101
 Василевский В. Г. 468
 Василий Иоаннович, великий князь Мос-
 ковский 468
 Васильев А. В. 99
 Васильев П. А. 360
 Васильев С. см. Флеров
 Васильковский С. В. 236
 Васнецов А. М. 413
 Ватагин В. А. 479
 Ватсон М. В. 378, 379
 Вацура В. Э. 43
 Вебер К. М. 7
 Вейнберг П. И. 77, 91, 246, 247
 Векелер А. Л. 386
 Веллгорская А. М. см. Андреева А. М.
 Вельфлин (Вельфлин) Г. 321, 325
 Венгерова А. С. 242, 262
 Венгерова В. С. 242
- Венгерова С. А. 77, 78, 81, 228, 229, 239—
 266, 316, 319, 321, 324, 340, 386, 387,
 413, 483, 491
 Венгерова З. А. 246, 247, 487
 Веневитинов М. А. 463, 465
 Вентцель Н. Н. 100, 106, 112
 Вербицкая А. А. 397, 400
 Вергилий (Виргилий) Марон Публий 127,
 164, 167
 Верди Д. 118
 Верещагин Г. Е. 359
 Верещагина Р. Н. см. Андреева Р. Н.
 Вернадский В. И. 90, 205, 381
 Вернер В. 19
 Верт Э. А. 124—129
 Верховский Ю. Н. 207, 208, 218, 234, 355,
 396, 400, 486
 Верхоустинский 355
 Веселовский А. Н. 468
 Веселовский К. С. 464
 Вест В. Э. 212
 Ветринский см. Чешихин В. Е.
 Ветров И. С. см. Книжник И. С.
 Викторович В. А. 373
 Вильк И. К. 31
 Вилькина Л. Н. 247
 Вимпфен В. 16
 Вимпфен (урожд. фон Эскелес) М. 16, 17
 Виндельбанд В. 370
 Виноградов А. Н. 465
 Виноградова Е. В. 472
 Винценгероде 79
 Висковатова В. Н. см. Модзалев-
 ская В. Н.
 Висмонт Р. О. 360
 Витольский П. 488
 Витте С. Ю. 275, 464
 Виц 245
 Вишневецкий И. Г. 481
 Владимир, митрополит Московский 170
 Владимирский-Буданов М. Ф. 466
 Власова З. И. 481, 482, 489
 Вогау Б. А. см. Пильняк Б. А.
 Водозовов 196
 Воейков А. Ф. 50
 Воейкова (урожд. Протасова) А. А. , мать
 50
 Воейкова А. А. , дочь 50
 Воейкова М. А. 50
 Вознесенский А. Н. 456, 457
 Волганов М. 380
 Волжский (А. Глинка) 369
 Волков П. Г. 410, 467
 Волконский С. М. 88, 91
 Волошин М. А. 243, 250, 260, 491
 Волховской Ф. В. 260, 261

- Вольнский (наст. фам. Флексер) А. Л. 325, 487, 491
- Вольтер (псевд., наст. фам. Аруэ) М. Ф. 269
- Вольф М. О. 228
- Воронин С. А. 481
- Воронцов М. С. 234
- Воронцов С. Р. 234
- Воронцова Е. К. 234
- Воронцов-Дашков И. И. 464
- Воронцовы 231
- Востоков А. Х. 33, 34, 43, 44, 47, 54, 55
- Врангель П. Н. 202
- Враская В. С. 95
- Вревская Б. Б. 211
- Вревская (урожд. Вульф) Е. Н. 183, 184, 211—215, 217, 225
- Вревская Е. (И.) С. см. Понофидина Е. (И.) С.
- Вревская (урожд. Сердобина) М. М. 225
- Вревская Н. П. 212
- Вревская С. Б. 183, 184, 210—214
- Вревская (урожд. Лопухина) С. Н. 184, 185, 212, 214
- Вревский А. Б. 211
- Вревский Б. А. 211—213, 225
- Вревский М. С. 212
- Вревский П. А. 184, 210, 211, 212—214
- Вревский С. Б. 213, 225
- Вревские 183, 185, 221—214, 225
- Врубель М. А. 321, 324
- Всеволожский И. А. 91
- Вульф А. И. 217
- Вульф Алексей Н. 183, 185, 211—214, 217, 225
- Вульф Анна Н. 213—215, 220
- Вульф Е. Н. см. Вревская Е. Н.
- Вульф И. И. 217
- Вульф Н. А. 210
- Вульф Н. И. 216
- Вульфы 183, 185, 211, 214, 215, 217
- Вульфсон А. В. 113, 117, 119
- Вундте В. 370
- Выгодская Т. А. 483
- Выгодский Д. 410
- Выгодский М. Я. 483
- Вындомский А. М. 211
- Высотские 358
- Вяземская В. А. см. Голицына В. А.
- Вяземская Е. П. 210
- Вяземский К. А. (в монашестве Киприан; схимонах Ксенофонт) 150—154, 167, 168
- Вяземский П. А. 7, 42
- Вязовский 104
- Гавас Ш. 188
- Гайдн Й. Ф. 7, 8, 14, 181
- Галактионов С. Ф. 221
- Галахов А. Д. 468
- Галина Г. 247
- Галич (Габрилович) Л. 369
- Галка Ф. М. 194
- Галушкин А. Ю. 398, 399
- Гангоева М. 488
- Ганзен А. В. 246, 247
- Гапоненков А. А. 368, 369, 376
- Гарин А. С. 415, 444
- Гарин Н. С. 415
- Гарин (наст. фам. Гарфильд) С. А. 413—419, 444, 445, 447
- Гарина З. С. 415
- Гарина Н. М. 413—419, 440—445, 447
- Гарина-Кузнецова (в 1-м браке Воробьева) В. С. 416, 447
- Гарины 413, 416—418, 444
- Гарфильд Д. 415
- Гарфильд С. А. см. Гарин С. А.
- Гарфильды 415
- Гаршин В. М. 397
- Гарэтто Э. 243, 253, 257, 260
- Гацисский А. С. 468
- Гвоздев П. А. 469
- Гедеонов Д. Г. 466
- Гедеонов И. М. 466
- Гейбель Э. 308
- Гейне Г. 321, 324, 325
- Гейнеке И. Г. см. Одоевцева И. В.
- Гейро Л. С. 126
- Гельвещий К. 269
- Гельцер Х. 338
- Гендель Г. Ф. 5
- Генералова Н. П. 442
- Георгиевский А. И. 468
- Георгиевский Г. П. 227
- Герасимов Ю. К. 336
- Гербель Н. В. 246—248
- Герд Н. А. см. Струве Н. А.
- Герцен А. И. 61, 469
- Герцык Е. К. 317, 346
- Гершельман С. К. 257, 258
- Гершензон М. О. 221, 231, 234, 354, 381
- Герье В. И. 289
- Гессен И. 318
- Гете И. В. 307, 308, 321, 325, 451
- Гетье 88, 91
- Гефлер А. 370
- Гец М. 309
- Гец Ф. Б. 267—313
- Гизела А. 31
- Гильфердинг А. Ф. 463, 466, 468
- Гиляров-Платонов 74
- Гиммер Н. Н. см. Суханов Н. Н.

- Гинцбург Д. Г. 267, 268, 270
 Гинцбург О. 270
 Гиппиус (псевд. А. Крайний) З. Н. 320, 321, 324, 332—335
 Гитлер А. 381
 Глазенап Б. (Г.) А. 63—65
 Глазунов А. К. 201, 413, 416
 Гл-д-ов А. 160
 Глинка А. см. Волжский
 Глинка М. И. 117
 Глинский Б. Б. 77, 91
 Глоба А. 376
 Глоцер В. И. 474
 Глушкин И. Д. 483
 Глушкина Л. М. 483
 Гнедич Н. И. 463
 Гнедич П. П. 92
 Говорский К. А. 466
 Гоголь Н. В. 7, 35, 136, 223, 224, 241, 480
 Голенищев-Кутузов А. А. 113, 117
 Голицын Б. Б. 464
 Голицына (урожд. Вяземская) В. А. 150, 168
 Голицына (в замуж. Логинава) Е. А. 150
 Голлербах Э. 300
 Голов И. И. 145, 146
 Головацкий Я. Ф. 465, 468
 Головин А. В. 36
 Головин А. В. 34, 36—38, 40, 47—51, 55, 58, 62—67, 69—72
 Головин В. М. 36
 Голубев А. А. 486
 Голубева О. Д. 62
 Гольдберг Б. А. 287
 Гольдберг И. А. 269, 286—288, 290
 Гольдберги 287
 Гольденберг И. 350
 Гольцев В. А. 369
 Гомберг В. Г. см. Лидин В. Г.
 Гомер 441
 Гомперц Г. 370
 Гончаров И. А. 241, 263, 465—468
 Гораций (Квинт Гораций Флакк) 164, 167, 235, 261
 Горбик А. П. 447
 Горбунов А. П. 386
 Горбунов И. 100
 Гордин В. Н. 339, 340, 357
 Горелов М. М. 357, 360
 Горнфельд А. Г. 102, 350
 Городецкий С. М. 182, 354—356, 364, 389, 413
 Горохова И. М. 446
 Горская А. (наст. фам. Гривцова А. А., урожд. Подерни) 181
 Горский П. М. см. Невежин П. М.
 Горфинкель Д. 410
 Горький М. (наст. имя и фам. А. М. Пешков) 236, 238, 243, 251, 258, 260, 261, 383, 386, 390, 391 400, 411—413, 446, 485
 Гофман А. Р. 181
 Гофман В. Р. 180, 181
 Гофман (в замуж. Кнорринг) В. Л. 199
 Гофман Вс. Л. 181, 200—202
 Гофман Вяч. Л. 202
 Гофман (урожд. Оглоблинская) Л. Н. 202
 Гофман Л. (Ф.) Л. 187, 210, 217, 224
 Гофман М. Л. 180—238
 Гофман Н. А. 224
 Гофман (в замуж. Наумова) Н. Л. 181, 190, 200—202, 206, 210
 Гофман (урожд. Никольская) О. Н. 224, 226, 227, 233
 Гофман Р. М. 226, 227, 236
 Гофманы 181, 201, 217
 Гофман Э. Т. А. 371, 389
 Гранат А. 321, 326
 Гранат И. 321, 326
 Гранин Д. А. 488
 Грачева А. М. 319, 340, 361, 364
 Гревс И. М. 377, 380
 Грез Ж. Б. 7
 Грейг А. С. 57
 Грэнланд П. 16
 Гречишкин С. С. 398
 Гржебин З. И. 193, 196, 235, 316, 417, 446, 486
 Грибоедов А. С. 44, 234, 469
 Гривцова А. А. см. Горская А.
 Григорий Богослов (Григорий Назианзин), св. 164, 167
 Григорович Д. В. 486
 Григорович П. С. 200
 Григоровичи 200, 201
 Гримм В. 455, 456
 Гримм Г. 321, 325
 Гринберг З. Г. 235
 Гринберг Н. К. 481
 Гриневская И. 247
 Грифцов Б. 371
 Гроссман Л. П. 213, 229, 271
 Грот Н. Я. 369
 Грот Я. К. 465, 466, 468
 Грудцов О. 411
 Груздев И. А. 236, 392, 409, 412
 Грузенберг О. О. 293
 Грузенберг С. О. 270, 287
 Грузинские 233
 Грузинский А. Е. 483
 Грум-Гржимайло Г. Е. 465
 Грякалова Н. Ю. 239, 243, 260

- Губер П. К. 377, 378, 412
 Гувениус В. Н. см. Модзалевская В. Н.
 Гуковский Г. А. 484
 Гумеров А. А. 257
 Гумилев Н. С. 355, 371, 391—393, 399, 401, 404, 409—412, 486
 Гунькин Г. П. 481
 Гуревич Л. Я. 371, 376
 Гуро Е. Г. 482
 Гурьянова Н. 482
 Гус Иоанн (Ян) 165, 167
 Гусев В. Е. 481
 Гусятникова Е. П. см. Майкова Е. П.
 Гусятникова Ю. П. см. Кашкарова Ю. П.
 Гюго В. 7
- Д. Д. К. 111
 Давыдов Д. В. 42, 468
 Давыдов И. И. 33, 34, 43, 46, 48
 Дадельзен Г. 19, 21, 25, 27
 Даль В. И. 33—51, 53—75
 Даль Е. В. 50
 Даль Е. Л. 50
 Даль Л. В. 50
 Даль (в замуж. Станишева) М. В. 50
 Даль (в замуж. Демидова) О. В. 50, 74
 Даль Ю. В. 50
 Д'Амелия А. 315, 324
 Данилевский А. А. 314, 329
 Данилевский Г. П. 465
 Данилевский Р. Ю. 481
 Данилов С. С. 103
 Данилова И. Ф. 314, 329
 Данилова Л. 84
 Данькевич М. 97
 Дарский Д. С. 373, 374, 377
 Дашков В. А. 466
 Дашков Д. В. 469
 Дашков Д. Я. 235
 Дашков П. Я. 116, 235
 Двинский 103
 Дворникова Л. Я. 348
 Де Нава Д. 259, 260
 Дебольский Н. Г. 464
 Декарт Р. 164, 167
 Дельвиг А. А. 193, 216, 234
 Дельвиги 211
 Делянов И. Д. 464, 468
 Дементьев А. Г. 386
 Демидова (в замуж. Ляпунова) Е. П. 74
 Демидова О. В. см. Даль О. В.
 Демьяныч, неустановленное лицо 327, 328, 332
 Державин Г. Р. 7, 136
 Державин К. Н. 470—472
 Державин Н. С. 470, 472
- Державина М. И. 470, 472
 Державины 470
 Дерман А. 371
 Де-Роберти Е. В. 322
 Джемс В. 370
 Дидро Д. 471
 Диккенс Ч. 269, 371
 Дильтей Ф. 370
 Диминский С. Я. 292
 Димич, неустановленное лицо 374
 Димочка см. Модзалевский В. Б.
 Динифле, монах-доминиканец 335
 Дитрих А. Д. 467
 Дитрих М. А. см. Шретер М. А.
 Дмитренко А. Л. 391, 392, 409—411
 Дмитриев А. М. 491
 Дмитриев А. Н. 117
 Дмитриев В. Н. 468
 Дмитриев И. И. 42, 469
 Дмитриев Н. 410
 Добровольский 380
 Добролюбов Н. А. 262—264, 491
 Добронравов Л. М. 352, 355
 Доватур А. И. 483
 Дойч О. Э. 11
 Долгоруков А. Н. 469
 Долгоруков Н. 489
 Долгоруков С. Н. 489
 Долинин А. С. 195, 196, 324, 371
 Долинов М. 351
 Домициан Тит Флавий, римский император 125, 126
 Домовитов Н. 477
 Дорошенко Д. И. 189
 Достоевская А. Г. 195, 196
 Достоевский Ф. М. 157, 175, 195, 196, 227, 268, 270, 271, 300, 346, 373, 374, 386, 388, 390, 465
 Драйзер Т. 470
 Дружинин А. В. 246, 247, 263
 Друскин М. С. 5, 119
 Дубасов Ф. В. 257
 Дубнов (псевд. Критикус) С. М. 286
 Дубровин А. И. 159
 Дубровин Н. Ф. 464
 Дудышкин С. С. 465
 Думнов В. В. 110
 Дунин-Борковский А. А. 194, 195
 Дурново И. Н. 464
 Дурылин С. Н. 104, 105
 Дэвис Р. 441, 446
 Дюрр А. 6, 19
- Е. Л. см. Лундберг Е. Г.
 Евг. Л. см. Лундберг Е. Г.
 Евгеньева А. П. 455, 456

- Евстигнеева А. Л. 386, 412
 Егоров Б. В. 488
 Егоров И. С. 367
 Екатерина II, императрица 469, 489
 Елагина А. П. 234
 Елачич М. Г. 481
 Елизавета, схимонахиня см. Шахова Е. Н.
 Елизавета Алексеевна, императрица 234
 Елизавета Бертрам см. Полонская Е. Г.
 Елизавета Петровна, императрица 466, 489
 Елкин А. С. 484
 Епанечникова М. В. 218
 Ермолов А. П. 145, 146
 Ермолова М. Н. 85
 Ерохина В. 5
 Ершов А. П. 469
 Ершова Л. Н. см. Столица Л. Н.
 Есенин С. А. 133, 333, 355, 416, 482, 486
 Ефименко П. С. 465, 468
 Ефимов Д. П. 106
 Ефрон И. А. 36, 48, 243—245, 248, 253, 255, 263, 271, 301, 322, 441

 Жаботинский В. (З.) Е. 251
 Жданов А. А. 386
 Жебелев С. А. 387
 Желвакова И. А. 417, 418, 444
 Животовская К. М. 488
 Животовский В. Т. 488
 Жизневский А. К. 468
 Жирмунская-Аствацатурова В. В. 400
 Жирмунский В. М. 371, 388, 396, 397, 400, 471
 Жорес Ж. 252, 253, 260
 Жуковский В. А. 7, 50, 136, 196, 469, 485
 Журавлева А. И. 105

 Забелин И. Е. 467
 Забелло С. Я. 226, 227
 Заболотская Л. 483
 Заборский Н. И. 489
 Зайцев Б. К. 371, 375, 376, 413
 Зак (псевд. Россианский) Л. В. 485
 Закржевская А. 350
 Зальский 292
 Замуель Г. 289
 Замысловский Е. Е. 465
 Замятин Е. И. 355—358, 366, 371, 383, 384, 395, 398, 399, 446
 Замятина М. М. 483
 Затуловская Л. Д. 446
 Захаренко Н. Г. 398
 Захаров А. А. 185, 261
 Звенигородский А. В. 463
 Зверев Н. С. 201

 Звигильские Т. А. и А. Я. 487
 Зейдлиц Н. К. 466
 Зеленин Д. К. 456
 Зелинский Ф. Ф. 203, 248, 325
 Зив О. 410
 Зилоти А. И. 200, 201
 Зиммел Г. 370
 Зиновьева-Аннибал Л. Д. 483
 Злодевский Е. 317
 Золя Э. 241, 370
 Зорге Г. А. 6
 Зоргенфрей В. А. 376, 377, 384, 395, 399
 Зошенко М. М. 399
 Зуев 312, 313
 Зундель Л. 485
 Зыкова Г. В. 94
 Зырянов И. В. 475—478
 Зырянова З. Ф. 477

 И. 103
 Ибсен Г. 471
 Иван IV (Грозный), царь 141, 145, 146, 167
 Иванов, протоиерей 170
 Иванов В. В. 182, 411, 487
 Иванов В. И. 182, 203, 355, 369, 371, 374, 482, 483, 486
 Иванов Г. В. 351, 391
 Иванов Е. П. 486
 Иванов И. А. 216
 Иванов И. И. 258
 Иванов С. 484
 Иванова Л. В. 442, 446, 481, 483
 Иванова Л. Н. 135, 413, 443, 446, 481
 Иванова М. Е. 486
 Иванова Т. Г. 33, 150, 474, 477, 478, 492
 Иванов-Разумник (наст. имя и фам. Разумник Васильевич Иванов) 315, 316, 324, 328—330, 332, 333, 342—344, 361, 365—367, 390, 395, 396, 398—400, 443, 483
 Иванчин-Писарев А. И. 344
 Ивнев Р. (наст. имя и фам. М. А. Ковалев) 371
 Игнатьев П. Н. 312
 Иезуитова Л. А. 443
 Изгоев (Ланде) А. С. 369, 375, 377—379
 Измайлов (псевд. Аякс) А. А. 144, 145, 315, 357, 359, 360, 362, 445
 Измайлов Н. В. 185, 193, 217, 228, 233, 238
 Износков И. А. 465
 Иконников В. С. 464
 Илиан, архимандрит 153, 154
 Иловойский Д. И. 468
 Ильин А. А. 130, 131
 Ильин И. А. 369, 370

- Инбер В. М. 484
 Иоанн Златоуст, св. 164, 167, 178
 Иоанн Кронштадтский, протоиерей (наст. имя и фам. И. И. Сергеев) 148—150, 152, 157—159, 163—168, 170—175, 177, 178
 Ионов И. 398
 Иоффе А. М. 253
 Иошказду Н. 481
 Ирещкий В. 103
 Исаев М. М. 378, 380
 —ий— 112
- К.** 102
 К. М. 285, 286
 К. Р. см. Константин Константинович, вел. кн.
 Кабалевский Д. Б. 483
 Каверин В. А. 383, 385
 Казанович Е. П. 231, 233, 238, 361
 Казначеев К. 106
 Калантров В. 379
 Каллимах 453, 454
 Каменская М. Д. 117
 Камков Б. 367
 Кандель Б. Л. 481, 485
 Канкарович А. 399
 Канкрин Е. Ф. 469
 Каплан 279, 280
 Каплун С. Г. 486
 Капнист В. В. 463
 Каподистрия И. А. 469
 Карагеоргиевич П. А. 466
 Карамзин Н. М. 469
 Каратыгин В. Г. 115, 247
 Карелин В. А. 367
 Карклина (Карклинь) И. Г. Н. 481, 485
 Каро И. 289
 Карпенгер Э. 370
 Карпов 440
 Карпов Е. П. 77, 88, 91, 92
 Карпов Л. Я. 358, 362
 Карпов П. И. 374, 375
 Карсавин Л. П. 387, 388
 Касаткина Н. 451
 Касперович С. С. 410
 Кассирер Э. 370
 Кастрв А. Ю. 113
 Катаев В. П. 488
 Катков М. Н. 164, 167, 171
 Катков Н. П. 412
 Катонина В. Б. 443
 Катулл 132
 Кауфман А. 360
 Кауфман К. П. 199
 Качалов Н. В. 465, 468
- Каченовский В. М. 467
 Кашкарова (урожд. Гусятникова) Ю. П. 467
 Кашкин Н. Д. 111
 Келдыш Ю. В. 118
 Келлер Г. 375
 Кен Л. Н. 446
 Кеппен П. Е. 247
 Керн Г. 386, 393, 411
 Кетчер Н. 248, 249
 Кидс Д. см. Китс Д.
 Кизеветтер А. А. 369
 К-ин Н. 111
 Киприан, иеромонах см. Вяземский К. А.
 Киреев А. А. 268, 468
 Киров С. М. 416, 472
 Кирьянов Ю. 289
 Киселев Н. Ф. 351, 488
 Киселев С. Д. 238
 Китс (Кидс) Д. 402, 409
 Клейменов С. В. 368
 Клейст Г. 321, 325
 Климент XIII, папа Римский 128
 Климова М. Н. 336
 Клюев Н. А. 355, 401, 413, 416
 Ключевский В. О. 198—201
 Книжник (наст. фам. Бланк И. С. ; псевд. Ветров И. С.) И. С. 374, 375
 Кнорре Г. 483
 Кнорринг В. Л. см. Гофман В. Л.
 Княжнин (наст. фам. Ивойлов) В. Н. 263, 264, 316
 Князев В. В. 398
 Князев Г. М. 468
 Князева Н. Г. 481
 Князевская Т. Б. 6
 Кобаяши Й. 21, 27
 Кобылинский (псевд. Эллис) Л. Л. 258
 Ковалев П. И. 238
 Ковалевский А. О. 464
 Ковалевский М. М. 322
 Ковнер А. 271
 Коган П. С. 349, 350, 352, 394, 399
 Коген Г. 370
 Когут А. 286, 287
 Кожухов А. 256
 Козлов В. В. 97
 Козловская А. М. 193, 231, 233, 234
 Козловский М. И. 233
 Козмин Н. К. 232, 235, 238
 Козырев А. П. 271, 275
 Козьма Прутков 403
 Козьменко М. В. 417
 Коковин Н. С. 488
 Колбасьев С. А. 392, 401, 405, 406, 410—412

- Колбасьева Г. С. 411
 Колеров М. А. 250, 381
 Колесницкая И. М. 457
 Колобова К. М. 483
 Колтоновская Е. 371, 376
 Колумб Х. 252
 Кольчев Ф. С. см. Филипп, митрополит
 Коляда Е. Г. 383, 386
 Комаров А. А. 485
 Комаров Б. А. 485, 486
 Комаров В. Б. 486
 Комаров В. В. 106, 107
 Комаровы 486
 Кондаков А. 411
 Кондаков Н. П. 202, 203, 464
 Кондратьев А. 371
 Кондрияненко В. 411
 Кони А. Ф. 77, 91, 390, 467
 Коновалов Д. П. 257
 Константин Константинович (псевд. К. Р.), вел. кн. 36, 134, 135, 146, 247, 464, 467, 483
 Константин Николаевич, вел. кн. 33—41, 44, 46—51, 54, 55, 57, 58, 61—70, 72, 74, 75
 Константинова А. А. 325
 Константинович А. И. см. Модзалевская А. И.
 Конти Ф. 32
 Конторович М. Е. 472
 Коплан Б. И. 185, 192, 225, 233, 236
 Копылова Л. Ф. 374
 Корецкий Н. В. 91
 Корнель П. 471
 Короленко В. Г. 268, 273, 274, 371, 400, 413, 417—419, 430, 431, 444
 Короновский И. Р. 468
 Корсаков Д. А. 465
 Корф М. А. 33, 34, 57—63, 65—68, 70
 Косой М. А. 481
 Коссецкая Е. Р. 116, 117
 Костенко К. Е. 486
 Костомаров Н. И. 468
 Кострокова Л. В. 419
 Костылев Н. А. 236
 Костюхин Е. А. 39
 Котляревский Н. А. 94, 95, 191, 214, 227, 230, 233, 235—238, 387
 Котляревский С. А. 377
 Котрелев Н. В. 268, 274, 295
 Котульская Н. К. 473, 474
 Котульский А. В. 473, 474
 Котульский В. К. 473
 Кочетов И. С. 33, 34, 43—47, 51, 54, 55, 57, 59, 68, 71, 75
 Кочнева Т. П. 215, 220, 225
 Коялович М. М. 248, 249
 Коялович М. Р. 468
 Крайний А. см. Гиппиус З. Н.
 Крандиевская А. Р. 371
 Кранихфельд В. П. 243, 259, 329
 Краснобородько Т. И. 180
 Краснов И. 247
 Краузе Е. Ф. 481
 Крауклис И. П. 468
 Крачковский И. Ю. 355, 451, 453
 Крашенинников А. Д. 477
 Крейзман 422—424, 442
 Крепс Р. 323
 Крестовский В. В. 259
 Кривич В. 326
 Кривулин В. Б. 481
 Кристи Е. К. 483
 Кристи М. П. 238
 Критикус см. Дубнов С. М.
 Кроненберг А. И. 246, 247
 Кропачев Н. А. 83
 Кропоткин П. А. 256
 Крузенштерн И. Ф. 319, 322
 Крылов (псевд. Александров) В. А. 76
 Крылов И. А. 44, 251, 255, 468
 Ксенофонт, схимонах см. Вяземский К. А.
 Кторова А. А. 481
 Кубасов И. А. 216, 217, 219, 221, 235, 387
 Кублицкая-Пиоттух А. А. 486
 Кугель (псевд. Н. пов.) А. Р. 111, 491
 Кудрявцев 469
 Кузмин Е. М. 340
 Кузмин М. А. 351, 395, 399
 Кузнецов В. М. 416
 Кузнецов Н. 351
 Кузнецова Н. В. 43
 Кукольник Н. В. 467
 Кукушкина Т. А. 383, 385, 386, 399, 411
 Кульженко С. В. 321, 324
 Куник А. А. 464, 468
 Кунин И. Ф. 483
 Кунина М. 483
 Куприн А. И. 355, 413, 415—417, 427—429, 442, 444
 Куприна-Иорданская М. К. 444
 Курганов Е. 301
 Курганов Ф. 156
 Куриленко Р. Г. 491
 Куферштейн Е. З. 486
 Куферштейн С. М. 481
 Кушнерев И. Н. 102—105, 369
 Кшесинская М. Ф. 187
 Кюльп О. 370
 Лавров 196
 Лавров А. В. 325, 398

- Лавров В. М. 369
 Лавров П. Л. 242
 Лаврова Е. Г. 481
 Лажечников И. И. 465
 Лазарева (в замуж. Садовская) О. О. 83
 Лазаревский Б. А. 355
 Ламанский В. И. 466, 468
 Ламартин А. М. Л. 7
 Ламм П. А. 115, 117
 Лапшин И. И. 369
 Ларин К. П. 101—103
 Левашев Е. М. 116
 Левенсон А. А. 99, 104, 106
 Левин В. 367
 Левин И. О. 378, 379
 Левин Ю. И. 39
 Левина Е. В. 483
 Лейбниц Г. В. 164, 167
 Лейкинд О. Л. 199
 Лейтес Н. С. 483
 Лемс Г. К. 15, 29
 Ленин В. И. 187, 234
 Ленский (наст. фам. Абрамович) В. Я. 433, 445
 Леонар Н. Ж. 229
 Леонардо да Винчи 204
 Леонов В. В. 481
 Леонова Д. М. 113, 117, 118
 Леонтьев (псевд. Щеглов) И. Л. 76, 77, 91
 Леопольд, князь Ангальт-Кётенский 15, 29, 31
 Лермонтов М. Ю. 7, 123, 136, 146, 199, 480, 484
 Лернер Н. О. 186, 221
 Лесман А. М. 486
 Лесман М. С. 386, 486
 Ливанова Т. Н. 14
 Лидин (наст. фам. Гомберг) В. Г. 371, 390
 Лиипс Т. 370
 Литвин Е. Ю. 221, 234, 399
 Литвинова Т. Н. 6
 Литке Ф. П. 35, 70—72, 468
 Литовцев см. Поляков С.
 Лифарь С. М. 181
 Лиханов А. А. 481, 486
 Лихачев В. С. 247
 Лихачев Д. С. 481, 484—487
 Лобанов М. А. 481
 Лобанова Э. Ф. 212
 Лозинская Е. Л. см. Миллер Е. Л.
 Локс К. Г. 400
 Ломакин И. 378, 379
 Ломоносов М. В. 136
 Лонгинов М. Н. 193, 232—235
 Лонгиновы 233, 234
 Лонгиновы-Козловские 233
 Лопатин Г. А. 260, 261, 263—265
 Лопухин А. П. 160
 Лопухина С. Н. см. Вревская С. Н.
 Лоренц Ф. 467
 Лорис-Меликов М. Т. 469
 Лосев А. Ф. 301
 Лотман Л. М. 488
 Л-рг Е. см. Лундберг Е. Г.
 Луговой А. А. 77, 86, 91, 268
 Лукьянов С. М. 268, 275, 290, 291
 Луначарский А. В. 383—385, 470
 Лундберг Е. Г. 314—367
 Лундберг Е. П. 363
 Лундберг Э. Ю. 319, 322
 Лундберги 326
 Лунц Л. Н. 383—412
 Лурье В. И. 410
 Лурье С. Я. 483
 Лутохин Д. А. 487
 Лучинкин 380
 Л-цо 102
 Лыткин Г. С. 465
 Львов Н. Н. 377
 Львов-Рогачевский В. Л. 396, 397, 400
 Любимов Н. М. 472
 Лютер А. 321, 325, 334, 335
 Лютостанский И. И. 292, 293
 Лямина Е. Э. 234
 Ляпунов С. М. 74
 Ляпунова А. С. 74
 Ляпунова Е. П. см. Демидова Е. П.
 Ляцкий Е. А. 144, 491
 Магеровский Д. 367
 Магницкая Л. А. 479
 Мазуркевич В. А. 248
 Май К. И. 215
 Майзель М. 386
 Майков А. А. 465, 466
 Майков А. Н. 7, 123, 126, 136, 272, 283, 461, 463, 466
 Майков Валериан В. 462, 466, 491
 Майков Владимир В. 462, 466
 Майков Валериан Н. 123, 461, 465, 466
 Майков Владимир Н. 461, 462, 465, 466
 Майков Л. Н. 123—131, 183, 211, 213, 228, 461—468, 491, 492
 Майков Н. А. 461, 465—467
 Майкова (урожд. Трескина) А. А. 462, 465
 Майкова В. А. 466
 Майкова Е. В. 466
 Майкова (урожд. Гусятникова) Е. П. 461, 465—467
 Маймонид (Моше бен Маймон) 306, 307
 Майсснер К. Г. 19
 Макарий, архимандрит 152, 153

- Македонов А. 410
 Маклаков В. А. 377, 378
 Маковская Н. А. 472
 Маковский В. Е. 97
 Максимилиан, герцог Лейхтенбергский 50
 Максимов С. В. 104
 Малахьева-Мирович В. Г. 325—327, 329, 331, 376
 Малахов М. В. 465
 Малкин Г. 486
 Малкина Е. Р. 486
 Малова М. И. 150, 474
 Малышев Н. Р. 469
 Малышкин А. Г. 390
 Мамонтов С. И. 413
 Мандельштам О. Э. 397, 401, 405
 Мандельштам И. Б. 486
 Манохин Н. Ф. 83
 Мансуров Б. П. 468
 Мантейфель С. Б. 481
 Манухин И. И. 238
 Мария Моисеевна, неустановленное лицо 380
 Мария Николаевна, вел. кн. 50
 Мария Федоровна, императрица 124, 469
 Маркевич Б. М. 259
 Марков В. Ф. 481, 484, 485, 487
 Марков Н. Е. 288, 289
 Маркс А. Б. 7, 16, 17
 Марр Н. Я. 470
 Мартинсон Г. Г. 489
 Маргинсон Т. Г. 481, 489
 Мартовский В. А. 374, 375
 Мартынова А. Н. 448
 Марциал 132
 Маршак С. Я. 473, 474
 Масанов И. Ф. 186, 327
 Мах Э. 370
 Мацубара Х. 481
 Машнин Н. А. 483
 Маяковский В. В. 397, 401, 403
 Медведев П. Н. 385
 Медици 167
 Межуев Б. 275
 Мезенцев Н. В. 257, 258
 Мезенцова (в замуж. Шепелева) Н. С. 484
 Мейербер (наст. имя и фам. Б. Я. Либман) Д. 7
 Мейерхольд В. Э. 470
 Мейрберг Д. 118
 Мейстер Экхзарт 306
 Меликова-Толстая С. В. 451
 Мельгунов Н. А. 468
 Мельников С. Е. 466
 Мельников-Печерский П. И. 37
 Мельц М. Я. 477
 Меншиков А. С. 35
 Меньшиков М. О. 256, 257
 Мережковский Д. С. 321, 324, 325, 344, 352, 369, 371, 374
 Мережковский К. С. 320, 323
 Мериме П. 7, 388
 Меркулова М. В. 481
 Мессер А. 370
 Метченко А. И. 386
 Мечникова 380
 Мещанинов И. И. 452, 454
 Мещерский В. П. 279, 280
 Микельанджело Буонаротти 321, 325, 349, 350
 Микешин Б. М. 199—202
 Микешин М. О. 199
 Микешина (урожд. Модзалевская) Т. Л. 199, 200
 Микуцкий С. П. 465
 Микушевич В. В. 468
 Миллер В. Ф. 410, 468
 Миллер (Лозинская) Е. Л. 487
 Миллер О. Ф. 463, 465
 Миллиор Е. А. 483
 Миллиор М. Б. 483
 Милюков П. Н. 90, 187, 398
 Минаев И. М. 468
 Миндер 73, 74
 Минский Н. М. 246, 247
 Минц З. Г. 279, 280, 332, 400
 Миролюбов В. С. 315, 320, 323, 325, 337, 344
 Михаил Львович, неустановленное лицо 158, 171
 Михаил Николаевич, вел. кн. 469
 Михайлов 355
 Михайлова А. К. 148
 Михайлова А. Н. 368
 Михайлова М. В. 443
 Михайловский Н. К. 242, 263, 320, 322
 Михайловский-Данилевский А. И. 467, 468
 Михневич В. О. 101
 Мицкевич А. 6
 Мишуrow В. В. 481
 Модестов В. И. 251, 468
 Модзалевская А. Б. 211, 215, 220, 221
 Модзалевская (урожд. Константинович) А. И. 199, 201, 202
 Модзалевская (урожд. Гувениус, в 1-м браке Висковатова) В. Н. 205—209, 211, 215—221, 223, 224, 226, 227, 232, 235, 237, 238
 Модзалевская Н. Л. см. Энкель Н. Л.
 Модзалевская Т. Л. см. Микешина Т. Л.
 Модзалевский А. Н. (в монашестве Анастасий) 150

- Модзалевский Б. Л. 94—97, 150, 180—238, 387, 388
 Модзалевский В. Б. 211, 215, 220, 221
 Модзалевский Вад. Л. 181, 182, 188, 201, 204—206, 211, 215, 351
 Модзалевский Вс. Л. 182, 202
 Модзалевский Л. Б. 211, 215, 220, 221, 237, 238
 Модзалевские 181, 182, 199, 200, 201, 215, 238
 Мокульский С. С. 472
 Мольер Ж. Б. 167
 Мондри Г. 301
 Монферан А. А. 465
 Моравская М. (М. Ф.) Л. 349
 Морев А. Н. 486
 Морозов П. О. 228
 Морозова М. К. 335
 Моцарт В. А. 7, 11, 14, 181
 Мочалов П. С. 245—247
 Моше бен Маймон см. Маймонид
 Мстиславский С. Д. 344, 367, 399
 Муравьев В. Н. 377—379
 Муратова К. Д. 492
 Мурынский Л. 321
 Мусин-Пушкин М. Н. 48, 54
 Мусины-Пушкины 48
 Мусоргский М. П. 113—120, 227
 Мысляков В. А. 319
 Мюллер Л. 308
 Мюллер Ф. 485
- Н. А. С. 111
 Н. Г. 110
 Н. Э. 111
 Набоков В. В. 487
 Набокова В. Е. 487
 Нагуевский Д. И. 126, 127
 Назарова Л. Н. 481, 487
 Нансен Ф. 470
 Напойкин С. И. 100—102, 104
 Наппельбаум И. 410
 Наппельбаум М. С. 392
 Наппельбаум Ф. 410
 Наппельбаумы 392
 Нарышкин И. Д. 469
 Нарышкина В. Н. 469
 Наумов П. А. 113
 Наумова А. И. 446
 Наумова Н. Л. см. Гофман Н. Л.
 Наумова П. С. 113
 Невежин (псевд. Горский) П. М. 76—112, 250
 Невежин П. П. 86, 87
 Невежина В. М. 325
 Невежина В. П. 86
- Неврев Н. В. 246, 247
 Невский В. И. 417, 445
 Негорев Н. 110
 Недоброво Н. 371
 Некрасов К. Ф. 325, 337, 349, 350
 Некрасов Н. А. 133, 18, 190, 241, 491
 Нельдихен (наст. фам. Нельдихен-Ауслендер) С. Е. 351, 391, 392, 401, 403, 404, 409, 410, 487
 Немиров В. 385
 Немирович-Данченко Вас. И. 260, 261
 Немирович-Данченко Вла. И. 445
 Нерон, римский император 262
 Нестор, летописец 463
 Нефедов С. Д. см. Эрзя С. Д.
 Нечаев С. Г. 258
 Нечаева А. М. 105
 Никандр, архиепископ Тульский 170
 Никандров (наст. фам. Шевцов) Н. Н. 352
 Никанор, архипастырь Одесский 160
 Никанор, архиепископ 280
 Никитин см. Августин, архимандрит
 Никитин Н. Н. 487
 Никитина М. А. 368
 Никифоровская Н. А. 481, 487
 Николаев Д. П. 488
 Николай I, император 35, 36, 50, 61, 62, 66, 67, 69, 70, 216, 223, 468
 Николай II, император 178, 195, 256, 260, 275
 Николай Михайлович, вел. кн. 465
 Никольская О. Н. см. Гофман О. Н.
 Никольская Т. Л. 409, 411
 Никольский Б. В. 463
 Николокин А. Н. 157, 175
 Нитше (Нитче) Ф. 325
 Новгородцев П. И. 377
 Новиков И. А. 336, 337, 355, 375, 376
 Новицкий Г. И. 468
 Норов А. С. 33, 34, 39, 41—43, 46—49, 51, 54, 55, 67—70
 Носков Н. Д. 350
 Носов А. 291
 Нотович О. К. 77, 284
- Обатнина Е. Р. 314, 317, 318, 333, 335, 385, 399, 411
 Оболенский А. Д. 290, 291, 307, 309, 310, 312
 Образцова С. В. 484
 Обухов А. 166
 Овсянко-Куликовский Д. Н. 344
 Овсянникова Ф. В. 464
 Огарев Н. П. 187, 469
 Огиевич Е. В. 180
 Оглобинская Л. Н. см. Гофман Л. Н.

- Оголец А. С. 115
 Одоевский А. И. 187
 Одоевцева (псевд. Гейнеке И. Г.) И. В. 236, 393, 401—404, 409
 Оксенов И. 399, 412
 Оксман Ю. Г. 227, 229, 388
 Олсуфьев А. В. 123—131, 467
 Оль А. А. 445, 446
 Оль Г. А. 446
 Оль Р. Н. см. Андреева Р. Н.
 Ольденбург С. Ф. 237, 238, 377, 380—382, 387
 Ольшевец М. О. 487
 Онегин (Отго) А. Ф. 180, 186, 198, 199, 202, 228
 Оноприенко А. В. 87
 Орлов А. А. 113
 Орлов А. Г. 469
 Орлов А. С. 451, 453
 Орлова С. 225
 Осипова Е. И. 213
 Осипова М. И. 211, 213
 Осипова (урожд. Вындомская, в 1-м браке Вульф) П. А. 183, 211—216, 219, 220
 Осипова П. О. 213
 Осиповы 183, 214
 Остен-Сакен Ф. Р. 465, 468
 Островская М. В. 491
 Островский А. Н. 76, 82—86, 92, 94, 100, 104, 105, 110, 136, 175, 471, 491
 Острогорская А. Я. 486
 Острогорская Л. С. 486
 Острогорская Н. С. 486
 Острогорская Р. М. 486
 Острогорская Т. Е. 486
 Острогорский А. Я. 486
 Острогорский Я. 486
 Остроумовы 486
 Отго см. Онегин А. Ф.
 Оцуп Н. А. 393, 401, 402, 404, 409, 410
 П. 445
 Павел Александрович, вел. кн. 212
 Павел I Петрович, император 469
 Павлов М. 410
 Павлова (урожд. Яниш) К. К. 349, 350
 Павлова М. М. 145, 325
 Павлович Н. А. 410, 412
 Панаев В. И. 469
 Панафидин М. Н. см. Понофидин М. Н.
 Панов С. И. 185, 210
 Панова С. Д. 440, 442
 Пантнелев Г. Я. 14, 15
 Панченко А. М. 476
 Парфаняк П. 379
 Паскаль Б. 164, 167
 Пастернак Б. Л. 487
 Пастернак Е. Е. 234
 Паступальский И. С. 483
 Пахельбель И. 6
 Пацковская А. Н. см. Андреева А. Н.
 Пашенко М. В. 77, 89
 Певин П. И. 263
 Пекелис М. 114
 Пельхау Г. 16
 П-ер М. 102
 Пергамент М. Я. 290
 Перетц В. Н. 214, 217
 Перетц Л. Н. 238
 Перовский Л. А. 37, 57
 Песков А. М. 208, 234
 Песковская Е. И. 215
 Пестовский В. А. см. Пяст В.
 Петерсон-Рахманова Т. Л. 481
 Петр I, император 171, 466, 468
 Петров Г. С. 260
 Петров Д. К. 470
 Петрова Н. И. 445
 Петровская М. Н. 481
 Петроний 261
 Петухов Е. В. 491
 Пеггольд И. 370
 Пиксанов Н. К. 388
 Пилкин Н. А. 208
 Пильняк (наст. фам. Вогау) Б. А. 371, 390, 487
 Писарев М. И. 77, 91
 Писемский А. Ф. 241, 263
 Пискарев А. И. 466
 Платонова А. С. 481
 Плеске Ф. Д. 464
 Плеханов Г. В. 265
 Плещунов Н. С. 34, 36, 39, 46, 55, 66, 70, 74
 Плоткин Л. А. 450, 451
 По Э. 401
 Победоносцев К. П. 148, 149, 162, 163, 253, 280
 Погодин М. П. 33, 66
 Подерни А. А. см. Горская А.
 Подюков И. А. 477
 Познер В. С. 411
 Познер С. В. 304
 Покровский М. Н. 194, 195
 Полевой П. Н. 77—80, 84, 90, 465
 Полонская (псевд. Елизавета Бертрам) Е. Г. 385, 392, 393, 399, 400, 401, 406—408, 410, 412, 486
 Полонский Л. 248
 Полонский Я. П. 136
 Полторацкий С. Д. 234
 Полюянов И. Д. 487

- Поляков А. С. 214, 247
 Поляков (псевд. Литовцев) С. 398
 Полякова Г. Г. 469, 490—492
 Понофидин (Понафидин, Панафидин) М.
 Н. 215, 219—221, 225
 Понофидин Н. П. 220
 Понофидин П. И. 217, 220
 Понофидина А. И. 217
 Понофидина А. Н. 217
 Понофидина (урожд. Вревская) Е. (И.) С.
 215, 216, 220, 225
 Понофидина М. М. 225
 Понофидина (урожд. Юргенева) С. А. 220
 Понофидина Т. М. 225
 Понофидины 215, 217, 219, 220
 Попков Н. А. 368
 Попов А. Н. 468
 Попов Н. А. 465, 468
 Попов Н. И. 133
 Порудоминский В. И. 34, 45, 60, 61
 Поспелов Б. Б. 257
 Поступальский И. С. 484
 Потанин Г. Н. 465
 Потехин А. А. 76
 Поттер П. 7
 Поццо-ди-Борго К. А. 469
 Пранайтис И. Б. 292, 293, 302
 Приселков М. Д. 200, 201
 Пришвин М. М. 318, 335, 338, 339, 344,
 364—366
 Прозорова Н. А. 193, 217, 233, 481
 Прокофьев А. А. 491
 Прокофьев С. С. 227
 Пропер С. М. 360
 Пропп В. Я. 448—458, 476
 Протасова А. А. см. Воейкова А. А., мать
 Протопопов В. В. 6, 14
 Прохоров Г. В. 196
 Пругавин А. С. 468
 Пруссак В. В. 486
 П-ский Н. 93
 Пташицкий С. Л. 468
 Пушкин А. С. 7, 42, 50, 61, 123, 134, 136,
 146, 180, 181, 183—191, 193, 196—198,
 209—218, 220, 225—230, 231, 234, 235,
 238, 240, 253, 255—258, 260—264, 328,
 330, 373, 374, 390, 392, 398, 462—464,
 468, 471, 484
 Пушкины 183
 Пыпин А. Н. 202, 203, 468
 Пяст (наст. фам. Пестовский) В. А. 182,
 184, 355, 395, 396, 399, 400, 410, 487

 Р. 106
 Рабле Ф. 325
 Равич Л. М. 487

 Рагинский Т. 404, 405
 Рагинский-Карейво Т. Г. 410, 411
 Радецкий Ф. Ф. 202
 Радищев Н. см. Чуковский Н. К.
 Радлов В. В. 464
 Радлов Э. Л. 267—313, 387
 Раевская-Хьюз О. 317
 Разсохин С. Ф. 100, 101, 103, 104
 Разсохина Е. Н. 100—102
 Разумовский А. Г. 111
 Райнов 370
 Райская см. Амфитеатрова И. В.
 Раковский А. М. 466
 Раннит А. 485
 Рахманинов С. В. 201
 Ребров В. 274
 Резвая З. Г. 358
 Резникова Е. Д. 364
 Резникова Н. В. 484
 Реизов Б. Г. 471
 Рембрандт ван Рейн 7
 Ремезов М. Н. 102, 104, 111
 Ремизов А. М. 314—367, 384, 391, 400,
 411, 484, 487
 Ремизова Н. А. 362
 Ремизова-Довгелло С. П. 315, 324, 328—
 332, 334, 336—342, 345—347, 349, 350,
 352—355, 357—359, 361—366
 Ремизовы 329, 331, 332, 346, 358, 362
 Ренников А. см. Селитренников А. М.
 Репин И. Е. 150, 266, 400
 Репнин Н. 101
 Рерих Н. К. 485
 Риземан О. 15
 Риккерт Г. 370
 Римский-Корсаков Н. А. 113—115, 117,
 119, 120, 190, 227
 Риттих А. Ф. 466
 Рифтин А. П. 457
 Риччи Лоренцо 128
 Ровинский Д. А. 462, 467
 Родионов И. Ф. 356
 Родов С. 398
 Родюкова М. В. 243
 Рождественский В. А. 236, 410—412, 484
 Рожнов В. Ф. 212, 213
 Розанов В. В. 133, 149, 150, 154, 157, 175,
 271, 300, 301, 316, 400, 487
 Розанов Д. Ф. 360
 Розов А. Н. 477
 Рокова, неустановленное лицо 38
 Роллан Р. 349, 350
 Романов 170
 Романовы 243
 Рославлев А. 351
 Россиянский Л. В. см. Зак Л. В.

- Ростовцев М. И. 377
 Ростопчина Е. П. 371
 Рочко Г. 372
 Роцин Е. 321
 Рубакин Н. А. 243
 Рубинштейн А. Г. 126
 Рубинштейн Д. 398
 Рубинштейн Н. Г. 201
 Руденко П. 256
 Рукавишников И. С. 355
 Русаков В. М. 481
 Руссо Ж. Ж. 269, 326
 Рушев Н. К. 479, 480
 Рушева Н. Н. 479, 480
 Рылеев К. Ф. 187, 188, 228, 229
 Рыстенко А. В. 316, 340
 Рышков В. А. 238
 Рязанский И. А. 316
- С-в, священник 170
 Сабашников М. В. 261, 342, 343, 354, 483
 Сабашниковы С. В. 261, 343, 354
 Савелов Л. М. 220
 Савельева Н. В. 481
 Савенков И. Т. 465
 Савина М. Г. 88, 90
 Савинов Г. А. 487
 Савицкая М. П. 226, 227
 Саводник В. Ф. 221, 222, 323
 Савонарола Д. 165, 167
 Савченко В. И. 481
 Садко, прозвище неустановленного лица 238
 Садков В. К. 356
 Садовская О. О. см. Лазарева О. О.
 Садовский А. Я. 145, 146
 Садовский М. П. 82, 83, 110, 134
 Садовской (наст. фам. Садовский) Б. А. 133, 134, 135, 351, 355
 Сажин В. Н. 233
 Сазонов Г. П. 280
 Саккетти Л. А. 282
 Салаевы 110
 Салтыков-Щедрин М. Е. 85
 Самарин Д. Ф. 467
 Самарин Ю. Ф. 469
 Самоїлович Н. Я. 134
 Самюэль ибн Тиббон 307
 Сапожников А. П. 221
 Саути Р. 402, 409
 Сафо 229
 С-в, перарх 170
 Свиен см. Лундберг Е. Г.
 Свейццкий В. П. 323
 Свейццкий В. А. 369
 Светикова Е. Ю. 400
- Свешникова Г. М. 7
 Свиньин П. П. 465
 Святополк-Мирский П. Д. 320, 323
 Севастьянов И. Н. 442
 Северюхин Д. Я. 199
 Селитренников (Ренников А.) А. М. 342
 Семевский М. И. 467
 Семенов Г. С. 486
 Семенов Е. И. 230, 235, 236, 238
 Семенов М. И. 350
 Семенов С. Т. 110
 Семенов-Тянь-Шанский П. П. 468
 Семечкина Ю. 103
 Сенкевич В. Е. 483
 Сенковский О. И. 467
 Сенокосов Ю. П. 369
 Сенько П. Н. 45, 46
 Серафимович А. С. 413
 Сервантес Сааведра 471
 Сергеева В. М. 215
 Сергеевич В. И. 198—201
 Сергеев-Ценский С. Н. 400
 Сергей Александрович, вел. кн. 468
 Сергиев И. И. см. Иоанн Кронштадтский
 Сергий, епископ (И. Н. Страгородский) 168, 169
 Сердобина М. М. см. Вревская М. М.
 Серебрянова В. В. 398
 Серов 364
 Серов А. Н. 466
 Серов М. М. 360
 Сибилева (в замуж. Паутова) З. Н. 442
 Сигизмунд, король польский 468
 Сигма см. Сыромятников С. Н.
 Симановская Н. М. 86
 Симоненко Г. Ф. 468
 Симони П. К. 234
 Сигнкова М. В. 481
 Скабичевский А. М. 463
 Скалдин А. Д. 487, 488
 Скалдин Ю. Д. 488
 Скалдина А. Н. 488
 Скалдина (в замуж. Чегиринец) Е. Д. 488
 Скворцов В. М. 170
 Скворцов Д. Д. 410
 Скоропадский П. П. 205
 Скуратов Малюта 167
 Слезкин Ю. 351
 Словцов И. Я. 465
 Слоним М. 398
 Слонимский А. Л. 385, 388, 400
 Слонимский М. Л. 236, 386, 388, 409
 Слонимский С. М. 115, 386
 Случевский К. К. 248
 Смыи 101
 Смирдин А. Ф. 221

- Смирнов А. А. 471
Смирнов М. М. 481, 482
Снегирев И. М. 39, 72, 469
Сно В. А. 481, 488
Собинов Л. В. 190
Соколов 355
Соколов П. И. 486
Соколов Ю. И. 234
Соколова И. В. см. Амфитеатрова И. В.
Соколова Н. Б. 481
Соколова Т. В. 446
Соколовский А. Л. 248
Сократ 327
Солнцев (Сонцев) 487
Соловьев В. С. 267—313, 488
Соловьев Д. В. 481, 488
Соловьев Е. Т. 465, 468
Соловьев М. С. 267, 295
Соловьев Н. Я. 76, 104
Соловьев С. М. 267, 268, 291, 295
Сологуб (наст. имя и фам. Ф. К. Тетерников) Ф. 145, 315, 321, 324, 325, 334, 351, 355, 371, 385, 400, 415, 486, 491
Сологубы 336
Солоницын В. А. 462, 463, 465—467
Сомов Е. 488
Сомов К. А. 488
Сонин Н. Я. 464
Сонцев см. Солнцев
Спасович В. Д. 248
Сперанский М. Н. 234
Спиноза Б. 147, 306
Срезневский В. И. 464, 468
Сталь Е. Е. 467
Станиславский А. И. 466
Станишева М. В. см. Даль М. В.
Старков А. 386
Старовойтов А. Ф. 477
Стасов В. В. 113—115, 467
Стасова П. С. 113
Стасюлевич М. М. 294, 295
Стахович М. А. 173, 174, 177, 178
Степанов А. Н. 160, 233
Степанов В. П. 238
Степняк Ф. М. 256
Степняк-Кравчинский С. М. 133, 240—242, 255—258
Степун Ф. А. 148, 369, 487
Столица (урожд. Ершова) Л. Н. 376
Столыпин А. А. 244, 248, 249
Столыпин П. А. 244, 249
Столяров А. 410
Сторицын П. 399
Стороженко Н. И. 248
Стоюнина М. Н. 381
Страгородский И. Н. см. Сергий, епископ
- Страдивари 7
Стратановский Г. А. 457, 458
Страхов Н. Н. 269, 465
Строганов М. В. 185
Строганова Е. Н. 185
Струве (урожд. Герд) Н. А. 250, 377—380
Струве П. Б. 196, 250, 252, 253, 301, 325, 334, 368, 369—371, 374—379, 381
Суворин А. А. 248—250, 252, 301
Суворин А. С. 91, 92, 100, 102, 106, 111
Суворин М. А. 342
Суворина А. А. 91
Суворов А. В. 43
Судейкин Г. П. 110
Сумбатов-Южин (наст. фам. Сумбаташвили; псевд. Южин) Л. И. 76, 91, 92, 383, 385
Супонина М. А. 481
Сурина Н. 410
Сугеев Г. 265
Сутугина В. А. 399, 491
Суханов (наст. фам. Гиммер) Н. Н. 342
Сухомлинов М. И. 464, 465
Сухотина Т. Л. см. Толстая Т. Л.
Сыромятников (псевд. Сигма) С. Н. 248, 249
Сытин И. Д. 91, 100, 106, 258
Сюннерберг (псевд. Эрберг) К. А. 315, 316, 338, 344, 346, 351, 363, 373, 486
- Таганцева Л. С. 182, 191
Тарасов С. 350
Таратута Е. А. 484
Тарле Е. В. 486
Таринова А. П. 368, 369, 371—380
Татищев И. И. 220
Татьяна Николаевна, неустановленное лицо 449, 452
Тацит 164, 167, 261
Твен М. 471
Телешов Н. Д. 413
Теляковский В. А. 87, 91, 92
Теннисон А. 402, 409
Тенниский М. В. 481, 488
Терапиано А. 485
Тернберг А. Ф. 212
Терпигорев С. И. 468
Тим В. 380
Тимашева М. А. 377, 378
Тиме Г. А. 76
Тимин С. 236
Тимофеев А. И. 468
Тимушко М. Г. 416
Тиняков А. И. 355, 487
Титов А. И. 469
Титов В. П. 469

- Титов Н. 489
 Тихомиров В. А. 481
 Тихонов Н. С. 392, 393, 401, 406—412, 484, 487
 Тихонов П. Н. 464
 Тихонравов К. Н. 465
 Толстая С. А. 149, 170, 491
 Толстая (в замуж. Сухотина) Т. Л. 163
 Толстой А. К. 136, 146, 147
 Толстой А. Н. 371, 488
 Толстой Д. А. 468
 Толстой И. И. 202, 203, 448—458, 467, 483
 Толстой Л. Н. 136, 148—179, 227, 259, 260, 263, 268, 272, 274, 280, 321, 325—327, 329, 347, 349, 350, 390, 427, 443, 479, 480, 486, 488, 491
 Толстые 170
 Томашевский Б. В. 197, 198, 227, 229, 235
 Томашевский Ю. 400
 Томозов В. В. 205
 Торн Я. 410, 412
 Трайнин И. П. 385
 Трепов Д. Ф. 195
 Трескин А. М. 462
 Трескина А. А. см. Майкова А. А.
 Трескина О. А. 462
 Трилесов И. 365, 366
 Троицкий Д. Е. 170
 Троицкий И. Г. 290, 291
 Тройнова З. Н. см. Андреева З. Н.
 Тронский И. М. 483
 Тронский М. Л. 483
 Троцкий Л. Д. 383
 Троцкий С. В. 483
 Трубейкой Е. Н. 269, 273, 274, 297, 299—301, 377
 Трубейкой С. Н. 268, 302
 Трубицын В. В. 481
 Труговский В. 367
 Туган-Барановский М. И. 364
 Тургенев И. С. 96, 136, 227, 241, 320, 321, 446, 463, 466, 468, 488
 Турнер Ч. 212
 Тьесполо Д. Б. 7
 Тьянянов Ю. Н. 383, 400
 Тыркова А. В. 187
 Тэн И. 241
 Тэффи (псевд.; урожд. Лохвицкая, в замуж. Бучинская Н. А.) 355
 Тютчев Ф. И. 371—374, 466, 469, 488
 Тютчев Ф. Ф. 488
 Тютчева Е. Ф. 488
 Тютчева Н. Ф. 488
 Тютчевы 486
 Уварова (урожд. Щербатова) П. С. 464
 Уитмен У. 403
 Ульянов И. Н. 133
 Унковский В. Н. 354, 355
 Унтербергер П. Ф. 134
 Устимович П. М. 463
 Устинов Г. Ф. 416
 Устрялов Н. Г. 469
 Ухтомский Э. Э. 274, 275, 298, 299
 Ушаков Д. Н. 484
 Файнштейн М. Ш. 180
 Фальковский Ф. Н. 439, 447
 Фаминцын А. С. 464
 Фаррар Ф. У. 159—161
 Фатов Н. Н. 417, 440—442
 Февчук Л. П. 183, 212
 Федер Г. 8, 11
 Федин К. А. 386, 395, 399
 Федина Н. 386
 Федоров А. М. 248
 Федоров В. М. 489
 Федорова А. 410
 Федорова М. И. 113
 Федоровская Л. А. 6, 14
 Федотова Г. Н. 90, 110
 Феоктистов Е. М. 280, 468
 Ферреро Г. 260, 261, 262
 Ферсман А. Е. 238
 Фессалоницкий С. А. 216
 Фет А. А. 123—127, 129, 134—136, 146, 279, 373, 377, 405
 Фигнер В. Н. 328, 330
 Фидлер Ф. Ф. 417
 Филипп, митрополит (Ф. С. Колычев), св. 164, 167
 Филиппов 441
 Филиппов Т. И. 468
 Филиппова Ж. 206, 208
 Филиппович П. 207
 Финдейзен Н. Ф. 118
 Фирсов С. Л. 149
 Фламмарюн К. 167, 168
 Флексер А. Л. см. Вольнский А. Л.
 Флеров (Васильев С.) 101
 Флоря А. В. 481, 489
 Фома Аквинский 306
 Фомин А. А. 463
 Фомин А. Г. 255, 258, 387, 393
 Фонвизин Д. И. 469
 Фонвизин М. А. 469
 Форкель И. Н. 5
 Форлендер К. 370
 Форселлес В. Э. 464
 Форш О. Д. 236, 331, 363
 Фофанов К. М. 248, 411
 Фрагонар Ж. О. 7

- Франгопуло М. X. 472
 Франк А. С. 381
 Франк В. С. 381
 Франк Н. С. 381
 Франк С. Л. 368—382
 Франк (урожд. Барцева) Т. С. 378, 380—382
 Фрезинский Б. Я. 384—386
 Френ А. 286
 Фрид Э. Л. 113, 119
 Фридендер Г. М. 488
 Фридрих Барбаросса, германский король 137, 138
 Фукс А. 7, 11, 15, 17

 Хаеш А. И. 274, 280
 Харитон Б. О. 390
 Харитон (в замуж. Черненко) Л. Б. 388, 389
 Хартахай Ф. А. 468
 Хватов А. И. 472
 Хеллман Б. 441
 Херц О. 468
 Хитрис А. А. 481
 Хитрово Л. К. 148, 198, 413, 480
 Хобокен А. 8
 Ховин В. Р. 387, 486
 Ходасевич В. Ф. 236, 371, 390, 411
 Ходотов Н. Н. 413, 427, 443, 444
 Ходский Л. В. 250
 Холина А. П. 491
 Холодковский Н. А. 247, 248
 Холшевников П. Н. 363
 Хоразов Г. А. 483
 Хофман К. 16, 19
 Хохберг Д. 311
 Храбровицкий А. В. 472, 488
 Храповицкий А. П. см. Антоний, архиепископ Волинский
 Хрущев И. П. 465, 468
 Хубов Г. Н. 113
 Хуренито Х. 391, 392

 Царькова Т. С. 482
 Цахау Ф. В. 6
 Цветаева А. И. 484
 Цебрикова М. К. 242
 Цезарь, римский император 164, 167, 401
 Цейдлер П. М. 465
 Цельтер К. Ф. 31
 Цертелев Д. Н. 268
 Цинговатов А. 400
 Цицерон Марк Туллий 164, 167
 Цициановы 233
 Цявловская Т. Г. 185, 210, 227
 Цявловский М. А. 133, 185, 210, 227

 Чаадаев П. Я. 227, 234
 Чайковский П. И. 190, 201, 227
 Чаковский А. Б. 472
 Чанцев А. В. 149
 Чеботаревская Ал. Н. 334, 482, 486
 Чебогаревская Ан. Н. 145, 315, 322, 325, 332—334, 357, 486
 Чебышев А. А. 468
 Чегирина Е. Д. см. Скалдина Е. Д.
 Черашняя Д. И. 481
 Червинский Ф. 248
 Черейский Л. А. 50, 123
 Черемисинова Е. Н. 374—376
 Чернавина Т. 488
 Черненко Л. Б. см. Харитон Л. Б.
 Чернов В. Ю. 488
 Черносвитова Т. Н. 486
 Чернышевский Н. Г. 262
 Чернявский В. И. 465
 Чертков Л. 393, 409, 411
 Четыркин 248
 Чехов А. П. 241, 259, 347
 Чечулин Н. Д. 70, 312, 313, 466
 Чешихин (псевд. Ветринский) В. Е. 376, 489
 Чириков Е. Н. 413
 Чичерин Б. Н. 268, 273, 276
 Чичеров В. И. 34, 46
 Чубин Д. И. 465
 Чубинский П. П. 468
 Чуваков В. Н. 417, 443
 Чудаков А. П. 229
 Чудаков В. Д. 472
 Чудакова (урожд. Анисимова) В. А. 472
 Чудакова М. О. 386
 Чудовский В. А. 370, 487
 Чуковский (псевд. Радищев Н.) Н. К. 392, 404, 405, 410, 411
 Чуковский К. И. (наст. имя и фам. Н. В. Корнейчуков) 236, 328, 329, 344, 384, 394, 396—400, 474, 486
 Чулков Г. И. 371, 443, 487
 Чюмина О. Н. 246, 247

 Шабалина Т. В. 5
 Шагинян М. С. 399
 Шаде Н. 214
 Шайде В. 6
 Шалапин Ф. И. 416
 Шатобриан Ж. Б. 7
 Шаффе Э. П. 182, 205, 224, 227
 Шахматов А. А. 90, 186, 193, 468, 486
 Шахнов А. Н. 275
 Шахнович М. 33, 34, 36, 42, 44—46
 Шахов (псевд. Шахов-Сытя) Н. Н. 96, 97, 102

- Шахова Е. Н. 96, 102, 112
 Шварц Е. Л. 383
 Шварцман Л. И. см. Шестов Л. И.
 Швенке К. Ф. Г. 16
 Шевич Д. Е. 467
 Шевцов Н. Н. см. Никандров Н. Н.
 Шейн П. В. 468
 Шекспир В. 240, 244—249, 253, 357, 441, 471, 487, 489
 Шелгунов Н. В. 320, 322
 Шенк Э. 11
 Шепелева Л. С. 398
 Шепелева Н. С. см. Мезенцова Н. С.
 Шереметев Д. С. 209, 210
 Шереметев С. А. 468
 Шереметев С. Д. 210, 211, 465, 466
 Шереметевы 210
 Шерон Ж. 333, 481
 Шестов (наст. фам. Шварцман) Л. И. 314—316, 318—321, 324, 327—331, 333—337, 343, 344, 346, 354, 361, 362, 369, 370
 Шестова (урожд. Березовская) А. Е. 362
 Шидловский Ю. Е. 33, 34, 51, 54, 55, 57, 75
 Шиллер Ф. 7
 Шилов Д. Н. 312
 Шилов К. В. 481
 Шириния Р. К. 119
 Ширяева П. Г. 455, 456
 Шишков В. Я. 316, 355, 413, 489
 Шишкова К. М. 489
 Шишмарев В. Ф. 470
 Шкапская М. М. 409
 Шкловский В. Б. 390
 Шляпкин И. А. 183, 361, 468
 Шмелев И. С. 413
 Шмерельсон Г. Б. 486
 Шмидер В. 6, 15
 Шмидт Ф. Б. 464
 Шмурло Е. Ф. 466
 Шнейдер А. П. 491
 Шнейдер В. П. 491
 Шнейдер М. А. 307
 Шоненгауэр А. 321, 324
 Шостакович Д. Д. 118, 227
 Шниттга Ф. 15
 Шрейбер Ф. Л. 334, 337
 Шрейбер Я. С. 318, 334, 337
 Шрейберы 337
 Шретер (урожд. Дигрих) М. А. 467
 Шретер Г. Л. 481
 Шрик В. 383, 386, 388, 393
 Штейнберг А. З. 398
 Штейнер (урожд. Бенуа) О. Л. 489
 Штеккель В. 370
 Штенберг И. 367
 Штернгейм 384
 Штирнер М. 320, 323
 Штумпф К. 370
 Шуберт Ф. 7, 11, 14
 Шубинский С. Н. 91, 92
 Шульгин В. В. 377, 379
 Шульгин И. П. 463, 467, 468
 Шульц С. С. 236
 Шульце Х. Й. 5, 6, 18
 Шумихин С. В. 133, 135
 Шупп В. 370
 Щеглов И. Л. см. Леонтьев И. Л.
 Щеголев П. Е. 90, 186, 218, 228, 317
 Щеколдин Ф. И. 348, 355, 362
 Щенкина-Куперник Т. Л. 247, 248
 Щерба Л. В. 457
 Щербатова П. С. см. Уварова П. С.
 Щукин Н. С. 465, 466
 Эйдельман Н. Я. 487
 Эйснер А. В. 484
 Эйхенбаум Б. М. 371, 374—377, 396, 397, 400, 412
 Элиаш Н. М. 456, 457
 Эллинов Ф. см. Гец Ф. Б. 311
 Эллис см. Кобылинский Л. Л.
 Эльзон М. Д. 123, 133
 Эльснер В. Ю. 374, 375
 Энгельгардт А. Л. 234
 Энгельгардт Б. М. 396, 397, 400
 Энгельгардт Н. Л. 219, 221
 Энгельгардты 233
 Эндер Б. 482
 Эндер З. Б. 482
 Энкель (урожд. Модзалевская) Н. Л. 199, 201
 Энкель М. А. 199
 Энкель Т. М. 199
 Энкели 199
 Эрберг К. см. Сюннерберг К. А.
 Эрдман Г. 14, 15, 31
 Эрдманн И. Ф. 319, 322
 Эренбург (Ланина) И. И. 484
 Эренбург И. Г. 385, 390—392, 410, 484
 Эрих Д. 6
 Эри В. Ф. 369
 Эрьза (наст. фам. Нефедов) С. Д. 264—266
 Эскелес М. см. Винифен М.
 Ювенал Децим Юний 123—128
 Ювенский 487
 Юдин Г. В. 466
 Южин см. Сумбатов-Южин А. И.

- Юзефович М. В. 467
 Юлова А. П. 332
 Юначко 361
 Юнге Е. Ф. 491
 Юргенева С. А. см. Понофидина С. А.
 Юргенсон Э. П. 123, 145
 Юсупов Ф. Ф. 487
 Юсупова З. И. 7, 11, 16, 17
 Юсуповы 7
 Юшкевич П. 350
 Юшкевич С. С. 433, 413, 445
 Ющинский А. 293
- Языков Д. И.** 469
Языков М. А. 468
Языков Н. М. 183, 187, 212, 213
Яковлев 242
Яковлев А. А. 469
Яковлев В. В. 118
Яковлев Н. В. 193, 236
Якубович В. И. 398
Якушкин В. Е. 197, 210
Якушкин Е. И. 487
Якушкины 487
Ямпольский И. Г. 488
Ян (наст. фам. Янчевецкий) В. Г. 489
Ян Е. В. 489
Ян Гус см. Гус Иоанн
Янин В. 289
Яшкович П. 54
Янчевецкий В. Г. см. Ян В. Г.
Ясинский И. И. 77, 91, 360
- Amfiteatrov см. Амфитеатров А. В.**
Andreyev Carlisle O. 446
Andreyev L. см. Андреев Л. Н.
Anemone A. 391, 392, 410
- Bach J.S. см. Бах И. С.**
Balzac O. см. Бальзак О.
Bar-Yosef H. 270
Bauch V. 320, 322
Bell G. см. Белл Д.
Bericht K. 19, 27
Bloomington см. Блумингтон
Brockhaus см. Брокгауз Ф. А.
- Dadelsen G. см. Дадельзен Г.**
Davies R. см. Дэвис Р.
De Nava см. Де Нава Д.
Deutsch O.E. см. Дойч О. Э.
Dostoevsky см. Достоевский Ф. М.
Dürr A. см. Дюрр А.
- Erdmann см. Эрдманн И. Ф.**
Eucken (Oeuken) R. 320, 322
Feder G. см. Федер Г.
Fedorowskaja L.A. см. Федоровская Л. А.
- Fuchs A. см. Фукс А.**
Fürstenthal R.L. 307
- Gaut G.** 270
Geibel E. см. Гейбель Э.
Gelzer H. см. Гельцер Х.
Giegling F. 11
Glöckner A. 15, 27
Goethe W. см. Гете И. В.
Goetz F. см. Гец Ф. Б.
Gourianova N. см. Гурьянова Н.
Guro E. см. Гуро Е. Г.
- H. nov. см. Кугель А. Р.**
Haberman J.O. 301
Halperin J. 270
Haydn J. см. Гайдн Й. Ф.
Hobohm W. 15
Hoboken A. см. Хобокен А.
Hofmann K. см. Хофман К.
- Jaffé E.** 325
- Kern G. см. Керн Г.**
Kobayashi Y. см. Кобаяши Й.
Köchel L.R. 11
Kohut A. см. Когут А.
Kornblatt J.D. 270
- Landon H.C.R.** 8
Lietzmann A. 322
Lietzmann H. 320, 322
Ljunggren A. 482
Lundberg E. см. Лундберг Е. Г.
Lunts L. см. Лунц Л. Н.
- Martynov I.** 391, 392, 410
Marx A.V. см. Маркс А. В.
May E. 16
Miramare 352
Mozart W.A. см. Моцарт В. А.
- Pouchkin A. см. Пушкин А. С.**
Rosenshield G. 270
- Schaal R.** 11
Schacht K. 308
Schenk E. см. Шенк Э.
Schmieder W. см. Шмидер В.
Schubert F. см. Шуберт Ф.
Schulze H.J. см. Шульце Х. Й.
Séverac J.B. 298, 299
Sievers G. 11
Solus 103
Soloviev V. см. Соловьев В. С.
Solowioff W. см. Соловьев В. С.
Sombart W. 321, 325
Spitta P. см. Шпитта Ф.
Steinheim S.L. 300, 301
- Trubezkoi S. см. Трубецкой С. Н.**

W. 106
Waitz T. 307, 308
Weber M. 325
Weinel H. 320, 322
Weinmann A. 11
Whittaker W.G. 15

Wolff Chr. 6, 18, 31
Wolffheim W. 19
Woulfi' A. см. Вульф А. Н.
Zack L. см. Зак Л. В.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Т. В. Шабалина. Известный и неизвестный автограф И. С. Баха	5
Т. Г. Иванова. В. И. Даль и великий князь Константин Николаевич (к истории публикации «Пословиц русского народа»)	33
Е. М. Аксененко. Материалы о жизни и творчестве Петра Михайловича Невежина в Пушкинском Доме	76
А. Ю. Кастров. Нотные наброски М. П. Мусоргского к опере «Хованщина»	113

ПУБЛИКАЦИИ

Письма А. В. Олсуфьева к Л. Н. Майкову. (Публикация М. Д. Эльзона)	123
Борис Садовской. I. Стихотворения. II. Автобиография. (Публикация М. Д. Эльзона)	133
«Путь, указанный нам Христом, есть путь любви, а не злобы...». (Письма афонского монаха об отлучении Л. Н. Толстого от Церкви). (Публикация А. К. Михайловой и Л. К. Хитрово)	148
Письма М. Л. Гофмана к Б. Л. Модзалевскому. Часть I (1904—1921). (Публикация Т. И. Краснобородько, при участии В. Р. Гофмана)	180
Переписка А. В. Амфитеатрова и С. А. Венгерова. (Публикация Н. Ю. Грыкаловой)	239
«...Память моего незабвенного друга мне слишком дорога» (В. С. Соловьев в письмах Файвеля Геца к Эрнесту Радлову). (Публикация Д. Белкина)	267
Е. Г. Лундберг. I. Автобиография. II. Письма к А. М. Ремизову. (Публикация Е. Р. Обатиной)	314
Письма С. Л. Франка к А. П. Татаринновой. (Публикация А. А. Гапоненкова)	368
Л. Н. Лунц. I. Посмертная литература о Блоке. II. Новые поэты. (Публикация Т. А. Кукушкиной)	383
Нина Гарина. Воспоминания о Леониде Андрееве. (Публикация Л. Н. Ивановой)	413

ХРОНИКА. ИНФОРМАЦИЯ

Г. Г. Полякова. Майков Леонид Николаевич. Фонд 166	461
Е. В. Виноградова. Державин Константин Николаевич. Фонд 859 . . .	470
Т. Г. Иванова. Котульский Александр Владимирович. Фонд 853	473
Т. Г. Иванова. Зырянов Иван Васильевич. Фонд 850	475
Л. К. Хитрово. Рушева Надежда Николаевна. Фонд 796	479
Н. А. Прозорова. Обзор архивных материалов XIX—XX веков, поступивших в Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН в 1996—1998 годах	481
Т. Г. Иванова. Галина Григорьевна Полякова (1926—2002). Некролог .	490
Указатель имен	493

ЕЖЕГОДНИК РУКОПИСНОГО ОТДЕЛА
ПУШКИНСКОГО ДОМА

на 2000 год

*Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский Дом)
Российской Академии наук*

Редактор издательства *Т. Г. Иванова*
Художник *Ю. П. Албросов*
Компьютерная верстка *Л. В. Соловьевой*

Издательство «Дмитрий Буланин»
ЛР № 061824 от 11.03.98

Налоговая льгота — общероссийский классификатор
продукции ОК-005-93; 95 3001 — книги,
95 3850 — литература — литература по филологическим наукам

Подписано к печати 10.06.04. Формат 60х90^{1/16}.

Гарнитура «Таймс». Бумага офсетная.

Печать офсетная. Печ. л. 32.5. Уч.-изд. л. 37.

Тираж 700 экз. Заказ № 751.

Отпечатано в ОАО «Издательско-полиграфическое
предприятие «Искусство России»
198099, Санкт-Петербург, ул. Промышленная, 38/2.

Заказы присылать по адресу:

ДМИТРИЙ БУЛАНИН
199034, С.-Петербург, наб. Макарова, 4
Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)
Российской Академии наук
Телефон/факс: (812) 542-52-23
E-mail: dbulanin@sp.ru
<http://www.dbulanin.ru>

ISBN 5-86007-433-6

9 785860 074330